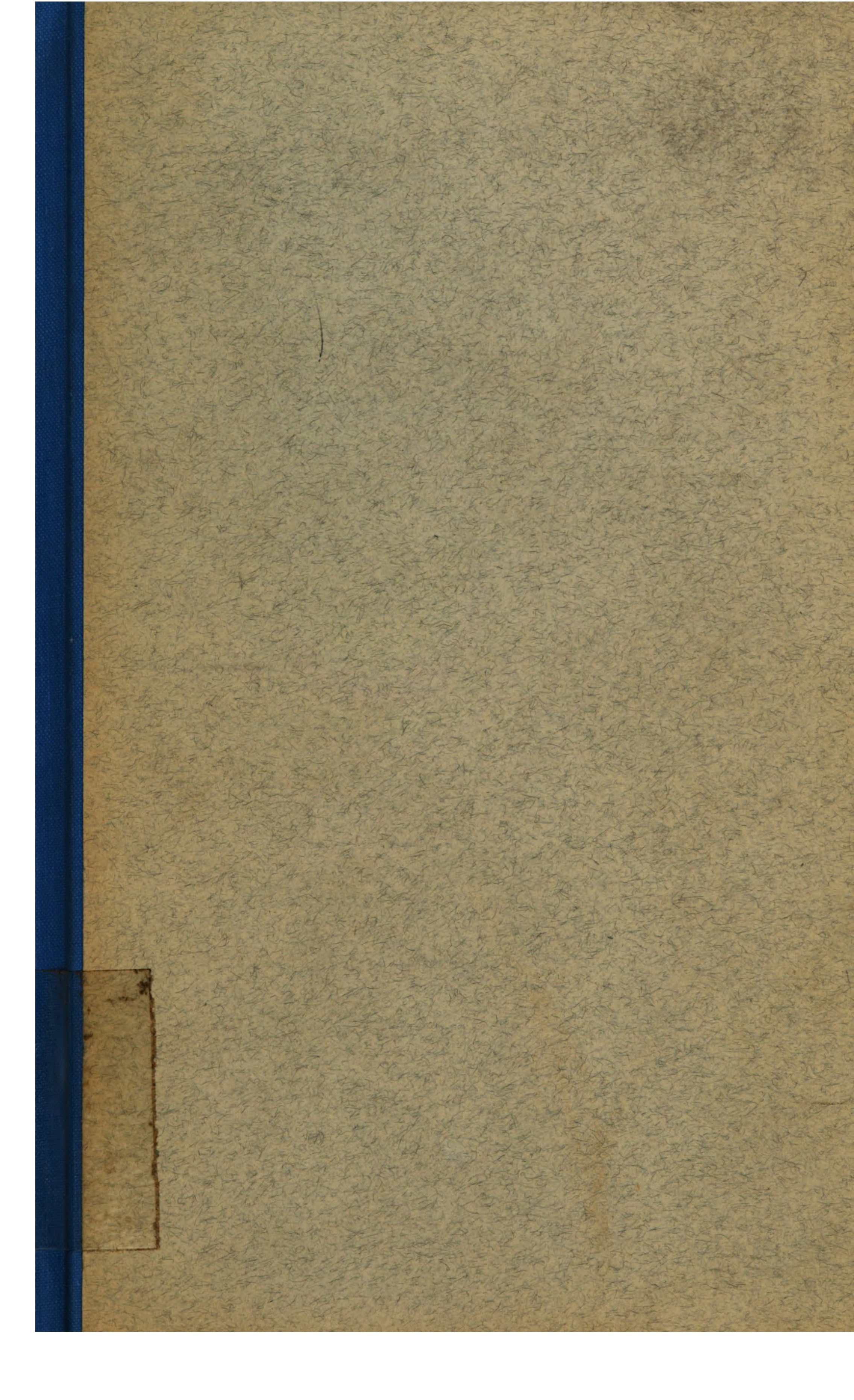
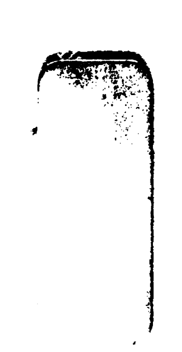




Годъ X-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ X-й. № 12-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

ДЕКАБРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28-го ноября 1901 г.

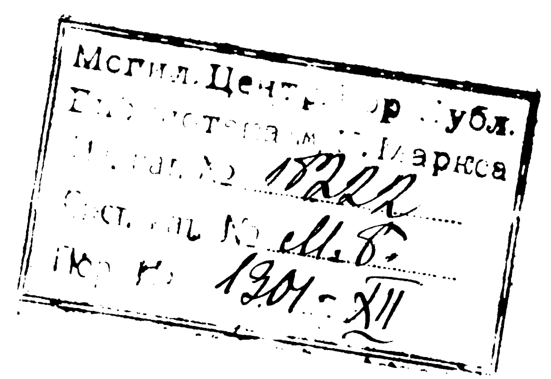
СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

стр.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



СТАРОСТЬ И СМЕРТЬ ПО УЧЕНІЮ БІОЛОГОВЪ XIX ВѢКА.

Желаніе дольше жить, желаніе бороться со старостью, сопровождающеюся физическими и психическими дефектами, является самымъ завѣтнымъ желаніемъ человѣчества. Съ глубокой древности вездѣ и всюду являлись кудесники, знахари, врачи, обладающіе секретомъ возвращать людямъ молодость. Въ классическую эпоху такой секретъ состоялъ въ дѣйствіи на старцевъ атмосферы молодыхъ организмовъ. Въ средніе вѣка алхимики работали надъ составленіемъ жизненнаго элексира и нѣкоторые изъ нихъ умѣли якобы составлять таковой. Такъ, напр., *Парацельсъ* будто бы творилъ чудеса съ помощью «вегетабильной сѣры», дававшей людямъ тысячи лѣтъ жизни. Въ болѣе близкое къ намъ время легенда о докторѣ Фаустѣ послужила темой величайшаго произведенія ума человѣческаго.

Въ прошломъ году, когда прошелъ слухъ, что нашему знаменитому естествоиспытателю *И. И. Мечникову* удалось найдти средства отодвигать приходящую старость, — объ открытіи *Мечникова* заговорила почти вся ежедневная пресса.

Старость, всѣмъ извѣстно, ведетъ къ смерти. Причины состарѣнія организмовъ мы выяснимъ въ связи съ причинами ихъ смерти. Итакъ прежде всего, что такое смерть организмовъ?

Въ нашей повседневной жизни мы легко умѣемъ отличать живое отъ мертваго, умѣемъ дѣлать это потому, что понятіе о жизни и смерти мы составляемъ на основаніи своихъ наблюденій надъ человѣкомъ, и надъ животными. Наступленіе смерти у животнаго мы принимаемъ тогда, когда животное перестаетъ дышать, когда у него останавливаются сокращенія сердца. Всевозможные случаи прекращенія жизни, говорятъ патологи-анатомы, сводятся къ одной изъ двухъ конечныхъ причинъ: къ остановкѣ сердечныхъ сокращеній или къ прекращенію дыхательныхъ движеній: *mors per syncopen* и *mors per asphyxiam*. Нужно замѣтить, однако, что указанное различіе между живымъ и мертвымъ не всегда легко констатировать. Такое опредѣленіе смерти и жизни не охватываетъ всѣхъ относящихся къ этой области фактовъ. Въ доказательство этого я приведу нѣсколько примѣровъ. Еще въ XVIII в., въ 1719 г. *Левенгукъ* сдѣлалъ весьма интересное наблюденіе, что въ пыли, которая на-

полняетъ водосточные жолобы встрѣчаются маленькія, микроскопическія животныя, которыя могутъ тамъ высыхать, а затѣмъ, смоченныя водою, вновь оживать.

Это наблюденіе затѣмъ было подтверждено очень многими изслѣдователями. Дѣйствительно если взять изъ желоба крыши пыль, смочить ее водой и потомъ черезъ нѣсколько часовъ разсматривать эту грязь подъ микроскопомъ, то можно замѣтить между частицами пыли двигающихся маленькихъ животныхъ, такъ называемыхъ коловратокъ и тартиградъ. Находясь въ водѣ они обнаруживаютъ всѣ признаки жизни: передвигаются съ одного мѣста на другое, вытягиваютъ и сокращаютъ свое тѣло, ѣдятъ и т. п. Но если начать высушивать ту воду, въ которой они находятся, то животныя по мѣрѣ испаренія воды, становятся все менѣе и менѣе подвижными и, наконецъ движенія ихъ прекращаются, тѣло сжимается, кожа образуетъ складки и животное принимаетъ форму совершенно отличную отъ первоначальной. Если смочить водой высохшіе экземпляры, то можно видѣть, что тѣло такихъ особей, прежде всего, начинаетъ разбухать, складки на кожѣ исчезаютъ, у животнаго становятся замѣтными конечности и, наконецъ, оно принимаетъ свой обычный видъ. Движенія животнаго сначала бываютъ медленны, а потомъ усиливаются болѣе и болѣе и оно становится совершенно такимъ, какимъ было до высушиванія.

Подобные же факты высыханія и затѣмъ вновь оживанія при благопріятныхъ условіяхъ можно наблюдать и на другихъ животныхъ, напр. надъ угрицами, живущими въ зернахъ пшеницы. Затѣмъ извѣстны факты замораживанія животныхъ и оживленія ихъ при оттаиваніи. Такъ, напр., *Мюллеръ Эрцбахъ* помѣщалъ обыкновенную бурую лягушку въ стаканъ съ водою, выносилъ этотъ стаканъ на холодъ, вода съ лягушкой замерзала и оставалась замерзшей 5 часовъ при — 8°C. Потомъ такой кусокъ льда былъ внесенъ въ теплую комнату, гдѣ черезъ два часа онъ растаялъ. Лягушка при этомъ не дышала и циркуляціи крови въ ней не замѣчалось. Спустя $1^1/_2$ часа послѣ этого лягушка начала дышать. Всѣ эти факты и имъ подобные несомнѣнно должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи, что такое жизнь и что такое смерть. Указанный нами критерій для опредѣленія этихъ понятій на основаніи повседневныхъ наблюденій въ данномъ случаѣ является не вполнѣ примѣнимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, считать ли высушенный или замороженный организмъ живымъ или мертвымъ. Онъ несомнѣнно не двигается, не дышетъ, у него нѣтъ циркуляціи крови, онъ имѣетъ всѣ характерные признаки мертваго организма, но въ тоже время онъ не мертвый, такъ какъ при благопріятныхъ условіяхъ онъ можетъ ожить. Съ другой стороны, извѣстны также факты, что моментъ, принимаемый нами обыкновенно за моментъ наступленія смерти въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ ему. Такъ напр. при наступленіи смерти человѣка, при наступленіи смерти животныхъ мы наблюдаемъ

прекращеніе функцій общихъ для организма (дыханія, кровообращенія обмѣна веществъ) но отдѣльные элементы такого умершаго организма могутъ сохранять жизненную способность еще долгое время. Наши дыхательные пути выстланы особыми клѣтками, несущими на своей свободной поверхности массу волосковъ, такъ называемыхъ мерцательнымъ эпителіемъ. Назначеніе этихъ волосковъ—удалять ту пыль, тѣ постороннія тѣла, которыя случайно попадаютъ туда. Такія мерцательныя клѣтки продолжаютъ свою работу еще цѣлыя сутки, послѣ того, какъ сердце перестало сокращаться, и слѣдовательно животное умерло.

Извѣстенъ далѣе такой опытъ *Броунъ Секара*. Въ отрѣзанную голову собаки черезъ сонную артерію впрыскивали свѣже дефибринированную *) кровь. Послѣ впрыскиванія замѣчалось поворачиваніе собакою глазъ въ ту сторону, гдѣ произносили кличку этой собаки. У холоднокровныхъ животныхъ, напр. у лягушки, сердце, вынутое изъ животнаго можетъ жить и сокращаться при извѣстныхъ условіяхъ довольно долгое время. Такимъ образомъ мы видимъ, что у высшихъ животныхъ моментъ наступленія настоящей смерти не есть тотъ, который мы привыкли считать таковымъ въ повседневной жизни.

Послѣ всего сказаннаго является вопросъ, какой же моментъ слѣдуетъ считать моментомъ наступленія смерти у животныхъ, что нужно разумѣть подъ смертью животныхъ? *Юлій Саксъ* на это отвѣчаетъ, мнѣ кажется, совершенно справедливо такой общей формулой: «Организмы могутъ считаться существующими до тѣхъ поръ, пока клѣтки, ихъ составляющія, содержатъ опредѣленныя химическія соединенія и опредѣленное распредѣленіе молекулъ этихъ соединеній». Измѣненіе этихъ соединеній идетъ не сразу, а постепенно. Сначала прекращаютъ свою дѣятельность однѣ ткани, а затѣмъ послѣдовательно другія. Такое постепенное измѣненіе тканей и клѣтокъ при переходѣ отъ жизни къ смерти происходитъ у теплокровныхъ животныхъ болѣе или менѣе быстро, у холоднокровныхъ сравнительно медленно. Смерть такимъ образомъ, какъ говоритъ вполнѣ вѣрно *Ферворнъ*, развивается изъ жизни.

Насколько вышеприведенное опредѣленіе подтверждается данными современной науки, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія причинъ смерти. На вопросъ, какія причины вызываютъ естественную смерть животныхъ организмовъ, естествоиспытатели отвѣчали различно. Мы разсмотримъ здѣсь главнѣйшіе отвѣты. По мнѣнію *Бючли*, существуетъ большое различіе между значеніемъ особи у многоклѣточныхъ животныхъ и у животныхъ одноклѣточныхъ, каковы, напр., корненожки, инфузоріи и друг. У высшихъ животныхъ материнская особь можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ одновременно со своимъ потомствомъ. У простѣйшихъ животныхъ размноженіе совершается при помощи дѣленія. Материнская особь, раздѣлившаяся на двѣ дочернія

*) Дефибринированная кровь, т. е. кровь, изъ которой удаленъ фибринъ.

*

особи, перестаетъ существовать, какъ таковая. Она распредѣляется между двумя дочерними особями. Указанное различіе выступаетъ всего рельефнѣе если приложить къ простѣйшимъ животнымъ понятіе о смерти, выработанное на основаніи наблюденій надъ высшими животными. У высшихъ животныхъ, при наступленіи смерти, говоритъ *Бючли*, прекращается жизненная дѣятельность въ органическомъ веществѣ, составляющемъ ихъ тѣло; умирая, высшія животныя теряютъ свою индивидуальность. Не то мы видимъ у простѣйшихъ организмовъ. Хотя простѣйшее животное—материнскій организмъ—раздѣляется на двѣ дочернихъ особи и перестаетъ существовать, какъ самостоятельная особь, но онъ все же продолжаетъ жить въ двухъ новыхъ индивидумахъ, происшедшихъ отъ его дѣленія. Отсюда, говоритъ *Бючли*, вытекаетъ тотъ выводъ, что низшіе простѣйшіе организмы мы можемъ считать за организмы потенціально-безсмертные. Если они умираютъ, то причины этому лежатъ не въ нихъ самихъ, а въ окружающихъ ихъ условіяхъ. Причину смерти высшихъ животныхъ *Бючли* объясняетъ такъ. Въ клѣткахъ тѣла высшихъ животныхъ существуетъ особое вещество, дѣйствующее на подобіе фермента и вызывающее химическія реакціи—источникъ жизненныхъ явленій. Этотъ ферментъ мало-по-малу истрачивается, хотя и медленно. Если предположить, что яйцо высшихъ животныхъ одарено опредѣленнымъ количествомъ жизненнаго фермента, уничтожающагося мало-по-малу впродолженіи жизни, то смерть является, какъ слѣдствіе прогрессивнаго исчезновенія этого фермента. Простѣйшіе организмы также обладаютъ жизненнымъ ферментомъ и въ то же время у нихъ есть способность возобновлять его, что предохраняетъ ихъ отъ естественной смерти. У высшихъ животныхъ также есть способность вновь вырабатывать жизненно-ферментныя вещества, но она локализирована и ограничена только половыми органами. Въ то время, какъ во всѣхъ клѣткахъ организма ферментъ расходуется, въ клѣткахъ половыхъ органовъ ферментныя, жизненныя вещества вновь вырабатываются и накопляются. Носителемъ такого жизненнаго фермента въ клѣткахъ какъ высшихъ организмовъ, такъ и простѣйшихъ является, по мнѣнію *Бючли*, ядра клѣтокъ, ибо какъ при оплодотвореніи многоклѣточныхъ организмовъ, такъ и при процессахъ обновленія инфузорій ядра играютъ главную роль.

Слабая сторона этой гипотезы *Бючли* состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ никѣмъ не доказано существованіе «жизненнаго фермента». Мы знаемъ отчасти, что такое ферментъ вообще. Подъ ферментами мы понимаемъ рядъ очень сложныхъ органическихъ веществъ, обладающихъ замѣчательнымъ свойствомъ вызывать рядъ химическихъ процессовъ, повидимому, не претерпѣвая при этомъ никакихъ измѣненій; ничтожныя количества фермента оказываютъ значительное дѣйствіе. Химическій составъ ферментовъ въ точности неизвѣстенъ, но, во всякомъ случаѣ, они содержатъ азотъ и являются бѣлковыми производ-

ными. Напр., солодовый ферментъ діастазъ содержитъ до 12% азота и сѣру, его можно нагрѣвать до 15°С и онъ не теряетъ своего ферментативнаго дѣйствія. Наука владѣетъ средствами доказывать присутствіе въ веществахъ ферментовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются даже научные методы для изолированія ферментовъ. То же самое слѣдовало сдѣлать и *Бючли* относительно жизненнаго фермента, для того, чтобы не могло быть обвиненія, что этимъ красивымъ терминомъ маскируется все же неизвѣстная сущность явленія. Противъ гипотезы *Бючли* сдѣлалъ въ свое время справедливое возраженіе проф. *Холодковскій*. По *Бючли*, жизненный ферментъ, какъ было выше указано, воспроизводится половыми клѣтками. Между тѣмъ, говоритъ *Холодковскій*, мы знаемъ, что нѣкоторыя животныя изъ своихъ отдѣльныхъ частей могутъ воспроизводить цѣлый новый организмъ. Такъ напр., у одного кольчатаго червя *Ctenodrillus* одинъ членикъ можетъ возстановить всѣ недостающія части животнаго. Если вырѣзать изъ средины тѣла у дождевого червя не менѣе 13 сегментовъ, то изъ нихъ образуется настоящій червь съ головой и заднимъ концомъ. У морскихъ звѣздъ изъ одного луча образуется цѣлое животное. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ новый организмъ образуется не половыми клѣтками, а на счетъ клѣтокъ тѣла (соматическихъ). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ жизненный ферментъ вырабатывается не половыми, а соматическими клѣтками.

Наконецъ, мнѣніе *Бючли*, что ядро есть носитель жизненнаго фермента, является недоказаннымъ. Ссылка Бючли на значеніе ядра въ процессѣ оплодотворенія животныхъ и въ процессѣ обновленія инфузорій неубѣдительна. Въ этихъ процессахъ, повидимому, одинаковая роль принадлежитъ и ядру, и протоплазмѣ. Въ самомъ дѣлѣ яйцо и мужской элементъ—сперматозоидъ суть клѣтки, состоящія изъ цитоплазмы и ядра. Въ каждой клѣткѣ эти два элемента такъ тѣсно соединены между собой, что съ одной стороны ядро не можетъ существовать безъ протоплазмы, съ другой стороны протоплазма—безъ ядра лишена способности ассимиляціи. При оплодотвореніи въ протоплазму яйца внѣдряется сперматозоидъ. Невозможно допустить, чтобы цитоплазмы, эти весьма сложно построенныя вещества двухъ половыхъ элементовъ, остались при такихъ условіяхъ безучастными другъ къ другу. И дѣйствительно, факты подтверждаютъ вышесказанное. Мы знаемъ съ одной стороны, что спермотозоидъ въ самый моментъ своего вхожденія въ яйцо вызываетъ въ цитоплазмѣ послѣдняго рядъ реакцій, какъ, напр., появленіе воспринимающаго холмика, образованіе оболочки на поверхности яйца и «лучистость» въ самомъ яйцѣ. Съ другой стороны, извѣстны точно факты, когда оплодотвореніе не сопровождается сліяніемъ ядеръ, а только ихъ соприкосновеніемъ. Такова, напр., цитогамія у многихъ *Protozoa* и нѣкоторыхъ *Metazoa*. Такимъ образомъ приписывать исключительную роль ядрамъ въ процессѣ опло-

дотворенія въ настоящее время нѣтъ основанія. Въ процессѣ обновленія у инфузорій участвуютъ и ядро, и плотоплазма. Сказать, что въ данномъ случаѣ ядро играетъ главную роль, едва ли можно.

Сходную Бючли гипотезу развилъ нашъ русскій физіологъ проф. *Тархановъ*. По его мнѣнію, ядерное вещество, которому принадлежитъ созидательная роль въ жизненныхъ процессахъ клѣтокъ, уменьшается по мѣрѣ размноженія клѣтокъ, результатомъ чего является ослабленіе созидающей силы клѣтокъ и ихъ способности къ размноженію. Нѣкоторые факты какъ будто подтверждаютъ высказанныя проф. *Тархановымъ* предположенія. Такъ, напр., по изслѣдованіямъ *Пюньо* (*Pugnot*) утомленіе нервной клѣтки выражается уменьшеніемъ объема самой клѣтки и ядра, а также уничтоженіемъ хроматиннаго вещества ядра. Зернышки хроматина исчезаютъ постепенно въ зависимости отъ степени и продолжительности утомленія. Затѣмъ имѣются указанія, что у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, напр., у пчелиной матки нервныя клѣтки старыхъ особей меньше, чѣмъ таковыя же у молодыхъ. Слабая сторона этой гипотезы состоитъ въ томъ, что она построена на количественномъ уменьшеніи ядернаго вещества. Между тѣмъ, на основаніи опытовъ *Бальбіани* надъ инфузоріей *Стенторъ*, мы знаемъ, что нѣтъ основаній связывать тѣ или другія жизненныя явленія клѣтки съ величиной ядра. Кромѣ того, при конъюгаціи инфузорій, послѣ чего слѣдуетъ помолодѣніе конъюгирирующихъ индивидумовъ, какъ извѣстно не происходитъ увеличенія ядернаго вещества.

Наконецъ, по наблюденіямъ *Джонсона* (*N. Jonson*), у инфузоріи *Стенторъ* состарившіеся экземпляры имѣли ядра болѣе крупныя, чѣмъ экземпляры нормальные.

Объясненіе причинъ состарѣнія организмовъ было дано также французскимъ естествоиспытателемъ *Дельбефомъ*. *Дельбефъ*, какъ и *Тархановъ* и *Бючли*, связываетъ состарѣніе животныхъ и смерть ихъ съ строеніемъ ядеръ клѣтокъ.

По мнѣнію *Дельбефа*, главная задача процессовъ, происходящихъ въ ядрѣ при его дѣленіи, заключается въ томъ, чтобы распредѣлить ядерное вещество надлежащимъ образомъ между дочерними клѣтками. Допустимъ, говоритъ *Дельбефъ*, что инфузорія состоитъ изъ двоякаго рода элементовъ a и b, коихъ количественное равновѣсіе составляетъ необходимое условіе для благосостоянія животнаго. Мало вѣроятно, чтобы это равновѣсіе не нарушилось при цѣломъ рядѣ послѣдующихъ дѣленій, такъ же мало вѣроятно, какъ изъ мѣшка, содержащаго тысячу бѣлыхъ и тысячу черныхъ шаровъ вытащить тысячу, состоящую изъ 500 бѣлыхъ и 500 черныхъ. На основаніи теоріи вѣроятностей, *Дельбефъ* полагаетъ, что въ среднемъ, при раздѣленіи цѣлой совокупности мѣшковъ, мѣшки меньшей величины будутъ содержать 513 бѣлыхъ и 487 черныхъ или наоборотъ. Разъ равновѣсіе было нарушено, то оно пойдетъ crescendo при послѣдующихъ дѣленіяхъ и

въ концѣ концовъ появятся мѣшки съ шарами одного цвѣта; разъ же появились подобные мѣшки, то число ихъ будетъ возрастать и дѣло кончится тѣмъ, что всѣ мѣшки будутъ содержать одноцвѣтные шары. Но у инфузоріи дѣло до одноцвѣтности не доходитъ, ибо уже незначительное нарушеніе равновѣсія можетъ привести къ гибели животнаго.

Проф. *Шимкевичъ* раздѣляетъ вышеизложенную идею Дельбефа. Большинство современныхъ біологовъ, говоритъ онъ, признаетъ, хоть и недоказанное, но, тѣмъ не менѣе, реальное существованіе особыхъ единицъ, стоящихъ между молекулой и клѣткой. Таковы гемулы, пангены, идіопласты, біофоры. Всѣ подобнаго рода единицы, расположенныя такъ или иначе въ самихъ клѣткахъ, опредѣляютъ жизненныя свойства послѣднихъ. Однако уже простое наблюденіе обнаруживаетъ, что процессы каріокинезиса *) вовсе не такъ совершенны, какъ можно думать и что аномальныя уклоненія не рѣдкость. Потомъ не надо забывать, говоритъ авторъ, что мы имѣемъ дѣло съ живою плазмой, легко поддающейся всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ и уклоненіямъ. Наконецъ, предположеніе, что въ каріокинезисѣ мы имѣемъ дѣло съ абсолютно совершеннымъ аппаратомъ, противорѣчило бы всѣмъ нашимъ представленіямъ о природѣ живыхъ существъ. Вообще мы покуда наблюдаемъ только грубыя отклоненія, а молекулярныя уклоненія ядра, какъ нормальныя такъ и аномальныя еще не доступны нашему наблюденію. На самомъ дѣлѣ строгое распредѣленіе молекулъ на двѣ равныя части при дѣленіи ядра имѣетъ очень мало шансовъ. Уже при первомъ дѣленіи ядра произойдетъ нарушеніе въ правильномъ распредѣленіи между дочерними ядрами молекулъ ядра. При повторномъ дѣленіи, такое нарушеніе въ распредѣленіи ядерныхъ молекулъ пойдетъ crescendo. Вообще, по мнѣнію названнаго автора, причину старѣнія организма и вырожденія клѣтокъ нужно видѣть въ несовершенствѣ процесса дробленія.

Послѣднее объясненіе причины состарѣнія организмовъ, предложенное *Дельбефомъ* и *Шимкевичемъ*, можетъ быть, и соотвѣтствуетъ истинѣ дѣла, но фактическая его провѣрка является невозможна. Прослѣдить дефекты ядернаго дѣленія, сводящагося къ молекуламъ ядра, и притомъ дефекты количественнаго характера, при современномъ состояніи нашихъ знаній, невозможно.

По ученію *Вейсмана*, также какъ и по ученію *Бючли*, всѣ животные организмы по отношенію къ смерти могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы. Простѣйшія животныя, тѣло которыхъ состоитъ изъ одной клѣтки, безсмертны; для всѣхъ остальныхъ животныхъ смерть является однимъ изъ полезныхъ біологическихъ явленій. На вопросъ, почему является такое различіе и чѣмъ оно объясняется, *Вейсманъ* отвѣчаетъ такимъ образомъ. У высшихъ организмовъ имѣется

---

*) *Каріокинезисомъ* называется сложный процессъ дѣленія ядра.

цѣлый рядъ органовъ, органы состоятъ изъ тканей, ткани изъ клѣтокъ. Съ теченіемъ времени клѣтки, составляющія признанную основу тканей, мало-по малу изнашиваются отъ долгой дѣятельности и отъ исполненія присущихъ имъ отправленій. Такъ напр. клѣтки кожи постоянно спадаютъ и замѣняются новыми (примѣръ отпаденія клѣтокъ кожи представляетъ такъ наз. перхоть). Затѣмъ мы знаемъ, что масса кровяныхъ клѣтокъ постоянно уничтожается и замѣняется новыми и т. д., и т. д. Какъ происходитъ замѣнъ старыхъ элементовъ новыми? Путемъ дѣленія клѣточныхъ элементовъ. Способность клѣтокъ, находящихся въ организмѣ, дѣлиться, размножаться, не есть способность вѣчная, а ограничена извѣстнымъ временемъ, можетъ быть извѣстнымъ числомъ. Когда замѣна стараго новымъ прекращается или совершается не въ должной степени, тогда и наступаетъ естественная смерть животнаго организма. Наступленіе естественной смерти у разныхъ животныхъ наступаетъ въ разное время. У однихъ животныхъ способность дѣленія клѣтокъ для замѣны старыхъ элементовъ значительно развита и клѣтки путемъ послѣдовательнаго дѣленія даютъ цѣлый рядъ новыхъ поколѣній. Такія животныя являются долго живущими. У другихъ животныхъ способность клѣтокъ размножаться ограничена небольшимъ числомъ послѣдовательныхъ поколѣній. Жизнь такихъ животныхъ кратковременна.

До Вейсмана вопросъ, почему различныя животныя имѣютъ неодинаковую продолжительность жизни, рѣшался различно. Напр., указывалось на нѣкоторое соотношеніе между величиной животнаго и продолжительностью жизни. Такъ, киты живутъ нѣсколько столѣтій, слоны доживали въ неволѣ до 200 лѣтъ, лошадь достигаетъ 40 лѣтъ, мыши живутъ около 6 лѣтъ, а насѣкомыя нѣсколько мѣсяцевъ, дней и даже часовъ. Но при дальнѣйшей провѣркѣ совершенно справедливо говоритъ *Львовъ*, высказанное обобщеніе не выдерживаетъ критики. Такъ нѣкоторыя рыбы, напр., щука, достигаютъ такого же возраста, какъ и слонъ. Въ 1794 г., во время очистки Царицынскихъ прудовъ подъ Москвою, была поймана громадная щука, длиною въ 3 аршина, съ золотымъ кольцомъ, продѣтымъ черезъ жаберную крышку съ надписью: «посадилъ царь Борисъ Ѳедоровичъ». Натуралистъ *Конрадъ Геснеръ* упоминаетъ о щукѣ, прожившей около 267 лѣтъ. Жаба живетъ не меньше, чѣмъ лошадь, рѣчной ракъ можетъ жить до 20 лѣтъ, т.-е. столько же, сколько и свинья, хотя не достигаетъ и $^1/_{100}$ величины послѣдней. Эти примѣры и многіе другіе ясно показываютъ, что нельзя ставить продолжительность жизни въ прямую зависимость отъ размѣровъ животнаго. Извѣстный нѣмецкій физіологъ *Лютце* указываетъ другую причину большой или меньшей продолжительности жизни, именно быстроту или медленность обмѣна веществъ и вообще жизненныхъ процессовъ животнаго. *Лютце* полагаетъ, что чѣмъ большею подвижностью отличается животное, тѣмъ скорѣе изнашивается его организмъ и тѣмъ скорѣе оно умираетъ. Наобо-

ротъ, животныя мало подвижныя, вялыя, каковы, напр., жабы, лягушки и друг. обладаютъ большею продолжительностью жизни.

Противъ такого объясненія продолжительности жизни сдѣлалъ основательныя возраженія *Вейсманъ*. Трудно представить, говоритъ онъ, организмъ какъ кучу горючаго матеріала, которая тѣмъ скорѣе горитъ, чѣмъ меньше въ ней горючаго матеріала. Факты противорѣчатъ этому. Такъ напр., птицы отличаются наибольшей подвижностью и наибольшей энергіей жизненныхъ процессовъ. Извѣстно, напр., что нормальная температура воробья была бы сильно лихорадочной для млекопитающаго животнаго. Съ другой стороны, несомнѣнно также установлено, что птицы обладаютъ значительнымъ долголѣтіемъ. Такъ, напр., нѣкоторые орлы доживаютъ до 100 лѣтъ.

Вейсманъ на вопросъ о причинахъ, почему одни животныя живутъ дольше, а другія меньше, отвѣчаетъ такъ. Съ точки зрѣнія развитія животной жизни на землѣ, смерть является полезнымъ актомъ для животныхъ; животному царству выгодно отсутствіе непрерывности жизни у организмовъ. Допустимъ, говоритъ *Вейсманъ*, что какой-либо видъ животныхъ могъ бы жить, если,не безконечно, то чрезвычайно долго. Такая долгая жизнь не была бы полезна ни самой долго живущей особи, ни его потомству. Животное всегда подвержено случайностямъ и чѣмъ дальше оно живетъ, тѣмъ такихъ случайностей больше. Тѣло животнаго изнашивается въ наружныхъ своихъ частяхъ отъ постояннаго соприкосновенія съ внѣшними условіями. Такъ какъ организмъ животнаго, при своей долгой жизни, не можетъ возстановлять все утраченное, то, въ концѣ концовъ, по словамъ *Вейсмана*, животныя, которыя долго живутъ, представляли бы группу калѣкъ, не способныхъ противустоять при борьбѣ за существованіе и въ то же время мѣшающихъ распространенію здоровыхъ и лучшихъ особей. Для общаго хода развитія животной жизни на землѣ гораздо выгоднѣе, цѣлесообразнѣе существованіе здоровыхъ и сильныхъ организмовъ, хотя бы относительно и не долго живущихъ, чѣмъ существованіе меньшаго числа долго живущихъ организмовъ.

Далѣе, если смерть является полезнымъ актомъ для жизни животныхъ, то спрашивается чѣмъ объясняется неодинаковая продолжительность жизни различныхъ животныхъ? На этотъ вопросъ *Вейсманъ* отвѣчаетъ такъ. Продолжительность жизни тѣхъ или другихъ животныхъ подчинена требованію обезпечить и сохранить свой родъ. Животное живетъ тѣмъ долѣе, чѣмъ менѣе оно плодовито, чѣмъ болѣе потомство подвергается случайной смерти, чѣмъ болѣе требуется времени на развитіе организма и наконецъ чѣмъ болѣе родительскихъ заботъ требуетъ для своего сохраненія потомство. Факты, говоритъ *Вейсманъ* подтверждаютъ сказанное. Возьмемъ напр., птицъ. Птицы отличаются, какъ извѣстно, долголѣтіемъ. Въ Вѣнѣ въ Шенбрунненѣ жилъ грифъ съ 1706 г. по 1824 г.—слѣдовательно 118 лѣтъ. *Кнауфъ*

упоминаетъ про одного сокола, жившаго 162 года. Вороны и попугаи проживали въ неволѣ до ста лѣтъ, куры живутъ до 20 лѣтъ, фазаны до 15, голуби до 10 лѣтъ и т. п. Долговѣчность птицъ съ указанной точки зрѣнія объясняется слѣдующими данными. Во-первыхъ организмъ птицъ, приспособленный для полета, не можетъ вырабатывать большого количества яицъ, такъ какъ такой грузъ увеличивалъ бы вѣсъ тѣла и такимъ образомъ затруднялъ бы полетъ. Дѣйствительно, мы видимъ, говоритъ *Вейсманъ*, что хорошіе летуны несутъ по одному или по два яйца, напр., гагары, буревѣстники, хищныя птицы; наоборотъ, плохіе летуны:—куры, фазаны несутъ много яицъ—до 20. Затѣмъ яйца и дѣтеныши птицъ подвергаются уничтоженію различными врагами: куницами, хорьками, многими хищными птицами и т. д. Наконецъ при перелетѣ птицъ гибнетъ масса молодыхъ экземпляровъ. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, намъ станетъ понятнымъ, что долговѣчность птицъ является необходимымъ условіемъ для сохраненія ихъ рода.

Млекопитающія, какъ извѣстно, живутъ не такъ долго какъ птицы. Такъ лошадь только въ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ 50—60 лѣтъ, рогатый скотъ живетъ 20—30 лѣтъ, кошка—15 лѣтъ, зайцы—10 лѣтъ, мыши 6 и т. п. Такое различіе въ долголѣтіи млекопитающихъ и птицъ *Вейсманъ* объясняетъ слѣдующими фактами.

Во-первыхъ дѣтеныши млекопитающихъ развиваются внутри матери, слѣдовательно они начинаютъ подвергаться опасностямъ только послѣ рожденія, у птицъ же яйца съ невылупившимся изъ нихъ зародышемъ уничтожаются въ большомъ количествѣ. Во-вторыхъ млекопитающія по своей силѣ гораздо успѣшнѣе могутъ охранять своихъ дѣтей сравнительно съ птицами и проявляютъ эту материнскую заботу болѣе продолжительное время, чѣмъ послѣднія. Кромѣ того, можно видѣть нѣкоторое соотношеніе между плодовитостью тѣхъ или другихъ млекопитающихъ и продолжительностью жизни ихъ. Такъ, напримѣръ, мыши, кролики живутъ 5—6 лѣтъ, и отличаются большой плодовитостью. Наоборотъ, слонъ, который становится взрослымъ только въ 30 лѣтъ и у котораго дѣтеныши развиваются въ утробѣ матери въ теченіе 2-хъ лѣтъ, живетъ болѣе 200 лѣтъ.

Жизнь насѣкомыхъ, по мнѣнію *Вейсмана*, служитъ также однимъ изъ лучшихъ доказательствъ высказаннаго имъ предположенія. Насѣкомыя, какъ извѣстно, живутъ очень не долго. Такъ поденки существуютъ во взросломъ состояніи только нѣсколько часовъ. Такая незначительная продолжительность жизни объясняется весьма многими условіями жизни насѣкомыхъ. Дѣло въ томъ, что какъ совершенно справедливо говоритъ *Львовъ*, насѣкомыя принадлежатъ къ числу наиболѣе преслѣдуемыхъ животныхъ, которыя весьма часто дѣлаются добычею птицъ, насѣкомоядныхъ млекопитающихъ и т. п. При такихъ условіяхъ, подвергаясь постоянно опасности преждевременной, насиль-

ственной смерти, насѣкомыя не могли бы воспользоваться продолжительной жизнью, будь она имъ даже присуща. Насѣкомыя имѣютъ тѣмъ болѣе шансовъ на поддержаніе вида, чѣмъ скорѣе они могутъ произвести потомство. Колоссальная плодовитость насѣкомыхъ и короткое время, потребное у большинства ихъ для развитія, — все это вполнѣ обезпечиваетъ существованіе вида и не требуетъ продолжительности жизни материнскихъ формъ. Интересно отмѣтить при этомъ, что среди одного и того же вида продолжительность жизни тѣхъ или другихъ особей стоитъ въ связи со степенью участія ихъ въ произведеніи потомства. Такъ, напр., среди пчелъ трутни послѣ оплодотворенія матки никакой роли по отношенію къ будущему потомству играть не могутъ и они скоро умираютъ. Матка, изъ яицъ которой развиваются всѣ члены семьи пчелъ, живетъ, наоборотъ, 4—5 лѣтъ.

Иначе обстоитъ дѣло, по ученію *Вейсмана*, у простѣйшихъ животныхъ—*Protozoa*. У *Protozoa* нѣтъ внутреннихъ причинъ, вызывающихъ необходимость смерти, и это потому, что они слишкомъ просты по своей организаціи. Если амеба потерпитъ какой-нибудь ущербъ, то она быстро его возстановитъ, такъ какъ всякая часть ея сходна съ другою и можетъ быть безъ вреда отдѣлена отъ цѣлаго. Высшія животныя состоятъ изъ клѣтокъ, аналогичныхъ по своимъ свойствамъ одноклѣточнымъ простѣйшимъ организмамъ, но они потеряли способность безпрерывнаго размноженія вслѣдствіе соотношенія ихъ другъ съ другомъ въ организмѣ.

Таковы взгляды *Вейсмана* относительно смерти животныхъ. Въ общемъ его гипотезы объясняютъ много фактовъ изъ біологіи животныхъ. Тѣ возраженія, которыя были предъявлены *Вейсману* сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что въ дѣйствительности нѣтъ различія между высшими и низшими животными по отношенію къ смерти. По опытамъ французскаго зоолога *Мопа* оказалось, что между простѣйшими животными—инфузоріи вовсе не обладаютъ безконечною способностью размноженія: послѣ извѣстнаго числа послѣдовательныхъ дѣленій начинается процессъ, который *Мопа* назвалъ старческимъ вырожденіемъ. Насколько это возраженіе *Мопа* справедливо, я скажу ниже, описывая свои опыты надъ инфузоріями. Мнѣ кажется, что главный упрекъ, который можно сдѣлать *Вейсману*, состоитъ въ томъ, что по его мнѣнію продолжительность жизни и наступленіе смерти всецѣло зависитъ отъ біологическихъ причинъ, между тѣмъ въ данномъ случаѣ несомнѣнно большую роль играютъ и чисто физіологическія условія жизни. Конституція организма, его строеніе, его отправленіе имѣютъ большое значеніе во всѣхъ проявленіяхъ жизни и нѣтъ основанія эти данныя игнорировать при объясненіи причинъ старости и смерти. Вѣроятно моментъ наступленія старости и смерти животныхъ зависитъ не только отъ обезпеченія ихъ рода, но также и отъ строенія самихъ животныхъ.

Болѣе детальное объясненіе смерти животныхъ было дано *Пфлюгеромъ*. По мнѣнію *Пфлюгера* причину смерти животныхъ нужно искать въ томъ, что ціановыя соединенія живой протоплазмы переходятъ въ амидныя. Такое предположеніе, по мнѣнію *Пфлюгера*, объясняетъ многіе физіологическіе факты. Съ введеніемъ ціана въ молекулу бѣлка получается радикалъ, одаренный значительной силой, ибо 1 гр. углерода въ ціанѣ развиваетъ на 43% больше теплоты горѣнія, чѣмъ то же количество свободнаго углерода. При умираніи животнаго наступаетъ образованіе амида и молекулярное движеніе уменьшается. Такимъ образомъ можно объяснить нагрѣваніе мускула при окоченѣніи. Предположеніе *Пфлюгера* было поддержано *Траубэ*, указавшимъ на образованіе въ растеніяхъ ціана изъ азотистыхъ соединеній, получаемыхъ растеніемъ въ пищу. Несмотря на данныя *Траубэ* гипотеза *Пфлюгера* едва ли можетъ считаться научно обоснованной. Дѣло въ томъ, что мы такъ мало знаемъ составныя части плазмы, что не можемъ составить себѣ понятія о ходѣ измѣненій въ ихъ живомъ и мертвомъ веществѣ. Лучшее доказательство сказанному представляетъ воззрѣніе *Лёва* и *Бокорни*, которые въ противоположность *Пфлюгеру* приписываютъ жизненныя явленія плазмы, «альдегиднымъ свойствамъ живой протоплазмы». Затѣмъ и самое признаніе бѣлка за исключительный источникъ жизненныхъ явленій въ настоящее время не доказано. Мы пока не имѣемъ никакого научнаго основанія считать несущественными остальныя входящія въ составъ плазмы вещества.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ гипотезъ о причинахъ наступленія старости и смерти, высказанныхъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ, по мнѣнію *Сабатье*, особенность живого вещества состоитъ въ томъ, что она обладаетъ особою «аморсной» способностью созидать изъ окружающихъ его веществъ все новыя и новыя количества живого вещества. Разъ живое вещество утратило эту способность, оно умираетъ. Утрата этой способности происходитъ оттого, что клѣтки, изъ которыхъ состоятъ животные организмы, подвергаются спеціализаціи и дифференцировкѣ, которыя ведутъ къ уменьшенію аморсной способности. Поэтому сложно устроенное и высоко дифференцированное тѣло высшихъ животныхъ предназначено къ гибели. Очень близко къ гипотезѣ *Сабатье* стоитъ недавно высказанная (1899 г.) гипотеза д-ра *Барта*. *Бартъ* утверждаетъ, что главною причиной смерти, какъ патологической, такъ и естественной, является отравленіе клѣтокъ питающей средой, вслѣдствіе чего прекращается основной актъ жизни питаніе и ассимиляція. Такимъ образомъ смерть, по словамъ *Барта*, наступаетъ вслѣдствіе прекращенія клѣточнаго питанія. Послѣднее происходитъ или оттого, что протоплазма клѣтки становится неспособной къ ассимиляціи и дезассимиляціи, или потому, что среда, въ которой находятся данныя клѣтки подвергается видоизмѣненіямъ, дѣлающимъ невозможнымъ обмѣнъ веществъ. Далѣе къ

гипотезамъ *Сабатье* и *Барта* примыкаютъ воззрѣнія *Мино*. *Мино* полагаетъ, что причина состарѣнія организма лежитъ въ постепенно ослабляющейся съ возрастомъ способности клѣтокъ къ размноженію. Способность эта ослабѣваетъ, начиная съ самаго перваго размноженія организма, затѣмъ съ дальнѣйшими дѣленіями становится все меньше и меньше и, наконецъ, простѣйшіе организмы или клѣтки окончательно перестаютъ дѣлиться. Съ воззрѣніемъ *Мино* вполнѣ согласуется взглядъ *Делажа*. *Делажъ* видитъ причину старости въ клѣточной дифференціаціи, уменьшающей, по его мнѣнію, способность элементовъ дѣлиться. Въ то же время онъ допускаетъ, что каждый элементъ, занимая опредѣленное мѣсто, мѣшаетъ развитію своихъ сосѣдей.

Александръ Гёте высказалъ свою гипотезу въ еще болѣе общихъ чертахъ, чѣмъ *Сабатье* и *Мино*. По его мнѣнію, смерть животныхъ есть необходимость, связанная съ жизнью при самомъ началѣ. Поэтому смертными являются одинаково животныя простѣйшія и многоклѣточныя. У простѣйшихъ животныхъ смерть наступаетъ тогда, когда животное одѣвается цистою. Въ цистѣ, въ стадіи покоя происходитъ возрожденіе и обновленіе животнаго и изъ цисты выходитъ уже новый индивидумъ, возрожденный изъ стараго.

Всѣ эти гипотезы мало объясняютъ сущность процесса состарѣнія и смерти организмовъ и являются перефразами одна другой.

Кромѣ того, они часто не согласуются съ фактами. Такъ, проф. *Шимкевичъ* совершенно справедливо указываетъ слѣдующій фактъ, противорѣчащій гипотезѣ *Сабатье*: мы знаемъ животныхъ съ вполнѣ дифференцированными тканями, напр., кольчатыхъ червей, которые тѣмъ не менѣе размножаются дѣленіемъ и почкованіемъ. При дѣленіи и почкованіи дифференцированныя ткани не утрачиваютъ своей аморсной способности, а получаютъ свойства зародышевой ткани и даютъ начало новому организму.

Противъ взглядовъ *Делажа* высказалъ свои критическія замѣчанія *Ле-Дантекъ*. Наблюдайте, говоритъ онъ, взрослаго человѣка, у котораго, по мнѣнію *Ру* (Roux) и *Делажа*, нѣтъ болѣе мѣста для развитія элементовъ и у котораго дифференцированные элементы менѣе способны дѣлиться. Заставьте работать этого человѣка въ кузницѣ, черезъ нѣкоторое время его ручные мускулы очень сильно разовьются,—это доказываетъ, что есть еще мѣсто для новыхъ элементовъ и что эти элементы способны къ дѣленію.

Противъ гипотезы *Гете* совершенно справедливое замѣчаніе сдѣлалъ *Вейсманъ*, именно о томъ, что цистированіе не всегда ведетъ за собою возрожденіе и обновленіе организма. У многихъ простѣйшихъ цисты образуются для огражденія особи отъ вредныхъ и проходящихъ условій среды.

Относительно гипотезы *Мино Мопа* говоритъ, что указанное

Мино ослабленіе въ процессѣ разноженія клѣтокъ организмовъ онъ не наблюдалъ по отношенію къ инфузоріямъ; у инфузорій иногда (*Stylonichia pustulata*) особи въ послѣднихъ стадіяхъ вырожденія, уже лишенныя возможности принимать пищу, продолжаютъ также энергично дѣлиться, какъ и раньше, и даютъ начало уродливому поколѣнію. По мнѣнію *Мопа*, причина старѣнія организмовъ и клѣтокъ заключается скорѣе въ общемъ ослабленіи ихъ свойствъ и функцій, каковое ослабленіе начинаетъ проявляться вовсе не съ самаго начала жизни, а въ извѣстной ея стадіи. Мопа, воспитывая инфузоріи подъ покровнымъ стеклышкомъ въ пяти капляхъ дождевой воды, замѣтилъ, что инфузоріи, живущія въ такомъ бассейнѣ, могутъ размножиться только до извѣстныхъ предѣловъ. Дальше наступаетъ ихъ старость, которая выражается въ уменьшеніи величины инфузоріи, въ потерѣ нѣкоторыхъ частей мерцательнаго аппарата, которымъ покрыто ея тѣло, въ атрофіи ядернаго аппарата и, наконецъ, въ появленіи особей, неспособныхъ ни питаться, ни размножаться. Наступленіе старости варіируетъ, смотря по виду инфузоріи. Такъ, напр., у *Leucophrys patula* число нормальныхъ поколѣній доходитъ до 450, а у *Stylonichia pustulata* до 170—180. У состарившихся особей можетъ вновь проявиться молодость, если двѣ особи, не родственныя между собой, конъюгируютъ и у нихъ произойдетъ обмѣнъ плазмы и ядеръ.

Наконецъ, проф. *Холодковскій* держится слѣдующаго воззрѣнія о смерти организмовъ. Каждая клѣтка организма потенціально безсмертна, но если изъ суммы клѣтокъ образуется организмъ, то между ними начинается борьба за существованіе и какъ результатъ этой борьбы распаденіе сложнаго организма и его смерть. Вопросъ о борьбѣ частей въ организмѣ наиболѣе подробно разобранъ Ру (*Roux*). Вотъ что онъ пишетъ по этому предмету. «Такъ какъ жизнь особи,—говоритъ *Ру*,—есть результатъ жизненныхъ проявленій входящихъ въ составъ ея элементовъ, и такъ какъ въ сущности только эти послѣдніе суть носители жизни, то необходимо для поддержанія существованія организма: во-1-хъ, чтобы части сами въ себѣ заключали способность къ самосохраненію, а во-2-хъ, чтобы онѣ дѣйствовали во-взаимной гармоніи и могли существовать другъ около друга, если только онѣ должны составлять одно цѣлое по отношенію внѣшнихъ условій, окружающихъ животное, какъ цѣльный организмъ. Это есть условіе существованія животнаго, какъ одушевленнаго тѣла, но оно не исключаетъ возможности сильнаго взаимодѣйствія элементовъ другъ на друга, достигающаго, гдѣ только представится къ тому возможность, степени борьбы, иногда даже болѣе энергической, чѣмъ борьба животныхъ, обитающихъ въ одной и той же территоріи, такъ какъ элементы стоятъ въ гораздо тѣснѣйшей другъ съ другомъ связи по пространству и обмѣну веществъ, чѣмъ особи животныхъ. Взаимодѣйствіе и борьба становятся тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ больше и сложнѣе организмъ, къ

коему принадлежатъ взаимодѣйствующіе морфологическіе элементы, и чѣмъ менѣе равенства въ силѣ и крѣпости замѣчается между этими послѣдними. Въ природѣ никогда не бываетъ полнаго тожества: всегда сосѣднія клѣтки одной и той же ткани представляютъ нѣкоторое различіе, напр., въ быстротѣ усвоенія питательныхъ веществъ. Болѣе одаренныя въ этомъ отношеніи клѣтки перегонятъ въ ростѣ и въ размноженіи остальныя. Чѣмъ больше увеличится въ данномъ пространствѣ органа число способныхъ къ сильному питанію клѣтокъ, тѣмъ тѣснѣе они начнутъ прилегать другъ къ другу и тѣмъ больше будутъ вытѣснять и не давать развиваться слабѣйшимъ. Всякое питаніе соединено, далѣе, съ выдѣленіемъ переработанныхъ и негодныхъ веществъ. Тѣ клѣтки, которыя могутъ быстрѣе выдѣлять изъ своего содержимаго отжившія и всегда вредно дѣйствующія при своемъ скопленіи частицы, очевидно, будутъ способнѣе къ большей жизнедѣятельности, чѣмъ клѣтки, дольше задерживающія въ себѣ отжившія части. Эта причина—въ борьбѣ за существованія элементовъ перетянетъ также побѣду на сторону болѣе одаренныхъ и сильнѣйшихъ клѣтокъ. Вслѣдствіе подобныхъ условій, произойдетъ, наконецъ, то, что въ организмѣ, вслѣдстіе естестественнаго отбора, останутся только клѣтки, могущія при данныхъ условіяхъ оказаться болѣе сильными въ борьбѣ и способныя увеличить энергію и жизнеспособность того организма, частями коего онѣ являются».

Приведенное мнѣніе *Ру* о борьбѣ за существованіе отдѣльныхъ частей организма трудно согласовать съ вышеизложеннымъ воззрѣніемъ *проф. Холодковскаго* на причину смерти животныхъ. По *Ру*, борьба частей въ организмѣ ведетъ не къ смерти послѣдняго, какъ говоритъ *Холодковскій*, а къ увеличенію его энергіи и жизнедѣятельности. Кромѣ того, вопросъ о борьбѣ отдѣльныхъ клѣтокъ организма, объ условіяхъ этой борьбы является пока мало разработаннымъ, а потому и гипотезы, построенныя на этомъ положеніи, являются только гипотезами.

Наконецъ, послѣдняя гипотеза относительно старости организмовъ была высказана знаменитымъ русскимъ естествоиспытателемъ *Мечниковымъ*. По его мнѣнію, ближайшей причиной смерти организмовъ служатъ два явленія: разростаніе соединительной ткани, входящей въ составъ всѣхъ органовъ, въ ущербъ другимъ тканямъ, играющихъ болѣе важную и дѣятельную роль въ организмѣ и, во-2-хъ, атрофія органовъ и поѣданіе ихъ такъ называемыми фагоцитами. Примѣровъ разростанія соединительной ткани въ ущербъ болѣе дѣятельнымъ элементамъ очень много. Такъ, напр., съ возрастомъ животнаго разростается соединительная ткань въ печени и почкахъ въ ущербъ дѣятельнымъ клѣткамъ этихъ органовъ. Также имѣетъ мѣсто при склерозѣ сосудовъ, при атрофіи яичниковъ и т. п. Подъ фагоцитами *Мечниковъ* разумѣетъ бѣлыя тѣльца крови. Кровь, какъ извѣстно, состоитъ изъ плазмы—

жидкости, которая у позвоночныхъ животныхъ является большею частью слабо желтоватаго цвѣта, а у безпозвоночныхъ—иногда окрашенной (часто въ желтый, зеленый или красный цвѣтъ), и кровяныхъ тѣлецъ. Кровяныя тѣльца у позвоночныхъ бываютъ двоякаго рода: красныя, имѣющія опредѣленную различную форму у разныхъ классовъ животныхъ и бѣлыя — лейкоциты. Между лейкоцитами *Мечниковъ* отличаетъ слѣдующія формы: во-первыхъ, маленькіе лейкоциты съ большимъ круглымъ ядромъ и очень небольшимъ количествомъ протоплазмы, окружающей его тонкимъ слоемъ. Эти лейкоциты онъ называетъ лимфацитами. Лимфациты представляютъ всевозможныя переходныя формы къ крупнымъ одноядернымъ лейкоцитамъ, богатымъ клѣточнымъ сокомъ. Между послѣдними лейкоцитами встрѣчаются однѣ формы съ круглымъ, другія съ овальнымъ почковиднымъ ядромъ. Эти лейкоциты Мечниковъ называетъ одноядерными лейкоцитами (макрофагами). Третью группу составляютъ лейкоциты, снабженные лопастнымъ ядромъ разнообразной формы, протоплазма ихъ заключаетъ крупныя ядра. Четвертая группа лейкоцитовъ, говоритъ *Мечниковъ*, представляется наиболѣе важной, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Представителями ея служатъ клѣтки съ лопастнымъ ядромъ, составленнымъ иногда изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Послѣдніе соединены между собой такими тонкими ядерными нитями, что представляются какъ бы отдѣленными другъ отъ друга, иногда же они и дѣйствительно бываютъ раздѣлены. Лейкоцитовъ съ такимъ строеніемъ *Мечниковъ* называетъ многоядерными лейкоцитами и микрофагами. Всѣ четыре вида лейкоцитовъ отличаются одинъ отъ другого не только строеніемъ, но и своимъ химическимъ составомъ. За послѣднее говоритъ различное отношеніе лейкоцитовъ къ красящимъ веществамъ.

Лейкоциты обладаютъ способностью двигаться, выдвигать плазматическіе отростки и ползать, подобно амебамъ. Затѣмъ одноядерные лейкоциты (макрофоги) и многоядерные микрофаги обладаютъ способностью поглощать постороннія тѣла, попавшія въ организмъ. Они поглощаютъ не только инертныя тѣла, напр., карминъ, но и живые организмы, каковы, напр., бактеріи. *Мечниковъ* производилъ такого рода опыты. «Я бралъ,—говоритъ онъ,—плавникъ головастика лягушекъ и производилъ на немъ поврежденіе инструментомъ, опущеннымъ предварительно въ карминовый порошокъ. Послѣдній очень легко поглощается мигрировавшими лейкоцитами и они сами окрашиваются въ красный цвѣтъ». Кромѣ инертныхъ мертвыхъ тѣлъ, лейкоциты, какъ выше сказано, поглощаютъ и живыхъ бактерій. Они приближаются къ бактеріямъ и, обволакивая ихъ, втягиваютъ внутрь себя. Живое состояніе поглощенныхъ бактерій легко можетъ быть доказано. Такъ, бактеріи сибирской язвы, поглощенныя лейкоцитами голубя (животнаго, мало чувствительнаго къ сибирской язвѣ), очень хорошо растутъ въ

бульонѣ. Захваченныя внутрь лейкоцитовъ тѣла, будутъ-ли они живыя или мертвыя—безразлично, подвергаются затѣмъ внутри послѣднихъ перевариванію.

Та и другая группа лейкоцитовъ и микрофоги и макрофоги, имѣя много общихъ чертъ, существенно различаются между собой по своимъ функціямъ. Такъ, напр., микрофаги, говоритъ *Мечниковъ*, играютъ главную роль при борьбѣ съ заразными болѣзнями, они поглощаютъ попавшихъ въ организмъ болѣзнетворныхъ микробовъ. Задачей макрофаговъ является поглощеніе такихъ частицъ организма, которыя ослабѣли, стали недѣятельными и разрушаются. Напр., макрофаги играютъ роль въ исчезаніи, дегенераціи хвоста головастика во время превращенія послѣдняго въ лягушку. Макрофогамъ принадлежитъ большая роль при развитіи нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Такъ, напр., у мухъ, при образованіи изъ личинки въ куколку, весьма многіе личиночные органы распадаются и продукты этого распада поглощаются макрофогами. Въ рѣдкихъ случаяхъ макрофаги играютъ важную роль въ защитѣ организма противъ микробовъ. Интересно отмѣтить, что при атрофіи тканей могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ играть роль фагоциты иного происхожденія. Такъ, напр., у низшихъ позвоночныхъ при атрофіи яичекъ въ яичникахъ, роль фагоцитовъ берутъ на себя клѣтки фолликулярнаго эпителія, окружающаго яйца. Лейкоциты—макрофоги, по гипотезѣ *Мечникова*, являются одними изъ самыхъ важныхъ факторовъ при борьбѣ со старостью. Какъ при дегенераціи хвоста головастика они поѣдаютъ отмирающія клѣтки, такъ для ослабленныхъ тканей всѣхъ высшихъ животныхъ они являются врагами. Утомленіе тканей, ослабленіе ихъ дѣятельности увеличивается съ возрастомъ животнаго, слѣдовательно съ возрастомъ увеличивается опасность для организма со стороны макрофоговъ и, въ концѣ концовъ, макрофоги угрожаютъ организму полнымъ разрушеніемъ. Для борьбы съ разрушительной дѣятельностью макрофоговъ *Мечниковъ* предполагаетъ вводить въ организмы специфическія сыворотки.

Сначала *Мечниковъ* полагалъ помощью противофагоцитной сыворотки дѣйствовать на макрофоговъ—враговъ тканей, не только вполнѣ ослабленныхъ, но даже и тѣхъ, которыя почему-либо временно ослабли. Но затѣмъ новѣйшія изслѣдованія убѣдили его, что на этомъ пути трудно добиться положительныхъ результатовъ и онъ остановился на другой мысли мѣшать старческой атрофіи, дѣйствуя не противъ фагоцитовъ макрофоговъ, а стараясь возбуждать къ усиленной дѣятельности болѣе благородные, но почему-либо склонные къ атрофіи элементы. Иначе говоря, цѣль введенія въ организмъ сыворотки для борьбы со старостью *Мечниковъ* видитъ не въ обузданіи дѣятельности макрофоговъ, а въ возбужденіи къ наибольшей дѣятельности тѣхъ или другихъ тканей. Первые опыты въ этомъ направленіи дали *Мечникову* утѣшительные результаты, но работы еще не закончены и тре-

буютъ новыхъ изслѣдованій. Такова гипотеза *Мечникова* о старости и смерти организмовъ. Работы его по этому вопросу продолжаются, а потому критика этой гипотезы теперь была бы преждевременна. Въ настоящее время недочеты названной теоріи могутъ быть указаны только условно, въ самыхъ общихъ чертахъ и, можетъ быть, только какъ временныя.

Въ изложенной теоріи *Мечникова* на перый планъ выступаютъ два главныхъ указанныхъ имъ фактора: значеніе фагоцитовъ при ослабленіи и отмираніи тканей и, во-вторыхъ, роль специфическихъ сыворотокъ для возбужденія дѣятельности тканей. Что касается значенія фагоцитовъ для жизни организмовъ, указанное *Мечниковымъ*, то это мнѣніе раздѣляется далеко не всѣми біологами. Такъ, недавно одинъ изъ учениковъ *Мечникова*, д-ръ *Гамалѣя*, писалъ по этому вопросу слѣдующее: «Фагоцитаризмъ Мечникова представлялъ большой интересъ, пока можно было думать, что амебовидныя клѣтки животныхъ являются самостоятельными элементами въ родѣ живущихъ на свободѣ амебъ... Но скоро оказалось, что подобное воззрѣніе на лейкоцитовъ, какъ на status in statu, совершенно ложно. Оно противорѣчитъ и закону солидарности, связывающему между собой отправленія всѣхъ клѣточекъ животнаго тѣла, а также многимъ экспериментальнымъ даннымъ». Кромѣ *Гамалѣя*, есть и другіе біологи, которые или совсѣмъ отрицаютъ значеніе фагоцитовъ для организма, при борьбѣ послѣдняго съ микробами, или же указываютъ, что фагоциты не могутъ играть выдающейся роли въ жизни организма въ данномъ направленіи. Если сравнить изслѣдованія, говорящія за фагоцитозъ въ смыслѣ теоріи Мечникова и отрицающія его, то, несомнѣнно, на сторонѣ первыхъ значительное численное большинство и это поддерживается такими выдающимися микроскопистами, какъ проф. *А. О. Ковалевскій*, проф. *Подвысоцкій* и друг.

Я лично занимался изученіемъ постъэмбріональнаго развитія гессенской мухи и могу указать, что роль фагоцитовъ въ данномъ случаѣ, какъ пожирателей распадающихся тканей, весьма значительна. Далѣе, если роль фагоцитовъ весьма важна въ борьбѣ съ микроорганизмами, то является другой вопросъ, именно вопросъ о значеніи фагоцитовъ при старческой атрофіи тканей.

Прежде всего интересно отмѣтить, что, какъ было указано выше, съ наступленіемъ старости, число ослабленныхъ элементовъ въ организмѣ увеличивается, слѣдовательно увеличивается работа фагоцитовъ. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы увеличивалось число фагоцитовъ. Мало того, органы, производящіе фагоциты, какъ, напр., селезенка и лимфатическіе узлы, уменьшаются и атрофируются подобно другимъ органамъ. Такимъ образомъ не увеличившіеся, а скорѣе уменьшившіеся въ числѣ фагоциты едва-ли могутъ играть выдающуюся роль при старческой атрофіи. Дѣйствительно, факты какъ бы

подтверждаютъ это. Какъ извѣстно, старческое вырожденіе тканей часто выражается тѣмъ, что въ тканяхъ отлагается известь или жиръ. Между тѣмъ, такое явленіе далеко не всегда сопровождается присутствіемъ въ данномъ мѣстѣ фагоцитовъ. Наконецъ, проф. *Шимкевичъ* совершенно справедливо указываетъ такого рода возраженіе: «Если бы намъ удалось,—говоритъ онъ,—обуздать, усмирить фагоциты, то не отозвалось-ли бы вреднымъ образомъ на организмѣ накопленіе тѣхъ продуктовъ перерожденія, которые поѣдаются фагоцитами при нормальномъ ходѣ дѣла».

Что касается роли сыворотки, по *Мечникову*, для возбужденія къ усиленной дѣятельности наиболѣе «благородныхъ» и склонныхъ къ атрофіи элементовъ, то это предположеніе, мнѣ кажется, имѣетъ большое научное значеніе и я разсмотрю его въ связи съ фактами, добытыми мною о размноженіи инфузорій. Я лично работалъ также по вопросу о причинахъ смерти организмовъ и высказалъ въ спеціальныхъ изданіяхъ гипотезу, дающую, по моему мнѣнію, нѣкоторый ключъ къ объясненію означеннаго явленія. Прежде чѣмъ изложить свою гипотезу, я приведу факты, на которыхъ я основываю свое предположеніе. Во время пребыванія на Кавказѣ мнѣ удалось найти въ одной изъ горныхъ ямъ большое количество инфузорій *парамецій*. Для изученія этихъ инфузорій мною былъ приготовленъ совершенно такой же бассейнъ на предметномъ стеклѣ, какой описываетъ Мопа. Производя наблюденія надъ однимъ экземпляромъ инфузоріи, посаженнымъ въ приготовленный мною бассейнъ съ 21 іюля по 26 августа, я могъ констатировать постепенное размноженіе этой инфузоріи путемъ дѣленія, причемъ сосчитать число поколѣній, благодаря подвижности инфузорій, я не могъ, во всякомъ случаѣ ихъ было болѣе 20-ти. Въ концѣ концовъ, получались поколѣнія инфузорій очень маленькія, мало подвижныя, съ небольшимъ числомъ рѣсничекъ. Пища инфузорій въ теченіе всего времени опыта состояла изъ декокта сѣна и бульона по способу проф. *Шевякова*. Помолодѣніе состарѣвшихся экземпляровъ мнѣ удалось вызвать, кромѣ обычной конъюгаціи, перенесеніемъ состарѣвшихся экземпляровъ въ новый, состоящій изъ 5 свѣжихъ капель воды, бассейнъ съ запасомъ пищи. Пересаженныя туда инфузоріи вновь молодѣли, увеличивались въ ростѣ, дѣлились и размножались. Какъ долго такое помолодѣніе продолжается въ новомъ бассейнѣ, я не изслѣдовалъ подробно. Вышеизложенный, наблюдавшійся мною фактъ, мнѣ кажется, даетъ возможность объяснить причину состарѣнія инфузорій такимъ образомъ. Инфузоріи, живя нѣсколько поколѣній въ одной и той же водѣ, выдѣляютъ въ воду рядъ веществъ, можетъ быть, аналогичныхъ такъ называемымъ токсинамъ. Эти токсины, присутствуя въ водѣ, отравляютъ постепенно организмъ инфузорій. Разумѣется, чѣмъ больше поколѣній живетъ въ водѣ, тѣмъ токсиновъ больше. Токсины эти дѣйствуютъ на плазму инфузорій и на ихъ ядра. Измѣненія, вызываемыя токсинами, являются

не только морфологическими, но и химическими. Первое уже давно констатировано въ работахъ *Мопа*, *Джостана* и др. За послѣднее говоритъ неодинаковое отношеніе ядра къ краскамъ у инфузорій молодыхъ и старыхъ. Такъ, при двойной окраскѣ генціонъ-віолетомъ и сафрониномъ состарѣвшихся инфузорій замѣчается преобладаніе тѣхъ элементовъ, которые окрашиваются сафрониномъ; кромѣ того, состарѣвшіяся инфузоріи при окраскѣ ихъ метиленомъ отличаются тѣмъ, что сильнѣе окрашиваются въ зеленый цвѣтъ.

Указанная гипотеза имѣетъ за собою вышеизложенную фактическую подкладку и потому она мнѣ кажется наилучшей для выясненія причины состарѣнія организмовъ. Съ точки зрѣнія названной гипотезы понятно, почему конъюгація родственныхъ формъ можетъ мало помочь дѣлу, ибо эти формы жили въ одинаковыхъ условіяхъ и дефекты у нихъ общіе. Эта же гипотеза примѣнима во всей своей совокупности и къ объясненію состарѣнія высшихъ организмовъ. Продукты жизнедѣятельности клѣтокъ высшихъ организмовъ хоть и выводятся наружу изъ организма, но часть ихъ остается въ организмѣ несомнѣнно и эти послѣдніе служатъ причиною старости и изнашиванія организмовъ. Поэтъ правъ, говоря:

Мы сами себѣ погибели источникъ,
Въ самихъ себѣ отвѣтственность несемъ.
(*Байронъ*).

Принимая вышеизложенную гипотезу для объясненія смерти высшихъ организмовъ, мы не должны упускать изъ виду существенное различіе въ данномъ вопросѣ между *Protozoa* и *Metazoa*. У *Protozoa* при смерти организма, главнымъ образомъ, играютъ роль, повидимому, продукты окисленія, которые накопляются въ средѣ окружающей животное (въ моихъ опытахъ надъ инфузоріями въ водѣ, гдѣ жили послѣднія). У *Metazoa* въ данномъ случаѣ имѣютъ, вѣроятно, одинаковое значеніе какъ тѣ продукты обмѣна веществъ, которые находятся въ плазмѣ той или другой клѣтки животнаго, такъ и находящіеся въ плазмѣ окружающихъ клѣтокъ. Такое различіе, можетъ быть объясняется неодинаковымъ строеніемъ плазмы *Protozoa* и *Metazoa*, какъ съ морфологической стороны, такъ и съ химической. На эту разницу указывалъ много разъ въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. *А. Я. Данилевскій*.

Что касается дѣйствія сыворотки на старѣющійся организмъ, согласно воззрѣніямъ *Мечникова*, то съ теоретической стороны оно вполнѣ допустимо. Сыворотка является веществомъ весьма сложнаго строенія. Это вещество, поступая въ плазму клѣтокъ, можетъ такъ или иначе дѣйствовать на находящіеся въ плазмѣ продукты окисленія и переводить ихъ въ новыя соединенія, менѣе вредные для организма. Такимъ образомъ устраняются вредныя для организма продукты обмѣна веществъ. Въ настоящее время мы еще мало знаемъ протоплазму клѣтки, мало знаемъ ея отправленія, слишкомъ сложна картина жизни орга-

низмовъ, поэтому плохо вѣрится въ то, что будетъ открыто вещество, могущее постоянно поддерживать жизнедѣятельность тканей. Но съ другой стороны успѣхи, сдѣланные серōтерапіей—лѣченіемъ сыворотками, показываютъ, что протоплазма не остается индеферентной къ послѣднимъ и что, слѣдовательно, противустарческой сывороткой, если нельзя достигнуть безсмертія, то поддержать жизнь организма дѣло мыслимое.

Таково положеніе вопроса о старости и смерти. Многое здѣсь добыто точными наблюденіями, многое является гипотезой, многое только виднѣется въ туманѣ. Но мы видѣли, какъ естествоиспытатели во всеоружіи скальпеля, микроскопа, реактивовъ и логики подходятъ къ живымъ существамъ, стараясь вырвать у нихъ тайну жизни и смерти. Мы знаемъ какія завоеванія дѣлаетъ въ послѣднее время неустанная работа и сила мысли. Поэтому нѣтъ основанія сомнѣваться, что люди XX вѣка будутъ ближе къ той великой тайнѣ, которую мы называемъ жизнью.

Проф. Ник. Кулагинъ.

ВЪ КРЫМУ.

Въ Нижней Массандрѣ.

Доцвѣтаютъ осеннія розы,
Кипарисы недвижно стоятъ,
Расточая прозрачныя слезы,
Подъ листвою каскады шумятъ.

Море Черное въ солнечномъ знoѣ
Серебромъ отливаетъ вдали...
И надъ грустнымъ покоемъ земли
Небеса въ лучезарномъ покоѣ.

Одиночество.

На разметавшихся валахъ
Ладьи далекой парусъ малый,
На ней пловецъ уже усталый...
На разметавшихся валахъ.

Ступени каменной руины,
Къ нимъ бури пѣнистой прибой...
На темномъ взморьѣ въ часъ ночной
Ступени каменной руины.

Унылый вопль волны сѣдой,
Въ ладью плеснувшей съ силой львиной...
Подъ наклонившейся руиной
Унылый вопль волны сѣдой.

Завечерѣло на горахъ.

Завечерѣло на горахъ,
Темнѣетъ на дорогѣ пыльной,
Надъ нами чей-то крестъ могильный,
Какъ-будто въ самыхъ небесахъ...

Подъ нимъ утесъ уже въ туманѣ,
Вершина Яйлы чуть видна,
Здѣсь сумракъ наступаетъ ранѣ,
Вокругъ покой и тишина,

Лишь, по откосу внизъ спускаясь,
Порой работницы мелькнутъ;
Ихъ голоса, перекликаясь,
Въ прохладномъ воздухѣ замрутъ.
Да пара дремлющихъ быковъ
Пройдетъ съ скрипучею мажарой,
И, съ виду важенъ и суровъ,
За ней бредетъ татаринъ старый.

Въ Алупкѣ.

Луна встаетъ надъ Ай-Тодоромъ,
Лаская волны блѣднымъ взоромъ.
Глубокій голосъ при лунѣ
Поетъ о чемъ-то въ тишинѣ.
Какъ-будто внемлютъ львы нѣмые,
И озаренна, и тепла,
Чуть слышно ропщетъ моря мгла...
А въ пѣснѣ жалобы родныя,
Какъ ночи сѣвера, глухія...
Глубокій голосъ въ тишинѣ
Поетъ о прошломъ при лунѣ.

Ев. Морозовъ.

Крымъ, сентябрь 1901.

СКВОЗЬ СТРОЙ!

(Повѣсть одной жизни).

I.

Мнѣ вспоминается внутренность деревенскаго кабака: маленькія окна, бревенчатыя стѣны, грязные сосновые столы и скамьи. За столами сидятъ мужики и пьютъ водку большими шкаликами изъ толстаго зеленаго стекла. Высокая стойка отгораживаетъ полки съ бутылками и огромную, тридцативедерную бочку съ водкой. Около нея, на стѣнѣ висятъ разнаго калибра „мѣрки“—мѣдные ковши, и кабатчикъ цѣдитъ въ нихъ изъ огромнаго крана бочки пахучую, синеватую водку.

Кабакъ галдитъ, дверь, обитая рогожей, съ кирпичемъ на веревкѣ блока, постоянно отворяется и хлопаетъ, въ нее врываются клубы морознаго воздуха, образуя бѣлое облако; оно рѣдѣетъ и тогда уже видны огромные силуэты, закутанные въ тулупы и чапаны, съ бараньими шапками на головахъ, съ большими, обледенѣлыми бородами.

Силуэты хлопаютъ огромными рукавицами, снимаютъ ихъ и заскорузлой рукой стаскиваютъ шапки, обнажая потныя лысины, а отъ лысинъ къ потолку поднимается паръ...

Ледяныя сосульки, отдираемыя съ длинныхъ усовъ и бородъ корявыми пальцами, таютъ, слышатся кряканье и привѣтствія кабатчику.

— Гаврилѣ Петровичу! Хромому! Сто лѣтъ жить!

— И вамъ сто лѣтъ жить, да двѣсти на карачкахъ ползать!—звучно отвѣчаетъ кабатчикъ.

— Хо-хо-хо!—покатывается весь кабакъ:—ужъ онъ скажетъ, какъ смажетъ! Въ карманъ за словомъ не полѣзетъ, деревянная нога.

Кабатчикъ, сидѣлецъ отъ богача-хозяина, владѣльца почти всѣхъ кабаковъ уѣзда—мой отецъ.

Онъ стоитъ за стойкой, облокотясь на нее большими, тяже-

лыми руками и небрежно кидаетъ мужикамъ складныя прибаутки, поговорки и мѣткія слова.

Наружность его необыкновенно симпатичная.

Онъ худой, средняго роста, хорошо сложенъ, видъ у него бравый. Лицо его—энергичное, характерное, съ рѣзкими, сухими чертами—напоминаетъ кардинала Ришелье: носъ съ горбиной, на щекахъ бороды нѣтъ и только на подбородкѣ эспаньолка, правильная, въ видѣ лопаточки. Все лицо смуглое, веселое и смѣлое, очень живое и выразительное. Волосы длинные, русые, закинутые назадъ, вьются крупными кудрями.

Лѣвая нога у него отрѣзана немного ниже колѣна и онъ ходитъ на деревяшкѣ, въ широкихъ брюкахъ на выпускъ. Одѣтый въ длинный пиджакъ стариннаго покроя, онъ быстро поворачивается за стойкой и очень ловко владѣетъ своей деревяшкой.

Изо рта у него почти не выходитъ коротенькая черная трубка и надъ его густыми кудрями постоянно вьются голубыя кольца табачнаго дыма.

— Гаврила Петровичъ! Гаврила Петровичъ!—дружественно гудитъ кабакъ.

И вотъ мой отецъ вынимаетъ изъ-подъ стойки гусли и кладетъ ихъ передъ собой на стойку.

Они трехъугольныя, столярной работы, со множествомъ струнъ. Съ широкаго края гусель натянуты длинные стальные басы, обвитые тоненькой серебристой проволокой. Они блестятъ и кажутся серебряными, а за ними идутъ мѣдныя, золотистыя струны, одна другой короче и тоньше...

Отецъ засучиваетъ рукава, обнаруживая мускулистыя руки съ крупными пальцами и кладетъ руки на струны: правой рукой онъ беретъ аккорды всѣми пальцами на басахъ и длинныхъ струнахъ, а указательнымъ пальцемъ лѣвой руки проводитъ по всѣмъ струнамъ: звонкія, безпечныя и наивныя трели текутъ серебристымъ ручьемъ, а блестящіе басы мягко рокочутъ долгимъ расплывчатымъ звукомъ.

Кабакъ умолкаетъ и къ стойкѣ поворачиваются грубыя, бородатыя лица полупьяныхъ слушателей.

Загадочный, не то веселый, не то печальный мотивъ начинался медленно, басы неопредѣленно тянули даже нѣчто мрачно-похоронное, но сквозь этотъ строй внезапно прорывались маленькія, лукавыя и задорныя трели.

И тогда гусляръ, закинувъ голову и молодцовато потряхивая кудрями, запѣвалъ съ подмывающимъ видомъ:

Ка-акъ... на улицѣ Варваринс-кай!..

У него былъ хорошій голосъ, какой-то теплый и грудной басъ, не очень сильный, но чистый, мягкій...

Спи-итъ-лежитъ мужикъ Камаринска-ай!..

Выразительное лицо его дышало въ это время особеннымъ юморомъ, ноздри горбатаго носа раздувались, глаза блестѣли вдохновеніемъ...

А живыя струны простодушно и покорно выговаривали за нимъ каждое слово. Чувствовалось, что крѣпко и глубоко спитъ воспѣваемый мужикъ.

Мотивъ дѣлается все быстрѣе, звуки сгущаются и крѣпнутъ, сверкающіе басы гудятъ, сливаются въ одинъ голосъ, крючковатые, огромные пальцы проворно перебираютъ струны, а указательный палецъ уже съ неимовѣрной быстротой пробѣгаетъ по всѣмъ струнамъ.

Борода его вся всклоченая
И дешевочкой подмоченная!..

Чудодѣйственный палецъ смѣшитъ весь кабакъ своими движеніями: онъ описываетъ на струнахъ неуловимо-комическіе полукруги, словно издѣвательски мажетъ кого-то по губамъ, а порой и вся лѣвая ладонь, изображая педаль, похлопываетъ по струнамъ, словно по лысинѣ комаринскаго мужика, словно будитъ его отъ сна и вотъ онъ пробуждается, а палецъ уже проворно убѣжалъ на верхнія струнки и они заливаются тонкимъ серебристымъ смѣхомъ.

Снится бабѣ, что въ веселомъ кабакѣ
Пьяный мужъ ея несется въ трепакѣ,
То привскочитъ, то согнется въ три дуги,
Истопталъ свои смазные сапоги...

Скороговоркой припѣваетъ отецъ. На гусляхъ поднимается отчаянный вихрь веселыхъ звуковъ: тонкія струны ухарски взвизгиваютъ, безпечные голоса ихъ вьются и порхаютъ стаями, среди нихъ воетъ и тянетъ одну безконечную ноту толстая нижняя струна, а басы гудятъ-гудятъ-гудятъ, словно опускаются все ниже и ниже.

З-зар-рычало бла-га-р-родіе!..
А-хъ, ты, хамово отр-родіе!..

Выразительно поетъ отецъ. Лицо его ежеминутно измѣняется, изображая мужика, сонъ, бабу, глупость, „благородіе“ и его гнѣвъ... Лицо это полно жизни, энергіи, веселья, ноздри двигаются, кудри, встряхиваясь, словно пляшутъ на его головѣ.

Изъ кармана два полтинника
Вдругъ со звономъ покатилися
И сквозь землю пр-ровалилися!..

Голосъ отца уже гремитъ злобнымъ смѣхомъ, а гусельныя струны разсыпаются серебрянымъ звономъ.

По мѣрѣ того, какъ захватывающій мотивъ „комаринскаго“ развертывается во всю ширь и гусляръ вдохновенно создаетъ самыя удивительныя трели—неудержимое, могучее веселье захва-

тываетъ весь кабакъ: широкія плечи пожимаются, подергиваются, огромные ножищи тяжело притоптываютъ, чей-нибудь кулакъ ударяетъ по столу, вырываются восклицанія:

— Сыпь, барыня, въ рѣшето! Эхъ! Шире! Ходи, изба, ходи, печь!..

Маленькій шестилѣтній мальчикъ, я былъ тутъ же, за стойкой и „во всѣ глаза" смотрѣлъ на отца.

Исторія о „комаринскомъ мужикѣ" очень интересовала меня: его приключенія были занимательны, а самъ комаринскій мужикъ завоевалъ всѣ мои симпатіи. Его широкій разгулъ казался мнѣ волшебнымъ сномъ, полнымъ таинственности: тамъ „рычитъ" „благородіе"—невиданный мною звѣрь, тамъ полтинники чудеснымъ образомъ со звономъ проваливаются сквозь землю, а самого комаринскаго мужика волшебный вихрь подхватываетъ и несетъ въ „трепакѣ". Таинственная сила распоряжается имъ, преслѣдуетъ его и, наконецъ, сваливаетъ лицомъ въ грязь...

И мотивъ дѣлается опять медленнѣе и рѣже и снова становится загадочнымъ: сквозь веселый строй слышатся похоронные аккорды басовъ и кажется, что комаринскій мужикъ усталъ плясать, свалился на улицѣ и опять спитъ, спитъ глубоко и симпатично, запрокинувъ курчавую всклокоченную бороду, обильно подмоченную „дешевочкой".

И вдругъ раздаются самые отчаянные звуки „трепака": они „требуютъ" пляски, „заставляютъ" плясать, невозможно удержать ноги отъ пляса, слушая ихъ.

Тутъ происходило самое главное, волшебное зрѣлище: весь кабакъ плясалъ, плясали молодые и старые, пьяные и трезвые, плясалъ я... А отецъ такъ и крутилъ пальцемъ и, прихлопывая по струнамъ, припѣвалъ, потрясая кудрями:

Мужикамъ по ногамъ,
А бабамъ по пяткамъ!..
Цыплятки мои,
Индіатки мои!
Брошу просо—не клюютъ,
Прошу выпить—не даютъ!..

— Хо-хо-хо! Ай-ай! Ой!—въ изнеможеніи стонетъ кабакъ, а гусляръ не унимается:

Попьемъ, попоемъ —
Все горе забудемъ!
А смерть придетъ —
Умирать будемъ!

Кабакъ наполняется новыми силуэтами, онъ гудитъ, словно улей, торговля идетъ оживленно.

Поздно вечеромъ, передъ запоромъ, когда кабакъ уже пустъ и гусли давно спрятаны, въ немъ еще пляшетъ Пешня, кабац-

кій завсегдатай сѣденькій и вѣчно пьяненькій старичишка съ длиннымъ носомъ, похожимъ на пешню. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ и, громыхая кожаными сапогами, смѣшно поетъ старческимъ пьянымъ голосомъ:

Попьемъ, попо-емъ...
Все горе за-бу-де-мъ...

— Г-гаврила... Петровичъ! Д-дай! Довѣрь! Одну!..

— Не дамъ! Ступай домой!

— Г-ганя! Налей! Плясать хочу!..

Попьемъ, попо-емъ...

— Ну, это—его же царствію не будетъ конца! — говоритъ отецъ, выпроваживая Пешню.

И когда тотъ послушно уходитъ и отецъ запираетъ дверь кабака, я выхожу изъ-за стойки на середину его и, представляя Пешню, начинаю тоже плясать и горбиться, какъ онъ, припѣвая:

Попьемъ, попоемъ —
Все горе забудемъ!

Въ селѣ былъ еще другой кабакъ, отъ другого хозяина. Между двумя кабаками возгорѣлась борьба и побѣдителемъ въ ней оказался мой отецъ. Его вообще часто переводили изъ села въ село и весь періодъ моего дѣтства за это время связанъ съ воспоминаніями о безпрестанныхъ переѣздахъ. Отца всегда посылали въ такой кабакъ, гдѣ „торговля“ шла плохо и ее требовалось поднять.

Какъ только появлялся онъ со своими гуслями—село начинало пьянствовать и торговля шла бойко. Гусли и пѣсни и симпатичная личность кабатчика окружали кабакъ ореоломъ поэзіи, влекли туда даже непьющихъ и совращали ихъ въ пьянство.

Успѣхъ отца выводилъ изъ себя представителей враждебнаго ему кабака. Противъ ненавистныхъ гуслей былъ устроенъ заговоръ. Однажды въ праздникъ, когда кабакъ былъ полонъ, а отецъ въ ударѣ и заливался на гусляхъ за своей стойкой, отпуская забористые куплетцы, въ кабакъ вошла цѣлая компанія парней, сильно подвыпившихъ. Они навалились къ стойкѣ и одинъ изъ нихъ, рыжій, протягивая музыканту руку, вмѣсто рукопожатія, размахнулся и ударилъ изо всей силы кулакомъ по гуслямъ. Но ударъ пришелся по подструннику, сдѣланному изъ очень крѣпкаго дерева, и гусли уцѣлѣли: отецъ успѣлъ сдернуть ихъ со стойки. Пьяная толпа съ ревомъ и ругательствами лѣзла на стойку, чтобы разбить гусли. Мнѣ ярко запомнилась эта картина: красныя, пьяныя лица, потрясая кулаками, лѣзли на отца, а онъ стоялъ за стойкой, какъ за баррикадой и, держа гусли за спиной, отмахивался отъ своихъ враговъ увѣсистой мѣдной мѣркой. Весь кабакъ волновался, ревѣлъ и крутился въ свалкѣ. Отецъ отбилъ приступъ злоумышленниковъ и отстоялъ свои гусли.

На утро парни пришли къ нему трезвые, съ повинной. Онъ по обыкновенію былъ за стойкой, а парни мялись передъ нимъ и конфузливо чесали затылки.

— Прости ужъ!—ныли они.

— Дураки — Богу печаль!—сказалъ имъ отецъ спокойно.— зачѣмъ вамъ понадобилось гусли-то разбивать? Олухи царя небеснаго!

— Да мы нешто сами? Цѣловальникъ изъ того кабака насъ подбилъ! Разбейте, баитъ, у него, робяты! Далъ по цѣлковому, да два полштофа выставилъ! Ну, мы и тово... пьяные были, спьяну...

— Не спьяну, а сдуру... Другой и пьянъ—да уменъ, два угодья въ немъ! А вы—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!..

— Прости ужъ! молимъ тебя!

— Безъ толку молиться—безъ числа согрѣшить! За цѣлковый, васъ, чертей, и купить, и продать можно! Ничего не понимаете! Мужики—кругомъ—брюхо!..

— Гаврила Петровичъ!—выступилъ впередъ рыжій парень, тотъ самый, что ударилъ по гуслямъ:—окрестилъ ты меня мѣркой, буду тебя крестнымъ звать! Крестный, дай мнѣ сейчасъ по мордѣ, только не томи!

Парни конфузливо мялись передъ стойкой, а отецъ смотрѣлъ на нихъ какъ-то особенно задумчиво. Потомъ вздохнулъ, тряхнулъ кудрями и сказалъ съ добродушнымъ презрѣніемъ:

— Черти!

И сталъ заниматься со мной грамотой: я лежалъ на стойкѣ, а онъ рисовалъ карандашомъ на листѣ бумаги алфавитъ буквъ, крупно, по печатному. По мѣрѣ того, какъ онъ рисовалъ, я спрашивалъ его:

— Это какая буква?

— Это „а“!

И я повторялъ: „а“!

А кабакъ мало-по-малу наполнялся народомъ и опять шла „торговля“, гвалтъ и игра на гусляхъ.

Иногда отецъ заставлялъ меня подзванивать желѣзной палочкой въ трехъугольникъ, сдѣланный изъ стального прута и я сидѣлъ на стойкѣ и звонилъ въ тактъ его игрѣ, а кругомъ галдѣли, пили, ругались...

Я очень любилъ отца, больше, чѣмъ мать. Мать была женщина добрая, тихая, на все смотрѣвшая глазами своего мужа, всегда во всемъ съ нимъ согласная. И она, и я, и мужики считали отца очень умнымъ и все знающимъ. Онъ много разговаривалъ со мной и любилъ разсказывать занимательныя исторіи. Мы жили въ маленькой комнатѣ, смежной съ кабакомъ. Я бы-

валъ очень счастливъ, когда отецъ позволялъ мнѣ спать съ нимъ. Раздѣваясь, онъ отвязывалъ деревяшку ставилъ ее у изголовья, шутилъ и пугалъ меня обрубкомъ своей ноги. Смѣху и веселью нашему не было границъ. Я смѣялся до слезъ отъ его чудачествъ и, наконецъ, уставалъ отъ смѣха. Тогда мы укладывались подъ одѣяло, я радостно прижимался къ его широкой груди и требовалъ разсказовъ. И онъ разсказывалъ мнѣ о морѣ и солнцѣ, о жаркой сторонѣ, о китѣ, о слонѣ и обезьянѣ, о львахъ и тиграхъ и всѣхъ ихъ представлялъ въ лицахъ, принималъ ихъ позы, ложился на полъ, передразнивалъ, ползалъ и подражалъ ихъ голосамъ. Онъ самъ увлекался представленіями и увлекалъ меня. Иногда онъ разсказывалъ мнѣ о своей жизни, полной приключеній, о своей отрѣзанной ногѣ...

— Вотъ видишь ли, Копка,—говорилъ онъ мнѣ своимъ низкимъ и теплымъ басомъ и въ голосѣ его звучали тогда задушевныя, мягкія нотки,—я былъ дворовый человѣкъ, барскій... Теперь народъ вольный, а тогда воли не было и всѣ люди были барскіе: желтопузики что хотѣли съ ними дѣлать, то и дѣлали. Моего отца, а твоего дѣдушку засѣкли до смерти кнутомъ за сущій пустякъ: укралъ обрубокъ барскаго дерева и спряталъ въ подпольѣ,— онъ былъ столяръ. Мать въ дворнѣ была, а меня, когда я вотъ еще съ тебя былъ, лѣтъ шести, гусятъ пасти посылали. Бывало, сидишь-сидишь на солнышкѣ день-деньской, сгоришь весь отъ зною, все смотришь, какъ-бы коршунъ гусенка не утащилъ: если пропадетъ гусенокъ—значитъ и меня, клопа, тоже драть будутъ. У меня, братъ Копка, тогда со спины-то рубцы не сходили, дубленая у меня спина-то. А гусята часто пропадали, потому что я на тростяныхъ дудкахъ любилъ играть, у пастуха выучился. Заиграешься—и забудешь про гусятъ: вечеромъ порка. А былъ я-таки и озорникъ порядочный, все наровилъ на зло что-нибудь сдѣлать. Потомъ, когда побольше выросъ, на гусляхъ сталъ играть. И когда у барыни мигрень приключался—есть такая барская боль— мигрень—то меня съ гуслями къ ней призывали. Барыня была старая дѣвка, злющая-презлющая: гусли слушать любила, а меня ненавидѣла; бывало, какъ заиграю ей, да запою „вьется ласточка"—сейчасъ это ее въ слезу ударяетъ: въ слезу ударитъ—мигрень пройдетъ, а мигрень пройдетъ—барыня опять всѣхъ пороть велитъ. И отдала она меня въ ученье—въ столяры. Тамъ, братъ, меня тоже здорово лупили: шесть лѣтъ я былъ не въ ученьи, а въ мученьи, ну за то столяръ изъ меня вышелъ хорошій и еще я отъ себя токарному и рѣзному ремеслу и рисовать выучился. Вышелъ я, братъ, изъ ученья двадцати одного года— орелъ-орломъ, словно меня и не били никогда! По праздникамъ работалъ на себя, скопилъ деньжонокъ, расфрантился, шляпу

купилъ пуховую и на тройкѣ, съ колокольчикомъ, въ родное село пріѣзжаю...

Разсказывая, отецъ вновь переживалъ давно пережитое, голосъ его звучалъ задушевной грустью, по временамъ онъ закуривалъ свою трубку и она, на моментъ вспыхивая, освѣщала краснымъ свѣтомъ его кардинальское лицо. И въ тишинѣ темной комнаты мягко ворковалъ его теплый голосъ:

— Здорово мнѣ влетѣло за этотъ колокольчикъ: какъ заслышала барыня тройку—тутъ же ее въ мигрень ударило: показалось ей, что „волю" везутъ, передъ волей это было. А народъ бѣжитъ навстрѣчу, кричитъ: „воля! воля!" Плачутъ.

И какъ узнали, что это не воля, а я—на смѣхъ меня подняли, а барыня къ себѣ позвала. Какъ завидѣла меня, франта, такъ и зашипѣла: „я, говоритъ, тебѣ покажу волю! Отецъ твой подъ плетьми околѣлъ и тебѣ то же будетъ!"

Написала записку, призвала мужика Онуфрія, дворецкимъ онъ былъ, отдаетъ ему письмо: „Отведи, говоритъ, этого хама въ контору и письмо отдай! А потомъ назадъ Гаврюшку предоставь!"

Повелъ меня дворецкій. Чую—пороть ведутъ. Идемъ мимо кабака. Я и говорю Онуфрію: „Вѣдь не убѣгу я отъ тебя, зайдемъ въ кабакъ, выпьемъ!" Важный былъ такой этотъ мужикъ, почтенный и глупый и вино любилъ, но только непремѣнно даровое, на свои же не пилъ. Зашли. Спросилъ я косушку. Пьемъ. „Ну-ка, говорю, дай-ка я посмотрю бумагу-то". Онъ мнѣ и далъ. А я ее—р-разъ! Изорвалъ въ мелкіе клочья. Какъ вскочитъ мужикъ. „Что ты со мной сдѣлалъ? И меня съ тобой будутъ пороть!" — „Безпремѣнно, говорю выпорютъ тебя, коли поведешь меня въ контору!"—„Какъ же быть-то?"—А пойдемъ, говорю, назадъ потихоньку: я притворюсь, будто меня выпороли, а ты доложи барынѣ, только и всего! И будутъ наши спины цѣлы!..

Я тихонько взвизгивалъ отъ нетерпѣнія: разсказъ отца захватывалъ, волновалъ и увлекалъ меня, я трепеталъ за отца, прижимаясь къ его теплой груди и въ душѣ дивился его уму и смѣлости, а онъ останавливался на самыхъ интересныхъ мѣстахъ разсказа и курилъ свою трубку.

— Ну-съ, дѣлать нечего, согласился мужикъ. Посидѣли въ кабакѣ—идемъ на барскій дворъ. Я согнулся, чуть ноги волочу, охаю: о-охъ! о-охъ! Насилу плетусь. Мужикъ ведетъ меня, а дворня-то посмѣивается, „съ пріѣздомъ" поздравляетъ и до спины пальцемъ то одинъ, то другой дотронется, а я: — о-ой! заору благимъ матомъ, до койки насилу добрался...

— Вышла барыня. „Что, говоритъ, Онуфрій, сводилъ?"— „Сводилъ, матушка-барыня!" — „Выпороли?" — „Выпороли, ма-

тушка-барыня!“—„Хорошо ли выпороли-то?“—„Хорошо, матушка-барыня!“—А я лежу: о-охъ! о-о-хо-хо!..

Отецъ разсказывалъ все это картинно, въ лицахъ, разными голосами, изображая людей еще лучше, чѣмъ звѣрей. Я торжествовалъ и покатывался со-смѣху. Трубка то вспыхивала краснымъ огонькомъ, то погасала, а отецъ разсказывалъ... Мрачныя тѣни и картины прошлаго какъ бы проносились передъ нами одна за другой въ тихой получной темнотѣ...

— И тутъ, братъ, Копка, скоро меня въ кабалу отдали, на фабрику... Теперь уже и слова-то этого никто не понимаетъ, что оно значитъ — кабала, а тогда человѣка въ дрожь бросало отъ этого слова. Продавали тогда мастеровыхъ изъ дворни на фабрики и заводы, на года: человѣкъ работаетъ, а деньги за него давно уже баринъ получилъ. И обходились съ такими закабаленными страшнѣе, чѣмъ съ каторжниками, лупили и въ хвостъ, и въ гриву. Вотъ и меня такъ-то закабалили... опять на шесть лѣтъ... И всего-то я у барыни одно лѣто пожилъ. Воспитанница у нея была, барышня, Наташей звали... Р-раскр-расавица! Волосы почитай до пятокъ, глаза большіе, печальные... Когда бывалъ у барыни мигрень—призывали меня въ покои съ гуслями. Былъ я тогда веселый, Наташа-то меня и полюбила, а я ее полюбилъ. Барыня же терпѣть не могла, если кто кого полюбитъ!

Отдала ее замужъ за пастуха, а меня въ кабалу, далеко, на фабрику около Волги...

Ты на гору, а чортъ за ногу: только изъ ученья вышелъ— въ кабалу попалъ, а тамъ люди, какъ въ аду, мучились. Лупили ихъ плетьми — сколько влѣзетъ, все равно какъ сидорову козу. Протрубилъ я тамъ шесть лѣтъ. Жизнь прожить, Копка, не мутовку облизать: всего натерпишься! Она, братъ, совсѣмъ не въ нашу пользу устроена! Она—какъ мàла-куча: которые наверху—барахтаются, да нижнихъ ногами топчутъ!.. А изъ-подъ низу кàкъ вылѣзешь, коли на насъ, нижнихъ, доски положены, верхніе на доскахъ сидятъ и обѣдаютъ, а у насъ кости трещатъ? У нихъ чай да кофей, а у насъ чадъ да копоть!

Я не понималъ истиннаго смысла подобныхъ его словъ, но онъ всегда говорилъ притчами, метафорами, образно и фабула его разсказовъ запечатлѣвалась въ моей душѣ.

— Ну-съ, жилъ я такимъ манеромъ въ кабалѣ, — рокоталъ отецъ, — и думалъ: только бы кончился срокъ, тогда мои дѣла пойдутъ по маслу, откуплюсь на волю! И сталъ я работать по ночамъ сдѣльную работу, чтобы денегъ накопить, да отъ барыни выкупиться. И такъ-то работалъ шесть лѣтъ, деньги эти мнѣ въ руки не давали, а только за мной записывали. Кончился срокъ. Надо къ барынѣ возвращаться. Иду въ контору за разсчетомъ,

чуть пѣтухомъ не пою отъ радости: воля, думаю, вотъ она гдѣ! Заработалъ!

Отецъ засмѣялся горькимъ смѣхомъ и горечь этого смѣха обливало мое дѣтское сердце...

— „Позвольте разсчетъ!“ Переглянулись. Главный-то и говоритъ, спокойно такъ: „Отведите его и дайте ему разсчетъ“. Повели меня двое. Гляжу, ведутъ къ воротамъ. А фабрика была, какъ острогъ, высокой стѣной обведена и ворота были желѣзныя, а у воротъ огромный такой татаринъ и въ рукахъ у него пуда въ три дубина. Иду я, подъ полой гусли, въ рукѣ узелокъ — и весь я тутъ.

Подвели меня молча къ воротамъ, растворили ихъ, а татаринъ взялъ въ обѣ руки дубину, да-а какъ д-дастъ мнѣ промежду лопатокъ — я и вылетѣлъ за ворота: куда кузовъ, куда милостинки! Брякнулся я объ землю, гусли въ одну сторону полетѣли, узелокъ въ другую, а ворота опять захлопнули и заперли. Вотъ тебѣ и разсчетъ! Получилъ! Копилъ-копилъ, да чорта и купилъ!..

И опять горькій смѣхъ и пламенное духаніе трубки.

— А ужъ вечеръ былъ и на дворѣ была буря, дождикъ лилъ и Волга вся черная была, а по ней бѣлые барашки гуляли...

И некуда мнѣ было дѣться, и ничего у меня не было, только гусли сломанныя. И взялъ я ихъ въ обѣ руки, размахнулся и о камень ихъ разбилъ, только струны застонали!..

И побѣжалъ я подъ дождемъ, по грязи, безъ шапки,—самъ не знаю куда. И такая ли злоба у меня въ сердцѣ была, что такъ бы вотъ эту самую фабрику порохомъ бы и взорвалъ! Добѣжалъ до берега Волги, повалился, плачу, ругаюсь и Богу жалуюсь...

А Волга такъ и гудитъ внизу, черные валы такъ и ходятъ, дождикъ хлещетъ, вѣтеръ гонитъ темныя тучи, а громъ съ неба нѣтъ-нѣтъ да и раскатится, словно хохочетъ надо мной: тррахъ-тахъ-хо-хо-хо-о!..

Мрачная, величавая картина бурной ночи, громъ и молнія, тучи и волны—все это грозно вставало предо мной и я въ страхѣ прижался къ разсказчику, который, можетъ быть, и самъ не сознавалъ въ себѣ волшебной силы слова.

Онъ попыхивалъ изъ своей коротенькой трубочки и, вновь переживая пережитое, разсказывалъ своимъ задушевнымъ голосомъ:

— И сталъ я звать чорта: хотѣлъ я продать ему свою душу, только бы онъ помогъ мнѣ отомстить за всѣ мои обиды...

— Ну, и что же онъ? — шопотомъ спрашивалъ я, едва переводя духъ отъ волненія и невольнаго страха.

— Не явился!—отвѣчалъ онъ тономъ сожалѣнія и сострилъ:—должно быть, тогда и самъ чортъ не могъ помочь мнѣ!

— Добрался я до родного села, къ барынѣ, и заболѣла у меня нога: простудилъ я ее, босикомъ по болотамъ съ недѣлю осенью шелъ. Распухла моя нога, какъ бревно, сталъ я хромать. Барыня видитъ, что я обезножѣлъ, какъ лошадь, и выгоды ей отъ меня мало, взяла да въ солдаты меня и отдала, единственнаго сына у матери-то, да еще больного! Ничего! На нашемъ базарѣ все сойдетъ, это можно было тогда! Какъ сейчасъ вижу: вышла партія новобранцевъ въ дорогу и я съ котомкой иду, а мать все за мной бѣжитъ да реветъ, сѣдые волосы растрепались; глаза безумные... Обвила меня за шею—ничѣмъ не вырвусь!.. Она ревѣтъ и я реву... Наконецъ, я вырвался насильно и безъ оглядки убѣжалъ отъ нея бѣгомъ со своей хромой ногой догонять партію... Эхъ, Копка, инда слеза прошибаетъ, какъ вспомнишь! Съ тѣхъ поръ я такъ ее и не видалъ: умерла...

Отецъ плакалъ всякій разъ, когда разсказывалъ этотъ эпизодъ прощанія съ матерью.

Онъ продолжительно затягивался изъ трубки, вытиралъ слезы и, успокоившись, продолжалъ:

— Тогда въ солдаты провожали все равно какъ въ могилу, а я не робѣлъ: я даже и не думалъ, что не дослужусь до офицера... Непремѣнно, думалъ я, офицеромъ буду! Однако, вышло другое. Ногу мою очень скоро тамъ разнесло совсѣмъ и положили меня въ больницу. А въ больницѣ-то я пролежалъ ни много, ни мало, какъ цѣлыхъ два года, ногу-то мнѣ тамъ и отрѣзали. И какъ разъ тутъ воля вышла! Обкарнали мнѣ крылья да на волю и выпустили! Ни кола, ни двора, полетай, куда знаешь—это пролетарій называется по книжному-то!.. Двадцать девять лѣтъ мнѣ было тогда, да только никто не вѣрилъ, всѣ за старика считали: передѣлали мнѣ въ больницѣ рыло то!.. За два года-то лежанья много я, Копка, книгъ прочиталъ: если бы всѣ ихъ собрать, то можно было бы ими набить вотъ всю нашу комнату до потолка! И ариѳметикѣ я выучился въ больницѣ у одного барина, а до тѣхъ поръ ариѳметики я не зналъ, такъ что оно, пожалуй, и лучше вышло, что въ больницу-то я попалъ: солдатская служба была такая, что волосы дыбомъ становятся, какъ вспомнишь! Я бы непремѣнно въ бѣглые попалъ, а бѣглыхъ тогда „сквозь строй“ прогоняли: поставятъ роту солдатъ въ два ряда, каждому палку дадутъ, а бѣглому руки къ ружью привяжутъ и за ружье ведутъ и бьютъ его съ двухъ сторонъ въ голую спину палкой изо всей силы, такъ что, когда до тебя, бывало, дойдетъ очередь бить, то ужъ не по спинѣ бьешь, а по кровянной говядинѣ, говядина-то клочьями виситъ, а въ ней отъ палокъ занозы.

Упадетъ онъ — его водой отольютъ, поднимутъ и опять дальше сквозь строй ведутъ! Случалось, что такъ и не дойдетъ до конца: помретъ подъ палками. Тихо-то ударить нельзя: сзади строя ундера идутъ и мѣлкомъ на спинѣ крестики ставятъ тѣмъ, которые не изо всей мочи ударили. Кончится „сквозь строй"—тутъ начнутъ этихъ „мѣченыхъ" пороть: только и слышно кругомъ: „ува! ува!" какъ младенцы, подъ розгами визжатъ!..

Я слушалъ эти разсказы и сердце мое замирало отъ жалости и ужаса и преждевременная печаль обвѣвала мою душу своими черными крыльями.

И вся жизнь моего отца представлялась мнѣ такимъ длиннымъ-длиннымъ „сквозь строемъ" розогъ, плетей, палокъ, дубинъ, горькихъ обидъ, нескончаемыхъ несчастій, несправедливыхъ униженій и попираній въ немъ человѣка!.. И какого человѣка. Даровитаго, талантливаго, умнаго... Я до сихъ поръ не понимаю, какъ онъ могъ сохранить въ себѣ столько жизнерадостности, достоинства и доброты, какъ могъ онъ быть весельчакомъ, такъ забористо играть на гусляхъ и пѣть примиряющее: „попьемъ-попоемъ, все горе забудемъ?"

Однажды, когда отецъ далеко за полночь убаюкивалъ меня своими разсказами и мы лежали съ нимъ въ нашей каморкѣ безъ огня — въ кабакѣ раздался звонъ разбитаго стекла, а потомъ зазвенѣли деньги въ большой шкатулкѣ для выручки. Отецъ вскочилъ, наскоро подвязалъ деревяшку, торопливо зажегъ свѣчу и мы съ нимъ осторожно выглянули въ полуотворенную дверь въ кабакъ: тамъ уже все было тихо. Тогда мы вышли за стойку; отецъ кинулся къ выручкѣ: большой, окованной мѣдью шкатулки съ деньгами не было, а окно противъ стойки разбито. Воръ исчезъ черезъ окно вмѣстѣ со шкатулкой и звонъ произошелъ отъ груды мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, когда онъ, вѣроятно, повернулъ ее бокомъ. Все село знало, что ежемѣсячная выручка отца бывала не менѣе пятисотъ рублей, а было уже близко первое число и отецъ ждалъ хозяина за выручкой. Похищеніе было засвидѣтельствовано поднятой на ноги сельской полиціей, а на другой день прискакалъ хозяинъ, богатый купецъ. Онъ былъ толстый, съ широкой бородой вѣеромъ, кривой на одинъ глазъ, съ двумя толстыми цѣпями на жилеткѣ. Въ обыкновенное время онъ всегда шутилъ съ отцомъ, видимо дорожилъ имъ, любилъ слушать гусли и всегда звалъ его почему-то „орломъ", можетъ быть потому, что какъ въ физіономіи, такъ и въ натурѣ необыкновеннаго кабатчика было что-то орлиное: орелъ съ отрѣзанной ногой и подрѣзанными крыльями. Но теперь хозяинъ влетѣлъ въ кабакъ за-

пыхавшись, озабоченный и недовольный. Единственный глазъ сердито вращался, рябоватое лицо покраснѣло...

— Орелъ!—закричалъ онъ.—Много ли украдено?

— Пятьсотъ рублей!—отвѣчалъ отецъ:—вся выручка!..

Хозяинъ плюхнулся на стулъ, вынулъ красный платокъ и сталъ отирать потъ съ лысины...

— Пятьсотъ рублей!—простоналъ онъ хриплымъ голосомъ:— вся выручка! И зачѣмъ я тебя безъ залога взялъ? Что съ тебя, голяка, возьмешь?

— Левъ Осипычъ!—укоризненно заговорилъ отецъ.—Чѣмъ же я-то виноватъ? Вѣдь меня убить могли изъ-за вашихъ денегъ? Да и что вамъ пятьсотъ рублей?

— Какъ что,—заоралъ хозяинъ,—орелъ! Ты не орелъ, а ворона! Проворонилъ мои деньги, да еще смѣешься? Пятьсотъ рублей—деньги! Ихъ на полу не подымешь!..

— Бываетъ, что и на полу подымаютъ!—отвѣчалъ отецъ и бросилъ въ купца толстымъ кожаннымъ бумажникомъ, туго набитымъ.—Я-то орелъ,— презрительно продолжалъ онъ,— орломъ и останусь, а вотъ вы-то кто?

Левъ Осипычъ развернулъ бумажникъ: въ немъ были бумажныя деньги.

— Это что?—спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Пятьсотъ рублей!—отвѣчалъ отецъ:—успокойтесь все цѣло: я всегда ихъ держалъ въ шкатулкѣ, а этой ночью словно кто шепчетъ мнѣ: возьми да возьми въ карманъ! Всталъ, вѣдь, ночью съ постели, вынулъ ихъ изъ шкатулки, да въ карманъ и положилъ! А тутъ какъ разъ и воры! Ну имъ только рублей восемь досталось, мелочь...

— Ор-релъ!..—заоралъ купецъ, словно пьяный, такъ былъ радъ:—молодчина! люблю! орелъ—одно слово, это ты вѣрно!..

И онъ сталъ трясти своей жирной рукой огромную, жилистую руку отца.

На радостяхъ купецъ велѣлъ откупорить бутылку какого-то „допель-кюмеля“ и они дружественно выпили. Отецъ сыгралъ на гусляхъ, я подзванивалъ въ звонокъ. Левъ Осипычъ былъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи и все кричалъ: ор-релъ!

Отецъ только кудрями трясъ.

— Ты, орленокъ!—Н-на! захмѣлѣвшій хозяинъ ущипнулъ меня и подарилъ мнѣ новенькій бумажный рубль; бумажка гремѣла, какъ накрахмаленная, и хорошо пахла. Я былъ радъ.

Отецъ и Левъ Осипычъ выпили еще.

— Ну-съ—сказалъ, наконецъ, хозяинъ: — теперича—учетъ! нельзя! Дѣвушка гуляй, а дѣльце помни! Бѣда, ежели я тебя да въ мошенствѣ пымаю! Ха-ха-ха-ха! З-замузычу!.. Ор-релъ!..

И они принялись за учетъ.

Когда черезъ нѣсколько времени я вбѣжалъ къ нимъ въ кабакъ—они ссорились.

— Какая недоимка?—горячился отецъ:—недоимку слѣдуетъ скостить: въ долгъ мужикамъ роздалъ, а у нихъ кобылка хлѣбъ поѣла, оттого и воровство началось!

Хозяинъ спокойно щелкалъ на счетахъ и холодно отвѣчалъ:

— Скостить нельзя! Вычту съ тебя изъ жалованья!..

Отецъ поблѣднѣлъ. Орлиные глаза его засверкали.

— Какъ?—заговорилъ онъ голосомъ тихимъ и дрожащимъ, между тѣмъ какъ въ груди его клокотало бѣшенство:—не можешь скостить, когда я спасъ тебѣ пятьсотъ рублей? Я могъ, вѣдь, ихъ утаить!

— Могъ утаить—и не утаилъ! Значитъ—дуракъ! былъ я у тебя въ рукахъ—не умѣлъ держать, а теперича за что же я тебѣ буду скащивать? Самъ посуди! Орелъ!

— Такъ ты эдакъ?

— А то какъ-же?—спокойно отвѣчалъ хозяинъ, углубляясь въ счета. Ноздри его остраго носа сплющились, глазъ холодно и неподвижно смотрѣлъ въ приходо-расходную книгу и все рябое лицо приняло непріятное, хищное выраженіе.

Наступило зловѣщее молчаніе.

— Вонъ!—рявкнулъ вдругъ отецъ, блѣдный и весь дрожа отъ злости.

Хозяинъ отъ изумленія не могъ ничего сказать и уставился на него блѣднѣя...

— Вонъ, сволочь!.. Я тебѣ не слуга—повторилъ отецъ и отъ его баса на полкахъ встревоженно задребезжали бутылки и рюмки.

Своей дюжей рукой, оплетенной толстыми жилами, онъ схватилъ хозяина за шиворотъ и тряхнулъ.

Между „орломъ“ и Львомъ Осипычемъ завязалась борьба. Нѣсколько минутъ они возились молча, слышно было только усиленное дыханіе обоихъ. Купецъ былъ гораздо крупнѣе моего отца, но отецъ оказался сильнѣе. Онъ дѣйствовалъ только одной рукой, другой же держался за стойку, чтобы не быть сшибленнымъ съ ногъ, и яростно возилъ противника изъ стороны въ сторону.

Перехватываясь лѣвой рукой по стойкѣ, примыкавшей къ выходной двери, отецъ впихнулъ его въ дверь, но купецъ уперся въ косяки: онъ, пыхтя и страшно вращая глазомъ, силился подшибить отца подъ его деревянную ногу. Тутъ произошло что-то быстрое и неожиданное: отецъ выпустилъ шиворотъ врага и, поднявъ деревяшку на перевѣсъ, пихнулъ ею купца въ толстое, мягкое брюхо.

Купецъ полетѣлъ съ крыльца.

II.

Мы съ отцомъ вышли за околицу, навсегда оставляя село. За спиной у отца висѣли гусли и узелокъ. Лѣвой рукой онъ опирался на свою толстую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, а за правую держался я и сѣменилъ за нимъ по пыльной дорогѣ. Изъ-подъ сѣраго картуза развѣвались по вѣтру его длинные кудри, да въ зубахъ у него ароматно дымилась на свѣжемъ воздухѣ черная коротенькая трубка. Солнце ярко сіяло надъ зеленой степью, село потонуло за пригоркомъ, а впереди серебристою лентой блестѣла на солнцѣ широкая Волга. Мать мы отправили въ родную деревню, къ дѣдушкѣ, а сами превратились въ странствующихъ музыкантовъ.

— Поѣдемъ, Копка, перво-на-перво, въ Нижній, на ярмарку!— сказалъ мнѣ отецъ:—тамъ, говорятъ, музыканты деньги наживаютъ! Тамъ у насъ пойдутъ дѣла по маслу, каждый день буду тебѣ пятакъ на книжку давать!

Въ это время я былъ одержимъ страстью къ чтенію сказокъ. Я жилъ въ чудномъ мірѣ подвиговъ Еруслана Лазаревича, Бовы-королевича и Францыля Венеціана, хотѣлъ каждый день читать новую сказку.

— Идемъ!—отвѣчалъ я, чувствуя въ себѣ героическій духъ Еруслана и Бовы.

Передъ нами открывалась фантастическая жизнь бродячихъ гусляровъ, полная приключеній, богатая новыми впечатлѣніями, яркими картинами...

Трое сутокъ мы плыли на пароходѣ въ третьемъ классѣ. Знойный лѣтній день торжественно сіялъ надъ спокойной гладью рѣки, а навстрѣчу намъ плыла панорама зелено-кудрявыхъ горъ. Эти красивыя береговыя горы важно и задумчиво молчали, песчаныя косы блестѣли, какъ золото, порой изъ-за горы выглядывала любопытно деревушка. По временамъ пароходъ плылъ около самаго берега, у подножія огромныхъ скалъ и тогда нужно было поднимать голову кверху, что-бы видѣть верхушки горъ. Лѣсистыя, курчавыя горы смѣнялись гладкими и онѣ были расписаны правильными узорами посѣвовъ, золотыми квадратами хлѣбовъ, черными полосами пашенъ, зелеными пастбищами. Высоко, наверху горъ ползали чуть видныя стада черныхъ и бѣлыхъ овецъ, коровокъ и лошадокъ... Всѣ они казались маленькими, какъ дѣтскія игрушки. Избушечки селеній тоже представлялись кукольными, съ бѣленькой церковкой, съ малиновымъ звономъ сельскаго колокола... Порой, по извилистой тропинкѣ спускалась къ рѣкѣ за водой дѣвушка въ яркомъ нарядѣ, а у берега колыхались

челноки, бѣгали нагіе ребятишки, купались и брызгали водой и брызги ея алмазами сверкали на солнцѣ...

И вся эта жизнь медленно проплывала мимо насъ и опять смѣнялась величавыми горами и дикими утесами.

— Гляди, Копка,—сказалъ мнѣ однажды отецъ,—вонъ утесъ Стеньки Разина! Экое орлиное гнѣздо!..

И онъ сталъ мнѣ разсказывать о Стенькѣ Разинѣ. Утесъ поражалъ своею мрачной величавостью... Онъ былъ отвѣсный, возвышался прямо изъ воды и казался крѣпостью, сложенной гигантами изъ громадныхъ камней. Весь каменный, съ боковъ окутанный стройнымъ боромъ, онъ грозно хмурился на насъ, словно погруженъ былъ въ грустныя воспоминанія о Степанѣ Тимофеевичѣ. Изъ разщелинъ дикихъ камней упрямо росли молодыя березки, а въ уступахъ вили гнѣзда степные орлы. Отъ этого мѣста вѣяло героическимъ настроеніемъ, а отецъ увлекательно разсказывалъ мнѣ о подвигахъ Разина, о громадныхъ историческихъ сценахъ и фигура волжскаго героя выростала въ моемъ воображеніи до гигантскихъ размѣровъ... Мятежи, разбои и грозныя событія вполнѣ соотвѣтствовали этой романтической обстановкѣ: величавая рѣка, лѣсистыя горы и мрачные утесы словно созданы были для того, чтобы здѣсь разыгрывались трагическія исторіи, эти мѣста однимъ своимъ видомъ наводили на какія-то размашистыя, большія мысли.

— И вотъ, Копка,—разсказывалъ мнѣ отецъ,—поймали его, сковали и руки, и ноги и въ желѣзную клѣтку посадили. Такъ въ въ клѣткѣ, словно звѣря, и повезли въ Москву. Тамъ на красной площади четвертовали...

И онъ въ яркихъ краскахъ и въ живыхъ образахъ большими штрихами, словно художникъ, нарисовалъ мнѣ картину казни: огромная площадь, освѣщенная кровавымъ свѣтомъ восходящаго солнца, полна народа... Эшафотъ... Палачъ въ красной рубашкѣ, съ окладистой бородой, съ топоромъ... Разинъ лежитъ на эшафотѣ... Р-разъ! Отлетѣла правая рука... разъ-разъ!.. лѣвая нога... Разинъ молчитъ... не хочетъ стонать... Онъ гордый. Потомъ такимъ же манеромъ лѣвую руку, потомъ правую ногу и ужъ послѣ голову... Изрубили въ куски и бросили собакамъ. Вотъ какъ!

У меня кровь застывала въ жилахъ. Изумленными глазами смотрѣлъ я то на отца, то на утесъ, который, какъ грозное видѣніе, уплывалъ назадъ и казался мнѣ теперь обиталищемъ величавыхъ тѣней, а отецъ, указывая на него палкой, продолжалъ свои разсказы:

— На этомъ утесѣ былъ сложенъ изъ камней стулъ, на стулѣ сидѣлъ Разинъ и судилъ ослушниковъ и бросали ихъ тутъ же съ горы да въ Волгу... Очень просто?

А то разъ плыветъ Разинъ по Волгѣ со всѣмъ своимъ войскомъ на лодкахъ: пароходовъ тогда не было. Всѣ лодки коврами разубраны, да награбленнымъ добромъ нагружены: разграбилъ онъ персидское царство и персидскую княжну съ собой взялъ. Плывутъ они и пѣсни вольныя поютъ, а кругомъ-то дебри дикія, утесы, да горы, да Волга на солнышкѣ свѣтится. И говоритъ Разинъ: «Эхъ ты, говоритъ, Волга-матушка!..“

И я жадно слушалъ красочный, картинный разсказъ, оживленный деталями: „княжна взвизгнула“, по воздуху сверкнули „золотые башмачки съ красными каблучками“ и проч. Я смотрѣлъ на Волгу и утесы и невольно ждалъ, что вотъ-вотъ изъ-за мыса покажутся разубранныя лодки съ разбойниками, и уже мнѣ чудилось, какъ поютъ они вольныя пѣсни, а Разинъ говоритъ: „эхъ, ты, Волга-матушка!“ Но, ничего подобнаго не показывалось. Плыли иногда парусныя лодки да плоты со своими избушками. А отецъ разсказывалъ.

— Отецъ твоей матери,—говорилъ онъ,—твой дѣдушка, не вѣритъ, что Разинъ умеръ и все споритъ со мной... Въ народѣ, видишь ты, разныя сказки про него сложены, такъ—фантазіи: будто подъ этой самой горой живетъ Разинъ: въ смерти ему отказано, а предназначено вѣчно мучиться: лежитъ онъ въ темной пещерѣ, вродѣ какъ въ подпольѣ... Цѣпями онъ къ этому подполью прикованъ, томится и стонетъ, задыхается безъ воздуха и свѣта. Дѣдушка говоритъ, что когда на Волгѣ поднимается буря—это знакъ, что Разинъ мечется и рветъ свои цѣпи. Кажется, что только Волга шумитъ да валы объ утесы бьютъ, а если прислушаешься, это „онъ“ подъ горою стонетъ... Съ виду будто бы только сосны подъ вѣтромъ гудятъ, а наставить ухо, послушаешь хорошенько—желѣзныя цѣпи звенятъ!

И лежитъ въ пещерѣ огромный великанъ, сѣдой и нагой... Борода ему все тѣло покрываетъ, на рукахъ и ногахъ за триста-то лѣтъ львиные когти отрасли, цѣпь его, какъ змѣя, обвила и съ тѣломъ срослась... Лежитъ Разинъ и на груди своей всю гору выдерживаетъ. Каждую ночь приходятъ левъ и медвѣдь, въ клочья его разрываютъ... И тогда онъ стонетъ, и отъ стоновъ его дрожитъ гора, а на Волгѣ поднимается буря. Но въ томъ-то и штука, что къ утру онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, сростается и опять цѣлехонекъ лежитъ въ цѣпяхъ, и опять гора его давитъ... Такъ мучится Разинъ и конца его мученіямъ не будетъ никогда!

Отецъ задумался немного, помолчалъ и повторилъ грустно и вдумчиво:

— Никог-да!..

Я полюбилъ Разина за его мужество и страданія. Я настроенъ

былъ сказочно, на богатырскій ладъ и въ моихъ глазахъ онъ былъ гордый и мятежный волжскій духъ. Прикованный къ утесу, онъ жилъ въ этихъ горахъ. Мало того, онъ былъ въ моемъ отцѣ и во мнѣ.

Вѣчный духъ безпокойства, мученіямъ котораго никогда не бываетъ конца—вотъ что было въ насъ. Намъ была по душѣ дерзость Разина, намъ оторваннымъ отъ всего уклада жизни, отрицаемымъ ею, одинокимъ, чуждымъ всѣмъ. Мы оба любили героевъ непокорныхъ и одинокихъ, сильныхъ и воинственныхъ. И отецъ безъ конца разсказывалъ мнѣ о нихъ. А Волга ослѣпительно трепетала на солнцѣ, вдали со дна рѣки, всплывалъ вдругъ, словно лебедь, бѣлый пароходъ и, дымясь, гармонично, гулко пѣлъ. Ревъ его катился по рѣкѣ и пропадалъ за горами. А въ отвѣтъ ему оглушительно и дико, со свистомъ и хрипотой, яростно оралъ нашъ пароходъ и, мощно барабаня колесами, весь сотрясался и дрожалъ, словно былъ охваченъ неукротимою злобой, словно мчался онъ въ бой. Потрясенный его могучимъ, страшнымъ голосомъ, я зажималъ уши и въ страхѣ бросался къ отцу: онъ мнѣ казался единственнымъ и вѣрнымъ моимъ оплотомъ въ этой огромной жизни, гдѣ исчезалъ я, какъ маленькая, незамѣтная пылинка.

— Чего ты, дурачокъ, боишься?—успокаивалъ меня отецъ:— это свистокъ, паръ! Вонъ видишь, какъ онъ устроенъ: повернуть ручку—паръ и бьетъ въ края этой мѣдной трубки...

И онъ послѣ свистка подводилъ меня къ трубкѣ, гдѣ расхаживалъ сердитый усастый человѣкъ въ форменномъ картузѣ—и объяснялъ ея устройство: онъ страстно любилъ механику и разсказывалъ мнѣ все это со своимъ обычнымъ увлеченіемъ... Потомъ подводилъ къ машинѣ и, говоря о ней, возвышался уже до истиннаго краснорѣчія. Я со страхомъ и любопытствомъ заглядывалъ въ огромное брюхо парохода и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ работалъ могучій и страшный механизмъ, какъ двигались огромные, блестящіе цилиндры, облитые хлюпающимъ масломъ и какъ копошились и кишѣли безчисленные колесики.

— Это все паръ приводитъ въ движеніе!—объяснялъ отецъ:— но когда-нибудь наука выдумаетъ и „вѣчный двигатель“, который будетъ двигаться безъ пара, самъ, и—вѣчно! — продолжалъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и вѣрой,—онъ будетъ на подобіе вселенной и этихъ безчисленныхъ міровъ, которые всѣ ворочаются вокругъ солнца и звѣздъ... Каждая звѣзда, вѣдь,—это тоже солнце!

О „наукѣ“ онъ всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ и любовью и у насъ начинался упоительный разговоръ о звѣздахъ и планетахъ, о морѣ и солнцѣ, о жаркой сторонѣ, полной ска-

зочныхъ чудесъ, о жителяхъ луны, о человѣческой душѣ и мой отецъ давалъ волю своей пылкой фантазіи. Онъ умѣлъ разсказывать съ мельчайшими подробностями о томъ, чего самъ никогда не видалъ. Съ луны и звѣздъ мы опять спускались на землю, но не къ нашей печальной жизни, не въ тѣсныя каморки и бѣдныя хижины, хорошо знакомыя намъ, а въ роскошные дворцы и пышныя залы, къ жизни богатыхъ и счастливыхъ. Отецъ водилъ мою жадную мысль по безчисленнымъ сказочнымъ амфиладамъ, безъ конца отворяя предо мной все новыя и новыя двери съ яшмовыми рукоятками, съ зеркальными стеклами, съ дивными звѣрями у мраморныхъ ступеней крыльца... Наконецъ, онъ описывалъ мнѣ жизнь царя съ такимъ обиліемъ подробностей и съ такимъ видомъ, какъ будто самъ былъ развѣнчаннымъ царемъ. Онъ описывалъ царское бѣлье, царское кушанье, весь день царя, его занятія и, наконецъ, спальню съ высокой золотой кроватью подъ краснымъ балдахиномъ изъ бархата и острымъ мечомъ, который виситъ на тонкой ниточкѣ надъ головой царя...

Грустная дѣйствительность нашей жизни была слишкомъ неприглядна, чтобы ей интересоваться, и, два мечтателя, мы больше интересовались мечтами. Разсказы отца отвѣчали въ моей душѣ подвигамъ Бовы и Еруслана и уносили ее въ аристократическій міръ героизма и рыцарства.

Потомъ мы начинали играть передъ пароходной публикой. Насъ плотнымъ кольцомъ окружала разношерстная, любопытная толпа, разглядывая насъ и наши гусли, какъ нѣчто странное и неподходящее къ ея прозаической жизни.

А отецъ начиналъ „Пѣсню про Стеньку Разина“:

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны
Выбѣгаютъ росписные,
Остргрудые челны!..

Мотивъ этой пѣсни былъ самый разбойническій, размашистый и отецъ пѣлъ ее сильнымъ голосомъ, вольно и широко...

А струны журчали, словно весла всплескивали, пѣсня мчалась мѣрными взмахами и выходило похоже на то, какъ «острогрудые челны“ разрѣзаютъ звонкую волну и какъ длинныя весла на солнцѣ блестятъ...

На переднемъ Стенька Разинъ,
Обнявшись съ своей княжной,
Свадьбу новую справляетъ
И веселый и хмѣльной...

Мнѣ, уже настроенному его разсказами, представлялась цѣлая стая лодокъ, „разубранныхъ коврами“, отчаянныя лица раз-

бойниковъ и Разинъ, говорящій съ Волгой. А въ пѣснѣ разсказывалась вся эта поразительная исторія...

Эхъ ты, Волга, мать родная,
Волга, вольная рѣка!..

Гремитъ сильный голосъ отца и мнѣ кажется, что это голосъ Разина.

Толпа вокругъ увеличивается, всѣ ждутъ, чѣмъ кончится пѣсня, а отецъ пропоетъ куплетъ и помолчитъ немного, только струны журчатъ и звуки бѣгутъ и мчатся легкіе челны.

Мощнымъ взмахомъ поднимаетъ
Онъ персидскую княжну
И за бортъ челна бросаетъ!

Рѣзко обрывается пѣсня: словно „ахнули" всѣ, словно бросили весла... И опять повторяются послѣднія слова, но уже нѣжно, жалобно и медленно, словно душа разстается съ тѣломъ и тихо плачутъ волны, принимая драгоцѣнный подарокъ:

И за бортъ челна бросаетъ...
Въ набѣжавшую волну...

И въ душѣ у Разина, въ темной ея глубинѣ, тоже что-то плачетъ... о любви, вырванной съ кровью изъ сердца. Но тотчасъ же начинается прежній размахъ и отецъ, тряхнувъ кудрями, поетъ, какъ настоящій разбойникъ:

Гей, ты, Фролка, чортъ! пляши!
Грянемъ пѣсню удалую,
На поминъ ея души!
Изъ-за острова на стрежень
На просторъ...

И пѣсня заканчивается такъ же, какъ и начиналась: челны бѣгутъ, волны журчатъ, весла всплескиваютъ и никакихъ слѣдовъ не остается на томъ мѣстѣ, гдѣ утопили княжну. Все исчезаетъ.

Выйду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю!..

Потряхивая кудрями, переходилъ отецъ на другую пѣсню.

Унеси ты мое горе!..

Безпечныя, живыя трели русскихъ пѣсенъ, вдохновенный видъ отца и юмористическія движенія его пальцевъ по струнамъ мало-по-малу наэлектризовываютъ слушателей и въ круглую дыру гусель сыплются мелкія деньги.

А ночью небо и Волга, и берега—все одѣвалось теплою мглой, въ небѣ выплывали лучистыя звѣздочки и въ черной мглѣ горизонта перепутывались съ разноцвѣтными огоньками маяковъ и встрѣчныхъ судовъ. Пароходъ мчался въ таинственную безбрежную мглу, изъ черной огромной трубы вмѣсто дыма столбомъ вылетали мелкія красныя искры и гасли на бархатномъ фонѣ черной ночи.

И мнѣ казалось, что какое-то сказочное чудовище съ красными огненными глазами, изрыгая искры, какъ змѣй-Горынычъ, уноситъ насъ въ невѣдомый, удивительный край...

И вотъ однажды утромъ этотъ край вдругъ предсталъ предъ моими глазами. Я проснулся отъ какого-то страннаго пѣнія. Пароходъ шелъ медленно. На носу парохода широкоплечій, чернобородый матросъ стоялъ у борта и, закидывая пестрый, длинный шестъ, нащупывалъ дно...

— Ше-сть!..—пѣлъ онъ густымъ и мрачнымъ басомъ.

И тотчасъ же, какъ эхо, откликался ему гдѣ-то невидимый дрожащій теноръ и повторялъ за нимъ протяжно и печально:

— Ше-сть!..

И пока онъ тянулъ, коренастый матросъ опять погружалъ за бортъ свой шестъ и безнадежно пѣлъ:

— Пя-ать!..

— Пя-ать!..—Жалобно подхватывалъ невидимка.

— Шесть съ половиной!—ободряюще и быстро вскрикивалъ басъ:

— Шесть съ половиной! — радостной скороговоркой повторялъ теноръ.

Но мрачный матросъ снова закинулъ шестъ и опять протяжно и сердито запѣлъ:

— Шесть!..

— Шесть!.. — разочарованно и грустно звенѣлъ невидимый теноръ...

На горизонтѣ, совсѣмъ уже близко, зеленѣла высокая гора, а на горѣ блестѣлъ подъ лучами утренняго солнца красивый, словно сказочный городъ: онъ былъ обнесенъ зубчатой каменной стѣной съ башнями, старинныя церкви такъ и сіяли своими золотыми головами, а рѣка противъ города была вся отъ одного берега до другого запружена судами и мачты этихъ судовъ съ безчисленными красными и бѣлыми флагами казались огромнымъ лѣсомъ, которому не видно было конца. И пароходъ нашъ подходилъ къ нимъ все ближе и ближе...

Мы съ отцомъ ходили по многолюднымъ, шумнымъ улицамъ огромнаго города, играли и пѣли подъ окнами многоэтажныхъ домовъ, продирались сквозь разноцвѣтную, веселую, потную толпу...

Надъ ярмаркой стоялъ цѣлый адъ звуковъ: изъ трактировъ ревѣли „машины“ съ литаврами, бубнами и турецкими барабанами, доносилось безшабашное хоровое пѣніе съ визгомъ и пляской.

На улицахъ гремѣли ломовики и пролетки, жужжала оживленная толпа; уличные пѣвцы, музыканты и плясуны пѣли, играли и плясали, задирая головы на окна верхнихъ этажей. Это былъ

все пришлый, нерусскій народъ: евреи и еврейки съ арфами и скрипками, уличные оркестры венгровъ съ мѣдными трубами и хриплыми контрабасами, музыканты-акробаты, изъ которыхъ каждый игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ: руками, ногами и головой и, наконецъ, гудочники-итальянцы съ гудкомъ подъ мышкой, въ національныхъ рваныхъ и засаленныхъ костюмахъ, съ красивыми загорѣлыми лицами и живыми мягкими тѣлодвиженіями, полными прирожденной граціи. Все это наигрывало, звенѣло, гудѣло, пѣло и плясало разомъ, создавая невообразимый гамъ: волынка тянула странные нерусскіе мотивы, скрипки уличныхъ скрипачей визжали, разстроенныя струны арфъ безпомощно стонали, трубы неистово ревѣли и хрипѣли, литавры звенѣли, барабаны бухали, пѣвцы и пѣвицы надрывались, желая быть услышанными...

Толпа густыми волнами текла повсюду съ невнятнымъ гуломъ и жужжаніемъ; мелькали яркіе восточные костюмы: татары въ золотыхъ и серебряныхъ тюбитейкахъ, въ халатахъ изъ желтой и голубой матеріи, китайцы въ томъ нарядѣ, въ какомъ ихъ обыкновенно рисуютъ, въ широкихъ цвѣтныхъ шароварахъ, въ странной шляпѣ и странной обуви, косоглазые, смуглые, съ длинными тонкими усами, съ черной, жесткой косой. Уличные акробаты въ яркомъ трико сгибались въ кольцо, прыгали, перевертывались въ воздухѣ, ручныя обезьяны лазали по водосточнымъ трубамъ громадныхъ домовъ, заглядывая въ окна верхнихъ этажей, потѣшая толпу. Изъ оконъ трактировъ, откуда несся гамъ и гулъ голосовъ, грохотъ „машинъ" и взвизгиванія женскаго хора, спокойно выглядывали полуобнаженныя женщины. Надъ пестрой, веселой и поющей толпой стояла золотистая пыль, освѣщенная жаркими лучами лѣтняго солнца...

Мы затерялись въ этой толкотнѣ со своими тихими простодушными гуслями...

На огромной площади, полной народа, виднѣлся цѣлый рядъ „балагановъ". На вышкѣ каждаго изъ нихъ гремѣлъ раздирающій уши оркестръ и кривлялись „паяцы" въ смѣшномъ дурацкомъ нарядѣ. Потрясая высокимъ колпакомъ съ погремушками, они отпускали ѣдкія шуточки, а толпа слушателей отвѣчала имъ шутками, еще болѣе смѣшными. Набѣленныя лица „паяцовъ" были непріятны, со щетинистыми усами, съ рѣзкими чертами и морщинами, со слѣдами пьяной и тяжелой жизни...

Тутъ же крутились карусели, каждая подъ свою музыку. Около одной карусели мы долго стояли и смотрѣли на музыкантовъ: ихъ было трое и всѣ они были пьяны, въ растерзанныхъ одеждахъ, двое играли на гармоніяхъ, а третій—на барабанѣ, предаваясь игрѣ съ необыкновенной энергіей. Одинъ изъ гармо-

нистовъ былъ только въ одномъ бѣльѣ... Нервное, блѣдное лицо его, обросшее рыжей щетиной, являло всѣ признаки долгодневнаго пьянства и сильнаго возбужденія, воспаленные глаза блестѣли, всѣ силы его души, казалось, были напряжены „во всю", какъ натянутыя струны и онъ игралъ мастерски, съ неистовствомъ, съ бѣшеной энергіей, въ какомъ-то изступленіи... Играя, онъ размахивалъ гармоніей, поднималъ ее надъ головой, растягивалъ ея длиннѣйшіе мѣхи и въ упоеніи собственной игрой качалъ нечесаной махнатой головой, а гармонія такъ и пѣла, говорила, рыдала и смѣялась, и звенѣла болью натянутыхъ нервовъ, „до бѣлья" пропившагося тѣла, и широкимъ размахомъ русской души, которая развернулась и удержу знать не хочетъ.

— Ай, да портной!—говорили кругомъ:—пропился человѣкъ, въ музыканты попалъ, а ловко наяриваетъ!.. Яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего!..

Второй гармонистъ аккомпанировалъ столь же энергично и, судя по чернымъ рукамъ, былъ сапожникомъ. Но всѣхъ энергичнѣе былъ барабанщикъ, деревенскій парень... Весь красный отъ своей работы, обливаясь пôтомъ, онъ злобно и ожесточенно билъ палкой въ большой турецкій барабанъ, словно тотъ былъ его заклятымъ врагомъ.

— Жарь!—слышалось изъ толпы:—сыпь, ребята!

Отъ музыки этихъ троихъ музыкантовъ вѣяло огромнымъ подъемомъ настроенія, силой энергіи, удалью и ширью...

Около „силомѣра" мы заинтересовались богатыремъ-калачникомъ: онъ былъ почти на голову выше толпы, весь въ мукѣ, съ рыжими курчавыми усами, въ картузѣ на ухо и до-нельзя рваномъ пиджакѣ въ накидку... Какой у него былъ героическій видъ! Какъ гордо смотрѣлъ онъ на толпу, какъ легко раздвинулъ ее своимъ богатырскимъ плечомъ! Изъ устъ его рѣкой лилась риѳмованная ругань, онъ ругался артистически, торжественно и побѣдоносно, выражая звонкой руганью избытокъ силъ и благодушно-боевое настроеніе.

И онъ одной рукой бралъ тяжелый деревянный молотъ, вдохновенно билъ имъ, кверху по доскѣ взлеталъ кусочекъ желѣза и эффектно разбивалъ пистонъ...

— Ссаривай! Знай нашихъ, почитай своихъ! Что, черти? Живота вамъ, али смерти?—вызывающе ругался калачникъ.

Онъ побѣдилъ всѣхъ, презрительно раздвинулъ толпу и гордо исчезъ въ ревущей пасти ближайшаго кабака.

Гулъ и стонъ стоялъ надъ ярмаркой... Мы съ трудомъ продирались сквозь густую толпу, останавливаясь кое-гдѣ поглазѣть... Насъ обоихъ подавляло обиліе впечатлѣній, лицъ, красокъ и звуковъ... Толпа, представлявшая смѣсь всероссійскихъ типовъ, фи-

зіономій и одеждъ всѣхъ странъ и народовъ, съ гуломъ, говоромъ, пѣніемъ и руганью безконечнымъ потокомъ проходила передъ нами: китайцы, бухарцы, негры и итальянцы смѣнялись русскими купцами, мужиками, барынями, сапожниками и калачниками.

А по серединѣ площади какой-то разносчикъ выставилъ зеркальный шаръ величиной съ „камышинскій" арбузъ и на его поверхности отражалась вся ярмарка, со всѣми зданіями, со всѣмъ движеніемъ разноцвѣтно-одѣтой толпы, въ которой мы мы увидали и себя, маленькими, словно на фотографической карточкѣ: я долго разсматривалъ въ безконечной смѣнѣ лицъ крохотныя отраженія кудряваго гусляра съ характернымъ, энергичнымъ лицомъ съ гуслями за плечами и маленькаго деревенскаго мальчика рядомъ съ нимъ.

Отецъ вспомнилъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ долженъ быть памятникъ Минину и Пожарскому. Онъ разсказалъ мнѣ объ этихъ людяхъ и хотѣлъ показать мнѣ памятникъ, но не зналъ, какъ его отыскать и сколько ни спрашивалъ встрѣчныхъ, никто ничего не могъ сказать о памятникѣ. Каждый думалъ о своемъ личномъ дѣлѣ, настроеніе у всѣхъ было злободневное, торговое, только мы съ отцомъ интересовались героями и на ярмаркѣ жизни искали чего-то, что было чуждо всѣмъ и близко намъ. Отецъ, наконецъ, рѣшилъ, что Минина и Пожарскаго нѣтъ здѣсь.

— Есть другой Новгородъ, — сказалъ онъ мнѣ: — такъ они тамъ, въ другомъ Новгородѣ!

Наконецъ, мы попали въ грязный и низенькій трактиръ; тамъ было много комнатъ и во всѣхъ комнатахъ толпились люди, сидѣли за столами и пили. Въ трактирѣ стоялъ гулъ и шумъ голосовъ, звонъ посуды, гремѣло пѣніе. Въ самой большой комнатѣ, на возвышенной площадкѣ пѣли пѣсни женщины въ коротенькихъ платьицахъ и голыми плечами. Онѣ слегка пританцовывали, и оттопыривая пальцами свои кисейные подолы, потрясали ими въ тактъ своему пѣнію. Одна изъ нихъ, которая стояла впереди, запѣвала сильнымъ груднымъ голосомъ:

Разъ въ когтяхъ нужды-злодѣйки
Стукнулъ нищій въ дверь мою,
Но сама я безъ копѣйки
Голодаю, да пою!
— Тру-ля-ля! Тру-ля-ля!

Припѣвали остальныя, чуть-чуть поднимали юбки, пританцовывали и неестественно улыбались.

Ради неба проситъ пищи
И пуста его сума...

Жаль бѣднягу!.. Хочешь, нищій,
Вмѣсто хлѣба — я сама?..
— Тру-ля-ля! Тру-ля-ля!

Весело подхватывалъ хоръ пѣвицъ. Всѣ онѣ были очень красивыя, молодыя,—голоса звенѣли, какъ струны...

Наше появленіе было замѣчено хозяевами трактира и намъ позволили въ антрактѣ показать свое искусство. Отцу дали столъ, онъ положилъ на него гусли, засучилъ рукава, настроилъ струны, тряхнулъ кудрями и заигралъ.

Онъ заигралъ печальную, задушевную пѣсню... Рѣзкимъ диссонансомъ прозвучала она въ этомъ грязномъ городскомъ трактирѣ среди безшабашнаго веселья и нечистыхъ пѣсенъ. Невинныя гусельныя трели какъ бы случайно залетѣли сюда, словно пойманныя полевыя птички. Отъ нихъ вѣяло чистымъ воздухомъ полей, онѣ какъ будто грустили, одиноко порхая въ нездоровомъ воздухѣ огромнаго, возбужденнаго города. А у насъ обоихъ, у отца и у меня, на сердцѣ была печаль по оставленной деревнѣ и страхъ передъ городомъ...

Къ намъ прислушивались. Шумъ трактира сталъ глуше.

Тогда отецъ запѣлъ:

Вѣтка, вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь?
Берегись сердечная:
Въ морѣ попадешь!

Жалобныя трели и грустные аккорды гусель опять заговорили, словно повторяя его слова, а онъ, помолчавъ, продолжалъ пѣсню:

Нечего беречься мнѣ!
Вѣткинъ былъ отвѣтъ:
Я уже изсохшая,
Во мнѣ жизни нѣтъ!

Какъ задушевно, какъ грустно онъ пѣлъ своимъ теплымъ голосомъ!.. Негромкій, но густой и слышный, этотъ голосъ переплылъ черезъ весь гамъ трактира, какъ волна, и смолкъ, а трели повторили его слова и передали его басамъ. Басы согласились, но тихо спросили о чемъ-то...

Отъ родного деревца,
Вѣтеръ оторвалъ!

Объяснилъ отецъ и ноздри его раздулись и глаза внезапно заблестѣли...

Пусть теперь несетъ меня
Куда хочетъ валъ!..

И опять заговорили печальныя струны... Тутъ подошла къ намъ замѣчательно красивая дѣвушка. Я былъ до глубины души пораженъ ея красотой и фантастическимъ яркимъ нарядомъ: на ея черныхъ густыхъ волосахъ лежала красная шелковая шапочка, украшенная мелкими серебрянными монетами, вся грудь была въ ожерельяхъ изъ монетъ, рукава куртки широкіе, расшитые золотой бахромой, а юбка на дѣвушкѣ была изъ краснаго атласа... Она весело смотрѣла огромными черными глазами изъ-подъ густыхъ и длинныхъ рѣсницъ и казалась очень живой и возбужденной... Смуглая, румяная, съ южными чертами лица, она была дивно-хороша! И голосъ у нея былъ музыкальный, похожій на звукъ свирѣли, а говорила она, словно пѣла, чужимъ, не нашимъ говоромъ, „по-хохлацки", какъ объяснилъ мнѣ послѣ отецъ.

— Бандуристіку, голубчичку! Заграй мені, а я заспиваю! Заграй, кучерявый!

И она громко запѣла своимъ свирѣльнымъ голосомъ:

Віютъ витры, віютъ буйны,
Ажъ дерева гнутця!..

Отецъ сразу подхватилъ на гусляхъ аккомпаниментъ и сильное, грудное сопрано такъ и зазвенѣло по всему трактиру... Ея голосъ былъ яркій и горячій, какъ лучи ея родного, южнаго солнца и брызгалъ словно огненный дождь, обдавая толпу... Теперь мы уже сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія, со всего трактира прихлынулъ народъ, кольцомъ окружилъ пѣвицу и гусляра, а она пѣла, ни на кого не глядя, и лицо ея было теперь такое гордое, мрачное и прекрасное!..

Ой, якъ болыть мое сердце,
А слезы не льютця!..

Разливалась по трактиру печальная пѣсня. Но слезы обильнымъ ручьемъ уже текли изъ ея прекрасныхъ глазъ. Она пѣла задушевно и грустно и такъ была красива, поющая и плачущая, что жаль было смотрѣть на нее.

Вдругъ она быстро положила хорошенькую ручку на струны и остановила пѣсню.

— Веселую!—крикнула она.

Отецъ заигралъ веселую.

А она тряхнула головкой, повела плечами, зазвенѣла всѣми своими монетами, улыбнулась и, плавно поворачиваясь на каблукахъ, граціозно покачивая станомъ и разводя руками, запѣла:

Попьемъ, попоемъ —
Все горе забудемъ,
А смерть прійдетъ —
Умирать будемъ!..

Слушатели смѣялись. „Ловко поетъ!“ говорили одни. „Пьяная“, возражали другіе.

Она пѣла и хлопала въ ладошки, притопывая каблучками и плавно поворачиваясь кругомъ себя, а по лицу ея все еще текли слезы.

Въ эту минуту явился полицейскій въ сопровожденіи толстаго, хорошо одѣтаго господина. Полицейскій грубо ухватилъ пѣвицу за руку и прекратилъ ея веселье, а господинъ что-то такое говорилъ и видъ у него былъ оскорбленный и обиженный. А она покорно пошла съ ними изъ трактира и только громко ругалась непечатными словами. Въ толпѣ звучали слова: „убѣжала“, „били“, „обязана“ и еще что-то, непонятное мнѣ.

Мы играли въ этомъ трактирѣ нѣсколько дней. Потомъ насъ пригласили въ другой. Тамъ было то же самое. Наконецъ, мы получили предложеніе въ большой трактиръ играть тамъ до конца ярмарки на жалованье въ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

Трактиръ помѣщался во второмъ этажѣ огромнаго дома и въ него вела длинная, широкая лѣстница. Въ наше распоряженіе дали крохотную, полутемную каморку, два раза въ день подавали чай, въ полдень обѣдъ и поздно вечеромъ ужинъ.

Днемъ почти нечего было дѣлать: трактилъ пустовалъ и только по временамъ приходила пить чай большая компанія татарскихъ купцовъ. Они всѣ были одѣты въ дорогіе національные костюмы яркаго цвѣта, ходили въ калошахъ и ичигахъ изъ зеленаго сафьяна, а съ бритыхъ головъ не снимали дорогихъ тюбитеекъ, густо расшитыхъ золотомъ и серебромъ. Все на нихъ блестѣло и шелестѣло. Они были важные, молчаливые, медлительные и говорили на странномъ гортанномъ языкѣ. Имъ подавали на большомъ подносѣ фарфоровыя чашечки, низенькія и широкія, похожія на татарскія тюбитейки, и они медленно и долго пили изъ нихъ густой чай. Въ нашей музыкѣ они не нуждались.

Днемъ отецъ обыкновенно разучивалъ про себя новые мотивы, слышанные имъ здѣсь. У него былъ хорошій слухъ и большая память и онъ уже игралъ на своихъ гусляхъ всѣ „марши“, „польки“ и всевозможные отрывки изъ оперъ и оперетокъ, усвоенные имъ отъ здѣшнихъ бродячихъ музыкантовъ. Игралъ онъ и всѣ нѣжно-печальные, одного характера, нижегородскіе народные напѣвы, неумолчно звучавшіе въ воздухѣ.

А вся ярмарка, прежде всего, гудѣла здѣсь пѣснями: онѣ носились въ воздухѣ, лѣзли въ уши и неизбѣжно запечатлѣвались въ памяти. Эти мелодичныя нижегородскія пѣсни, въ которыхъ неизмѣнно воспѣвались любовь и разлука, до сихъ поръ звучатъ

у меня въ ушахъ: онѣ особенно хорошо выходили на нѣжныхъ гусельныхъ струнахъ.

Онъ разучивалъ эти пѣсни и даже, кажется, сочинялъ свои, а я въ это время упивался чтеніемъ лубочной книги, купленной за пятакъ: этотъ пятакъ я ежедневно сталъ требовать у отца, помня его обѣщаніе. Онъ сначала давалъ охотно, но потомъ сталъ отказывать и сердиться.

А я всѣмъ существомъ моимъ жилъ въ мірѣ богатырей, рыцарей, волшебниковъ и драконовъ. Послѣ каждой прочитанной сказки я долго не могъ успокоиться и пытался передавать мои впечатлѣнія бумагѣ: я рисовалъ. Такъ какъ рисовалъ я безъ устали и вѣчно, то на бумагу для этого тоже не было денегъ и я подбиралъ на полу оберточную бумагу и покрывалъ ее изображеніемъ вооруженныхъ съ ногъ до головы рыцарей, снабжая каждое изображеніе подписью въ формѣ двустишія.

Я продолжалъ мои занятія и вечеромъ, когда подъ потолкомъ трактира зажигали лампы, и пользовался желтой оберточной бумагой изъ-подъ гильзъ, которая при свѣтѣ лампъ становилась бѣлой и на ней можно было рисовать. Отъ рисованія отрывалъ меня отецъ, налаживая струны и принимаясь за „работу“: трактиръ начиналъ наполняться „гостями“.

Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы только что очнулся отъ роскошныхъ и сладкихъ сновидѣній, и съ тоской начиналъ бить въ звонокъ, а отецъ разливалъ по трактиру звонкія гусельныя трели.

Иногда мы пѣли дуэтомъ „Стонетъ сизый голубочекъ“, или „Вотъ на пути село большое“, или „Вѣтку“. У меня былъ звонкій дискантъ и я любилъ пѣть, но пѣть по принужденію не хотѣлъ и часто отказывался отъ пѣнія. Тогда мы ссорились.

— Пой!—говорилъ мнѣ отецъ.

Настроеніе мое моментально становилось мрачнымъ, я „бычился“ и молчалъ.

— Пой, говорятъ тебѣ!—горячился отецъ и начиналъ аккомпаниментъ.

Гусли рокотали. Я молчалъ.

— Пой, чортъ тебя подери!—уже ревѣлъ онъ на меня въ бѣшенствѣ.

Я начиналъ пѣть, но оказывалось, что по случаю грубаго обращенія со мной, у меня совсѣмъ пропалъ мой обычный звонкій голосъ: онъ дрожитъ, обрывается, слабѣетъ, а глаза мои наполняются слезами оскорбленнаго самолюбія.

— Громче! кипятится отецъ.

Я совсѣмъ умолкаю: горло сдавлено спазмой, по щекамъ льются слезы.

*

— Тьфу!—ни одной книжки тебѣ не куплю! Звони!

И онъ пѣлъ одинъ „комичесвіе“ куплеты:

Встрѣча-то премерзкая:
Лавочникъ идетъ,
А жена-то, дерзкая,
Въ лавкѣ въ долгъ беретъ!
Дѣти плачутъ съ голоду,
Дохнетъ вся семья:
Глупо сдѣлалъ смолоду,
Что женился я!..

Онъ пѣлъ и по прежнему энергично потряхивалъ кудрями но сквозь веселый строй гусель пробивалась печаль...

Когда по окончаніи игры никто изъ публики не подходил къ гусляру и не бросалъ на струны мелкихъ денегъ, тогда отец посылалъ меня обходить слушателей съ протянутой шляпой в рукѣ. Изъ-за этого у насъ тоже выходили препирательства, н угроза лишенія книгъ дѣйствовала и я шелъ собирать деньги.

Смущенно путешествуя со шляпой, я чувствовалъ себя уни женнымъ: гордость моя страдала. Нѣкоторые давали мнѣ деньг со словами: „это тебѣ“, но я все отдавалъ отцу.

„Гости“ все прибывали, голоса ихъ начинали сливаться в один общій гулъ и мы барабанили всю ночь почти безъ пере дышки. Мало-по малу фигуры гостей расплывались, разбухали выростали до потолка, потомъ сразу исчезали, гулъ трактира ста новился глуше, въ ушахъ гудѣли только знакомые звуки гусел и я звонилъ сквозь сонъ, съ закрытыми глазами. Толчокъ отцов ской руки пробуждалъ меня, я поднималъ голову и опять, посте пенно склоняя ее, звонилъ, звонилъ, звонилъ...

У отца на всѣхъ пальцахъ были кожаные „напалки“, иначе какъ говорилъ онъ, „пальцы можно протереть до кости“.

Такова была наша „работа“.

Однажды утромъ, когда трактиръ пустовалъ и мы были сво бодны, отецъ спускался со мной по длинной лѣстницѣ изъ трак тира чтобы идти купаться на Оку.

На лѣстницѣ, какъ и во всемъ трактирѣ, было пусто, ти Вдругъ на ней появились какіе-то люди и бросились къ от Одинъ изъ нихъ, звѣрообразный, рыжій, похожій на того пар который хотѣлъ разбить гусли, загородилъ отцу дорогу.

— Ты что, хромой чортъ, намъ вчера испортилъ дѣло? хриплымъ голосомъ зарычалъ онъ.

— А то, что я не согласенъ людей грабить! — отвѣча отецъ.—Пошелъ прочь!

— Ахъ ты... ш... шерстобитъ! — злобно зашипѣлъ рыжій схватилъ отца за горло. Трое другихъ молча вцѣпились въ н и началась борьба: отецъ одной рукой держался за перила,

другую, на которой кто-то повисъ, напрягался поднять. Рыжій душилъ его и онъ хрипѣлъ, лицо налилось кровью, глаза страшно выкатились. Я пронзительно визжалъ и колотилъ ручонками рыжаго. Мой визгъ спасъ отца: сверху прибѣжали половые, таинственные люди бросились на улицу и убѣжали.

Отецъ едва отдышался.

— Разбойники!—говорилъ онъ всѣмъ собравшимся.—Хотѣли они вчера обобрать пьянаго купца, да я не согласился, а безъ меня нельзя было! Такъ вотъ—за это! Тутъ грабежомъ деньги-то наживаютъ! Ну, якшаться съ ними намъ не рука!

Онъ тряхнулъ кудрями и шутливо добавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Видно, Копка, здѣсь у насъ дѣла-то не пойдутъ по маслу!

„Дѣла“ шли у насъ, дѣйствительно, далеко не по маслу. „Доходы“, на которые разсчитывалъ отецъ, были плохіе, а на „темныя“ дѣла онъ не соглашался; значитъ, о солидномъ заработкѣ нечего было и думать.

Но я знать ничего не хотѣлъ и каждый день клянчилъ пятакъ на книжку. Когда въ трактиръ заходилъ разносчикъ съ коробомъ лубочныхъ книгъ и картинъ, я ударялся въ слезы.

— Купи книжку!—умолялъ я отца, обливаясь слезами.

— Денегъ нѣтъ, не куплю!—сурово отвѣчалъ онъ.

— Купи-и!—приставалъ я, всхлипывая.—Деньги есть, я самъ видалъ въ сундукѣ!

— Отстань! какія это деньги? Онѣ нужны тебѣ же, на сапоги, на рубашку!

— Не надо мнѣ сапоги! не надо рубашку! книжку мнѣ! Вѣдь только пята-акъ!—тянулъ я его за душу.

— Сегодня пятакъ, завтра пятакъ!.. Эго—его же царствію не будетъ конца!

— Купи-и!..

Я реву. Все лицо мое мокро отъ слезъ.

— Я тебѣ всѣ пѣсни буду пѣть! Буду слушаться!—пускаюсь я на обѣщанія.

— Не куплю!—говоритъ онъ непреклонно.

— Зачѣмъ же ты меня обманулъ? — сквозь рыданія кричу я, испытывая первое разочарованіе въ жизни.

— Чѣмъ я тебя обманулъ?

— Ты... говорилъ... какъ пріѣдемъ въ Нижній... каждый день... по книжкѣ...

Родникъ моихъ слезъ оказывался неизсякаемымъ. Я поступалъ жестоко: вѣроятно, отцу было тяжело видѣть мое горе. Но онъ оставался непреклоннымъ поневолѣ: впереди стоялъ грозный призракъ безпріютныхъ скитаній безъ гроша за душой...

Опрометчивое обѣщаніе, данное мнѣ отцомъ о ежедневной

покупкѣ книгъ, имѣло для меня огромное значеніе. Мечта о ежедневномъ чтеніи все новыхъ и новыхъ книгъ составляла для меня весь интересъ жизни и ради этой мечты я терпѣливо переносилъ все, что было для меня ненавистнаго въ нашемъ ремеслѣ. Эту мечту я лелеялъ долго, еще когда мы ѣхали по Волгѣ. Я никакъ не ожидалъ, что отецъ меня обманетъ и не хотѣлъ взять въ толкъ нашего экономическаго положенія: книжка мнѣ казалась нужнѣе сапогъ.

Какая-то мысль мелькнула у меня. Хотя плакалъ я вполнѣ искренно, но тѣмъ не менѣе имѣлъ и расчетъ, что мои слезы разжалобятъ отца. Когда же онъ устоялъ противъ слезъ и занялся разучиваніемъ, я сразу бросилъ плакать, забился въ уголъ нашей каморки и сидѣлъ въ немъ долго и мрачно. Тамъ я рѣшилъ непремѣнно поставить на своемъ.

Мнѣ захотѣлось отнять у отца пятакъ. Но тутъ я вспомнилъ его расправу съ купцомъ и четверыхъ „разбойниковъ", которые не могли его свалить на лѣстницѣ съ единственной ноги и сообразилъ, что онъ—сильный, а я—малъ и слабъ. Значитъ—надо украсть. Пятаковъ въ сундучкѣ лежитъ цѣлая пригоршня, если взять одинъ изъ нихъ, то отецъ, пожалуй, и не замѣтитъ. А если и замѣтитъ — такъ что-жъ? Я не боюсь! Я скажу: да, я взялъ, потому что это „мой" пятакъ, заработанный мною, одинъ изъ тѣхъ, которые дадены „мнѣ". Пусть тогда не покупаетъ сапоговъ, наплевать! Я считалъ себя совершенно правымъ и не только правымъ, но прямо обобраннымъ, а отца—присвоителемъ моего пятака и обманщикомъ.

Я смѣло открылъ сундукъ, взялъ пятакъ, лежавшій сверху другихъ пятаковъ въ маленькомъ ящикѣ сундука и, крѣпко зажавъ монету въ кулакѣ, побѣжалъ покупать книжку.

Мнѣ попался разносчикъ, у котораго только и осталось, что двѣ книжки: всѣ распродалъ. Одна была „Еруcланъ", давно мнѣ извѣстная, а на розовой оберткѣ другой былъ нарисованъ рыцарь въ полномъ вооруженіи, заглавіе же книжки было „Донъ-Кихотъ". Я любилъ рыцарей и купилъ эту книжку.

Читать я ее принялся тутъ же, на тумбѣ, между деревьями. Книга эта сразу увлекла меня. Я отъ всего сердца полюбилъ благороднаго и храбраго рыцаря, путь котораго былъ длиннымъ рядомъ несчастій и битвъ, а Донъ-Кихотъ не унывалъ и шелъ, какъ „сквозь строй". И я находилъ сходство въ его судьбѣ съ моею собственной судьбой и судьбой моего отца и плакалъ, читая о страданіяхъ рыцаря...

Я наскоро смахивалъ рукавомъ слезы и снова проглатывалъ страницу за страницей, пока не кончилъ чтенія. Такихъ книгъ я еще не читывалъ и теперь былъ убѣжденъ, что лучшей книги

нѣтъ на свѣтѣ. Я чувствовалъ себя послѣ чтенія какъ въ чаду: голова горѣла, щекамъ было жарко и казалось мнѣ, что все кругомъ задумалось о печальной исторіи: огромные пятиэтажные дома удивленно смотрѣли своими многочисленными окнами, словно хотѣли сказать: „вотъ такъ штука!" а деревья совсѣмъ-таки явственно шептали надъ моей головой: „и ты, вѣдь, будешь... Донъ-Кихотомъ... Донъ-Кихотомъ!"

Наконецъ, я пришелъ въ себя. Какъ быть съ такой великолѣпной книгой? Какъ уничтожить ее? Можно ли разстаться съ такимъ другомъ, какъ Донъ-Кихотъ? Я былъ въ нерѣшительности, а храбрый рыцарь пристально смотрѣлъ на меня съ розовой обложки, возсѣдая на Россинантѣ, во всеоружіи своихъ доспѣховъ и какъ бы говорилъ мнѣ, кивая: „не бойся!"

Я свернулъ книжку трубкой, положилъ въ карманъ штановъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился въ трактиръ. До самаго вечера я рисовалъ Донъ-Кихота на желтыхъ обложкахъ отъ гильзъ, слагая въ честь рыцаря самыя дружескія двустишія, потомъ всю ночь покорно игралъ съ отцомъ и даже пропѣлъ „Вотъ на пути село большое".

Заснулъ я крѣпко и спокойно, какъ человѣкъ, которому удалось хорошее предпріятіе. Во снѣ подъѣзжалъ къ моему изголовью Донъ-Кихотъ и дружелюбно разговаривалъ со мной.

Когда я проснулся—утреннее солнце радостно било въ наше окно и освѣщало коморку розовымъ свѣтомъ... Первою моею мыслью былъ — Донъ-Кихотъ и я схватился за карманъ: увы! книжки тамъ не было. Я поднялъ голову: у стола сидѣлъ отецъ весь въ розовомъ освѣщеніи и внимательно читалъ измятую книжку въ розовой обложкѣ—моего Донъ-Кихота. На лицѣ его я замѣтилъ удовольствіе. Онъ курилъ трубку, слегка улыбался, раздувая ноздри, и, видимо, одобрялъ подвиги Донъ-Кихота: храбрый рыцарь нравился и ему. Но едва онъ замѣтилъ, что я проснулся и шевелюсь, какъ лицо его приняло суровое и зловѣщее выраженіе.

— Поди сюда!—сказалъ онъ что-то черезчуръ ужъ спокойно:— гдѣ ты эту книжку взялъ?

— Купилъ.

— А гдѣ денегъ взялъ?

— Въ сундукѣ.

— Значитъ—у-кр-ралъ!

Крикнулъ онъ, повышая голосъ и какъ бы срывая съ лица маску спокойствія: оно теперь пылало гнѣвомъ, розовое отъ восходящаго солнца.

Я стоялъ передъ нимъ съ опущенной головой, какъ подсудимый. Я обидѣлся, что отецъ заговорилъ со мной тономъ судьи, а не товарища, каковымъ онъ былъ до сихъ поръ. Я чувство-

валъ какую-то неискренность съ его стороны, словно онъ играетъ роль. И я молчалъ. Что-то мнѣ мѣшало говорить. Помолчалъ и отецъ, выпустилъ облако табачнаго дыма и оно расплылось по комнатѣ, освѣщенное золотыми лучами. Отецъ сердито посмотрѣлъ на солнце своими грозными глазами и заговорилъ о Донъ-Кихотѣ.

— Донъ-Кихотъ былъ честный рыцарь,—говорилъ онъ,— онъ шелъ напроломъ и никогда не воровалъ, не лазилъ исподтишка по сундукамъ... А ты—воришка, трусишка, непослушный сынъ! Ты—не рыцарь, а просто арестантъ!..

И онъ долго, краснорѣчиво и съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ, яркими красками рисовалъ мнѣ мое будущее: сначала я укралъ одинъ пятакъ. Если меня не наказать, то я украду другой, потомъ стащу и цѣлый рубль, потомъ больше, потомъ еще больше. Затѣмъ—„повадится кувшинъ по-воду,—сломать ему голову". Это значитъ, объяснилъ онъ, что „сколько вору ни воровать, а тюрьмы не миновать! быть бычку на веревочкѣ!" Я, наконецъ, попадаюсь жандармамъ въ синихъ мундирахъ, меня забираютъ и сажаютъ въ острогъ, одѣваютъ въ арестантскій халатъ, а ноги куютъ въ желѣзныя цѣпи. Мать видитъ меня въ цѣпяхъ и умираетъ съ горя, а весь народъ кричитъ: „смотрите, смотрите, арестанта ведутъ!" На груди у меня повѣшена черная доска, а на ней мѣломъ написано: „воръ"!

Это слово отецъ крикнулъ такъ, что я вздрогнулъ: оно словно било меня по лицу. Я хотѣлъ возражать, хотѣлъ оправдываться, объяснить ему... Но языкъ мой не хотѣлъ говорить; я былъ оскорбленъ и гордо молчалъ, а отецъ не понималъ моего молчанія и допекалъ меня.

— Поздно тушить пожаръ!—гремѣлъ онъ:—нужно тушить искру! зло нужно вырывать съ корнемъ въ самомъ началѣ! нужно сѣчь сына, когда онъ поперекъ лавочки укладывается, а не тогда, когда онъ и вдоль-то не уляжется!

— Ты думаешь,—не унимался онъ,—что мнѣ пятака жалко? Нѣтъ, мнѣ тебя жалко, потому что ты стоишь на краю пропасти и хочешь броситься туда. Сегодня ты посягнулъ на пятакъ отца твоего, а завтра посягнешь на пятакъ чужого дяди, потому что своихъ-то пятаковъ у насъ мало и всегда будетъ у тебя мало ихъ, запомни это! Мы—бѣдняки и не должны тягаться съ богачами: коза съ волкомъ тягалась—одна шкура осталась! А чужой-то дядя тебя въ бараній рогъ и согнетъ, потому—онъ сила, съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись! На свѣтѣ такъ устроено, чтобы одни были бѣдные, а другіе богатые! И въ которомъ бѣднякѣ заводится такой духъ, чтобы завидовать богатымъ и не покоряться своей низкой долѣ, то этотъ бѣднякъ погибаетъ, какъ

мошка отъ дождя и я не хочу, чтобы ты погибъ, а для этого я обязанъ, какъ отецъ, тебя наказать, чтобы ты помнилъ и не воровалъ больше никогда!

И онъ сталъ торжественно приготовлять розги, чтобы истребить во мнѣ мятежный воровской волжскій духъ.

Я не вѣрилъ, что онъ меня высѣчетъ. Что-то поднялось и закипѣло въ моей груди, но оскорбленная гордость не позволяла говорить... А мнѣ хотѣлось крикнуть ему, что я уже не маленькій, мнѣ цѣлыхъ *семь* лѣтъ, что я такой же вольный пѣвецъ, какъ и онъ, и меня не за что сѣчь...

Онъ взялъ меня за руку и вывелъ на дворъ, подъ сарай...

Я чувствовалъ, что въ головѣ моей все перевертывается отъ ужаса, униженія и страха. Я готовъ былъ на все, лишь бы меня не сѣкли. И я униженно всталъ передъ нимъ на колѣни, рыдалъ, и даже лицемѣрно молилъ „о прощеніи“. Гордый въ душѣ—я затрепеталъ при видѣ розогъ, я испугался предстоящихъ ударовъ... Я струсилъ.

Но лицо отца было твердо и сурово. Онъ рѣшилъ.

— Не проси и не моли!—говорилъ онъ непреклонно.

Рыдающаго, полубезумнаго, положилъ онъ меня на скамейку и началъ сѣчь. Розги свистѣли въ воздухѣ и обжигали мою спину огненными полосами. Я вырывался, царапался, кусался, билъ ногами и пронзительно кричалъ.

Но отецъ крѣпко держалъ меня и сильно билъ. Потомъ у меня потемнѣло въ глазахъ.

Очнулся я въ каморкѣ, на постели. До спины нельзя было дотронуться: она была въ крови и ее жгло... Но гораздо сильнѣе жгло мою душу: и тѣло, и душа моя были въ крови.

Душу жгло какое-то новое чувство, котораго я прежде не испытывалъ: это была злоба.

Я думалъ объ отцѣ: онъ мнѣ теперь былъ ненавистенъ. Я чувствовалъ, что никогда не забуду и не прощу ему нанесенной мнѣ обиды. Какъ пріятно было бы увидѣть его теперь мертвымъ!.. Отца, котораго я такъ любилъ, безъ котораго не могъ представить себѣ своего существованія, за котораго я не задумался бы прежде пойти въ огонь—этого отца, такого дорогого для меня человѣка, единственнаго изъ людей, кого я до этихъ поръ любилъ всѣми силами своей души—теперь я не могъ представить себѣ безъ ненависти и отвращенія.

Я сидѣлъ на постели въ неподвижной позѣ и чувствовалъ себя совершенно одинокимъ на всемъ свѣтѣ.

Я хотѣлъ плакать, но не плакалось, слезъ не было. Упрямая злость застыла въ моемъ сердцѣ, жгла мою душу и сушила мои слезы. Я уже никого не любилъ, а всѣхъ ненавидѣлъ. Я нена-

видѣлъ и отца, и всѣхъ половыхъ, и повара, и бабу съ ребятишками и всю толпу, которая смотрѣла на то, какъ меня сѣкли. Наконецъ, я ненавидѣлъ самого себя и это было всего тяжелѣе.

„И зачѣмъ это я на колѣни становился, да еще „миленькимъ“ его называлъ“ со стыдомъ думалъ я: „лицемѣрилъ и лгалъ, признавая себя виноватымъ, кричалъ и плакалъ, нужно бы молчать, какъ молчалъ Стенька Разинъ, а я испугался, струсилъ! Стыдъ! Не хочу быть трусомъ! Хочу быть храбрымъ, какъ Донъ-Кихотъ и мужественнымъ, какъ Разинъ!“

И самолюбіе мое страдало отъ сознанія, что я не таковъ, какими были они. На полу валялся измятый Донъ-Кихотъ, розовая обложка книги сморщилась и мнѣ показалось, что теперь онъ смотритъ на меня съ кислой гримасой презрѣнія.

Весь свѣтъ былъ мнѣ противенъ, не глядѣлъ бы на него. Жизнь моя какъ бы раздѣлилась на двѣ половины: свѣтлую, когда я еще не былъ битъ, и темную,—послѣ того, какъ меня высѣкли.

Свѣтлая жизнь исчезла безвозвратно, а теперешняя моя темная жизнь показалась мнѣ совершенно неинтересной, скучной, холодной...

И мнѣ захотѣлось умереть. Захотѣлось прекратить въ груди невыносимую, жгучую боль, которую я чувствовалъ. Сердце мое щемило...

И я представилъ себѣ, какъ я буду мертвъ и какъ отецъ будетъ плакать надо мной и раскаиваться въ томъ, что высѣкъ меня. О! Я отомщу отцу! я отомщу своею смертью!

Я чувствовалъ себя несправедливо обиженнымъ страдальцемъ и мнѣ было смертельно жаль самого себя и это чувство доставляло мнѣ мучительное наслажденіе. Злорадное чувство мести охватило мою горящую душу.

Я всталъ съ постели и вытащилъ изъ-подъ кровати веревку: я зналъ, что тамъ была веревка. Куда же привязать? Вотъ къ форточкѣ можно привязать... Я приставилъ стулъ къ печкѣ, приподнялся на цыпочки и привязалъ веревку къ чугунной плитѣ печной форточки; на другомъ концѣ была петля. „Теперь нужно запереть дверь!“ сказалъ я мысленно, соскочилъ со стула и заперъ дверь. Все это я продѣлалъ съ какимъ-то особеннымъ спокойствіемъ и чувствовалъ себя хитрымъ и предусмотрительнымъ человѣкомъ.

Однако, я торопился. На дворѣ былъ какой-то шумъ. „Яшка, подь сюды, эфіопская твоя морда!“ оралъ сердитый голосъ. Это поваръ поваренка ругаетъ. Экипажи гремятъ. Воробьи чирикаютъ. „Да что же это я? Скорѣе!“ шепталъ я самъ себѣ. Я просунулъ голову въ петлю и оттолкнулъ стулъ. Онъ съ грохотомъ упалъ, а меня куда-то потащило. Стѣны комнаты закачались и мнѣ сдѣлалось страшно и я опять струсилъ, мнѣ захотѣлось

освободиться, снять петлю, спастись: я болталъ ногами въ воздухѣ, чтобы встать опять на стулъ. Хотѣлъ закричать и не могъ... Мнѣ показалось, что лицо мое раздулось и кожа на немъ хочетъ лопнуть... Цѣлый вихрь мыслей завертѣлся въ моей головѣ. Съ удивительной ясностью вспомнилъ я всю мою коротенькую жизнь, деревни и села, поля, мать, кабаки, Волгу и ярмарку. Все это было, какъ на картинѣ, и имѣло какой-то особенный, таинственный смыслъ, какъ бываетъ во снѣ, и я понялъ что-то такое самое главное, чего прежде не зналъ.

Зеленые, оранжевые и красные круги заходили передъ моими глазами, расплываясь все шире и шире и, наконецъ, моя жизнь освѣтилась яркимъ солнечнымъ свѣтомъ: она стала дивно прекрасной. Я почувствовалъ необыкновенный восторгъ. Гдѣ-то мягко и тихо играла стройная музыка, а около меня гармонично позванивали малиновымъ звономъ серебряные колокольчики... Сладкая истома счастья разлилась по всему моему тѣлу. Тогда моя жизнь стала понемногу удаляться отъ меня, солнечное сіяніе поблѣднѣло, появилась черная ночная мгла, по ея безбрежному, бархатному полю замелькали безчисленные огоньки и понеслись вдаль... Колокольчики звенѣли все тише и тише, музыка удалялась, огоньки мелькали все рѣже и, наконецъ, совсѣмъ погасли.

Кто-то случайно вытащилъ меня изъ петли.

III.

Два года мы были бродячими музыкантами. Мы побывали во всѣхъ поволжскихъ городахъ, переѣзжали изъ города въ городъ, переходили изъ трактира въ трактиръ, но вездѣ намъ жилось одинаково скверно.

Отецъ какъ-будто чего-то искалъ въ жизни; ощупью, скорѣе чутьемъ, чѣмъ сознательно, онъ стремился куда-то выбиться „изъ-подъ-низу". Это былъ человѣкъ неудовлетворенный жизнью. Его артистическая натура и живой умъ жаждали какой-то иной жизни, болѣе широкой и свѣтлой, чѣмъ та, которая предназначалась намъ, рожденнымъ въ низкой долѣ.

И онъ искалъ дороги. Но дороги не было. Вмѣсто лучшей жизни, мы попадали въ худшую, вмѣсто возвышенія—понижались, мы лѣзли „на гору", но „чортъ" неукоснительно схватывалъ насъ „за ногу" и дѣла наши все еще не шли „по-маслу", хотя отца никогда не покидала глубокая вѣра, что они, эти дѣла, вотъ-вотъ, сейчасъ, завтра—непремѣнно пойдутъ по-маслу.

Наконецъ, мы оставили музыкальный промыселъ: въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ отецъ поступилъ на механическій заводъ, изъ деревни пріѣхала мать и мы зажили по семейному.

Но на заводѣ изъ людей „весь сокъ выжимали“ и умѣли держать ихъ „въ кабалѣ“, хотя и по новому. Отецъ цѣлый день проводилъ на заводѣ, дѣлая „шестерни“ и возвращался домой усталый и мрачный. Когда мы съ нимъ по прежнему ложились вмѣстѣ спать, я видѣлъ, что все колѣно его изуродованной ноги покрыто кровавыми пятнами.

— Это мозоли, — говорилъ онъ мнѣ, — они ногу-то какъ огнемъ жгутъ!

Въ своихъ разсужденіяхъ теперь онъ подвергалъ рѣзкой критикѣ заводскіе порядки, потомъ дѣлалъ поэтическія обобщенія и переходилъ къ философскимъ разсужденіямъ „о жизни вообще“. Эти разсужденія онъ сводилъ къ баснѣ о Кривдѣ и Правдѣ и передавалъ ее въ лицахъ... „Правда, гдѣ ты?“—восклицалъ онъ громкимъ голосомъ и самъ же отвѣчалъ, состроивъ смиренную и юмористическую физіономію: „Здѣсь-то я здѣсь, да за-корм-ле-на!“ и говорилъ эти слова тоненькимъ, словно пришибленнымъ голосомъ. И вдругъ, уже отъ себя начиналъ громить Правду. Его возмущала ея „закормленность“ и забитость.

Я ходилъ въ школу. Тамъ не знали, что со мной дѣлать: по чтенію я годился хоть въ старшій классъ, а по письму—въ самый младшій, такъ какъ могъ писать только „печатными“ буквами. Меня посадили въ младшій, гдѣ люди едва умѣли складывать слова, а я, читавшій лучше „старшихъ“, долженъ былъ заниматься только чистописаніемъ. И мнѣ было скучно въ школѣ. Товарищи мои казались мнѣ слишкомъ глупыми: ихъ занимала только свайка, бабки и голуби, книгъ они всѣ терпѣть не могли, а о богатыряхъ не имѣли понятія, никто изъ нихъ не путешествовалъ и ничего не зналъ. Я презиралъ ихъ, предпочитая оставаться въ обществѣ своего отца и лубочныхъ богатырей.

Жили мы около завода, подъ горой, недалеко отъ Волги и пристани. Заводъ съ высокой трубой стоялъ на самомъ берегу; въ полугорѣ тѣсно жались лачуги всякой голи и бѣдноты; тамъ, во дворѣ, снимали мы у кого-то комнату за три рубля. А выше насъ громоздились большіе каменные дома и гудѣлъ городъ.

Нашъ дворъ былъ весь застроенъ лачугами, переполненъ жильцами, комната наша была такая грустная, грязная, оклеенная старыми шпалерами, а потолокъ—писчей бумагой: онъ протекалъ отъ дождя и отъ этого на бумагѣ образовались причудливые узоры; я любилъ смотрѣть на нихъ и различалъ въ этихъ узорахъ облака, замки, рыцарей и драконовъ.

За тонкой досчатой переборкой жилъ хозяинъ хибарки... Онъ былъ всегда пьянъ и постоянно пѣлъ одну и ту же пѣсню: „Воспой, воспой, жавороночекъ!“ Пѣсня была очень грустная и звучала за переборкой денно и нощно...

Однажды въ праздникъ, въ лѣтній день, въ городѣ случился пожаръ... Пожары происходили почти каждый день и населеніе нашего двора относилось къ нимъ только, какъ къ даровому зрѣлищу. Обыкновенно эти зрѣлища не были продолжительными: пожаръ скоро тушили. Но въ этотъ день онъ что-то затянулся: изъ города къ намъ плыли облака чернаго дыма, доносился грохотъ скачущей пожарной команды, гулъ толпы и тревожные звуки набата. День былъ вѣтренный, по Волгѣ ходили бѣляки, а въ черномъ дыму порой летѣли „галки“ — горящія головни...

Съ нашего двора множество людей побѣжало „на пожаръ“... Черныя облака все увеличивались: теперь уже и намъ изъ-подъ горы было видно, какъ порой лизали ихъ красные языки пламени. Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе дулъ къ Волгѣ, доносилъ къ намъ запахъ гари и дыма. Прибѣжавшіе съ пожара говорили, что его никакъ не могутъ остановить: „галки“ летятъ во всѣ стороны и огонь перекидывается; вся главная улица въ огнѣ, пожаръ идетъ къ Волгѣ...

И этимъ тревожнымъ разсказамъ аккомпанировали возрастающіе приливы набата, гулъ пожара и вой вѣтра... Дымъ и пыль, смѣшиваясь, крутились въ воздухѣ и застилали солнце и оно свѣтило какимъ-то зловѣщимъ, сказочнымъ свѣтомъ. Нѣкоторые „на всякій случай“ начали „таскаться“, выбираясь изъ хибарокъ, но отецъ мой запретилъ матери связывать нашъ скарбъ въ узлы.

— Терпѣть этого не могу!—возмущался онъ, энергично выколачивая изъ трубки.

— Да, вѣдь, другіе же таскаются?—возражала она.

— Другіе! Мало ли что другіе? Другіе-то богатые, у нихъ много всего, вотъ они боятся пожара,— вотъ и таскаются! А у насъ, вѣдь, нѣтъ ничего, терять намъ нечего и таскать тоже нечего! Не моги! пожаръ сюда не дойдетъ!

Онъ закурилъ трубку, выпустилъ дымъ изъ ноздрей и продолжалъ:

— А жаль, если не дойдетъ: давно ужъ эти гнилушки пожара дожидаются, да и заводу-то надо бы сгорѣть, ежели по справедливости-то! Все бы нѣмчура-то нашъ поплясалъ немножко!.. Штрафовайтъ! Штрафовайтъ! Глюпъ! Карашо штрафовайтъ!

И онъ артистически передразнилъ нѣмца, хозяина завода. Нѣмецъ въ глазахъ моего отца имѣлъ въ себѣ нѣчто глубоко-юмористическое.

Отецъ спокойно отправился на пожаръ: онъ очень любилъ пожары. А мы съ матерью воспользовались его отсутствіемъ и стали „таскаться“.

Мы вытащили наше жалкое имущество: постель, нѣсколько

узловъ и гусли къ воротамъ, гдѣ уже расположилось все населеніе нашего двора, напоминавшее цыганскій таборъ.

Подражая отцу, я тоже побѣжалъ на пожаръ.

Тамъ, на горѣ — весь городъ гудѣлъ... Народъ толпами бѣжалъ туда и оттуда... Къ Волгѣ скакали пожарныя бочки запряженныя парой сильныхъ лошадей съ пожарными въ мѣдныхъ каскахъ и возвращались обратно, съ водой... Я бѣжалъ въ гору по скvернымъ тротуарамъ изъ булыжниковъ, попадая людямъ подъ ноги, невольно заражаясь общимъ возбужденіемъ.

На главной улицѣ, на горѣ, свирѣпствовалъ необыкновенный пожаръ: все кругомъ горѣло, дымилось, рушилось, трещало, грохотало... Примыкающая къ пожару улица была запружена толпой народа, лошадьми, бочками, насосами, грудами узловъ и всякаго имущества... Черный ѣдкій дымъ застилалъ всю картину, могучее пламя, раздуваемое бурей, выло и металось, вся толпа кричала и въ этомъ общемъ крикѣ ничего нельзя было разобрать: всѣ звуки покрывалъ потрясающій набатъ: онъ гудѣлъ грозными частыми ударами и эти удары слились въ оглушительный мѣдный вой и стонъ; набатъ возбуждалъ, требовалъ и грозилъ...

Я испугался, стиснутый густою толпой... Вдругъ появились солдаты... Впереди ихъ былъ толстый и сѣдой вояка въ эполетахъ, генералъ, какъ я подумалъ. Онъ махалъ рукой и что-то кричалъ толпѣ, которая запрудила улицу... Толпа не слушала. Тогда солдаты обнажили сабли и двинулись на нее: толпа ухнула и съ гуломъ подалась назадъ... Произошла давка: женщины визжали и плакали, мужчины ругались, упавшихъ топтали ногами... Я стоялъ у стѣны, прижатый къ ней... Густая волна народа хлынула къ стѣнѣ и я былъ бы раздавленъ, если бы чья-то мощная рука не схватила меня за шиворотъ и не приподняла на воздухъ. Это была рука моего отца. Онъ какъ разъ наткнулся на меня, загородилъ мое тѣло своимъ и, упершись въ стѣну руками, выдержалъ на своихъ плечахъ стихійный напоръ толпы. Скоро она отхлынула и тогда отецъ, только что спасшій мнѣ жизнь, той же самой мощной рукой сгребъ меня за волосы и далъ краткую, но внушительную таску... Онъ былъ взбѣшенъ моимъ присутствіемъ на пожарѣ.

— Я тебя, мерзавецъ!—гнѣвно закричалъ онъ на меня:—бѣги домой, чтобы духу твоего здѣсь не было!

Я заплакалъ отъ боли и побѣжалъ домой. Когда боль прошла, я пересталъ плакать, находя таску вполнѣ заслуженной.

Вслѣдъ за мной пришелъ и отецъ. Увидя, что мать все-таки вытащила имущество къ воротамъ и сидитъ на узлахъ, онъ остался ею доволенъ и разсмѣялся.

— А, вѣдь, и впрямь дойдетъ сюда!—сказалъ онъ:—сгоритъ

весь нашъ клоповникъ! Эй, жавороночекъ! крикнулъ онъ хозяину:—горишь?

— Горю!—весело отвѣчалъ плюгавый мѣщанинъ съ мочальной бороденкой, одѣтый въ казинетовый пиджакъ. Онъ выколачивалъ обухомъ косяки изъ дверей и оконъ своей хибары, былъ по обыкновенію выпивши и пѣлъ:

Воспо-ой, воспо-ой, живоро-о-ны-чикъ!..

— Эхъ!—вскричалъ отецъ, расхаживая по двору:—одного жалко: въ погребѣ цѣлая корчага сметаны осталась! Копка!—дружески обратился онъ ко мнѣ:—ну тебя злиться-то! полѣземъ въ погребъ сметану ѣсть!..

— Полѣземъ!—сказалъ я важно, польщенный его извиненіемъ.

И мы спустились въ погребъ. А дворъ нашъ уже загорался.

Мы долго сидѣли на корточкахъ около корчаги, весело ѣли сметану и физіономіи у насъ обоихъ были вымазаны ею. Мы дурачились.

— Ну, пора!—сказалъ отецъ:—а то сгоримъ!

Мы вылѣзли вполнѣ своевременно: крыша „погребицы“ уже пылала и минутъ черезъ пять послѣ насъ рухнула въ погребъ.

А пожаръ уже разлился по всей горѣ, спускаясь подъ гору, къ набережной, гдѣ были огромные склады лѣса и дровъ. Было жарко отъ огня и мы перевезли на извозчикѣ свои вещи къ самому берегу Волги.

Приближалась ночь. Солнце заходило за отдаленныя Жигулевскія горы, Волга стала розовой, а облака, освѣщенныя лучами заката, казались объятыми пожаромъ. Въ это время занялись на набережной дровяные склады и, наконецъ, загорѣлся заводъ. Весь городъ, расположенный по огромной горѣ, вмѣстѣ съ набережной представлялъ теперь взволнованное море огня. Пароходныя конторки отошли отъ берега. Пассажирскіе пароходы, проходя мимо города, были покрыты зрителями, кренились и казались черными. Картина пылающаго города была, вѣроятно, великолѣпной.

Мы были между огнемъ и водой. Вся бѣднота со своимъ скарбомъ расположилась вдоль самаго берега, у воды. Приходилось ночевать на открытомъ воздухѣ.

Я задремалъ около матери, свернувшись клубочкомъ на большомъ узлѣ.

Ночная прохлада разбудила меня. Спящіе силуэты судовъ и пароходныхъ конторокъ были освѣщены краснымъ отблескомъ пожара, а за ними, на черномъ фонѣ ночи, изъ воды поднимался огненный великанъ: онъ колыхался, гудѣлъ и трещалъ, доходя

до самаго неба и сыпалъ оттуда страшныя искры. Пламенное чудовище медленно шло по рѣкѣ, все ближе и ближе къ намъ.

— Кто это?—закричалъ я въ ужасѣ.

— Спи, спи!—отвѣчала мнѣ мать, наклоняясь ко мнѣ и прикрывая меня старою шалью:—не пугайся, это бѣляна горитъ!.. Но я не могъ спать и сѣлъ наверху нашего скарба. Огненная бѣляна плыла по рѣкѣ и отражалась въ ней и рѣка пылала... Я поднялъ голову къ небу: небо горѣло. Весь берегъ и вся гора были въ огнѣ. Этотъ пыльный и вонючій городъ, который только давилъ насъ подъ горой въ душныхъ подонкахъ своихъ—теперь, объятый пламенемъ, сталъ дивно-прекраснымъ: огненныя волны вздымались къ розовому небу и пламя ихъ на бархатномъ фонѣ ночи было такимъ чистымъ!

Темнокрасные языки лизали черную ночь, фукали фейерверкомъ бриллiантовыхъ огней, то блѣднѣли, принимая золотистый отблескъ, то снова обращались въ ярко-красный потокъ...

Онъ весь теперь былъ изъ бриллiантовъ, золота и крови.

Отецъ мой сидѣлъ на узлѣ, курилъ трубку и задумчиво смотрѣлъ на погибающiй городъ.

— Гори, гори, чортъ-те дери!—сказалъ онъ и сплюнулъ. Потомъ взялъ гусли, подумалъ немного и заигралъ что-то стройное и трогательное.

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!"—пѣлъ онъ своимъ струннымъ голосомъ.

А городъ пылалъ.

Мы переѣхали въ село, въ одно изъ тѣхъ приволжскихъ селъ, гдѣ нѣкогда отецъ былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ.

Село это большое и тогда было богатое, земледѣльческое. Оно расположѐно у подножія горы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Волги.

Мнѣ вспоминается наша маленькая избушка, пріобрѣтенная отцомъ за сто двадцать рублей въ разсрочку на нѣсколько лѣтъ, стоявшая въ концѣ села, невдалекѣ озеро „Кривенское", осѣненное громадными ветлами, а на берегу его прокоптѣлыя кузницы.

И вспоминаются мнѣ тихіе лѣтніе дни старинныхъ урожайныхъ годовъ, скрипъ тяжелыхъ телѣгъ съ пахучими снопами, которыя вѣчно тянулись мимо нашего дома съ поля, довольный видъ мужиковъ, ходившихъ въ черныхъ высокихъ шляпахъ гречневикомъ, и звучные удары кузнечнаго молота, мягко долетавшіе къ намъ изъ кузницъ.

Здѣсь отецъ открылъ столярную мастерскую и работалъ одинъ, самостоятельно. Въ избѣ была русская печь и „голландка". Столъ, стулъ и рамы оконъ были его собственной столярной работы,

стѣны оклеены шпалерами, а полъ выкрашенъ охрой. На окнахъ бѣлѣли занавѣски, на столѣ красовалась вязаная скатерть, на стѣнахъ—дешевыя картинки, нѣсколько фотографій, зеркало, этажерка съ книгами... Вообще, обстановка нашей избы значительно отличалась отъ мужичьей обстановки.

Дверь изъ избы вела въ „мастерскую", непосредственно пристроенную къ избѣ и отопляемую „голландкой". Въ мастерской стоялъ верстакъ и токарный станокъ, подъ потолкомъ сушились доски и брусья, а стѣны были увѣшаны столярнымъ и токарнымъ инструментомъ.

Около верстака всегда была груда пышныхъ бѣлыхъ стружекъ, отъ нихъ пріятно пахло свѣжимъ деревомъ и, кудрявыя, веселыя, онѣ шаловливо катались по всему полу мастерской.

Работы у отца всегда было много: онъ былъ единственный на всю округу мастеръ столярнаго дѣла, всѣ его знали и всѣмъ онъ былъ симпатиченъ.

Онъ стоялъ за верстакомъ въ холщевомъ фартукѣ съ нагрудникомъ, твердымъ отъ клея и лаку, шапку его кудрей поддерживалъ ремешокъ, руки, несоразмѣрно большія, тяжелыя, съ крупными пальцами, съ мозолями, были засучены по локоть, что обнаруживало богатырскія очертанія этихъ рукъ, выпуклыя, толстыя жилы и красивое напряженіе развитыхъ мускуловъ

Я любилъ лежать на стружкахъ и смотрѣть, какъ работалъ отецъ. Сосновыя и липовыя стружки смолисто и сладко пахли, а отецъ ввинчивалъ доску или брусъ въ свой верстакъ и строгалъ.

Сначала онъ строгалъ шерхабелемъ: шерхабель злобно грызъ и скоблилъ дерево, летѣли грубыя, толстыя стружки, а на доскѣ оставались прямыя жолобообразныя полосы. Потомъ онъ бралъ рубанокъ: рубанокъ мягко пѣлъ и сглаживалъ рѣзкія полосы шерхабеля и изъ него весело вылетали широкія, мягкія стружки, свертывались въ спираль и ложились къ ногамъ столяра. Затѣмъ въ его рукахъ появлялся пузатенькій, благодушный шлифтикъ, нѣжно, женственно и кротко ворковалъ и давалъ стружки тонкія, словно шелковыя ленты.

Но болѣе всего я любилъ смотрѣть, когда онъ „фуговалъ". Фуганокъ шелъ по доскѣ медленно, съ пѣвучимъ, размашистымъ свистомъ, выпуская длинныя, тонкія и широкія ленты.

Эти ленты, бѣлыя и мягкія, ласково ложились отцу на плечо, обвивали обнаженную руку и застрѣвали на головѣ, перевивая его крупныя кудри. А онъ, медленно и размашисто строгая, пѣлъ неистощимыя длинныя, интересныя пѣсни. Мѣрный свистъ фуганка аккомпанировалъ ему, стружки радостно и раболѣпно плясали, а игривый, льющійся голосъ отца еще рано утромъ распѣвалъ:

За моремъ синичка
Не пышно жила:
Не пышно жила—
Пиво-вва-рива-лла!

Отецъ и столярной работѣ умѣлъ отдаваться съ увлеченіемъ, вдохновенно. Въ стульяхъ, сундукахъ, рамахъ, этажеркахъ и шкафахъ, выходившихъ изъ-подъ его руки, было много его личнаго, творческаго, сказывался его вкусъ, любовь ко всему красивому, стройному, изящному. Шкафы и стулья онъ украшалъ рѣзьбой собственнаго рисунка, самъ же выдумывалъ и токарныя фигуры. Въ капризныхъ и непринужденно-неожиданныхъ завиткахъ рѣзьбы, въ стройно-выгнутыхъ линіяхъ токарныхъ работъ чувствовался остроумный художникъ съ веселой, капризной и свободной душой.

Жили мы все-таки „непышно": у меня уже была сестра и братъ, а впослѣдствіи появилась еще сестра и еще три брата; маленькая наша избушка была полна жизни.

Меня и здѣсь отдали въ школу. Въ первый же день моего ученья возвратился я изъ школы съ огромнымъ синякомъ подъ глазомъ: деревенскіе школьники приняли меня насмѣшливо и я дрался съ ними.

„Нехрестьянинъ", сынъ „странняго" человѣка, я казался имъ существомъ низшаго разбора, чѣмъ они. Каждый изъ нихъ чувствовалъ себя „хозяиномъ", „землевладѣльцемъ", наслѣдникомъ отцовскаго добра, а я былъ пришлымъ, странствующимъ человѣкомъ безъ всякой надежды на хозяйство и имущество.

Какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ я чувствовалъ исключительность своего положенія и неизбѣжность одиночества: люди какъ будто устроили себѣ жизнь такъ, чтобы меня не было, а я появился и вотъ меня нигдѣ и не хотѣли принять: я былъ лишній.

Деревенскіе мальчишки словно чувствовали во мнѣ какого-то врага: изъ такихъ, какъ я, пришлыхъ и „странныхъ", лишенныхъ осѣдлости, выходятъ обыкновенно конокрады или „стрекулисты" и, во всякомъ случаѣ, враги всякаго мало-мальски зажиточнаго крестьянина.

И мнѣ пришлось избѣгать ребяческихъ сборищъ, игръ и хороводовъ: проходя мимо нихъ, я шелъ сквозь строй насмѣшекъ и каменьевъ. А около отца кипѣла своеобразная жизнь и втягивала его въ неожиданную общественную дѣятельность: въ него увѣровали мужики.

Прежде всего оказалось, что онъ давно уже извѣстенъ, какъ „знахарь", и лѣчитъ отъ разныхъ болѣзней молитвой.

Больные, минуя фельдшера и доктора, обращались къ нему. Потомъ онъ оказался адвокатомъ. Къ нему приходили за судеб-

ными совѣтами, довѣряли производить раздѣлы и просто являлись повѣдать какое-нибудь личное горе, попросить совѣта и утѣшенія. День его на половину былъ занятъ посѣтителями. Для всякаго онъ бросалъ работу, садился на верстакъ, закуривалъ свою неизмѣнную трубку, выслушивалъ чужое горе и тотчасъ же воодушевлялся.

Начиналось это съ утра. Дверь отворялась и въ мастерскую входилъ изможденный мужикъ, блѣдный, какъ мертвецъ, отъ болѣзни. Онъ стаскивалъ шапку и, тяжело дыша, долго и медленно молился на икону, потомъ условно, по этикету, кланялся на обѣ стороны и говорилъ:

— Здорбво живете!

Отецъ останавливалъ фуганокъ и отвѣчалъ:

— Поди-ка, добро жаловать! Милости прошу къ нашему грошу со своимъ пятакомъ! Что скажете?

— До твоей милости, Гаврила Петровичъ: одолѣла кулюха̀, смерть моя, дрянища съ рыла не сходитъ! Силовъ нѣтъ!

Отецъ садился на верстакъ и закуривалъ трубку. Посѣтитель присаживался на стулъ. Трубка пылала, зеленоватыя облака дыма окутывали голову отца.

— Бьетъ?—слышался изъ облаковъ его басъ.

— И-и!..—отвѣчалъ мужикъ, крутя головой.—Не доведи Господи! всю силу вымотало, всѣ потроха...

— Давно?

— Да ужъ никакъ два года!

— Д-да! Запустилъ ты! у фельдшера лѣчился?

— Лѣчился—да что! — тонъ мужика звучитъ пренебрежительно: — пользы нѣтъ! никакой, то-ись пользы нѣтъ тебѣ, да и шабашъ!

— А отъ меня-то какая тебѣ польза будетъ? Вѣдь я, если что и знаю, такъ отъ нихъ же: якшался я съ ними!..

Мужикъ недовольно молчитъ и, потомъ отвѣчаетъ тономъ фанатическаго убѣжденія:

— Ты больше знаешь!

Отецъ искренно злится.

— Черти!—гремитъ онъ изъ облаковъ дыма. — Вамъ хоть колъ на головѣ теши! Сколько лѣтъ долблю я вамъ: не запускайте болѣзней, лѣчитесь у доктора: онъ учился медицинѣ, у него лѣкарства, онъ знаетъ науку!

— Ты больше знаешь!— упрямо повторяетъ мужикъ. — Отъ дохтура пользы нѣтъ, а отъ тебя—польза! Они хороше-то лѣкарство господамъ даютъ, а на насъ кричатъ...

— Да какъ на васъ, дьяволовъ, не закричишь? Вы и ангела изъ терпѣнія выведете! Идете лѣчиться, когда уже болѣзнь запу-

щена... Тебя теперь никакой хиной не проймешь! Мышьячищемъ тебя, чорта...

Мужикъ добродушно улыбается и съ удовольствіемъ слушаетъ отборную ругань: отъ отца ему пріятно ее слушать, а отъ доктора—обидно.

— Ненавижу я васъ, чертоломовъ, дуботолковъ проклятыхъ!— искренно гремитъ отецъ.

— А ты будетъ костить-то!—прерываетъ его мужикъ.— Ты ужъ... тово... молитву-то лучше дай: твоя молитва не то, что наша: она до Бога доходитъ! Знаемъ мы!.. Дано, значитъ, тебѣ отъ Него... Страдалъ ты много!..

Отецъ совсѣмъ окутывается облаками голубого дыма.

Трубка хрипитъ и пылаетъ.

— Молитва моя, — отвѣчаетъ онъ, помолчавъ, — помогаетъ только тому, кто вѣритъ. Ты вѣришь?

Мужикъ благоговѣйно смотритъ на отца и говоритъ совсѣмъ по-дѣтски:

— Вѣрю.

— Ну, пойдемъ.

Онъ встаетъ съ верстака. Дымъ разсѣивается. Они идутъ въ избу.

— Выдьте!—говоритъ намъ отецъ.

Изъ избы всѣ выходятъ въ мастерскую.

Я прятался иногда въ чуланѣ или на печи и видѣлъ, какъ молился отецъ.

— Я не колдунъ! — обращался онъ къ мужику. — Я только знаю молитву отъ лихорадки. Когда буду читать передъ образомъ—молись и ты: на мужиковъ она туго дѣйствуетъ, потому что грубѣе вы, чѣмъ бабы...

— Знамо дѣло!—соглашается мужикъ.

Отецъ присаживается къ столу и начинаетъ что-то писать на маленькомъ клочкѣ бумаги своимъ корявымъ, характернымъ почеркомъ.

Мужикъ вздыхаетъ.

Лицо моего отца преображается: выраженіе несокрушимой энергіи яснѣе выступаетъ въ его строгихъ, кардинальскихъ чертахъ. Онъ становится передъ иконами. Мужикъ рядомъ съ нимъ опускается на колѣни.

— Господи!..—шепчетъ онъ.—Микола милостивый.. помози!..

Отецъ вполголоса, но проникновенно, съ чувствомъ читаетъ по бумажкѣ:

— Іоанне Богослове!.. Угодниче Божій!.. Сыне громовъ!..

Могучая экзальтація овладѣваетъ имъ: онъ блѣденъ, какъ полотно и отъ волненія трясется всѣмъ тѣломъ, словно какая-то

сила исходитъ изъ него, голосъ измѣняется, прерываясь отъ чувства и слезъ, каждое слово проникаетъ въ душу, какъ огненное...

Мужикъ плачетъ... Плачу и я. Я не знаю, откуда взялъ отецъ эту молитву и не помню ее, но она вся была написана какимъ-то могучимъ, громовымъ языкомъ. Въ ней дѣйствительно была заключена чудодѣйственная сила, мощное чувство...

Успокоившись, отецъ свертывалъ бумажку въ маленькую трубочку и говорилъ, отдавая мужику:

— Привяжи на крестъ и носи на груди до тѣхъ поръ, пока сама не потеряется. Не отвязывай и не бросай, а то болѣзнь опять воротится!..

Мужикъ благоговѣйно бралъ бумажку и тутъ же, при отцѣ, привязывалъ ее на „гайтанъ".

Вознагражденія отецъ не требовалъ. Случаевъ, когда бы молитва эта не исцѣляла—не было.

Едва уходитъ больной, какъ является цѣлая компанія мужиковъ съ громкимъ говоромъ.

— Гаврила Петровичъ!—взываютъ они, торопливо помолясь на икону:—это что же такое будетъ? Раззоръ? Сдѣлай милость, оборони!

— Тутъ пашня, паръ, сѣнокосъ приходитъ!..

— А насъ въ острогъ!

— Ни за что, ни про что!

— Бога въ ёмъ нѣтъ!

— Рази можно въ острогъ мужика сажать лѣтомъ? А? Лѣтомъ?

Отецъ сидитъ на верстакѣ, закинувъ настоящую ногу на деревянную, которая враждебно смотритъ на мужиковъ, какъ дуло ружья. Дымныя облака возносятся къ потолку и окружаютъ отца ореоломъ таинственности. Онъ куритъ и молча смотритъ на мужиковъ. Лицо его принимаетъ юмористическій оттѣнокъ.

— А вы вотъ что! — говоритъ онъ, прерывая ихъ говоръ. Мужики сразу умолкаютъ.—Нечего дурака-то корчить: говорите мнѣ прямо, по совѣсти, какъ попу на духу: вѣдь... украли?

Мужики мнутся, чешутъ въ затылкахъ и затѣмъ ихъ длинныя разбойничьи бороды шевелятся отъ широкой улыбки.

— Да, вѣдь, оно ужъ... конешно... Гаврила Петровичъ... тебѣ-то ужъ мы... какъ попу... знамо дѣло... было дѣло...

Затѣмъ они подробно разсказываютъ, какъ „было дѣло": обыкновенно,—украли какіе-нибудь пустяки у кулака, сдѣлали порубку, залѣзли въ амбаръ...

Узнавъ, что они уже признались судебному слѣдователю, отецъ выходитъ изъ себя и въ ярости вскакиваетъ съ верстака.

— Черти! — гремитъ онъ, потрясая бородой и сверкая гла-

зами.—Дубье!.. Олухи царя небеснаго! Да, вѣдь, нѣтъ никакихъ доказательствъ, дьяволы! Мужики вы, кругомъ брюхо! Терпѣть я васъ не могу! Зачѣмъ признались? Эхъ! засадятъ васъ теперь на все лѣто, пустятъ по міру блаженныхъ дураковъ! Тьфу!

„Воры“ ноютъ.

Отецъ мрачно затягивается изъ трубки. Трубка хрипитъ и пылаетъ. Облака сгущаются. Вдругъ ему приходитъ въ голову неожиданная мысль.

— Ба!—вскрикиваетъ отецъ:—вотъ что сдѣлайте: запритесь опять на судѣ, да и баста! А про слѣдователя скажите: онъ, молъ, на насъ шибко закричалъ, сталъ стращать, мы испугались и сказали, какъ онъ велѣлъ... онъ, вѣдь, чай, собака?

— Собака!—отвѣчаютъ мужики, повеселѣвъ.—Оретъ истошшнымъ голосомъ!..

— Ну, вотъ!.. Прикиньтесь дурачками!.. Казанскихъ сиротъ разыграйте!..

И отецъ пускается въ детальныя наставленія. Частью изъ книгъ, но больше изъ жизни онъ почерпнулъ всевозможныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ: лѣчилъ не только молитвой, но и давалъ рецепты, зналъ судебные уставы и писалъ мужикамъ прошенія, отдавая мнѣ ихъ переписывать набѣло. „Платы“ и тутъ онъ не требовалъ, но „исцѣленные“ больные и „обѣленные“ воры не забывали своего избавителя и совершенно неожиданно, спустя долгое время, являлись къ отцу или съ мѣшкомъ муки, или съ возомъ дровъ, присылали молока, яицъ.

Мѣстный мировой судья, старый баринъ и закоренѣлый крѣпостникъ, возненавидѣлъ моего отца отъ всего сердца. Судья мстилъ мужикамъ за уничтоженіе крѣпостного права тѣмъ, что постоянно стремился „закатать“ мужика въ острогъ „по высшей мѣрѣ наказанія“, но, благодаря отцу, половина его рѣшеній отмѣнялась „на съѣздѣ“ и судья оставался въ дуракахъ.

Мужики смѣялись надъ нимъ, а хромого столяра превозносили. Складывали и распѣвали пѣсни про нихъ обоихъ. Незамѣтнымъ образомъ отецъ сталъ популярнымъ человѣкомъ, любимцемъ народа.

Пѣсня прославляла его, а судью осмѣивала. Осмѣивала она также мѣстныхъ богачей, причтъ и сельское начальство и все выше и выше поднимала образъ моего отца, поэтизировала его, окружала сіяніемъ славы и онъ являлся въ пѣснѣ народнымъ героемъ, печальникомъ народнаго горя и ходатаемъ за народъ. Первоисточникомъ этихъ пѣсенъ былъ кузнецъ Назаръ; удары его молота доносились до нашего дома, а когда наступали сумерки и звуки рабочаго дня умолкали, то прекращались и кузнечные звуки. Въ такіе полупечальные, полуотрадные вечера отецъ

выходилъ на крыльцо съ гуслями и потихоньку для себя, наигрывалъ что-то нѣжное и грустное. Тонкіе, жалобные звуки тихо струились и плакали въ задумчивомъ вечернемъ воздухѣ и въ это время къ нему иногда приходилъ Назаръ. Ему было лѣтъ двадцать пять. Молодой кузнецъ обладалъ симпатичной наружностью: высокій, плечистый, статный, онъ смѣло, какъ соколъ, смотрѣлъ своими голубыми глазами. Волосы и усы у него были бѣлые, какъ ленъ, и густые, вьющіеся. У него былъ замѣчательно живой темпераментъ, говорилъ онъ скороговоркой, съ быстрыми жестами, что даже не совсѣмъ шло къ его атлетической наружности.

Рѣчь его была своеобразна: онъ говорилъ римфмами, мѣткими словечками, пословицами и поговорками. Приходя, онъ подавалъ отцу огромную закоптѣлую руку и встрѣчалъ пожатіе такой же огромной и жилистой руки, выпачканной лакомъ съ голландской сажей. И у нихъ начинался быстрый и остроумный разговоръ, пересыпанный рифмами.

— Гаврилу Петровичу исполать, много денегъ наживать, сто лѣтъ жить, да двѣсти на карачкахъ ползать!

— И тебѣ того же, кузнецъ-молодецъ на свой образецъ: думалъ сдѣлать лемехъ, а онъ вышелъ плохъ, сожегъ да окоротилъ и на топоръ поворотилъ...

— И на топоръ-то не хватило, повернулъ на шило: шило-то не вышло, а вышло ш-шикъ!..

— И то хорошо!

— Вѣрно, говоришь ты примѣрно, что тебѣ покучишься, то и научишься!

— У насъ ума нѣтъ—совѣсти больше!

— Именно! Живемъ въ селѣ, а не въ городу, все носимъ на вороту, что не надо—и то повѣсимъ! Эхъ!—тараторилъ рифмачъ-кузнецъ:—чудно дѣдушкино гумно, семь лѣтъ хлѣба не сѣялъ, а все свиньи ходятъ! Ужъ давно всѣ наши капиталы въ печи, а все къ намъ въ гости ходятъ богачи, этта старшина съ писаремъ у насъ побывали, напились, да насъ же съ батькой обругали...

— Гдѣ гостятъ — тамъ и накастятъ!—замѣчаетъ отецъ:—у нихъ чай да кофей, а у насъ чадъ да копоть!..

Играя риѳмами, они продолжаютъ разсуждать: кузнецъ усаживался у ногъ моего отца. Мы уже знали, что, немного послушавъ и вдохновившись музыкой, онъ будетъ пѣть свои импровизаціи на тотъ мотивъ, который ему заиграютъ, и не отходили отъ него.

А онъ, упершись локтями въ колѣни, держалъ передъ собой большой палецъ лѣвой руки, изуродованный ударомъ молота, не

спуская съ него глазъ и ни на кого не обращая вниманія. Онъ говорилъ, что даръ пѣсенъ заключается у него именно въ этомъ пальцѣ, и пѣлъ всегда, смотря на него и какъ бы извлекая изъ пальца неистощимыя риѳмы.

Отецъ зналъ, какъ пробуждается въ Назарѣ вдохновеніе, и сначала игралъ печальное. Назаръ слушалъ, смотрѣлъ на свой раздробленный палецъ и, покачивая бѣлокурой головой, начиналъ тихонько напѣвать что-то.

Сердце мохомъ обростаетъ...
Весь измученный народъ!..

Тихой фистулой пѣлъ кузнецъ. И сама собой слагалась у него пѣсня о томъ, какъ болитъ у него сердце и отчего; какъ вздыхаютъ кузнечные мѣхи и какъ онъ куетъ молотомъ желѣзо; сердце его такое же, какъ то желѣзо: оно мягкое, оттого что раскаленное... И бьютъ его прямо по мягкому огненному сердцу, а изъ сердца вылетаютъ искры...

Онъ поетъ, а гусли жалобно и нѣжно стонутъ...

Между тѣмъ, около крыльца мало-по-малу накопляется толпа: кто ни идетъ мимо, всякъ остановится и слушаетъ.

Но гусли уже играютъ веселѣе, а импровизаторъ, вдохновляясь все болѣе и болѣе, подчиняется мотиву и постепенно мѣняетъ настроеніе: онъ поетъ уже о томъ, что не все же плакать да вздыхать, что рабочій человѣкъ ни въ какой бѣдѣ не пропадетъ, онъ все перенесетъ, ему все трынъ-трава!..

Я любому богачу
На бокъ рыло своро чу!

Поетъ онъ, ухарски потряхивая головой.

— Хо-хо-хо!—одобрительно смѣется толпа.

Она увеличивается съ каждой минутой.

— Назаръ поетъ! Назаръ поетъ!—слышится кругомъ. А его уже не видно за толпой: онъ сидитъ согнувшись и не отрываетъ глазъ отъ своего чудодѣйственнаго пальца. Отецъ потряхиваетъ кудрями и, раздувъ ноздри, разливаетъ лукавыя и безпечныя трели. Раздается залихватскій мотивъ съ прихлопываньемъ ладонью по струнамъ: это знакъ, что пришло время пѣть на „злобу дня“. Въ толпѣ свѣтятся улыбки и она плотнѣе придвигается къ пѣвцу, чтобы лучше слышать. И звенятъ насмѣшливые куплеты о попѣ, судьѣ и писарѣ, о старшинѣ и „міроѣдахъ-кулакахъ“.

Все село насмѣшило приключеніе съ кулакомъ „Кузькой“, которому „на хуторахъ“ за его амурныя похожденія „обрядили“ лошадь, когда онъ спалъ пьяный въ тарантасѣ: обрѣзали ей хвостъ и гриву и навязали мочала, украсивъ лошадь тряпками. На такой лошади спавшій Кузька проѣхалъ по всему селу.

И вотъ начинается поэма о Кузькѣ:

Поглядите, добры люди:
Кузька ѣдетъ на верблюдѣ!

— Хо-хо-хо-хо! — грохочетъ вся толпа, надрывая животики надъ каждымъ куплетомъ.

Злободневная поэма оказывается безконечной и отъ Кузьки поэтъ переходитъ къ другимъ лицамъ.

Мировой судья, папаша,
Разсуди-ка дѣло наше:
Я не жуликъ и не воръ,
А мѣшокъ съ мукой уперъ!

— Хо-хо-хо! — гремятъ слушатели... Они корректируютъ пѣсню, тутъ же вслухъ поправляютъ и „приправляютъ“ ее забористыми словечками.

И за что судить-то тутъ,
Коль укралъ я только пудъ?

— Вѣрно! — замѣчаетъ толпа.—Знамо дѣло, не за что! За пудъ—и судить! Дуракъ, а еще судья!

Гусли такъ и заливаются, такъ и разсыпаютъ добродушно-лукавыя трели, толпа хохочетъ, а импровизаторъ сидитъ, ни на кого не глядя и глубокомысленно уставясь неподвижнымъ взглядомъ въ палецъ вдохновенія, поетъ и сыплетъ летучими риѳмами.

Столяръ и кузнецъ были большими друзьями: кромѣ поэзіи, ихъ соединяла еще идея о изобрѣтеніи „вѣчнаго двигателя“. Эти талантливые люди увлекли и меня: мы втроемъ устраивали наши совѣщанія и дѣлились мыслями о „шурупахъ“, „шалнерахъ“, рычагахъ и другихъ деталяхъ измышляемаго нами механизма, наводя скуку на домашнихъ.

Иногда ночью, когда всѣ крѣпко спали, отецъ окликалъ меня:

— Копка!

Я просыпался и видѣлъ, что онъ со свѣчей въ рукѣ, въ одномъ бѣльѣ, съ наскоро подвязанной деревяшкой сидитъ около моей постели.

— У меня явилась новая мысль! — объявлялъ онъ мнѣ.— Вотъ, погляди, я сдѣлалъ чертежъ!

И онъ совалъ мнѣ клочокъ бумаги съ новымъ рисункомъ „вѣчнаго двигателя“.

— Вотъ здѣсь будетъ шалнеръ,—увлекаясь, гудѣлъ онъ, понижая голосъ до октавы, чтобы не разбудить спящихъ,—а здѣсь рычагъ на большомъ шурупѣ, а колѣно-то ужъ вотъ оно гдѣ!.. Эге?

И онъ радостно и хитро подмигивалъ мнѣ:

— Теперь у насъ пойдетъ дѣло по маслу!..

Но „по маслу“ дѣло не шло. Наши опыты не удавались, разрушая планы отца, обнаруживая существованіе какихъ-то не-

ожиданныхъ законовъ, поставляя непредвидѣнныя препятствія, которыя только увеличивали его энергію. Каждый праздникъ мы собирались въ кузницѣ или въ мастерской и „строили". Отцомъ въ это время овладѣвала неистовая, пламенная энергія: онъ работалъ цѣлый день, забывалъ о ѣдѣ, о семьѣ, обо всемъ, кромѣ своей идеи. Онъ самъ „клепалъ" желѣзо, пилилъ, ковалъ, страшно-возбужденный, съ горящими глазами, непобѣдимый, повелѣвающій. Назаръ былъ исполнительной силой, а я на побѣгушкахъ и отецъ командовалъ нами, приходя въ ярость отъ малѣйшихъ нашихъ сомнѣній; молотъ и голосъ его гремѣли до ночи, мы, наконецъ, утомлялись, но онъ былъ неутомимъ.

Возвращаясь въ сумерки изъ кузницы, мы горячо обсуждали наше предпріятіе.

— Эхъ, кабы зналъ я физику да алгебру!—восклицалъ отецъ и таинственно сообщалъ намъ:—тамъ, въ этихъ книгахъ есть!..

Къ дѣлу о вѣчномъ двигателѣ былъ привлеченъ сельскій учитель, съ которымъ отецъ мой водилъ дружбу. Это былъ хладнокровный, невозмутимый человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, красивый, представительный, съ небольшой бѣлокурой бородой. Онъ пришелъ къ намъ въ мастерскую съ цѣлой компаніей: съ двумя семинаристами—сыновьями попа и письмоводителемъ мирового судьи; послѣдній обожалъ моего отца, ходилъ къ нему каждый день, учился токарному искусству и игрѣ на гусляхъ.

Вся эта молодежь на перебой стала доказывать отцу невозможность вѣчнаго двигателя. Но не такъ-то легко было его убѣдить. Онъ не признавалъ никакихъ авторитетовъ и выступилъ противъ нихъ съ блестящей рѣчью, достойной лучшаго примѣненія. Онъ зналъ о Галилеѣ и Коперникѣ и сравнивалъ себя съ ними, говорилъ, что всякое новое открытіе, всякая новая мысль вначалѣ считается людьми невозможной, а потомъ оказывается вполнѣ осуществимой. Онъ требовалъ вѣскихъ доказательствъ и спорилъ съ ними цѣлую недѣлю. Они чертили и доказывали ему теоремы, натащили книгъ и отецъ принялся за чтеніе. Съ этого времени они всѣ стали ходить къ нему и проводить время въ горячахъ спорахъ „о жизни", „о наукѣ", о религіи и „о человѣчествѣ".

Отецъ и Назаръ отложили на время изобрѣтеніе вѣчнаго двигателя и возвратились къ построенію „самокатки"—велосипеда, который былъ уже изобрѣтенъ моимъ отцомъ прежде, но не усовершенствованъ. Снова начались разнообразные рисунки и модели сложнаго механизма, пока онъ не сдѣлался проще. Тогда съ тѣмъ же лихорадочнымъ увлеченіемъ принялись мы строить и „самокатку". Опять каждое воскресенье мы ковали, варили, клепали и отецъ опять вдохновенно отдавался работѣ. Нашей дѣятельностью сильно

интересовались мужики и приходили въ кузницу „глядѣть“. Они глубокомысленно окружали отца, который, сидя на землѣ, весь въ сажѣ, „клепалъ“ листовое желѣзо и грохоталъ кузнечнымъ молотомъ.

— Не пойдетъ!—обмѣнивались они скептическими замѣчаніями.

— Хитра штука!

— Не выйдетъ, хромой! Кишка у тебя, пожалуй, тонка такую вещу сляпать?

— Выйдетъ!—неистово рычалъ изобрѣтатель, надсаждаясь и грохоча молотомъ:—А не выйдетъ—такъ ворота вымажемъ!

— Хо-хо-хо! Чудило-мученикъ!—Противъ ожиданія вышло. Мы сдѣлали изъ желѣза низенькую телѣжку на трехъ колесахъ: два колеса побольше, а третье—маленькое, впереди: оно повертывалось и такъ, и сякъ, словно руль. Механизмъ ея былъ до смѣшного простой и остроумный и на телѣжкѣ-самокаткѣ можно было ѣздить, работая руками.

„Проба“ самокатки происходила довольно торжественно: къ кузницѣ собралась толпа мужиковъ, бабъ, туча ребятишекъ и учитель со всей компаніей.

Отецъ не безъ волненія сѣлъ на самокатку и, двигая рычаги на „шалнерахъ“ своими ручищами, быстро покатилъ отъ кузницы къ селу. Только волосы его развѣвались, да ситцевая рубашка раздувалась отъ вѣтра...

— Бр-раво-о!—кричали ему вслѣдъ семинаристы и письмоводитель:—Ур-ра-а!

А хладнокровный учитель солидно разсуждалъ съ мужиками:

— Вотъ, кабы такому человѣку образованіе! Богъ знаетъ, что бы изъ него вышло? Можетъ быть—геній?

— Съ головой человѣкъ!—подтверждали мужики.—Хитрецъ!..

— Вотъ, былъ Кулибинъ, механикъ-самоучка!..—продолжалъ учитель и сталъ разсказывать о Кулибинѣ.

А отецъ, сопровождаемый радостной тучей ребятишекъ, былъ уже далеко и, наконецъ, исчезъ изъ виду. Мужики смотрѣли ему вслѣдъ, качали головами и приговаривали:

— Чудодѣй!..

Такая жизнь, полная кипучихъ волненій, нравилась моему отцу. Онъ былъ увѣренъ, что „дѣла“ пойдутъ по маслу, если рядомъ съ его верстакомъ поставить еще другой для меня и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда я кончу курсъ ученія въ школѣ. На мою склонность къ чтенію онъ мало обращалъ вниманія и, по окончаніи курса, когда мнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ, поставилъ меня за верстакъ.

Мнѣ сшили холщевый фартукъ съ нагрудникомъ и въ нашей мастерской засвистѣло два фуганка.

Мы съ отцомъ вставали рано и вмѣстѣ принимались за работу. Въ семьѣ и обществѣ сразу перемѣнилось отношеніе ко мнѣ: я сталъ работникомъ, полноправнымъ человѣкомъ... Отецъ обращался теперь со мной серьезнѣе, какъ съ большимъ. За завтракомъ и обѣдомъ, когда мы снимали фартуки и, вымывъ мозолистыя руки, садились за столъ, онъ даже ухаживалъ за мной:

— Ѣшь больше, Капитонъ!—говорилъ отецъ.—По пищѣ фуганокъ свищетъ!

И, глядя, какъ съ каждымъ днемъ грубѣли мои руки и развивались плечи, похваливалъ меня:

— Здоровило! Выйдетъ изъ тебя эдакій чертище-столярище!

Но я мечталъ о чемъ-то. Мнѣ по прежнему хотѣлось читать все новыя и новыя книги.

Во мнѣ приняли участіе семинаристы и я сталъ бывать въ семьѣ попа. Тамъ всѣ смѣялись надъ моими руками и неуклюжестью фигуры: я за все задѣвалъ, все ронялъ и разбивалъ. Риѳмованная рѣчь, сотканная изъ народныхъ пословицъ, обычная у насъ дома—здѣсь всѣхъ удивляла... Мнѣ было тяжело въ непривычной обстановкѣ, я постоянно конфузился, но семинаристы разсказывали о невѣдомой, заманчивой жизни, они открывали мнѣ новый міръ и у нихъ были замѣчательныя книги.

Я таскалъ эти книги домой, съ жадностью читалъ ихъ и давалъ читать отцу. Онъ поглощалъ ихъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и я.

И мы говорили о книгахъ.

Особенное впечатлѣніе произвела на насъ поэзія Никитина и Некрасова. Читая ихъ, мы просиживали ночи напролетъ, дѣлились чувствами и „новыми" мыслями. Я читалъ, а отецъ слушалъ, курилъ и плакалъ.

— Что это за люди были?—страстно восклицалъ онъ со слезами на глазахъ.—Какая у нихъ душа была, коли они о простомъ народѣ такъ вѣрно писали?

Стихи Никитина сдѣлались его любимой книгой. Онъ раскрывалъ ее и днемъ, на нѣсколько минутъ оставляя фуганокъ, но едва раскрывалъ, какъ уже и плакалъ.

— Проклятая! —кричалъ онъ сквозь рыданія и запускалъ книгой въ уголъ.—И читать-то тебя нельзя!

Письмоводитель мирового судьи таскалъ намъ изъ библіотеки своего патрона „Отечественныя Записки" и „Дѣло".

Мы съ отцомъ погрузились въ міръ новыхъ идей.

Теперь уже вся эта компанія—семинаристы, учитель и письмоводитель сдѣлались нашими постоянными гостями. Собираясь

въ нашу избушку, они сначала было поучали отца, но потомъ внезапно превратились въ его учениковъ. „Новыя идеи“ оказались идеями моего отца, которыя онъ давно уже расточалъ въ своихъ разсужденіяхъ „о жизни“. Ея несовершенство и несправедливость онъ глубоко изучилъ на собственномъ горькомъ опытѣ и по поводу сухихъ и отвлеченныхъ идей сыпалъ такими художественно-яркими разсказами, что очень скоро обратилъ своихъ развивателей въ аудиторію. Подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ и общества интеллигентной молодежи—талантъ краснорѣчія развернулся у него во всю ширь... Мой отецъ какъ-то сразу пробудился, прозрѣлъ, безсознательныя мысли, назрѣвавшія въ немъ впродолженіи всей жизни теперь отлились въ ясную, художественную форму. Въ немъ началась кипучая внутренняя работа, „переоцѣнка цѣнностей“ и онъ уже не хотѣлъ знать удержу. Онъ говорилъ вдохновенныя, огненныя рѣчи, проникнутыя знаніемъ и пониманіемъ жизни.

Онъ живо и образно, со всѣми подробностями набрасывалъ огромныя и яркія картины будущаго счастья человѣчества,—вкладывалъ въ это всю свою вѣру, всю силу своей экзальтаціи и—увлекалъ.

Онъ сталъ для насъ всѣхъ „учителемъ жизни“.

А жизнь шла своимъ чередомъ. Урожаи дѣлались годъ отъ году хуже, село быстро бѣднѣло и къ отцу толпами стали приходить „больные“ и „воры“. Благодаря своей находчивости и близости къ народу, онъ и лѣчилъ удачно, и „татей обѣлялъ“ успѣшно. Мировой судья разсвирѣпѣлъ и поклялся уничтожить моего отца. Сельское начальство тоже давно точило зубы на него. Они всѣ соединились противъ хромого врага и затѣяли кляузный „процессъ“, опорой котораго служили подкупленные лжесвидѣтели. Этотъ процессъ при удачномъ окончаніи долженъ былъ привести моего отца въ острогъ.

Отецъ не испугался борьбы. Напротивъ, онъ смѣло принялъ вызовъ и весь отдался счастью битвы. Никогда я еще до этихъ поръ не видалъ его такимъ энергичнымъ и краснорѣчивымъ: онъ выросталъ въ моихъ глазахъ.

Казалось, что этотъ человѣкъ, „съ безпокойствомъ въ сердцѣ“, всю свою жизнь искавшій именно такой донкихотской борьбы за угнетенныхъ, наконецъ, нашелъ условія существованія, подходящія для него.

Въ немъ жилъ настоящій духъ русскаго народа—исканіе подвига, духъ русскихъ сказочныхъ витязей, которые, какъ извѣстно, не могли долго сидѣть на одномъ мѣстѣ и выѣзжали въ „поле чистое“ силой мѣряться, „людей посмотрѣть и себя показать“...

Во все время, пока тянулся процессъ въ трехъ инстанціяхъ,

отецъ походилъ на огнедышащій вулканъ, энергія била изъ него огненнымъ каскадомъ, а изъ устъ лились увлекающія вдохновенныя рѣчи. Онъ видѣлъ поэтически-пророческіе сны, гдѣ сражался съ огромной змѣей, два раза душилъ ее, а она ускользала изъ рукъ и, наконецъ, въ третій разъ задушилъ-таки.

И, дѣйствительно, въ третьей инстанціи, когда дѣло было передано съѣздомъ другому мировому судьѣ, отецъ выигралъ процессъ. Онъ самъ говорилъ на судѣ защитительную рѣчь при огромномъ стеченіи „чистой публики" въ залѣ суда, а нечистой— у крыльца камеры.

Что это была за рѣчь! Уничтожающая, мощная, вдохновенная! Онъ разбилъ ею козни своихъ враговъ съ какимъ-то богатырскимъ размахомъ, словно Еруcланъ Лазаревичъ, срубающій головы семиглавому змѣю, онъ, какъ Бова, разогналъ ихъ метлою!..

А мужики все бѣднѣли да бѣднѣли. Наконецъ, нагрянулъ голодный годъ. Еще весной по селу пошелъ стонъ: весна ранняя, безводная, земля трескается, будетъ голодъ.

Осенью онъ пришелъ, этотъ голодъ. Отецъ повѣсилъ гусли на чердакъ и они висѣли тамъ всю зиму съ порванными струнами, занесенные снѣгомъ: не до нихъ было!

Пріѣзжіе „изъ степи" показывали образчики хлѣба „изъ лебеды", какой уже ѣли степныя деревни: онъ былъ похожъ на сухой коровій пометъ. Такой же хлѣбъ предстояло ѣсть и намъ, при Волгѣ.

Но о нашемъ селѣ неожиданно позаботился Николай угодникъ. Внезапно, какъ разъ противъ нашей Обираловки затонула на Волгѣ баржа съ пшеномъ. Мѣшки пшена доставали крючьями со дна рѣки и продавали за безцѣнокъ.

Народная молва создала изъ этого цѣлую легенду: нашлись люди, которые сами „видѣли" Николая угодника, онъ шелъ по волнамъ, какъ по-суху, весь былъ огненный и такой большой, что головой касался небесъ. И взялъ онъ рукой купеческую баржу за конецъ мачты и погрузилъ ее на самое дно: „для народа!"

Но кулаки, словно коршуны, бросились на это пшено, скупили его и стали продавать по двойной цѣнѣ. А народъ и этому былъ радъ. Мы покупали большіе, длинные мѣшки съ мокрымъ, горѣлымъ пшеномъ и сушили его на печкѣ, потомъ отдавали молоть и пекли изъ пшенной муки блины.

Блины эти были горьковаты и прѣсны на вкусъ, а когда остывали, то становились похожи на фарфоровую тарелку: стоило уронить блинъ изъ рукъ на полъ, какъ онъ разбивался въ дребезги.

Всю зиму питались мы только этими блинами, не видя ни хлѣба, ни мяса. Найденная гдѣ-нибудь сухая корка чернаго хлѣба считалась у насъ лакомствомъ. Блины опротивѣли намъ и

мы ѣли ихъ съ отвращеніемъ, исхудалые, блѣдные, смотря другъ на друга большими голодными глазами. Весной пришелъ однажды къ намъ сельскій учитель и сталъ говорить отцу:

— Наступаютъ времена трудныя, деревня бѣднѣетъ, разоряется... Это—экономическій процессъ... дальше будетъ еще хуже... Извѣстный процентъ населенія двинется въ городъ... Отпустите-ка старшаго-то сына держать экзаменъ въ учительскую семинарію... Приспособимъ... если выдержитъ—казенную стипендію дадутъ!..

И учитель сталъ убѣждать отца, чтобы онъ „пустилъ меня по наукѣ". Отецъ согласился. Въ началѣ августа меня снарядили въ городъ. И вотъ вспоминается мнѣ теперь послѣдняя страница моей деревенской жизни.

Три часа утра. Все уже готово къ моему отъѣзду на станцію. Горитъ лампада у образовъ и лампа—на столѣ. Мои младшіе братья и сестры спятъ на полу, а мы—отецъ, мать и я—пьемъ чай „на дорогу". Но никому чаю не хочется: мать молча вытираетъ слезы, ея доброе, славное лицо полно молчаливой, но безконечной любви ко мнѣ. Отецъ говоритъ „о жизни", рѣчь его дышетъ мужествомъ и его вѣчной вѣрой въ дѣла, идущія по маслу. Я волнуюсь: мнѣ и грустно, и радостно, и жутко... Слышно, какъ подъѣхалъ мужикъ на телѣгѣ „за мной", везти меня на станцію.

— Ну, мать, надо благословить сына-то!—говоритъ отецъ.— Выпускаемъ птенца изъ гнѣзда!

Мать беретъ маленькую икону Спасителя въ фольговой ризѣ и молча благословляетъ меня: она встала подъ иконами, лицомъ къ порогу, а я передъ ней на колѣни, она ничего не говоритъ, только крупныя слезы бѣгутъ по ея лицу и падаютъ на мою голову.

Потомъ благословилъ отецъ. Я и передъ нимъ всталъ на колѣни и наклонилъ голову, а онъ прикоснулся иконой до моихъ волосъ и сталъ говорить.

— Благословляю тебя, сынъ мой, въ жизнь! — говорилъ онъ задушевнымъ голосомъ.—Иди прямой дорогой, надѣйся только на самого себя, а не на другихъ, никогда не трусь... Знай, что путь бѣдняка тяжелъ и будь готовъ ко всякимъ испытаніямъ. Не увлекайся богатствомъ и сладкой жизнью, помни о насъ, о твоихъ братьяхъ и сестрахъ, и о простомъ народѣ, который страдаетъ. Можетъ быть, вернешься назадъ ученымъ человѣкомъ, то набирайся больше того ученья, которое нужно народу, а не воротишься, такъ разскажи хорошенько тамъ, въ городѣ, счастливымъ и богатымъ людямъ, хорошенько разскажи о страданіяхъ народа! Помни о немъ всегда, не поддавайся соблазнамъ, да, смотри, берегись потерять...—тутъ голосъ его дрогнулъ:—вѣру въ Бога!

И онъ заплакалъ, осѣняя меня иконой... Видно было, что онъ хотѣлъ сказать очень много, но не могъ говорить отъ слезъ.

А я едва сдерживалъ радостную улыбку тамъ, подъ иконой: мой выходъ „въ жизнь“ казался мнѣ тогда такимъ легкимъ, многообѣщающимъ. Въ томъ, что я достигну въ жизни чего-то очень хорошаго и буду ея побѣдителемъ, я не сомнѣвался: мнѣ было шестнадцать лѣтъ.

И сѣли мы съ нимъ въ телѣгу, положили въ ногахъ маленькій сундучекъ да подушку и телѣга покатила по сельской дорогѣ. Свѣтало. Звѣзды гасли одна за другой. Пышная заря освѣщала намъ путь... Въ ея розовыхъ лучахъ плыла чистая, брилліантовая звѣздочка. Розовый свѣтъ обливалъ избы, соломенныя крыши, сельскую церковь, околицу, гладь извилистой рѣчки, затерявшейся въ зеленыхъ лугахъ, и кусты, окропленные росой... Все кругомъ было въ розовомъ свѣтѣ. Утренній свѣжій воздухъ такъ и лился въ грудь... Я радостно дышалъ полною грудью и, озираясь по сторонамъ, безпечно улыбался... А утренняя звѣздочка такъ весело плыла и сіяла, такая чистенькая, хорошенькая...

IV.

Ахъ, какъ жаль, что я не сдѣлался ученымъ, никогда съ тѣхъ поръ не возвращался въ деревню, а въ городѣ не разсказалъ „о страданіяхъ народа!“ Я былъ брошенъ на путь неудачъ, разочарованій и мытарствъ. Изгнанный изъ учебнаго заведенія, я былъ гонимъ повсюду, очутился въ рядахъ „городского пролетаріата“ и пошелъ „сквозь строй“ жизни. Меня унижали, оскорбляли... Если мужики въ деревнѣ считали меня „нехрестьяниномъ“, то городскіе люди ясно видѣли во мнѣ всѣ признаки „мужика“ и „плебея“. Мнѣ было чуждо многое, что течетъ въ крови настоящаго интеллигента, на мнѣ не было никакого „долга народу“, вся психологія моя была неинтеллигентная, знаніе „народа“ было почерпнуто изъ жизни, а не изъ книгъ и я чувствовалъ свою рознь отъ всѣхъ... Какъ въ деревнѣ я слышалъ враждебное „нехрестьянинъ“, такъ здѣсь слышалъ пренебрежительное „неинтеллигентъ“.

Мои приключенія были какъ бы продолженіемъ приключеній моего отца, новымъ фазисомъ ихъ. Я лѣзъ „на гору“, но чортъ, по обыкновенію, схватывалъ меня „за ногу“ и не давалъ ничего, кромѣ грошоваго заработка, противнаго канцелярскаго труда, жизни впроголодь. Я жилъ только надеждой, что въ будущемъ „дѣла пойдутъ по маслу“. Я мечталъ о „Москвѣ“, о „вольнослушаніи“ въ университетѣ, о сценѣ, о литературѣ... Стремленій и надеждъ было много, не было только денегъ и не было дороги, по которой могъ бы я идти. Но я собирался въ путь безъ денегъ и безъ дороги, съ одними надеждами.

И вотъ въ это самое время, когда я совсѣмъ было нацѣлился лѣзть „въ Москву“, чортъ опять не преминулъ схватить меня „за ногу“. Изъ села пришло отъ отца письмо.

„А у насъ опять голодъ! писалъ онъ своимъ корявымъ почеркомъ.—Мужикъ совсѣмъ обѣднялъ и у меня никакой работы нѣтъ. Прежде хоть добрые люди помогали, а теперь и рады бы помочь, да самимъ ѣсть нечего. И надумалъ я, сынокъ, переѣхать къ тебѣ въ городъ: тамъ я хоть какую ни на есть работишку найду и дѣла наши пойдутъ по маслу, а здѣсь совсѣмъ съ голоду помирать приходится и съ ребятишками. Избу мы продали за сто двадцать пять рублей. Я думаю, что ты не оставишь своего отца и т. д.“

Черезъ недѣлю „они“ пріѣхали. Отецъ немного посѣдѣлъ, кудри его развились и голосъ какъ будто уже не такъ былъ звученъ и твердъ, какъ прежде, но въ общемъ онъ по прежнему былъ энергиченъ и свято вѣрилъ въ то, что „все“ пойдетъ по маслу.

Шесть человѣкъ „мелюзги“ играли въ лошади, были до нельзя жизнерадостны, безпечны и эгоистичны.

И мы зажили на краю города, въ маленькой шестирублевой квартиркѣ, въ подвальномъ этажѣ. Насъ такъ было много и всѣ мы предались такой кипучей дѣятельности, что даже самый домъ, въ которомъ поселились мы, угрюмый и какой-то кислый, какъ будто ожилъ и повеселѣлъ.

Отецъ точилъ на токарномъ станкѣ, ребятишки бѣгали въ школу, прыгали на одной ногѣ, вывертывали козла, кувыркались и дрались, оглашая глухую окраину города звонкими трелями заразительно-веселаго смѣха. Я служилъ разомъ на двухъ грошовыхъ должностяхъ, таскалъ работу домой и теперь уже не имѣлъ ни одной свободной минуты.

Тѣмъ не менѣе жилище наше, кипѣвшее жизнью, такъ и вѣяло молодостью, звучало юными голосами, неумѣстно-веселымъ смѣхомъ и безпечными пѣснями гусель.

А отецъ уже имѣлъ видъ мудреца и философа, читалъ Бокля и Милля. Мысль его шла впередъ, къ нему и здѣсь ходила молодежь: душа его оставалась вѣчно-юной...

Такъ прошелъ годъ и еще годъ... И еще... Однажды зимой, когда я пришелъ поздно ночью съ вечернихъ занятій,—меня встрѣтила мать и шестнадцатилѣтняя сестра тревожнымъ и печальнымъ шопотомъ:

— Отецъ заболѣлъ.

Онъ лежалъ на койкѣ и стоналъ...

Кругомъ была наша печальная и гордая бѣдность: старые стулья съ рѣзьбой, починенные рукой отца, тусклое зеркало и три грошовыхъ картины на стѣнѣ въ рамкахъ его же работы:

охота на слона, на льва и на бѣлаго медвѣдя... гусли въ углу. Лицо отца было темно-коричневое, воспаленное, но по обыкновенію мужественно-спокойное... Онъ открылъ глаза.

— Простудился..—сказалъ онъ въ перемежку со стономъ:—цѣлый день былъ въ ходу... а, вѣдь, для меня—ходъ... самое трудное... пить захотѣлъ... выпилъ квасу... и въ ходъ... грудь заложило...

Организмъ его былъ еще полонъ силъ: на груди лежали его необыкновенныя, геркулесовскія руки, а отъ густыхъ грудныхъ стоновъ сотрясалась койка и гудѣлъ подъ нею полъ...

Нужна была помощь доктора, а денегъ въ домѣ, по обыкновенію, не было.

На утро я раздобылъ цѣлковый и плохенькаго, старенькаго доктора.

Болѣзнь пошла впередъ очень быстро: черезъ недѣлю наступилъ „кризисъ" и больной былъ уже предъ лицомъ смерти.

Онъ лежалъ на своей койкѣ, тяжело дышалъ, мучительно кашлялъ и гулко стоналъ...

Мы могли только смотрѣть на борьбу жизни и смерти и надѣяться только на силу организма.

Мать и сестра, стоя около койки, тихонько плакали, отворачиваясь, чтобы онъ не видѣлъ ихъ слезъ, но онъ видѣлъ.

Онъ по прежнему густо и глубоко стоналъ и... отпускалъ шутки для того, чтобы разсмѣшить плачущихъ женщинъ.

— Ты на гору... а чортъ за ногу!—говорилъ онъ свою любимую поговорку.

И онѣ улыбались, плача.

Ночью ему сдѣлалось особенно трудно.

— Надо... попа!..—сказалъ онъ мнѣ, прерывая стоны.—Умеръ бы я и безъ него, да придираться будутъ къ вамъ... изъ-за похоронъ... Умру, духъ мой смѣшается съ атмосферой... и все! Очень просто!

Къ концу жизни онъ сталъ почти атеистомъ: существованіе Бога онъ допускалъ, но въ загробную жизнь не вѣрилъ.

Я побѣжалъ за попомъ. Было часа четыре утра. Ночь была морозная, звѣздная... Весь городъ спалъ, какъ мертвый... Густые голоса церковныхъ колоколовъ медленно падали въ бездну тишины, были похожи на стоны моего отца и надрывали сердце своимъ похороннымъ уныніемъ... Казалось мнѣ, что эти колокольные вздохи, полные мрачной безнадежности, относились ко всей долгой и страдальческой жизни отца, къ моей жизни и къ моему будущему и къ будущему всей нашей семьи... Они словно произносили приговоръ, зловѣще пророчили что-то грустное, словно отнимали у насъ всякую надежду на какой-нибудь проблескъ счастья въ нашей жизни... „Никогда-а! никогда-а!.." словно говорили они, надрывая душу и

плыли и умирали въ мертвой, безучастной тишинѣ... А кругомъ нигдѣ не было ни единаго проблеска свѣта.

Я добѣжалъ до квартиры богатаго соборнаго священника: она была ближайшей. Пришлось очень долго звониться. Мнѣ отперли съ неудовольствіемъ. „Отъ кого?“ спросили меня. Я сказалъ, что мой отецъ умираетъ. Мнѣ велѣли подождать и я долго стоялъ въ передней. Наконецъ, вышелъ священникъ атлетическаго тѣлосложенія, съ круглой бородой и необыкновенно высокой грудью: такимъ почему-то я всегда представлялъ себѣ Пересвѣта, который вышелъ на поединокъ съ Телебеемъ въ Куликовской битвѣ. На лицѣ его ясно выражалась досада. „Гдѣ живетъ умирающій?“ спросилъ онъ меня. Я сказалъ. „Не моего прихода!“ Отвѣтилъ онъ и не хотѣлъ идти. Я сталъ его упрашивать и не уходилъ изъ квартиры... Наконецъ, атлетъ-священникъ, скрѣпя сердце, согласился и пошелъ со мной, сердито запахнувшись въ енотовую шубу и нахлобучивъ бобровую шапку.

Когда мы пришли, отецъ уже умиралъ: стоны сдѣлались слабѣе, въ груди клокотало. Пересвѣтъ стоялъ у его изголовья и скороговоркой исповѣдывалъ его, задавая вопросы и не дожидаясь отвѣтовъ, да отецъ уже и не могъ говорить.

Въ нѣсколько минутъ исповѣдь была кончена. Священникъ торопился домой. Я догналъ его у порога и сунулъ ему тридцать копѣекъ—всѣ деньги, какія нашлись въ домѣ. Онъ принялъ ихъ, не глядя, надѣлъ бобровую шапку и ушелъ.

— Благословить... дѣтей...—сквозь хрипъ и стоны вырвалось изъ груди отца.

И мы всѣ стали подходить къ его изголовью, и онъ клалъ дрожащую руку на голову каждаго и дѣлалъ это такъ, какъ будто торопился куда-то.

— Дочери мои... дочери мои...—лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Глаза его были закрыты, грудь высоко и тяжело подымалась, а взамѣнъ стоновъ вырывалось изъ нея клокотаніе, словно она все болѣе и болѣе наполнялась чѣмъ-то, что мѣшало дышать.

Онъ ничего не сказалъ о своихъ сыновьяхъ; въ минуту смерти его душа болѣла только о дочеряхъ: онъ зналъ, что, получивъ отъ него въ наслѣдство его здоровье и энергію, мы всѣ пойдемъ сквозь строй жизненныхъ пытокъ, будемъ каждый въ одиночку биться съ жизнью и не упадемъ, гордо пройдемъ до конца; истерзанные, съ окровавленной душой—мы вынесемъ все!..

Но какъ же горька и безотрадна ваша судьба, вы, дочери бѣдноты, бѣдныя сестры мои! Вашимъ пѣвцомъ хотѣлъ бы я быть, ваши слезы и страданія хотѣлъ бы воспѣть, къ вашимъ ногамъ положить горькія пѣсни!.. Безпросвѣтно-грустна ваша жизнь!..

*

Клокотаніе въ груди отца все увеличивалось и наполнило всю грудь. Но воспаленное лицо его по прежнему хранило выраженіе мужественной энергіи и яснаго сознанія. Онъ собралъ послѣднія силы и отчетливо прошепталъ:

— Лети, душа!..

И вдругъ открылъ глаза широко, изумленно... Казалось, что вверху онъ увидѣлъ какое-то необыкновенное видѣніе и глаза его, устремленные на что-то, невидимое намъ, медленно закатились, словно не могли оторваться отъ какого-то удивительнаго зрѣлища. Потомъ по лицу и всему тѣлу пробѣжало острое содроганіе, а вздохи становились все глубже и рѣже. Потомъ замерли, остановились... Долго не было вздоха... наконецъ, вырвался глубокій вздохъ и опять замеръ... Эти послѣдніе вздохи были похожи на умирающее пламя лампы, когда оно то гаснетъ, то вспыхиваетъ снова. Послѣдняго вздоха я долго ждалъ—и не дождался.

Я стоялъ у постели отца съ какимъ-то страннымъ, деревяннымъ спокойствіемъ. Я смотрѣлъ на его мертвое лицо: оно пріобрѣло особенное выраженіе важности и молчаливаго знанія никому невѣдомой тайны. Мертвый, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, походилъ на кардинала Ришелье... Горбатый носъ, правильная эспаньолка съ просѣдью, орлиная гордость и благородство лица, еще дышавшаго непреклонною волей и энергіей, придавали ему странную, почти царственную величавость. Нѣчто рыцарское было въ его чертахъ и не вѣрилось, что этотъ важный мертвый старикъ—не герой, а лишь задушенный жизнью пролетарій, бывшій крѣпостной рабъ.

Я ощутилъ желаніе заплакать, но, посмотрѣвъ на „шестерыхъ", маленькихъ, съ бѣлыми кудрявыми головами, блѣдныхъ, съ недоумѣвающими глазками, удержался: вѣдь, они бы всѣ взвыли вслѣдъ за мной, а я этого не хотѣлъ. Какъ только умеръ отецъ—я сразу почувствовалъ себя старше и серьезнѣе: на мои плечи опустилась тяжелая, словно чугунная ноша...

Женщины подошли къ мертвецу, чтобы закрыть ему глаза и вполголоса говорили о чемъ-то, словно боясь, какъ бы онъ не услыхалъ...

Мнѣ предстояло очень много хлопотъ: идти взять ссуду на похороны, взять записку отъ священника, отъ полиціи, заказать гробъ и купить „мѣсто" для могилы... Много...

Но пока еще было темно и рано идти; я подошелъ къ окну. Тусклый разсвѣтъ кисло и насмѣшливо смотрѣлъ на меня въ окно. Звѣзды блѣднѣли и гасли. Одна изъ нихъ, маленькая, туманная звѣздочка, покатилась по небу и безслѣдно пропала.

Скиталецъ.

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛІЯ.

(Впечатлѣнія видѣннаго и пережитаго).

Эдуарда Бернштейна, переводъ съ нѣмецкаго.

Англія была описана уже не разъ многими извѣстными писателями, поэтому нельзя ожидать теперь, чтобы тотъ, кто берется снова за описаніе англійской жизни, сказалъ о ней что-либо новое. Настоящій очеркъ имѣетъ въ виду очень немногое; онъ отнюдь не стремится дать обобщающую картину Англіи и населенія, онъ задается только цѣлью прибавить къ существующимъ уже характеристикамъ нѣсколько индивидуальныхъ впечатлѣній. Такой характеръ очерка объясняется отчасти и той эпохой, когда автору пришлось побывать въ этой странѣ, — эпохой, въ которой многое, что относилось доселѣ къ особенностямъ англійской жизни, начинаетъ постепенно утрачивать свой прежній характеръ, и въ то же время значеніе и исходъ происходящихъ измѣненій не поддаются еще оцѣнкѣ. Англія, кажущаяся намъ такой консервативно-непоколебимой, переживаетъ за послѣдніе 20—25 лѣтъ серьезный соціальный переворотъ, проявляющійся все ярче въ измѣненіи народныхъ нравовъ. Но происходящая перемѣна настолько органически медленна, что наблюдатель можетъ очень легко обманываться относительно степени ея. Такъ, нынче онъ встрѣчается съ фактами, доказывающими ему какъ будто бы высокую степень развитія этихъ измѣненій, а на завтра наталкивается на такія вещи, которыя заставляютъ его сомнѣваться, чтобы существовало вообще какое-нибудь развитіе. Порой ему кажется, что онъ можетъ доказать неправильность данныхъ другими описаній, а затѣмъ въ него прокрадывается сомнѣніе, что то, что онъ описываетъ, описано уже давно и гораздо лучше другими. Вслѣдствіе этого, мои впечатлѣнія изъ англійской жизни являются лишь чуждыми всякихъ тенденцій набросками наблюдателя, который интересуется всѣмъ, что видитъ вокругъ себя, изучаетъ все, но не считаетъ себя знатокомъ этой жизни

Когда я двадцать лѣтъ назадъ,—въ декабрѣ 1880 года,—вступилъ въ первый разъ на англійскую почву, то передо мною была еще,

вѣроятно, старая Англія, — т.-е. не та *old-merry*, какой она была въ прежніе вѣка, а та деревянная, филистерская, пропитанная самымъ трезвымъ утилитаризмомъ, какой мы видимъ ее въ среднюю эпоху царствованія королевы Викторіи. Правда по ту сторону канала св. Георга тогда происходило какъ разъ броженіе,—Ирландія поднималась снова подъ предводительствомъ Джона Биггара, Парнелля и Михаила Давитта, но въ Англіи народная жизнь катилась, казалось, все въ томъ же консервативномъ руслѣ, аристократія и буржуазія властвовали безраздѣльно, а рабочій классъ отчасти пребывалъ въ грубости, нищетѣ и невѣжествѣ, отчасти стремился подражать буржуазіи. Я не имѣлъ тогда правда возможности убѣдиться во всемъ этомъ самолично, да и не искалъ этого. Посѣщеніе мое, очень кратковременное, было вызвано тогда совсѣмъ другимъ: я пріѣхалъ въ Англію съ цѣлью познакомиться съ Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ. Имъ и тому, что было связано съ ними, было посвящено тогда все мое вниманіе въ эту недѣлю моего пребыванія въ Лондонѣ, а городъ и всѣ его достопримѣчательности являлись лишь общимъ фономъ.

Фридрихъ Энгельсъ походилъ тогда еще очень мало на старика. Хотя ему было уже за шестьдесятъ, но онъ произвелъ на меня впечатлѣніе сильнаго и здороваго сорокалѣтняго мужчины. Въ быстротѣ, съ какой онъ бѣгалъ по лондонскимъ улицамъ, врядъ ли кто могъ соперничать съ нимъ тогда. Неудержимость его энергіи проявлялась также и въ спорахъ, которые велись тогда: этотъ высокій человѣкъ, съ желтыми, почти безъ просѣди волосами, разражался тогда часто, какъ буря. Но послѣ бури тѣмъ яснѣе проглядывало солнышко. Перемиріе начиналось обыкновенно приглашеніемъ выпить стаканчикъ,— Энгельсъ любилъ стаканъ хорошаго вина или пива, какъ истый уроженецъ прирейнскихъ странъ. И кое въ чемъ другомъ онъ сохранилъ очень яркій отпечатокъ родины. Въ домѣ у него говорилось почти исключительно по-англійски, но съ нами, нѣмцами, онъ говорилъ всегда по-нѣмецки, на образцово-чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, чуждымъ тѣхъ англицизмовъ, которые примѣшивались такъ часто къ рѣчи Маркса.

По сравненію съ Энгельсомъ Марксъ казался, дѣйствительно, старикомъ, хотя и былъ лишь двумя годами старше его. Голова его была совсѣмъ сѣдая. Въ бесѣдѣ онъ былъ обыкновенно гораздо спокойнѣе Энгельса; его разговоръ производилъ такое впечатлѣніе, точно онъ всю жизнь свою былъ только учителемъ. Когда я послѣ перваго посѣщенія Маркса выразилъ передъ Энгельсомъ свое удивленіе, что человѣкъ съ такой кроткой отеческой улыбкой и такимъ сердечнымъ смѣхомъ, тотъ са́мый Марксъ, о рѣзкости и вспыльчивости котораго столько прокричали,—то онъ заявилъ, что хотя «Моръ», какъ звали Маркса въ болѣе тѣсномъ домашнемъ и пріятельскомъ кругу, и сталъ гораздо спокойнѣе съ годами, но что и теперь еще онъ можетъ расточать громы. И мнѣ скоро пришлось самому убѣдиться въ этомъ.

Попытка моя защитить незадолго передъ тѣмъ появившуюся книгу одного пріятеля хотя бы въ общихъ чертахъ, потерпѣла крушеніе передъ довольно рѣзкой критикой Маркса.

По отношенію къ книгамъ Марксъ и Энгельсъ были, какъ мнѣ кажется, особенно строгими судьями. У меня осталось даже такое впечатлѣніе, что то обстоятельство, что я, несмотря на свои тридцать лѣтъ, не выпустилъ въ свѣтъ еще ни одной книги, явилось въ глазахъ Энгельса особенно благопріятнымъ для меня.

Не безынтереснымъ должно быть одно воспоминаніе изъ того времени.

Разъ вечеромъ отправились всѣ мы на довольно отдаленную улицу Лондона, гдѣ долженъ былъ состояться въ помѣщеніи одной школы вечеръ съ благотворительною цѣлью. Цѣль эта объясняетъ участіе въ вечерѣ меньшой дочери Маркса—Элеоноры, и присутствіе въ качествѣ зрителей Маркса, Энгельса, Лафарга и другихъ ихъ друзей и послѣдователей. Тѣмъ болѣе удивило меня, когда я прочелъ на программѣ вечера, что во главѣ подписки стоитъ королева англійская, внесшая 10 ф. стер. Конечно, на программѣ не была указана точно цѣль вечера, но на меня, который зналъ ее, произвела довольно странное впечатлѣніе такая связь. Въ общемъ литературный вечеръ былъ довольно безцвѣтенъ. Большинство участниковъ читали плохо и съ какой-то ложной слащавостью въ тонѣ. Программа была составлена и исполнялась такъ, какъ будто чтеніе происходило за чайнымъ столомъ, въ аристократическомъ обществѣ, что плохо гармонировало съ чрезвычайно просто обставленной и очень скудно освѣщенной залой. Однимъ изъ немногихъ исключеній явилась Элеонора Марксъ, прочитавшая очень непринужденно и талантливо стихотвореніе Броунинга. Покончившая свою жизнь такъ печально (самоубійствомъ), дочь Маркса была тогда стройной молодой дѣвушкой съ блестящими глазами и звучнымъ, богатымъ модуляціями голосомъ. Видно было, что, декламируя, она чувствуетъ себя въ своей сферѣ. Позднѣе она сама часто разсказывала мнѣ, что охотно пошла бы на сцену. Пожалуй, эта страстная любовь къ театру была отчасти причиной ея несчастнаго ослѣпленія тѣмъ человѣкомъ, котораго она избрала себѣ въ спутники, такъ какъ однимъ изъ свойствъ его былъ нѣкоторый драматическій талантъ. Но въ то время, какъ онъ былъ лишь слабымъ подражателемъ, она имѣла дѣйствительно всѣ данныя, чтобы быть хорошей артисткой. И также неподдѣльно, какъ ея драматическій талантъ, было ея преклоненіе передъ великими писателями драматургами, особенно передъ Шекспиромъ, котораго она боготворила.

Два слѣдующія недолгія посѣщенія Англіи, въ 1884 г. и въ 1887 году познакомили меня почти такъ же мало, какъ и первое, съ англичанами и ихъ жизнью. И даже когда я поселился въ 1888 году на болѣе продолжительное время въ Англіи, то я еще довольно долго не

познакомился съ условіями англійской жизни. Причина этого лежала, главнымъ образомъ, во мнѣ самомъ. Моя дѣятельность и мое вниманіе были посвящены почти исключительно Германіи, изученію ея положенія, перипетій ея жизни; недостатокъ времени и неполное знаніе англійскаго языка удерживали меня довольно долго отъ болѣе тѣсныхъ сношеній съ англичанами, но я совершенно не могу пожаловаться, чтобы въ обращеніи со мною англичанъ было что-нибудь охлаждавшее попытки къ сближенію. Я вынесъ очень скоро убѣжденіе, оставшееся во мнѣ и доселѣ, что англичане у себя дома гораздо симпатичнѣе, чѣмъ на материкѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ путешественниковъ. Нѣкоторые отдѣльные случаи невнимательности и невѣжливости совершенно исчезаютъ передъ массой фактовъ, когда члены различныхъ общественныхъ классовъ относились самымъ любезнымъ образомъ и оказывали немаловажныя услуги мнѣ и моимъ знакомымъ. Меня прямо поражало, съ какимъ довѣріемъ относились ко мнѣ, чужестранцу, англичане, когда я входилъ въ соприкосновеніе съ ними при розыскѣ квартиръ и т. п. Въ массѣ англичане, несомнѣнно, менѣе участливы, чѣмъ нѣмцы, не говоря уже объ итальянцахъ или французахъ. Но ихъ сдержанность далеко не всегда означаетъ безучастіе. Насъ поражаетъ съ разу, что тотъ же человѣкъ, который въ бюро или на желѣзной дорогѣ показался намъ настоящей ледяжкой по своей холодной корректности, въ спортѣ или при какой-нибудь игрѣ держитъ себя съ той дѣтской непринужденностью, которая заставляетъ позабыть всѣ различія возраста и общественныхъ классовъ. А къ какимъ взрывамъ одушевленія способенъ англичанинъ въ общественныхъ собраніяхъ и въ театрѣ!

Душа культурнаго человѣка, чрезвычайно сложная повсюду, особенно сложна у этого народа, развившаго впервые современную буржуазную культуру. Какъ страна, ея климатъ и ея учрежденія, такъ и характеръ англичанъ представляетъ намъ самыя удивительныя противорѣчія. Нынѣшній дѣловой человѣкъ и прозаикъ поразитъ насъ завтра своимъ невѣроятно наивнымъ романтизмомъ. Вообще, я не думаю, чтобы гдѣ-нибудь можно было найти столько романтики, какъ у англичанъ. Въ Германіи и Франціи она была временнымъ теченіемъ, въ Англіи же является хронической. Всѣ политическія учрежденія страны, вся ея общественная жизнь насквозь пропитаны романтизмомъ. Очень невѣрно сталъ бы судить объ англичанахъ тотъ, кто представлялъ бы ихъ себѣ подъ тѣмъ единственнымъ угломъ зрѣнія, который считается типическимъ для нихъ повсюду,—какъ дѣловыхъ людей, практиковъ. Чтобы быть справедливѣе по отношенію къ нимъ какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, полезно припоминать то выраженіе, которое они высказываютъ отчасти съ досадой, отчасти въ похвалу себѣ, объясняя разныя непослѣдовательности въ ихъ учрежденіяхъ и поступкахъ: «мы нелогическая нація».

Мы наталкиваемся на подтвержденіе этого почти что съ первой минуты, какъ вступаемъ на англійскую почву. На ряду съ практическими и современными приспособленіями мы встрѣчаемъ много устарѣлой и потерявшей смыслъ ерунды, сохраненіе которой объясняется только однимъ пріятнымъ сознаніемъ, что это связано со стариной. Гдѣ въ цѣломъ мірѣ, за исключеніемъ англо-саксонскихъ странъ, можно еще найти теперь у двери дома или квартиры средневѣковую колотушку? Или если она гдѣ-нибудь и влачитъ еще свое существованіе, то гдѣ можно встрѣтить у двери одновременно и электрическій звонокъ, и колотушку, какъ образчикъ трогательной гармоніи среднихъ вѣковъ и новаго времени? Если иногда какіе-нибудь практическіе доводы въ пользу колотушки и могутъ существовать, то въ девяти случаяхъ изъ десяти они обязаны своимъ существованіемъ просто настроенію. Стукъ средневѣковой колотушки для англичанина имѣетъ ту же прелесть, какъ бубенцы коровъ для альпійскаго жителя. И это не только для прирожденнаго англичанина. Я долженъ сознаться, что въ то время, какъ я пишу эти строки, меня охватываетъ также какое-то сожалѣніе по этомъ пережиткѣ старины. Электрическіе звонки прекрасны, но они такъ однообразны. Звонитъ ли почтальонъ, членъ дома или посторонній человѣкъ,—вы слышите все тотъ-же рѣзкій звукъ. А колотушка совсѣмъ иное! Индивидуальность стучащаго проявляется при ней тотчасъ. Почтальона, напримѣръ, сейчасъ-же узнаешь, онъ имѣетъ совсѣмъ особенную, выработанную долгимъ опытомъ манеру стучать, каждый членъ дома стучитъ по своему, и даже по стуку посторонняго, въ первый разъ пришедшаго въ домъ человѣка можно бываетъ различить иногда, что онъ представляетъ собою и какое побужденіе привело его къ вамъ. Между тѣмъ, электрическій звонокъ уравниваетъ все это. Можетъ быть, такое болѣе однообразное извѣщеніе о прибытіи и современнѣе, но масса англичанъ не можетъ разстаться со своею колотушкой, и самое большее, чего добивается у нихъ электрическій звонокъ, это права раздѣлить съ нею существованіе.

А затѣмъ камины! Какъ вы ни толкуйте «практическому» англичанину, что при отопленіи открытыми каминами одиннадцать двѣнадцатыхъ тепла идетъ къ чорту, какъ вы ни разсчитывайте сыну «разсчетливаго народа», что при закрытыхъ печахъ онъ можетъ имѣть съ гораздо меньшими издержками ровно нагрѣтую комнату,—все это вы будете говорить, можно сказать, въ каминъ. Онъ согласится съ совѣтчикомъ, что тотъ вполнѣ правъ, но по далеко не практичному правилу Донъ-Карлоса будетъ поступать такъ, что минута, проведенная въ раю, уравновѣшиваетъ для него если не смерть, то долгое сравнительно состояніе, когда зубъ на зубъ отъ холода не попадаетъ. То-есть, несмотря на современные усовершенствованные способы топки онъ будетъ проводить зиму въ плохо отапливаемыхъ комнатахъ, чтобы сохранить себѣ удовольствіе посидѣть одному или съ близкими ча-

сокъ передъ камелькомъ и посмотрѣть на огонь. Безъ камина для него немыслимо понятіе о домашнемъ очагѣ. И если онъ, вслѣдствіе дороговизны угля, а не по собственному побужденію, рѣшится, наконецъ, поставить печку, то и здѣсь новое должно дѣлить мѣсто со старымъ. Каминъ остается, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ можно было объявить новому пришельцу отставку и вернуться къ открыто-потрескивающимъ уголькамъ.

Если Англію можно назвать современнымъ Римомъ, то каминъ долженъ быть названъ очагомъ современнаго римлянина.

Но надо ли сравнивать Англію съ Римомъ? Не есть-ли это скорѣе сѣверный Карфагенъ, которому угрожаетъ такая же судьба, какъ и финикійскому граду?

Вѣдь не мало Катоновъ, произносящихъ Альбіону свое неуклонное delenda est *). И представленіе съ коварствомъ настолько же тѣсно связано съ его именемъ, какъ въ старину считались равнозначущими слова: пунійскій и коварный. Несомнѣнно, настолько же неправы были римскіе политики, обвинявшіе карфагенянъ въ невѣрности, насколько неправъ былъ Наполеонъ первый, приписывавшій вѣроломство спеціально той или иной странѣ. Въ своихъ международныхъ сношеніяхъ націи рѣдко когда бывали особенно вѣрны данному слову, и англичане приводятъ обыкновенно не мало примѣровъ, когда другія государства и государственные люди измѣняли данному Англіи слову. Но если мы оставимъ международныя отношенія и высшую политику, то увидимъ, что данное слово имѣетъ, по крайней мѣрѣ, столько же значенія въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ.

А пожалуй, и больше. По крайней мѣрѣ, я вынесъ убѣжденіе изъ дѣловыхъ сношеній съ англичанами, что устному договору придается у нихъ гораздо больше значенія, чѣмъ я видѣлъ это у себя на родинѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ прусскаго законодательства, какъ объяснилъ мнѣ одинъ свѣдущій въ законахъ другъ, дѣловой договоръ вступаетъ въ обязательную силу лишь при наличности подписи, до тѣхъ же поръ отказъ вполнѣ дозволителенъ. Въ Англіи же смотрятъ, какъ я замѣтилъ, гораздо строже на отказъ отъ даннаго соглашенія или сдѣланнаго предложенія,—все равно, устно или письменно оно было сдѣлано. Если вы заявите, что передумали и пришли къ другому рѣшенію, то къ отказу вашему отнесутся еще презрительнѣе. Каждый можетъ торговаться, сколько угодно, пока другой позволяетъ ему это,—на это англичанинъ не въ претензіи. Но человѣкъ долженъ знать, чего онъ хочетъ. Разъ онъ далъ свое согласіе, сдѣлка должна считаться оконченной.

Изъ этого присущаго англичанамъ убѣжденія объясняется такое большое число жалобъ на нарушеніе обѣщанія жениться, поступаю-

*) «Долженъ быть уничтоженъ».

щихъ въ англійскіе суды, и неблагопріятныя въ большинствѣ случаевъ рѣшенія судовъ. Какъ ни тягостенъ является такой процессъ «нарушенія обѣщанія», какъ ни неделикатно кажется намъ обращаться съ любовными дѣлами къ рѣшенію суда и предавать ихъ такимъ образомъ широкой огласкѣ, и какъ ни часто встрѣчается, съ другой стороны, что принципъ этотъ ведетъ къ грубѣйшимъ вымогательствамъ,— все же надо признаться, что съ этической стороны принципъ этотъ имѣетъ здоровые корни.

Насколько въ Англіи полагаются на честность и довѣріе, видно также изъ того, что до послѣдняго времени квитанціи на пассажирскій багажъ были неизвѣстны на тамошнихъ желѣзныхъ дорогахъ. Лишь недавно введены онѣ на одной или двухъ дорогахъ, да и то лишь, какъ нѣчто необязательное. Иностранцу становится очень не по себѣ, когда онъ, отправляясь, напримѣръ, изъ Лондона въ Ливерпуль, долженъ на мѣстѣ отправки поручить свой чемоданъ безъ всякой квитанціи носильщику среди невѣроятной сутолоки большого вокзала, съ тѣмъ, чтобы вытребовать на мѣстѣ назначенія безъ всякой росписки, единственно лишь на свое честное слово. Когда нѣсколько нѣмецкихъ ученыхъ пріѣхало въ 1890 году на научный конгрессъ въ Эдинбургѣ, то руководившій ими на англійскихъ дорогахъ извѣстный химикъ Шорлеммеръ со смѣхомъ разсказывалъ у Энгельса, какъ они были сначала безутѣшны, что не получили квитанціи на свой багажъ, и къ его замѣчанію, что они могутъ быть настолько же покойны за свои вещи, какъ и на нѣмецкихъ дорогахъ, они отнеслись очень недовѣрчиво. Но, конечно, они получили свой богажъ вполнѣ исправно. Разъ и со мной случилось, что чемоданъ мой, отправленный, вслѣдствіе чрезвычайно большаго движенія въ этотъ день, ошибочно не на ту станцію, былъ присланъ мнѣ безъ всякой квитанціи, просто на основаніи одного внѣшняго описанія, черезъ нѣсколько дней на квартиру. На желѣзныхъ дорогахъ, правда, переносятъ вещи почти исключительно служащіе тамъ, но и при частныхъ способахъ передвиженія господствуетъ обыкновенно также полная довѣрчивость. Не разъ приходилось мнѣ подавлять чувство стыда, когда на мою просьбу выдать мнѣ квитанцію, люди, не понимая, чего я хочу отъ нихъ, изумленно глядѣли на меня.

Мы читали всѣ такъ много о ворахъ и мошенникахъ въ Лондонѣ, что думаемъ видѣть ихъ на каждомъ шагу, и только поживши тамъ, приходимъ къ убѣжденію, что цехъ этотъ, дань которому заплатилъ разъ и пишущій эти строки, занимаетъ въ огромномъ Лондонѣ лишь небольшую общину, и понимаемъ беззаботность и довѣрчивость туземнаго населенія.

Я часто спрашивалъ себя, является ли эта довѣрчивость, которой можно привести и еще не мало примѣровъ, признакомъ болѣе развитой культуры, или это есть остатокъ первобытной наивности, варварства,

принесеннаго этимъ народомъ съ собою въ капиталистическую эру. Тогда подобнаго названія заслуживала бы не одна эта черта англичанъ. Даже человѣкъ, очень расположенный къ британской націи, долженъ признать, что ей присуще многое, составляющее отличительную черту варваровъ. Конечно то, что англійская молодежь проводитъ свои свободные вечера въ спортѣ разнаго рода на свѣжемъ воздухѣ, вмѣсто того, чтобы просиживать ихъ въ трактирахъ за картами, очень хорошо, и просто сердце радуется смотрѣть по субботнимъ вечерамъ въ англійскомъ паркѣ или на лужайкахъ въ окрестностяхъ Лондона и другихъ большихъ городовъ на непринужденно веселящихся молодыхъ людей въ ихъ свѣтлыхъ костюмахъ; но какъ разъ самый любимый ихъ спортъ,—игра въ мячъ,—проявляется часто въ очень грубыхъ тѣлодвиженіяхъ и вообще, по требуемымъ ею самымъ примитивнымъ физическимъ свойствамъ, чрезвычайно сродни играмъ народовъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи. Таковъ же характеръ того единоборства, которое выбирается англичанами для разрѣшенія разныхъ конфликтовъ,—боксъ; нельзя не признать, что въ немъ тоже очень много варварскаго. Правда, въ основаніи его лежитъ идея равноправности: если мы допускаемъ единоборство, говоритъ англичанинъ, то пусть оно происходитъ исключительно тѣмъ оружіемъ, которымъ наградила насъ природа. И горе тому, кто употребитъ при боксѣ палку или тому подобное,—онъ вызоветъ противъ себя общее негодованіе, негодованіе всей массы зрителей, которая созерцаетъ обыкновенно спокойно боксъ, если онъ ведется по всѣмъ правиламъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не конченъ, т.-е. пока одинъ изъ противниковъ не лежитъ на землѣ; съ этой минуты она уже защищаетъ его. Ударить лежачаго считается безчестнымъ даже у уличныхъ лондонскихъ бродягъ. Въ этомъ лежитъ, конечно, нѣкоторое рыцарство, но все же очень варварское рыцарство. Нѣчто варварское заключается и въ употребленіи однихъ прирожденныхъ орудій борьбы. Самый способъ доказательства бо̀льшей правильности такой борьбы присущъ некультурнымъ народамъ. Силы наши неодинаковы отъ природы и нѣкоторое оружіе могло бы выравнять отчасти это неравенство. Рапира является не только наиболѣе изящнымъ оружіемъ, но и такимъ, которое вноситъ въ борьбу наиболѣе равноправности. Конечно, говоря это, я не имѣю въ виду защищать французскую дуэль.

Если мы перейдемъ вмѣстѣ съ англичаниномъ отъ спорта въ театръ, то передъ нами предстанетъ то же зрѣлище. Ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ не преобладаетъ такъ сильно, какъ въ Англіи, въ театрахъ, посѣщаемыхъ средней публикой, наивная эмоція надъ рефлексіей и эмоціей болѣе утонченной. Требованія на содержаніе пьесъ растутъ и тутъ, но они растутъ въ другомъ направленіи, чѣмъ на материкѣ. Англичанинъ требуетъ все же всегда или юмористическую пьесу или мелодраму, если даже соглашается отказаться отъ того, чтобы

она сопровождалась музыкой или пальбой изъ пистолетовъ. Онъ хочетъ плакать или смѣяться, негодовать или быть растроганнымъ, но онъ хочетъ, чтобы пьеса дѣйствовала ему на чувство, чтобы это было не головное возбужденіе. Всѣ сложныя пьесы нашихъ современныхъ драматурговъ, которыя такъ переполнены различными «Grübelein», не находятъ себѣ почвы въ большинствѣ англійской публики, можетъ быть потому, что у этого народа черезчуръ здоровые варварскіе нервы. Онъ требуетъ простой, грубой пищи,—драматическихъ ростбифовъ, приправленныхъ въ достаточной мѣрѣ горчицей и соусами изъ овощей, и находитъ малопитательными и даже подозрительными по черезчуръ большой сложности ихъ приготовленія всѣ тѣ тонкія блюда, которыя приводятъ въ восхищеніе насъ, жителей материка. Не такъ давно еще въ англійскихъ театрахъ было въ обычаѣ, да отчасти сохранилось и теперь, что зрители провожаютъ по окончаніи пьесы актера, понравившагося имъ въ роли злодѣя, шиканьемъ и возгласами негодованія. И это не потому, чтобы они не могли отличить актера отъ изображаемаго имъ типа, а потому, что такимъ образомъ проявляется всего непосредственнѣе впечатлѣніе, произведенное его игрой на слушателей, которые въ такомъ случаѣ сливаютъ актера съ проводимой имъ ролью. Такое проявленіе чувства оставитъ въ насъ, пожалуй, сомнѣніе относительно сознательности зрителей, но тѣмъ сильнѣе выражаетъ оно силу и непосредственность произведеннаго на нихъ впечатлѣнія.

Этими же свойствами англичанъ надо объяснить, что они требуютъ на сценѣ проявленія такого благородства, которое въ обычной жизни вызвало бы ихъ насмѣшку. Въ немъ же коренится отчасти и религіозность англичанъ.

Относительно этой послѣдней распространено еще до сихъ поръ чрезвычайно много ложныхъ взглядовъ, и если мы будемъ разсматривать этотъ вопросъ подъ угломъ зрѣнія противоположности между религіей и наукой, то придемъ необходимо къ ложнымъ заключеніямъ. Ошибется и тотъ, кто будетъ разсматривать ее, какъ способъ, которымъ правительство привилегированныхъ классовъ держитъ въ порабощеніи массы. Гейне говоритъ въ одномъ изъ своихъ не утратившихъ еще интереса отрывковъ объ Англіи, что если вы будете говорить съ самымъ глупымъ англичаниномъ о политикѣ, онъ все же найдетъ сказать что-нибудь новое, но что за то относительно религіи вы у самаго умнаго англичанина ничего, кромѣ глупостей, не вытянете. Здѣсь нашему великому поэту, описавшему вообще этотъ народъ послѣ очень короткаго пребыванія съ нимъ съ тою мѣткостью, которая свойственна генію,—раціоналистическое отношеніе къ религіи помѣшало вѣрно оцѣнить значеніе религіознаго настроенія въ Англіи. Хотя нѣсколькими страницами позднѣе онъ и говоритъ о связи протестантской религіи въ Англіи съ завоеваніемъ политической свободы, но это имѣетъ значеніе у него лишь по отношенію къ борьбѣ XVII

столѣтія. Тогдашнюю борьбу за протестанство въ Англіи, за эмансипацію англиканской церкви отъ католиковъ, онъ разсматривалъ, главнымъ образомъ, какъ борьбу за десятину, — воззрѣніе, представителемъ котораго въ Англіи былъ тогда Вильямъ Коббетъ, повліявшій, какъ то признаетъ откровенно и самъ Гейне, на его точку зрѣнія. Но если мы примемъ даже это мнѣніе цѣликомъ,—а что оно вѣрно до извѣстной степени, это мы должны признать,—то, вѣдь, англиканское духовенство не составляло еще далеко всей настроенной въ пользу англиканской церкви Англіи, какъ эта послѣдняя не охватывала еще всей протестантской Англіи. О разнаго рода сектантскомъ христіанствѣ, такъ сильно распространенномъ въ широкихъ народныхъ массахъ, Гейне не говоритъ вовсе. Для него, имѣвшаго тогда сношенія лишь съ представителями состоятельныхъ классовъ, была неясна, конечно, связь между этимъ христіанствомъ и различной борьбой за свободу въ Англіи, въ IX столѣтіи. Поэтому онъ не могъ замѣтить и того, какъ сильно связана въ Англіи религія съ политикой, со всей политической жизнью страны. Съ точки зрѣнія политики, религія не являлась никогда въ протестантской Англіи просто правительственнымъ средствомъ имущихъ противъ неимущихъ, оно было въ то же время нѣкоторымъ способомъ объединенія политически безправныхъ противъ имущихъ. На ряду съ политической борьбой черезъ всю современную исторію Англіи проходитъ борьба между «church» и «chapel»,— церковью и часовней,—причемъ chapel являлась храмомъ баптистовъ, индепендентовъ, методистовъ и другихъ сектъ англиканской церкви, а church — государственной англиканской религіи. Оффиціально ни chapel, ни church не признавали своей принадлежности къ тому или иному классу и причтъ ихъ былъ разнообразный. Но въ общемъ выходило всегда такъ, что если земельный лордъ и крупный арендаторъ, фабрикантъ и главный управляющій шли со своими приближенными въ государственную церковь, то мелкіе крестьяне и ремесленники, аграрные и фабричные рабочіе отправлялись и отправляются въ chapel. Chapel — это церковь демократіи. Христіанскія секты, обладающія сильной демократической организаціей, приводятъ своихъ членовъ помощью различныхъ органовъ и учрежденій въ чрезвычайно живое личное сношеніе и поддерживаютъ духъ и традиціи стараго пуританства. Любовь англичанъ къ душевнымъ эмоціямъ и наличность такихъ религіозныхъ обществъ, отражающихъ въ себѣ соціальныя и политическія противорѣчія, а также нѣкоторое вліяніе сектъ на правительственное духовенство, объясняетъ намъ, почему религія пріобрѣла такое большое и продолжительное вліяніе на широкія народныя массы. Теперь трудно возстановить, который изъ этихъ двухъ факторовъ сыгралъ главную и первенствующую роль,. несомнѣнно, что съ теченіемъ времени взаимодѣйствіе ихъ такъ переплелось, что трудно теперь отдѣлить причину отъ слѣдствія. Большую часть всего сильнѣе

представленныхъ свободныхъ протестантскихъ сектъ можно было вплоть до второй половины XIX столѣтія также мало, какъ и шотландскій кальвинизмъ, обвинять въ излишней сухости и трезвости. Правда, какъ представители бѣдноты, они выступали въ своемъ ученіи о нравственности и въ своей эстетикѣ часто въ тенденціозной оппозиціи съ церковью «богачей», съ государственной церковью, и были гораздо ригористичнѣе этой послѣдней, но за то піэтизмъ и условность въ ихъ богослуженіи переходили часто въ мистицизмъ, глубоко волновавшій, несмотря на бѣдность его фантазіи. Лишь за самое послѣднее время раціоналистическій духъ сталъ проникать и въ собранія этихъ сектъ.

Методисты—самая сильная и энергичная изъ англійскихъ сектантскихъ общинъ. Различныя фракціи, на которыя она распадается, насчитываютъ въ Великобританіи до 4.000 проповѣдниковъ-теологовъ до 40.000 свѣтскихъ, объединяютъ около 15.000 церквей и часовенъ и насчитываютъ въ своихъ воскресныхъ школахъ болѣе полутора милліоновъ учениковъ. Большая часть англійскихъ методистовъ принадлежитъ къ той фракціи, которая называется по имени братьевъ Веслей,—ея основателей. Вышеприведенныя цифры не включаютъ еще методистовъ-кальвинистовъ, которыхъ такъ много въ Уэльсѣ, гдѣ они насчитываютъ свыше 1.000 церквей и 1.500 проповѣдниковъ. Побѣгомъ отъ этого же дерева можно считать армію спасенія съ ея превышающимъ 1.000 количествомъ офицеровъ. Основатель ея, генералъ Бутсъ, былъ первоначально проповѣдникомъ среди методистовъ и атмосфера собраній арміи спасенія насыщена этимъ ученіемъ, хотя по программѣ своей оно и должно стоять совершенно независимо отъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Армія спасенія, также какъ и ученіе методистовъ, находитъ теперь своихъ представителей и въ другихъ странахъ, хотя и влачитъ тамъ очень скромное существованіе. Вырасти и развиться она могла только въ Англіи и среди англосаксовъ. Лишь особенностями духа этого народа можно объяснить, что нашлось большое количество людей, которые приняли на себя на довольно продолжительное время,—армія существуетъ съ 1865 года,—этотъ вызывающій насмѣшку видъ религіозной пропаганды, и достигаютъ помощью ея значительныхъ успѣховъ. Когда мы попадаемъ на митингъ арміи спасенія, посвященный походу противъ врага невѣрія, насъ охватываетъ смѣшанное чувство подавленности и удивленія. Мы не можемъ не удивляться усердію и выдержкѣ, съ которой «офицеры» и «солдаты» арміи спасенія ведутъ грубое подражаніе военному походу, которое должно же рано или поздно казаться и имъ самимъ чрезвычайно пошлымъ, и мы чувствуемъ себя подавленными сознаніемъ, что нѣчто подобное можетъ требоваться для какой бы то ни было цѣли и имѣть успѣхъ. Но это соотвѣтствуетъ образу мысли одной,—самой низкой, конечно,

по уровню, части англійской расы и тѣмъ особымъ условіямъ, при которыхъ живетъ эта часть населенія въ большихъ англійскихъ городахъ, особенно въ Лондонѣ, гдѣ зародилась армія спасенія.

Жилищныя условія въ Лондонѣ все еще таковы, что вызываютъ отчаяніе всѣхъ реформаторовъ и порождаютъ такую деградацію въ широкихъ слояхъ его бѣднаго населенія, о которой мы на материкѣ и представленія себѣ составить не можемъ. Лондонскій Эстъ-Эндъ описывался часто и указываетъ на сильную степень нищеты и вырожденія. Но обманулся бы тотъ, кто бы подумалъ, что нищета въ Лондонѣ ограничена Эстъ-Эндомъ. Она встрѣчается во всѣхъ частяхъ города и гнѣздится особенно въ маленькихъ переулкахъ, примыкающихъ къ большимъ улицамъ, центрамъ дѣловыхъ сношеній и роскоши, гдѣ она тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ менѣе можно предположить ее по наружному виду домовъ. Въ Эстъ-Эндѣ дома маленькіе и какъ бы переполнены они ни были, они все же доступны свѣту и воздуху. А въ тѣхъ высокихъ, давно уже покинутыхъ представителями состоятельныхъ классовъ домахъ нѣкоторыхъ внутреннихъ частей города, построенныхъ еще въ то время, когда гигіена жилищъ была неизвѣстна, когда улицы строились узкія, чтобы оградиться лучше отъ непогоды, воздухъ зараженный и царитъ постоянный полумракъ. Вся копоть и всѣ выдыханія страшно разросшагося города тяготѣютъ надъ ними, дома почернѣли извнутри и снаружи отъ сырости и угольной пыли, квартиры, какъ части дома, разсчитаннаго нѣкогда на одну семью чрезвычайно неудобны и лишены часто всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя придаютъ уютный домашній видъ иногда самой маленькой хижинкѣ,—однимъ словомъ, нѣтъ ничего, что поднимало бы человѣка, что внушало бы ему чувство самоуваженія. Все окружающее дѣйствуетъ подавляюще на настроеніе. Грязь господствуетъ здѣсь эндемически и всякая борьба съ ней является безнадежнымъ, подрывающимъ всякую энергію предпріятіемъ. Введите въ одинъ изъ этихъ домовъ самую опрятную хозяйку и черезъ годъ или два вы найдете ея квартиру въ такомъ состояніи, которое прежде привело бы ее въ ужасъ. Первое время она боролась изъ всѣхъ силъ съ той грязью, которая проникаетъ къ ней черезъ каминъ, оконныя и дверныя щели изъ всей, пропитанной ею окрестности, затѣмъ постепенно энергія ея упала, ее охватила безразличность и если квартира ея еще въ порядкѣ по сравненію съ сосѣдскими, то она далека уже отъ того, что дѣлало ей когда-то дорогимъ и уютнымъ ея семейный очагъ. Но къ этимъ домамъ, построеннымъ въ серединѣ XIX столѣтія, не приложима никакая эстетическая мѣрка. Нигдѣ не встрѣтите вы столькихъ женщинъ и дѣтей въ разорванныхъ лохмотьяхъ, какъ въ этихъ кварталахъ Лондона, и если вы остановитесь не на долго передъ одной изъ лавокъ съ сластями, которыя приманиваютъ ихъ обыкновенно, то вы убѣдитесь, что грязь и оборванный видъ ихъ костюмовъ являются

отчасти результатомъ отсутствія въ нихъ всякаго эстетическаго вкуса, потому что дѣти тратятъ пенни за пенни на сласти, матери, если только не пьютъ, также, а отцы прикованы обыкновенно къ кабаку. Въ другихъ странахъ и мѣстностяхъ и нищета прихорашивается, старается сохранить извѣстный внѣшній видъ благосостоянія,—здѣсь она прямо кокетничаетъ своей грязью. И эстетика этихъ людей въ видѣ протеста противъ всей сѣрой, грязной монотонности ихъ жизни выражается обыкновенно въ грубомъ, рѣзкомъ и кричащемъ: яркіе цвѣта, черезчуръ пышные костюмы, громкая, крикливая музыка,—вотъ что доставляетъ имъ удовольствіе.

Для этой-то грубой и подавленной массы и подходитъ какъ нельзя болѣе армія спасенія съ ея военной музыкой и военными аттрибутами. Она вліяетъ на нихъ сильнѣе всякой другой религіозной секты. И со своей стороны армія спасенія уже давно и съ большимъ энтузіазмомъ стремится проводить свое дѣло спасенія въ этой погрязшей въ порокахъ и невѣжествѣ части населенія. Ея миссіонеры отправлялись весьма мужественно въ пользующіяся самой дурной славой лондонскія трущобы, такія, которыя избѣгаются даже полиціей, чтобы вести тамъ, среди опасностей, грозившихъ имъ отъ самыхъ отъявленныхъ бродягъ, свое своеобразное спасеніе. Своей разнообразной помощью, какъ-то: по очисткѣ квартиръ, по заботѣ о дѣтяхъ и больныхъ, а также скромнымъ и въ то же время энергичнымъ поведеніемъ они завоевали себѣ въ такой степени, которая считалась дотолѣ невозможной, довѣріе въ этой средѣ. И несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ имъ удавалось дѣйствительно спасать нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ личностей, поднимая ихъ до болѣе достойнаго существованія. Несомнѣнно, такое спасаніе отдѣльныхъ индивидуальностей, если даже оно происходило бы въ довольно широкихъ размѣрахъ, не только не можетъ замѣнить общественной и государственной помощи, но останется безъ нея работой данаидъ. И тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ дополненіе къ этой общей работѣ оно имѣетъ всетаки нѣкоторое значеніе. Политической соціальной реформѣ приходится иногда пренебрегать изъ-за общаго принципа отдѣльными случаями или даже игнорировать ихъ. Мы можемъ встрѣтить друзей человѣчества, которые окажутся очень безчувственными въ томъ или иномъ конкретномъ случаѣ или заставятъ себя подавить состраданіе, что во многихъ конкретныхъ случаяхъ и имѣетъ свое оправданіе. Но индивидуальные случаи имѣютъ также право на вниманіе, и учрежденія, занимающіяся ими, могутъ быть постольку умѣстны, поскольку они не претендуютъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ дополненіемъ учрежденій и силъ, направленныхъ на дѣла общественнаго характера.

Конечно, точную границу здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, провести трудно, и поэтому соціальные планы арміи спасенія, изложенные въ 1890 году генераломъ Бутсомъ въ его сенсаціонномъ

сочиненіи «Въ трущобахъ Англіи», встрѣтили самую разнообразную оцѣнку со стороны соціальныхъ реформаторовъ различныхъ оттѣнковъ, отъ горячаго признанія до энергичнаго осужденія. Одни видѣли въ арміи спасенія лишь такой органъ, который отклоняетъ массы отъ экономическихъ интересовъ и борьбы въ сторону религіи, смягчая своей пропагандой духъ протеста эксплуатируемыхъ и нищихъ. По ихъ мнѣнію, пріюты, мастерскія и рабочія колоніи генерала Бутса являются въ лучшемъ случаѣ тѣмъ хорошимъ, которое стоитъ на пути къ лучшему и потому должны быть отброшены. Другіе находили все же нѣкоторую изъ производимой ею подготовительной работы полезной. Самымъ ярымъ противникомъ плана спасенія, составленнаго Бутсомъ, явился также извѣстный естествоиспытатель Гексли. Его «двѣнадцать писемъ», помѣщенныхъ въ «Times» и выпущенныхъ затѣмъ отдѣльной книгой, страшно преувеличиваютъ недостатки предпріятія Бутса, выставляя его чрезвычайно опаснымъ государству, обществу и духовной свободѣ каждаго отдѣльнаго человѣка; нельзя не признать все таки, что нѣкоторые изъ недостатковъ указаны имъ вѣрно. Письма эти вызвали цѣлую литературу различныхъ мнѣній за и противъ арміи спасенія, горячимъ защитникомъ которой явился между прочимъ извѣстный радикальный поэтъ Робертъ Бухананъ.

Въ настоящее время интересъ къ арміи спасенія уже сильно ослабѣлъ въ Лондонѣ; по всей видимости, она перешагнула уже за апогей своего развитія: отчасти это произошло отъ того, что ея религіозная миссія встрѣтила себѣ конкурентовъ въ другихъ аналогичныхъ учрежденіяхъ, больше всего въ «церковной арміи» («Church army»), организованной по ея примѣру сторонниками англиканской церкви,—отчасти же благотворительная работа ея сужается соціально-политическими мѣрами, принимаемыми государствомъ, общинами и свободными свѣтскими обществами. Ослабъ и энтузіазмъ ея миссіонеровъ. Та прелесть новизны, тотъ отпечатокъ чего то особеннаго, который привлекалъ къ нимъ прежде, потускнѣлъ теперь, къ нимъ уже привыкли, и хотя большинство ихъ исполняетъ еще свою работу съ прежнимъ усердіемъ, но они завербовываютъ уже мало новыхъ рекрутовъ. Теперь вы часто увидите на улицахъ англійскихъ городовъ манифестаціи арміи спасенія, въ которыхъ кромѣ командированныхъ для того членовъ ея, никто не принимаетъ участія; развѣ нѣсколько мальчугановъ смотрятъ издали наполовину сочувственно, наполовину съ любопытствомъ на всю процедуру; пѣніе религіозныхъ пѣсенъ, переложенныхъ на народные мотивы, странныя рѣчи и возгласы «аллилуія!» производятъ еще нѣкоторое впечатлѣніе развѣ только на нихъ.

Характерна терпимость, съ которой лондонскіе шутники относятся къ уличнымъ собраніямъ арміи спасенія и другихъ религіозныхъ сектъ. Чрезвычайно рѣдки тѣ или иные случаи вмѣшательствъ. Я имѣю въ виду не перерывы уличныхъ проповѣдей разнаго рода возраженіями,—

подобные перерывы совсѣмъ не рѣдкость и часто устраиваются намѣренно сторонниками ораторовъ, чтобы возбудить и поддержать интересъ къ рѣчи, потому что ничѣмъ вы не привлечете такъ англичанина, какъ турниромъ изъ остроумныхъ возраженій и находчивыхъ отвѣтовъ, и плохъ тотъ уличный проповѣдникъ, который не въ состояніи дать на каждое критическое замѣчаніе быстрый отвѣтъ и возбудить сочувственный смѣхъ въ публикѣ. А, между тѣмъ, это далеко не просто: остроуміе въ Англіи очень изощрено, и не мало людей считаютъ спортомъ своего рода смутить и поставить втупикъ оратора.

Спортъ этотъ проявляется, конечно, не только на религіозныхъ собраніяхъ. Каждый пропагандистъ, собирающійся вліять на массы, долженъ быть подготовленъ къ возраженіямъ изъ этой массы. Особенно любимы такъ называемые перекрестные дебаты, которые организуются иногда послѣ докладовъ и получили специфическое наименованіе «to heckle»,—продергивать, пробирать.

Агитаторъ той или иной партіи или кандидатъ ея подвергается послѣ своего доклада нѣкотораго рода испытанію со стороны опытныхъ діалектиковъ, которые ставятъ ему вопросы, вызванные его докладомъ. Испытаніе это, трудное и для опытнаго оратора, является настоящей пыткой для новичка. Читая докладъ, ораторъ всегда можетъ обойти какіе-либо щекотливые пункты, но разъ начинаются «вопросы», то на этомъ средствѣ далеко не уѣдешь. Общими мѣстами въ такихъ случаяхъ не спасешься.

Вообразите себѣ теперь положеніе парламентскаго кандидата передъ публикой, насчитывающей въ своей средѣ не мало такихъ опытныхъ heckler'овъ. Вѣдь каждый изъ нихъ является живой политической энциклопедіей. Онъ знаетъ точнѣйшимъ образомъ парламентскую исторію британскаго королевства не менѣе, какъ за два поколѣнія, имѣетъ подъ руками листъ голосованій, знакомъ до мелочей со всѣми прежними партійными программами. По темпераменту это настоящій индѣйскій охотникъ, выжидающій чрезвычайно выдержанно, но проявляющій молніеносную рѣшимость, какъ только наступаетъ моментъ аттаки; а разъ дичь въ его рукахъ, онъ играетъ ею точно кошка мышью.

Особенными мастерами въ спортѣ этого рода являются шотландцы. Можетъ быть, они стали талмудистами подъ вліяніемъ ихъ кальвинистически-пресвитеріанской религіи, или, наоборотъ, ихъ давнее пристрастіе къ казуистической діалектикѣ сдѣлало ихъ такими усердными кальвинистами? Здѣсь не мѣсто, конечно, изслѣдовать этотъ вопросъ; но какъ бы то ни было, шотландцамъ приписываются въ Англіи нѣкоторыя изъ тѣхъ свойствъ, которыя считаются обыкновенно принадлежностью евреевъ, какъ, напримѣръ, привычка отвѣчать, въ свою очередь, вопросомъ на поставленный вопросъ. Шотландцы выдѣляются

своей дѣловитостью и живостью своего ума и по своему процентному отношенію къ общему количеству населенія играютъ въ общественной жизни Англіи, въ ея политикѣ и литературѣ гораздо болѣе выдающуюся роль, чѣмъ англичане. Въ «Cooperative News» было описано недавно, какъ широко распространено при выборахъ такое продергиванье даже въ маленькихъ городкахъ и деревняхъ Шотландіи. Мы приведемъ одну характерную выдержку оттуда. Когда на одномъ изъ такихъ собраній кандидатъ закончилъ свою рѣчь, предсѣдатель сообщилъ присутствующимъ о его готовности отвѣчать по мѣрѣ силъ и возможности на поставленные ему вопросы. Это предложеніе явилось сигналомъ для мѣстнаго heckler'а, на котораго обращены взгляды всѣхъ присутствующихъ и который начинаетъ съ зловѣщей кротостью:

— Господинъ предсѣдатель, я хотѣлъ только спросить кандидата, вѣрно ли я понялъ его, заключивъ изъ его рѣчи, что онъ считаетъ необходимымъ законодательныя мѣры для устраненія того-то и того-то (болѣе точное указаніе предмета), на что онъ глядитъ, какъ на серьезное зло.

Кандидатъ вздыхаетъ съ облегченіемъ при такомъ незначительномъ, по его мнѣнію, вопросѣ и отвѣчаетъ утвердительно. Краска удовольствія всплываетъ на лицѣ его оппонента, глаза его зажигаются, онъ чувствуетъ, что брешь пробита, и продолжаетъ:

— Кандидатъ говоритъ: да. Ну такъ я хотѣлъ бы спросить его, извѣстно ли ему, что подобная мѣра вошла въ законную силу 13-го апрѣля 1850 г. и отмѣнена 16-го октября прошлаго года по глупости его собственной партіи?

Въ залѣ раздаются ироническіе возгласы, шумъ и смѣхъ. Кандидатъ смущенъ и бормочетъ въ объясненіе, что-то неясное. Но оппонентъ неумолимъ. Онъ знаетъ, что публика собралась не столько для того, чтобы выслушать кандидата, какъ для того, чтобы позабавиться тѣми манерами, какими онъ, оппонентъ, будетъ одурачивать его. И онъ переходитъ спокойно къ слѣдующему вопросу, который ставится корректнымъ образомъ, ибо парламентарскія правила ему хорошо извѣстны. На этотъ разъ онъ касается чрезвычайно ловко выбраннаго пункта, который тщательно обходился ораторомъ, такъ какъ опредѣленное мнѣніе на этотъ счетъ лишило бы его части избирателей, на голоса которыхъ онъ разсчитываетъ. И теперь, когда вопросъ поставленъ передъ нимъ ребромъ, кандидатъ пускается въ болѣе продолжительное объясненіе, избѣгая по возможности высказаться опредѣленно.

— Господинъ предсѣдатель,—заявляетъ снова неумолимый противникъ,—я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на то, что кандидатъ не далъ мнѣ прямого отвѣта. Я хотѣлъ бы, чтобы онъ отвѣтилъ мнѣ прямо: «да» или «нѣтъ».

Напрасно пытается кандидатъ спастись заявленіемъ, что вопросъ этотъ будетъ изслѣдованъ имъ всесторонне на-дняхъ, послѣ чего онъ

дасть положительный отвѣтъ; публика кричитъ, «отвѣтъ! отвѣтъ!», и кандидатъ, «стоявшій въ нерѣшимости на берегу», принужденъ, наконецъ, спрыгнуть въ потокъ, и нетерпѣливо ожидавшая отвѣта масса разражается возгласомъ одобренія или насмѣшки.

Но оппонентъ расходится все больше и больше, кандидатъ видѣлъ покуда только цвѣточки, ягодки ждутъ еще въ тѣ мучительныя полчаса, въ которыя противникъ заведетъ его въ дебри и болота разныхъ спутанныхъ законодательныхъ вопросовъ, пары которыхъ достаточно обыкновенны, чтобы довести до границы сумасшествія пріѣхавшаго съ юга (т.-е. изъ Англіи) политика. Даже такой остроумный, опытный и знающій политикъ, какъ Джонъ Морлей, признавался, что онъ никогда не попадалъ подъ такой перекрестный огонь политическихъ вопросовъ, какъ передъ выборами его въ 1896 г. въ округѣ Монтрозе, когда онъ объѣзжалъ деревни и города этого округа.

Но если шотландцы являются мастерами по преимуществу въ этомъ искусствѣ, то оно и вообще сильно распространено въ Великобританіи. Порою heckler'ы нарочно раздѣляютъ между собою роли, дѣйствуя сообща, и тогда ограниченіе числа вопросовъ, которые могутъ быть поставлены каждымъ слушателемъ, не ведутъ ни къ чему, и кандидатъ попадаетъ при этомъ лишь изъ огня да въ полымя.

До извѣстной степени высмѣиванье это является наслѣдіемъ того времени, когда число избирателей было очень незначительное и выборы происходили открыто. Съ того же времени ведетъ свое начало процессъ завербовыванья избирателей, которое развито въ Англіи гораздо сильнѣе, чѣмъ на материкѣ. Правда, грубые подкупы теперь, при тайной подачѣ голосовъ и современныхъ строгихъ законахъ, почти совсѣмъ устранены. Англійскіе законы въ этомъ отношеніи гораздо суровѣе, чѣмъ на материкѣ. Достаточно доказательства, что хотя бы одинъ голосъ былъ добытъ подкупомъ какого-либо изъ агентовъ кандидата, чтобы выборы были признаны недѣйствительными и у него было бы на цѣлые семь лѣтъ отнято право быть избираемымъ въ этомъ округѣ. Сумма, которую кандидатъ или его главный агентъ можетъ истратить въ томъ или иномъ округѣ, точно опредѣлена, и онъ обязуется вести строгую запись расходовъ и отдать отчетъ въ нихъ передъ выборнымъ коммиссаромъ. Однимъ словомъ, законъ въ этомъ отношеніи такъ строгъ, какъ только можно представить себѣ. Однако, несмотря на это, далеко не всѣ подкупы устранены. Состоятельный человѣкъ можетъ, помимо прямого подкупа, завоевать себѣ помощью денегъ населеніе своего округа, главнымъ образомъ, щедростью на дѣла благотворительныя, на различные ферейны. Денегъ это поглощаетъ еще больше, чѣмъ прежній не прикрытый подкупъ и, несомнѣнно, въ очень многихъ округахъ ведетъ къ положительнымъ результатамъ. Время отъ времени въ прессѣ раздаются настоящіе вопли противъ вымогательствъ, связанныхъ съ этимъ спо-

собомъ, но до сихъ поръ никакого средства для устраненія его не выработано; — доказать подкупъ тутъ невозможно: подкупаются не отдѣльные голоса, а расположеніе ферейновъ и общественное мнѣніе цѣлаго округа той щедростью, которая является неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка. Многіе надѣются, что пониженіе расходовъ на выборную агитацію ослабитъ это зло, давъ возможность проникать въ палату бóльшему числу кандидатокъ изъ рабочаго класса и «интеллигенціи», но окончательно устранить его и эти мѣры, на введеніе которыхъ въ ближайшемъ будущемъ нельзя еще разсчитывать, не могутъ.

И потому не являются они такимъ средствомъ, что избирательная борьба въ Англіи бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ рѣшающей и значительной въ ея жизни. Въ девяти десятыхъ вопросахъ, выставляемыхъ на очередь въ парламентѣ, различія между двумя главными партіями, борящимися за большинство въ парламентѣ, чрезвычайно незначительны. Конечно было бы преувеличеніемъ сказать, чтобы между консерваторами и либералами въ Англіи не было совсѣмъ никакой разницы, чтобы могла идти рѣчь о сліяніи ихъ программъ: каждая изъ этихъ партій считается съ извѣстными традиціями, представляетъ извѣстные интересы, которыми не связана другая. Но различія эти все больше устраняются современнымъ развитіемъ и еще замѣтнѣе блѣднѣютъ различія внутри рамокъ каждой изъ этихъ партій.

Въ прежнее время либеральная партія состояла изъ промышленниковъ, а консервативная изъ представителей земельной собственности и духовенства. Но во второй половинѣ XIX стол. дѣло сильно измѣнилось: послѣ окончательной побѣды свободной торговли бóльшая часть промышленниковъ перекочевала въ консервативный лагерь, и сыновья тѣхъ самыхъ фабрикантовъ, которые вмѣстѣ съ Кобденомъ и Брайтомъ боролись противъ хлѣбныхъ пошлинъ и земельныхъ собственниковъ, перешли теперь на сторону этихъ самыхъ собственниковъ. Между тѣмъ въ либеральную партію вошли болѣе молодые элементы изъ радикальнаго лагеря и рабочей демократіи. Таково было положеніе вещей съ конца пятидесятыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ, когда Гладстонъ совершилъ свою эволюцію изъ консерваторовъ въ либералы и Дизраэли преобразовалъ партію тори въ болѣе современную консервативную партію. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ тори не противятся уже третьей избирательной реформѣ, праву голоса для сельскихъ рабочихъ, а къ концу ихъ, когда слишкомъ спѣшный первый проектъ гладстоновскаго Home Rule раскололъ либеральную партію, консервативная партія развилась еще больше влѣво. Начатое Дизраэли продолжается протестантскимъ фабрикантомъ Чемберлэномъ. Въ періодъ съ 1886—1892 гг. онъ помогъ консерваторамъ добиться боль-

шинства въ парламентѣ, но самъ со своими сторонниками остался вдали отъ управленія. Результатомъ явились нѣкоторыя важныя реформы внутренняго управленія, демократизація мѣстныхъ совѣтовъ, проведенія безплатнаго школьнаго обученія. Но въ 1895 г. бывшій главарь англійскаго радикализма выступаетъ руководителемъ консервативно-либеральной партіи коалиціи, присоединивъ такимъ образомъ къ консервативной партіи, завоевавшей уже крупно-промышленный Ланкаширъ, столь радикальную когда-то область южныхъ центральныхъ графствъ. Въ настоящее время членами ея являются почти исключительно представители торговли и промышленности, а также не малая часть рабочаго класса.

Роль земельной собственности въ ней уже совсѣмъ небольшая, она держится лишь путемъ компромисса, и намъ представляется даже страннымъ, какъ она могла добиться отъ теперешняго парламента пониженія мѣстныхъ налоговъ, полезныхъ, главнымъ образомъ, фермерамъ и крестьянамъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ налоговъ, предложенныхъ въ самое послѣднее время министерствомъ коалиціи на покрытіе расходовъ по южно-африканской войнѣ, можно отмѣтить два, служащихъ хотя отчасти защитой англійской промышленности, но ни одного, который могъ бы быть полезенъ крупнымъ собственникамъ и сельскимъ хозяевамъ. Налогъ на ввозимый въ Англію каменный уголь можетъ повліять на пониженіе цѣнъ на англійскомъ рынкѣ, но доходъ собственниковъ каменноугольныхъ копей онъ вѣроятно понизитъ. Точно также тростниковый сахаръ попадаетъ въ Англію вдвое дешевле, чѣмъ сахаръ рафинадъ, но это выгодно для производителей рафинада, собственники же свекловичныхъ плантацій скорѣе теряютъ на этомъ. Кое-кто въ Англіи,—не изъ аграрныхъ круговъ, конечно,—считалъ даже, что налогъ на пшеницу въ размѣрѣ одного шиллинга на квартеръ въ 480 ф. можетъ быть проведенъ, ибо не вліяетъ на цѣну хлѣба. Но правительство не рискнуло предложить его. За то Чемберлэнъ, несмотря на противодѣйствіе старыхъ тори, провелъ въ 1897 г. законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастій, и демократизація мѣстнаго англійскаго управленія сдѣлала въ его министерствѣ большіе успѣхи, Ирландія же получила собственное самоуправленіе. При своемъ теперешнемъ составѣ и теперешней парламентской системѣ консервативная партія не можетъ оказывать стойкаго сопротивленія какому-либо реформаторскому движенію и отличается отъ либеральной лишь по оттѣнкамъ въ проведеніи этихъ реформъ.

Дѣло происходитъ при этомъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Люди, стоящіе внѣ обѣихъ этихъ партій, пропагандируютъ извѣстную реформу; когда она достигнетъ уже нѣкоторой популярности, либералы включаютъ ее въ свою программу, вносятъ соотвѣтственный законодательный проектъ, натыкаются на сопротивленіе лордовъ, начинаютъ бить въ набатъ, но, несмотря на это, проваливаются на ближайшихъ

выборахъ. Послѣ того дѣло берутъ въ свои руки консерваторы и осуществляютъ его по своему. Конечно, при этой процедурѣ проведенная мѣра отличается иногда существенно отъ той, что пропагандировалась съ начала. Иниціаторы кричатъ тогда: измѣна! Либералы жалуются на извращеніе или фальсификацію ихъ идеи, консерваторы же усмѣхаются и заявляютъ, что они осуществили изъ этихъ идей все, что практично въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Такая аргументація вліяетъ на массы, которыя не входятъ обыкновенно въ тонкости.

Такимъ образомъ, названія партій въ Англіи сильно измѣнили свое прежнее значеніе и противорѣчія между ними сильно сгладились. Названіе либералъ давно уже не знаменуетъ собою представителя манчестерскихъ ученій, а консерваторъ не является уже синонимомъ противника демократическихъ реформъ. Гладстонъ любилъ обозначать отношеніе обѣихъ партій къ демократіи слѣдующимъ образомъ,—онъ говорилъ: духъ либеральной партіи—довѣріе къ народу, смягченное осторожностью, а духъ консервативной—не довѣріе къ народу, смягченное боязнью. Можно понять, необладая особой проницательностью, почему представители того и другого духа иногда такъ похожи другъ на друга, что ихъ легко смѣшать между собой.

Теперь намъ будетъ понятно, почему при такомъ положеніи вещей принадлежность къ той или иной партіи считается большинствомъ населенія скорѣе дѣломъ традиціи и привычки, чѣмъ убѣжденія или классового интереса, и что большинство это смотритъ и на выборную борьбу, если только на очереди не стоятъ какія-либо особо важныя событія національной жизни, скорѣе какъ на спортъ, чѣмъ какъ на серьезное, близко касающееся ихъ дѣло. Если бы не принудительная сила самой парламентарной системы, которая вызываетъ почти необходимо раздѣленіе націи на правительственную и оппозиціонную или коалиціонную партію, то двѣ противоположныя партіи во Франціи непремѣнно распались бы. Но мы видимъ до сихъ поръ, что тотъ чистый парламентаризмъ, который осуществленъ въ Англіи, оказываетъ на нее консервативное дѣйствіе, болѣе сильное, чѣмъ центробѣжная сила всѣхъ входящихъ въ него противоположныхъ элементовъ. Они сдерживаются взаимно тѣмъ давленіемъ, которое оказываютъ другъ на друга. Каждая изъ нихъ живетъ недостатками другой, тѣми разочарованіями, которыя она готовитъ своимъ избирателямъ, тѣми страстями, которыя она вызываетъ. Въ Англіи часто говорятъ, что ни одна изъ этихъ партій не могла бы существовать безъ другой; до сихъ поръ мы видѣли также, что и распасться ни одна изъ нихъ безъ другой не можетъ. Конечно, выводить отсюда какія-нибудь слѣдствія относительно продолжительности теперешней борьбы, сдерживающей въ равновѣсіи двѣ враждующія партіи, было бы слишкомъ поспѣшно. Демократическія силы націи еще не такъ давно получили рѣшающій

голосъ при парламентскихъ выборахъ, и если вліяніе ихъ было недостаточно сильно, чтобы измѣнить составъ парламента соотвѣтственно своимъ классовымъ интересамъ или повліять существенно на группировку силъ въ немъ, то они дали уже почувствовать себя въ другомъ направленіи, а именно, въ законодательномъ. Фундаментъ, на которомъ происходитъ игра двухъ партій, уже измѣнился, ритмъ его иной теперь, и даже если бы то взаимное давленіе, которымъ они поддерживаютъ другъ друга, еще продолжалось, все же вполнѣ возможно, что въ одинъ прекрасный день весь механизмъ остановится и потребуетъ болѣе серьезныхъ измѣненій. Указаній на это имѣется уже теперь достаточно.

Всѣ, кто наблюдалъ общественную жизнь въ Англіи за послѣдніе годы, признаетъ, что монархія теперь крѣпче тамъ, чѣмъ это было до реформы избирательнаго права, и что роль носителя короны не ослабляется, а усиливается. Ни одна изъ дѣйствующихъ въ парламентѣ силъ не заботилась о такомъ упроченіи монархизма, и нельзя объяснять его популярностью личности королевы Викторіи, которая занимала доселѣ этотъ постъ. Причинъ его придется искать въ чисто фактическомъ развитіи, въ которомъ каждый членъ влечетъ за собой съ необходимостью другой. Парламентъ долженъ, чтобы не внести разочарованности въ различныя стороны государственной жизни, уступать de facto правительству, т.-е. министерству, добрую часть своей власти, а уступая ее кабинету, онъ уступаетъ ее отчасти и монарху.

Конечно, все это происходитъ въ рамкахъ разрѣшаемаго конституціей. Англійскій король связанъ постановленіями народныхъ представителей, онъ не можетъ назначить министра, за котораго не выскажется парламентское большинство, и не утвердить желаемаго этимъ большинствомъ. Ни онъ, ни его министры не имѣютъ права истратить ни одного пфеннига на то, на что не уполномочилъ ихъ парламентъ. Они не могутъ посягнуть ни на одно изъ тѣхъ правъ, которыя даруетъ каждому англійскому гражданину его конституція, на его право собраній, защиту противъ всякаго рода произвола, право суда общимъ законодательствомъ установленнымъ порядкомъ. Въ этихъ основныхъ положеніяхъ ничто не измѣнилось и ничто не можетъ измѣниться. По всей вѣроятности, Эдуардъ VII будетъ обращать еще больше вниманія на права народа, чѣмъ его мать. Викторія была по своему темпераменту автократической натурой; такъ, сообщалось изъ одного достовѣрнаго источника, что она симпатизировала, главнымъ образомъ, не своимъ ганноверскимъ предкамъ, а проникнутой идеей о царствованіи Божьей милостью фамиліи Стюартовъ и въ частности королю Карлу I-му, которому пришлось заплатить такъ дорого за его борьбу противъ парламента. Эдуардъ VII и по темпераменту болѣе конституціонный монархъ. Какъ сообщалось въ свое время, онъ до тѣхъ поръ подписывался «принцемъ Уэльскимъ» послѣ полученія телеграммы

о смерти своей матери, пока не произнесъ клятвувъ вѣрности конституціи страны, между тѣмъ какъ король Божьей милостью является уже таковымъ въ самый моментъ смерти своего предшественника.

То, что идея феодально-абсолютнаго монархизма была перенесена въ парламентски-конституціонный строй, что титулъ «Божьей милостью» остался за англійскими монархами, объясняется отмѣченной въ началѣ этой статьи любовью англичанъ къ старинѣ, постояннымъ стремленіемъ сохранить хотя кусочекъ этой старины на ряду съ новымъ, болѣе современнымъ. Конечно, сохраненіе монархіи въ Англіи обязано не одному сентиментализму. Земельные собственники и крупные капиталисты, совершившіе революцію 1688 года, нуждались въ монархіи для обезпеченія своего классового господства и защиты отъ тѣхъ переворотовъ, которыхъ они, имѣя передъ глазами событія 1649 года, могли опасаться отъ демократической республики. Выростая въ XIX-мъ столѣтіи, средняя буржуазія находитъ также, что ея права охраняются очень хорошо конституціонной монархіей, и потому не чувствуетъ стремленія попытать, не лучше ли будетъ при республикѣ, не говоря уже о томъ, что сомнительно еще, обойдется ли ей республиканская форма правленія дешевле, чѣмъ республика съ монархомъ во главѣ. Но не одни разсудочныя соображенія вліяютъ на сохраненіе монархіи, а также цѣлый рядъ мотивовъ, основанныхъ на чувствѣ, тотъ, настолько характерный романтизмъ англичанъ, на который мы указали уже раньше. Замѣчательно, что тотъ же самый англичанинъ, который такъ ревниво охраняетъ свои гражданскія права, не только не считаетъ для себя постыднымъ называться подданнымъ, но даже съ гордостью произноситъ «британскій подданный». Къ началу Трансваальской войны ни одна пѣсня въ Англіи не была такъ популярна, какъ «Солдаты королевы»; всѣ пѣли: «Мы всѣ солдаты королевы, да, мы солдаты королевы!» И это не только въ эпоху націоналистическаго возбужденія. На международныхъ рабочихъ конгрессахъ англійскіе делегаты отвѣчали на пѣніе революціонныхъ пѣсенъ со стороны ихъ собратій съ материка пѣніемъ «Боже, храни королеву». Въ Англіи много положенныхъ на музыку демократическихъ пѣсенъ, но ни одна изъ нихъ не была, очевидно, такъ близка делегатамъ, соціалистамъ и радикальнымъ демократамъ, какъ гимнъ, въ которомъ англичане просятъ Бога сохранить для нихъ долго королеву «побѣдоносной, счастливой, славной». Они считаютъ эту монархическую пѣснь типической національной пѣснью своего народа.

Часто высказывалось мнѣніе, что говорящій такъ много сердцу образъ жены и матери вызывалъ у англичанъ такіе взрывы лойяльности по отношенію къ ихъ королевѣ и что со смертью ея исчезнетъ самый главный мотивъ ихъ монархическаго настроенія. Первая часть этого мнѣнія справедлива. Когда Викторія вступила въ 1837 г. на престолъ, монархія въ Англіи была страшно дискредитирована и надо

дѣйствительно приписать, главнымъ образомъ, ей, что англичане перестали смотрѣть на свою конституцію, какъ на меньшее изъ золъ, и относиться пренебрежительно къ монарху. А, между тѣмъ, королева Викторія не только не была политическимъ геніемъ, какъ выставляли ее нѣкоторые политическіе сикофанты, но не возвышалась даже надъ слабостями обыкновенныхъ смертныхъ. Но у ней было много здраваго смысла и того свойства, которымъ женщины обыкновенно превосходятъ мужчинъ: чувство долга. Въ молодые годы она завоевала сердца своей привлекательностью, позднѣе той привѣтливостью, въ которую она вкладывала столько материнскаго чувства. Такимъ образомъ, женщинѣ прощалось многое изъ того, что навлекло бы суровую критику на голову мужчины. Но несмотря на то, едва ли къ Эдуарду VII относятся хуже, чѣмъ къ его матери. По такту онъ равенъ ей, а по уму, вѣроятно, выше. Насколько можно судить по его рѣчамъ, это человѣкъ съ большой опытностью и широкимъ кругозоромъ. Конечно, его частная жизнь не настолько безупречна, какъ жизнь его матери, но въ глазахъ англичанъ онъ не является тѣмъ безшабашнымъ бонвиваномъ, какимъ выставляли его нѣмецкія газеты. Съ другой стороны, то добродушіе, которое свойственно вообще людямъ, любящимъ хорошо пожить, дѣлаетъ его для многихъ пріятнѣе его матери, строгость нравовъ которой доходила часто до пуританства. За то строгіе пуритане и старые тори, которые не прощаютъ Эдуарду VII его дружбы съ Ротшильдомъ и другими тузами финансоваго міра, а также лѣвые республиканцы и соціалисты относятся къ нему частью индифферентно, частью прямо отрицательно. Но они составляютъ въ сложности лишь незначительное меньшинство націи; большинство ея относится къ Эдуарду VII съ любовью и сохранитъ къ нему, вѣроятно, это чувство, если болѣе серьезные конфликты не столкнутъ его съ одной изъ главныхъ партій въ парламентѣ.

Въ ближайшемъ будущемъ нельзя предвидѣть такихъ конфликтовъ между монархомъ и народомъ въ Англіи: но они возможны, конечно, впослѣдствіи. Міровое положеніе Англіи какъ въ торговомъ и промышленномъ, такъ и въ другихъ международныхъ отношеніяхъ становится все труднѣе; она можетъ натолкнуться на вопросы, чрезвычайно важные для ея дальнѣйшаго развитія, по поводу которыхъ нація не сможетъ высказаться вполнѣ опредѣленно и согласно. Такой критическій моментъ можетъ сильно поразить распадающуюся, развивающуюся по самымъ различнымъ направленіямъ націю. При такихъ положеніяхъ англійская конституція дастъ монарху возможность взять на себя роль тормозящаго движеніе или руководителя его. По отношенію къ сплоченному парламентскому большинству онъ, конечно, политически связанъ, но если это большинство не спѣлось хорошенько, если оно неувѣренно въ поддержкѣ страны, то монархъ имѣетъ возможность провести свою волю. И тогда его вмѣшательство, хотя бы

фактически и морально оно было желательно, можетъ вызвать недовольство противъ него со стороны той или тѣхъ партій, которыя являются представителями иной политики,—можетъ вызвать конфликтъ.

Англія стоитъ наканунѣ періода значительныхъ переворотовъ, если даже не вступила въ него. За столь прочными, повидимому, стѣнами ея политическихъ учрежденій происходитъ сильное броженіе. На первый взглядъ, партіи ея вылились какъ будто въ разъ навсегда опредѣленныя формы и ея соціальное устройство обезпечено на продолжительное время. Вѣдь консервативная партія, представительница существующихъ учрежденій, все растетъ и при двухъ послѣднихъ парламентскихъ выборахъ получила подавляющее большинство. Передъ послѣдней крупной избирательной реформой (1884 г.), давшей впервые возможность голосовать рабочему классу, Лондонъ и другіе крупные англійскіе города выбирали либераловъ, теперь же консерваторы одерживаютъ тамъ побѣду за побѣдой. Но мы видѣли выше, что побѣды эти покупаются тѣмъ, что они уступаютъ одинъ за другимъ тѣ столбы, на которыхъ держатся ихъ стѣны, приносятъ въ жертву демократіи одно изъ ихъ основоположеній за другимъ. А черезъ эти бреши и каналы демократическіе классы проникаютъ постепенно въ недоступныя для нихъ прежде учрежденія и замѣтно мѣняютъ ихъ характеръ. То же самое происходитъ и съ религіозными учрежденіями: если посмотрѣть на нихъ снаружи, то они остались также сильны, какъ и прежде, а нѣкоторыя изъ нихъ даже какъ будто бы выросли. Но въ нихъ царитъ теперь уже иной духъ. Какъ господствующая церковь, такъ и различныя секты видятъ себя вынужденными дѣлать все большія и большія уступки тѣмъ убѣжденіямъ, тѣмъ соціальнымъ и научнымъ теченіямъ, которыя пріобрѣтаютъ вліяніе за ихъ стѣнами. Въ соціальномъ отношеніи всѣ религіозныя секты, разсчитывающія на завоеваніе народныхъ массъ, становятся въ борьбѣ между капиталомъ и трудомъ все рѣшительнѣе на сторону рабочихъ и въ нихъ прокладываетъ себѣ путь все болѣе свободное отношеніе къ наслажденіямъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій современной Англіи является ослабленіе пуританскаго духа.

Цѣлая совокупность силъ вліяетъ на то, чтобы поднять англійскій народъ до болѣе жизнерадостнаго и полнаго наслажденія жизнью, чѣмъ это было доступно ему доселѣ матеріально и чѣмъ предписывалось его духовными руководителями. Сокращеніе рабочаго времени, добытое самими рабочими, а также распространеніе и улучшеніе народныхъ жилищъ даютъ имъ для этого прочныя практическія основы, а сочиненія такихъ людей, какъ Рёскинъ, Моррисъ и ихъ единомышленники— идеальныя руководящія нити. Повсюду возникаютъ школы искусства, театры,—за послѣдніе десять лѣтъ въ Лондонѣ выстроено болѣе дюжины новыхъ театровъ, число музеевъ и выставокъ все растетъ, а

передвижныя выставки переносятъ сокровища богатыхъ галлерей въ самые отдаленные и глухіе рабочіе кварталы. Таковы, напримѣръ, тѣ передвижныя и ссужаемыя на время выставки современныхъ картинъ которыя были организованы каноникомъ Барнетомъ изъ Ст. Іудэ въ Вайтчепелѣ уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ для населенія лондонскаго Эстъ-Энда. Подобныя предпріятія организуются за послѣднее время по примѣру Англіи и въ Германіи, но нашлось ли въ ней духовное лицо, которое рекомендовало бы съ церковной каѳедры балетъ, какъ прекрасное средство для образованія и развитія чувства прекраснаго, какъ это сдѣлалъ м-ръ Стевортъ Хедламъ, единомышленникъ доктора Барнета? А м-ръ Хедламъ не остался безъ послѣдователей.

Конечно то, чего не хватало цѣлымъ поколѣніямъ, не можетъ быть измѣнено всецѣло въ одно-два десятилѣтія. Въ Англіи до сихъ поръ еще много отталкивающаго и особенно Лондонъ, этотъ «наростъ жира», по выраженію старика Коббета, еще чрезвычайно богатъ мѣстами нищеты и грязи. Но мы можемъ наблюдать на немъ, какимъ образомъ идетъ развитіе къ лучшему. Конечно, не скоро еще сѣрыя рабочія казармы и скверныя жилища среднихъ классовъ, портящія улицы Лондона и другихъ большихъ городовъ Англіи, замѣнятся домами, построенными по всѣмъ правиламъ гигіены и удовлетворяющими потребностямъ комфорта и чувству красоты. Но если мы сравнимъ улицы и кварталы, построенные недавно, съ этимъ печальнымъ наслѣдіемъ стараго времени, то мы найдемъ значительныя улучшенія въ жилищахъ. Если давно уже ни одинъ изъ домовъ для среднихъ классовъ не строится безъ ванны, то и дома, разсчитанные на рабочіе классы, начинаютъ снабжаться ими все чаще и чаще. Употребляются крупныя суммы на то, чтобы окружить рабочіе кварталы парками съ большими лужайками для игръ на чистомъ воздухѣ; тамъ устраиваются по воскресеньямъ и еще разъ въ недѣлю концерты и продаются дешевые напитки, не содержащіе алкоголя. Въ этихъ паркахъ отдѣляются также опредѣленныя мѣста для собраній на открытомъ воздухѣ. Тамъ по воскресеньямъ радикалы и свободомыслящіе говорятъ неподалеку отъ церковныхъ проповѣдниковъ, собирая вокругъ себя столько публики, сколько могутъ и умѣютъ привлечь ея изъ массы гуляющихъ.

Значительныя улучшенія замѣчаются также въ постройкахъ и программахъ преподаванія англійскихъ школъ, наибольшія, пожалуй, чѣмъ въ какой-либо иной сферѣ. Построенныя за послѣднее десятилѣтіе въ Лондонѣ и другихъ большихъ англійскихъ городахъ, школьныя зданія съ ихъ высокими, свѣтлыми и просторными классами отличаются безконечно отъ тѣхъ, похожихъ на казармы школъ, гдѣ получали прежде свое образованіе дѣти бѣдняковъ. И духъ теперь царитъ въ нихъ совсѣмъ иной. Послушаемъ вышеупомянутаго м-ра Хедлама, который, будучи членомъ лондонскаго школьнаго совѣта, выдѣлился особенно

своими трудами по развитію вечернихъ школъ, существованіе которыхъ находилось одно время подъ сомнѣніемъ, но которыя должны быть спасены закономъ, внесеннымъ недавно министромъ Горстомъ. Вотъ какъ описываетъ онъ эту школу.

«Наши лекціи по англійской литературѣ учреждены недавно. Главной цѣлью ихъ служитъ—доставить читателямъ дѣйствительно классическія англійскія сочиненія. Для этого учителя разсказываютъ имъ содержаніе пьесы или романа и совѣтуютъ пріобрѣсти дешевое изданіе, что очень часто и исполняется. Самые грубые юноши и дѣвушки изъ Дентфорда (юго-западная часть Лондона) были увлечены исторіей «Оливера Твиста» и нѣсколько сотъ молодыхъ людей и дѣвушекъ изъ торговыхъ заведеній Хакнея (сѣверо-зап. Лондона) посѣщали недѣлями лекціи о Шекспирѣ. Мальчики изъ Бетналь-Гринъ,—одного изъ худшихъ кварталовъ Эстъ-Энда,—разскажутъ вамъ содержаніе «Гамлета» и изложатъ свои мысли по поводу него. Дѣвушки изъ Вайтчеля разыграютъ съ выраженіемъ и силой нѣкоторыя короткія сцены изъ «Что вамъ будетъ угодно». За послѣдніе два года при нѣкоторыхъ школахъ образовались маленькія труппы, разучившія сначала сцену суда изъ «Венеціанскаго купца», а затѣмъ сцену спектакля изъ «Гамлета», и такой знатокъ Шекспира, какъ м-ръ Бенъ Гритъ, остался доволенъ ихъ игрою.

«Кромѣ того,—продолжаетъ м-ръ Хедламъ,—я долженъ упомянуть еще о такъ называемыхъ «семейныхъ вечерахъ», на которыхъ мы собираемъ разъ въ мѣсяцъ нашихъ учениковъ. Эти вечера и подготовленія къ нимъ повели къ безсмысленнымъ утвержденіямъ, будто наши вечерніе классы являются исключительно танцклассами. Если бы даже это было вѣрно и если бы каждый юноша и каждая дѣвушка въ Лондонѣ обязаны были учиться танцовать, то это была бы не бѣда. Но дѣло въ томъ, что на танцы ученики наши собираются лишь разъ въ мѣсяцъ. Устраивается у нихъ при этомъ и пѣніе, и я увѣренъ, что подобные кружки («Socials») имѣютъ цивилизирующее вліяніе на учениковъ и являются полезнымъ придаткомъ къ обыденной школьной жизни».

Въ этомъ же отчетѣ приведены статистическія свѣдѣнія о числѣ учениковъ по разнымъ предметамъ, читаемымъ въ этихъ вечернихъ классахъ. Вотъ они:

По стенографіи—33.000. По ариѳметикѣ и алгебрѣ—31.000. По бухгалтеріи—23.000. По торговой корреспонденціи—2.800. По письму—12.000. По англ. грамм.—18.000. По географіи—14.000. По исторіи—5.000. По франц. языку—19.000. По нѣмецкому—1.400. Лекціи о первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ слушаетъ 14.000; объ уходѣ за больными на дому—3.000. Работамъ изъ дерева учится 14.000, рукодѣліямъ—16.000; пѣнію—13.000; фехтованію—17.000; плаванію и спасенію погибающихъ—12.000. Англійскую литературу слушаетъ 3.000

человѣкъ; рисованіе—10.000; естеств. науки—около 10.000. Кромѣ того 46 школъ съ 8.000 учениковъ являются спеціальными торговыми школами и 9 школъ съ 6.000 учениковъ школами естественныхъ наукъ и искусствъ.

Все это создано лондонскимъ школьнымъ совѣтомъ, дѣломъ котораго было вначалѣ лишь введеніе первоначальнаго обученія. Не мало нападокъ на это учрежденіе, основанное на демократическимъ избирательномъ правѣ; но всѣмъ этимъ нападкамъ суждено остаться безрезультатными, ибо стремленіе къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня массъ слишкомъ сильно, чтобы сломиться о сопротивленіе педантовъ и реакціонеровъ.

На ряду со школами умножаются народныя читальни, начала которымъ клалось филантропами, но которыя учреждаются теперь все чаще мѣстными общинами, съ цѣлью дать и неимущимъ возможность пользоваться дорогими журналами и спеціальными газетами, также умножатся и другія учрежденія для распространенія знанія,

Подъ этимъ вліяніемъ подростаетъ новое поколѣніе, предъявляющее больше требованій къ матеріальнымъ условіямъ жизни и повышенныя пониманія къ умственнымъ и художественнымъ наслажденіямъ. Конечно, остальныя условія жизни создаютъ еще много помѣхъ этому развитію и недаютъ ему иногда даже зародиться. Тысячи рабочихъ остаются духовно и нравственно на томъ же уровнѣ, а такъ какъ они держатъ себя всего шумнѣе на улицахъ и бросаются этимъ всего больше въ глаза, то поверхностный наблюдатель получаетъ такое впечатлѣніе, что это и есть самые характерные представители рабочаго класса Англіи. Но между рабочими, подростающими подъ вліяніемъ такихъ образовательныхъ учрежденій и всѣхъ современныхъ экономическихъ улучшеній, которые преобладаютъ уже въ сѣверной и средней части Англіи, и оставшемся въ грубомъ невѣжествѣ пролетаріемъ, который гнѣздится въ трущобахъ большихъ городовъ, существуетъ громадная разница.

Но типъ этотъ все уменьшается численно, даже въ большихъ городахъ. Какъ ни много еще грубаго, отталкивающаго и дикаго въ «Дерби»,—конскихъ скачкахъ въ Эпсонѣ,—но они уже гораздо менѣе дики, чѣмъ изображающая ихъ картина Фрита въ Національной галлереѣ и съ каждымъ годомъ день этотъ теряетъ значеніе для массы лондонскаго населенія. Большинство интересуется имъ только черезъ посредство газетъ лишь постольку, поскольку они были соблазнены держать пари на ту или иную лошадь. А страсть англичанъ къ пари не такъ-то легко, конечно, вытравить; она, какъ и любовь къ спорту, слишкомъ глубоко вкоренилась въ нихъ. Мы замѣчаемъ это въ первый же день пребыванія въ Лондонѣ. Если не произошло какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событій, то лондонскій разнощикъ газетъ выхваляетъ непремѣнно свою газету на улицахъ возгласомъ: «всѣ выигрыши!» Самой большой приманкой въ ней онъ считаетъ то, что она

приводитъ списокъ всѣхъ взявшихъ призы лошадей или игроковъ въ крикетъ и въ мячъ. И въ общемъ онъ совершенно вѣрно оцѣниваетъ свою публику. Хотя теперь и дѣлается все возможное, чтобы ослабить страсть къ пари, но оно все-таки въ большомъ ходу; сама пресса своими извѣщеніями оказываетъ прямо или косвенно поддержку ей. Хорошо уже, если та или иная рабочая газета перестаетъ печатать указанія для держащихъ пари передъ той или иной стачкой; но если бы какая-нибудь изъ нихъ совершенно устранила отдѣлъ спорта, то она погубила-бы этимъ себя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на другой день послѣ довольно важныхъ выборовъ въ рабочемъ округѣ сѣверной Англіи, я купилъ себѣ газету, надѣясь найти въ ней результатъ выборовъ. Читая ее, я замѣтилъ, что мой сосѣдъ, рабочій съ жадностью поглядываетъ на нее.

— Еще ничего нѣтъ о выборахъ въ X.,—сказалъ я ему.

— Ахъ,—отвѣтилъ онъ,—я не объ этомъ хотѣлъ бы знать! Не получены ли извѣстія о скачкахъ въ Донкастерѣ?

А. Е—ва.

ЭРНЕСТЪ-ТЕОДОРЪ-АМЕДЕЙ ГОФМАНЪ.

(Историко-литературный этюдъ).

Въ настоящее время почти забытое имя Гофмана до середины минувшаго столѣтія пользовалось изъ ряду вонъ выходящей популярностью далеко за предѣлами Германіи. Его переводятъ на итальянскій и англійскій языки. Французскіе переводы были многочисленны. Правда, вслѣдствіе обычнаго презрѣнія французовъ къ иностраннымъ литературамъ, эти переводы большею частью можно назвать подражаніями Гофману, настолько безцеремонно они искажаютъ оригиналъ въ угоду вкусамъ и патріотизму своихъ читателей; нѣкоторые переводчики не называли даже имени Гофмана. Тѣмъ не менѣе, отдѣльныя черты Гофмана, какъ писателя, оставили замѣтный слѣдъ во французской повѣствовательной литературѣ. Ж. Зандъ увлекалась сложностью и загадочностью интриги многихъ повѣстей нѣмецкаго романтика. Готье и Бодлеру импонировало его визіонерство и демоническая иронія. Бальзакъ называетъ свою повѣсть «Элексиръ жизни» забытымъ произведеніемъ Гофмана, очевидно, подъ вліяніемъ «Элексировъ дьявола» послѣдняго. Изъ менѣе прославленныхъ писателей нельзя не указать на талантливаго неудачника Луи Бертрана (Gaspard de la Nuit), зависимость котораго отъ Гофмана до сихъ поръ не обращала на себя вниманія. Уже самое заглавіе его оригинальной книжки «Fantaisies à la manière de Rembrandt et de Callot» не что иное, какъ явное повтореніе заголовка перваго сборника разсказовъ Гофмана «Fantasiestücke in Callot's Manier». Цитата изъ Гофмана въ видѣ эпиграфа къ одной изъ частей этой замѣчательной французской книжки документально доказываетъ знакомство ея автора съ нѣмецкимъ прототипомъ. Но эти внѣшнія подробности были бы не важны, если бы по самому своему содержанію и по художественной техникѣ очерки, или, лучше сказать, стихотворенія въ прозѣ Луи Бертрана не заключали весьма явственныхъ отзвуковъ изъ Гофмана. Послѣдній очень любилъ вставлять свои разсказы въ рамку какого-нибудь вымысла, цѣль котораго была мистифицировать неопытнаго читателя, будто все разсказанное дѣйствительно имѣло мѣсто. Онъ старается увѣрить чи-

тателя, что повѣсть его есть не что иное, какъ устный или рукописный безыскусственный разсказъ какого-нибудь несчастнаго, рано умершаго пріятеля, какого-нибудь чудака, неудачника-артиста, съ которымъ онъ встрѣтился гдѣ-нибудь при особенныхъ обстоятельствахъ. Мѣсто дѣйствія и имя этого миѳическаго знакомаго, для бо́льшаго вѣроятія, какъ бы изъ скромности, обозначаются инициалами, дѣйствительно нерѣдко, несмотря на внѣшнее неправдоподобіе разсказываемыхъ Гофманомъ событій, трудно отрѣшиться отъ мысли о реальной подкладкѣ ихъ. Недаромъ Бальзакъ говоритъ про него: «Le poète de ce qui n'a pas l'air d'exister et qui néanmoins a vie» (поэтъ того, что, повидимому, не существуетъ, но тѣмъ не менѣе живетъ). Луи Бертранъ приписываетъ свою книгу также непризнанному поэту и мечтателю, съ которымъ онъ предварительно ведетъ продолжительный діалогъ объ искусствѣ на бульварѣ въ Дижонѣ. Характеръ діалога и воззрѣнія собесѣдника автора на міръ сквозь призму искусства живѣйшимъ образомъ напоминаютъ Гофмана, съ тою характерною для національности обоихъ авторовъ особенностью, что Луи Бертрана влечетъ, главнымъ образомъ, пластика, тогда какъ Гофманъ чаще всего и лучше всего рисуетъ психологію музыкантовъ.

Воздѣйствіе Гофмана на русскую литературу также немаловажно. Еще не появлялось ни одного перевода его произведеній, какъ юноша Герценъ обратилъ вниманіе читателей (въ 1834) на интересное литературное явленіе. Бѣлинскій посвящаетъ ему статью по поводу перевода двухъ сказокъ (въ 1840 г.), называя его «однимъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ, ясновидцемъ таинственныхъ силъ природы и духа». Въ беллетристикѣ вліяніе Гофмана непосредственнѣе и сильнѣе всего сказалось, конечно, на сказкахъ и повѣстяхъ «Кота-Мурлыки», самая фикція котораго заимствована изъ извѣстнаго романа нѣмецкаго автора. Романтическая красавица-еврейка «Мирра», несомнѣнно, находится въ родствѣ съ демоническими соблазнительницами Гофмана, а стремленіе путемъ какой-то фантастической химіи опредѣлять сродство душъ въ романѣ «Къ свѣту» живо напоминаетъ многочисленныхъ у Гофмана маговъ, астрологовъ и алхимиковъ, выставляемыхъ большею частью корыстными фокусниками, но иногда и человѣколюбивыми мудрецами, какъ, напр., мейстеръ Абраамъ въ томъ же «Котѣ Муррѣ». Но гораздо важнѣе для нашей литературы, что даже Тургеневъ нерѣдко находится подъ сильнымъ впечатлѣніемъ Гофмана, хотя въ «Вешнихъ водахъ» и отзывается о немъ довольно неодобрительно:

«Оказалось, что Джемма не слишкомъ жаловала Гофмана и даже находила его... скучнымъ! Фантастически-туманный, сѣверный элементъ его разсказовъ былъ мало доступенъ ея южной, свѣтлой натурѣ. «Это все сказки, все это для дѣтей писано!» увѣряла она, не безъ пренебреженія. Отсутствіе поэзіи въ Гофманѣ тоже смутно чувствова-

лось ею. Но была одна у него повѣсть, заглавіе которой она, впрочемъ, позабыла, и которая ей очень нравилась; собственно говоря, ей нравилось только начало этой повѣсти: конецъ она или не прочла, или тоже позабыла. Дѣло шло объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который гдѣ-то, чуть ли не въ кондитерской, встрѣчаетъ дѣвушку поразительной красоты, гречанку; ее сопровождаетъ таинственный и странный, злой старикъ. Молодой человѣкъ съ перваго взгляда влюбляется въ дѣвушку; она смотритъ на него такъ жалобно, словно умоляетъ его освободить ее»... Онъ теряетъ ее изъ виду и, несмотря ни на какія усилія, не можетъ найти, «и не въ силахъ онъ забыть ея умоляющій взглядъ, и терзается мыслью, что, быть можетъ, все счастье его жизни ускользнуло изъ его рукъ. Гофманъ, — прибавляетъ Тургеневъ,—едва ли такимъ образомъ оканчиваетъ свою повѣсть, но такою она сложилась, такою осталась въ памяти Джеммы».

Рѣчь идетъ здѣсь объ одной изъ самыхъ несвязныхъ, фантастическихъ повѣстей Гофмана («Irrungen» и продолженіе ея «Geheimnisse»), которая въ дѣйствительности гораздо сложнѣе, чѣмъ излагаетъ ее Джемма. Но изложеніе это, конечно, принадлежитъ не ей: ея «южная натура» всего вѣроятнѣе заставила бы ее придѣлать къ повѣсти или трагическій, или идиллическій конецъ; здѣсь скорѣе намѣчена версія, какую придалъ бы тому же сюжету русскій писатель. Любопытнымъ образомъ мы и на самомъ дѣлѣ имѣемъ русскую повѣсть, которая гораздо болѣе подходитъ къ словамъ Тургенева, чѣмъ произведеніе Гофмана, и, несомнѣнно, зародилось подъ прямымъ вліяніемъ послѣдняго: это «Хозяйка» Достоевскаго.

Что касается самого Тургенева, то впечатлѣніе, произведенное на него Гофманомъ, по нашему мнѣнію, можно замѣтить до самыхъ позднихъ его повѣстей, не говоря о такихъ сравнительно второстепенныхъ вещахъ, какъ «Лейтенантъ Ергуновъ», гдѣ загадочная экзотическая дѣвушка имѣетъ много общаго съ подобными личностями у нѣмецкаго автора: мы имѣемъ въ виду «Клару Миличъ». Извѣстное болѣзненное состояніе героя позволяетъ ему переступить границу между реальнымъ міромъ и сверхъестественнымъ явленіями; при этомъ читателю внушается вѣра въ возможность для человѣка соприкасаться съ этою таинственною областью, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется, хотя и съ натяжкою, объяснить всѣ событія обычными законами матеріи. Такое же соотношеніе чувственнаго и сверхчувственнаго находимъ мы нерѣдко и въ фантастическихъ повѣстяхъ Гофмана. Въ его клубѣ «Серапіоновыхъ братьевъ» разсказываются за достовѣрное нерѣдко подобныя же мало вѣроятныя происшествія, причемъ скептическіе члены клубы всегда умѣютъ найти весьма простое и логическое объясненіе загадочнымъ происшествіямъ. Но не только фантастическая сторона сочиненій Гофмана подчиняла себѣ порой талантъ Тургенева. Мы видѣли выше, что онъ отрицаетъ

«поэтичность» Гофмана, однако и это выраженіе нужно понимать въ специфическомъ значеніи элегическаго настроенія, которое въ русской литературѣ искони считалось лучшимъ признакомъ поэзіи. Дѣйствительно, очень часто, гдѣ русскій писатель былъ бы элегиченъ, Гофманъ просто сентименталенъ,—это, однако, не мѣшаетъ ему быть истиннымъ поэтомъ во многихъ другихъ случаяхъ, о которыхъ намъ придется еще не разъ говорить. Здѣсь укажемъ только, что одна изъ самыхъ поэтическихъ страницъ, написанныхъ когда-либо Тургеневымъ, внушена ему Гофманомъ. Всякій, конечно, помнитъ неподражаемую сцену въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», когда педантическій учитель музыки Леммъ въ тишинѣ ночи поражаетъ Лаврецкаго геніальною игрою и заканчиваетъ гордою фразою: «Это сдѣлалъ я, ибо я великій музыкантъ». Въ первомъ изъ «Фантастическихъ разсказовъ» Гофмана есть такая же сцена: незнакомецъ зазываетъ автора однажды ночью къ себѣ и приводитъ его въ восторгъ геніальной интерпретаціей «Армиды», а въ заключеніе также величественно объявляетъ: «Ich bin der Ritter Gluck».

На своей родинѣ Гофманъ пользовался въ концѣ своей жизни и долго послѣ смерти большою популярностью среди читателей. Но литературная критика относилась къ нему весьма сурово. Начало положилъ самъ Гёте, выразивъ сожалѣніе, что такой болѣзненный талантъ могъ имѣть столь значительное вліяніе на нѣмецкую литературу. Кличка «болѣзненный талантъ» утвердилась за Гофманомъ надолго. Извѣстный, довольно, посредственный писатель того времени Вилибальдъ Алексисъ, авторъ длинныхъ и скучныхъ романовъ подвергаетъ Гофмана жестотой критикѣ за то, что онъ даетъ необузданную волю своей фантазіи, вмѣсто того, чтобы аккуратно описывать то, что дѣйствительно существуетъ. Эта репутація фантаста настолько пустила корни, что большинство историковъ нѣмецкой литературы, Гервинусъ, Гёдеке, Готшаль, Шереръ, Брандесъ, признавая за Гофманомъ въ большей или меньшей степени талантъ разсказчика, видятъ въ немъ исключительно автора таинственныхъ, страшныхъ, загробныхъ разсказовъ или смѣшныхъ исторій, также переходящихъ всякую границу дѣйствительности. Лишь въ недавнее время критики стали внимавнимательнѣе вчитываться въ его произведенія и, отбросивъ мѣщанское морализированіе, всесторонне освѣтили характеръ литературнаго таланта Гофмана, а также очистили его біографію отъ легендъ и клеветъ *). Эти легенды и клеветы собрали и пустили въ обращеніе не только враги Гофмана, которыхъ онъ создавалъ себѣ своими сатирическими выходками, но, главнымъ образомъ, его ближайшіе пріятели. Вслѣдствіе условій жизни, ему приходилось вращаться въ средѣ весьма

---

*) *Georg Ellinger*. «E. T. A. Hoffmann, sein Leben und seine Werke». Hamburg u. Lpzg 1894. См. также біографическій очеркъ Гофмана, составленный *Эд. Гризебахомъ* въ новѣйшемъ собраніи его сочиненій. *E. T. A. Hoffmann's* sämtliche Werke· 15 Bände. Lpzg 1900.

посредственныхъ людей, не способныхъ правильно оцѣнить ни его таланта, ни странностей его личности. Произведенія Гофмана достаточно свидѣтельствуютъ, какъ онъ страдалъ отъ своего нравственнаго одиночества. При свойственной ему рѣзкости, онъ не стѣснялся самымъ рѣшительнымъ образомъ отдѣлываться отъ компаніи несимпатичныхъ ему людей. Но если уже случалось, что кто-нибудь заслуживалъ его расположеніе, потому ли, что ему приходилось принимать чьи-нибудь услуги, или по другимъ случайнымъ причинамъ, то дружба его становилась снисходительною. И вотъ двое изъ подобныхъ друзей, сухой педантъ Гитцигъ (Hitzig), сослуживецъ Гофмана по судебному вѣдомству и бамбергскій книго и виноторговецъ Кунцъ, человѣкъ совершенно ограниченный, съ привычками и вкусами лавочника, воспользовались смертью пріятеля, чтобы пріобрѣсти на его счетъ литературные лавры, издавъ свои мемуары *), въ которыхъ они съ чувствомъ неизмѣримаго превосходства надъ бѣднымъ грѣшникомъ широко распространяются объ его порокахъ, о своихъ благодѣяніяхъ по отношенію къ нему и чистосердечно считаютъ нужнымъ для доброй славы своего протеже затушевать такія обстоятельства, которыя въ глазахъ нашего времени вызываютъ особенныя симпатіи къ автору «Кота Мурра». Обстоятельства эти отчасти извлечены изъ забвенія лишь въ 80-хъ годахъ минувшаго вѣка.

Таково въ краткихъ чертахъ состояніе литературы о Гофманѣ. Оригинальность его личности, любопытное сплетеніе его судьбы съ крупными событіями общеисторическаго значенія, своеобразное, еще далеко не окончательно выясненное мѣсто его въ исторіи нѣмецкой литературы, наконецъ крупное художественное значеніе многихъ его произведеній, сохранившихъ до нашихъ дней свою свѣжесть—вотъ, что побудило насъ предложить вниманію нашихъ читателей настоящій очеркъ.

I.

Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка имя Канта пользовалось большою популярностью среди университетской молодежи. Въ Кёнигсбергѣ всякій студентъ считалъ священныхъ долгомъ прослушать курсъ его лекцій, хотя весьма немногіе, конечно, были подготовлены къ нимъ настолько, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для своего развитія. Гофманъ, коттрому едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, когда онъ поступилъ въ университетъ (въ 1792 г.), принадлежалъ къ большинству неподготовленныхъ, но зато онъ былъ въ числѣ немногихъ, не посѣщавшихъ лекцій Канта, и открыто высказывалъ, что онъ ихъ не

*) *J. E. Hitzig*. «E. T. A. Hoffmann's Leben und Nachlass. 3 Bände. Stuttgard, 1839. *L. Funck* (E. F. Kunz). «Errinnerungen aus meinem Leben» etc Lpzg. 1836.

понимаетъ и ими не интересуется. Онъ смотрѣлъ на свои университетскія занятія исключительно съ практической точки зрѣнія и весьма аккуратно посѣщалъ юридическія лекціи, готовясь къ судебной дѣятельности, къ источнику заработка. Онъ также мало входилъ въ общеніе съ товарищами и велъ совершенно уединенную жизнь въ весьма скучной семейной обстановкѣ. Но это не значитъ, что жизнь его была безсодержательна. Въ лицѣ своего школьнаго товарища Гиппеля (Hippel), гораздо болѣе развитого, чѣмъ онъ *), онъ имѣлъ вѣрнаго друга, долгое время удовлетворявшаго его умственнымъ запросамъ и потребности сердечнаго общенія. Съ восемнадцатилѣтняго возраста, однако, монополія этой романтической дружбы была нарушена еще болѣе романтической любовью къ замужней женщинѣ. Взаимность и платоничность этого чувства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ экзальтировала пылкаго юношу и доставляла ему не мало сладкихъ терзаній.

Артистическія наклонности Гофмана уже ясно проявлялись въ тотъ ранній періодъ. Онъ былъ хорошій исполнитель-музыкантъ и дѣлалъ попытки компонировать. Онъ также владѣлъ карандашемъ и кистью и написалъ не мало портретовъ и даже картинъ, но отсутствіе какого-бы то ни было руководства, равно какъ образцовъ, на которыхъ онъ могъ бы воспитать свой вкусъ, оставило его на всю жизнь довольно жалкимъ дилетантомъ въ этой области искусства. Къ тѣмъ же годамъ относятся и первые опыты литературнаго творчества; до насъ дошло только заглавіе начатаго имъ романа, но оно весьма характерно: «Der Geheimnissvolle» (Таинственный). Выборъ его чтенія находится также въ полномъ соотвѣтствіи съ его будущими произведеніями; онъ сильно увлекается какимъ-то нынѣ забытымъ романомъ Гроссе, въ которомъ пламеннѣйшая страсть и такая же дружба сплетаются съ манипуляціями загадочнаго тайнаго общества, владѣющаго сверхъестественными силами. Онъ зачитывается также «Духовидцемъ» Шиллера; онъ семь разъ перечелъ «Донъ-Карлоса», но эта драма влечетъ его не политическимъ либерализмомъ, какъ прочихъ юношей, а изображеніемъ дружбы между принцемъ и маркизомъ Позой, въ которомъ онъ видѣлъ подобіе своей дружбы съ Гиппелемъ.

По окончаніи университетскихъ занятій и послѣ необходимой практической подготовки при судѣ Гофманъ принялъ мѣсто въ Глоговѣ, маленькомъ польскомъ городкѣ въ Силезіи. Вступивъ на служебное поприще, онъ не почувствовалъ къ нему большого влеченія и продолжалъ смотрѣть на службу, какъ на скучный, но необходимый рессурсъ матеріальнаго благосостоянія. Ниоткуда также не видно, что бы его интересовало знакомство съ новымъ краемъ, съ характеромъ и настроеніемъ его населенія. Всѣ его интересы оставались чисто

*) Въ мемуарахъ Гитцига о Гофманѣ глава объ его дѣтствѣ и юности принадлежитъ этому Гиппелю.

артистическими. Ему почему-то представляется, что мѣсто его назначенія подъ вліяніемъ католицизма музыкальнѣе его родины, и это его радуетъ. «Мой путь ведетъ въ музыкальную страну,—пишетъ онъ своему другу,—теперь-то я познакомлюсь съ церковною музыкою, и мои композиціи лучше разовьются подъ руководствомъ настоящихъ музыкантовъ», чѣмъ въ Кёнигсбергѣ. Его зудъ художественной дѣятельности также находитъ оригинальное приложеніе: «Только что возвратился изъ іезуитской церкви,—пишетъ онъ тому же адресату,—ее вновь окрашиваютъ, и мнѣ пришла въ голову эксцентричная мысль помогать; это будетъ, вѣроятно, дурно истолковано съ юридической стороны». Не боясь дурного истолкованія, онъ посѣщалъ также и Кармелитскій монастырь: здѣсь онъ встрѣчался съ красивой польской барышней, своей будущей женой *).

Изъ Глогова же Гофману случилось совершить поѣздку по Силезскимъ горамъ и въ Дрезденъ. Красивая, новая для него природа произвела на него очень сильное впечатлѣніе, но любопытно, что его подробное описаніе красотъ горныхъ мѣстностей, водопадовъ и т. п. обнаруживаетъ неумѣніе не только изображать, но даже видѣть художественную сторону пейзажа, о чемъ мы еще будемъ говорить далѣе. Дрезденъ далъ новую пищу его художественной склонности. Музей античной скульптуры оставилъ его совершенно холоднымъ, зато картинная галлерея привлекла все его вниманіе, съ одинаковымъ восторгомъ отзывается онъ о «Ночи» Корреджіо, «Магдалинѣ» Баттони и «Мадоннѣ» Рафаэля. Въ данномъ случаѣ вкусъ его слѣдовалъ общему мнѣнію; теперь эта манерная, мягкотѣлая «Магдалина» давно убрана въ особую залу, гдѣ соединены всѣ бездарности, умилявшія когда-то нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Въ Берлинѣ, куда Гофмана вскорѣ перевели (въ 1798 г.), онъ также искалъ только музыкальныхъ и художественныхъ впечатлѣній. Литература его интересовала мало, и расцвѣтавшее какъ разъ въ то время романтическое направленіе осталось ему пока совершенно неизвѣстнымъ. Въ области живописи его такъ поразила техника новѣйшихъ художниковъ, что онъ рѣшилъ бросить всѣ собственныя попытки творчества и начать учиться съ азбуки, тогда какъ до сихъ поръ считалъ себя уже готовымъ художникомъ. Эти благія намѣренія впрочемъ далеко не пошли, а поразившія его картины и ихъ авторы давно и справедливо забыты. Гораздо болѣе развился его музыкальный вкусъ, такъ какъ ему удалось слышать дѣйствительно хорошую музыку: оперы Глюка и Моцарта тогда не сходили съ репертуара въ Берлинѣ.

---

*) Такъ какъ ея фамилія Trzcińska представляла непреодолимыя трудности для нѣмецкаго языка, то ее пришлось перести на нѣмецкій языкъ Роreръ (trzcina=Rohr=тростникъ). Гризебахъ, очевидно, по ошибкѣ, думаетъ, что Роrеръ—фамилія пріемныхъ родителей жены Гофмана.

Можетъ быть, поэтому именно музыкальный талантъ Гофмана отнынѣ надолго получаетъ преобладаніе надъ всѣми другими.

Дилетантское увлеченіе искусствомъ, не основанное на сильномъ жизненномъ интересѣ, не могло наполнить существованіе даровитаго юноши. Къ тому же его вскорѣ опять услали въ провинцію, въ Познань, гдѣ въ смыслѣ эстетическихъ эмоцій долженъ былъ наступить суровый постъ. Этимъ конечно объясняется та кратковременная полоса жизни Гофмана, которая вызываетъ столь строгія порицанія у его морализирующихъ судей. Онъ закутилъ и не находилъ никакого нравственнаго побужденія скрывать это, на соблазнъ всѣхъ «школьныхъ учителей, проповѣдниковъ, дядюшекъ и тетушекъ». Такимъ образомъ двухлѣтнее пребываніе въ Познани для развитія будущаго писателя пропало даромъ, если не считать накопленія жизненнаго опыта и наблюденія. Упомянуть слѣдуетъ также объ его поѣздкѣ въ Данцигъ для свиданія съ Гиппелемъ. Оригинальный, старинный городъ и его привлекательныя окрестности оставили глубокій слѣдъ въ его воображеніи. Въ ряду готическихъ городовъ, которые Гофманъ впослѣдствіи такъ любилъ изображать въ видѣ фона для своихъ разсказовъ, Данцигу принадлежатъ прелестныя страницы въ повѣсти «Der Artushof». Въ Познани же стала развиваться у Гофмана склонность къ ѣдкой насмѣшкѣ надъ всѣмъ, что не вызывало его уваженія. Эта склонность дорого ему обошлась. Воспользовавшись маскарадомъ, онъ распространилъ среди мѣстнаго beau monde'а злыя каррикатуры на всѣхъ «видныхъ гражданъ», не щадя ни чиновъ, ни званій. Въ художественныхъ достоинствахъ этихъ рисунковъ мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, но фактъ тотъ, что всѣ «отцы города» были узнаны и пришли въ ярость. Командующій мѣстнымъ гарнизономъ генералъ тотчасъ же пожаловался въ Берлинъ, и дерзкаго чиновника послали искупать свою вину въ Плоцкъ. Въ этомъ захолустьѣ молодой человѣкъ, какъ Гофманъ, не перебродившій и не установившійся, могъ бы окончательно погибнуть, если бы ему не пришла счастливая мысль жениться на своей старой знакомой изъ Глогова. На одномъ рисункѣ, относящемся къ тому времени, онъ изображаетъ всѣхъ плоцкихъ обывателей погрузившимися съ головой въ болото,—только онъ самъ подымаетъ еще голову надъ поверхностью. Этимъ онъ обязанъ былъ только своей женѣ. Чувствуя себя изгнанникомъ, поневолѣ замкнувшись въ домашней обстановкѣ, Гофманъ посвящаетъ свой досугъ искусствамъ, литературѣ и чтенію; онъ рисуетъ, компонируетъ, дѣлаетъ попытки выступить на литературное поприще, читаетъ безъ особаго энтузіазма «Мессинскую невѣсту», въ тридцатый разъ, по его выраженію, перечитываетъ «Исповѣдь» Руссо и съ глубокимъ интересомъ знакомится съ Шекспиромъ въ переводѣ Шлегеля. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Гофмана имя Шекспира встрѣчается можетъ быть чаще, чѣмъ какого бы то ни было другого писателя. Въ этотъ же періодъ можно замѣ-

тить у него признаки психопатическихъ аффектовъ: въ своемъ дневникѣ онъ отмѣчаетъ предчувствіе смерти, упоминаетъ о двойникѣ; простодушное суевѣріе жены повидимому усиливало его жуткія чувства: однажды онъ получилъ извѣстіе о смерти дяди, а ночью раздался какой-то странный стукъ въ дверь квартиры, — по объясненію его жены, это дядя приходилъ проститься, и Гофманъ пишетъ объ этомъ совершенно серьезно своему другу.

Наконецъ, стараніями друзей въ Берлинѣ годы изгнанія кончились, и Гофманъ былъ переведенъ въ Варшаву въ 1804 г. совѣтникомъ «регенціи» (высшее въ провинціи судебное мѣсто). Онъ не могъ нарадоваться, очутившись вновь въ большомъ городѣ, гдѣ могъ выбрать себѣ общество по вкусу и найти пищу своимъ артистическимъ интересамъ. Самая оригинальность города, съ его шумною и пестрою уличною жизнью, съ неисчезнувшимъ еще великолѣпіемъ старосвѣтскаго барства, дѣйствовала на воображеніе Гофмана. Онъ бродитъ по улицамъ, любуясь характерными костюмами и типами, рисуетъ или просто мечтаетъ, лежа на травѣ въ прекрасныхъ пригородныхъ королевскихъ паркахъ, усердно посѣщаетъ театры и концерты. Онъ совсѣмъ не чувствуетъ себя прусскимъ чиновникомъ въ недавно подчиненномъ враждебномъ краѣ. Для него не существуетъ политика онѣмеченія, которую прусское правительство проводитъ быстро и безъ колебаній, безъ потрясеній и излишней жестокости, чисто хозяйственными мѣропріятіями, лишенными блеска и завоевательскаго высокомѣрія *); такъ поступаетъ обыкновенно промышленникъ-разночинецъ, скупивъ за безцѣнокъ разоренное барское имѣніе. Съ другой стороны, Гофмана нисколько не угнетало сознаніе, что его окружаетъ общество, ненавидящее его, какъ завоевателя, и презирающее его, какъ нѣмца. Отдѣльныя польскія слова и имена, попадающіяся въ его письмахъ и сочиненіяхъ, показываютъ, что онъ не считалъ своимъ долгомъ ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ языкомъ того народа, среди котораго призванъ былъ творить судъ. Но одна изъ его позднѣйшихъ повѣстей («Обѣтъ») позволяетъ думать, что за свою бытность въ Польшѣ онъ прислушивался къ тому, что дѣлается за предѣлами нѣмецкой чиновничьей среды, довольно правильно понималъ господствовавшее вокругъ настроеніе и безъ предвзятой враждебности оцѣнивалъ кипучій патріотизмъ сподвижниковъ Костюшки.

Между сослуживцами Гофмана было нѣсколько человѣкъ, съ которыми онъ быстро сблизился въ силу одинаковости литературныхъ и артистическихъ стремленій. Между ними былъ извѣстный драматургъ,

---

*) О прусскомъ управленіи польскими землями послѣ раздѣловъ до Наполеоновскаго нашествія см.: *Wlad. Smolenski*, «Rzady Pruskie na ziemiach Polskich», Warszawa 1886; о состояніи польскаго общества за это время см.: *Hr. Fryd. Skarbek* «Dzieje Xiestwa Warszawskiego». Warsz. 1897, t. I, и *Jul. Falkowski*. «Obrazy z zicia kilku ostatnich pokolén w Polsce», Poznan. 1877, t. I.

экстравагантный романтикъ Захаріасъ Вернеръ и упоминавшійся уже ранѣе Гитцигъ. Послѣдній открылъ Гофману глаза на романтическую литературу, главная квартира котораго тогда уже была перéсена изъ Іены въ Берлинъ, а Гитцигъ какъ разъ недавно оттуда пріѣхалъ. Гофманъ съ упоеніемъ зачитывался Тикомъ, Новалисомъ, Брентано, Кальдерономъ въ переводѣ Шлегеля. Таинственность, сказочность, грезы о несбыточномъ, вѣщіе сны, фантастическія экскурсіи въ область сверхматеріальнаго, картины жизни и психологія художниковъ и поэтовъ, — все это издавна было ему близко и мило; свои собственныя мысли, чувства и предчувствія нашелъ онъ въ этихъ чудныхъ книгахъ. Но литераторъ въ немъ еще не открылся. Свою потребность творчества онъ удовлетворялъ музыкой. Онъ написалъ нѣсколько оперъ на текстъ Вернера, Брентано, Кальдерона; одну оперу поставилъ даже на сцену не безъ успѣха. Кромѣ того, среди нѣмецкихъ чиновниковъ основался музыкальный кружокъ, въ которомъ Гофманъ принялъ самое горячее участіе. Онъ нетолько былъ постояннымъ дирижеромъ оркестра, но собственноручно расписывалъ залу въ купленномъ спеціально для кружка палацѣ Мнишковъ; нерѣдко случалось, что просители, желавшіе говорить съ нимъ по судебнымъ дѣламъ, должны были отыскивать его въ этой залѣ на лѣсахъ: онъ сбрасывалъ фартукъ, мылъ руки и тутъ же принимался писать протоколы и акты.

Два года, прожитыхъ Гофманомъ въ Варшавѣ, были, безъ сомнѣнія самыми счастливыми во всей его жизни. Но этому блаженству скоро долженъ былъ наступить неожиданный конецъ,—неожиданный, потому что ни Гофманъ, ни большинство его пріятелей газетъ не читали, политику презирали отъ всей души и не придавали никакого значенія, что тамъ гдѣ-то идетъ война, что союзники проиграли генеральное сраженіе подъ Іеной и что Наполеону открытъ безпрепятственный путь на востокъ. Наконецъ, не оставалось возможности игнорировать внѣшнія событія: русскія войска, отступая, заняли было Варшаву, но затѣмъ очистили ее; нѣмецкое правленіе прекратилось, и польская милиція охраняла порядокъ въ городѣ въ ожиданіи французовъ. Однако, единственное проявленіе патріотизма со стороны чиновниковъ судебнаго вѣдомства заключалось въ томъ, что во избѣжаніе разграбленія непріятелемъ кассы суда они подѣлили наличность ея между собою пропорціонально содержанію каждаго. День занятія Мюратомъ Варшавы (28-го Ноября 1806 г.) былъ, правда, тревожнымъ для оставшихся въ городѣ нѣмцевъ столько же, сколько праздничнымъ для мѣстныхъ жителей, но уже къ вечеру выяснилось, что ни кровопролитія, ни грабежей, ни насилія опасаться нечего. Гофманъ чувствовалъ себя прекрасно: полная свобода отъ службы, которая отнимала досадно много времени отъ его музыкальной дѣятельности, значительная сумма звонкой монеты въ карманѣ и ежедневно самыя занимательныя зрѣлища на улицахъ. Черезъ три недѣли пріѣхалъ въ Вар-

шаву самъ Наполеонъ, и въ городѣ жизнь стала еще оживленнѣе. Концерты и театры чередовались безъ перерыва, и Гофманъ всюду поспѣвалъ, утромъ пѣлъ теноромъ въ Кармелитскомъ костелѣ, вечеромъ былъ занятъ въ своемъ музыкальномъ клубѣ или шелъ въ театръ. Правда, ему пришлось уступить подъ постой свою просторную квартиру и перебраться въ одну комнатку на антресоляхъ надъ клубной залой, но онъ не унывалъ. «Съ обновленной энергіей и съ юморомъ, который мнѣ самому непонятенъ, работаю я теперь надъ новой оперой,—пишетъ онъ Гитцигу, уѣхавшему въ Берлинъ...—Съ тѣхъ поръ, какъ я компонирую, я забываю часто свои заботы (деньги начинали приходить къ концу) и весь міръ, ибо тотъ міръ, который создается изъ тысячи гармоній въ моей комнатѣ, у моего рояля, не терпитъ никакого другого». Самою большою непріятностью для Гофмана въ эту зиму было то, что онъ долженъ былъ иногда уступать свое мѣсто передъ оркестромъ сладкому капельмейстеру Наполеона, Пэру, котораго Гофманъ не выносилъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ вопросу о патріотизмѣ Гофмана, укажемъ тутъ же, что въ самые тяжелые для нѣмецкаго чувства моменты онъ ничѣмъ не проявляетъ своей солидарности съ униженнымъ отечествомъ. Мало того: когда ему впослѣдствіи пришлось пробираться изъ Бамберга въ Дрезденъ черезъ линіи отступающей французской арміи, онъ въ письмѣ къ друзьямъ, излагая свои приключенія, обозначаетъ именемъ «непріятеля» прусскую, австрійскую и русскую арміи, а Наполеона, котораго послѣ осмѣивалъ въ качествѣ Дея, называлъ, какъ всѣ бонапартисты, просто императоромъ. Правда, потомъ онъ говорилъ о всегдашней своей «ненависти къ французамъ», рисовалъ на нихъ каррикатуры и написалъ нѣсколько разсказовъ въ патріотическомъ духѣ. Новѣйшіе біографы Гофмана во что бы то ни стало хотятъ оправдать его отъ обвиненія въ національномъ индифферентизмѣ, но усилія ихъ тщетны: патріотизмъ Гофмана очень хорошо характеризуется ѣдкимъ стихомъ Гейне:

Мы терпѣливо, точно дубъ,
Сносили ихъ нахальство,
Пока къ свободѣ знакъ изъ трубъ
Не подало начальство.

Когда, наконецъ, израсходованы были всѣ денежные рессурсы, пришлось подумать о будущемъ. Положеніе было критическое; о службѣ нечего было и думать: берлинскія газеты взывали къ общественной благотворительности и даже къ Наполеону въ пользу потерявшихъ мѣста чиновниковъ. Для изящныхъ искусствъ сезонъ былъ неподходящій. Послѣ очень тяжелаго года, проведеннаго въ Берлинѣ въ нищетѣ и тревогѣ, Гофману, наконецъ, удалось получить мѣсто капельмейстера въ маленькомъ провинціальномъ театрѣ, въ Бамбергѣ. Съ радостью ѣхалъ онъ туда, думая, что завѣтнѣйшая его мечта, жить

искусствомъ и для искусства, наконецъ, исполнилась, но разочарованіе наступило быстро. Обычныя бѣдствія театральнаго міра, обманы и крахи антрепренеровъ, равнодушіе публики, неразвитость артистовъ, держали Гофмана постоянно въ тискахъ нужды и доставили ему неисчислимыя нравственныя страданія. Онъ принужденъ былъ давать уроки музыки и позналъ всю горечь пролетарія-артиста. Теперь, наконецъ, онъ созрѣлъ для литературной дѣятельности, и ею наполнены послѣднія восемь лѣтъ, которыя ему еще оставалось прожить. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію его произведеній, доскажемъ его біографію.

Промучившись нѣсколько лѣтъ въ Бамбергѣ, а затѣмъ еще нѣкоторое время въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ, встрѣтившись въ Дрезденѣ еще разъ съ Наполеономъ и его капельмейстеромъ Пэромъ, переживъ тревоги бомбардировки, Гофманъ окончательно убѣдился, что судьба вольнаго артиста далеко не сладка, и принялъ опять мѣсто въ берлинскомъ апелляціонномъ судѣ, которое дано было ему вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ его стараго друга, Гиппеля, сдѣлавшагося секретаремъ вліятельнаго канцлера, князя Гарденберга. Съ грустью взялся онъ опять за кипы казенныхъ актовъ, за составленіе заключеній, отношеній, представленій, но положеніе его оказалось лучше, чѣмъ онъ ожидалъ. Работы было не особенно много, писательство его доставляло ему и славу, и деньги, даже музыкальное его творчество увѣнчалось громкимъ успѣхомъ его оперы «Ундины», на текстъ Фуке; вокругъ него составился кружокъ симпатичныхъ ему людей, извѣстный «клубъ Серапіоновыхъ братьевъ»; особенное удовольствіе находилъ Гофманъ въ ежедневныхъ вечернихъ встрѣчахъ въ извѣстномъ берлинскомъ винномъ магазинѣ съ знаменитымъ комическимъ актеромъ Девріентомъ; эти собесѣдованія стали настолько постоянными, а Гофманъ сдѣлался такъ популяренъ, что любознательные иностранцы въ числѣ прочихъ достопримѣчательностей не упускали заглянуть къ «Люттеру и Вегенеру», чтобы увидѣть писателя, имя котораго было окружено легендами объ его остроумныхъ и эксцентрическихъ выходкахъ.

Довольство послѣднихъ лѣтъ жизни Гофмана было омрачено только двумя обстоятельствами: надвигавшеюся тучей неизлѣчимой болѣзней (tabes) и новымъ столкновеніемъ съ историческими событіями. На этотъ разъ, однако, Гофманъ не ограничился ролью пассивной жертвы, а не побоялся быть однимъ въ полѣ воиномъ. Эпизодъ этотъ настолько любопытенъ для пониманія тогдашняго состоянія нѣмецкаго общества и для правильной оцѣнки личности Гофмана, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Въ настоящее время съ трудомъ можно постигнуть недальновидность нѣмецкихъ правительствъ того времени, считавшихъ опасными тѣ идеи, которыя привели къ имперіи 1870 года. Всего удивительнѣе, что такого взгляда держались не мелкія герцогства и курфюршества,

а Пруссія, которая болѣе всего могла бы выиграть и дѣйствительно выиграла отъ общегерманскаго патріотизма общества, тогда же она еще не была увѣрена въ своей гегемоніи и боялась конкуренціи Австріи. Извѣстно, въ чемъ выражалось это революціонно-патріотическое настроеніе: въ ненависти къ парикамъ и косичкамъ, въ ношеніи одежды на манеръ старинной нѣмецкой, въ усиленныхъ упражненіяхъ въ гимнастикѣ, въ пѣніи пѣсенъ Арндта и Кёрнера и т. п. «Оппозиціонными» элементами были гимнастическія общества, руководимыя безтолковымъ энтузіастомъ Яномъ, горячимъ приверженцемъ монархіи и религіи, и студенческія корпораціи, носившія черно-красно-золотые цвѣта и избравшія своимъ девизомъ: frisch, froh, fromm und frei *). «Свобода», которая здѣсь имѣлась въ виду, была весьма неопредѣленнаго характера: отчасти подразумѣвалась свобода отъ иноземнаго владычества подъ вліяніемъ воспоминаній объ изгнаніи французовъ, отчасти—свобода шумныхъ проявленій студенческой удали. Изъ среды молодежи, впрочемъ, выдѣлилась радикальнѣе настроенная кучка, которая рѣшила «съ оружіемъ въ рукахъ» бороться съ «врагами праваго дѣла». Первой и единственной жертвой этихъ дѣтски-наивныхъ заговорщиковъ палъ гофратъ Коцебу, ненавистный патріотамъ, какъ бездарный писатель, наушникъ короля и агентъ русской дипломатіи,—всѣ были увѣрены, что онъ шпіонъ, тогда какъ онъ былъ просто совѣтникомъ русскаго посольства. Тогда-то и началось то гоненіе противъ молодежи, «демагоговъ», науки и печати, которое поражаетъ не столько жестокостью, сколько безсмысленностью и мелочностью. Между прочими мѣрами для борьбы съ «политическими преступленіями» была учреждена особая судебная коммиссія (Jmmediat Kommission zur Untersuchung demagogiszer Umtriebe), и въ число членовъ ея назначенъ былъ и Гофманъ, какъ человѣкъ, относительно образа мыслей котораго не могло быть сомнѣнія. Дѣйствительно, трудно себѣ представить человѣка болѣе индифферентнаго въ политическомъ отношеніи. Свое отношеніе къ буйной студенческой молодежи онъ выразилъ мѣткой, но добродушной сатирой, описавъ собранія молодыхъ котовъ и ихъ неистовой вой, мѣшающій спать добрымъ бюргерамъ **). Котъ Муррь, также вовлеченный въ это опасное для общественнаго порядка движеніе, подслушиваетъ бесѣду своего хозяина, мейстера Абрама съ его знакомымъ профессоромъ о мѣрахъ, какія бы слѣдовало примѣнить противъ безпокойныхъ котовъ. Профессоръ настаиваетъ на строгости, мейстеръ Абрамъ думаетъ напротивъ, что противодѣйствіе только усиливаетъ «безуміе юношески экзальтированныхъ умовъ», ко-

---

*) «Бодръ, веселъ, благочестивъ и свободолюбивъ».

**) Отсюда, конечно, Гейне впослѣдствіи заимствовалъ свою злую насмѣшку надъ молодой Германіей «Jung-Katerverein für Poesie-Musik». Картина собранія на крышѣ протестующихъ молодыхъ котовъ и въ общемъ, и въ частностяхъ совпадаетъ съ Гофманомъ.

торое само собою прошло бы современемъ. «Ну, что касается открытой силы противъ экзальтированныхъ выходокъ,—продолжаетъ профессоръ,—то вы согласитесь со мною, что она должна быть безпощадно примѣняема, разъ эти выходки разрушаютъ порядокъ жизни, и поэтому, возращаясь къ вашему коту Мурру, все же очень хорошо, что, какъ я слышалъ, добрые шпицы (шпицами по-нѣмецки въ переносномъ смыслѣ называютъ полицію) разогнали проклятыхъ котовъ, которые такъ звѣрски распѣвали и при этомъ воображали себя ни вѣсть какими виртуозами».—«Смотря по тому, какъ на это смотрѣть,—возразилъ хозяинъ;—если бы имъ позволили пѣть, можетъ быть, они сдѣлались бы на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ они себя ошибочно уже считали, именно—дѣйствительно хорошими виртуозами, тогда какъ теперь они, быть можетъ, въ корнѣ сомнѣваются въ истинной виртуозности».

Болѣе или менѣе въ такомъ же смыслѣ высказывается Гофманъ уже безъ иносказаній, извѣщая своего друга Гиппеля о своемъ назначеніи въ вышеупомянутую судебную коммиссію: «Какимъ ты меня знаешь, ты легко себѣ представишь мое настроеніе, когда передъ моими глазами развернулась цѣлая сѣть пагубнаго произвола, дерзкаго пренебреженія всѣхъ законовъ, личной ненависти! Тебя мнѣ, конечно, не нужно увѣрять, что я, какъ и всякій справедливый человѣкъ, одушевленный истиннымъ патріотизмомъ, былъ убѣжденъ и теперь убѣжденъ, что надо было положить предѣлъ безумнымъ выходкамъ нѣсколькихъ молодыхъ сумасбродовъ, тѣмъ болѣе, что эти выходки начали самымъ ужаснымъ образомъ врываться въ жизнь!..» Онъ указываетъ на студенческое общество «черныхъ» въ Гиссенѣ, въ которомъ именно и выработались террористическіе взгляды, и на убійство Коцебу, какъ слѣдствіе этихъ взглядовъ. «Тутъ было вполнѣ своевременно прибѣгнуть со всею строгостью къ наказанію и противодѣйствію указанными закономъ средствами. Но вмѣсто того примѣнены были мѣры, направленныя не только противъ поступковъ, но противъмнѣній».

На Гофмана разсчитывали, какъ на отъявленнаго консерватора, но при этомъ не приняли во вниманіе, что онъ, какъ юристъ, привыкъ уважать законъ и свою судейскую совѣсть, а какъ писатель и человѣкъ, и человѣческое достоинство. Вскорѣ послѣ убійства Коцебу, въ числѣ многихъ былъ арестованъ и гимнастъ Янъ, противъ котораго имѣлись лишь весьма сомнительныя свидѣтельства, будто онъ допускаетъ политическое убійство, а также высказывалъ когда-то «преступную тенденцію ниспровергнуть всѣ существующія формы нѣмецкихъ государствъ и соединить всю Германію въ большую республику». Гофману было поручено составить докладъ по этому дѣлу. Спокойнымъ тономъ, со всѣмъ аппаратомъ юридическихъ аргументовъ докладчикъ, выяснилъ всю несостоятельность данныхъ, почерпнутыхъ, главнымъ образомъ, изъ доносовъ нравственно нечистоплотныхъ лицъ, и пришелъ къ заключенію, что Янъ долженъ

быть немедленно освобожденъ. Конечно, это вовсе не входило въ намѣренія инициаторовъ суровыхъ мѣръ, и заключенію Гофмана не придали значенія. Коммиссія нѣсколько разъ настаивала на приведеніи въ исполненіе заключенія Гофмана и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, известила министра юстиціи (представленіе это принадлежитъ также Гофману): «Буде и это повторительное представленіе будетъ оставлено безъ послѣдствій, мы увидимъ себя вынужденными всеподданнѣйше просить его величество, короля, возстановить значеніе даннаго намъ по высочайшему повелѣнію положенія, ибо иное положеніе, при коемъ принятыя нами на основаніи добросовѣстнаго убѣжденія рѣшенія оставались бы безсильными, какъ несовмѣстимое съ нашею должностью судей, заставило бы насъ немедленно просить объ увольненіи изъ порученной намъ судебной коммиссіи». Эта бумага также осталась бы подъ сукномъ, если бы защитникъ Яна не извѣстилъ о ней короля письменно. Тогда послѣдовалъ указъ—освободить Яна изъ подъ предварительнаго заключенія и опредѣлить ему мѣстомъ жительства крѣпость Кольбергъ.

Одновременно и въ связи съ дѣлопроизводствомъ въ судебной коммиссіи, въ общихъ судебныхъ инстанціяхъ велось другое дѣло. Тотчасъ послѣ ареста Яна въ газетахъ появилась замѣтка, въ которой ему приписывалось подстрекательство молодежи къ убійству чиновниковъ. Янъ привлекъ къ суду автора замѣтки, каковымъ оказался дѣйствительный тайный совѣтникъ Кампцъ, главный инициаторъ всей травли. Дѣло опять попало въ руки къ Гофману, какъ совѣтнику апелляціонной камеры; онъ далъ заключеніе, что жалоба Яна имѣетъ полное основаніе, и назначилъ день судебнаго разбирательства. Министръ юстиціи предлагаетъ суду отмѣнить это постановленіе и отказать Яну въ принятіи жалобы, такъ какъ де Кампцъ дѣйствовалъ не какъ частное, а какъ должностное лицо. На это Гофманъ возражаетъ, съ указаніемъ точнаго текста закона, что доказанное обстоятельство не освобождаетъ Кампца отъ отвѣтственности. На вторичное требованіе министерства Гофманъ вновь настаиваетъ на томъ, что «и высшіе государственные чиновники не стоятъ внѣ закона» и «что только его величество король лично имѣетъ власть по высшимъ государственнымъ соображеніямъ пріостановить дѣйствіе закона». Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ слишкомъ ограниченный человѣкъ, чтобы быть въ состояніи понять точку зрѣнія справедливости, и безъ колебанія подтвердилъ распоряженіе министра объ отказѣ Яну, прибавивъ къ этому, что судъ могъ бы усмотрѣть и изъ указанія министра, что жалоба Яна неосновательна.

Еще третій разъ долженъ былъ король услышать про Гофмана. Дѣло Яна и другія подобныя беззаконія, которыя ему пришлось наблюдать, раззадорили его сатирическую жилку, и онъ задумалъ вставить въ одинъ изъ своихъ фантастическихъ разсказовъ эпизодъ слѣдствія надъ

мнимыми преступниками. Его высокопоставленные противники, зная отлично, какъ ему удаются подобные портреты, всполошились не на шутку. Было наряжено слѣдствіе, рукопись Гофмана была вытребована отъ издателя, авторъ былъ найденъ виновнымъ, такъ что, по заключенію докладчика, слѣдовало воспретить ему совершенно литературную дѣятельность и перевести его въ Инстербургъ, маленькій городишка въ Восточной Пруссіи. Только благодаря заступничеству того же неизмѣннаго друга Гиппеля и въ виду согласія Гофмана вычеркнуть изъ рукописи весь «преступный» этюдъ, король ограничился приказаніемъ объявить автору выговоръ за нарушеніе служебной тайны.

Этотъ приговоръ засталъ Гофмана на одрѣ болѣзни, съ котораго ему уже не суждено было подняться. Его живой умъ, тонкая наблюдательность и любовь къ жизни были въ полной силѣ, когда тѣло отказалось служить. Онъ умеръ въ 1822 году, 46 лѣтъ отъ роду.

II.

Художественное богатство и историко-литературное значеніе произведеній Гофмана вполнѣ заслуживали бы спеціальнаго изслѣдованія, въ которомъ бы они анализировались шагъ за шагъ въ ихъ хронологической послѣдовательности въ связи съ біографіей автора. Эта работа еще не выполнена. Мы принуждены ограничиться выдѣленіемъ лишь главныхъ составныхъ элементовъ его творчества въ его цѣломъ и потому должны были отдѣлить критическую часть нашего этюда отъ біографической. Несмотря на широкую популярность Гофмана въ послѣдніе годы его жизни и долго послѣ смерти, едва ли можно отрицать, что онъ, какъ писатель, принадлежалъ къ числу непонятыхъ. Слишкомъ геніальна была странная внѣшность его разсказовъ, которою онъ мистифицировалъ свою простодушную публику. Издатели всякихъ «карманныхъ альманаховъ», модныхъ и дамскихъ журналовъ заваливали его спросомъ, читатели упивались его жуткими исторіями и отъ души смѣялись надъ смѣшными чудаками, которыми онъ ихъ угощалъ, но только очень немногіе чувствовали и понимали, что въ этихъ сумашедшихъ бредахъ и полночныхъ привидѣніяхъ онъ искалъ разгадки тайнъ природы, что шутовскія гримасы бо̀льшею частью служили лишь выраженіемъ злой насмѣшки художника надъ пошлостью человѣческаго міра. «Надъ кѣмъ смѣетесь?—Надъ собой смѣетесь!» могъ сказать имъ Гофманъ, но онъ этого не говорилъ, а предоставлялъ людямъ смѣяться «надъ тѣмъ, что кажется смѣшно», и предпочиталъ сохранять инкогнито своей артистической души. Какъ мало отзвука встрѣчалъ онъ среди окружающихъ своимъ задушевнѣйшимъ чувствамъ, можетъ показать слѣдующій маленькій эпизодъ. У Гофмана былъ котъ, съ котораго онъ срисовалъ своего философствующаго Мурра. Этотъ котъ былъ ему дорогъ, потому что съ нимъ соединено было столько

творческихъ часовъ; свойственная Гофману фантазія видѣла въ немъ дѣйствительно разумное существо, товарища и сотрудника. О людяхъ онъ былъ вообще столь невысокаго мнѣнія, что ему вовсе не казалось страннымъ поставить рядомъ съ ними такое умное животное. И вотъ этотъ котъ умеръ. Гофманъ разослалъ всѣмъ своимъ пріятелемъ слѣдующій комическій анонсъ: «Въ ночь съ 29 на 30 ноября послѣ краткихъ, но тяжкихъ страданій заснулъ для лучшаго бытія мой возлюбленный воспитанникъ, котъ Мурръ, на четвертомъ году полной надеждъ жизни, о чемъ я съ почтеніемъ увѣдомляю сочуствующихъ доброжелателей и друзей. Кто зналъ покойнаго юношу, найдетъ законнымъ мое глубокое горе и почтитъ его молчаніемъ». Въ тотъ же день онъ встрѣтилъ Гитцига и, зазвавъ его въ первый попавшійся ресторанъ, старался объяснить ему, какъ онъ глубоко потрясенъ предсмертными страданіями своего любимца, какъ этотъ «смотрѣлъ на него человѣческими глазами» и какимъ пустымъ кажется ему теперь домъ. Гитцигъ сочувственно пожалъ ему руку и сказалъ: «Ваша записка приложена уже къ документамъ, которые я о васъ собираю, и ваши теперешнія сердечныя изліянія также не будутъ забыты. Если я васъ переживу, то напишу вашу біографію, и то, и другое найдетъ тамъ мѣсто». На это Гофманъ не сказалъ своему самодовольному пріятелю, что онъ бездушный педантъ, который цѣнитъ живыя чувства лишь постольку, поскольку они служатъ матеріаломъ для книжки,—онъ тотчасъ же замкнулся въ себѣ и прибавилъ только: «Ахъ, вы меня, навѣрное, переживете!»

Еще печальнѣе былъ опытъ Гофмана, когда онъ стоялъ передъ этими пустыми людьми въ качествѣ артиста. Страницы, посвященныя имъ психологіи художника, котораго гнететъ съ одной стороны равнодушіе и непониманіе публики, а съ другой стороны—безсиліе дать образъ своему идеалу, принадлежатъ къ шедеврамъ европейской литературы. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, онъ непосредственно примыкаетъ къ представленіямъ, выработаннымъ уже раньше него нѣмецкой романтикой. Но такъ же, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, Гофманъ дѣлаетъ смѣлый шагъ впередъ и даетъ живые художественные образы тамъ, гдѣ у другихъ его сверстниковъ и предшественниковъ мы находимъ только безплодныя потуги и блѣдные фантомы. Штернбальдъ Тика и Генрихъ фонъ-Офтердингенъ Новалиса, передъ которыми Гофманъ по своей скромности преклонялся съ восхищеніемъ, кажутся раскрашенными куклами въ сравненіи съ капельмейстеромъ Крейслеромъ. Желая изобразить артиста, романтики стремились придать ему какъ можно болѣе возвышенности, поэтичности, безукоризненности. Гофманъ не боится оставить своему герою нетолько человѣческіе размѣры, но даже иногда смѣшныя стороны. Его Крейслеръ не царственный геній, предъ вдохновеніемъ котораго умолкаетъ проза и суета мірская, а несчастный учитель музыки провинціальнаго городка, въ обязанности котораго входитъ, помимо обученія бездарныхъ подро-

стковъ и праздныхъ барышенъ, еще являться «на чашку чаю» въ дома мѣстнаго beau monde'a, выслушивать пошлыя эстетическія сужденія и аккомпанировать дилетантамъ, завывающимъ, къ всеобщему, восторгу модные итальянскіе романсы. Въ отместку онъ на просьбу «сыграть что-нибудь» играетъ безъ передышки тридцать варіацій Баха, такъ что, въ концѣ концовъ, все общество обращается въ бѣгство, и только лакей Готлибъ, оказавшійся музыкальнѣе господъ, сочувственно слушаетъ Крейслера, подливаетъ ему вина и вставляетъ новыя свѣчи.

Въ вопросѣ любви Гофманъ налагаетъ на своихъ музыкантовъ, художниковъ и поэтовъ чрезвычайно неудобоносимыя бремена. Имъ позволено влюбляться, это даже желательно, потому что даетъ особый подъемъ ихъ вдохновенію, но жениться или, вообще, испытывать человѣческое счастье имъ воспрещено, любимая женщина должна оставаться для нихъ ombra adorata (обожаемый тѣнью), и имъ предоставляется только страдать и злиться, когда какой-нибудь толстосумъ или филистеръ займетъ то мѣсто, которое они не хотѣли завоевать. Этотъ старый мотивъ, противоположеніе поэзіи вдохновеннаго обожанія и прозы земной любви, разработанъ Гофманомъ многократно въ различныхъ комбинаціяхъ. Въ первыхъ «Kreisleriana» и въ примыкающемъ сюда же разсказѣ собаки Берганца дается только психологія подобнаго положенія. Въ прелестной сказкѣ о «Золотомъ горшкѣ» изображается борьба между прозой и поэзіей. Молодой человѣкъ, съ задатками поэта, въ дѣйствительной жизни на каждомъ шагу попадающій впросакъ, колеблется между двумя чувствами: ему нравится, и не безъ взаимности, простая и милая дѣвушка, которая мечтаетъ о томъ, что ея мужъ будетъ гофратомъ, что молодые люди будутъ заглядываться на нее, когда она будетъ молодой дамой, и что она будетъ ходить на чашку чаю къ такимъ же интереснымъ и милымъ дамамъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его неудержимо влечетъ къ какой-то таинственной, ему самому непонятной «зеленой змѣйкѣ», въ которой воплощена поэзія. Сумасбродства, совершаемыя имъ подъ вліяніемъ этой странной страсти, никогда не позволятъ ему стать гофратомъ и отталкиваютъ отъ него всѣхъ здравомыслящихъ людей; его невѣста выходитъ замужъ за менѣе интереснаго, но болѣе положительнаго гофрата, а сумасбродный мечтатель соединяется со своею сказочною возлюбленной въ сказочномъ дворцѣ, недоступномъ для гофратовъ и ихъ благонравныхъ супругъ. Его счастье не разрушается, потому что его возлюбленная есть сама поэзія, а не смертная женщина, которая только на извѣстномъ разстояніи можетъ казаться символомъ поэзіи. Отъ незнанія этой истины гибнетъ молодой художникъ Бертольдъ («Іезуится церковь въ Г.»). Полный колебаній, въ поискахъ за истиннымъ путемъ въ искусствѣ отправляется онъ въ Италію. Его талантъ раскрылся только тогда, когда мимолетная встрѣча съ знатной дѣвушкой создала въ его душѣ идеалъ красоты. Онъ пишетъ великую картину Мадонны. Но вотъ въ кровавыхъ перипетіяхъ

неаполитанской революціи ему удается спасти свою возлюбленную отъ смерти. Изъ благодарности она становится его женой и переноситъ ради него всю нищету и всѣ бѣдствія, связанныя съ положеніемъ жены безвѣстнаго художника. Но его вдохновеніе изсякло. Она теперь терпѣливо позируетъ передъ нимъ, а онъ безплодно бьется надъ своей картиной: тѣ черты, которыя прежде, когда онъ срисовывалъ ихъ съ созданнаго въ его памяти идеала, получали такой вдохновенный отпечатокъ божественности, теперь слагаются только въ прекрасный портретъ обыкновенной женщины. Бертольдъ бросаетъ искусство и семью, которая гибнетъ въ какой-то загадочной катастрофѣ, и зарабатываетъ свое существованіе простыми малярными работами, между прочимъ, какъ разъ въ той іезуитской церкви, въ Глоговѣ, гдѣ когда-то самъ Гофманъ помогалъ малярамъ. Еще въ одной повѣсти («Невѣста по жребію») молодой художникъ напрягаетъ всѣ силы, домогаясь руки любимой имъ дѣвушки; когда же ему, наконецъ, удается устранить всѣ препятствія и онъ становится счастливымъ женихомъ, онъ постепенно охладѣваетъ и возвращается къ своему искусству, уступая свои надежды на семейное счастье прозаическому чиновнику. Самъ Крейслеръ въ «Котѣ Муррѣ» чуть не постригается въ монахи, убѣгая отъ опошленія своей любви обыкновеннымъ бракомъ. Такимъ образомъ, то, что вначалѣ было простымъ воспроизведеніемъ часто встрѣчающагося факта, постепенно становится догматомъ артистической жизни. Эта излюбленная Гофманомъ тема никогда не вырождается у него въ шаблонъ, какъ многія романтическія формулы у его современниковъ, а въ большинствѣ случаевъ даетъ живыя реальныя картины. И дѣйствительно для автора это было не апріорное положеніе, полученное путемъ силлогизмовъ или вычитанное изъ книгъ: онъ самъ пережилъ такую «артистическую» любовь въ Бамбергѣ къ одной изъ своихъ учениць. Гофманъ сознательно и съ большой силой воли стремился сохранить этому увлеченію чистыя формы и никогда не поддавался желанію видѣть въ своей Юліи нѣчто другое, кромѣ музы.

Особеннымъ отпечаткомъ жизненности отмѣчены всѣ повѣсти, въ которыхъ выведены артисты, вслѣдствіе того, что авторъ зналъ и понималъ искусство, не какъ любитель, а какъ самостоятельный художникъ, для котораго психологія творчества и техника, и условія исполненія не имѣли секретовъ. Это особенно относится къ области музыки. Мы не имѣемъ возможности судить о немъ, какъ о композиторѣ, и можемъ только основываться на мнѣніи Эллингера *), подробно разсматривающаго этотъ вопросъ и признающаго Гофмана выдающимся и несправедливо забытымъ композиторомъ. Но какъ глубоко чувствовалъ онъ и тонко цѣнилъ все великое въ этой области, показываютъ многочисленныя мѣста его произведеній, гдѣ онъ анализируетъ Глюка, Мо-

*) Въ упомянутой раньше критико-біографической работѣ.

царта, Бетховена, Вебера. Его критическая статья «Объ инструментальной музыкѣ Бетховена» есть, на-ряду съ Шуманомъ, одно изъ капитальныхъ произведеній въ литературѣ объ этомъ величайшемъ геніи музыки; самъ Бетховенъ обратилъ вниманіе на статью неизвѣстнаго ему критика: впечатлѣніе, произведенное ею, было настолько прочно, что еще нѣсколько лѣтъ спустя, воспользовавшись случаемъ, Бетховенъ пересылаетъ Гофману выраженія своей симпатіи и благодарности. Раньше Гофмана всѣ романтики также очень часто вплетали музыку въ свои произведенія: ихъ герои и героини даже злоупотребляютъ пѣніемъ, игрой на лютнѣ, а также на валторнѣ, которая почему-то считалась особо романтическимъ инструментомъ. Но описанія этихъ музыкальныхъ изліяній никогда не выходятъ у нихъ изъ самыхъ заѣзженныхъ общихъ мѣстъ, тогда какъ, читая у Гофмана описаніе игры Глюка или Крейслера, или пѣніе одной донны Анны въ «Донъ-Жуанѣ», нельзя не чувствовать, что здѣсь, какъ въ стихотвореніяхъ Гёте, мы имѣемъ изображеніе индивидуальнаго, пережитаго момента. Такъ передавать словами впечатлѣнія, вызываемыя звуками, такъ «настраивать» читателя умѣлъ впослѣдствіи развѣ только Тургеневъ,—зависимость его въ одномъ случаѣ отъ Гофмана была нами уже указана.

Менѣе увлекателенъ Гофманъ, когда онъ говоритъ о картинахъ и рисункахъ. Мы уже упоминали объ его собственныхъ попыткахъ въ графическихъ искусствахъ. Репродукціи его рисунковъ у Гитцига и въ собраніи сочиненій даютъ полное право сказать, что Гофманъ совершенно не овладѣлъ технической стороной рисованія, хотя нельзя отрицать въ его шаржированныхъ портретахъ извѣстной доли характерности. Эту сторону онъ понималъ лучше всего и у другихъ; не даромъ онъ такъ былъ увлеченъ старинными рисунками француза Калло, которые именно и отличаются выразительною энергіей линій. Надо сказать, что все предшествующее и современное Гофману нѣмецкое искусство было крайне ничтожно, за исключеніемъ нѣсколькихъ рисовальщиковъ, какъ Карстенсъ, а особенно граверъ Ходовецкій, съ которымъ Гофманъ чувствуетъ свою родственность. Пониманіе стараго итальянскаго искусства еще также было слабо въ его время, поэтому и не удивительно, что онъ безъ особой глубины судитъ о картинахъ. Такъ, напр., на него произвела очень сильное впечатлѣніе довольно ничтожная картинка въ «залѣ Артура» (биржѣ), въ Данцигѣ, и внушила ему даже прелестный въ другихъ отношеніяхъ разсказъ «Der Arturhof». Вмѣстѣ со всѣми романтиками онъ преклоняется предъ дикими пейзажами Сальватора Розы, которые приводятъ въ такое негодованіе Рёскина своею противоестественностью. Но и въ этой области онъ далеко оставляетъ за собою романтиковъ, у которыхъ очень мало была развита зрительная способность. Въ природѣ они видѣли только банальныя «красоты», розовые закаты, золотые восходы, голубыя рѣки, зеленыя деревья и особенно много лунныхъ ночей, — вотъ

обычные ингредіенты ихъ пейзажей. У Гофмана также найдется достаточно подобныхъ банальностей въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя носятъ болѣе романтическій характеръ, какъ, напр., въ «Элексирахъ дьявола», въ нѣкоторыхъ эпизодахъ «Кота Мурра» и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ видѣлъ и смѣшную сторону этихъ картинъ. «Какъ вы относитесь къ красотамъ природы? Я такъ на этомъ собаку съѣлъ», говаривалъ онъ съ обычной ироніей. Если у него не было чувства большихъ пространствъ, зато онъ прекрасно наблюдалъ и тонко воспроизводилъ отдѣльныя фигуры, характерныя детали, особенно выраженія лица. Всѣ его чудаки, франты, старыя кокетки такъ и рисуются, какъ живые, въ воображеніи читателя и представляютъ весьма благодарный матеріалъ для иллюстратора *). Съ удивительнымъ проникновеніемъ умѣлъ онъ читать по внѣшности психологію и біографію человѣка. Когда параличъ уже приковалъ его къ креслу, онъ часами наблюдалъ изъ своего окна жизнь люднаго рынка (Gendarmenmarkt), разстилавшагося передъ его домомъ, и безподобно описалъ свои впечатлѣнія въ маленькомъ діалогѣ «Des Vetters Eckfenster». Онъ не рисуетъ здѣсь общей картины, его не занимаетъ живописность свѣтовыхъ и красочныхъ эффектовъ,—онъ вглядывается въ каждую отдѣльную торговку, устанавливаетъ ихъ взаимныя отношенія, разсказываетъ своему случайному гостю цѣлыя сочиненныя имъ исторіи о прохожихъ

Мы указали выше на банальность пейзажа у Гофмана. Но таковъ онъ до самаго послѣдняго времени оставался во всей нѣмецкой живописи. Лишь подъ вліяніемъ французовъ и англичанъ народился у нѣмцевъ реальный пейзажъ, зато олицетвореніе получаемыхъ отъ природы впечатлѣній, повидимому, издавна свойственно нѣмецкому искусству. Теперь, когда этотъ своеобразный родъ живописи получилъ классическое выраженіе подъ кистью Бёклина, любопытно прослѣдить, какъ онъ давно подготовлялся, и въ художественной литературѣ раньше, чѣмъ въ пластикѣ. Мы не можемъ здѣсь останавливаться подробно на этомъ вопросѣ, который заслуживалъ бы спеціальнаго разсмотрѣнія,—ограничимся нѣсколькими характерными моментами. Уже «Лѣсной Царь», несомнѣнно, даетъ картину, которая могла бы совершенно естественно занять мѣсто рядомъ съ «Лѣсною тишиною» и десятками подобныхъ жуткихъ картинъ Бёклина. Романтики, хотя не создали такихъ образцовъ, но обнаружили такую же тенденцію; Новалисъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что природу лучше всего было бы изображать въ видѣ дріады, ореады и т. п. Тикъ въ «Штернбальдѣ» высказываетъ подобныя же мысли; одинъ юноша говоритъ, что если бы онъ былъ художникомъ, то онъ «изображалъ бы пустынныя, наводящія

*) Между прочимъ къ одному сборнику французскихъ переводовъ изъ Гофмана сдѣланы иллюстраціи знаменитымъ Гаварни. «Contes fantastiques» de *Hoffmann*, traduction nouvelle par. P. Christian. Paris 1843.

ужасъ мѣстности, сгнившіе полуразрушенные мосты, переброшенные между двумя крутыми утесами надъ пропастью, на днѣ которой шумитъ пѣнящійся лѣсной потокъ; я изображалъ бы заблудившихся путешественниковъ, мокрыя одежды которыхъ развѣваются по вѣтру, страшныя разбойничьи лица, выглядывающія изъ ущелій, ограбленные экипажи, борьбу съ путешественниками». У Гофмана находимъ такую картину: «Духъ взглянулъ на воду, тогда она шевельнулась и забушевала пѣнящимися валами, и съ грохотомъ ринулась въ бездны, которыя разинули свои черныя пасти, чтобы поглотить ее съ жадностью. Какъ ликующіе побѣдители, гранитные утесы подняли свои зубцами увѣнчанныя головы, охраняя долину, пока ее не приняло солнце въ свое материнское лоно и баюкало, и грѣло ее, обнимая своими лучами, какъ пылающими объятіями»... («Золотой горшокъ»). Въ другомъ мѣстѣ («Невѣста по жребію»), художникъ рисуетъ съ натуры группу деревьевъ. Случайный зритель восклицаетъ: «Вѣдь это вовсе уже не деревья, а нѣчто совсѣмъ другое!» Художникъ сначала удивленъ, а зритель продолжаетъ: «Мнѣ кажется, изъ густыхъ листьевъ выглядываютъ разнообразнѣйшія фигуры, то геніи, то странныя животныя, то молодыя дѣвушки, то цвѣты. А вѣдь цѣлый рисунокъ долженъ былъ изобразить только вонъ ту группу деревьевъ противъ насъ, сквозь которую такъ прелестно просвѣчиваютъ лучи заходящаго солнца». Художникъ очень доволенъ, что его рисунокъ вышелъ именно такимъ... «Я понимаю,—сказалъ зритель сухо и холодно,—вы хотѣли отдохнуть отъ настоящей этюдной работы, развлечься и подкрѣпиться милой игрой своей фантазіи». — «Нисколько! — утверждаетъ художникъ. — Именно такой способъ рисованія съ натуры я считаю своимъ лучшимъ, полезнѣйшимъ способомъ дѣлать этюды. Такими этюдами я вношу въ пейзажъ истинно-поэтическій, фантастическій элементъ. Пейзажистъ долженъ быть поэтомъ столько же, сколько историческій живописецъ, иначе онъ вѣчно останется мазилкой». Другой художникъ (Бертольдъ, «Іезуитская церковь») слышитъ голосъ природы: «Внемли, внемли, посвященный! Услышь стихійные голоса мірозданія, которые принимаютъ форму существъ, доступныхъ твоему воспріятію». Сопоставимъ теперь эту точку зрѣнія на природу съ разсказомъ о Бёклинѣ, который долго бился надъ картиной, изображающей скалистый, горный пейзажъ, и никакъ не могъ достигнуть желаннаго настроенія, пока, наконецъ, ему не пришло въ голову написать дракона, свѣшивающагося черезъ вершину утеса. Здѣсь мы имѣемъ и объясненіе, почему художники не ограничиваются воспроизведеніемъ дѣйствительности: потому что они не въ силахъ воспроизвести всю силу производимаго ею впечатлѣнія.

Острота зрительнаго воображенія давала Гофману еще одно преимущество передъ современными ему писателями романтической школы. Интересъ къ быту и искусству нѣмецкихъ среднихъ вѣковъ восходитъ еще къ Гердеру и къ молодымъ годамъ Гёте, но съ конца 70-хъ го-

довъ XVIII столѣтія этотъ интересъ становится эпидемической модой. Вакенродеръ вмѣстѣ съ Тикомъ влюбились въ «кривыя улицы» Нюрнберга, и ихъ пропаганда сдѣлала изъ него нѣчто вродѣ романтической Мекки. А. В. Шлегель канонизировалъ это увлеченіе: «Наша поэзія,—говоритъ онъ,—должна быть рыцарской или мѣщанской; подобно поэзіи миннезингеровъ и Ганса Сакса, она должна быть національной или въ идеалистическомъ, или въ реалистическомъ значеніи». Гофманъ всецѣло примыкаетъ къ этому увлеченію. Но въ то время, какъ Новалисъ, Ламоттъ-Фуке и даже Тикъ искали въ прошломъ идеалистическаго національизма, Гофманъ трактовалъ его реалистически. Его тоже манили старинные города. Вслѣдъ за Вакенродеромъ и Тикомъ онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Бамбергѣ, чтобы сдѣлать экскурсію въ Нюрнбергъ, и также поддался поэзіи его «кривыхъ улицъ». И дѣйствительно, даже теперь, когда родина Альбрехта Дюрера, Ганса Сакса и Петра Фишера стала однимъ изъ самыхъ людныхъ промышленныхъ центровъ южной Германіи, нельзя не испытывать обаянія этого живого художественно-историческаго музея. Самый Бамбергъ, чудный городокъ въ чудной окрестности, также богатъ художественной стариной, даже гораздо болѣе сѣдой, чѣмъ Нюрнбергъ, но характерно, что Гофманъ, который не разъ избираетъ Бамбергъ мѣстомъ дѣйствія своихъ разсказовъ (напр., въ «Элексирахъ дьявола»), также какъ и всѣ романтики, гораздо больше цѣнитъ позднюю готику, такъ называемый нѣмецкій ренессансъ Нюрнбергскихъ церквей, чѣмъ величественный въ своей простотѣ романскій стиль Бамбергскаго собора,—по крайней мѣрѣ Гофманъ о немъ нигдѣ не упоминаетъ. О впечатлѣніи, которое на него произвела въ своемъ родѣ замѣчательная старина Данцига, мы уже упоминали. Увлеченный, однако, живописностью этихъ старинныхъ очаговъ культурной жизни, онъ не вноситъ туда какого-нибудь общественнаго идеала; Вакенродеръ убѣгалъ подъ готическія стѣны, ища тамъ благочестія въ противовѣсъ индифферентизму вѣка просвѣщенія; Тикъ рисовалъ себѣ тамъ вольную артистическую жизнь, не похожую на прозаическую мѣщанскую современность; Новалисъ также видѣлъ лишь въ среднихъ вѣкахъ условія для существованія истинной поэзіи; Фуке противопоставлялъ измельчавшему въ торгашествѣ человѣчеству красивое, отважное, великодушное и благочестивое рыцарство. Гофманъ же, если не считать неудачнаго разсказа «Состязанія пѣвцовъ», гдѣ весьма невыгодно отражается совмѣстное вліяніе Новалиса и Фуке, совершенно чуждъ архаическихъ тенденцій. Нюрнбергскій «Бочаръ Мартинъ и его подмастерья» такіе же живые люди, какихъ авторъ наблюдалъ кругомъ себя, и совсѣмъ не имѣютъ намѣренія кого-нибудь поучать или служить кому-нибудь примѣромъ. Въ изображеніи давно прошедшей жизни Гофманъ не фантазируетъ, а придерживается своихъ источниковъ, которые онъ большею частью простосердечно указываетъ, вовсе не стремясь при этомъ

щеголять археологической эрудиціей. Нельзя поэтому ставить ему въ вину, что цеховой бытъ XVI вѣка представлялся ему въ нѣсколько иныхъ краскахъ, чѣмъ рисуетъ его современная наука. Но этотъ бытъ интересовалъ его не самъ по себѣ, а какъ couleur locale, какъ обстановка, которую онъ всегда любитъ тщательно отдѣлать. Съ такою же любовью переносится онъ въ Парижъ временъ Людовика XIV («Мадамъ Скюдери»), въ Римъ XVII вѣка («Синьоръ Формика») или въ Венецію временъ Марино Фаліеро («Дожъ и догаресса»). Всюду онъ хочетъ достигнуть только наглядности. Отсутствіе исключительнаго пристрастія къ средневѣковой старинѣ подтверждается еще и тѣмъ, что онъ охотно избираетъ рамкой для своихъ разсказовъ не только нарядный живописный Дрезденъ («Золотой горшокъ» и нѣсколько разсказовъ, связанныхъ съ воспоминаніями о французахъ), но даже Берлинъ («Невѣста по жребію», «Заблужденія» и «Пустой домъ» и др.), который еще Гейне находитъ слишкомъ прозаическимъ съ его «густымъ пескомъ и жидкимъ чаемъ». Въ точной локализаціи, въ конкретности обстановки дѣйствія и заключается одна изъ отличительныхъ прелестей литературной манеры Гофмана.

Чрезвычайный эффектъ получается, когда въ эту вполнѣ опредѣленную, въ высшей степени реально описанную обстановку вдвигаются вдругъ совершенно фантастическія, или, по крайней мѣрѣ, маловѣроятныя происшествія. Силы, нарушающія обыденный порядокъ вещей въ повѣстяхъ Гофмана, имѣютъ весьма разнообразную природу. Прежде всего сюда нужно отнести явленія, которыя по существу своему не заключаютъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго; таинственность въ такихъ случаяхъ происходитъ лишь отъ загадочности, пока не выясняется истинная связь событій. Тогда предъ читателемъ развертывается обыкновенно цѣлая сѣть ужасныхъ преступленій, исключительныхъ случайностей на почвѣ какой-нибудь необычной наслѣдственности или психопатологіи. Сюда относятся «Элексиры дьявола» и романическая часть «Кота Мурра», и надо признать, что въ наше время такія произведенія и эпизоды кажутся наиболѣе устарѣвшими и романичными въ худшемъ значеніи слова *). Здѣсь интрига бываетъ такъ невѣроятно запутана, что читатель не въ состояніи бываетъ слѣдить за нею, и у самаго автора не хватаетъ памяти объединить и объяснить всѣ подробности событій: многія изъ нихъ, очевидно неумышленно, такъ и остаются неясными. Затѣмъ слѣдуютъ разсказы, въ которыхъ дѣйствуютъ наблюдаемыя, но неизслѣдованныя еще силы природы.

Въ эпоху романтизма необыкновенно распространенъ былъ интересъ къ явленіямъ, которыя, казалось, стояли на границѣ чудес-

*) Поэтому Брандесъ даетъ въ высшей степени одностороннюю характеристику Гофмана, останавливаясь исключительно на такихъ произведеніяхъ.

наго, гипнотизмъ, который назывался магнетизмомъ, телепатія, знахарство вызывали оживленные споры и опыты какъ среди дилетантовъ, такъ и среди ученыхъ. Астрологія и алхимія возродились съ новой силой; сумасбродные умы бились надъ задачей perpetuum mobile, строили сложные автоматы, надѣясь усовершенствовать ихъ до ступени живыхъ существъ, и приходили въ отчаяніе или сходили съ ума, когда ихъ жалкія знанія по физикѣ и химіи не могли привести ни къ чему, кромѣ жалкихъ фокусовъ и игрушекъ. Эта страница культурной исторіи европейскаго общества отразилась въ повѣстяхъ Гофмана яркими чертами. Онъ самъ смотритъ безъ скептицизма на всѣ эти попытки перешагнуть за предѣлы, положенныя человѣческимъ усиліямъ, и съ глубокимъ сочувствіемъ изображаетъ психологію людей, которые увлекаются подобными тайными искусствами, или такъ или иначе подвергаются ихъ воздѣйствію. Если при этомъ результаты такихъ манипуляцій у него часто превосходятъ размѣры возможнаго, это не нарушаетъ жизненности общаго фона, поэтому-то повѣсти этого рода такъ захватываютъ воображеніе.

Лучшій образчикъ повѣстей этой категоріи, безъ сомнѣнія, знаменитый «Sandmann» («Песочный человѣкъ»). Молодой человѣкъ, студентъ, вынесъ изъ своего дѣтства жуткія воспоминанія о мрачной личности нѣкоего Коппеліуса, который навлекъ несчастіе на ихъ семью: онъ увлекъ отца алхимическими опытами, съ цѣлью добыванія золота, но они кончились въ одинъ прекрасный день взрывомъ, убившимъ отца. Мать, которая отъ всей души ненавидѣла этого злого духа семьи, уводила дѣтей спать, когда онъ приходилъ, говоря, что идетъ Sandmann, т.-е. миѳическая для нѣмецкихъ дѣтей личность, засыпающая имъ глаза пескомъ, когда они не хотятъ спать. Теперь этотъ зловѣщій человѣкъ появился опять на горизонтѣ, и юноша предчувствуетъ нѣчто роковое. Въ то же время онъ безумно влюбляется въ странную красавицу, которая ко всему равнодушна и на все отвѣчаетъ только: «ахъ, ахъ, ахъ!..» Онъ считаетъ ее дочерью своего профессора физики, на самомъ же дѣлѣ это автоматъ, построенный профессоромъ въ сотрудничествѣ съ Коппеліусомъ. Когда молодой влюбленный воочію убѣждается въ этомъ, онъ сходитъ съ ума. Жуткое чувство ребенка, а затѣмъ наростаніе злыхъ предчувствій у молодого человѣка и развивающееся безуміе изображены авторомъ съ совершенно исключительной силой, такъ что начинаешь почти допускать, что пружинная кукла можетъ при извѣстныхъ условіяхъ ввести въ заблужденіе человѣка, предрасположеннаго ко всему необыкновенному.

Есть у Гофмана разсказы о роковомъ магнетическомъ вліяніи одного человѣка на другого («Магнетизеръ» и «Загадочный гость»), гдѣ въ сущности также въ качественномъ отношеніи ничего не превосходитъ предѣловъ допустимаго. Есть еще повѣсть («Автоматъ»), выдаваемая за истиное происшествіе, гдѣ разсказчикъ нагромождаетъ самыя стран-

ныя событія, таинственныя встрѣчи, опять автоматы, но разсказъ обрывается безъ всякой развязки, безъ малѣйшаго намека на объясненіе загадочныхъ происшествій. Весь фокусъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы читатель повѣрилъ дѣйствительности всего разсказаннаго, тогда фантазія его будетъ напряженно искать разгадки, иначе, конечно, вся исторія останется наборомъ неинтересныхъ выдумокъ. Нельзя сомнѣваться, что современники Гофмана не мало поломали себѣ голову надъ заданнымъ имъ ребусомъ безъ значенія.

Отъ вѣры въ алхимію и астрологію недалеко до вѣры въ сродство и переселеніе душъ, въ двойниковъ, въ оборотней, въ возможность сохранить жизнь на цѣлые вѣка и т. п. Трудно сказать, вѣрилъ ли Гофманъ самъ во все это, но онъ не могъ сомнѣваться, что такихъ читателей найдется не мало. Да и самъ онъ увѣрялъ, что у него бываютъ галлюцинаціи, въ ложности которыхъ онъ не убѣжденъ. На этой почвѣ онъ также создалъ не мало странныхъ разсказовъ, то жуткихъ, то юмористическихъ. Къ первымъ принадлежитъ одна изъ лучшихъ его повѣстей «Майоратъ», которую можно было бы назвать прекраснымъ бытовымъ романомъ, если бы въ фабулу не было вплетено появленіе выходца съ того свѣта, которое авторъ изображаетъ не галлюцинаціей, а реальнымъ фактомъ. Подобныя вещи и заслужили Гофману званіе полуночнаго и кладбищенскаго писателя,—званіе, весьма предосудительное въ устахъ солидныхъ критиковъ и историковъ литературы, прекрасно знающихъ, что дважды два—четыре. Юморъ въ фантастическихъ разсказахъ Гофмана достигается тѣмъ, что авторъ не хочетъ мистифицировать читателя, а позволяетъ ему видѣть свою откровенную фантазію, какъ, напр., въ «Meister Floh», или вводитъ въ разсказъ извѣстныя изъ народныхъ легендъ фигуры, напр. въ повѣсти «Невѣста по жребію». Наконецъ, есть у Гофмана еще одна категорія фанстастическихъ повѣстей, гдѣ нереальные образы служатъ лишь символами совершенно здравыхъ идей. Сюда относится упоминавшійся уже не разъ «Золотой горшокъ», гдѣ сказочная обстановка дѣла и сверхъестественныя способности архиваріуса Линдгорста символизуютъ только возвышенныя качества поэзіи въ противовѣсъ скучной и сѣрой прозѣ мѣщанскаго существованія. Вотъ какъ авторъ достигаетъ сочувствія читателя:

«Я рѣшаюсь обратиться прямо къ тебѣ, благосклонный читатель, съ вопросомъ: не было ли въ твоей жизни часовъ, даже дней и недѣль, когда обычный образъ жизни внушалъ тебѣ мучительное и гнетущее чувство, когда все, что раньше ты носилъ въ умѣ и считалъ важнымъ и достойнымъ, вдругъ оказывалось пустымъ и ничтожнымъ? Ты тогда самъ не зналъ, что тебѣ надо дѣлать и куда обратиться; твою грудь наполняло неясное чувство, что гдѣ-то и когда-то должно исполниться какое-то возвышенное желаніе, лежащее внѣ круга всякаго земного наслажденія,—желаніе, которое умъ, какъ застращенное, пугливое дитя, не смѣетъ даже высказать, и въ стремленіи къ этому невѣдо-

кому, что носилось вокругъ тебя всюду, гдѣ бы ты ни былъ, какъ прозрачныя, исчезающія подъ болѣе пристальнымъ взглядомъ видѣнія ароматнаго сна, ты становился безчувственнымъ ко всему, что тебя здѣсь окружало... Въ этомъ царствѣ, которое намъ открываетъ духъ, такъ часто, по крайней мѣрѣ, во снѣ, попробуй, благосклонный читатель, распознать знакомые образы, какими они тебѣ являются въ ежедневной, какъ говорятъ, въ будничной жизни. Ты тогда повѣришь, что то чудное царство къ тебѣ ближе, чѣмъ ты прежде думалъ»...

Близость и доступность этого царства, полнаго радостей и красоты, авторъ показываетъ намъ еще разъ въ сказкѣ «Невѣдомое дитя», которая привела въ такой восторгъ Бѣлинскаго. Здѣсь чувствуется, что авторъ когда-то былъ восторженнымъ читателемъ Руссо, хотя мы не знаемъ, былъ ли онъ знакомъ съ «Эмилемъ». Жизнь и особенно дѣтская жизнь въ непосредственномъ общеніи съ природой—вотъ условіе для счастья, единственный источникъ истиннаго знанія и поэзіи. Одной этой сказки было бы достаточно, чтобы опровергнуть утвержденіе біографовъ Гофмана, будто онъ былъ равнодушенъ къ природѣ: въ дѣйствительности онъ посмѣивался лишь надъ модными сентиментальными восторгами предъ «красотами» природы, какъ Гейне смѣялся надъ дѣвицей, которая грустно вздыхала, провожая заходящее солнце. Немного есть въ литературѣ такихъ простыхъ, непритязательныхъ, но поэтическихъ идиллій, какъ этотъ разсказъ о трудовой жизни дворянина Бракеля, обладателя четырехъ вассальныхъ крестьянъ, такого же землепашца, какъ и его крѣпостные. Мирное благополучіе этого уголка, особенно дѣтей господина Бракеля нарушается пріѣздомъ семьи знатнаго и богатаго дядюшки съ его дѣтьми, настоящими выродками вслѣдствіе тонкаго воспитанія и изнѣженности. Бѣдный дворянинъ конфузится невѣжества своихъ дѣтей, которыя ничего не знаютъ, кромѣ своего лѣса и поля, но богатый родственникъ милостиво снисходителенъ и обѣщаетъ облагодѣтельствовать своихъ племянниковъ присылкой порядочнаго учителя. Чернильная душа этого учителя (его зовутъ Тинте), презирающаго и ненавидящаго все, кромѣ своей никому ненужной азбучной премудрости, и злоключенія бѣдныхъ дѣтокъ, которымъ теперь не позволяютъ, да и некогда погулять на дворѣ или въ лѣсу, изображены безподобно и также правдивы въ настоящее время, какъ какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Фантастическій элементъ этой сказки, «невѣдомое дитя», которое играетъ съ дѣтьми въ лѣсу, разсказываетъ имъ волшебныя сказки, учитъ ихъ наслаждаться «и въ полѣ каждою былинкой, и въ небѣ каждою звѣздой» и боязливо прячется отъ злобнаго учителя, дышетъ свѣтлой поэзіей чисто-народныхъ сказокъ. Къ сожалѣнію, и эта сказка теперь забыта. Правда,—она не заслѣваетъ хвалу чернильнымъ педагогамъ.

Только что отмѣченное произведеніе Гофмана можетъ служить прекраснымъ переходомъ къ разсмотрѣнію чисто-реальнаго элемента въ

его творчествѣ. Въ этой области онъ не имѣлъ соперниковъ среди своихъ современниковъ и не скоро дождался преемниковъ. Рядомъ со страницами самой своевольной романтической фантазіи, мы встрѣчаемъ картины самой подлинной дѣйствительности. Въ нихъ сказывается, съ одной стороны, острая наблюдательность, о которой уже было говорено, съ другой стороны, талантъ выпуклой характеристики и увлекательный юморъ. На послѣднія два качества намъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Умѣніе однимъ штрихомъ опредѣлить цѣлаго человѣка можно иллюстрировать цитатой. У Крейслера собирается обычная компанія его пріятелей; изъ нихъ ни одинъ не называется и не описывается; каждый говоритъ по нѣсколько словъ, но передъ нами встаютъ совершенно ясные образы. «Разсудительный имѣлъ серьезный, почти глубокомысленный видъ и сказалъ: «Какъ досадно, намедни ваша игра, любезный Крейслеръ, была прервана застрявшимъ молоточкомъ; вы его велѣли исправить?»—Кажется, да! — возразилъ Крейслеръ.—«Мы должны въ этомъ убѣдиться», продолжалъ Разсудительный». Осматривая со свѣчой инвалидный молотокъ, онъ уронилъ тяжелые щипцы и порвалъ штукъ двѣнадцать - пятнадцать струнъ. «Разсудительный сказалъ только: «Вишь, ты!» Крейслеръ скорчилъ гримасу, какъ будто онъ укусилъ лимонъ. «Чортъ, чортъ!—закричалъ Недовольный.— Какъ разъ сегодня я такъ радовался услышать фантазіи Крейслера, какъ разъ сегодня! Никогда въ своей жизни не имѣлъ я такого вожделѣнія къ музыкѣ.» «По существу, — замѣтилъ Равнодушный,—важность небольшая, начнемъ ли мы съ музыки или нѣтъ. «Вѣрный другъ выразилъ мнѣніе, что жаль, конечно, что Крейслеръ теперь не можетъ сыграть, но не нужно изъ-за этого терять самообладанія. «Смѣху у насъ и безъ того будетъ достаточно», сказалъ Жизнерадостный, особенно подчеркивая свои слова. «А я все-таки буду фантазировать,— воскликнулъ Крейслеръ, — басы остались цѣлы, и этого мнѣ будетъ довольно».

Ясно, что дѣйствующія лица не манекены, которымъ авторъ влагаетъ въ уста мысли, нужныя ему для выясненія своей идеи; напротивъ того, онъ испытываетъ удовольствіе отъ самаго процесса художественнаго воспроизведенія жизни. Эта черта, съ одной стороны, роднитъ Гофмана съ Гёте, какъ бы это сопоставленіе ни противорѣчило традиціонному взгляду на Гофмана, съ другой стороны, дѣлаетъ его предшественникомъ позднѣйшаго реализма. Вопросъ только о томъ, какія сферы человѣческой жизни болѣе всего привлекаютъ вниманіе нашего автора. Такіе чисто-психологическіе этюды, какъ приведенный здѣсь отрывокъ, встрѣчаются у него не особенно часто; въ большинствѣ случаевъ его занимаетъ общественная психологія, т.-е. духовный складъ человѣка, сложившійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ общественныхъ условій. Не съ высоты какого-либо общественнаго идеала, котораго у Гофмана не было, взираетъ онъ на окружающую его жизнь,

онъ не негодуетъ по поводу несовершенствъ общественныхъ формъ, его муза—не «муза пламенной сатиры»; равнымъ образомъ ему чужда вѣра въ несоизмѣримость своего генія и въ особыя сверхчеловѣческія права жрецовъ искусства. Романтики почерпали изъ такой вѣры заоблачные туманы своихъ поэтическихъ стремленій и глубокое презрѣніе къ «обыкновеннымъ» людямъ; отсюда и знаменитая романтическая иронія, безразличное и безцѣльное жонглированіе самыми отдаленными другъ отъ друга представленіями: несообразность — вотъ наиболѣе употребительный юмористическій пріемъ у романтиковъ, между прочимъ въ фантастическихъ комедіяхъ Тика, литературное вліяніе которыхъ на Гофмана не подлежитъ спору. Но юморъ послѣдняго, доходящій порою и до ѣдкой насмѣшки, гораздо человѣчнѣе. Онъ чувствуетъ себя выше окружающаго, онъ видитъ мелкость и низменность большинства человѣческихъ побужденій, но не отдѣляетъ себя отъ міра непроницаемой стѣной, онъ считается съ человѣческими слабостями. Три слоя общества различнымъ образомъ служатъ предметомъ художественнаго наблюденія для Гофмана: такъ называемое хорошее общество, столкновенія съ которымъ въ качествѣ артиста дѣлаютъ его перо особенно ядовитымъ; мелкое городское бюргерство и чиновничество, міръ нѣмецкихъ Акакіевъ Акакіевичей, но не забитыхъ и страдающихъ, а самоувѣренныхъ и самодовольныхъ, и, наконецъ, придворныя сферы, чванныя фигуры старосвѣтскихъ князей и князьковъ, ихъ министровъ, церемоніймейстеровъ, фаворитовъ, льстецовъ и клевретовъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ Гофманъ оставилъ замѣчательныя бытовыя картины.

Въ изображеніи провинціальнаго и берлинскаго бонтоннаго общества авторъ могъ ограничиться личными впечатлѣніями. И дѣйствительно, то, что онъ разсказываетъ обо всѣхъ этихъ безвкусныхъ и невѣжественныхъ покровителяхъ искусства и артистовъ, можетъ быть почти цѣликомъ включено въ его біографію. Но помимо этого, онъ даетъ намъ здѣсь, даже безсознательно для себя самого, добрую страницу культурной исторіи. Полное умственное и духовное убожество, отсутствіе какихъ-либо болѣе широкихъ интересовъ, кромѣ мелкаго эгоизма и тщеславія, — обычныя черты «общества» въ позднѣйшемъ бытописательномъ романѣ—имѣютъ еще особое значеніе въ тѣ годы, которые обнимаются литературной дѣятельностью Гофмана. Кругомъ совершаются событія міровой важности, отечество то агонизируетъ, то возрождается къ новой жизни, эта новая жизнь подвергается самому ужасному реакціонному гнету, какой только зналъ XIX вѣкъ, но на артистическихъ вечерахъ у праздныхъ барынь и совѣтниковъ различныхъ ранговъ ничего не отражается,—та же пустота, безпечность, тѣ же потуги къ остроумію, тѣ же претензіи на тонкій вкусъ. Гофманъ, конечно, стоитъ не на этой точкѣ зрѣнія, онъ страдаетъ только за профанируемое искусство и насилуемыхъ артистовъ, но такова сила

правдиваго искусства: оно даетъ болѣе того, что входило въ прямыя намѣренія художника.

Безъ всякаго озлобленія, но съ тонкимъ добродушнымъ юморомъ трактованы маленькіе люди, для которыхъ все, что выходитъ за узкій кругъ ихъ ежедневнаго опыта, кажется безуміемъ или чертовщиной. Только лишній стаканъ пунша нѣсколько расширяетъ ихъ горизонтъ, но проспавшись они приходятъ въ ужасъ отъ полета собственной фантазіи и посылаютъ къ чорту поэта, который заразилъ ихъ своимъ нелѣпымъ бредомъ («Золотой горшокъ»). Для нихъ все существо человѣка исчерпывается присвоеннымъ ему чиномъ. Классическій экземпляръ такого сорта изображенъ въ лицѣ тайнаго канцеляріи-секретаря Тусмана («Невѣста по жребію»). Вся жизнь его расписана по часамъ, на всѣ случаи жизни у него есть правило и ничто не можетъ поставить его втупикъ, ибо онъ постоянно носитъ съ собой въ карманѣ книжку подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ политической мудрости, совѣты самому себѣ и другимъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, какъ достигнуть разумнаго поведенія; въ высшей степени необходимо и чрезвычайно полезно всѣмъ людямъ, которые считаютъ себя умными или еще хотятъ сдѣлаться таковыми; переводъ съ латинскаго и т. д.». Однако это руководство не предусматриваетъ случая встрѣчи съ нечистымъ, а это какъ разъ случилось съ премудрымъ секретаремъ. Тотъ сразу поразилъ его священнѣйшія убѣжденія, назвавъ его не по титулу, а просто «почтенный господинъ Тусманъ». Въ свою очередь онъ также не знаетъ, какъ величать своего собесѣдника; испытываемый имъ трепетъ подсказываетъ ему сначала титулъ «господинъ тайный совѣчникъ», но послѣ нѣсколько оправившись и сообразивъ, что тайные совѣтники не ходятъ въ древне-германской одеждѣ, онъ рѣшается ограничиться просто титуломъ «господинъ профессоръ». Когда на слѣдующій день секретарь Тусманъ разсказываетъ о своихъ злоключеніяхъ своему пріятелю коммиссіонсрату Фосвинкелю, этотъ увѣряетъ его, что онъ навѣрное былъ пьянъ, и что ничего подобнаго быть не могло. «Меня чрезвычайно удивляетъ,—наставительно говоритъ онъ,— что ты, тайный (по пріятельству онъ позволялъ себѣ такъ сокращать рангъ своего друга), который долженъ былъ бы имѣть навыкъ въ законахъ, не знаешь, что суевѣріе строжайше воспрещено, и что чернокнижникъ никогда не могъ бы получить отъ правительства ремесленнаго свидѣтельства, на основаніи котораго онъ могъ бы заниматься своимъ искусствомъ». Въ этомъ размышленіи заключается цѣлое міросозерцаніе, достойное гоголевскихъ чиновниковъ: всѣ сферы мірозданія подвержены уставу о благочиніи; то, что воспрещено, не можетъ существовать, и даже нечистая сила не рѣшится проявить свое искусство, не имѣя на то патента отъ начальства.

Самымъ разработаннымъ типомъ солиднаго, самодовольнаго филистра является самъ котъ Мурръ. Онъ считаетъ себя геніальнымъ,

потому что научился не только читать и писать, но даже сочинять стишки во всѣхъ употребительныхъ родахъ и формахъ. Правда, онъ не сразу дошелъ до высшей степени житейской мудрости; въ юношескомъ возрастѣ подъ вліяніемъ товарищей онъ позволялъ себѣ различныя излишества и даже потерялъ было внѣшнюю представительность и приличіе, но въ молодости простительны увлеченія, лишь бы голосъ благоразумія во́-время взялъ верхъ, и котъ Мурръ быстро прошелъ всѣ стадіи развитія, необходимыя порядочному молодому человѣку, когда же его хозяинъ мягкимъ увѣщаніемъ призвалъ его къ порядку, онъ безъ колебаній и окончательно остепенился. Къ сожалѣнію, Гофманъ не дописалъ его повѣсти, такъ что мы не знаемъ, какіе подвиги благоразумія совершилъ онъ въ своемъ зрѣломъ возрастѣ.

Въ той же богатой мотивами книгѣ описанъ дворъ князя Иринея, который по несчастной случайности, прогуливаясь за границами своихъ владѣній, потерялъ свое княжество изъ кармана. Это его конечно очень огорчило, но не нарушило ни его вѣры въ свою богопомазанность, ни порядка придворной жизни, ни даже иностранной политики. Князь Ириней не тиранъ, ибо никогда не думалъ объ интересахъ своихъ подданныхъ, а только о престижѣ своего государства; онъ не золъ, хотя въ былыя времена, когда у него была армія, приказывалъ еженедѣльно... субботно драть фухтелями всѣхъ юнкеровъ, во-первыхъ, чтобы вбить имъ, правила морали, во-вторыхъ, чтобы пріучить армію быть побитой, безъ столкновенія съ непріятелемъ. Обычныя разсужденія людскія для него совершенно чужды и непонятны, но въ дипломатіи онъ весьма искусенъ. Онъ имѣетъ претензію обладать такимъ же пронизывающимъ и убійственнымъ взглядомъ, какъ Фридрихъ Великій, и считаетъ дерзостью со стороны Крейслера, что онъ равнодушенъ къ молніямъ княжескихъ взоровъ. Свою дочь онъ считаетъ не дѣвушкой, а принцессой. У него есть обязательная при каждомъ дворѣ фаворитка, что не мѣшаетъ ему быть нѣжнымъ отцомъ семейства и почтительнымъ супругомъ. Въ вопросахъ этикета онъ не признаетъ никакихъ компромиссовъ, его выходы и куртаги безукоризненны, а штатъ придворныхъ должностей не уступитъ Версалю. Соединивъ всѣ эти и еще много другихъ подобныхъ чертъ, Гофманъ ухитрился все-таки остаться въ границахъ правдоподобнаго и жизненнаго. Онъ рисуетъ не злую политическую каррикатуру, а бытовую картину, оттѣненную легкимъ снисходительнымъ юморомъ. По существу «Китайскій императоръ» или «Новый Александръ» Гейне немногимъ смѣшнѣе князя Иринея, но у Гейне все направлено только на то, чтобы поиздѣваться надъ своими гонителями, тогда какъ Гофманъ хочетъ ввести насъ въ психологію своего героя, — и оба достигаютъ своей цѣли блестящимъ образомъ.

Значительно злѣе юморъ Гофмана въ изображеніи управленія другого маленькаго княжества и его князя Пафнутія («Klein Zaches»). Отецъ его, князь Деметріусъ, занималъ княжескій тронъ,—и всѣ это

очень хорошо знали,—но въ управленіе страной не пускался, предоставляя всѣмъ жить, какъ имъ заблагоразсудится, и никто не жаловался на отсутствіе княжеской заботливости. Но Пафнутій по вступленіи на престолъ нашелъ, что народъ и страна непростительно заброшены, и что нужно, наконецъ, взять въ руки бразды правленія. Первымъ актомъ его было назначеніе первымъ министромъ своего каммердинера, который когда-то одолжилъ ему шесть дукатовъ, когда принцъ проигрался въ трактирѣ; не забывать услугъ—одна изъ добродѣтелей владѣтельныхъ особъ. Новый министръ тотчасъ палъ на колѣни и воскликнулъ: «Государь, великій часъ пробилъ! Черезъ васъ изъ первобытнаго хаоса блистая подымается цѣлое государство! Государь! васъ умоляетъ вѣрный вассалъ, а его устами тысячи голосовъ бѣднаго несчастнаго народа! Государь! введите просвѣщеніе!» Пафнутій былъ потрясенъ и рѣшилъ сейчасъ же развѣсить на всѣхъ углахъ эдиктъ большими буквами, что съ этой минуты вводится просвѣщеніе, и что каждый долженъ съ этимъ сообразоваться, но министръ нашелъ, что такъ нельзя, и объяснилъ, что раньше введенія просвѣщенія, т.-е. раньше, чѣмъ вырубить лѣса, посѣять картофель, улучшить школы, научить молодежь пѣть молитвы на два голоса, завести оспопрививаніе, необходимо изгнать изъ государства всѣхъ людей вреднаго образа мыслей, которые не внимаютъ голосу разума и соблазняютъ народъ различными несуразностями. Прежде же всего нужно удалить изъ страны добрыхъ фей, которыя, вслѣдствіе своей вражды къ просвѣщенію, а также въ виду своихъ привычекъ, противныхъ всѣмъ полицейскимъ правиламъ, не могутъ быть терпимы долѣе, особенно въ непосредственной близости княжескаго дворца. Въ этой, уже чисто щедринской страницѣ любопытно видѣть смѣшеніе романтической вражды къ трезвому вѣку просвѣщенія съ сатирой противъ произвола. Во времена гоненій на каждое проявленіе общественнаго чувства и мысли, во время Меттерниха и Генца, эта сатира должна была казаться очень рѣзкой, и дѣйствительно многіе находили въ ней намеки на современныя событія; а Гитцигъ впослѣдствіи критикуетъ ее съ этетической стороны: она, по его мнѣнію имѣетъ исключительно мѣстный интересъ. Въ дѣйствительности, конечно, она цѣнна именно тѣмъ, что бичъ смѣха не хлещетъ безцѣльно по воздуху, какъ, напр., въ невинной сатирѣ Тика «Принцъ Цербино», а поражаетъ опредѣленныя общественныя несовершенства.

Если по окончаніи нашего изложенія мы окинемъ взоромъ всѣ отмѣченныя выше черты творчества Гофмана, то не найдемъ ни одной, которая бы окончательно утратила значеніе въ теченіе столькихъ десятилѣтій. Жизненность созданныхъ имъ образовъ, обусловленная, конечно, его художественнымъ талантомъ, захватитъ всякаго, кто рѣшится очистить ихъ отъ пыли забвенія. Историческое же значеніе его также несправедливо упускать изъ виду. Почти всегда непосредственно

примыкая къ раннему романтизму въ его культѣ искусства, въ стремленіи къ сверхчувственному міру, въ любви къ старинѣ, наконецъ и въ юморѣ, Гофманъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съумѣлъ стать самостоятельнымъ и отчасти подготовилъ позднѣйшую неоромантическую реакцію противъ романтизма. Его фантастика часто переходитъ въ поэтическій пріемъ, въ шаловливый символъ и ищетъ красокъ въ народномъ творчествѣ, какъ у Гейне; въ воспроизведеніи нѣмецкой старины онъ старается держаться реальной основы, поскольку она ему была извѣстна, примыкая въ этомъ отношеніи ближе къ ученымъ германистамъ, чѣмъ къ тенденціознымъ романтикамъ, а его насмѣшливое отношеніе къ современности, приводящее въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ рѣзкой сатирѣ, подготовляютъ сатирическую литературу молодой Германіи.

Глухое, тревожное время, въ которое Гофману пришлось жить, не способствовало образованію великихъ писательскихъ личностей. Всякая попытка охватить мыслью болѣе широкій кругъ человѣческихъ интересовъ гибла подъ давленіемъ мелкихъ и пошлыхъ, но жестокихъ внѣшнихъ силъ. Энтузіасты искали спасенія въ мистицизмѣ, какъ Гёрресъ; люди съ преобладающими эстетическими наклонностями, убѣгали въ прошлое, какъ Уландъ; общественные инстинкты приводили или къ разочарованію, или къ деморализаціи, какъ случилось съ Гейне. Что же оставалось? Оставалось сидѣть въ своемъ углу, зорко наблюдать за тѣмъ, что происходитъ на сценѣ житейской и накоплять матеріалъ художественныхъ образовъ для будущихъ поколѣній. Это положеніе избралъ Гофманъ, и если его чрезмѣрно развитое воображеніе часто сбрасываетъ съ себя гнетъ будничной дѣйствительности, то это только освѣжаетъ атмосферу отъ смрада разлагающагося стараго режима.

Евгеній Дегенъ.

ДИКІЙ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Артура Шнитцлера.

Переводъ съ нѣмецкаго И. Бѣлявскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Капитанъ Каринскій }
Капитанъ Ронштедъ } **кавалерійскіе офицеры, товарищи по полку.**
Павелъ Реннингъ.
Польди Грейлингеръ.
Докторъ Альбертъ Вельнеръ, врачъ.
Фогель, гусарскій поручикъ.
Шнейдеръ, директоръ лѣтняго театра.
Финке, режиссеръ.
Балдуинъ, актеръ на роли любовниковъ и героевъ.
Эндерле, комикъ.
Анна Ридель, энженю.
Пепи Фишеръ, субретка.
Катенька Шютцъ, актриса на роли вторыхъ любовницъ.
Конъ, кассиръ.
Кельнеръ.
Мальчикъ изъ ресторана.

Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ водяномъ курортѣ бли[з] Вѣны.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ собою паркъ съ холмистыми возвышеніями н[а] заднемъ планѣ. Аллеи со скамьями. Съ правой стороны небольшой лѣт[]ній театръ, обращенный фасадомъ къ зрителямъ; правая стѣна ег[о] скрывается за кулисами, въ лѣвой стѣнѣ дверь, ведущая за кул[и]...

лѣтняго театра, и театральная касса, окошко которой обращено впередъ. Съ лѣвой стороны ресторанный кіоскъ; вокругъ кіоска круглые столики. Въ глубинѣ сцены павильонъ для оркестра.

Іюльскій день, около 6 часовъ пополудни.

Поручикъ Фогель (*около 23-хъ лѣтъ; носитъ кавалерійскій мундиръ, держитъ въ рукѣ тросточку. У него симпатичное, краснощекое лицо съ маленькими свѣтлыми усиками. Говоритъ съ венгерскимъ, немного аффектированнымъ акцентомъ, какой часто бываетъ у австрійцевъ, служащихъ въ венгерскихъ полкахъ. Онъ входитъ съ правой стороны*).

Пеперль Фишеръ (*субретка лѣтняго театра, небольшого роста, довольно цвѣтущая на видъ, съ красивымъ, но ординарнымъ лицомъ; прическа съ завитушками, въ ушахъ серьги съ бирюзой, одѣта въ красное платье, на головѣ бѣлая соломенная шляпа съ перьями и цвѣтами. Говоритъ быстро, по временамъ лукаво). Они встрѣчаются на срединѣ сцены*).

Фогель (*подмигивая ей*). Здорово!

Пепи. Здравствуй!

Фогель. Ну что, выспалась?

Пепи. О, я ужъ успѣла позабыть о томъ, что спала. Вѣдь въ десять часовъ надо было явиться на репетицію.

Фогель (*участливо*). Бѣдная дѣвочка!..

Пепи. А ты когда всталъ?

Фогель. Въ пять часовъ пополудни,—ровно часъ тому назадъ.

Пепи. Вотъ это такъ жизнь!

Фогель. Сегодня вечеромъ соберемся опять послѣ спектакля?.. Въ «Коронѣ»?.. Всей компаніей?..

Пепи. Не знаю, смогу ли придти.

Фогель. Отчего?

Пепи. Видишь ли...

Фогель. Ага! Понимаю, Пеперль. Онъ ревнуетъ!

Пепи. Кто посмѣетъ меня ревновать? Никто права не имѣетъ.

Фогель. Однако, Пеперль!.. Да какъ его зовутъ?... Того... вашего главнаго комика?

Пепи. А-а, ты думаешь—Эндерле! Взбредетъ же тебѣ на умъ!

Фогель. Ну, ну!

Пепи. Да что это тебѣ вздумалось? За кого ты меня принимаешь? (*Нѣжно*). Руди! (*Быстро*). Между товарищами о такихъ вещахъ и не думаютъ.

Фогель. А мнѣ какое дѣло?

Пепи. Ты стоишь, чтобъ я сдѣлала это. Прощай!

Фогель. Такъ что—до вечера! И смотри — играй хорошенько, не осрами меня, да!

Пепи. Придешь?

Фогель. Разумѣется. Прощай! (*Небрежно откланивается*).

*

(*Пепи отдаетъ честь и поворачивается по военному и направляется къ театру; она останавливается у двери, ведущей за кулисы, вступаетъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ стоящихъ тамъ лицъ и затѣмъ уходитъ въ театръ. Фогель между тѣмъ встрѣчаетъ доктора Вельнера*).

Фогель. Д-ръ Альбертъ Вельнеръ (*30-ти лѣтъ; высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; носитъ усы, пенснэ безъ шнурка, одѣтъ въ темносѣрый костюмъ; на головѣ мягкая коричневая шляпа. Куритъ сигару*).

Фогель (*говоритъ съ Вельнеромъ, равно какъ и съ другими штатскими, въ слегка пренебрежительномъ и ироническомъ тонѣ*). Мое почтеніе, доктòръ!

Вельнеръ (*вѣжливо, иногда съ оттѣнкомъ насмѣшки, которой поручикъ не замѣчаетъ*). Здравствуйте, поручикъ! Гдѣ вы сегодня пропадали? На музыкѣ васъ не было видно!

Фогель. Я только что всталъ.

Вельнеръ. Возможно ли? Вѣдь всѣ мы разошлись вчера по домамъ около часу ночи.

Фогель. Да,—*вы* пошли домой, но не я.

Вельнеръ (*многозначительно*). Гм!..

Фогель. О, ничего такого! Мы просто совершили прогулку при лунѣ... Каринскій и я, и... еще кое-кто. Поѣхали въ лѣсъ, на лоно природы—было очень недурно! Такъ что сегодня я все проспалъ: утреннюю музыку и лѣсную экскурсію, и партію лаунъ-тенниса съ Грейлингерами, и обѣденную музыку. Скажите, доктòръ, Каринскій былъ днемъ на музыкѣ?

Вельнеръ. Я еще не видалъ сегодня капитана.

Фогель. Интересно, знаетъ ли онъ уже, что пріѣхалъ Роиштедъ?

Вернеръ. Кто?

Фогель. Ронштедъ. Вы его не знаете... изъ того же полка, что и Каринскій... адъютантъ полкового командира... Каринскій очень удивится—онъ совсѣмъ не ожидалъ его пріѣзда. Ну что, докторъ, будемъ мы вечеромъ (*указывая на театръ*) на комедіи?

Вельнеръ. Если буду свободенъ... А что даютъ сегодня?

Фогель. О, это безразлично! Все дѣло въ томъ, какія женщины будутъ участвовать, а что касается, до этого, то сегодня все будетъ выдвинуто! Бенднеръ и Шютцъ, и маленькая Пеперль Фишеръ, и, вѣроятно, та... та, какъ ее зовутъ?.. Ну та, которая еще не ужинала съ нами.

Вельнеръ. Ее зовутъ Анна Ридель.

Фогель. Вѣрно. У меня такая плохая память на имена.

Вельнеръ. На имена дамъ, не ужинающихъ съ вами!

Фогель (*шутливо-угрожающимъ тономъ*). Доктòръ, доктòръ! О, Каринскій добьется-таки того, что она придетъ вмѣстѣ съ другими въ «Корону».

Вельнеръ. Развѣ капитанъ такъ заинтересованъ въ этомъ?

Фогель. Такъ что—онъ чертовски увивается за нею. Вы поглядите только на него, когда она появляется на сценѣ... даже непріятно!

Вельнеръ. Да, капитанъ очень непріятенъ!

Фогель. Такъ что—онъ дѣйствительно непріятенъ. (*Иронически*). Такъ что—я не такъ выразился, потому что я не такой ученый, какъ вы, докторъ... Но скажите сами, видѣли вы когда-нибудь человѣка, который въ теченіе одного часа мѣнялся бы десять разъ—то веселъ, то печаленъ, то любезенъ, то... такъ что—совсѣмъ нелюбезенъ?..

Вельнеръ. Капитанъ—большой поклонникъ госпожи Ридель?

Фогель (*смѣется*). Поклонникъ? Такъ что—я весьма скупъ на такія словечки. Напримѣръ, супругѣ моего маіора или баронессѣ Тесси—я поклоняюсь, что же касается женщинъ изъ театра, то я волочусь за ними!

Вельнеръ. Въ концѣ концовъ, это сводится къ одному,—не въ обиду госпожѣ маіоршѣ будь сказано.

Фогель. Докторъ, докторъ!.. Однако, и нюхъ же у этой дѣвицы, что не хочетъ ужинать съ нами!

Вельнеръ. Какъ такъ?

Фогель. Ну, да! У Каринскаго нѣтъ ничего, а другой имѣетъ, кажется, изрядный капиталецъ!

Вельнеръ. Кто другой?

Фогель. Э, не будьте же такъ скрытны оттого, что онъ вашъ пріятель. Такъ что—онъ прогуливается съ нею каждое утро по лѣсу.

Вельнеръ. Ахъ да, я предписалъ ему это... то-есть прогулки.

Фогель. Я тоже сдѣлаюсь вашимъ паціентомъ, докторъ!

Фогель. Вельнеръ. Польди Грейлингеръ (*входитъ. Красивый, стройный молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ. Одѣвается изысканно, почти щеголевато: сѣрый рединготъ, бѣлые фланелевые брюки, черный, во всю грудь, галстухъ съ жемчужной булавкой, маленькая черная шляпа, монокль и тросгь*).

Польди. Мое почтеніе!	*Пожимаютъ другъ другу руки.*
Фогель. Здравствуй!	
Вельнеръ. Здравствуй!	

Польди. Скажите на милость, гдѣ вы пропадали весь день? Забыли вы, что ли, о нашей партіи въ теннисъ? Хороша была нынче игра—нечего сказать! Моя сестра такъ сердилась! Въ отчаяньи мы пригласили въ партнеры Миллера съ дачи vis-à-vis. Онъ былъ въ какой-то зеленой курткѣ, точно на Риги... это для тенниса—то, прошу покорно! А что съ Павломъ? На него совсѣмъ нельзя положиться! Гдѣ онъ? Куда онъ запропастился? Неужели уѣхалъ? Вѣдь онъ собирался уѣзжать?

Вельнеръ. Во всякомъ случаѣ онъ раньше попрощался бы съ нами.

Польди. У Павла теперь ничего не узнаешь! Вообще, онъ въ послѣднее время удивительно перемѣнился.

Вельнеръ. То-есть, въ чемъ же?

Польди. Да во многомъ... и мнѣ это совсѣмъ не нравится! Да вотъ напримѣръ: едва умеръ отецъ, какъ онъ поспѣшилъ оставить государственную службу.

Вельнеръ. Ну, къ службѣ онъ рѣшительно неспособенъ.

Польди. Однако, желалъ же его старикъ, чтобы онъ служилъ! По моему, это просто нечестиво. Для рисованія ему хватило бы послѣобѣденнаго времени. И вообще, осмѣлюсь спросить: развѣ ужъ такъ необходимо рисовать?

Фогель (*смѣется*).

Польди. Ну да, я всегда говорилъ, что на свѣтѣ и безъ того достаточно картинъ. Въ галлереяхъ ихъ понавѣшено столько, что свободнаго мѣстечка не найдется.

Вельнеръ. Дѣло вкуса.

Польди. Вкуса или не вкуса, а Павелъ ужъ не тотъ, что прежде. Всю зиму не показывался къ намъ. Моя сестра была такъ сердита. И съ какими онъ людьми водится! Да ты развѣ можешь себѣ представить! Нечего сказать—славныя знакомства! Знаешь, съ кѣмъ, напримѣръ? Съ семействомъ Ридель.

Фогель. О, такъ онъ знакомъ съ нею еще изъ Вѣны?

Вельнеръ. Ну такъ?..

Польди. Нѣтъ, ты послушай: онъ велъ съ ними знакомство, какъ съ настоящими людьми... Однажды въ Вѣнѣ онъ отправился гулять съ нею и съ ея матерью по Рингу... Моя мама и моя сестра встрѣтили его,—онъ поклонился и эта дѣвица тоже. Моя сестра была такъ сердита!..

Вельнеръ. Польди. Фогель. Павелъ Реннингъ (*немного блѣденъ, строенъ одѣтъ со вкусомъ. Носитъ черные усы*).

Павелъ. Здравствуйте!

Польди. А я только-что говорилъ о тебѣ: я думалъ, что ты уже уѣхалъ.

Павелъ. Покамѣстъ нѣтъ еще. Во всякомъ случаѣ, это вполнѣ зависитъ отъ доктора. (*Указываетъ на Вельнера*).

Польди. Какъ же! Такъ онъ и отпуститъ своего единственнаго паціента.

Вельнеръ. Мною ты давно уже отпущенъ.

Польди. Можешь радоваться, что уѣзжаешь изъ этого болота.

Фогель. Болото—говоритъ онъ, а самъ проводитъ тутъ каждое лѣто.

Польди. О, еслибъ не наша дача съ прекрасной площадкой для тенниса...

Фогель. Не пройтись ли намъ немного до начала представленія?

Польди. Да, но мнѣ надо еще достать свое постоянное кресло. Въ прошлый разъ Конъ далъ мнѣ другое мѣсто—такъ у меня положи-

тельно сдѣлалось головокруженіе. Павелъ, ты тоже возьмешь сейчасъ билетъ? Хотя... сегодня для тебя въ театрѣ не будетъ ничего привлекательнаго.

Павелъ. Я и не пойду сегодня въ театръ. Мы, быть можетъ, увидимся потомъ въ ресторанѣ.

Польди. Да, если у тебя найдется для насъ свободная минутка. До свиданія! (*Подходитъ съ Фогелемъ къ кассѣ и покупаетъ билетъ. Конъ разговариваетъ съ нимъ весьма учтиво. Фогель и Польди уходятъ*).

Вельнеръ. Павелъ.

Вельнеръ. Такъ ты въ самомъ дѣлѣ хочешь уѣхать?

Павелъ. Да. Вѣдь ты позволилъ? Я очень радъ убраться, наконецъ, изъ этого общества.

Вельнеръ. Отчего жъ ты поддерживаешь знакомство съ ними, коли они тебѣ не нравятся?

Павелъ. Временами я чувствую себя среди нихъ довольно сносно и охотно коротаю время въ ихъ кругу. Но какъ люди, они для меня ничто,—душѣ моей они рѣшительно ничего не даютъ.

Вельнеръ. Куда же ты намѣренъ направиться? Домой?

Павелъ. Домой? Что ты разумѣешь подъ этимъ? У меня нѣтъ семьи, нѣтъ дома. Я буду путешествовать!

Вельнеръ. Неужели тебя совсѣмъ не тянетъ къ работѣ?

Павелъ. Нисколько.

Вельнеръ. Не понимаю.

Павелъ. Милый другъ, если бы ты пролежалъ, какъ я, въ теченіе многихъ недѣль прикованный къ постели, готовясь покончить всѣ счеты съ жизнью, и вновь пробудился, какъ я, почувствовалъ ли бы ты еще что-нибудь, кромѣ счастья быть снова тутъ, снова жить и принадлежать ко всему, что дышетъ, цвѣтетъ, снова, какъ другіе люди, имѣть право говорить о завтрашнемъ днѣ. Теперь во мнѣ лишь одно желаніе — жить и ощущать, что я живу; для меня этого вполнѣ достаточно.

Вельнеръ. Не долго будешь ты довольствоваться этимъ желаніемъ.

Павелъ. Отчего же нѣтъ? Глядѣть на все открытыми глазами, чувствовать все и мочь все—развѣ этого мало?

Вельнеръ. Этого хватитъ не на долго. Черезъ годъ... что я говорю!.. осенью ты опять оснуешься гдѣ-нибудь и примешься за рисованіе.

Павелъ. Нѣтъ, дорогой мой, никогда.

Вельнеръ. Было бы очень жаль. Вѣдь у тебя есть нѣчто вродѣ призванія.

Павелъ. Къ чему призваніе? Достаточно быть человѣкомъ. Я не сдѣлаю больше ни одного мазка. Мнѣ хотѣлось бы только сохранить въ себѣ это чудное ощущеніе свободы.

Вельнеръ. Ужъ будто до сихъ поръ ты отъ кого-нибудь зависѣлъ!

Павелъ. Отъ людей—нѣтъ! А все-таки я метался изъ стороны въ сторону, какъ должникъ какой-нибудь,—до такой степени угнетало меня вѣчное, тщетное исканіе. Но теперь всему этому наступилъ конецъ,—и я очень радъ!

Павелъ. Вельнеръ. Каринскій (*одѣтъ въ форму кавалерійскаго капитана, но безъ сабли. Средняго роста, строенъ, лицо смуглое; черные волосы и усы, живые темные глаза. Говоритъ рѣзко, повелѣвающимъ, а по временамъ вызывающимъ тономъ*).

Каринскій (*хочетъ пройти мимо, но, замѣтивъ Павла, отдаетъ честь и останавливается*). А, вы еще здѣсь?

Павелъ (*отвѣчаетъ молчаливымъ кивкомъ головы*).

Каринскій. Мнѣ казалось, что вы собирались покинуть насъ?

Павелъ. Въ скоромъ времени. (*Короткая пауза*).

Вельнеръ. Поручикъ Фогель искалъ васъ, господинъ капитанъ. Пріѣхалъ кто-то изъ вашихъ товарищей.

Каринскій. Изъ моихъ?.. Ахъ да, весьма возможно. До свиданія. (*Кланяется. Уходитъ*).

Вельнеръ. Павелъ.

(*Короткая пауза. Вельнеръ украдкой наблюдаетъ за Павломъ, который глядитъ вслѣдъ Каринскому*).

Павелъ. Не скажу, чтобы этотъ господинъ былъ мнѣ симпатиченъ.

Вельнеръ. Мнѣ онъ тоже не нравится. Впрочемъ, если вѣрить слухамъ, то дѣла его далеко не блестящи.

Павелъ. А что?

Вельнеръ. Ты же знаешь — играетъ, занимаетъ деньги направо и налѣво. А теперь у него еще вышла непріятная исторія въ гарнизонѣ: онъ чуть не зарубилъ на смерть какого-то штатскаго въ ресторанѣ.

Павелъ. Польди на-дняхъ разсказывалъ объ этомъ.

Вельнеръ. Вообще, онъ производитъ на меня впечатлѣніе человѣка, которому во что бы то ни стало хочется забыться. Все равно—въ одинъ прекрасный день наступитъ же конецъ. Это—одна изъ такихъ натуръ.

Павелъ. Вотъ какъ?

Вельнеръ. Ну и вотъ, чтобы забыться, онъ пьетъ, играетъ, увивается за женщинами.

Павелъ. За всѣми?

Вельнеръ. Да, за всѣми.

Павелъ (*просто*). Но особенно за нею?

Вельнеръ (*смѣясь*). Знаешь, Павелъ, хорошо, что ты уѣзжаешь. Ты, навѣрное, влюбился бы въ нее.

Павелъ. Сомнѣваюсь. По отношенію къ ней я желалъ бы одного: мнѣ хотѣлось бы, чтобы она очутилась въ другихъ условіяхъ, среди иныхъ людей.

Вельнеръ. Это—первый ея ангажементъ?

Павелъ. Разумѣется.

Вельнеръ. И пошла она на сцену изъ любви къ искусству?

Павелъ. Несомнѣнно, и это было одной изъ причинъ. Но главное—ей необходимъ заработокъ.

Вельнеръ. Развѣ ея жалованья хватаетъ ей на жизнь?

Павелъ. Едва ли.

Вельнеръ. Такъ... такъ чѣмъ же она...

Павелъ. Теперь у нея имѣется еще нѣсколько сотъ гульденовъ, оставшихся послѣ смерти отца; конечно, ихъ хватитъ не на долго.

Вельнеръ. А потомъ?

Павелъ. А потомъ... да откуда-жъ мнѣ знать? Она надѣется, что до тѣхъ поръ ей удастся попасть на лучшую сцену.

Вельнеръ. Гдѣ бы можно было жить на одно жалованье.

Павелъ. О, Господи, да ты развѣ можешь себѣ представить, въ какой обстановкѣ она росла? Положительно можно сказать — бѣдные люди. Но въ семьѣ, гдѣ имѣется такое созданіе, полное надеждъ и молодости, бѣдность выглядитъ не такъ ужъ печально. Не будь надежды, и ея положеніе было бы отчаянное.

Вельнеръ. Не забывай объ одномъ: бываютъ и такія, что спекулируютъ своей добродѣтелью.

Павелъ. Разумѣется, у такой дѣвушки добродѣтель должна стать предметомъ спекуляціи.

Вельнеръ. Извѣстно ли тебѣ, что она слыветъ твоей возлюбленной?

Павелъ (*равнодушно*). Вотъ какъ?

Вельнеръ. А не дѣвушкой, къ которой ты питаешь «сожалѣніе».

Павелъ (*улыбаясь*). Да этого и не требуется.

Вельнеръ. Во всякомъ случаѣ, странный способъ выказывать сожалѣніе. Ты ей этимъ не окажешь особенной услуги.

Павелъ. Какъ же прикажешь поступить? Пусть говорятъ что угодно. Намъ обоимъ доставляетъ удовольствіе бесѣдовать и прогуливаться вдвоемъ. Ну-съ, мы такъ и дѣлаемъ! Впрочемъ, это скоро прекратится. Вѣдь я уѣзжаю!..

Вельнеръ. Къ счастью.

Павелъ. На мой счетъ можешь быть совершенно спокоенъ. Я знаю прекрасно, что дѣлаю.

Вельнеръ. То, что тебѣ заблагоразсудится.

Павелъ. То, въ чемъ я могу отвѣтить предъ лицомъ своей совѣсти. Въ настоящее время у меня нѣтъ никакого желанія связывать себя съ кѣмъ бы то ни было. Въ противномъ случаѣ я оставался бы здѣсь.

Вельнеръ. А если ты вдругъ откроешь, что твое «сожалѣніе» было кое-чѣмъ инымъ?

Павелъ. Я вернусь.

Вельнеръ. Она, конечно, будетъ тебя ждать...

Павелъ. Если же нѣтъ... (*Прерываетъ себя. Другимъ тономъ*). Долженъ сказать, однако, что мнѣ было бы ужасно тяжело, если бы эта бѣдняжка погибла, какъ сотни другихъ.

Вельнеръ. Боже мой, онѣ сами желаютъ своей погибели. (*Бесѣдуя, прогуливаются по аллеѣ*).

Павелъ. Дорогой мой, въ концѣ-концовъ, никому не хочется умирать съ голоду. Скажи,—этотъ Каринскій...

Вельнеръ. Ну же?

Павелъ. Ахъ, ничего. Но...

Вельнеръ. Такъ вотъ каковы опасности, угрожающія твоему божеству!

Павелъ. Опасности... глупое слово! Но меня возмущаетъ, что такой человѣкъ, какъ Каринскій, считаетъ это въ порядкѣ вещей,—что вообще всякій болванъ... (*Они скрываются въ одной изъ аллей*).

Финке. Пепи. Фишеръ. Позже Балдуинъ.

(*Вечереетъ. Движеніе около театра усиливается. Люди приходятъ, покупаютъ билеты; нѣкоторые сейчасъ же входятъ въ театръ*).

(*Финке, режиссеръ и Пепи Фишеръ, субретка, появляются изъ боковыхъ дверей театра еще во время бесѣды Павла съ Вельнеромъ. Финке—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ его тонѣ и манерѣ держать себя замѣтна приниженность. Одѣтъ въ темный, потертый костюмъ; носитъ пенснэ въ роговой оправѣ; на головѣ маленькая желтая соломенная шляпа съ черной лентой*).

Пепи (*указывая взглядомъ на проходящихъ мимо нихъ Вельнера и Павла*). Знаешь ихъ?

Финке. Да, мелькомъ.

Пепи. Тотъ, высокій, въ сѣромъ—поклонникъ Ридель.

Финке. Вотъ какъ! Значитъ и она уже подцѣпила кое-кого?

Пепи. О, она привезла его съ собою изъ Вѣны. Конечно, милліонеръ. Бываетъ же женщинамъ счастье!

Балдуинъ (*первый любовникъ, входитъ. Онъ очень молодъ, едва 20-ти лѣтъ; одѣтъ съ пошлой изысканностью провинціальнаго актера. Сильно жестикулируетъ, играетъ глазами. Къ Кону*). Каковы дѣлишки, любезнѣйшій?

Конъ (*жестомъ: такъ себѣ*).

Балдуинъ. Что, ложа на авансценѣ, слѣва, взята уже?

Конъ. Прекрасная американка съ матерью явилась за нею чуть свѣтъ.

Балдуинъ. Ты видѣлъ, вчера, Финке? Ни на секунду не опускала она бинокля... покуда я былъ на сценѣ.

Финке (*равнодушно киваетъ головой*).

Балдуинъ (*къ Пепи, съ напускнымъ жаромъ*). Любишь-ли ты меня?

Пепи. Оставь ты, наконецъ! Вѣчно однѣ и тѣ же шутки!

Балдуинъ. Развѣ я не красавецъ? Почему тебѣ не полюбить именно меня?

Пепи. Финке. Балдуинъ. Конъ. Эндерле (*входитъ. Комикъ, лѣтъ 25-ти, высокій, худой; одѣтъ въ простой сѣрый костюмъ. Онъ въ дурномъ настроеніи, почти мраченъ*).

Эндерле. Добраго вечера.

Финке. Здравствуй.

Конъ. Добраго вечера, господинъ Эндерле.

Эндерле. Здравствуйте, Конъ. Ну-съ, каковы дѣла? Хорошо торгуете?

Конъ. Такъ себѣ; съ задними рядами креселъ дѣло обстоитъ неважно.

Эндерле. По мнѣ, хоть бы и такъ.

Пепи. Да что съ тобой? Чего ты опять надулся?

Эндерле. Послушай, Пепи.

Пепи. Ну что?

Эндерле (*къ остальнымъ*). Pardon... (*Отходитъ съ Пепи въ сторону*).

Финке (*къ Эндерле*). Только не кричи ты опять слишкомъ громко.

Конъ (*вполголоса*). Право, жалко этого Эндерле.

Эндерле (*отъ волненія не можетъ говорить*).

Пепи. Чего тебѣ надо?

Эндерле (*съ трудомъ сдерживаетъ гнѣвъ и старается казаться спокойнымъ*). Говорю тебѣ добромъ, понимаешь? — совершенно спокойно. Мы, вѣдь, можемъ опять разойтись.

Пепи (*задорно*). Конечно.

Эндерле. Но до тѣхъ поръ, пока мы еще не разошлись... (*Кричитъ*).

Финке. Тсс!

Эндерле (*тише*). До тѣхъ поръ... Однимъ словомъ, если ты сегодня снова будешь стрѣлять глазами въ офицерскую ложу... то клянусь... я...

Пепи (*дерзко*). Что же ты?

Эндерле (*кричитъ*). Я убью тебя, каналья!

Пепи. Отвяжись ты, вотъ еще глупости. Куда же мнѣ глядѣть во время спектакля? Очень я знаю, кто тамъ сидитъ въ театрѣ. Разумѣется, тебѣ всегда примерещится что-нибудь дурное, потому что ты самъ дурной человѣкъ.

Эндерле (*пытается возразить*).

Пепи. Или, быть можетъ, въ твоей роли написано, что ты долженъ ущипнуть Шютцъ за руку?

Эндерле. Я за руку... Шютцъ?.. Да ты...

Пепи. Шютцъ сама мнѣ призналась. И, конечно, тебѣ незачѣмъ заглядывать въ ложи, когда тебѣ захочется пококетничать. Ты думаешь, я не вижу, какими глазами ты смотришь на Ридель?

Эндерле. Теперь ты принимаешься уже и за эту бѣдную дѣвушку.

Пепи. Слышишь, Финке? Ридель—бѣдная дѣвушка! О, я умру со смѣху!

Эндерле. Мнѣ жаль ея.

Пепи. О чемъ же ты жалѣешь? Что она имѣетъ другого?

Финке. Не ссорьтесь же вѣчно, дѣтки.

Балдуинъ. Брось его, онъ тебя не понимаетъ! Приди въ мои объятья! Кто будетъ любить тебя такъ, какъ я.

Эндерле. Тебя мнѣ еще недоставало!..

Прежніе. Катенька Шютцъ *(входитъ. Красива, одѣвается съ изысканной простотой; она со всѣми чрезвычайно любезна, иногда даже до приторности любезна; разговаривая съ мужчинами, стыдливо потупляетъ взоры, а затѣмъ раскрываетъ глаза съ выраженіемъ полной преданности).*

Шютцъ. Добраго вечера.

Балдуинъ. Небеса шлютъ тебѣ привѣтъ, дѣвица Шютцъ! Любишь ли ты меня такъ же горячо, какъ прежде?

Конъ. Добраго вечера, госпожа Шютцъ,

Шютцъ *(подходя къ Кону, очень любезно).* Здравствуйте, милый господинъ Конъ! Какъ поживаете?

Пепи. Ну, съ артистами она уже покончила. Теперь начинаетъ заигрывать съ кассиромъ, а тамъ дойдетъ очередь и до театральныхъ рабочихъ.

Эндерле. Глядѣла бы ты лучше за собой.

Пепи. Я такъ и знала, что ты ее тоже возьмешъ подъ свою защиту.

Финке. Балдуинъ. Эндерле. Пепи. Фишеръ. Шютцъ. Конъ. Анна Ридель *(входитъ. Одѣта просто и со вкусомъ: темносинее платье, маленькая соломенная шляпка съ бѣлой вуалью. Входитъ торопливо, слегка раскраснѣвшаяся; говоритъ быстро, въ ея тонѣ слышится что-то наивно настойчивое. Держитъ въ рукѣ раскрытое письмо).*

Анна. Добраго вечера.

Балдуинъ. Привѣтъ тебѣ, Ридель! Любишь ли ты меня!

Эндерле. Здравствуйте, Ридель.

Пепи. Что съ вами? Вы плакали?

Анна *(къ Финке).* Представьте себѣ, господинъ режиссеръ, мыслимо ли это...

Финке. Въ чемъ же дѣло, моя крошка?

Анна *(въ недоумѣніи).* Директоръ извѣщаетъ меня о моемъ увольненіи.

Финке *(смѣется).* Въ самомъ дѣлѣ?..

Пепи. Изъ-за этого-то вы еще не уйдете отъ насъ.

Эндерле. Не унывайте, Ридель, все опять уладится.

Балдуинъ. Я думаю! Ха!

Конъ. Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ извѣщаетъ васъ объ увольненіи?

Пепи *(беретъ изъ рукъ Анны письмо).* Знаю я эти письма!

Анна. Не понимаю, господинъ режиссеръ, чѣмъ я заслужила!.. Критика отозвалась о моей игрѣ хорошо, вамъ тоже не на что было пожаловаться, господинъ режиссеръ, или, быть можетъ?..

Финке. Разумѣется, нѣтъ, дитя мое.

Анна. И директоръ былъ на послѣдней репетиціи очень любезенъ со мною, даже хвалилъ меня, а сегодня я вдругъ получаю извѣщеніе объ увольненіи. Да, вѣдь, это несправедливо?

Эндерле *(хохочетъ).* Охъ, ты, простота!

Финке *(улыбаясь).* Не волнуйтесь, милая, все уладится.

Анна. Какимъ же образомъ?

Финке. Переговорите-ка съ директоромъ.

Анна. Что же я скажу ему? Въ письмѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, за что бы можно было ухватиться.

Финке. Да, противъ письма ничего не возразишь. Директоръ поступилъ вполнѣ правильно.

Анна (*вспыливъ*). Какъ!

Финке. Ну да,—по контракту онъ имѣетъ право уволить васъ въ теченіе первыхъ четырехъ недѣль.

Анна. Безъ всякой причины?

Финке. Успокойтесь, Ридель. Поговорите съ директоромъ.

Эндерле. Могу вамъ даже заранѣе сказать, что онъ отнѣтитъ. Желаете остаться на половинномъ жалованьи, такъ оставайтесь.

Анна. На половинномъ жалованіи? Чѣмъ же мнѣ жить?

Пепи. Подите вы, Ридель,—нечего вамъ притворяться предъ нами.

Эндерле (*грубо*). Молчи,—ты!

Финке. Знаете, милая, совѣтую вамъ оставаться. Для начинающей очень нехорошо лишиться мѣста въ самый разгаръ сезона. Это дурно зарекомендовываетъ.

Эндерле. Что господину директору небезызвѣстно.

Анна (*въ сильномъ гнѣвѣ*). Но, вѣдь, это неслыханно!

Эндерле. Ну, ужъ и неслыханно! У насъ съ каждой бывало то же самое.

Шютцъ. Извините, пожалуйста, господинъ Эндерле,—со мной этого не случалось.

Пепи. Да, Шютцъ, тобою директоръ особенно доволенъ.

Балдуинъ (*смѣется*). Да, дѣвица Шютцъ, тобою онъ очень доволенъ!

Каринскій и Фогель (*появляются въ средней аллеѣ и, разговаривая, приближаются къ актерамъ*).

Фогель. Я, навѣрное, не ошибся. Знаю же я Ронштеда! Когда два года тому назадъ онъ былъ въ Вѣнѣ, мы съ нимъ встрѣчались ежедневно.

Каринскій. Странно, что онъ получилъ теперь отпускъ.

Фогель (*указывая на группу у театра*). Смотри, они всѣ тутъ. Подойдемъ къ нимъ на минуту. Ридель тоже тутъ.

Каринскій. Господи, и красива же эта дѣвчонка!

Фогель. Не знаю, что ты нашелъ въ ней особеннаго.

Каринскій. Съ нею можно бы опять повеселѣть.

Фогель. Но она не хочетъ,—что?

Каринскій. Захочетъ.

Фогель. Соперникъ еще здѣсь.

Каринскій. Тѣмъ лучше; есть, по крайней мѣрѣ, у кого отнять ее.

Эндерле (*при видѣ приближающихся офицеровъ, къ Пепи*). Слава тебѣ Господи, они уже тутъ.

Пепи. Они пришли, конечно, именно ради меня.

Эндерле. Ради кого же?

Пепи. Оставь меня, наконецъ, въ покоѣ. Подумаешь, я такъ и льну къ военнымъ! Я ихъ вовсе и за мужчинъ не считаю. Колоды, а не мужчины.

(*Фогель и Каринскій подходятъ къ группѣ*)

Фогель. Добраго вечера, прекрасныя дамы (*Небрежно помахиваетъ рукой по адресу мужчинъ*).

(*Финке и Эндерле отвѣчаютъ легкимъ поклономъ*).

Балдуинъ (*важно*). Добраго вечера, господинъ поручикъ!

Фогель. Здравствуйте, любовникъ и герой! Что подѣлываетъ искусство и что подѣлываетъ любовь?

Балдуинъ (*хохочетъ*). Хо-хо!

Фогель (*къ Эндерле*). Здорово, комикъ! Вчера, глядя на васъ, я покатывался со смѣху.

Эндерле (*сухо*). Благодарю; меня зовутъ Эндерле.

Каринскій (*съ преувеличенной вѣжливостью кланяется Аннѣ*). Добраго вечера, сударыня.

Анна (*холодно*). Здравствуйте.

Каринскій. Вы, кажется, не въ милостивомъ настроеніи, сударыня?

Анна. Кажется.

Каринскій. Пора бы быть помилостивѣе.

Анна. Да?

Каринскій. Черезъ нѣсколько дней истекаетъ срокъ моего отпуска. Подумайте,—я долженъ вернуться въ свою ненавистную берлогу. Было бы очень недурно унести съ собой туда пріятное воспоминаніе.

Анна. Въ нихъ у васъ, вѣроятно, не будетъ недостатка. (*Отвертывается*).

Каринскій (*съ чувствомъ*). Погодите. Отчего вы такъ относитесь ко мнѣ? Отчего именно ко мнѣ? Не вѣрю я въ вашу холодность—нѣтъ. Вы могли бы... сдѣлать очень счастливымъ, еслибъ захотѣли.

Анна (*порывается уйти, потомъ холодно отвѣчаетъ*). Думаю, что такъ.

Каринскій. Отчего же не меня? Оттого, что вы меня не любите? Да мнѣ вашей любви и не надо. Вѣдь я уѣзжаю черезъ нѣсколько дней, и мы никогда больше не увидимся.

Анна. Однако, это ужъ слишкомъ!

Каринскій. Неужели такимъ людямъ, какъ мы съ вами, необходимо лгать другъ передъ другомъ? Надо радоваться тому, что находишь другъ друга, какъ можно больше веселиться, а тамъ (*цинично*)—adieu.

Анна (*не находитъ возраженій*).

Каринскій. Вы сами чувствуете, что я правъ. Къ чему противиться? Потомъ можете вернуться къ нему,—я ничего противъ этого не имѣю.

Каринскій, Фогель, Балдуинъ, Финке, Эндерле, Анна Ридель, Пепи Фи-

шеръ, Шютцъ, Конъ. Директоръ Шнейдеръ (*входитъ; онъ высокъ и крѣпокъ; лицо, толстое, въ морщинахъ, тщательно выбритъ; глаза маленькіе, довольно лукавые. Съ подчиненными говоритъ громко и повелительно, съ нужными ему людьми—съ заискивающей любезностью. Носитъ свѣтлые брюки, черный поношенный сюртукъ, новый сѣрый цилиндръ съ черной лентой. Типичный провинціальный актеръ, которому посчастливилось набить деньгу. По временамъ впадаетъ въ паѳосъ и тогда жестами и интонаціей напоминаетъ стараго комедіанта*).

Директоръ. Здравствуйте, дѣтки, здравствуйте! (*Ему отвѣчаютъ безъ особеннаго энтузіазма*). А, господинъ капитанъ,—господинъ поручикъ (*снимаетъ шляпу и кланяется*). Надѣюсь, господа офицеры снова окажутъ намъ честь сегодня?

Фогель. Конечно. Куда-жъ еще дѣвать свои вечера въ этой берлогѣ.

Шнейдеръ. Я съ гордостью замѣчаю, что мой художественный институтъ пользуется особенной благосклонностью королевско-императорской арміи.

Фогель. Да, да. Но хорошо, что я васъ встрѣтилъ, директоръ,—я давно уже хотѣлъ поговорить съ вами. Скажите, ради Бога, что за пьесу поставили вы третьяго дня или когда это было,—безъ музыки, безъ хора, безъ дѣвицъ и безъ чего бы то ни было для смѣха!

Директоръ. Видите ли, господинъ поручикъ... иногда... надо стараться удовлетворять всякимъ вкусамъ... лѣтомъ...

Фогель. Никогда не дѣлайте этого, а не то вы потеряете своихъ постоянныхъ кліентовъ, директоръ.

Директоръ (*угодливо смѣется*). Очень хорошо.

Фогель. Я не шучу, директоръ. А что слышно съ давно обѣщанной «Феей Куколъ?»

Директоръ. Готовимся къ ея постановкѣ—не правда ли, Финке? (*Финке подтверждаетъ кивкомъ*). А вы, господа, и представленія не имѣете о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходится бороться, пока одолѣешь подобное произведеніе.

Фогель. А какъ распредѣлены роли въ «Феѣ Куколъ»?

Директоръ. Разумѣется, между лучшими нашими силами.

Фогель. Кто будетъ играть бебе? Это моя любимая роль.

Шютцъ (*нѣжно*). Папа... мама...

Фогель. Папа, мама—вотъ прелесть! Не правда ли, разговоръ въ балетѣ—вѣдь это нововведеніе?

Директоръ. По крайней мѣрѣ, я не знаю другого балета, въ которомъ...

Каринскій (*все время не спускавшій глазъ съ Анны*). Роль бебе слѣдовало бы сыграть госпожѣ Аннѣ Ридель... При ея дѣтской невинности...

Анна (*хочетъ вспылить*).

Финке. Въ провинціи эту роль всегда исполняетъ энженю.

Каринскій. Въ костюмѣ бебе она была бы восхитительна—поскольку можемъ судить объ этомъ мы, простые смертные.

Конъ (*вполголоса*). Но, вѣдь, костюмъ бебе состоитъ изъ одной только рубашки.

Директоръ (*строго*). Да, роль бебе мы поручимъ госпожѣ Ридель.

Каринскій. До свиданія, господинъ директоръ.

Фогель. Мое почтеніе!

(*Оба раскланиваются*).

Директоръ (*снова снимаетъ шляпу съ низкимъ поклономъ*). Весьма польщенъ вашимъ вниманіемъ!

(*Каринскій и Фогель уходятъ*).

Прежніе, кромѣ офицеровъ.

Шютцъ. Право, пріятно видѣть, какъ дружески бесѣдуютъ офицеры съ господиномъ директоромъ.

Директоръ. Отъ насъ самихъ зависитъ быть удостоенными дружбы высшихъ и благороднѣйшихъ круговъ общества. Средство для этого простое: быть самому благороднымъ.

Эндерле. Да, если кто съумѣетъ!

Директоръ (*строго глядитъ на него*).

Финке (*взглянувъ на часы*). Дѣтки, пора. Мое почтеніе, господинъ директоръ!

Эндерле. Ага, снова потѣть.

Директоръ (*слегка презрительно*). Любезный господинъ Эндерле!

Эндерле (*съ притворнымъ смиреніемъ*). Господинъ директоръ!

Директоръ. Такъ нельзя быть артистомъ.

Эндерле (*презрительно*). А-а!

Директоръ. Побольше любви къ дѣлу,—осмѣлюсь попросить...

Эндерле. Побольше жалованья, осмѣлюсь попросить! До свиданія, господинъ директоръ!

Пепи (*уходя, къ Эндерле*). Что ты все раздражаешь его! Право, никогда ты ничего не добьешься при театрѣ!

Конъ (*про себя*). Господи,—я не нарадуюсь на Эндерле!

Балдуинъ. Мое почтеніе, господинъ директоръ. Дѣвица Шютцъ, проходи впередъ!

Шютцъ (*директору, нѣжно*). Добраго вечера, господинъ директоръ!

(*Эндерле, Финке, Балдуинъ, Пепи Фишеръ, Шютцъ уходятъ*).

Директоръ. Анна Ридель.

Директоръ (*строго*). Ну-съ, Ридель, а вы что же?

Анна. Я сегодня не участвую.

Директоръ. Пусть такъ, но, полагаю, вы все-таки могли бы присутствовать на спектаклѣ. Я люблю, чтобы мои артисты интересовались игрой своихъ коллегъ. (*Важно*). Вы могли бы еще поучиться кой-чему.

Анна. Весьма возможно. Господинъ директоръ, прошу васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ.

Директоръ. Здѣсь? Не люблю я, когда на меня нападаютъ на улицѣ. (*Мягче, съ масляными глазами*). Не угодно ли вамъ войти со мной въ мою контору?..

Анна. Это совершенно лишнее.

Директоръ (*строго*). Ну-съ, такъ въ чемъ же дѣло?

Анна (*съ трудомъ сохраняя спокойствіе*). Господинъ директоръ, сегодня вы... къ моему величайшему изумленію... извѣстили меня о моемъ увольненіи.

Директоръ (*просто*). Такъ.

Анна. Но скажите, господинъ директоръ, за что?

Директоръ. Вы спрашиваете — за что? Сударыня, вы для меня не годитесь.

Анна. Но, вѣдь, я... положительно не понимаю.. я исполняла свои обязанности не хуже другихъ, я учила свои роли, являлась на репетиціи, я понравилась...

Директоръ. Предоставьте мнѣ судить объ этомъ, сударыня.

Анна. Но сами же вы, господинъ директоръ, сами же вы лишь третьяго дня сказали мнѣ, что довольны мною.

Директоръ. Такъ что-жъ такое! Я, вѣроятно, хотѣлъ подбодрить васъ.

Анна. Но если третьяго дня вы меня подбодряли, такъ отчего же вы сегодня увольняете меня?

Директоръ. Очень просто, сударыня. Вы не привлекаете публику въ театръ. (*Откровенно*). Вы нелюбезны, сударыня: долженъ вамъ сказать, что въ этомъ—главная причина! Только что я опять имѣлъ случай наблюдать ваше обхожденіе съ моими уважаемыми друзьми (*Анна глядитъ на него вопросительно*) — съ господами офицерами. Вы совершенно нелюбезны, вы положительно показываете публикѣ, что презираете ее. Сударыня, для васъ это рановато. Подобную роскошь можете позволить себѣ на императорской сценѣ, здѣсь же мы находимся въ зависимости отъ публики. Я забочусь о своемъ персоналѣ и имѣю право требовать, чтобы мой персоналъ позаботился тоже обо мнѣ.

Анна (*въ волненіи*). Я могу только исполнять свои обязанности, — не иначе.

Директоръ. А этого слишкомъ мало. Вотъ поглядите-ка на своихъ товарокъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою... привязанность. Выпуская сегодня на сцену Бендверъ или Шютцъ... даже въ ничтожнѣйшей роли, я могу разсчитывать на то, что двѣ-три ложи и дюжина креселъ ужъ непремѣнно будутъ взяты. А дай я вамъ роль хоть въ двѣнадцать листовъ, ни одна кошка не прибѣжитъ изъ-за васъ въ театръ.

Анна. Да, весьма сожалѣю, но съ этими дамами я не могу конкурировать.

Директоръ. Вотъ то-то я и говорю. Вамъ, сударыня, недостаетъ именно этого артистическаго рвенія.

Анна. Если рвеніе это заключается въ томъ, чтобы до глубокой полночи распивать шампанское съ офицерами...

Директоръ. Госпожа Ридель, извольте воздержаться отъ дерзкихъ... да... дерзкихъ отвѣтовъ. Я не потерплю, чтобы вы позволили себѣ дѣлать замѣчанія по поводу невинныхъ развлеченій вашихъ подругъ. Вы рѣшительно ничего не потеряете, если поубавите въ себѣ строптивости. Вамъ недостаетъ esprit de corps, такъ сказать, уваженія къ своему собственному званію. Довольно объ этомъ. Прощайте, сударыня. (*Дѣлаетъ видъ, будто хочетъ уйти, потомъ опять подходитъ къ ней*). Впрочемъ... не буду упорствовать въ своемъ рѣшеніи... сдѣлаю еще одну попытку. Если вамъ угодно остаться при моемъ художественномъ институтѣ на половинномъ жалованьи, то поговоримте.

Анна (*въ волненіи*). Господинъ директоръ!

Директоръ. Пожалуйста, безъ благодарности...

Анна (*со смѣхомъ*). Благодарности? (*Уходитъ не простившись*).

Директоръ (*глядитъ ей вслѣдъ спокойно, съ видомъ знатока; къ Кону*). Недурно сложена.

Конъ. Какъ бы не сглазить! Осмѣлюсь спросить, господинъ директоръ, кто же будетъ играть энженю?

Директоръ. Кто? Ридель. Но за двадцать пять гульденовъ.

Конъ (*жестомъ выражаетъ сожалѣніе*).

Директоръ. Развѣ я обязанъ кормить моихъ актрисъ?

Конъ. Мнѣ кажется, господинъ директоръ, что у нея никого нѣтъ.

Директоръ. Конъ, я васъ заставлю исполнять роли энженю. (*Уходитъ въ театръ*)

(*Между тѣмъ,* **Анна** *встрѣчается съ* **Павломъ**).

Павелъ (*весело здоровается съ нею*). Анна!

Анна (*разсѣянно*). Здравствуйте!

Павелъ. Что съ вами? Что случилось?

Анна. Я уволена.

Павелъ. Какъ! Не можетъ быть.

Анна. Да, въ самомъ дѣлѣ, я преувеличиваю. Я не уволена. За 25 гульденовъ я могу оставаться въ этомъ «художественномъ» институтѣ.

Павелъ. Ну знаете—будете ли вы получать 25 гульденовъ или 50—разница не велика.

Анна. Дѣло не въ томъ,—хотя и разница не такъ ужъ мала, какъ вамъ кажется.

Павелъ. Еслибъ не ваша неслыханная мелочность, то дѣло давно бы уладилось. Вѣдь мы знакомы не со вчерашняго дня—могли бы вы, наконецъ, повѣрить, что у меня нѣтъ никакой задней мысли.

Анна. Пожалуйста, прекратите разговоръ объ этомъ.

Павелъ (*почти съ гнѣвомъ*). Господи! желалъ бы я только знать, какъ вы устроитесь. Я долженъ выяснить этотъ вопросъ раньше, чѣмъ уѣду.

Анна. Такъ это правда?.. Когда же вы уѣзжаете?

Павелъ. У меня сборы недолгіе... Можетъ быть, завтра.

Анна. Значитъ, намъ надо проститься... навсегда.

Павелъ. Почему?

Анна. Какъ знать, куда занесетъ меня судьба. Во всякомъ случаѣ, для васъ я перестану существовать.

Павелъ. А если я попрошу васъ переписываться со мною?

Анна. Какой въ этомъ смыслъ?

Павелъ. Да!.. (*Пауза*). Скажите, что вы намѣрены предпринять.

Анна. Теперь я поѣду къ мамѣ, а осенью какъ-нибудь устроюсь.

Павелъ. А если не удастся?

Анна. О, какъ знать. Я могу перемѣниться... современемъ, когда поживу подольше среди этихъ господъ.

Павелъ. Это еще что означаетъ!

Анна. Я стану такою же, какъ другія. Всѣ возмущены тѣмъ, что я сопротивляюсь. Да, теперь я еще сопротивляюсь, потому что я взбѣшена, взбѣшена, говорю вамъ.

Павелъ. Но вамъ слѣдовало ожидать...

Анна. О, Боже!—не изъ добродѣтели... будьте увѣрены. Мнѣ только не въ моготу переносить подобное обхожденіе... со стороны всѣхъ. Эти люди считаютъ положительно непозволительнымъ чванствомъ то, что я не желаю торговать собою.

Павелъ. Но вы, вѣдь, свободный человѣкъ и можете поступать, какъ найдете нужнымъ... никто не можетъ принудить васъ.

Анна. Принудить?.. Нѣтъ. Но долгое преслѣдованіе утомляетъ, наконецъ! Ахъ, къ чему я вамъ все это разсказываю. Я васъ только разстраиваю. Прощайте, дорогой другъ!

Павелъ. Прошу васъ, Анна, погодите немного, поговоримъ обо всемъ этомъ спокойно, о вашей будущности... вѣдь мы, можетъ быть, не скоро увидимся.

Анна. И прекрасно. Въ сущности говоря, вы тоже тяготите меня. Все, что вы мнѣ говорите, дѣлаетъ меня еще болѣе нервной.

Павелъ. Вотъ этого я совсѣмъ ужъ не хотѣлъ.

Анна. Знаю, знаю—не сердитесь на меня. Однако, знаете ли—вы слишкомъ счастливы, вы тутъ... ахъ, я и теперь уже совсѣмъ злая особа... Прощайте.

Павелъ. Анна, но не согласитесь ли вы... не пойдете ли завтра утромъ со мною прогуляться? Вы не будете такъ злы, а я—не такъ счастливъ, если это доставляетъ вамъ удовольствіе. Не можемъ же мы разстаться такъ на... Богъ вѣсть на сколько времени!

Анна. Именно такъ... Только такъ... Прощайте. (*Быстро уходитъ, скрывается въ одной изъ заднихъ аллей. Павелъ стоитъ нѣкоторое время неподвижно, затѣмъ покачиваетъ головой и удаляется въ другомъ*

*

направленіи. Темнѣетъ. У кіоска собираются посѣтители. Изъ театра доносится музыка).

(Секундъ черезъ десять послѣ ухода Пазла приходятъ Каринскій и Ронштедъ).

Каринскій. Ронштедъ.

(Ронштедъ носитъ такую же форму, что и Каринскій. Онъ красивъ и мужественъ на видъ. Небольшая свѣтлая бородка. Онъ безъ сабли, въ шинели въ накидку. Говоритъ любезно, а по временамъ очень энергично).

Каринскій *(съ раздраженіемъ)*. Далъ бы ты мнѣ хоть спокойно воспользоваться моимъ отпускомъ.

Ронштедъ. Рѣшительно не понимаю твоего легкомыслія.

Каринскій. Обо всемъ этомъ я могъ бы узнать и черезъ недѣлю.

Ронштедъ. Говорятъ же тебѣ: они не согласны больше ждать.

Каринскій. Подождутъ.

Ронштедъ. Ты, очевидно, не хочешь понять меня. Къ полковому начальству поступила жалоба.

Каринскій *(вздрагиваетъ, но тотчасъ же овладѣваетъ собой)*. Въ прошломъ году была такая же исторія. Что же, я не расплатился съ ними въ прошломъ году? Пусть потерпятъ.

Ронштедъ. Дѣло не такъ просто. На сей разъ присоединилась еще та, другая исторія; за тобой накопилось слишкомъ много.

Каринскій. Ага, я такъ и думалъ, что воспользуются и этимъ.

Ронштедъ. Этого надо было ожидать.

Каринскій. Что-жъ мнѣ было дѣлать, когда такой господинъ толкаетъ меня въ ресторанѣ и даже не находитъ нужнымъ извиниться.

Ронштедъ. Ну, съ этимъ можно и покончить. Ты, вѣдь, самъ не вѣришь больше, будто онъ сдѣлалъ это умышленно.

Каринскій. Какъ бы тамъ ни было... а я обязанъ былъ такъ поступить.

Ронштедъ. Я держусь на этотъ счетъ совершенно иного взгляда.

Каринскій. Какого же—осмѣлюсь спросить?

Ронштедъ. Да оставь ты, наконецъ, и будь доволенъ тѣмъ, что я... въ воспоминаніе о многихъ годахъ, которые прожиты нами по дружески... разговариваю съ тобою, какъ съ другомъ. Я упрекаю себя за то, что не дѣлалъ этого почаще,—быть можетъ, мнѣ удалось бы тогда... Однако, теперь такъ не можетъ продолжаться. Говорю тебѣ откровенно: полковникъ внѣ себя отъ гнѣва.

Каринскій *(послѣ краткой паузы)*. Ты явился по порученію?

Ронштедъ. По порученію? Нѣтъ, не совсѣмъ.

Каринскій. Но, скажи пожалуста, какъ же мнѣ въ самомъ дѣлѣ быть? Семи тысячъ гульденовъ у меня нѣтъ. Но знаютъ же они, что мнѣ можно повѣрить эти нѣсколько тысячъ—чего-жъ они жалуются?

Ронштедъ. Носится слухъ, будто твой дядя не согласенъ больше платить за тебя.

Каринскій (*хочетъ вспылить, но сдерживается*). На этотъ разъ онъ еще заплатитъ.

Ронштедъ. Если же нѣтъ...

Каринскій. Заплатитъ, говорю я.

Ронштедъ. А... въ слѣдующій разъ?

Каринскій. Слѣдующаго раза не существуетъ. Впрочемъ, ты самъ знаешь, меня преслѣдовало несчастье въ игрѣ. Въ концѣ концовъ, должно же оно перемѣниться.

Ронштедъ. Тебѣ не слѣдуетъ больше и прикасаться къ картамъ. Если хочешь освободиться, наконецъ, отъ вѣчныхъ непріятностей, ты долженъ устроить свою жизнь совершенно по иному.

Каринскій. Вотъ поѣду я сейчасъ къ дядюшкѣ въ имѣніе и буду сажать тамъ капусту.

Ронштедъ. Именно, такъ я и совѣтовалъ бы тебѣ поступить. (*Пауза*).

Каринскій (*крайне пораженный*). Ты мнѣ...

Ронштедъ. Да.

Каринскій. Ты говоришь серьезно? Этотъ мундиръ да чтобъ я!.. я тебя, вѣроятно, не такъ понялъ?

Ронштедъ. Ты понялъ совершенно правильно. Дѣло очень ясно. При твоемъ характерѣ и съ твоими средствами нельзя оставаться кавалерійскимъ офицеромъ. Долженъ же ты, наконецъ, согласиться съ этимъ.

Каринскій. Выйти въ отставку?

Ронштедъ. Теперь можно еще выйти съ честью.

Каринскій. Скорѣе пулю въ лобъ—понимаешь?

Ронштедъ. Ну, ну...

Каринскій. Это—послѣднее мое слово. (*Пауза; приближаются къ кіоску*).

Ронштедъ. Да будь же... (*садятся за однимъ изъ столиковъ*).

Каринскій (*кельнеру*). Рюмку коньяку!

(*Темнѣетъ; за нѣкоторыми столиками вокругъ кіоска—посѣтители. Среди нихъ мало дамъ; онѣ сидятъ въ глубинѣ сцены въ обществѣ мужчинъ. Кассиръ ушелъ раньше*).

(*Изъ театра выходятъ нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые останавливаются, бесѣдуютъ, курятъ. Вмѣстѣ съ прочими появляются* **поручикъ Фогель и Польди Грейлингеръ**).

Фогель. Покуримъ?

Польди (*вынимаетъ портсигаръ, предлагаетъ Фогелю*). Вотъ возьми изъ моихъ,—египетскія.

Фогель. Благодарю. Знаешь—съ меня на сегодня довольно этой комедіи; лучше присядемъ тамъ, у ресторана.

Польди. Какъ тебѣ угодно. (*Они плетутся по направленію къ ресторану*).

Фогель. Такъ что—вотъ сидитъ Каринскій съ Ронштедомъ.

Польди. Pardon, другого капитана я не имѣю чести знать.

Фогель. Ничего не значитъ... Я тебя познакомлю съ нимъ. *(Подходятъ къ столику, у котораго сидятъ Каринскій и Ронштедъ).*

Фогель. Мое почтеніе, капитанъ!

Ронштедъ *(узнаетъ его, послѣ краткой паузы).* Да это Фогель! Здравствуй! Не желаешь ли присосѣдиться къ намъ?

Фогель. Если позволишь; но я не одинъ *(хочетъ познакомить его съ Польди).*

Польди *(представляясь).* Польди Грейлингеръ.

Ронштедъ *(очень любезно).* Ронштедъ. *(Фогель и Польди садятся).*

Фогель. Я увидѣлъ тебя сейчасъ же по твоемъ пріѣздѣ. Ты, повидимому, ѣхалъ прямо съ вокзала... съ чемоданомъ на дрожкахъ. Долго пробудешь у насъ?

Ронштедъ. Нѣтъ, всего два-три дня.

Фогель. Жаль, что у тебя такой короткій отпускъ... хотя и мой то же приходитъ къ концу.

Мальчикъ изъ ресторана *(подходитъ къ столу).* Что прикажете, господинъ поручикъ?

Фогель. Принесите мнѣ рюмку аллаша. Эй, послушайте, поклонитесь m-elle Валеріи и скажите ей, что это для меня.

Польди. Мнѣ дайте шартрезу.

Мальчикъ. Какого прикажете—зеленаго или желтаго?

Польди. Да зеленаго же. Когда вы, наконецъ, будете помнить? Вѣдь не трудно... Я всегда пью зеленый.

Мальчикъ. Такъ точно, господинъ фонъ Грейлингеръ.

Польди. Ну, то-то же *(Мальчикъ уходитъ).*

Фогель. Эти нѣсколько дней, что мы пробудемъ вмѣстѣ, надо бы провести весело, насколько это возможно въ этомъ болотѣ.

Каринскій. Ты условился насчетъ нынѣшняго вечера?

Фогель. Разумѣется, послѣ спектакля мы соберемся въ «Коронѣ».

Ронштедъ. Кто это—«мы»?

Фогель. Такъ что—мы—это прежде всего *мы*... и потомъ нѣсколько дѣвицъ изъ театра.

Ронштедъ. А-а!

Фогель. Между ними есть премилыя. *(Ронштеду).* Ты хорошо позабавишься; онѣ не заставляютъ упрашивать себя долго... то-есть, я говорю объ ужинѣ.

Мальчикъ *(приноситъ напитки).*

Фогель. Цѣлую сердечко m-elle Валеріи. *(Ронштеду).* За твое здоровье, капитанъ!

Ронштедъ *(тоже пьетъ).* Будь здоровъ!

Каринскій *(мальчику).* Принеси мнѣ еще коньяку. *(Фоглю).* А изъ дамъ кто будетъ?

Фогель. Такъ что—тѣ же, что всегда бываютъ.

Каринскій. И Ридель?

Фогель. А, не говори мнѣ объ этой нелѣпой особѣ; я ужъ и не надѣюсь на это.

Каринскій. Но я хочу, чтобъ Ридель пришла. Именно она!

Фогель (*Ронштеду*). Слышишь? Вотъ онъ каковъ? Онъ хочетъ! Да она не желаетъ.

Каринскій. Она придетъ.

Ронштедъ (*улыбаясь*). А, это, видно, одна изъ непокорныхъ.

Каринскій (*вынимаетъ изъ портфеля карточку, садится у сосѣдняго столика и пишетъ нѣсколько строкъ*).

Фогель. Что ты дѣлаешь?

Каринскій. Ужо увидишь. Вы, кельнеръ, дайте мнѣ конвертъ.

Кельнеръ. Сію минуту, господинъ капитанъ.

Каринскій (*Фогелю*). Она сегодня не участвуетъ тамъ,—что?

Фогель. Нѣтъ. Такъ что—собственно, что ты ей пишешь?

Каринскій. Приглашеніе.

Фогель. Онъ ее приглашаетъ! Такъ она и прибѣжитъ сейчасъ!

Каринскій. Желалъ бы я знать, почему ей одной слѣдуетъ быть исключеніемъ.

Фогель. Въ этомъ онъ вполнѣ правъ. Долженъ же быть порядокъ. Если теперь и театральныя тоже захотятъ быть приличными дамами, такъ, вѣдь, некуда будетъ дѣваться.

Кельнеръ (*приноситъ письменный приборъ*).

Каринскій. Что это вы притащили цѣлый писчебумажный магазинъ? (*Беретъ конвертъ и вкладываетъ въ него карточку*). Уберите этотъ хламъ. Однако, въ которомъ номерѣ она живетъ...

Фогель. Нечего притворяться. Ты, вѣдь, ежедневно посылаешь ей цвѣты.

Каринскій. Въ 12-мъ... да, въ 12-мъ. Эй, кельнеръ, пошлите-ка сюда мальчика.

Кельнеръ. Сію минуту.

Ронштедъ. Отчего ты гонишься именно за этой, разъ у васъ здѣсь такой богатый выборъ?

Каринскій. Да, именно за этой (*Ронштеду тихо, слегка насмѣшливо*). А съ завтрашняго дня начнется новая жизнь.

Мальчикъ (*появляется у столика*). Что прикажете, господинъ капитанъ?

Каринскій. Послушай, малый, — ты отправишься съ этимъ письмецомъ на Парковую улицу, номеръ 12-ый, — понимаешь? Спросишь, дома ли госпожа Ридель; если она дома, вручишь ей письмо и подождешь отвѣта,—понимаешь? Если-жъ ея дома нѣтъ, то письмо оставь и скажи, что придешь опять черезъ часъ.

Мальчикъ (*улыбается и беретъ письмо*).

Фогель. Онъ ухмыляется, этотъ мальчикъ.

Каринскій. Avanti, avanti!

Мальчикъ (*уходитъ*).

Фогель. Что-жъ ты написалъ?

Каринскій. Я въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ приглашаю ее на ужинъ,—такъ почтительно, какъ если бы приглашалъ настоящую даму.

Фогель (*съ шутливой угрозой*). Ты не пишешь ей: дорогое сокровище? (*Къ прочимъ*). Отъ него, вѣдь, всего можно ожидать!

Реннингъ и Вельнеръ (*входятъ слѣва, проходятъ между столиками, ищутъ мѣста. Они проходятъ мимо Жаринскаго и прочихъ, не замѣчая ихъ*).

Фогель. О, докторъ!

Вельнеръ. Добраго вечера, господа!

Фогель. Куда? За приключеніями?

Вельнеръ. Нѣтъ, ничуть не бывало. Или, можетъ быть, выпить рюмочку—приключеніе?

Павелъ. Вотъ свободный столикъ. (*Направляются къ сосѣднему столу*).

Польди. Здравствуй, Павелъ.

(*Подавая руку Польди, Павелъ кланяется Ронштеду*).

Павелъ. Павелъ Реннингъ.

Ронштедъ. Капитанъ Ронштедъ.

Вельнеръ (*тоже знакомясь*). Д-ръ Вельнеръ.

Каринскій (*кланяется*).

(*Вельнеръ и Павелъ садятся у сосѣдняго стола*).

Вельнеръ (*Ронштеду*). Вы сегодня пріѣхали, господинъ капитанъ?

Ронштедъ. Да, послѣ обѣда. А здѣсь, кажется, очень недурно.

Вельнеръ. Тому, кто не долженъ жить здѣсь, эта мѣстность, пожалуй, можетъ понравиться.

Ронштедъ. А вамъ приходится здѣсь жить?

Вельнеръ. Да, конечно,—я здѣшній врачъ.

Фогель (*Ронштеду*). Помнишь, капитанъ, нашу послѣднюю встрѣчу?

Ронштедъ. Какъ же! Три года тому назадъ въ Вѣнѣ, послѣ скачекъ...

Фогель. Вѣрно! На которыхъ гнѣдая Ферди Ауэрсперга получила первый призъ!

Ронштедъ. Мы ужинали на Константиновской горкѣ.

Фогель. Съ Вайденталеромъ,—помнишь?

Ронштедъ. Онъ умеръ.

Фогель. Да, конечно... бѣдняга! Такъ что—когда ты снова пріѣдешь въ Вѣну?

Ронштедъ. Очень скоро!

Фогель. А, такъ что — ты дѣйствительно переходишь въ военную академію?

Ронштедъ. Да, осенью! Пришлось не мало ждать.

Фогель. Очень, очень радъ. Такъ что—если я могу оказать тебѣ какую-нибудь услугу, посвятить тебя въ вѣнскія тайны...

Ронштедъ. Да я знаю Вѣну очень хорошо.

Фогель. А ты, Каринскій? Неужели не возможно перейти къ намъ, обмѣняться съ кѣмъ-нибудь мѣстами?

Каринскій. Кто тутъ будетъ обмѣниваться? Я изъ своего полка не уйду.

Фогель. О, нельзя знать! Бывали удивительнѣйшіе переводы.

(*Мальчикъ входитъ*).

Каринскій. Ну, что?

Мальчикъ. Барышня сказала, что отвѣта не будетъ.

Каринскій. Что!? Ты засталъ ее дома?

Мальчикъ. Да, барышня была дома, я говорилъ съ нею.

Каринскій. Она прочла письмо?

Мальчикъ. Да, и сказала, что отвѣта не будетъ.

Фогелю. Жалѣю, что не побился объ закладъ!

Каринскій. Это можно еще наверстать... На двадцать бутылокъ шампанскаго?

Фогель. Чего тебѣ еще? Вѣдь ты уже проигралъ?

Каринскій. Увидимъ. Согласенъ на пари?

Фогель. Если тебѣ хочется par tout платить за шампанское...

Каринскій. Прекрасно! До свиданія, господа! (*Уходитъ*).

Фогель (*Ронштеду*). Видалъ ты когда-либо такого самолюбиваго человѣка? Теперь онъ самъ побѣжалъ къ Ридель.

Павелъ (*разговаривавшій съ Вельнеромъ и лишь изрѣдка прислушивавшійся къ разговору за сосѣднимъ столомъ, услыхавъ это имя, быстро поворачивается*). Къ кому?

Фогель. Къ... (*Внезапно понявъ, въ чемъ дѣло*). Такъ что—когда Каринскій заберетъ что-нибудь въ голову... Теперь ему вдругъ захотѣлось, чтобъ Ридель пришла сегодня вечеромъ туда... знаете, послѣ спектакля, туда, гдѣ мы всѣ обыкновенно...

Вельнеръ (*слегка удерживаетъ Павла за руку*).

Ронштедъ (*замѣтивъ волненіе Павла*). Я не понимаю,—намъ не слѣдовало пускать его.

Фогель. Не пустить! Не сердись, капитанъ, но я его знаю лучше, чѣмъ ты. Коли онъ ужъ надумаетъ что-нибудь!..

Вельнеръ (*Павлу*). Уйдемъ-ка лучше отсюда.

Павелъ. О, нѣтъ, я желаю быть здѣсь, когда этотъ господинъ вернется.

Вельнеръ. Но, вѣдь, это совершенно ни къ чему. Ты же знаешь, она не приметъ приглашенія.

Фогель (*Ронштеду*). Я всегда говорилъ, что au fond онъ прекрасный малый, чудесный товарищъ, но все должно идти такъ, какъ ему захочется, въ противномъ случаѣ—чортъ ему не братъ!

Ронштедъ. Да, но не всегда это удается.

Фогель. Разумѣется. (*Тихо*). Такъ что—ужъ коли мы заговорили объ этомъ... скажи, что собственно съ этой исторіей тамъ, у васъ... ну, ты знаешь, онъ самъ разсказалъ мнѣ... вѣдь дѣло будетъ замято,—что?

Ронштедъ. Надѣюсь.

Фогель. Да и что, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь они это только такъ расписали, а съ нимъ, въ концѣ концовъ, ничего такого не случилось... такъ что—съ этимъ штатскимъ...

Ронштедъ. Это ничуть не измѣняетъ дѣла, мой милый Фогель.

Фогель. И Каринскій, конечно, ничего дурного не имѣлъ въ виду, когда далъ ему раза,—онъ, говорятъ, выпилъ лишнее.

Ронштедъ. Ахъ, Господи, Каринскій просто человѣкъ, которому слѣдовало бы жить въ совершенно иныхъ условіяхъ.

Фогель. Какъ такъ? Что ты хочешь этимъ сказать? О да, ему бы слѣдовало быть богатымъ, чтобъ имѣть возможность размахнуться во всю.

Ронштедъ. Размахомъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Павелъ (*хочетъ встать*).

Вельнеръ. Ну, чего тебѣ? Онъ вернется со стыдомъ — и тогда мы можемъ уйдти.

Ронштедъ. Нѣтъ, размахомъ ничего не подѣлаешь. Ему бы все драться. Куда дѣваться человѣку съ такимъ темпераментомъ въ наше мирное время? Правда, такіе люди, какъ Каринскій, должны быть солдатами, но этимъ солдатамъ нужна война, а при иныхъ условіяхъ у нихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ правъ на существованіе.

Фогель (*слушавшій съ благоговѣйнымъ вниманіемъ*). Ты полагаешь?

Ронштедъ. Безусловно! Такіе люди лишены всякой возможности *изживаться*. (*Указывая на Павла*). Тотъ господинъ, повидимому... что... онъ въ близкихъ отношеніяхъ съ этой актрисой?

Фогель. Большой близости между ними, очевидно, нѣтъ, — иначе онъ немедленно вызвалъ бы его.

Ронштедъ. Намъ не слѣдовало отпускать его.

Фогель. А, вотъ идетъ Каринскій.

Вельнеръ (*Павлу*). Будь остороженъ.

Каринскій (*спокойно*). Добраго вечера! Ты выигралъ, Фогель!

Фогель. Ну, вотъ видишь—я говорилъ! Жаль, что при театрѣ нѣтъ другой, чтобъ я могъ дать тебѣ реваншъ.

Ронштедъ. Ты могъ бы и не дѣлать этого!

Каринскій (*опоражниваетъ стаканъ, глядитъ на Павла*). Господинъ Реннингъ изволитъ улыбаться.

Павелъ. Я имѣю обыкновеніе улыбаться, когда меня что-нибудь забавляетъ.

Фогель. Мы всѣ смѣемся... оттого что ты самолюбивъ.

Каринскій. Этого не видать. Одинъ только господинъ Реннингъ, кажется, особенно хорошо настроенъ. Не позволено ли будетъ мнѣ освѣдомиться о причинахъ столь веселаго настроенія?..

Польди (*въ предчувствіи готовящейся ссоры принимаетъ весьма корректный видъ*).

Фогель (*желая замять разговоръ*). За твое здоровье, Каринскій!

Роннштедъ (*тихо, но рѣзко*). Перестань, Каринскій!

Каринскій. Вы, господинъ Реннингъ, кажется, не желаете оказать мнѣ честь и выяснить причину вашего веселаго настроенія.

Фогель. Да что ты? Мы всѣ веселы.

Каринскій. Пусть такъ. Но я спрашиваю именно господина Реннинга.

Павелъ. Глубоко сожалѣю, но не считаю себя обязаннымъ давать какія бы то ни было объясненія. (*Хочетъ уйти*).

Каринскій. Однако... Вамъ угодно было улыбнуться какъ разъ въ ту минуту, когда я снова усѣлся за этимъ столомъ... Или я ошибаюсь?

Павелъ. Возможно.

Каринскій. Васъ, повидимому, развеселило то обстоятельство, что я проигралъ пари?

Роннштедъ. Господинъ Реннингъ, вѣроятно, очень мало интересуется твоимъ пари.

Каринскій (*Павлу*). Такъ ли это?

Павелъ. Господинъ капитанъ, вы настаиваете на продолженіи настоящей бесѣды?

Каринскій. Безусловно.

Вельнеръ. Извините, господинъ капитанъ, но насъ она совсѣмъ не интересуетъ.

Каринскій. Развѣ? Представьте себѣ, господа,—когда я явился къ госпожѣ Ридель, чтобы лично передать ей мое приглашеніе, дверь оказалась запертой.

Роннштедъ. Мы можемъ себѣ это представить.

Каринскій. Я постучался — мнѣ не открыли; я назвалъ себя — мнѣ не дали никакого отвѣта.

Роннштедъ. Къ чему ты намъ все это разсказываешь?

Каринскій. Я разсказываю господину Реннингу, котораго это, повидимому, забавляетъ, ибо онъ все еще улыбается... Дверь была заперта, да...

Вельнеръ. Мы уже знаемъ объ этомъ. Пойдемъ, Павелъ, — я полагаю...

Каринскій (*явно опасаясь, какъ-бы Павелъ не ускользнулъ отъ него, быстро восклицаетъ*). Существуютъ разныя причины, заставляющія дамъ закрывать свои двери.

Роннштедъ (*смѣясь*). Да, въ особенности, когда онѣ желаютъ побыть наединѣ съ собою.

Каринскій. Да, или также когда онѣ сидятъ вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь... это тоже бываетъ, господинъ Реннингъ — какъ вы полагаете?

Павелъ. Да. Или когда онѣ желаютъ оградить себя отъ навязчивости.

Каринскій. Что угодно вамъ сказать этимъ?

Павелъ. Я выразился вполнѣ ясно.

Каринскій. Не желаете ли вы сказать, что капитанъ Каринскій обнаруживаетъ навязчивость, приглашая на ужинъ кого-нибудь изъ служащихъ въ театрѣ?

Павелъ (*вскакиваетъ и ударяетъ Каринскаго въ лицо*). Негодяй!

Каринскій (*быстро протягиваетъ руку къ тому мѣсту, гдѣ у него обыкновенно виситъ сабля, потомъ хочетъ броситься на Павла. Ронштедъ и Фогель удерживаютъ его. Сильное движеніе за сосѣдними столами*).

Ронштедъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Каринскій. Пустите меня, я его... я...

Фогель. Пойдемъ, теперь ты ничего не можешь сдѣлать.

(*Волненіе возрастаетъ, люди за сосѣдними столиками встаютъ съ своихъ мѣстъ*).

Вельнеръ (*Павлу*). Теперь уйдемъ, — слышишь, Павелъ! Господи, если бъ ты только... Пойдемъ!

Польди. Ты не могъ поступить иначе. Онъ тебя вызвалъ на это. Тебѣ нужно было еще раньше...

(*Они направляются къ правой сторонѣ. Вокругъ Каринскаго собирается толпа. Ронштедъ и Фогель уговариваютъ его; они удаляются*).

Павелъ (*успокаиваясь*). Разумѣется, я поступилъ, какъ и слѣдовало...

Польди. Нечего говорить о томъ, что ты можешь разсчитывать на меня.

Вельнеръ. И на меня тоже.

Павелъ (*нѣкоторое время глядитъ на нихъ молча*). Ахъ да! Благодарю васъ. Но теперь оставьте меня одного. До свиданія. (*Быстро уходитъ*).

Польди. Павелъ!

Вельнеръ. Оставьте его. Такъ, пожалуй, будетъ лучше. Ему теперь хочется побыть одному.

Польди. Да, въ первый моментъ такія вещи дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ.

Вельнеръ. Чертовски непріятная исторія, мой милый Польди!

Польди. Конечно, конечно.

Вельнеръ. Она наврядъ ли закончится благополучно для Павла.

Польди (*корректно и равнодушно*). Конечно, но ничего не подѣлаешь.

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Комната на дачѣ Павла, убранная просто. Двѣ двери—съ правой и съ лѣвой стороны; два открытыхъ окна, выходящихъ въ садъ. Въ глубинѣ сцены видна садовая рѣшетка съ калиткой. Утро, начало девятаго часа*).

Павелъ (*одинъ, сидитъ на подоконникѣ, глядитъ въ садъ, куритъ папиросу. Въ садъ входятъ* **Польди Грейлингеръ** *и докторъ* **Вельнеръ**. *Павелъ радостно машетъ имъ рукой, улыбаясь отходитъ отъ окна, уходитъ въ дверь слѣва и тотчасъ же возвращается съ ними. Первыя фразы слышны еще за сценой*).

Вельнеръ. Ну, здорово, старина!

Польди. Куда ты вчера дѣвался? Мы искали тебя и нигдѣ не могли найдти.

Вельнеръ. Мы желали немедленно переговорить съ тобой кой о чемъ... разумѣется...

Польди. Ты глядишь совсѣмъ молодцомъ. Очень радъ, очень радъ!..

Вельнеръ. Не будемъ терять драгоцѣннаго времени. Свидѣтели Каринскаго могутъ явиться съ минуты на минуту.

Павелъ. Они уже были здѣсь.

Вельнеръ (*живо*). А! Ну, и ты, конечно...

Польди. Ты, конечно, вспомнилъ о насъ?

Павелъ. Дѣти мои, я очень радъ видѣть васъ у себя такъ рано,— но вы мнѣ не нужны.

Польди. Pardon,—однако...

Павелъ. Я и не думаю драться.

Вельнеръ. Что?

Польди. Какъ?

Павелъ (*смѣется*). Да.

Вельнеръ. Ты сказалъ это тѣмъ господамъ?

Польди. Оставь, Павелъ,—теперь не время для шутокъ.

Павелъ. Я вовсе не шучу. Такъ оно и было, какъ я говорю вамъ. Ронштедъ и Фогель передали мнѣ вызовъ, а я отклонилъ его.

Вельнеръ. Ради Бога, Павелъ, въ своемъ ли ты умѣ?

Павелъ. Вполнѣ.

Польди (*не находя словъ*). Да, да. (*Машинально*). Вотъ это такъ мнѣ не нравится.

Вельнеръ. Но, Павелъ... (*ища возраженій*) но, ради Бога, ты, вѣдь, не серьезно...

Польди. Я все еще думаю, что ты шутишь, хотя, повторяю, ты выбралъ неподходящій моментъ для шутокъ.

Павелъ (*почти съ горечью*). Однако, я говорю совершенно серьезно. Все это такъ просто: онъ велъ себя, какъ негодяй, — и я обошелся съ нимъ, какъ съ негодяемъ. По моему, инциндентъ исчерпанъ.

Вельнеръ. Извини, пожалуйста: и ты имъ такъ отвѣтилъ?

Павелъ. Разумѣется.

Вельнеръ. И они съ тѣмъ и ушли?

Польди (*тономъ знатока*). Pardon, имъ покамѣстъ ничего иного и не оставалось.

Вельнеръ. Но, Павелъ, вѣдь это невозможно! Такихъ вещей нельзя предоставлять на волю Божію. Оскорбляя человѣка, надо брать на себя отвѣтственность за свой поступокъ.

Павелъ. То-есть обязанность дать себя пристрѣлить?

Вельнеръ. Ахъ, не умираютъ же сейчасъ!

Павелъ (*горячо*). Но я не хочу, чтобъ хоть единый волосъ упалъ съ моей головы—понимаете?

Вельнеръ. Скажутъ, что ты больно привязанъ къ жизни!

Павелъ. И будутъ совершенно правы. Я нахожу, что она такъ прекрасна, такъ... (*весело*) во всякомъ случаѣ слишкомъ хороша, чтобы рисковать ею изъ-за подобной причины.

Польди. Мы тоже находимъ ее прекрасной. Это, однако, не помѣшало бы намъ... (*къ доктору*) что, докторъ? — это не помѣшало бы намъ въ случаѣ надобности рискнуть ею.

Павелъ. Но изъ-за чего? Вѣдь надо, я думаю, считаться до нѣкоторой степени и съ этимъ!

Вельнеръ. Превосходно. Есть люди, которые могли бы воспользоваться такимъ предлогомъ. Не забывай, однако, что тебѣ до сихъ поръ еще не случалось проявлять свое мужество.

Польди. Совершенно вѣрно. Насколько мнѣ извѣстно, ты не участвовалъ ни въ одномъ походѣ.

Павелъ. Конечно. Мнѣ даже ни разу еще не пришлось вытащить ребенка изъ воды. Но я не вижу въ этомъ достаточнаго повода къ тому, чтобы становиться, для доказательства своего мужества, передъ пистолетнымъ дуломъ негодяя.

Польди (*огорченный*). Да, да... вотъ это такъ мнѣ не нравится.

Вельнеръ. Прошу тебя, мой милый—пойми же, пожалуйста, что у тебя нѣтъ рѣшительно никакихъ отговорокъ.

Павелъ. А развѣ я ищу ихъ? Я не хочу. И кончено.

Вельнеръ. Pardon—я хочу сказать: ты ничѣмъ не связанъ. У тебя нѣтъ родителей, нѣтъ родственниковъ, ты не женатъ...

Польди. Да. Ты, такъ, сказать, стоишь совсѣмъ особнякомъ на свѣтѣ.

Павелъ (*лукаво*). У меня есть друзья.

Польди. Ну, о насъ не заботься. Можешь свободно располагать собою.

Павелъ. Вотъ это-то вы у меня и оспариваете.

Вельнеръ. Ужъ будто ты не понимаешь, что мы хотимъ сказать! У тебя нѣтъ никакихъ обязательствъ... по отношенію къ кому бы то ни было. Ты не можешь сказать, что долженъ оберегать для кого-нибудь свою жизнь.

Павелъ. Для самого себя, мой милый, для себя! Не одни только обязательства привязываютъ насъ къ жизни—о, нѣтъ!

Польди. Да что мы тутъ разсуждаемъ! Вѣдь смѣшно, наконецъ. Мы же—мужчины, ради самого Создателя! Вѣдь дѣло въ томъ, что ты оскорбилъ офицера.

Павелъ (*улыбаясь*). Извини, пожалуйста,—наказалъ.

Польди. Прошу тебя, избавь меня теперь отъ этихъ философскихъ тонкостей. Онѣ намъ не нужны; у насъ есть, слава Богу, кое-что получше,—уставъ!

Павелъ (*сдерживаясь, чтобы не расхохотаться*). Что—получше?

Польди. Ну да, уставъ о дуэляхъ! И согласно съ нимъ, ты оскорбилъ джентльмена, оскорбилъ дѣйствіемъ,—слѣдовательно, по третьему пункту, прошу покорно!—ergo, если ты джентльменъ, то долженъ драться. Такъ оно вѣдется, и ты ничего тутъ измѣнить не можешь. Тебѣ бы раньше подумать объ этомъ.

Вельнеръ. Да, Польди вполнѣ правъ.

Польди. Если бы капитанъ былъ при саблѣ, онъ все равно изрубилъ бы тебя на мѣстѣ.

Вельнеръ. Мы живемъ ужъ въ такомъ кругу, гдѣ эти взгляды общеобязательны, и игнорировать ихъ невозможно. Ни ты, ни кто-либо другой не смѣетъ нарушать ихъ.

Павелъ. Я не смѣю?

Польди. Разумѣется, не смѣешь. И вообще не понимаю, зачѣмъ такъ долго спорить о столь ясныхъ вещахъ. Мы, какъ сказалъ докторъ, живемъ въ кругу и такъ далѣе... Мы, слава Богу, не такіе, чтобъ колотить другъ друга, какъ дворники. У насъ, слава тебѣ Господи, есть уставъ, въ немъ все обозначено. Коли ужъ на то пошло, такъ ты и вчера велъ себя некорректно.

Павелъ. А а!!

Польди. Какъ только капитанъ началъ къ тебѣ придираться (*объясняя Вельнеру*), какъ только капитанъ спросилъ его, почему онъ улыбается и такъ далѣе (*снова къ Павлу*), такъ сейчасъ же ты долженъ былъ заявить, что ты къ его услугамъ. Конечно,—я, можетъ быть, немного щепетиленъ въ этихъ дѣлахъ,—но я ужъ таковъ. Если кто-нибудь скажетъ мнѣ словечко, которое мнѣ не понравится,—я, не долго думая, отвѣшиваю поклонъ и засылаю секундантовъ.

Вельнеръ. Поди ты! Это не относится къ дѣлу.

Польди. Pardon, долженъ же я выяснить свою точку зрѣнія.

Вельнеръ (*рѣшительно*). Главное Павелъ,—разсуди вотъ что: если ты упорно отказываешься дать удовлетвореніе... (*Останавливается, ожидая*).

Павелъ. Я упорно отказываюсь.

Вельнеръ. Ну-съ, въ такомъ случаѣ ты становишься отверженнымъ въ полномъ смыслѣ слова.

Польди. Да, такъ,—выражаясь мягко: отверженнымъ.

Павелъ. «Отверженнымъ»?!

Вельнеръ. Ты самъ дѣлаешь себя безправнымъ въ томъ общественномъ кругу, къ которому ты принадлежалъ до сихъ поръ.

Польди. Можно сказать—во всемъ просвѣщенномъ мірѣ.

Вельнеръ. Всякій въ правѣ оскорблять тебя,—ты же не смѣешь требовать рыцарскаго удовлетворенія.

Польди. Попросту говоря—ты теряешь право сатисфакціи.

Павелъ. Вы говорите пустяки. Кто можетъ оскорбить меня? Развѣ моя честь въ рукахъ всякаго, кому заблагоразсудится сдѣлать изъ нея игрушку? Суть не въ томъ, что случится съ нами, а въ томъ, что мы сами дѣлаемъ. И если кому-нибудь вздумается обругать меня, то онъ либо глупъ, либо пьянъ, а такое оскорбленіе меня ничуть не задѣваетъ

Польди. Ого, ого—стоитъ кой-кому, кто не глупъ и не пьянъ, захотѣть вспомнить твое поведеніе въ настоящемъ случаѣ и на основаніи этого заявить, что ты... (*умолкаетъ*).

Павелъ. Договаривай же!

Польди. О, я знаю, что мнѣ нечего бояться.

Вельнеръ (*дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ*).

Павелъ (*со смѣхомъ*). Ахъ, вотъ что! (*Съ возрастающей горячностью*). Ну, такъ тѣ, въ чьихъ глазахъ я изъ-за своего отказа сталъ хуже, чѣмъ былъ раньше, могутъ прекратить дальнѣйшее знакомство со мною. И если ты первый изъ такихъ господъ,—моя дверь открыта; я тебя не удерживаю.

Польди (*готовъ вспылить, затѣмъ принужденно улыбается*). Да, вѣрно. Въ виду происшедшаго, я могу лишь съ радостью привѣтствовать прекращеніе нашихъ отношеній. (*Вельнеру*). Прощай! (*Торжественно раскланивается и уходитъ*).

Павелъ. Вельнеръ.

(*Короткая пауза*).

Павелъ. Если ты тоже находишь, что со мной нельзя больше вести знакомства, то... (*показываетъ жестомъ, что отпускаетъ его*).

Вельнеръ. Ахъ, оставь! Однако, многіе... (*горячо*) всѣ такъ поступятъ.

Павелъ. Меня это ничуть не огорчитъ. Проживу безъ всѣхъ этихъ Польди.

Вельнеръ. Это не такъ легко, какъ кажется,—ты потомъ почувствуешь.

Павелъ. Итакъ, откровенно говоря, ты самъ собственно желалъ бы, чтобъ дуэль состоялась?.

Вельнеръ. Да вѣдь... (*Пауза*). Не могу я иначе. Мнѣ было бы пріятнѣе, если бъ ты согласился.

Павелъ. Послушай—вотъ теперь мы одни. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ придерживаешься того взгляда, что необходимо одно изъ двухъ—

либо проходить молча мимо всякой подлости, либо ставить изъ-за нея жизнь на карту?

Вельнеръ. Но какъ же иначе добиться удовлетворенія такому человѣку, какъ, напримѣръ, Каринскій?

Павелъ. Онъ и не долженъ добиться удовлетворенія.

Вельнеръ (*съ досадой*). Ахъ, пожалуйста... Если бы ты былъ равнодушенъ къ этой дѣвушкѣ, ты бы и пальцемъ о палецъ не ударилъ.

Павелъ. Весьма возможно.

Вельнеръ. Вотъ то-то же. А если ты ужъ дѣйствительно стоишь выше тѣхъ взглядовъ, какіе приняты теперь среди людей чести,—пусть такіе люди, какъ Каринскій, говорятъ, что имъ угодно, а ты иди своимъ путемъ. На мой взглядъ, ты спокойно могъ именно такъ и поступить. Но разъ ты почувствовалъ себя оскорбленнымъ и самъ вступилъ въ драку,—ты сталъ на ту же почву, что и другіе, и не имѣешь права прикрываться принципами и якобы общечеловѣческими понятіями.

Павелъ (*спокойно*). Ошибаешься. Я не почувствовалъ себя оскорбленнымъ и ни на какую почву не становился. Я просто былъ возмущенъ и поступилъ такъ, какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ всякій возмущенный человѣкъ.

Вельнеръ. Ну, вотъ, видишь!

Павелъ. Конечно! Я никогда не выдавалъ себя за ангела! Я—человѣкъ, то, что сдѣлано мною—человѣчно. То же, чего требуютъ теперь отъ меня,—безсмыслица. Ему—ударъ, который заслуженъ имъ, а мнѣ за это, можетъ быть, смерть, которой я ужъ навѣрно не заслужилъ. Нѣтъ, это ничуть не справедливо.

Вельнеръ. Но, ударъ означаетъ не просто ударъ, а смертельное оскорбленіе, какъ тебѣ небезызвѣстно.

Павелъ. То, что причинила бы мнѣ дуэль, не *означало бы* ничего, но *было бы* кое-чѣмъ. Различіе весьма существенное.

Вельнеръ. Ты только и думаешь, что объ угрожающей тебѣ опасности. Когда человѣкъ становится столь осторожнымъ уже послѣ совершеннаго, то онъ не въ правѣ былъ раньше дѣйствовать необдуманно, къ тому же еще изъ чисто личныхъ побужденій. Почему всѣ мы, прочіе, не возмутились?

Павелъ. Это—ваша вина, а не моя. Если бы вы прислушивались къ своему чувству чести, а не къ философіи кодексовъ, то всѣ вы должны были бы вчера прогнать этого человѣка отъ нашего стола и объявить его безчестнымъ,—его, а не меня за то, что я не дерусь съ нимъ. Это слишкомъ глупо.

Вельнеръ. Ничуть не глупо, но имѣетъ даже глубокій смыслъ. Мы—мужчины, мой милый, и потому кровью своей должны постоять за то, что говоримъ и дѣлаемъ. Куда бы пришли въ противномъ случаѣ... если бы каждый дѣйствовалъ такъ, какъ ты?

Павелъ. Если бы такъ дѣйствовалъ каждый, то вскорѣ никому не понадобилось бы поступать такимъ образомъ! Но, нѣтъ, необходимо продолжать комедію мужской отваги и презрѣнія къ жизни!..

Вельнеръ. Комедію... отваги!?.

Павелъ. Да, комедію, къ тому же еще и подлую. Кто поставитъ на карту свою жизнь, покуда у него есть основанія любить ее? Никто. А когда ею рискуютъ не любя, то гдѣ же тутъ отвага?

Вельнеръ. Смѣшная софистика. Этой жалкой мудростью тебѣ не изгнать героизма изъ жизни, и мы всегда будемъ считать достойнѣйшимъ человѣкомъ только того, кто способенъ жертвовать собой.

Павелъ. О, да! Но, спрашивается, во имя чего!.. Во имя святого убѣжденія, во имя великой идеи, во имя всего, во что вѣришь умомъ и сердцемъ—иди навстрѣчу опасности; я это понимаю и, можетъ быть, найду это при случаѣ прекраснымъ... Но участвовать въ этой глупѣйшей дуэли, что побудитъ меня къ тому? Лежитъ ли на мнѣ тяжкая вина, которая только такимъ путемъ можетъ быть искуплена? Или необходимо рѣшить, кто изъ насъ обоихъ лучше: господинъ Каринскій или я, и можно-ли это рѣшить, если бы существовало сомнѣніе на сей счетъ? Согласившись драться, послужу ли я какому-нибудь хорошему человѣку или хорошему дѣлу? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Я долженъ играть своей жизнью единственно для того, чтобы не прослыть среди васъ трусомъ, и говорю тебѣ, эта цѣна для меня недостаточно высока. И если существуютъ истины, ради которыхъ стоитъ пожертвовать своей жизнью... та истина, мой милый другъ, которую я напечатлѣлъ на физіономіи капитана Каринскаго, должна быть оцѣнена подешевле.

Вельнеръ, Павелъ и Анна (*быстро входитъ*).

Вельнеръ (*про себя*). Этого надо было ожидать!

Павелъ. Анна!

Анна. Слава Богу, вы здѣсь!

Павелъ. Да, вы совсѣмъ задыхаетесь, сударыня! Садитесь, пожалуйста.

Анна. Избавьте меня теперь отъ любезностей. Скажите, правда ли, что вы хотите драться на дуэли съ капитаномъ Каринскимъ?

Павелъ. Что это вамъ вздумалось?

Анна. Мнѣ разсказали о вашемъ столкновеніи съ нимъ. И никто въ театрѣ не повѣрилъ, что я ничего еще не знаю... Да, говорите же... (*Съ внезапной надеждой*). Такъ все уже окончилось?..

Вельнеръ. Вамъ должны были сказать это, сударыня.

Павелъ. Вообще, ничего не будетъ... повѣрьте.

Анна. Понимаю, о такихъ вещахъ не принято говорить раньше... Ваша обязанность—скрыть отъ меня истину, ужъ таковъ обычай. Но, говорю вамъ, я не признаю этихъ глупостей, слышите? Такъ какъ все

произошло изъ-за меня, то я имѣю полное право вмѣшаться, и я... будьте увѣрены... я не потерплю, чтобъ вы изъ-за меня... о, Боже!.. изъ-за меня... (*все больше волнуясь*) чтобъ вы изъ-за меня... ахъ, я съ ума сойду!

Вельнеръ. Сударыня, вы имѣете полное основаніе оставаться при своемъ умѣ.

Анна (*глядя на Вельнера*). Дуэли не должно быть. Я буду сторожить у вашего дома.

Павелъ (*улыбаясь*). Но эти строгія мѣры совершенно излишни. Я не намѣренъ драться.

Анна (*вдругъ придумавъ что-то*). Значитъ, вамъ тутъ больше нечего дѣлать?

Павелъ. Нѣтъ.

Анна. Въ такомъ случаѣ проводите меня до Вѣны.

Павелъ. Вы такъ-таки уѣзжаете?

Анна. Отвѣтьте мнѣ: согласны?

Павелъ. Разумѣется, я ѣду съ вами съ большимъ удовольствіемъ.

Анна. Черезъ часъ?

Павелъ. Когда вамъ будетъ угодно.

Вельнеръ. Я нахожу, Павелъ, и такъ какъ мы, вѣроятно, не скоро увидимся...

Павелъ (*въ смущеніи*). Почему не скоро?

Вельнеръ. Надо полагать... по крайней мѣрѣ, это возможно... Итакъ прощай и счастливый путь. (*Не безъ волненія протягиваетъ ему руку*).

Анна. Одну минутку, докторъ... (*Умолкаетъ въ смущеніи*). Я знаю, отчего вы такъ уходите.

Вельнеръ. О, помилуйте...

Анна. Я не влюблена въ вашего друга и не намѣрена увѣрять его въ своей любви. Но и не любя человѣка, можно тяготиться мыслью, что служишь невольной причиной его несчастья. Вамъ это, можетъ быть, понятно?

Вельнеръ. Разумѣется.

Анна. И тогда хватаешься за ближайшее средство... не правда ли,— за то, что скорѣе приводитъ къ цѣли, не правда ли?

Павелъ. Кто же сомнѣвается въ этомъ?

Вельнеръ. Я, конечно, не позволилъ себѣ...

Анна. Во всякомъ случаѣ, позволяете себѣ думать, что я недурно пользуюсь случаемъ.

Павелъ. Анна...

Анна. Да, это такъ.

Вельнеръ. Никто, вѣдь, и не отвѣтственъ за представляющіеся ему удобные случаи.

Павелъ. Вельнеръ!..

Вельнеръ. Прошу извиненія, не я началъ разговоръ. Adieu. (*Уходитъ*).

*

Павелъ. Анна.

Павелъ. Почему вы заговорили объ этомъ, Анна? Развѣ васъ упрекнули въ чемъ-нибудь?

Анна. Я не могла иначе. Неужели вы не видите, что у меня нѣтъ ужъ больше силъ? Все раздражаетъ меня... все во мнѣ дрожитъ. Вотъ теперь я прихожу къ вамъ чуть живая отъ страху—этому-то вы повѣрите... а тутъ стоитъ вашъ другъ и думаетъ про себя: «ага, она недурно разыгрываетъ комедію»!..

Павелъ. Не все ли равно, что подумаютъ эти люди?

Анна. Вамъ—да, вамъ незачѣмъ считаться съ ихъ мнѣніемъ, я знаю. Но мнѣ они нужны, мнѣ надо жить среди нихъ, и всѣ они мучаютъ меня!.. Я этого не выдержу.

Павелъ. Меня они тоже мучаютъ. Если бы вы знали, чего только ни пришлось мнѣ наслушаться сегодня.

Анна. Отчего?

Павелъ. Да оттого, что я не желаю драться. Повѣрьте—въ этомъ кроется отчасти причина того, что мой другъ такъ разстался со мною. Никто изъ людей чести не долженъ вести со мной знакомства, оттого что я не дерусь съ подлецомъ. Но вы видите — не надо поддаваться, надо только умѣть смѣяться надъ ними.

Анна. Я... и вы — не одно и то же. Вы — мужчина, и къ тому же еще ни отъ кого не зависите. Вамъ ничего не стоитъ не обращать на нихъ вниманія, вамъ легко смѣяться.

Павелъ. Скажите одно слово, и вы тоже будете избавлены отъ всякихъ заботъ.

Анна. Опять... вы опять?!..

Павелъ. Почему же нѣтъ? Потому что кто-нибудь могъ бы сказать... Но вы-же, вѣдь, знаете, что это неправда... Что вы собственно намѣрены предпринять?

Анна. Я вамъ уже сказала.

Павелъ. Поѣхать домой?

Анна. Да. Съ вами.

Павелъ. Хорошо. А потомъ что?

Анна. Потомъ я проживу лѣто у матери.

Павелъ. Прекрасно. А затѣмъ?..

Анна. Да — затѣмъ... я опять, конечно, поступлю куда-нибудь на сцену.

Павелъ. И опять начнется та же исторія.

Анна. Да.

Павелъ. И вы опять не выдержите до конца.

Анна. Я должна буду выдержать.

Павелъ. Только въ одинъ прекрасный день вы, къ собственному своему изумленію, увидите себя возлюбленной какого-нибудь комедіанта или поручика

Анна (*вздрагиваетъ*).

Павелъ. Вы же сами постоянно такъ говорите.

Анна. Какъ страшно звучитъ это въ вашихъ устахъ!.. Нѣтъ! Ахъ, нѣтъ!.. До этого не дойдетъ—неправда! Здѣсь, въ этомъ несчастномъ болотѣ я позабыла о томъ, что у меня, вѣдь, есть мое искусство. Вспомните, какую будущность вы сами пророчили мнѣ когда-то!

Павелъ (*глядитъ вдаль*).

Анна. Неужели забыли? Какъ часто по вечерамъ вы, бывало, приходили къ намъ и я читала вамъ свои роли?..

Павелъ. Часто?.. Я былъ у васъ не болѣе пяти разъ.

Анна. Не болѣе... Да, вы правы. Ну, а теперь... вы ужъ не вѣрите больше, что изъ меня можетъ выдти что-нибудь путное?

Павелъ. Скажите лучше: васъ по прежнему прельщаетъ этотъ путь? Такъ же, какъ въ ту пору, когда я слушалъ ваше чтеніе?

Анна (*улыбаясь*). Мнѣ представлялось, что все это гораздо проще. Но все уладится — вотъ увидите. Теперь, когда я пріѣду въ Вѣну, я такъ усердно буду работать.

Павелъ. Долженъ ли я снова приходить выслушивать роли?

Анна. Господи,—вотъ бы хорошо было!

Павелъ. Могу, конечно, приходить... А осенью вы опять улетите отъ меня.

Анна. Можете поѣхать вмѣстѣ со мною.

Павелъ. Въ качествѣ вашего секретаря — что ли? Чудесная роль. Нѣтъ, я бы вамъ предложилъ кое-что другое.

Анна. —?

Павелъ. Можно было бы не разлучаться и не становясь, въ столь зависимое положеніе. Разумѣется... широкой артистической карьерѣ пришелъ бы конецъ...

Анна. То-есть?

Павелъ. Вы не испугаетесь?

Анна. Нѣтъ.

Павелъ (*беря ее за обѣ руки*). Анна, будьте моей женой.

Анна (*въ испугѣ*). Но... я не люблю васъ... я не люблю васъ...

Павелъ. И не намѣрены увѣрять меня въ своей любви,—знаю. Но попробуйте на минутку не думать о другихъ—да? То, что я случайно не бѣднякъ, ужъ неизбѣжно, а вы не обращайте вниманія. Говорю вамъ безъ обиняковъ: мнѣ нестерпимо больно видѣть васъ въ такомъ положеніи. Я страдаю отъ этого, подчасъ мнѣ плакать хочется отъ гнѣва, когда подумаю о капризахъ и оскорбленіяхъ, которыя вамъ приходится переносить. Вы рѣшительно не годитесь для подобной жизни. Не говорю, что вы лучше другихъ, — разъ вамъ не нравятся такія рѣчи. Но вамъ нуженъ другой родъ жизни,—вы сами это чувствуете,—а я могу предложить вамъ его, Анна...

Анна. Вы такъ добры.

Павелъ. Вѣдь я ничего больше не говорю. Не говорю, что молюсь на васъ, хотя, быть можетъ, давно уже это дѣлаю. Къ чему слова,—дѣло не въ нихъ. Мнѣ кажется, мы стали необходимы другъ другу, мы оба дрожимъ другъ за друга... Зачѣмъ же намъ снова разставаться?

Анна. Я не могу вамъ отвѣтить сейчасъ... да этого и не надо. Я хочу думать, что вы мнѣ ничего еще не сказали... да, такъ будетъ лучше!.. вы ничего еще не сказали...

Павелъ. Нѣтъ, я не согласенъ. Я такъ радъ, что не далъ провести себя увѣреніями въ вашемъ равнодушіи. Развѣ вы не начинаете замѣчать, что вы не совсѣмъ равнодушны ко мнѣ?

Анна. Не знаю. Я вся... вся какъ будто закоченѣла. (*Закрываетъ глаза руками*).

Павелъ. Это скоро пройдетъ. (*Медленно отводитъ ея руки отъ лица*). Вы—у меня. Вы, вѣдь, сознаете это? И мы сегодня уѣдемъ отсюда. И съ этой минуты будемъ всегда неразлучны—всю жизнь? Вы понимаете, что это значитъ? Мы оба... вы и я! Ахъ, мы будемъ счастливѣйшими людьми на землѣ!.. И можетъ ли быть иначе! Подумайте—мы ни съ чѣмъ не связаны, мы можемъ дѣлать все, что захотимъ!

(*Въ это время черезъ садовую калитку проходятъ Вельнеръ и Ронштедъ и медленно направляются къ дому*).

Мы уѣдемъ далеко-далеко отъ всѣхъ глупцовъ, желающихъ отравить намъ жизнь. Какое это будетъ счастье! Я покажу тебѣ весь міръ, все прекрасное, что разсѣяно повсюду и о чемъ ты, навѣрное, не имѣешь даже представленія! Въ самомъ дѣлѣ,—гдѣ ты была, что видѣла? Ничего,—не правда ли?—рѣшительно ничего. Мое бѣдное, дорогое дитя!

Анна (*въ слезахъ*). Павелъ, Павелъ!

Павелъ. Милая моя! (*Онъ почти опускается къ ея ногамъ; въ это время стучатъ въ дверь, онъ быстро выпрямляется*). Войдите!

(*Входитъ Вельнеръ*).

Павелъ. Анна. Вельнеръ.

Вельнеръ. Извини,—я опять къ тебѣ. Но я не одинъ, со мной пришелъ капитанъ Ронштедъ.

Павелъ (*крайне изумленъ*). Возможно ли?

Анна. Кто?

Вельнеръ. Да. Я удивленъ не менѣе тебя.

Павелъ. Положительно не знаю... Слѣдуетъ ли мнѣ вообще...

Вельнеръ. Разумѣется, у тебя нѣтъ основаній не принять его.

Анна. Онъ пришелъ... по порученію того?

Павелъ. Тѣмъ не менѣе, будьте вполнѣ спокойны.

Анна. Какія же у васъ еще дѣла съ нимъ?

Вельнеръ (*слегка раздраженно*). Однако, не годится же оставлять его въ передней.

Павелъ. Сейчасъ... (*Аннѣ*) Анна, повѣрьте, что теперь... когда я... (*съ внезапной нѣжностью*) теперь, когда я нашелъ тебя... Будь совершенно спокойна. Но принять я его долженъ.

Анна. Вы не въ правѣ больше располагать собою, какъ прежде.

Павелъ. Я знаю. Пройдите здѣсь—садомъ. Черезъ часъ я буду у васъ и мы уѣдемъ. (*Видя, что она колеблется*). Обѣщаю тебѣ.

Анна (*глядитъ ему въ глаза*). До свиданія! (*Уходитъ налѣво*).

Вельнеръ (*нетерпѣливо*). Я сейчасъ приведу его. (*Уходитъ направо и тотчасъ же возвращается съ Ронштедомъ*).

Павелъ. Вельнеръ. Ронштедъ.

Вельнеръ (*раскланивается и хочетъ уйти*).

Павелъ. Мнѣ не придется говорить съ господиномъ капитаномъ о такихъ вещахъ, которыя должны оставаться тайной для тебя.

Ронштедъ. Пожалуйста.

Павелъ (*жестомъ приглашаетъ Ронштеда сѣсть*).

Ронштедъ. Васъ, вѣроятно, удивляетъ мой вторичный визитъ... (*Выжидаетъ*),

Павелъ (*подтверждаетъ его слова молчаливымъ поклономъ*).

Ронштедъ. Но въ виду серьезности дѣла, я рѣшился пренебречь формальностями, которыя, вѣдь, въ сущности не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Будьте же любезны, предположите, что я явился къ вамъ не съ оффиціальнымъ порученіемъ, на что у меня, конечно и права-то больше нѣтъ.

Павелъ. Слѣдовательно, дѣло касается не того вопроса, о которомъ мы бесѣдовали сегодня утромъ?

Ронштедъ. Разумѣется, того самого. Но я считаю нужнымъ... какъ бы мнѣ выразиться?.. взглянуть на него съ нѣсколько иной точки зрѣнія, не съ той, къ которой обязываетъ... обязывало бы меня мое званіе офицера (*мягко*). Позвольте мнѣ говорить съ вами просто, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

Павелъ. Полагаю, что я всегда такъ говорю.

Ронштедъ. Не всякому и не всегда это можно... Я и въ данномъ случаѣ не въ правѣ говорить такимъ образомъ. Но мнѣ не хотѣлось бы отягощать свою совѣсть виною, которая, на мой взглядъ, гораздо тяжелѣе, чѣмъ нарушеніе кодекса профессіональной чести; мнѣ не хотѣлось бы дать погибнуть товарищу, не сдѣлавъ еще попытки къ его спасенію.

Павелъ (*молчитъ и съ почтительнымъ выраженіемъ ждетъ продолженія*).

Ронштедъ (*рѣшительно*). Я вполнѣ понимаю, что у васъ нѣтъ никакой охоты подвергать себя опасности, тѣмъ болѣе, что вы, съ вашей точки зрѣнія, поступили справедливо.

Павелъ. Безъ всякаго сомнѣнія! (*Съ любезной улыбкой*). Мы, вѣдь, разговариваемъ теперь, какъ человѣкъ съ человѣкомъ!

Ронштедъ. Прекрасно. Я самъ нахожу, что Каринскій зашелъ слишкомъ далеко... и склоненъ думать, что и онъ, какъ всѣ мы, вполнѣ сознаетъ это. Но теперь все это ни къ чему. Онъ *долженъ* драться.

Павелъ (*съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ*). Pardon—смѣю думать, что съ этимъ мы уже покончили.

Ронштедъ. Прошу васъ, выслушайте меня до конца. Если вы не согласитесь драться, то онъ погибъ. (*Павелъ глядитъ на него холодно и вопросительно*). Онъ долженъ будетъ выйти въ отставку.

Павелъ. Прошу извиненія, его отставка меня мало трогаетъ.

Ронштедъ. Выйти съ позоромъ, а для него это означаетъ—смерть. Я знаю, — если ему придется уйти такимъ образомъ, — онъ покончитъ съ собою.

Павелъ (*молчитъ*).

Ронштедъ. Однако, вы не облегчаете мнѣ моей задачи, господинъ Реннингъ. Но онъ мой товарищъ. Прожить съ человѣкомъ всю жизнь, съ ранней молодости, что-нибудь да значитъ, хотя бы даже... Я не могу оставаться спокойнымъ и бездѣйствовать при видѣ угрожающей ему бѣды,—рѣшительно не могу! Поэтому я снова пришелъ къ вамъ. Мнѣ, вѣдь, ничего иного и не оставалось.

Павелъ (*рѣшительно*). Господинъ капитанъ, изумленію моему нѣтъ границъ. Неужели же вы серьезно полагаете, что соображенія подобнаго рода могутъ повліять на мое рѣшеніе? Неужели вы думаете, что я расположенъ рисковать собою изъ-за того, что капитанъ Каринскій одержимъ идеей, будто безъ военнаго мундира ему жить невозможно?

Ронштедъ. Каринскому не нужна ваша жизнь.

Павелъ (*вспыливъ*). Ужъ не хочетъ ли онъ подарить ее мнѣ?.. Воистину прелестно! У меня, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, нѣтъ желанія быть пристрѣленнымъ въ присутствіи врачей и свидѣтелей. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, будто я соглашусь быть участникомъ пошлой комедіи?

Ронштедъ. Я не вижу иного исхода... ни для васъ, ни для него. Вы относитесь съ презрѣніемъ ко всѣмъ этимъ формамъ, что же мѣшаетъ вамъ поиграть ими! Рѣшаюсь на то, чего не сдѣлалъ бы никто изъ моихъ товарищей: я *прошу* васъ. Знаете ли вы, чего это мнѣ стоитъ!

Павелъ. Я прекрасно понимаю и говорю: нѣтъ. Я не признаю за нимъ ни права убивать меня, ни права миловать меня!...

Ронштедъ (*вставая*). Тѣмъ не менѣе, вы убиваете его! Увѣрены ли вы въ своемъ на то правѣ?

Павелъ. Я его убиваю!.. Я столкнулся съ человѣкомъ, котораго проучилъ по заслугамъ,—вотъ и все. Кто смѣетъ навязывать мнѣ отвѣтственность за то, что еще можетъ случиться впослѣдствіи?

Вельнеръ. Она—на тебѣ.

Ронштедъ. Вамъ указываютъ способъ спасти этого человѣка,—спасите же его.

Вельнеръ (*вполголоса*). И себя!

Павелъ (*вздрагиваетъ запальчиво*). Однако, довольно! Что мнѣ этотъ человѣкъ, котораго я во что бы то ни стало долженъ спасти? Не чудовищная ли дерзость съ его стороны—снова становиться на моемъ пути! Не въ моей власти возвратить ему честь, какъ не въ моей власти было отнять ее у него. Онъ потерялъ ее не отъ того, что получилъ ударъ, а отъ того, что заслужилъ его. Этотъ самый господинъ, которому такъ дорого то, что вы называете честью, легкомысленно надругался надъ честью другого.

Ронштедъ. Мы знаемъ, то была его вина; но не заставляйте его искупать свою вину такой ужасной цѣною.

Павелъ. Не я запрещаю ему жить, а безуміе, до котораго ни мнѣ, ни вообще разуму человѣческому нѣтъ никакого дѣла.

Ронштедъ. Вы говорите—безуміе, а другіе всю жизнь прожили въ этомъ «безуміи». То, что для васъ—безуміе, для другихъ—воздухъ, которымъ они дышатъ. Вы не скажете, конечно, будто не знали объ этомъ. Вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Подумайте о томъ, что вы дѣлаете, въ чемъ отказываете.

Павелъ. Все обдумано. У меня нѣтъ желанія участвовать въ этомъ хаосѣ лжи. Нѣтъ. Въ послѣдній разъ—нѣтъ.

Ронштедъ. Настаивать долѣе, разумѣется, невозможно. Замѣчу, однако, что весьма сожалѣю объ этомъ въ интересахъ... васъ... Больше я... и какъ человѣкъ... не могу сказать... (*Кланяется и уходитъ*).

Павелъ. Вельнеръ.

(*Долгая пауза*).

Вельнеръ. А теперь... забери свою невѣсту и уѣзжай.

Павелъ (*не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ*). Таково было и мое намѣреніе.

Вельнеръ. И поскорѣе, коли желаешь послушаться моего послѣдняго совѣта.

Павелъ. Надѣюсь, это будетъ предоставлено мнѣ.

Вельнеръ. Не совсѣмъ...

Павелъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

Вельнеръ. Ты еще спрашиваешь? Развѣ ты не понялъ Ронштеда? А если бы онъ даже ничего не сказалъ! Но его послѣднія слова скрывали предостереженіе... угрозу..

Павелъ. Знаю.

Вельнеръ (*въ волненіи*). То-то же. Неужели ты могъ хотя на мгновеніе предположить, что Каринскій такъ и успокоится на твоемъ отказѣ?

Павелъ. Ему уже ничего не выиграть.

Вельнеръ. Ему больше нечего терять... вотъ что ты разсуди. Рон-

штедъ выразился вполнѣ правильно. Этотъ человѣкъ погибъ. Онъ ничѣмъ не рискуетъ, что бы онъ ни предпринялъ. Онъ способенъ на все. Теперь, когда ты отказалъ ему... ужъ назовемъ это такъ... въ рыцарскомъ удовлетвореніи... онъ...

Павелъ. Что-жъ онъ?

Вельнеръ. Совѣтую тебѣ какъ можно скорѣе уѣхать и не возвращаться болѣе...

Павелъ. Да ты съ ума сошелъ?

Вельнеръ. Вѣдь ты же хотѣлъ уѣхать—что же тебя удерживаетъ? Тутъ находится уничтоженный тобою человѣкъ.

Павелъ. Уничтоженный мною?

Вельнеръ. А развѣ же нѣтъ? Ему его жизнь столь же дорога, какъ тебѣ—твоя. Только боюсь, онъ поведетъ свое дѣло логичнѣе, чѣмъ ты.

Павелъ. Ты полагаешь?

Вельнеръ. Эхъ, Павелъ, оставь пожалуйста! Не будь упрямъ, не будь самолюбивъ. Коли ужъ началъ открещиваться отъ сдѣланнаго, такъ будь же послѣдователенъ до конца.

Павелъ. Вотъ этого-то я и хочу.

Вельнеръ. Въ такомъ случаѣ остается одно: убраться отсюда!

Павелъ. Въ такомъ случаѣ остается одно: остаться здѣсь. И я такъ и сдѣлаю.

Вельнеръ. *(хочетъ возразить что-то, потомъ съ досадой беретъ свою шляпу и уходитъ).*

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Декорація перваго дѣйствія. Знойный полдень. Паркъ ярко освѣщенъ солнцемъ. Прогуливающихся немного; нѣкоторые ходятъ по аллеямъ, нѣкоторые сидятъ на скамьяхъ и читаютъ газеты. У входа за кулисы лѣтняго театра слабое движеніе: входятъ и выходятъ служащіе при театрѣ*).

Пепи Фишеръ и поручикъ Фогель (*встрѣчаются*).

Пепи. Здравствуй, Руди!

Фогель. Здравствуй! (*хочетъ пройти дальше*).

Пепи. Что это, что такое? Развѣ такъ встрѣчаются съ Пепи?

Фогель. Отвяжись, дѣвочка, я сегодня въ дурномъ настроеніи... страшно озабоченъ...

Пепи. Знаю, знаю... изъ-за...

Фогель. Ничего ты не знаешь.

Пепи. Ну, да, вчера послѣ спектакля вы изъ-за этого позабыли о насъ.

Фогель. Ахъ, оставь меня въ покоѣ и отправляйся къ своему комику. (*Замѣчаетъ Эндерле, который входитъ и садится на скамеечку у входа въ театръ*). Ей-ей, вотъ онъ ужъ тамъ, на скамейкѣ. Благодарю покорно, милая моя. Я не желаю имѣть дѣло съ ревнивыми статскими. Прощай. (*Медленно шагаетъ въ глубь сцены, но не уходитъ за кулисы*).

Пепи (*съ невиннымъ видомъ приближается къ Эндерле*). Здравствуй!

Эндерле (*не глядитъ на нее и не отвѣчаетъ на привѣтствіе*).

Пепи. Ну, что еще съ тобою приключилось? Ну же? Даже добраго утра не скажетъ (*какъ будто внезапно догадываясь*). Ага! Понимаю... Оттого что, я говорила съ поручикомъ! Опять я виновата! (*Эндерле молчитъ и начинаетъ замѣтно волноваться*). Ты же видѣлъ, — онъ первый заговорилъ со мною? Что-жъ мнѣ дѣлать, когда онъ бѣгаетъ за мной?

Эндерле (*отрывисто смѣется, встаетъ и медленно удаляется*).

Пепи (*идетъ вслѣдъ за нимъ, потомъ останавливается и принимаетъ равнодушный видъ*). Недалеко убѣжишь отъ меня! (*входитъ въ лѣтній театръ*).

(*Въ концѣ аллеи Фогель встрѣчается съ Ронштедомъ; разговаривая они приближаются къ авансценѣ*).

Фогель. Мое почтеніе, капитанъ. Такъ что—ничего новаго?

Ронштедъ (*дѣлаетъ жестъ, какъ бы говоря: что же можетъ быть новаго теперь*)?

Фогель. Ты—отъ него?

Ронштедъ. Да.

Фогель. Что-жъ онъ?

Ронштедъ. Ничего. Сидитъ на диванѣ. Кажется спокойнымъ.

Фогель. Проклятая исторія, проклятая исторія! Просто не вѣрится, что подобныя вещи возможны на свѣтѣ. Такъ что—что будетъ теперь?

Ронштедъ. Какъ знать?

Фогель. Видишь ли... я думалъ, что такъ какъ вы (*слегка обиженно*) бесѣдовали наединѣ...

Ронштедъ. Тебѣ не слѣдуетъ обижаться.

Фогель (*тотчасъ же смягчаясь подъ вліяніемъ любезнаго тона Ронштеда*). Но, капитанъ, вы оба—вы вѣдь старые товарищи. Въ концѣ концовъ, моя миссія, къ сожалѣнію, закончилась... т.-е. хотя... (*какъ бы вспомнивъ внезапно о чемъ-то весьма важномъ*) намъ еще предстоитъ печальная обязанность составить сообща протоколъ. Не будешь ли столь любезенъ...

Ронштедъ. Это успѣется потомъ.

Фогель. Pardon—я съ тобою не совсѣмъ согласенъ, это—наша обязанность, и...

Ронштедъ (*соглашаясь*). Разумѣется.

Фогель. И намъ обоимъ... такъ что — намъ не въ чемъ упрекать другъ друга; мы сдѣлали все, что отъ насъ... не правда ли?

Ронштедъ. Будь совершенно спокоенъ, — насъ ни въ чемъ нельзя упрекнуть.

Фогель. Конечно. Проклятая исторія... Жаль, жаль его. Правда, у него были свои недостатки... такъ что—скажи пожалуйста, у кого же ихъ нѣтъ! Тѣмъ не менѣе, жаль его, все-таки онъ былъ славный парень...

Ронштедъ. О, да ты такъ о немъ говоришь, какъ будто онъ уже... намъ еще не надо такъ говорить, Фогель.

Фогель. Да, да, конечно — намъ еще не слѣдуетъ такъ говорить... но... проклятая исторія!.. (*Съ удивленіемъ*). Да вотъ и онъ.

Ронштедъ (*живо оглядываясь*). Въ самомъ дѣлѣ!

Ронштедъ. Фогель. Каринскій (*въ полной формѣ, при саблѣ, кажется спокойнымъ. Подходитъ къ нимъ*).

Каринскій. Здравствуйте! (*Съ слабой улыбкой*). Не могъ высидѣть въ комнатѣ... душно, Фогель!

Фогель (*въ смущеніи*). Да, да.

Каринскій. А что, не попрощаться ли намъ, мой милый Фогель, другъ съ другомъ... Безъ сентиментальности...

Фогель. Что ты говоришь... попрощаться... что ты!..

Каринскій. Ну да, вѣдь, встрѣчаясь впредь со мною, ты можешь повредить себѣ... не говоря уже о другихъ причинахъ, которыя должны положить конецъ нашему знакомству... Га! (*Глубоко вздыхаетъ*).

Ронштедъ. Не говори такихъ... пустяковъ.

Каринскій (*смотритъ на него и смѣется*).

Фогель. Да, я того же мнѣнія. Что ты говоришь? Вообще, все это... такъ что — какъ бы мнѣ выразиться... все это еще не совсѣмъ улажено. Теперь вотъ мы составимъ протоколъ, капитанъ Ронштедъ и я... такъ что... а прочее ужъ тамъ видно будетъ. Покамѣстъ ничего еще неизвѣстно.

Каринскій. Да, да, протоколъ.

Фогель. Разумѣется. Вѣдь въ концѣ концовъ... это — все, что мы можемъ представить суду чести.

Ронштедъ (*перебивая его*). Послушай, Каринскій — повремени хоть до суда.

Фогель. Да что...

Каринскій (*серьезно*). У меня нѣтъ времени выжидать. Благодарю васъ за все, что вы до сихъ поръ сдѣлали для меня... отъ васъ же зависитъ — поступать далѣе, какъ вы найдете нужнымъ. А я самъ доведу свое дѣло до конца.

Ронштедъ. Каринскій!

Фогель. Какъ же ты думаешь поступить, Каринскій? Вѣдь, подумай—тутъ ничѣмъ не поможешь. Этого молодчика тебѣ не залучить. Онъ заблаговременно улизнетъ. (*Поглядываетъ на Ронштеда, ища поддержки съ его стороны*). Этотъ молодецъ, насколько я его понимаю, вѣроятно, уѣхалъ съ первымъ поѣздомъ.

Каринскій. Я найду его.

Фогель. Что же ты сдѣлаешь?

Каринскій. Какъ знать? Можетъ быть, вы мнѣ еще понадобитесь. Какъ знать?

Фогель (*жестомъ выражаетъ сомнѣніе*).

Каринскій (*съ гнѣвомъ*). Во всякомъ случаѣ, стоитъ попытаться. Съ этимъ вы, надѣюсь, согласитесь?

Ронштедъ. Попытка не будетъ имѣть успѣха.

Каринскій. Тогда тѣмъ проще будетъ остальное. А теперь — прощайте! Оставьте меня, наконецъ. Чѣмъ это вамъ поможетъ? Если у васъ есть хоть капля дружескаго участія ко мнѣ,—оставьте меня. Я ненавижу, когда меня охраняютъ.

Ронштедъ. Ты долженъ удѣлить мнѣ еще пару минутъ... мнѣ... ты долженъ...

Каринскій. Чего тебѣ?

Фогель. До свиданія, Каринскій; я не говорю—прощай. Мое почтеніе! (*Уходитъ*).

Каринскій. Ронштедъ.

Каринскій. Ну, чего тебѣ?

Ронштедъ. Пора опомниться.

Каринскій. По твоему—я не опомнился?

Ронштедъ. Чтобы ты ни предпринялъ, — дѣла уже не поправить. Тебѣ остается одно...

Каринскій. Я знаю.

Ронштедъ. Покориться.

Каринскій (*тупо глядитъ на него и потомъ хохочетъ*).

Ронштедъ. А все прочее безуміе.

Каринскій. Ужъ не думаешь ли ты, что имѣешь дѣло съ мальчишкой?

Ронштедъ. Надѣюсь, что нѣтъ. Выслушай меня, Каринскій. Я понимаю, что съ тобой творится. Въ тебѣ такое чувство, какъ будто съ тобой приключилось непоправимое несчастье.

Каринскій. Все будетъ исправлено,—насколько это въ моей власти.

Ронштедъ. А я тебѣ говорю: нѣтъ такого несчастья, изъ-за котораго должны погибать люди.

Каринскій. Ронштедъ...

Ронштедъ. Тутъ есть лишь одинъ выходъ... Иди къ другимъ людямъ, стань самъ другимъ—и съ тобой ничего не случилось.

Каринскій. Грѣшно напоминать мнѣ объ этомъ.

Ронштедъ. Долженъ же ты, однако, привыкнуть къ этой мысли. Да я и не нахожу въ ней ничего ужаснаго. Оттого, что ты снимешь съ себя этотъ мундиръ—ничего еще не потеряно.

Каринскій. Все, Ронштедъ, для меня—все. Тебѣ это такъ же извѣстно,

какъ и мнѣ. Куда мнѣ дѣваться? Къ чему я гожусь? Чѣмъ могу я быть, переставъ называться капитаномъ Каринскимъ?

Роннштедъ. Да что за величина такая капитанъ Каринскій, что ему нельзя быть ничѣмъ инымъ?

Каринскій. Ты... ты разговариваешь такъ со мною... ты?

Роннштедъ. Даже это кажется тебѣ униженіемъ твоего достоинства,—до того ты безразсуденъ. И ты всегда былъ такимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, ты почему-то считалъ себя человѣкомъ, которому позволено больше, чѣмъ другимъ. На какомъ основаніи? Твоего тщеславія я никогда не могъ понять.

Каринскій. Да зачѣмъ ты теперь говоришь мнѣ объ этомъ?

Роннштедъ. Чтобъ показать тебѣ, что ты не имѣешь права наказывать другихъ за то, что въ послѣднемъ счетѣ составляетъ твою собственную вину.

Каринскій (*крайне пораженный*). Ты говоришь это мнѣ!.. Возможно ли?!. Развѣ ты не понимаешь, что будь я тысячу разъ неправъ—теперь заглажено все! Теперь я—человѣкъ, смертельно опозоренный другимъ человѣкомъ,—и мы еще оба живы!.. О, я радъ, что онъ не принялъ твоего предложенія... въ ту минуту, когда мы стали бы лицемъ къ лицу, я бы забылъ обо всемъ. Пусти меня, Роннштедъ!

Роннштедъ. Я знаю, что ты замышляешь, Каринскій, и могъ бы принудить тебя отказаться отъ своего намѣренія.

Каринскій. Какъ же ты поступишь? Можешь ли ты слѣдить за мной всю жизнь? Не сегодня—такъ завтра, или черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ, но это свершится. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что я... покамѣстъ еще офицеръ.

Роннштедъ. Былъ бы ты лучше просто человѣкомъ, Каринскій, и ты не безумствовалъ бы теперь, не готовился взвалить на себя новую страшную вину. Ты бы постарался выйти изъ этого запутаннаго положенія, выйти въ широкій, безграничный міръ. Повѣрь — не только свѣту и жизни, что въ нашемъ кругу. Ты могъ бы позабыть и въ самомъ дѣлѣ забылъ бы о томъ, что съ тобою здѣсь случилось. Каринскій, нашъ кругъ такъ узокъ, а міръ—великъ!

Каринскій. Не для меня... Мой міръ—весь тутъ, у васъ, среди мнѣ подобныхъ людей, среди тѣхъ, которые до сихъ поръ считали меня своимъ. Не будетъ этого—и для меня все окончится, все. И такъ оно и будетъ. Я знаю, да, знаю. Но я не хочу уйти отъ васъ... уйти... въ то время, какъ онъ... Укажи мнѣ хоть сотню путей для выхода изъ этого положенія... въ настоящее время мнѣ надо еще сдѣлать кое-что здѣсь, и я объ этомъ позабочусь...—Прощай!

Роннштедъ. Постой, Каринскій.

Каринскій (*гнѣвно*). Оставь меня! (*Уходитъ*).

Роннштедъ (*нѣкоторое время стоитъ неподвижно, потомъ удаляется въ томъ же направленіи, что и Каринскій*).

(*Въ дверяхъ театра появляется* **Балдуинъ**. *Онъ напѣваетъ что-то; держитъ букетъ розъ. Навстрѣчу ему*—**Шютцъ**).

Балдуинъ. Съ добрымъ утромъ, дѣвица Шютцъ.

Шютцъ. Съ добрымъ утромъ. О, чудныя розы!

Балдуинъ. Не правда ли?

Шютцъ. Кто преподнесъ ихъ тебѣ въ такую рань?

Балдуинъ (*напѣваетъ*). Тра-ла-ла-ла...

Пепи (*выходитъ изъ театра*). Съ добрымъ утромъ!

Балдуинъ. Пепи!

Пепи. Да, да, я люблю тебя и ты красавецъ. Подари-ка мнѣ эти розы. (*Протягиваетъ къ нимъ руку*).

Балдуинъ (*прячетъ ихъ*).

Финке (*входитъ*). Здравствуйте! (*Балдуину и Пепи*). Да не деритесь вы.

Шютцъ. Здравствуйте. Что скажете, господинъ режисеръ, по поводу этого ужаснаго происшествія?

Финке. Какое происшествіе?

Шютцъ. Да съ Ридель.

Пепи. Ага, Пеперль правду говорила!

Эндерле (*входитъ, слегка кланяется и садится на скамью*).

Финке. А что собственно случилось?

Бадуинъ. Ты не знаешь, Финке? Хорошъ режисеръ!

Финке. Говорятъ, вчера въ паркѣ произошелъ скандалъ между офицерами, что ли? Такъ это въ самомъ дѣлѣ изъ-за Ридель?

Шютцъ. Конечно, господинъ режисеръ. Капитанъ Каринскій и богатый поклонникъ Ридель...

Балдуинъ. Дуэль! На жизнь и смерть!

Финке. Такъ значитъ правда?

Балдуинъ (*дѣлаетъ правой рукой такое движеніе, какъ будто прицѣливается изъ пистолета*).

Пепи. Да перестанешь ли ты?

Балдуинъ (*съ паѳосомъ*). Смерть... Бѣдный другъ...

Финке. Вамъ извѣстны подробности? Что собственно случилось?

Пепи. Что случилось? Ничего особеннаго. Ее накрыли на мѣстѣ преступленія.

Финке. Кто-жъ ее накрылъ?

Пепи. А женихъ... кому же еще? Она-то думала, что онъ въ театрѣ, а онъ кое-что пронюхалъ, приходитъ къ ней, стучитъ—дверь на запорѣ... Знаете, что онъ сдѣлалъ? Высадилъ дверь плечомъ.

Шютцъ. Вотъ сила!

Пепи. Господи, у ревниваго-то мужчины! Ну и кого же находитъ онъ въ нѣжнѣйшемъ tête-à-tête'ѣ съ нею?

Балдуинъ. Сына Марса!..

Финке. Каринскаго?

Пепи. Да вы все знаете... чего-жъ вы заставляете меня разсказывать!

Финке (*качая головой*). Ахъ!

Пепи. Ну, что вы говорите—«ахъ!».. Меня это ничуть не удивило. Потому-что я съ первой минуты разгадала ее. Но такъ уже обыкновенно бываетъ. Коли ты держишь себя чуточку развязно, то стоитъ тебѣ сказать кому-нибудь пару словъ, какъ всѣ ужъ кричатъ, что ты его любовница, хотя бы ты была честнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. А съ такими вотъ, которыя корчатъ изъ себя важную даму, они готовы просидѣть хоть цѣлыя ночи напролетъ. Э, оставьте.

Финке (*смотритъ на часы*). Скоро половина одиннадцатаго. Пора начать.

Балдуинъ. Allons enfants de la patrie! (*Балдуинъ и обѣ дѣвушки уходятъ*).

Эндерле. Финке.

Финке (*видя, что Эндерле продолжаетъ сидѣть съ неподвижно устремленнымъ впередъ взоромъ, хлопаетъ его по плечу*). Въ чемъ дѣло, Эндерле?

Эндерле. Оставьте меня, Финке,—я жду директора.

Финке. А на что вамъ понадобился директоръ?

Эндерле. Хочу потребовать разсчета.

Финке. Что это вамъ вздумалось? (*Сначала недоумѣваетъ, потомъ вдругъ догадывается*). Вотъ что! Э, не глупите, Эндерле. Не принимайте этого такъ близко къ сердцу...

Эндерле. Легко вамъ говорить. Оно ужъ слишкомъ глубоко во мнѣ засѣло. Я самъ знаю, что глупо. Потому-то я и хочу убраться отсюда. Если я останусь, то случится несчастье. Либо я ее убью...

Финке. Ну, ну...

Эндерле (*съ горькимъ смѣхомъ*). Либо женюсь на ней.

Финке. Такъ какъ же вы хотите поступить, Эндерле?

Эндерле. Уѣхать, уѣхать отсюда! Совсѣмъ разстаться со сценой. Мнѣ вообще не въ моготу больше оставаться въ этомъ «художественномъ институтѣ»,—какой тамъ, къ чорту! художественный? Институтъ, но иного рода...

Финке. Эхъ, Эндерле, будьте же разумны. Стоитъ огорчаться изъ-за того, что дѣвушка васъ за носъ водитъ!

Эндерле (*въ страшномъ испугѣ схватываетъ его за руку*). Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Пепи водитъ меня за носъ!?

Финке (*нѣкоторое время глядитъ на него съ изумленіемъ и жалостью*). По крайней мѣрѣ, вамъ такъ кажется.

Эндерле. Финке. Директоръ Шнейдеръ

Эндерле.
Финке. } Съ добрымъ утромъ, господинъ директоръ

Директоръ. Хорошо, что я васъ встрѣтилъ, Финке. Возьмите у Бенднеръ роль изъ новой пьесы, которую мы ей дали, и пошлите эту роль сейчасъ же къ Ридель.

Финке. Господинъ директоръ, но Ридель, вѣдь, уволена вами.

Директоръ. Глупости. И не думаю увольнять. Послѣ всего, что случилось? Мой милый Финке, мы пріобрѣли притягательную силу. Энженю, изъ-за которой публика дерется на дуэли, — да для лѣтняго театра ничего лучшаго и желать нельзя. Мы имъ преподносимъ кое-что,—а?.. Кстати... вотъ что я хотѣлъ сказалъ вамъ, Финке: что за безобразіе вышло вчера вечеромъ въ концѣ послѣдняго дѣйствія?

Финке. Извините, господинъ директоръ,—объ этомъ слѣдуетъ спросите капельмейстера.

Директоръ. Отчего?

Финке. Видите ли,—заминка въ хорѣ...

Директоръ. Кто-жъ говоритъ о заминкѣ въ хорѣ. Такихъ вещей никто не замѣчаетъ... лѣтомъ. Я говорю объ арранжировкѣ. Никакой свѣжести, никакой живости въ ансамблѣ. Впрочемъ, у меня есть идея... Мужчинъ мы попросту вышвырнемъ изъ хора. Эти парни имѣютъ такой голодный видъ и разстраиваютъ публику.

Финке. Что-жъ, можно попытаться, господинъ директоръ!

Директоръ. Я совершенно серьезно проектирую эту реформу. Въ опереткѣ мужчины совсѣмъ не нужны; рыцарей, заговорщиковъ, гондольеровъ могутъ играть и дамы.

Финке. Да, для сборовъ, для настроенія...

Директоръ. Пожалуйста, любезный Финке, — я еще не кончилъ. Дамы... отлично. Но дамы не должны стоять, какъ колоды... побольше движенія, милый Финке, побольше движенія въ массахъ, вотъ въ чемъ весь секретъ. И не оставлять красивѣйшихъ ногъ на заднемъ планѣ... Запишите на бумажкѣ, у кого самыя красивыя ноги, если ужъ вы иначе не можете запомнить; и затѣмъ — жизни, веселья, побольше связи между сценой и публикой, — вотъ что, любезнѣйшій Финке!.. А вамъ что угодно, Эндерле? У меня теперь нѣтъ времени.

Эндерле. Я долженъ все-таки попросить у васъ минуту вниманія, господинъ директоръ.

Директоръ. Да въ чемъ дѣло?

Эндерле. Прошу дать мнѣ разсчетъ.

Директоръ. Что? Да вы съ ума сошли!

Эндерле. Я не могу больше оставаться при вашемъ театрѣ.

Директоръ. Въ своемъ ли вы умѣ? Что это вамъ вдругъ пришлось не по нраву.

Эндерле. У меня... Не могу иначе... изъ чисто личныхъ основаній. Мнѣ нельзя больше играть въ вашемъ театрѣ.

Директоръ. Послушайте, милый Эндерле, мнѣ нѣтъ никакого дѣла

до того, что ваша возлюбленная связывается съ другими... т.-е. рѣшительно никакого дѣла.

Эндерле (*въ сильномъ волненіи*). Господинъ директоръ, вы серьезно думаете?..

Директоръ. Если бы я въ самомъ разгарѣ сезона сталъ изъ-за этого мѣнять артистовъ, что-жъ бы это было?.. И коли ужъ мы заговорили на эту тему... долженъ вамъ замѣтить, что мнѣ вообще не нравится, когда между членами моего персонала завязываются подобныя серьезныя отношенія. Иное дѣло случайныя связи. Въ противномъ случаѣ я, вѣдь, могъ бы приглашать въ свою труппу людей женатыхъ, которые и обходятся-то всегда дешевле. Но мнѣ желательно, чтобъ въ публикѣ всегда было такое чувство... какъ бы мнѣ выразиться... что мои артисты свободны. Поразмыслите объ этомъ, любезный Эндерле, и бросьте свою чувствительность.

Финке. Пойдемте, Эндерле, господинъ директоръ вполнѣ правъ... пойдемте на репетицію!

Директоръ. До свиданья, господа. (*Поворачивается къ нимъ спиною*).

(*Финке и Эндерле уходятъ въ театръ*).

Шнейдеръ. Анна Ридель (*входитъ поспѣшно*).

Директоръ (*преграждая ей дорогу*). Госпожа Ридель! (*Снимаетъ предъ ней шляпу*).

Анна (*холодно*). Pardon (*хочетъ пройти дальше*), мнѣ надо взять нѣкоторыя мелочи изъ гардероба.

Директоръ. Оставьте ихъ тутъ, милая Ридель, я не желаю порывать наши отношенія.

Анна (*мелькомъ взглядывая на него*). Насколько мнѣ извѣстно, ихъ ужъ нѣтъ болѣе.

Директоръ. Нѣтъ, сударыня. Вы остаетесь нашей и, къ тому же, будете получать полное жалованье!..

Анна (*смѣется*). Прощайте!

Директоръ. Не дѣлайте же глупостей? Или ваше жалованье кажется вамъ недостаточнымъ? Такъ я готовъ повысить его до восьмидесяти... до девяноста... до ста гульденовъ, хотя я и знаю, что эти небольшія суммы не имѣютъ для васъ никакого значенія.

Анна. Вы... (*презрительно*). Ахъ! (*Хочетъ уйти*).

Директоръ. Однако, сударыня, не станете же вы серьезно... теперь, когда вы возбуждаете такой интересъ... Надо пользоваться такими случаями.

Анна. Не угодно ли вамъ будетъ пропустить меня, наконецъ.

Директоръ. О, какіе вы умѣете дѣлать глаза! Помните, госпожа Ридель, тотъ вечеръ, когда вы въ первый разъ пришли ко мнѣ въ контору?

Анна (*съ гнѣвомъ*). Разумѣется!.. И вы тоже, надѣюсь.

Директоръ. О, я всегда подозрѣвалъ, что у васъ много темперамента. Только я желалъ бы, чтобъ по отношенію ко мнѣ вы сдѣлали изъ него иное употребленіе.

Анна. Что вамъ собственно отъ меня угодно?

Директоръ (*внезапно*). Да, чуть было не забылъ! Поглядите-ка, какъ все складывается въ вашу пользу. (*Вынимаетъ изъ портфеля записку*). Еще вчера окружной начальникъ извѣстилъ меня о своемъ желаніи устроить вечеръ для госпожъ артистокъ. Онъ вручилъ мнѣ списокъ дамъ, которыхъ онъ намѣренъ пригласить. Въ числѣ записанныхъ именъ находится и ваше, дважды подчеркнутое. Вы—единственная, имя которой подчеркнуто дважды.

Анна. Какое мнѣ дѣло до вашего окружного начальника? Оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ. (*Она замѣчаетъ Павла, который медленно входитъ съ противоположной стороны*). Ахъ!.. (*Она спѣшитъ къ нему навстрѣчу*).

Директоръ. Госпожа Ридель... (*Глядитъ ей вслѣдъ*). Почему не меня? (*Уходитъ въ театръ*).

Павелъ. Анна.

Павелъ. Я только что былъ у тебя. Я думалъ, ты уже готова.

Анна. Все въ порядкѣ. Можемъ сейчасъ уѣхать.

Павелъ. А твои вещи? Ты развѣ хочешь ихъ здѣсь оставить? Ты думаешь вернуться?

Анна. Объ этомъ позаботятся мои квартирохозяева. Только уѣдемъ сейчасъ, не правда ли? Здѣсь я, какъ на иголкахъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Павелъ. Да. (*Они медленно идутъ*).

Анна. Чего-жъ ты медлишь? (*Вдругъ*). Да что такое? Что сказалъ тебѣ тотъ человѣкъ?

Павелъ. Ничего, ничего.

Анна. Неправда... ты такъ измѣнился! Что случилось? Чего они хотятъ отъ тебя?

Павелъ. Ничего не измѣнилось, но... я не поѣду съ тобой... не поѣду сегодня... сегодня не могу.

Анна (*въ отчаяньи*). Такъ они-таки добились своего!

Павелъ. Нѣтъ.

Анна. Отчего ты говоришь—нѣтъ? Что-жъ тебя тутъ удерживаетъ, какъ не это?

Павелъ. Прошу тебя, успокойся. Ты ошибаешься. Клянусь тебѣ,—ты ошибаешься. Но я не могу уѣхать. Дня черезъ два,—можетъ быть, даже сегодня еще я поѣду за тобой. Но теперь мнѣ надо остаться.

Анна. Не понимаю,—нѣтъ, не могу понять. Неужели ты забылъ, что произошло два часа тому назадъ? О, я ни о чемъ тебѣ не напоминаю, кромѣ твоего обѣщанія проводить меня до Вѣны. Я вѣдь ничего

другого и не требовала отъ тебя... но... на этомъ я настаиваю, на томъ, чтобъ ты уѣхалъ со мной сейчасъ.

Павелъ. Я отправлюсь вскорѣ вслѣдъ за тобою, и все будетъ такъ, какъ было говорено нами, но...

Анна. Но... но...

Павелъ. Мнѣ осмѣлились пригрозить, Анна! Видишь теперь, я долженъ остаться?

Анна. Нѣтъ! я ничего не вижу... Эти люди глупцы и негодяи... Какое тебѣ до нихъ дѣло? Пусть угрожаютъ, пусть презираютъ тебя... не все ли равно? Ради всего святого, уѣдемъ, Павелъ; какъ знать, что задумалъ этотъ человѣкъ! Посмотри, все было уже такъ прекрасно. А теперь,—неужели все должно рушиться? Если ты, вмѣсто того, чтобъ поѣхать со мной, останешься теперь здѣсь,—такъ вѣдь они были правы.

Павелъ. Они будутъ правы въ томъ случаѣ, если я теперь уѣду, потому что выйдетъ, будто они прогнали меня.

Павелъ. Анна. Вельнеръ (*быстро входитъ*).

Вельнеръ. Наконецъ-то я нашелъ тебя. Тебѣ нельзи идти сейчасъ на вокзалъ.

Павелъ. Нельзя?

Вельнеръ. Онъ тамъ, онъ, повидимому, догадывается о томъ, что ты... однимъ словомъ... онъ поджидаетъ тамъ... и я искалъ тебя, чтобъ предостеречь.

Павелъ. Очень тебѣ благодаренъ. Пойдемте, Анна, я васъ провожу туда.

Анна. Павелъ!

Вельнеръ (*мягко*). Послушайся моего совѣта, Павелъ. Не ходи туда. Уѣхать можно и другимъ путемъ.

Павелъ. Я никакихъ путей не ищу.

Вельнеръ. Помогите мнѣ, сударыня. Не долженъ же онъ бѣжать прямо въ руки взбѣшеннаго человѣка.

Павелъ (*кладя руку въ боковой карманъ*). У меня еще найдется, чѣмъ защитить себя.

Вельнеръ (*въ волненіи*). Выслушай меня спокойно... Сударыня, прошу васъ... Скажу вамъ, какъ будетъ лучше всего... Надо торопиться... Наймите карету, которая довезетъ васъ до ближайшей станціи...

Павелъ. Неужели ты все еще не понимаешь, что у меня совсѣмъ нѣтъ охоты бѣжать?

Вельнеръ. Къ чему слова? Предъ нами фактъ. Онъ преслѣдуетъ тебя, а ты жить хочешь.

Павелъ. Будто не все равно, встрѣчусь ли я съ нимъ здѣсь или въ Вѣнѣ!

Анна. О Боже! Только бы отсюда уѣхать...

Вельнеръ. Но, вѣдь, нѣтъ никакого смысла отправляться именно туда, гдѣ онъ прежде всего станетъ искать тебя.

Анна. Намъ и незачѣмъ туда ѣхать. Павелъ, Павелъ!

Павелъ (*стоитъ неподвижно*).

Анна. Ты же вѣдь, самъ говорилъ, Павелъ, что мы будемъ путешествовать. Павелъ, отчего ты не отвѣчаешь? Неужели я сразу утеряла для тебя всякое значеніе? Умоляю тебя... Ради Бога, ради Бога, Павелъ, гдѣ же то, о чемъ ты говорилъ...

Павелъ. Все это такъ и осталось, Анна...

Анна. Но для того, чтобъ осталось наше счастье, намъ надо уѣхать. (*Указывая на Вельнера*). Ты же слышишь, что онъ говоритъ... Ты, вѣдь, самъ знаешь...

Вельнеръ. Каждая минута дорога.

Анна. Такъ уѣдемъ же, и не печалься о прочемъ. (*Въ отчаяньи*) Боже мой, что мнѣ дѣлать? Обо всемъ ты думаешь, только не обо мнѣ... Вдругъ всѣ тѣ, кого ты презиралъ, стали для тебя важны, а мои рѣчи—гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Павелъ, уѣдемъ, они намъ не нужны; вѣдь я съ тобою; тебѣ, кромѣ меня, никого не надо. Все, что здѣсь происходитъ, весь этотъ шумъ, вся эта безмыслица... куда все это дѣнется, какъ только мы выберемся отсюда. Скажите, докторъ, куда намъ ѣхать? Посовѣтуйте!

Вельнеръ. Ахъ, Господи, куда!.. Куда-нибудь, гдѣ бы онъ тебя не нашелъ.

Павелъ (*спокойно*). Можетъ быть, за море? Да? И, по возможности, подъ чужимъ именемъ? А потомъ отыскать какой-нибудь глухой уголокъ, гдѣ бы мнѣ можно было спокойно склонить свою голову?

Вельнеръ. Тебѣ угодно глумиться, но ты говоришь чистѣйшую правду, Павелъ. Если хочешь чувствовать себя въ безопасности, то ты долженъ бѣжать отъ него.

Павелъ. Только отъ него? Я думаю и отъ многихъ другихъ.

Вельнеръ. Мы, прочіе, ничего не въ силахъ сдѣлать. У насъ нѣтъ власти надъ нимъ. Противъ него ничего нельзя предпринять до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлаетъ чего-нибудь. Хочешь ждать поступковъ? Развѣ тебѣ не былъ предоставленъ лучшій способъ выказать свое мужество?

Павелъ (*энергично*). Я ничего не хочу выказывать, я настаиваю на своемъ правѣ. Право же мое въ томъ, чтобъ идти или оставаться куда и гдѣ мнѣ заблагоразсудится.

Анна (*взглядываетъ налѣво и вздрагиваетъ*). О Боже!..

Вельнеръ. Что такое? (*Глядитъ въ томъ же направленіи и тоже приходитъ въ сильное волненіе*).

Павелъ (*взглянувъ туда же*). А!.. скорѣе, чѣмъ я думалъ! (*Онъ быстро идетъ впередъ и встрѣчается съ Каринскимъ, когда тотъ выходитъ изъ аллеи на сцену*).

Вельнеръ (*слѣдуетъ за нимъ*).

Павелъ. Вельнеръ. Анна. Каринскій. Позже Роништедъ.

Каринскій (*преграждаетъ Павлу путь. Съ минуту оба стоятъ лицомъ къ лицу*).

Павелъ (*хочетъ двинуться дальше*).

Каринскій. Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ: будете вы со мною драться?

Павелъ (*хочетъ пройти*).

Каринскій. Спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: хотите вы драться со мною?

Павелъ. Дайте дорогу.

Каринскій. Я спрашиваю...

Павелъ. Дайте мнѣ дорогу.

Каринскій (*бросается къ нему*).

Павелъ (*отталкиваетъ его въ сторону и хватается за боковой карманъ*).

Каринскій (*выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ*).

Павелъ (*хватаясь за грудь и падая*). Подлецъ!

Анна.. Ради Бога...

Вельнеръ. Павелъ, Павелъ! (*Подхватываетъ его при паденіи*).

(*На выстрѣлъ сбѣгаются люди; нѣкоторые выбѣгаютъ изъ театра*).

Каринскій (*стоитъ неподвижно*).

Анна и Вельнеръ (*суетятся около умирающаго Павла*).

Роништедъ (*быстро вбѣгаетъ*). Каринскій!

(*За кулисами слышны голоса: «Застрѣленъ... кого-то застрѣлили»*)

Роништедъ (*въ глубокомъ волненіи*). Каринскій!

Каринскій (*глядитъ передъ собою остановившимся взглядомъ*).

Роништедъ. Теперь честь твоя возстановлена!

Анна (*оставляетъ Павла и внезапно кидается на Каринскаго*).

Роништедъ (*удерживая ее*). Оставьте его!.. Капитанъ Каринскій знаетъ, что ему дѣлать.

Каринскій (*понявъ его*). Онъ всегда это зналъ.

Роништедъ. Пойдемъ. (*Они уходятъ. Толпа разступается передъ ними. Наступаетъ тишина*).

Анна. Павелъ, Павелъ!

Вельнеръ. Онъ уже не слышитъ васъ.

Анна (*въ нѣмомъ отчаяніи падаетъ на колѣни*).

Вольнеръ. Уйдите, вамъ здѣсь нечего больше дѣлать. (*Громче*). Уйдите!

Анна (*оторвавшись отъ Павла, глядитъ передъ собою*). Куда?..

(*Занавѣсъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Свѣтомъ луны, тишиной благодатною
 Міръ очарованный
Спитъ, въ безконечную и непонятную
 Тайну закованный.
Спитъ онъ... Сіянье луны серебристое
 Сновъ не разсѣяло...
Вотъ ужъ дыханіе міра росистое
 Влагой повѣяло...
Страсть не волнуетъ красою манящею
 Сонъ заколдованный...
Я какъ дитя передъ матерью спящею,
 Весь очарованный...
Стихло во мнѣ все земное, нечистое,
 Стихло страданіе,
Сердцемъ взволнованнымъ чую росистое
 Міра дыханіе...

2.

Я на небо любуюсь глубокое,
Неподвижное, вѣчно-далекое,
На луну, такъ стыдливо прекрасную,
На листву, въ этомъ свѣтѣ неясную,
И слетаются образы милые,
Всѣ воздушные, всѣ легкокрылые,
Точно съ другомъ любимымъ бесѣдую,
Но о чемъ эти рѣчи—не вѣдаю...
Точно птицы—мечты беззаботныя,
Всѣ безплотныя, всѣ перелетныя...
Ни борьбой, ни желанной побѣдою
Умъ не занятъ... Но чѣмъ же?—Не вѣдаю...

3.

Бѣлой пѣною сверкая,
Гордо вдаль течетъ волна,
Сила въ ней горитъ святая,
Жизнь—борьбой зоветъ она.
О, впередъ! Ей прозябанье
Чуждо соннаго ручья,

И зоветъ, зоветъ страданье
Опѣненная струя.
Горе ждетъ и горя много,
Но, надеждою сильна,
Мчится, чуждая тревоги,
Въ лучезарный край она.
Брызги ласково лобзаютъ,
Вѣтеръ гимны ей поетъ,
Солнце жемчугомъ вѣнчаетъ,
Какъ короною! Впередъ!...

4.

Тихой тайной окутанъ умолкнувшій садъ,
Звѣзды въ темной листвѣ чистымъ блескомъ горятъ..
Я про юность былую мою
Подъ окошкомъ твоимъ пропою.
Эта юность прошла, но въ полночной тиши
Точно вновь настаетъ этотъ праздникъ души,
И живу обаяньемъ былымъ
Подъ окошкомъ твоимъ.
Такъ легки, такъ открыты казались пути,
То тянуло все дальше и дальше идти,
То хотѣлось быть чистымъ душой
Для тебя, предъ тобой.
Ты, мечта моихъ первыхъ поэзіи грезъ,
И безсонныхъ ночей, и печали, и слезъ...
Сердцемъ, полнымъ волненьемъ живымъ,
Я пою подъ окошкомъ твоимъ,
И печалью, и нѣжностью тихой согрѣтъ,
Шлю тебѣ свой привѣтъ.

5.

Опадаютъ, увядаютъ лѣта первые цвѣты,
Незамѣтно отцвѣтаютъ свѣтлой юности мечты;
Блескъ янтарный, лучезарный потерялъ неслышно садъ,
И бросаешь благодарный взглядъ на прошлое, назадъ.
Страсти, сказки, жизни краски, все, чѣмъ полонъ міръ былой,
Дуновеньемъ тихой ласки оживаетъ предо мной,
И чаруя, и волнуя странной близостью мечты,
Обступаетъ, увлекаетъ въ міръ далекой красоты.
Но былого—знаю,—снова силой мысли не вернешь,
Только струны жизни юной на мгновеніе встряхнешь,
Только тѣни сновидѣній... озарилъ ихъ зыбкій свѣтъ,
Промелькнули, обманули...—и глядишь—ихъ больше нѣтъ.

Л. Василевскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

IV.

Австрійская школа.

Мы сказали, что историческое направленіе въ политической экономіи встрѣтило въ новѣйшее время сильную оппозицію въ лицѣ знаменитаго австрійскаго экономиста Карла Менгера и его школы. По своимъ соціально-политическимъ взглядамъ, австрійскіе экономисты мало отличаются отъ своихъ нѣмецкихъ коллегъ и подобно послѣднимъ являются сторонниками соціальныхъ реформъ. Оригинальность австрійской школы всецѣло коренится въ области экономической теоріи. Быть можетъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудахъ школы Менгера обстрактная экономическая теорія сдѣлала самый крупный шагъ впередъ со времени Рикардо.

Изъ работъ признаннаго главы школы, профессора Вѣнскаго университета Карла Менгера (род. въ 1840 г.) наиболѣе замѣчательны двѣ: «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» (1871) и «Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere» (1883). Во второй работѣ Менгеръ выступаетъ съ блестящей критикой германской исторической школы. Онъ не отрицаетъ важности и необходимости изученія исторіи хозяйства, но указываетъ на то, что описательная наука исторіи хозяйства не имѣетъ ничего общаго съ абстрактной наукой теоріи хозяйственнаго процесса. Надежды, которыя германскіе экономисты возлагали на историческій методъ, какъ на средство преобразованія экономической теоріи, свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи ими задачъ этой послѣдней. Теоретическая политическая экономія отнюдь не задается цѣлью описать хозяйственныя явленія въ ихъ индивидуальной сложности въ различныхъ странахъ и въ различныя историческія эпохи. Это дѣло описательныхъ наукъ—статистики и исторіи хозяйства. Абстрактная экономическая теорія стремится къ иному—къ установленію общихъ типовъ хозяйственныхъ явленій и къ открытію, путемъ обстракцій точныхъ экономическихъ законовъ, которые характеризуютъ хозяйственный процессъ въ его идеальномъ видѣ, т. е. не такъ, какъ онъ совершается въ дѣйствитель-

ности, а какъ онъ совершался бы при отсутствіи усложняющихъ обстоятельствъ. Потому экономическіе законы не выражаютъ дѣйствительности въ ея полнотѣ. Въ этомъ отношеніи политическая экономія раздѣляетъ лишь общую слабость точныхъ наукъ. Физика и химія всѣми признаются образцомъ точнаго изученія явленій природы. Изслѣдуютъ ли, однако, эти науки реальныя конкретныя явленія, или же абстрактные типы явленій? Несомнѣнно послѣднее. Законы газообразныхъ тѣлъ, напр., законъ Бойля и Маріотта не примѣнимы въ полной мѣрѣ ни къ одному реальному газу и характеризуютъ лишь нѣкоторыя идеальныя, представляемыя состоянія, къ которымъ реальныя явленія приближаются въ большей или меньшей степени. Точно также химія трактуетъ объ элементахъ, но абсолютно чистыхъ элементовъ, абсолютно чистаго кислорода, водорода, золота, не существуетъ въ природѣ— всякое реальное тѣло есть смѣсь или соединеніе нѣсколькихъ элементовъ; слѣдовательно, и химія изучаетъ не реальныя явленія, а лишь абстрактные типы ихъ, почему и выводы химіи могутъ считаться точными лишь по отношенію къ этимъ идеальнымъ типамъ. Такимъ образомъ, абстракція, отвлеченіе отъ усложняющихъ обстоятельствъ, есть методъ всѣхъ точныхъ наукъ, выводы которыхъ абстрактно, въ примѣненіи къ представляемымъ явленіямъ, совершенно точны, но конкретно, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ природы, точны лишь приблизительно.

Теоретическая политическая экономія есть именно такая абстрактная точная наука. Экономистъ исходитъ изъ предположенія, что человѣкъ руководствуется въ своей хозяйственной дѣятельности лишь однимъ мотивомъ эгоизма, или, что одно и то же, хозяйственнымъ разсчетомъ. Всѣ другіе мотивы человѣческой дѣятельности игнорируются экономистомъ; конечно, экономистъ знаетъ, что посылка эгоизма есть лишь условное допущеніе, абстракція, не охватывающая всей сложности конкретнаго явленія. Но абстракція эта методологически совершенно законна и правильна, ибо эгоизмъ есть дѣйствительно важнѣйшій (хотя и не единственный) мотивъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Правда, благодаря тому, что экономистъ строитъ свои выводы на абстракціи, выводы его не могутъ вполнѣ совпадать съ дѣйствительностью. Но этотъ же недостатокъ присущъ, какъ мы видѣли, и всѣмъ законамъ естествознанія.

Отсюда ясна несостоятельность попытокъ создать научную экономическую теорію изъ индуктивнаго изученія хозяйственныхъ явленій въ ихъ конкретной сложности. Всякая точная наука абстрактна — абстрактной наукой должна быть и политическая экономія. Политическая экономія установила цѣлый рядъ точныхъ законовъ экономическихъ явленій, найденныхъ при помощи дедуктивнаго абстрактнаго метода, который не можетъ быть замѣненъ никакимъ инымъ.

Книга Менгера вызвала горячую полемику. Сторонники историче-

ской школы отвѣчали въ болѣе или менѣе рѣзкомъ тонѣ, но не могли не признать, что указаніе Менгера на теоретическую слабость экономистовъ исторической школы не совсѣмъ несправедливо. Однако, методологическія соображенія, подобныя вышеприведеннымъ, несмотря на свое бо̀льшее или меньшее остроуміе, никогда не могутъ имѣть такой убѣдительной силы, какъ успѣшное примѣненіе защищаемыхъ методологическихъ пріемовъ на практикѣ. Подобно тому, какъ побѣда есть лучшее доказательство искусства полководца, такъ и правильность научнаго метода лучше всего обнаруживается его плодотворностью, научными результатами его примѣненія. Историческій методъ остается пока въ экономической теоріи совершенно безплоднымъ. Экономисты историки не только не произвели въ политической экономіи революціи, которую они возвѣстили съ такимъ шумомъ, но и не внесли въ науку никакихъ существенныхъ измѣненій, не выдвинули никакой новой экономической теоріи, хотя бы и частнаго характера. Напротивъ, школа Менгера, оперируя абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, пришла къ совершенно новымъ и чрезвычайно важнымъ теоретическимъ выводамъ. Она дала новую теорію цѣнности, которая имѣетъ всѣ шансы стать общепринятой въ наукѣ.

Теорія эта имѣетъ свою длинную исторію. Основанія ея впервые были установлены нѣмецкимъ экономистомъ Госсеномъ въ сочиненіи «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs» (1854), совершенно непонятымъ современниками и незамѣченнымъ, при своемъ выходѣ, никѣмъ. О Госсенѣ вспомнили только въ послѣднее время, когда та же теорія цѣнности была вновь развита независимо другъ отъ друга нѣсколькими экономистами: Джевонсомъ («Theory of Political Economy». 1871), Менгеромъ («Grundsätze der Volkswirtschaftslehre». 1871) и Леономъ Вальрасомъ («Element d'économie politique pure». 1874). Ученики Менгера — Вигеръ (въ сочиненіяхъ: «Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes». 1884 и «Der natürliche Werth». 1889) и Бемъ-Баверкъ («Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerthes». Jahrbücher Конрада. 1886 и «Kapital und Kapitalzins». II Theil. 1889) прибавили къ разсматриваемой теоріи много существенныхъ дополненій. За послѣдніе годы литература новой теоріи цѣнности разрослась въ огромныхъ размѣрахъ и приводить ее мы не будемъ.

Теорія цѣнности австрійской школы принадлежитъ къ числу теорій, выводящихъ цѣнность изъ полезности предметовъ нашего хозяйства. Существованіе извѣстной связи между полезностью хозяйственнаго предмета и его цѣнностью кажется почти очевиднымъ съ точки зрѣнія простого здраваго смысла. Мы цѣнимъ только то, что намъ полезно, и тѣмъ выше, чѣмъ больше получаемая нами польза—вотъ, что намъ говоритъ, повидимому, неиспорченный никакой теоріей здравый смыслъ.

Однако, болѣе внимательное изученіе проблемы цѣнности обнаруживаетъ неразрѣшимыя трудности, къ которымъ приводитъ эта точка зрѣнія. Дѣло въ томъ, что мы совершенно не цѣнимъ многіе предметы, полезность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ, мы не цѣнимъ воздуха, воды, безъ которыхъ жизнь невозможна. Далѣе, мы нерѣдко высоко цѣнимъ предметы, полезность которыхъ, повидимому, весьма невелика, и низко цѣнимъ предметы, несравненно болѣе полезные. Хлѣбъ полезнѣе алмаза и желѣзо полезнѣе золота, а, между тѣмъ, цѣна алмаза или золота во много тысячъ разъ превосходитъ цѣну хлѣба или желѣза. Эти факты, находятся, повидимому въ неустранимомъ противорѣчіи съ выводами «простого здраваго смысла».

Многіе экономисты (особенно Сэй и Шторхъ) пытались построить теорію цѣнности на базисѣ полезности хозяйственныхъ предметовъ. Попытки эти, однако, были совершенно безуспѣшны — указанные факты не находили себѣ никакого объясненія съ точки зрѣнія теоріи полезности.

Тѣмъ не менѣе, связь между полезностью и цѣнностью была слишкомъ очевидна, чтобы можно было успокоится на такомъ отрицательномъ результатѣ. Научная мысль сдѣлала шагъ впередъ. Бруно Гильдебрандъ и Книсъ нѣсколько усложнили теорію полезности и привели ее въ большее согласіе съ фактами. Въ вышеуказанномъ примѣрѣ несоотвѣтствія цѣнности хлѣба и алмаза или золота и желѣза съ ихъ относительными полезностями сравнивается цѣнность различныхъ продуктовъ того же вѣса или объема и оказывается, что болѣе полезные предметы цѣнятся ниже. Но это сравненіе неправильно. Когда мы говоримъ, что хлѣбъ полезнѣе алмазовъ, то мы имѣемъ въ виду весь запасъ хлѣба и алмазовъ въ распоряженіи общества; дѣйствительно, полезность всего запаса хлѣба больше полезности всего запаса алмазовъ. Но, вѣдь, и общая цѣнность всего хлѣба выше цѣнности всѣхъ алмазовъ. Съ другой стороны, если алмазъ цѣнится гораздо выше хлѣба того же вѣса, то и полезность золотника хлѣба ниже полезности золотника алмаза. Путемъ такихъ соображеній Гильдебрандъ приходитъ къ выводу, что общая цѣнность всего общественнаго запаса хозяйственныхъ продуктовъ каждаго рода опредѣляется важностью общественной потребности, которой эти продукты удовлетворяютъ. Цѣнность же единицы продукта опредѣляется дѣленіемъ этой общей цѣнности на количество продуктовъ даннаго рода. Фунтъ золота цѣнится выше фунта желѣза потому, что хотя общественная потребность въ золотѣ ниже общественной потребности въ желѣзѣ, но за то и золота имѣется въ распоряженіи общества несравненно меньше, чѣмъ желѣза. Вода и воздухъ не имѣютъ никакой цѣны потому, что количество ихъ необъятно громадно.

Теорія Гильдебранда уже болѣе согласуется съ фактами. Но все же и она неудовлетворительна. Съ этой точки зрѣнія, вода и воздухъ

должны были бы имѣть ничтожную цѣну, на самомъ же дѣлѣ они совсѣмъ ея не имѣютъ. Точно также, изъ теоріи Гильдебранда можно, пожалуй, вывести, что хлѣбъ долженъ цѣниться ниже алмаза того же вѣса, но того колоссальнаго различія въ цѣнности обоихъ предметовъ, которое наблюдается въ дѣйствительности, теорія эта не объясняетъ. Затѣмъ, если бы теорія Гильдебранда была справедлива, то цѣнность товаровъ должна была бы всегда измѣняться какъ разъ обратно пропорціонально измѣненію ихъ количества. На самомъ же дѣлѣ наблюдается иное: одни товары—предметы роскоши—падаютъ въ своей цѣнѣ, при увеличеніи ихъ количества, относительно слабѣе, другіе—предметы необходимости—сильнѣе. Сокращеніе урожая хлѣба на 30% повышаетъ его цѣну не въ той же пропорціи, какъ этого требуетъ теорія Гильдебранда, а въ несравненно сильнѣйшей степени, вдвое или втрое. Всѣ эти факты находятся въ противорѣчіи съ теоріей нѣмецкаго ученаго.

Невозможность объяснить явленія цѣнности, исходя изъ полезности хозяйственныхъ предметовъ, привела къ тому, что въ наукѣ утвердилась такъ называемая трудовая теорія цѣнности, развитая Рикардо. Основнымъ недостаткомъ этой теоріи является то, что она признаетъ два различныхъ источника цѣнности: 1) затраченный на производство трудъ для всѣхъ свободно воспроизводимыхъ продуктовъ и 2) спросъ и предложеніе для предметовъ невоспроизводимыхъ свободно (какъ, напр., земля, всѣ предметы, находящіеся въ монопольномъ владѣніи, далѣе продукты индивидуальнаго творчества, какъ предметы искусства и пр.) Той же двойственностью отличается и объясненіе, съ точки зрѣнія этой теоріи, товарныхъ цѣнъ: среднія цѣны товаровъ регулируются, согласно трудовой теоріи цѣнности, трудомъ, но рыночныя товарныя цѣны колеблятся подъ вліяніемъ спроса и предложенія.

Такимъ образомъ, трудовая теорія цѣнности не въ силахъ объяснить всѣ явленія цѣнности, во всемъ ихъ объемѣ, и принуждена признавать дѣйствіе совершенно иного начала, чѣмъ трудъ—спроса и предложенія. Между тѣмъ, очевидно, что процессъ оцѣнки воспроизводимыхъ и невоспроизводимыхъ предметовъ по существу одинъ и тотъ же; точно также очевидно, что среднія товарныя цѣны слагаются изъ рыночныхъ цѣнъ, почему и нельзя исходить при объясненіи цѣнъ того и другого рода изъ различныхъ принциповъ.

Такимъ образомъ, обѣ названныя теоріи цѣнности—теорія полезности, или, что, одно и то же, спроса и предложенія—и трудовая теорія были недостаточны для полнаго объясненія основного экономическаго явленія—цѣнности. Это вело къ нескончаемымъ спорамъ между экономистами. Всѣ экономисты дѣлились на два лагеря; одни—практики, сосредоточивавшіе свое вниманіе на индивидуальныхъ рыночныхъ товарныхъ, цѣнахъ утверждали, что спросъ и предложеніе, иначе говоря относительная полезность товаровъ, регулируютъ ихъ цѣны; другіе, теоретики, болѣе интересовавшіеся средними цѣнами, признавали трудъ

производства основнымъ факторомъ цѣны. Каждая изъ спорящихъ сторонъ могла привести въ свою пользу серьезныя соображенія и съ успѣхомъ опровергнуть противоположную теорію. Но такъ какъ оба противника были въ одинаковомъ положеніи, то дѣло соглашенія не подвигалось ни на шагъ.

Теоретическій споръ осложнился соціальными симпатіями и политическими страстями. Мы говорили выше, что трудовая теорія цѣнности легко допускаетъ этическое истолкованіе: изъ положенія, что цѣнность создается трудомъ, можно вывести право рабочаго на весь вырабатываемый имъ продуктъ. Съ этой точки зрѣнія прибыль капиталиста есть не что иное, какъ неоплаченный трудъ рабочаго. Такое истолкованіе трудовой теоріи цѣнности вызвало къ ней горячія симпатіи въ лагерѣ рабочихъ и сдѣлало ее крайне непопулярной въ буржуазномъ лагерѣ. Возникло совершенно невѣрное представленіе, основанное на смѣшеніи задачъ науки и политики, будто соціализмъ связанъ какимъ-то таинственнымъ образомъ съ трудовой теоріей цѣнности, и будто бы доказавъ или опровергнувъ трудовую теорію цѣнности можно нанести ударъ современному общественному строю или поддержать его. Понятно, что все это только подливало масла въ огонь и споръ о природѣ цѣнности разгорался и принималъ болѣе ожесточенный характеръ.

Оставляя въ сторонѣ политику, слѣдуетъ признать, что обѣ спорящія стороны были правы въ своей критикѣ противника и неправы въ своей исключительности. Сторонники теоріи спроса и предложенія неопровержимо доказывали ссылками на общеизвѣстные факты, что трудъ не можетъ объяснить рыночныхъ колебаній товарныхъ цѣнъ, а также и среднихъ цѣнъ множества предметовъ экономическаго оборота, напр., хотя бы земли; точно также, защитники трудовой теоріи совершенно вѣрно указывали на невозможность понять, съ точки зрѣнія теоріи полезности или спроса и предложенія, почему среднія цѣны товаровъ такъ различны, а многіе предметы, въ высшей степени полезные, совсѣмъ не имѣютъ цѣны.

При такомъ положеніи вещей можно было думать, что наука совсѣмъ должна отказаться отъ законченной монистической теоріи цѣнности и что единственнымъ выходомъ остается эклектизмъ. Великая заслуга австрійской школы, вмѣстѣ съ вышеназванными учеными—Госсеномъ, Джевонсомъ и Вальрасомъ—заключается въ томъ, что она обѣщаетъ навсегда покончить споры о цѣнности, давъ полное и исчерпывающее объясненіе *всѣмъ* явленіямъ процесса оцѣнки, исходя изъ *одного* основного принципа.

Отправнымъ пунктомъ новой теоріи является точное опредѣленіе понятія полезности хозяйственнаго предмета. Неудача всѣхъ предшествовавшихъ попытокъ установить зависимость цѣнности отъ полезности проистекала изъ того, что не различали общей, абстрактной полезности того или иного рода вещей отъ дѣйствительной пользы, прино-

симой даннымъ конкретнымъ предметомъ. Пояснимъ примѣромъ. Мы говоримъ, что вода полезна. И это совершенно вѣрно по отношенію къ водѣ вообще, какъ опредѣленному роду вещей или по отношенію ко всему запасу воды, какъ цѣлому. Но можно ли утверждать, что каждое ведро воды въ рѣкѣ приноситъ намъ пользу? Правда, любой стаканъ воды можетъ утолить жажду, но фактически не вся вода, а только ничтожная ея часть служитъ для удовлетворенія нашихъ потребностей. Поэтому, если рѣчь идетъ о родовой полезности воды, или о полезности всеего запаса воды, то мы должны признать воду полезной. Но если дѣло идетъ о полезности той или иной конкретной части общаго запаса воды, то вопросъ рѣшается совершенно иначе: не подлежитъ сомнѣнію, что бо̀льшая часть воды въ рѣкѣ мнѣ совершенно не нужна и для меня совершенно безполезна.

Итакъ, конкретная, дѣйствительная польза даннаго предмета, есть совершенно иное, чѣмъ абстрактная, возможная полезность даннаго рода вещей. Вода принадлежитъ къ числу предметовъ, необходимыхъ для жизни—но только ничтожная доля воды дѣйствительно удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ и приноситъ намъ пользу.

Конкретная польза, извлекаемая нами изъ различныхъ конкретныхъ предметовъ одного и того же рода, въ равной мѣрѣ пригодныхъ по своимъ физическимъ свойствамъ къ тому, чтобы удовлетворять нашимъ потребностямъ, весьма различна. Первая кружка воды изъ рѣки служитъ мнѣ для питья—она поддерживаетъ мою жизнь; ея пользу можно считать максимальной. Вторая кружка служитъ мнѣ для умыванія; она удовлетворяетъ моей потребности въ чистотѣ—полезность ея уже несравненно меньше. Третью кружку я, быть можетъ, употреблю на поливку цвѣтовъ—она послужитъ для удовлетворенія еще менѣе важной потребности. Наконецъ, для четвертой или пятой кружки я могу не найти никакого употребленія—полезность ея будетъ равна нулю.

Легко понять, что эти соображенія примѣнимы рѣшительно ко всѣмъ предметамъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ хозяйствѣ. Возьмемъ, напримѣръ, хлѣбъ. Дѣйствительная польза, извлекаемая нами изъ каждаго фунта имѣющагося въ нашемъ обладаніи хлѣбнаго запаса, не одинакова, но образуетъ собой убывающій рядъ. Чѣмъ больше запасъ, тѣмъ менѣе важныя потребности удовлетворяются продуктами того же рода, тѣмъ ниже спускается полезность послѣдняго члена этого ряда. Эту наименьшую полезность единицы даннаго запаса хозяйственныхъ предметовъ, Джевонсъ и Визеръ назвали *предѣльной полезностью* предмета (final degree of utility, Grenznutzen).

Теперь мы можемъ перейти къ проблемѣ цѣнности. Мы цѣнимъ тотъ или иной предметъ благодаря сознаваемой нами зависимости нашего благополучія отъ обладанія даннымъ предметомъ. Если утрата извѣстнаго предмета причиняетъ намъ страданіе или уменьшаетъ наше благосостояніе, если при отсутствіи даннаго предмета какая-нибудь

наша потребность останется неудовлетворенной, то мы, понимая въ качествѣ разумныхъ существъ связь слѣдствія съ причиной, не можемъ не придавать обладанію даннымъ предметомъ тѣмъ больше значенія, важности, чѣмъ болѣе важная потребность останется неудовлетворенной въ случаѣ утраты предмета. Хозяйственная цѣнность предмета есть не что иное, какъ сознаваемое нами его значеніе, важность по отношенію къ нашему хозяйственному благополучію. Процессъ оцѣнки естественно вытекаетъ изъ нашей разсудочной способности въ связи, съ одной стороны (субъективной), съ нашимъ стремленіемъ къ увеличенію своего благополучія и уменьшенію страданія, съ другой (объективной)—съ зависимостью нашего благополучія отъ обладанія внѣшними предметами. Внѣшнимъ выраженіемъ нашей оцѣнки предмета является наша дѣятельность, направленная къ пріобрѣтенію даннаго предмета или сохраненію его. Чѣмъ выше наша оцѣнка, тѣмъ больше труда мы согласимся затратить на пріобрѣтеніе или сохраненіе предмета, тѣмъ бо́льшимъ количествомъ другихъ цѣнныхъ предметовъ мы пожертвуемъ ради него.

Мы видѣли, что конкретная полезность отдѣльныхъ единицъ хозяйственнаго запаса образуетъ понижающійся рядъ; каждая послѣдующая единица запаса удовлетворяетъ мѣнѣе важной потребности. Допустимъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣется опредѣленный запасъ полезныхъ предметовъ извѣстнаго рода. Спрашивается, какая потребность останется неудовлетворенной, если мы утратимъ единицу изъ даннаго запаса? Она можетъ удовлетворять болѣе важнымъ и менѣе важнымъ потребностямъ: стаканъ воды можетъ служить для питья или употребляться для поливки цвѣтовъ. Отъ удовлетворенія какой потребности я откажусь, если я лишусь единицы изъ даннаго запаса предметовъ? Отвѣтъ ясенъ: утрата предмета, конечно, поведетъ къ неудовлетворенію *наименѣе важной потребности*, *изъ числа могущихъ быть удовлетворенными при помощи даннаго запаса.* Если у меня мало воды, то я откажусь отъ поливки цвѣтовъ, но не лишу себя питья. Итакъ, не наибольшая и не средняя полезность предмета, но его *предѣльная полезность* (въ вышеуказанномъ смыслѣ) опредѣляетъ важность потребности, остающейся неудовлетворенной въ случаѣ утраты этого предмета.

Мы сказали, что наша оцѣнка предмета есть не что иное, какъ признаніе зависимости нашего благополучія отъ обладанія даннымъ предметомъ. Мы только что видѣли, что отъ обладанія предметомъ зависитъ удовлетвореніе наименѣе важной потребности изъ всѣхъ удовлетворяемыхъ при помощи даннаго запаса предметовъ. Какъ же должны мы цѣнить предметъ? Очевидно, по этой наименѣе важной потребности. Иными словами, *цѣнность предмета устанавливается его предѣльной полезностью*—наименѣе важной потребностью изъ всѣхъ,

удовлетворяемыхъ при помощи того запаса предметовъ, которымъ мы располагаемъ.

Таково рѣшеніе проблемы цѣнности. Предѣльная полезность, а не общая полезность запаса или же средняя полезность предметовъ извѣстнаго рода регулируетъ ихъ цѣнность. Конкретная польза каждой единицы общаго запаса различна, но цѣнность всѣхъ этихъ единицъ не можетъ не быть одинаковой. Поэтому, слѣдуетъ строго различать понятія цѣнности и полезности. Вслѣдствіе смѣшенія этихъ понятій наука долгое время не могла выбраться изъ запутаннаго лабиринта сложныхъ и разнообразныхъ факторовъ цѣнности; понятіе предѣльной полезности даетъ намъ аріаднину нить для выхода изъ этого лабиринта.

Теорія предѣльной полезности легко разрѣшаетъ всѣ трудности, которыя казались непреодолимыми съ точки зрѣнія предшествовавшихъ теорій полезности. Почему вода и воздухъ не имѣютъ никакой цѣнности? Потому, что большая часть воды и воздуха для насъ совершенно безполезна—предѣльная полезность ихъ равна нулю. Почему алмазъ цѣнится гораздо дороже хлѣба, а золото дороже желѣза? Потому, что хотя потребность въ хлѣбѣ несравненно сильнѣе потребности въ алмазахъ, а потребность въ желѣзѣ сильнѣе потребности въ золотѣ, но за то потребность въ хлѣбѣ и въ желѣзѣ удовлетворяется гораздо полнѣе, чѣмъ потребность въ алмазахъ или золотѣ. Максимальная полезность хлѣба несоизмѣримо выше полезности алмаза, но предѣльная полезность хлѣба ниже, чѣмъ алмаза.

Потребность въ алмазахъ у тѣхъ классовъ населенія, которые покупаютъ ихъ, очень далека отъ удовлетворенія, между тѣмъ какъ потребность въ пищѣ удовлетворяется ими до конца.

Абстрактная, возможная полезность предмета не зависитъ отъ величины запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи. Но предѣльная полезность—иными словами дѣйствительная польза послѣдняго члена понижающагося ряда—должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ больше запасъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что предѣльная полезность падаетъ въ случаѣ увеличенія запаса строго пропорціонально этому увеличенію. Ни о какой математической пропорціональности не можетъ быть въ данномъ случаѣ и рѣчи. Предѣльная полезность однихъ товаровъ, въ особенности предметовъ необходимости, падаетъ гораздо быстрѣе увеличенія запаса, благодаря тому, что потребность въ нихъ легко насыщается. Количество пищи, которое можетъ потребить человѣкъ, ограничивается вмѣстимостью желудка. Если пищи очень много, то ея предѣльная полезность быстро спускается до очень низкой величины—иногда почти до нуля. По этой причинѣ, мясо не имѣетъ почти никакой цѣны у пастушескихъ народовъ. Напротивъ, потребность въ предметахъ роскоши и украшенія почти никогда не достигаетъ полнаго насыщенія. Увеличеніе запаса драгоцѣнностей не сопровождается быстрымъ пониженіемъ ихъ предѣльной полезности, благо-

даря тому, что потребность въ нихъ всегда остается далекой отъ удовлетворенія.

Все это объясняетъ, почему цѣна предметовъ необходимости испытываетъ такія рѣзкія колебанія подъ вліяніемъ колебаній предложенія, въ то время какъ цѣна предметовъ роскоши отличается сравнительной устойчивостью. Каждый товаръ имѣетъ свою скалу насыщенія соотвѣтствующей потребности—и эта скала опредѣляетъ, какое вліяніе колебанія предложенія оказываютъ на цѣну товара. Вотъ почему такъ называемый законъ спроса и предложенія не можетъ быть выраженъ въ математической формѣ.

Такова сущность новой теоріи цѣнности, развитіе которой составляетъ заслугу, главнымъ образомъ, австрійской школы. Мы могли намѣтить только основную идею теоріи предѣльной полезности, оставляя въ сторонѣ подробности и не показавъ примѣненія этой теоріи къ разрѣшенію всѣхъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ случаевъ образованія цѣнъ въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. Послѣднее потребовало бы слишкомъ много мѣста и мы должны были ограничиться сказаннымъ. Но и этого немногаго достаточно, чтобы оцѣнить великое значеніе теоріи предѣльной полезности. Она впервые дала исчерпывающее объясненіе механизму оцѣнки, выяснила психическіе процессы, результатомъ которыхъ является цѣна. Предшествовавшія теоріи цѣнности почти не занимались субъективнымъ моментомъ, лежащимъ въ основаніи цѣны. Всѣ знали, что чѣмъ больше запасъ хозяйственныхъ предметовъ извѣстнаго рода, тѣмъ ниже мы цѣнимъ каждый изъ нихъ, но *почему* мы расцѣниваемъ предметы именно такъ, а не иначе, *почему* увеличеніе предложенія понижаетъ, а не повышаетъ расцѣнку—это оставалось невыясненнымъ. Существовалъ нѣкоторый перерывъ въ объясненіи механизма строенія цѣнъ—между объективнымъ моментомъ предложенія продуктовъ на рынкѣ и субъективнымъ моментомъ расцѣнки была ничѣмъ не заполненная пустота. Теорія предѣльной полезности заполнила эту пустоту—она показала передаточные ремни, которые связываютъ въ субъектѣ объективные факторы цѣны съ цѣнами. А такъ какъ при огромной сложности соціальной жизни пониманіе ея законовъ немыслимо безъ пониманія психическихъ процессовъ, опредѣляющихъ поведеніе индивида, его мотиваціи (вся дедуктивная политическая экономія исходитъ изъ посылки эгоизма, какъ руководящаго мотива хозяйственной дѣятельности), то выясненіе субъективнаго, психическаго процесса оцѣнки не могло не пролить новаго свѣта и на объективный механизмъ строенія цѣнъ.

Теорія предѣльной полезности исходитъ изъ положенія, что полезное дѣйствіе потребляемаго предмета уменьшается по мѣрѣ увеличенія потребленія. Положеніе это есть, въ сущности, не что иное, какъ частное примѣненіе основного психо-физическаго закона Вебера и Фехнера. Въ формулировкѣ Фехнера законъ этотъ гласитъ, что ощущеніе ра-

стетъ какъ логариѳмъ раздражителя. Если раздражитель будетъ расти какъ 1, 10, 100, 1000 и т. д., то ощущеніе будетъ возрастать какъ 1, 2, 3, 4 и т. д. Другими словами, чтобы увеличить ощущеніе на одну и ту же абсолютную величину, нужно употреблять все болѣе и болѣе сильные раздражители. Если мы будемъ равномѣрно усиливать раздражающій агентъ, то ощущеніе будетъ расти меньше и меньше. Исходя изъ подобныхъ соображеній, знаменитый математикъ прошлаго столѣтія Бернулли замѣтилъ, что субъективная цѣнность той же суммы денегъ должна быть для человѣка тѣмъ меньше, чѣмъ онъ богаче. Ланге указываетъ въ своей «Исторіи матеріализма» и въ «Рабочемъ вопросѣ» на огромное значеніе закона Вебера въ примѣненіи къ явленіямъ соціальной жизни. Новѣйшая теорія цѣнности служитъ подтвержденіемъ мысли Ланге.

Хозяйственные предметы являются по отношенію къ намъ внѣшними раздражителями; чувство удовольствія, испытываемое нами при потребленіи этихъ предметовъ, можетъ считаться физіологической функціей названныхъ раздражителей. Но такъ какъ тутъ примѣшивается масса разнообразныхъ осложняющихъ психическихъ моментовъ, то, разумѣется, законъ Вебера лишь въ самыхъ общихъ чертахъ находитъ себѣ выраженіе въ процессѣ хозяйственной оцѣнки. Не существуетъ никакого логариѳмическаго, какъ и вообще математическаго соотношенія между количествомъ хозяйственныхъ предметовъ и ихъ предѣльной полезностью—иначе говоря, цѣнностью. Законъ Вебера проявляется лишь въ томъ, что предѣльная полезность хозяйственныхъ предметовъ дѣйствительно падаетъ по мѣрѣ увеличенія ихъ количества.

Теорія предѣльной полезности, какъ и всѣ дѣйствительно новыя научныя идеи, долгое время оставалась непонятой. И теперь возраженія противъ этой теоріи основываются обыкновенно на грубѣйшемъ непониманіи ея. Это старая и давно всѣмъ извѣстная исторія: огромное большинство человѣчества отличается крайней косностью мысли, почему новыя истины признаются на первыхъ порахъ или нелѣпостями, или же безсодержательнымъ наборомъ словъ. Въ первомъ случаѣ замѣчаютъ новизну идеи, но оказываются не въ силахъ оцѣнить ея содержанія; во второмъ случаѣ даже новизна содержанія не усваивается лѣнивымъ умомъ, привыкшимъ идти давно протоэренной колеей и неспособнымъ ничего различать за предѣлами своего узкаго кругозора. Теорія предѣльной полезности испытала обычную участь новыхъ идей. Одни ее объявили вздоромъ, другіе—безсодержательнымъ труизмомъ. Возьмемъ, напр., критику теоріи Джевонса въ извѣстной книгѣ Кэрнса «Some Leading Principles of Political Economy» (1874). Кэрнсъ былъ далеко не заурядным теоретикомъ смитовской школы. Но онъ страдалъ весьма распространеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ оригинальности, творческой способности ума. Для новыхъ идей у него не хватала органа пониманія. И вотъ ему пришлось столкнуться съ такой совершенно

новой теоріей цѣнности, какъ вышеизложенная. Онъ познакомился съ ней изъ превосходнаго изложенія чрезвычайно яснаго и точнаго мыслителя Джевонса.

Какъ же отнесся Кэрнсъ къ оригинальнымъ и остроумнымъ соображеніямъ Джевонса? По его собственному заявленію, онъ, какъ добросовѣстный ученый, «приложилъ возможныя усилія къ пониманію теоріи Джевонса». И въ результатѣ этихъ усилій получилось слѣдующее. Сущность теоріи Джевонса заключается, по мнѣнію Кэрнса, въ новой номенклатурѣ—не болѣе. А именно, Джевонсъ называетъ терминомъ «полезность» не то, что называли этимъ именемъ экономисты классической школы. «Къ чему сводится новое ученіе?»—спрашиваетъ Кэрнсъ, и отвѣчаетъ:—«Какъ я понимаю, лишь къ тому, что цѣнность основывается на полезности, а полезность—это все то, что вліяетъ на цѣнность. Иными словами, «полезностью» именуется совокупность всѣхъ тѣхъ неизвѣстныхъ условій, которыя опредѣляютъ разсматриваемое явленіе, и вслѣдъ затѣмъ утверждается, что явленіе зависитъ отъ того, что названо этимъ именемъ. Все равно, какъ если бы мы эти условія обозначили вмѣсто слова «полезность» буквой X, а затѣмъ сказали бы, что цѣнность опредѣляется условіями x; это послѣднее утвержденіе будетъ такъ же вѣрно и столь же поучительно, какъ и ученіе Джевонса. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ важность утвержденія—что цѣнность опредѣляется тѣми условіями, которыя ее опредѣляютъ—не можетъ быть увеличена запутанными математическими формулами, въ которыя оно облечено Джевонсомъ».

Бѣдный Кэрнсъ, какъ много онъ «понялъ»!

Совершенно въ такомъ же родѣ критиковали новую теорію и другіе экономисты. Ортодоксальные марксисты Запада нашли теорію предѣльной полезности «буржуазной», а у насъ въ ней усмотрѣли признаки «мелкобуржуазности». Г. Парвусъ изощрялъ свое остроуміе надъ Бемъ Баверкомъ и объявилъ всѣ ученія австрійской школы философіей профессоровъ, получающихъ слишкомъ мало гонорара.

Все это, однако, нисколько не помѣшало окончательному успѣху новой теоріи. Теперь она является почти общепринятой не только среди «буржуазныхъ» ученыхъ, но и среди болѣе свободныхъ отъ догматическихъ предразсудковъ представителей противоположнаго направленія. Такъ называемые «фабіанцы»—англійская соціалистическая группа, во главѣ которой стоитъ замѣчательнѣйшій современный представитель англійскаго соціализма Сидней Веббъ—всецѣло примкнули къ новой теоріи цѣнности, которая сама по себѣ, столь же мало «буржуазна», сколько и «соціалистична». Достаточно того, что она истинна.

Но нужно хорошо понять область примѣнимости теоріи предѣльной полезности. Теорія эта дала исчерпывающее объясненіе *процессу оцѣнки*,—но и только; она является всецѣло *субъективной* теоріей цѣн-

ности. Вопросы, которые она ставитъ, такого рода: дана потребность опредѣленной силы въ предметахъ извѣстнаго рода; данъ такой-то запасъ этихъ предметовъ; какъ высока будетъ ихъ цѣнность? Рѣшеніе задачи мы признали правильнымъ, но слѣдуетъ ли отсюда, что только *этой* задачей и ограничивается сфера изслѣдованія экономической науки по отношенію къ явленіямъ цѣнности?

Конечно, нѣтъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оцѣниваемые предметы суть продукты производства. Для того, чтобы изслѣдованіе проблемы цѣнности было доведено до конца, необходимо выяснить, что́ регулируетъ производство хозяйственныхъ предметовъ, почему однихъ предметовъ производится мало, а другихъ много. Мы согласились, что цѣнность хозяйственныхъ предметовъ всецѣло зависитъ отъ потребности въ нихъ и ихъ количества. Но отчего же зависитъ это послѣднее?

Вопросъ этотъ, съ точки зрѣнія объективныхъ факторовъ цѣны нельзя не считать самымъ основнымъ. Но читатель напрасно сталъ бы искать у теоретиковъ предѣльной полезности яснаго отвѣта на него. Въ большинствѣ случаевъ, указанный вопросъ совершенно обходится ими, или же получаетъ рѣшеніе далеко неудовлетворительное.

Дѣло еще запутывается благодаря тому, что теоретики предѣльной полезности, не довольствуясь развитіемъ положительной теоріи, весьма склонны къ критикѣ и направляютъ свои критическія стрѣлы, главнымъ образомъ, противъ трудовой теоріи цѣнности. Съ ихъ точки зрѣнія, ихъ собственная теорія совершенно опрокидываетъ воззрѣніе, по которому основнымъ объективнымъ факторомъ цѣны является затраченный на производство хозяйственнаго предмета трудъ. Выбирайте между двумя теоріями цѣнности—предлагаютъ намъ почтенные представители австрійской школы; обѣ теоріи toto coelo различны другъ отъ друга. Если одна изъ нихъ вѣрна, то другая должна быть ложной... ну а такъ какъ истинность теоріи предѣльной полезности демонстрирована съ полной убѣдительностью—то долой трудовую теорію!

Однако, такъ ли это?.. Дѣйствительно ли признаніе правильности теоріи предѣльной полезности требуетъ отрицанія роли труда, какъ основного объективнаго фактора цѣны? Не основывается ли ожесточенный бой послѣдователей Менгера и Рикардо на нѣкоторомъ недоразумѣніи? И если такъ, то нельзя ли найти такую точку зрѣнія, съ которой оба непримиримые врага окажутся добрыми союзниками и друзьями?

Попробуемъ же рѣшить этотъ споръ къ обоюдной выгодѣ спорящихъ сторонъ, тяжба которыхъ подлежитъ суду объективной науки. При этомъ, какъ и надлежитъ безпристрастному суду, не будемъ заподозривать, безъ достаточныхъ основаній, добросовѣстности той или иной изъ тяжущихся сторонъ, не будемъ руководствоваться симпатіей къ тому дѣлу, которому служитъ каждый изъ тяжущихся, но будемъ

оцѣнивать доводы обоихъ истцовъ исключительно съ точки зрѣнія основательности ихъ притязаній.

Теоріи предѣльной полезности и трудовая, несомнѣнно, противоположны, но отнюдь не взаимноисключающи. Рикардо и Менгеръ сосредоточиваютъ свое вниманіе на различныхъ сторонахъ одного и того же процесса. Теорія Рикардо подчеркиваетъ *объективные* моменты цѣны; теорія Менгера—*субъективные* моменты оцѣнки. Но подобно тому, какъ объективное физіологическое наблюденіе, въ извѣстномъ смыслѣ противоположное субъективному, психологическому, отнюдь не исключаетъ послѣдняго, а лишь дополняетъ его, точно также теорія Рикардо дополняетъ теорію предѣльной полезности, а не исключаетъ ея.

Теорія предѣльной полезности не указала никакого новаго *объективнаго* фактора цѣны, да и не могла указать, такъ какъ эти факторы давно всѣмъ извѣстны. Что же это за факторы? Рикардо признаетъ трудъ производства важнѣйшимъ объективнымъ моментомъ, регулирующимъ среднія цѣны свободно воспроизводимыхъ товаровъ. Попробуемъ же испытать правильность этого положенія съ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности.

Мы знаемъ, что цѣна устанавливается предѣльной полезностью товара. Товарный рынокъ ничего не знаетъ о такой экономической категоріи, какъ трудовая стоимость товара. Разъ товаръ поступилъ на рынокъ — онъ всецѣло попадаетъ во власть спроса и предложенія, какъ единственныхъ факторовъ рыночной цѣны. Покупатель не интересуется издержками производства товара, онъ хочетъ купить товаръ по самой дешевой цѣнѣ, по какой можетъ, и если эта цѣна не покрываетъ издержекъ производства, то тѣмъ хуже для продавца. Напротивъ, продавецъ стремится продать товаръ возможно дороже—и если цѣна товара намного превосходитъ издержки его производства—то продавецъ только реализируетъ въ свою пользу добавочный барышъ.

Рынокъ—это поле борьбы между покупателями и продавцами. Товарная цѣна является показателемъ соотношенія силъ борящихся сторонъ. Низкая цѣна указываетъ на избытокъ предложенія товара, высокая—на недостатокъ предложенія. Въ противоположность военной схваткѣ, въ экономической схваткѣ каждый противникъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ многочисленнѣе ряды его конкурирующихъ товарищей.

Издержки производства безсильны вліять на товарную цѣну въ предѣлахъ рынка. Но какова ихъ роль за предѣлами рынка? Что регулируетъ поступленіе товаровъ на рынокъ? Нечто иное, какъ издержки производства. Если рыночная цѣна не окупаетъ съ обычной прибылью стоимости производства, то производство товара сокращается, онъ поступаетъ на рынокъ въ меньшемъ количествѣ; уменьшеніе предложенія повышаетъ предѣльную полезность товара и цѣна его повышается. Напротивъ, если рыночная цѣна товара настолько превосходитъ стоимость производства, что изготовленіе его даетъ больше средней при-

были, то капиталъ устремляется въ прибыльное производство, товаръ выносится въ большемъ количествѣ на рынокъ, предѣльная полезность его падаетъ, падаетъ и рыночная цѣна и приходитъ въ соотвѣтствіе съ издержками производства. Поэтому, при господствѣ свободной конкурренціи и при свободѣ передвиженія капитала издержки производства играютъ роль регулятора общественнаго производства: относительныя количества производимыхъ товаровъ находятся въ зависимости отъ относительной стоимости производства каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, вліяя на предложеніе товаровъ, издержки производства, а слѣдовательно, и трудъ являются въ конечномъ счетѣ рѣшающимъ объективнымъ моментомъ рыночной цѣны.

Производство есть цѣлесообразный хозяйственный процессъ, руководимый основнымъ хозяйственнымъ принципомъ—стремленіемъ къ достиженію съ наименьшей затратой наибольшей суммы хозяйственной пользы. При составленіи общаго плана хозяйства, первымъ дѣломъ является выясненіе того, что именно, какого рода продукты должны быть произведены. Человѣческія потребности крайне разнообразны. Удовлетворяются они при помощи продуктовъ, требующихъ самой различной затраты человѣческой рабочей силы. Трудовая стоимость продукта не можетъ не быть однимъ изъ условій, опредѣляющихъ хозяйственный планъ — распредѣленіе человѣческаго труда между различными отраслями производства. И мы сейчасъ покажемъ, что трудовая стоимость, или, точнѣе, издержки производства (въ современномъ хозяйствѣ трудъ является факторомъ цѣны лишь постольку, поскольку имъ опредѣляются издержки производства товара) играютъ рѣшающую роль въ составленіи хозяйственнаго плана.

Будемъ исходить изъ теоріи предѣльной полезности, объяснившей намъ процессъ оцѣнки. Мы знаемъ, что конкретная полезность хозяйственнаго предмета падаетъ, по мѣрѣ увеличенія его производства. Для удовлетворенія нашихъ потребностей мы нуждаемся въ продуктахъ различной трудовой стоимости. Допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя продуктами, изъ которыхъ первый требуетъ для своего производства вдвое большей затраты труда, чѣмъ второй. Какъ мы должны распредѣлить свой трудъ между производствомъ обоихъ продуктовъ, чтобы получить максимумъ пользы?

Если оба продукта удовлетворяютъ одинаково важнымъ потребностямъ, то затрачивая первый часъ времени на производство перваго продукта, мы получимъ, менѣе пользы, чѣмъ изготовляя продуктъ второго рода, ибо за тоже время мы изготовимъ продуктовъ второго рода вдвое болѣе, чѣмъ перваго.

Но, вѣдь, конкретная полезность продуктовъ падаетъ по мѣрѣ увеличенія ихъ запаса. Чѣмъ больше мы будемъ производить продуктовъ второго рода, тѣмъ ниже будетъ конкретная полезность послѣднихъ единицъ запаса. Очевидно, долженъ наступить такой моментъ, когда

двѣ послѣднія единицы продуктовъ второго рода, по своей полезности, будутъ ниже полезности первой единицы продукта перваго рода. При такомъ положеніи вещей хозяйственный принципъ требуетъ прекратить увеличеніе производства легче изготовляемыхъ продуктовъ второго рода и перейти къ производству труднѣе производимыхъ первыхъ продуктовъ.

Для большей ясности, подсчитаемъ на цифрахъ. Пусть понижающійся рядъ цифръ 10, 9, 8, 7, 6, 5 и т. д. выражаетъ собой паденіе конкретной полезности хозяйственныхъ предметовъ по мѣрѣ увеличенія ихъ производства. Продукты перваго рода—А имѣютъ вдвое большую трудовую стоимость, чѣмъ продукты второго рода—В. Потребности въ продуктахъ обоего рода мы принимаемъ одинаково сильными.

Въ первые два часа мы можемъ изготовить или первую единицу А, полезность которой равна 10, или же первую и вторую единицы В, полезность которыхъ равна 10+9=19. Очевидно, что располагая двумя часами работы, мы должны производить только продуктъ В и совершенно отказаться отъ производства А.

Но чѣмъ больше рабочаго времени въ нашемъ распоряженіи и чѣмъ больше мы производимъ В, тѣмъ ниже падаетъ полезность послѣднихъ единицъ продуктовъ этого рода. Допустимъ, что мы произвели 6 единицъ В. Въ такомъ случаѣ, конкретная полезность двухъ послѣднихъ—пятой и шестой—единицъ В выразится цифрами 6 и 5 (весь рядъ В въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ цифрамъ 10, 9, 8, 7, 6, 5). За то же время, за которое мы производимъ пятую и шестую единицы В, полезность которыхъ въ суммѣ равна 11, мы могли бы изготовить первую единицу продукта А съ полезностью 10. Производство продуктовъ В все еще оказывается выгоднѣе.

Но пусть мы имѣемъ возможность еще больше расширить производство: пусть мы располагаемъ еще двумя часами рабочаго времени,—на производство какихъ продуктовъ мы должны ихъ употребить? Если мы приложимъ ихъ къ дальнѣйшему расширенію производства В, то въ два новыхъ часа времени мы изготовимъ шестую и седьмую единицы В съ полезностью 4 и 3 (весь рядъ В выразится цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3). За тѣ же два часа мы могли бы произвести первую единицу А съ полезностью 10. Производя продукты В, мы извлекаемъ изъ двухъ послѣднихъ часовъ работы пользу, выражаемую цифрой 7 (4+3); производя же единицу А, мы извлекаемъ пользу 10. Производство единицы А оказывается выгоднѣе.

Итакъ, самымъ выгоднымъ распредѣленіемъ труда при данныхъ условіяхъ слѣдуетъ признать такое, при которомъ изготовляется 6 единицъ В и одна единица А. Всякое иное распредѣленіе труда даетъ меньшую сумму хозяйственной пользы.

Какова же, при этомъ распредѣленіи труда, предѣльная полезность продуктовъ А и В? Продуктовъ перваго рода произведена одна еди-

ница съ полезностью 10; продуктовъ второго рода произведено 6 единицъ, съ предѣльной полезностью 5 (напомнимъ, что весь рядъ В выражается цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5). Предѣльная полезность А=10; предѣльная полезность В=5. Въ то же время А требуетъ для своего производства 2-хъ часовъ труда, а В—одного часа труда. *Отношеніе предѣльныхъ полезностей произведенныхъ продуктовъ и ихъ трудовыхъ стоимостей равны.*

Исходя изъ теоріи предѣльной полезности, мы пришли къ выводу, что хозяйственный принципъ достиженія наибольшей пользы требуетъ такъ распредѣлять производство, чтобы предѣльныя полезности производимыхъ продуктовъ относились между собой, какъ трудовыя стоимости послѣднихъ. Трудовыя стоимости продуктовъ играютъ рѣшающую роль въ установленіи хозяйственнаго плана—распредѣленіи производства между различными отраслями.

Предѣльная полезность всецѣло опредѣляетъ, въ первой инстанціи, расцѣнку хозяйственнаго предмета. Но сама предѣльная полезность—по отношенію къ свободно воспроизводимымъ продуктамъ—опредѣляется, во второй инстанціи, трудовой стоимостью послѣднихъ. Поэтому, расцѣнивая товары по предѣльной полезности мы расцѣниваемъ ихъ, въ среднемъ, пропорціонально издержкамъ производства и труду.

Такимъ образомъ, обѣ теоріи цѣнности, по обычному мнѣнію, взаимно-исключающія другъ друга, въ дѣйствительности находятся другъ съ другомъ въ полной гармоніи. Обѣ теоріи изслѣдуютъ различныя стороны одного и того же хозяйственнаго процесса оцѣнки. Теорія предѣльной полезности выяснила субъективные моменты цѣны, трудовая теорія—объективные. Споръ между названными теоріями долженъ быть признанъ основаннымъ на недоразумѣніи и, въ качествѣ таковаго, прекращенъ къ обоюдной выгодѣ спорящихъ сторонъ.

Теорія предѣльной полезности есть единственная и всеобщая *теорія процесса оцѣнки.* Она охватываетъ всѣ случаи оцѣнки всѣхъ возможныхъ хозяйственныхъ предметовъ, какъ свободно воспроизводимыхъ, такъ и совсѣмъ невоспроизводимыхъ трудомъ, какъ, напр., земля. Теорія предѣльной полезности является поэтому основаніемъ для объясненія явленій цѣнности во всемъ ихъ объемѣ, включая сюда какъ субъективную цѣнность (субъективную оцѣнку хозяйственнаго предмета), такъ и объективную мѣновую цѣнность (мѣновое отношеніе обмѣниваемыхъ предметовъ), какъ конкретныя рыночныя цѣны, колеблющіяся подъ вліяніемъ спроса и предложенія, такъ и среднія товарныя цѣны, регулируемыя издержками производства. Всякое объясненіе явленій цѣнности должно исходить изъ теоріи предѣльной полезности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, теорія предѣльной полезности, изслѣдуя одну субъективную сторону феномена цѣнности, требуетъ дополненія—объективной теоріи цѣны, выясняющей объективные моменты строенія цѣнъ. Трудовая теорія, поскольку она тожественна съ теоріей издержекъ

производства, до извѣстной степени восполняетъ этотъ пробѣлъ. Въ противоположность теоріи предѣльной полезности, теорія издержекъ производства отнюдь не можетъ претендовать на всеобщность—это не болѣе, какъ грубое эмпирическое обобщеніе, выдвигающее на первый планъ, въ качествѣ объективнаго регулятора цѣнъ, одинъ моментъ, дѣйствительно весьма важный и даже преобладающій, но далеко не единственный. Обѣ теоріи вполнѣ согласуются другъ съ другомъ и изъ теоріи предѣльной полезности, какъ субъективной теоріи цѣнности, слѣдуетъ теорія издержекъ производства, какъ важнѣйшаго объективнаго регулятора цѣнъ.

Читатель, знакомый съ экономической наукой, легко замѣтитъ, что трудовая теорія цѣнности, въ томъ смыслѣ, какой мы придавали ей во всемъ предшествовавшемъ изложеніи, имѣетъ весьма мало общаго съ теоріей, признающей трудъ единственной субстанціей цѣнности. Съ той точки зрѣнія, на которой мы стояли, трудовая теорія цѣнности совпадаетъ съ теоріей издержекъ производства; это—точка зрѣнія Рикардо. И мы признали, что понимаемая такимъ образомъ трудовая теорія согласуется съ теоріей предѣльной полезности. Но трудовой теоріи цѣнности можетъ быть приданъ и совершенно иной смыслъ; Родбертусъ и особенно Марксъ признавали трудъ не только регуляторомъ товарныхъ цѣнъ, но и единственной субстанціей цѣнности. Очевидно, наше заключеніе о согласіи теоріи предѣльной полезности съ трудовой теоріей не можетъ относиться къ трудовой теоріи въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Но о теоріяхъ Родбертуса и Маркса мы еще будемъ имѣть случай говорить впереди.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕСТРЫ.

Повѣсть.

(*Окончаніе*) *).

X.

Наврозовъ никакъ не могъ рѣшиться говорить съ Эвой о своемъ намѣреніи жениться на Зоѣ. Вслѣдствіе этого, онъ избѣгалъ посѣщать обѣихъ и проводилъ время, скучая то по той, то по другой. Иногда онъ сердился на Эву, иногда чувствовалъ къ ней нѣжность, выросшую на почвѣ угрызеній совѣсти. Иногда ему такъ хотѣлось объясниться съ Зоей, что онъ хваталъ шапку и выходилъ на улицу, но не шелъ дальше поворота; точно какое-то обязательство, хотя и не формальное, не высказанное, удерживало его отъ этого шага.

Наконецъ, однажды, послѣ того, какъ это положеніе представилось ему вдругъ въ комичномъ свѣтѣ, Антонъ Михайловичъ рѣшилъ непремѣнно переговорить съ Эвой и въ четыре часа подошелъ къ воротамъ Вяземки, ожидая ея появленія.

Дѣйствительно, не успѣлъ онъ заглянуть въ узкій переулокъ, ведущій къ заднему корпусу, какъ оттуда вышла Эва съ двухлѣтней бѣлокурой дѣвочкой на рукахъ. Дѣвочка, вѣроятно давно не бывавшая на воздухѣ, щурилась, закрывая вѣки, точно ночной цвѣточекъ, сворачивающій свои лепестки отъ перваго поцѣлуя солнца. Она прижималась лицомъ къ груди Эвы и все-таки нетерпѣливо вертѣлась у нея на рукахъ, потому что горячіе, весенніе лучи щекотали ея блѣдный худенькій затылокъ съ завитками льняныхъ волосъ.

Рядомъ съ Эвой шелъ Звѣревъ, вытянувшійся и возмужавшій послѣ болѣзни. При видѣ своего пріятеля, Наврозовъ поморщился: ему такъ хотѣлось побыть часокъ наединѣ съ Эвой. Она уже замѣтила его, слегка покраснѣла и, прибавивъ шагу, пошла ему навстрѣчу съ смущенной улыбкой.

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1901 г.

— Что это за ребенокъ у васъ?—спросилъ Антонъ Михайловичъ, поздоровавшись.

— Это моя Снѣгурочка... то-есть зовутъ ее, конечно, иначе, но она вся такая бѣленькая, что невольно такъ ее называешь,— отвѣчала Эва.

— Ея отецъ сейчасъ умеръ у насъ на рукахъ, — сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Помните, — проговорила Эва дрожащимъ голосомъ, — вы были какъ-то со мной въ темной комнатѣ, гдѣ за печкой уже два года лежалъ живой скелетъ? Звали его Василій... Помните ужасный запахъ въ этой комнатѣ, гдѣ сдавались углы въ углахъ? Вотъ этотъ Василій, наконецъ, умеръ... и слава Богу!.. Онъ имѣлъ привычку крестить меня, когда я уходила...

Эва говорила и шла быстро, задыхаясь подъ тяжестью ребенка.

— Дайте, я понесу ее, — предложилъ Звѣревъ, но дѣвочка начала плакать и потянулась обратно къ Эвѣ. Та снова посадила ее къ себѣ на руку и сказала, улыбаясь:

— А ты, плутовка, уже ко мнѣ привыкла?

— Куда же вы дѣнете этого ребенка?—спросилъ Антонъ Михайловичъ.

— Она пока останется у насъ... Вотъ мама удивится новому жильцу! А потомъ, когда жена Василія его похоронитъ и раздѣлается съ углами, она будетъ искать себѣ мѣста и если ее возьмутъ съ ребенкомъ, она придетъ за нимъ.

— А если ее не возьмутъ съ ребенкомъ?

— О, тѣмъ лучше! Это такая прелестная дѣвочка, намъ съ нею будетъ превесело... Если бы вы знали, какъ страдалъ Василій отъ недостатка воздуха!

— Когда-то намъ удастся устроить свою собственную больницу, которой бы не боялись бѣдняки,—сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ,—они тогда будутъ избавлены, по крайней мѣрѣ, отъ ненужныхъ страданій.

— Хорошо бы еще устроить и дѣтскій пріютъ,—подхватила Эва,—вотъ у васъ въ колоніи.

Наврозовъ засмѣялся.

— Слишкомъ у васъ скоро дѣла дѣлаются, господа,—возразилъ онъ,—хотя въ будущемъ надо будетъ и объ этомъ подумать. Однако, вамъ тяжело съ ребенкомъ... Придется, кажется, измѣнить принципу экономіи и взять извозчика.

— Я хотѣла ѣхать по конкѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, поѣдемъ на извозчикѣ, — торопливо попросилъ Наврозовъ, который боялся, что и сегодня не состоится непріятное объясненіе.

Звѣревъ мелькомъ взглянулъ на Антона Михайловича, потомъ встрѣтился глазами съ Эвой и поспѣшилъ приподнять шляпу.

— До свиданья,—сказалъ онъ,—конечно, поѣзжайте на извозчикѣ, до конки далеко.

Онъ пошелъ, думая въ то же время:

„У нихъ сегодня есть что-то серьезное. Хорошо, если онъ на ней женится... Славная парочка“.

— Сегодня майоръ Папенькинъ снова пьянъ,—сказала Эва, какъ только что они сѣли на извозчика, — это прямо ужасно! Когда онъ увидалъ меня въ корридорѣ, то кинулся къ окошку и выпрыгнулъ бы на мостовую, если бы его не удержали... И все кричитъ: „Недостоенъ! Недостоенъ!“ Просто, я боюсь съ нимъ встрѣчаться.

— Это онъ больше „блезиръ показываетъ“, какъ выразилась о немъ квартирная хозяйка,—отвѣтилъ Наврозовъ,—ужъ очень вы съ нимъ возитесь, вотъ ему и лестно давать представленія... Со мной, небось, онъ этихъ штукъ уже не выкидываетъ! И какъ васъ не раздражаетъ эта утомительная форма раскаянія.

— Я не умѣю раздражаться,—съ улыбкой сказала Эва.

— О, это мнѣ на руку, потому что и я сейчасъ буду похожъ на майора Папенькина,—съ нервной шутливостью проговорилъ Антонъ Михайловичъ,—право, я тоже нуждаюсь въ снисхожденіи... Какъ я радъ, что мы, наконецъ, одни и я могу поговорить съ вами по душѣ! Эва Борисовна, я знаю, вы мнѣ, помимо всего, еще и другъ... Я хочу сказать...

Онъ запнулся. Выраженіе мучительнаго смущенія появилось на его лицѣ. Эва поправила головку Снѣгурочки, которая уютно прижалась къ ея правой рукѣ, и медленно сказала:

— Вы влюблены въ Зою? Я давно вижу это.

— Вы видите это, но видите ли вы и другое? —заговорилъ Наврозовъ съ горячей поспѣшностью.—Въ сущности, я даже не понимаю, отчего мнѣ такъ хочется и такъ больно все сказать вамъ? Хочется, несмотря на то, что я знаю, какъ вы огорчитесь. О, дорогая Эва, вы не похожи на другихъ женщинъ! Ни съ одной не сталъ бы я говорить такъ, какъ буду говорить съ вами, потому что, я увѣренъ, рѣдкая изъ нихъ достойна той правды, горькой и тяжелой правды, которую вы сейчасъ выслушаете.

Экипажъ ихъ повернулъ за уголъ, откуда вырвался вѣтеръ, проникавшій сквозь лохмотья Снѣгурочки до ея тѣла. Эва, какъ могла, прикрыла дѣвочку своей кофтой и прошептала:

— Говорите... только скорѣе.

— Конечно, вы знали, что я привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на свою будущую жену... О, пожалуйста, порвемте на ми-

нуту цѣпь условностей, которая насъ опутываетъ всю жизнь, дайте мнѣ разрѣшеніе на нѣсколько минутъ говорить такъ, какъ чувствуетъ мое сердце! Вы позволяете?

Лицо Эвы мертвенно поблѣднѣло. Ея приподнятая верхняя губка вздрогнула точно для отвѣта; но, повидимому, она не могла выговорить ни слова и только кивнула головой.

— Мнѣ такъ тепло жилось около васъ! Вѣра ваша въ людей и въ свои силы меня очаровывала, мнѣ такъ пріятно было слушать ваши слова, въ которыхъ никогда не звучало колебаніе! Слушать и знать въ то же время, что это „настоящее, не поддѣльное...“ Я чувствовалъ себя въ безопасности отъ міра сомнѣній, отъ насмѣшекъ скептицизма... Такая у васъ прямая, узенькая, но уютная дорожка, что сойти съ нея не хочется, а заблудиться некуда! Я съ такимъ удовольствіемъ думалъ о нашей больницѣ будущей, такъ мнѣ нравилось устраивать пріютъ или помогать вамъ завести деревенскую колонію.. Все шло такъ мило, и вдругъ эта Зоя! И что въ ней такого? Я самъ понимаю, что она не стоитъ и мизинца вашего! Это суетная, красивая, веселая дѣвушка и больше ничего, но она пожелала завладѣть мною, и, безъ особеннаго труда, завладѣла... Мнѣ только предъ вами въ этомъ и не стыдно сознаться. Я даже сомнѣваюсь въ своемъ супружескомъ счастьи съ нею, но все же не могу побороть своего чувства! И только потому, что съ нею мнѣ весело.

— А это очень много,—прошептала Эва.

— Много! Я презираю себя...

— О, не надо,—торопливо перебила его Эва,—не надо преувеличивать! Я даже не понимаю, отчего вы страдаете и оправдываетесь передо мною? Вѣдь вы совершенно свободны.

— Да, съ формальной точки зрѣнія я совершенно свободенъ, но я себя таковымъ не считаю. Были между нами такія интимныя, неуловимыя минуты, что я...

— Не все ли равно...—опять перебила его Эва.

— Нѣтъ, не все равно! Повѣрьте, я очень страдаю! Я недавно еще узналъ одинъ эпизодъ изъ вашей жизни, который мнѣ разсказала Зоя, и мысль, что я тоже, что и я... наношу...

— Довольно! Пожалуйста, ни слова больше!

Наврозовъ замолчалъ, слегка покраснѣвъ.

— И потомъ,—продолжалъ онъ, точно оправдываясь,—ваша жизнь полна! Васъ любитъ такая масса народа, вы согрѣваете всѣхъ, кто только встрѣчается на вашемъ пути, а Зоя! Она, бѣдняжка, такъ одинока и не имѣетъ ничего изъ того, что краситъ вашу жизнь. Вотъ почему она такъ и рвется навстрѣчу любви, точно бутонъ къ солнечнымъ лучамъ. Оттого такъ радостно дарить ей свое чувство. Право, несмотря на свою бурную веселость, бѣд-

ная Зоя, въ сущности, очень несчастна. Вспомните ея пьяницу отца или эту тетку, черствую эгоистку.

— Болѣзнь отца Зоя могла бы облегчить небольшой заботливостью,—возразила Эва,—онъ удерживается отъ вина, когда его кто-нибудь развлекаетъ.

— Не можетъ же она посвятить ему всю свою жизнь,—сухо отвѣчалъ Наврозовъ, у котораго точно отлегло отъ души послѣ словъ Эвы,—тѣмъ болѣе, что такого запойнаго пьяницу все равно не вылѣчишь.

Эва ничего не отвѣчала. Она тихонько приподняла уснувшую Снѣгурочку, потому что экипажъ уже остановился у подъѣзда ихъ квартиры.

— Отъ души желаю вамъ счастья,—сказала она, протягивая Антону Михайловичу свободную руку,—но прошу васъ, больше не говорите со мною такъ... откровенно.

— Я оскорбилъ васъ!—воскликнулъ Наврозовъ, который отлично сознавалъ, какъ этоистично было его объясненіе.

— О, нѣтъ,—съ блѣдной улыбкой отвѣчала Эва,—но только я не такая хорошая, какъ вы думаете. Приходите дѣлиться со мной заботами, печалями,—хотя я искренно желаю, чтобы у васъ ихъ не было,—но счастье... счастье носите только съ собою.

— Эва Борисовна, вы говорите это такъ, какъ будто мы разстаемся съ вами навѣки! Вѣдь, что бы ни случилось, я остаюсь по прежнему вашимъ другомъ и по прежнему мы будемъ вмѣстѣ работать... Вѣрьте, я все тотъ же.

— Пока...—возразила Эва, качая головой,—вы не можете остаться такимъ же, какъ были, зачѣмъ говорить о невозможномъ? Но, кромѣ личнаго друга, я въ васъ теряю еще и помощника, и общественнаго дѣятеля...

— Неужели вы меня такъ мало уважаете, что даже сомнѣваетесь въ моей постоянной матеріальной помощи? Но вѣдь я вамъ обѣщаю, Эва! Я обѣщаю!..

— Спасибо,—прервала она его,—спасибо, не смѣю отказываться ради тѣхъ бѣдныхъ, которые выиграютъ отъ вашей щедрости. Дай Богъ, чтобы вы насъ не забывали.

Эва пожала еще разъ руку Антона Михайловича и съ Снѣгурочкой поднялась по лѣстницѣ. На первой площадкѣ она, задыхаясь, остановилась,

— Ну, пусть они будутъ счастливы!—прошептала она дрожащими губами.

На второй площадкѣ Эва опять должна была остановиться. Ея сухія глаза горѣли, губы продолжали дрожать.

— Но почему я такая безцвѣтная, что всегда должна уступать? Или я вовсе не умѣю бороться?

— Ма-ма!—твердо выговорила дѣвочка, но Эва не слыхала даже ея голоса.

— Почему я допускаю другихъ становиться мнѣ поперекъ дороги? За что я только все страдаю? Я вовсе не хочу страдать! Это несправедливо.

— Ма-ма!—громче протестовала дѣвочка, теребя грязной ручонкой вуаль Эвы.

— Кушать хочешь? Сейчасъ, сейчасъ,—заторопилась послѣдняя и быстро поднялась къ дверямъ своей квартиры.

Тамъ Снѣгурочку приняли съ распростертыми объятіями.

Пока Эва переодѣвалась въ отдѣльномъ чуланчикѣ, — что дѣлала всегда послѣ посѣщенія Вяземки, изъ боязни занести въ свое чистое гнѣздышко насѣкомыхъ или какую-нибудь заразу,— Анна Семеновна уже раздѣла дѣвочку, бросила въ огонь лохмотья и въ большомъ корытѣ начала отмывать грязь съ ея худенькаго блѣднаго тѣльца.

Снѣгурочка, никогда не переживавшая такой пышной церемоніи, сначала громко плакала, но когда ее хорошенько вымыли, расчесали, одѣли въ широкую бѣлую кофту Софьи Андреевны, дѣвочка повеселѣла и съ аппетитомъ начала кушать манную кашку. А въ это время Анна Семеновна уже успѣла выкроить изъ старой бумазейной юбки пару длинныхъ рубашечекъ, изъ которыхъ одну уже начали сшивать на машинкѣ.

Скоро сытую, чистенькую Снѣгурочку одѣли въ теплую рубашечку и уложили спать на маленькомъ диванчикѣ.

За обѣдомъ Эва расказала своимъ про тяжкія страданія покойнаго Василія, про печальное положеніе его вдовы, которую надо непремѣнно какъ-нибудь устроить, но она не дождалась послѣобѣденнаго чая и скоро ушла въ свою комнату.

— Посидѣла бы съ нами, Эвочка,—сказала мать.

— Я очень устала,—отвѣчала Эва изъ-за дверей,—а мнѣ сегодня ночью опять надо на Невскій.

— Опять?—воскликнули вмѣстѣ обѣ женщины.

— Меня тамъ будутъ ждать,—сказала Эва тономъ, не допускающимъ возраженій,—я успѣю еще отдохнуть.

Анна Семеновна, занятая шитьемъ второй дѣтской рубашечки, покачала головой.

— И зачѣмъ вы пускаете ее одну?—прошептала она.

Софья Андреевна толко руками развела.

— Пусть бы за ней хоть издали слѣдилъ Финогеичъ,—продолжала ворчать старуха.

— Полно, полно,—шутя отозвалась Эва изъ своей комнаты,—какъ вамъ не стыдно учитъ Финогеича шпіонить за мной? Развѣ вамъ не жаль гонять старика по ночамъ?

— А тебѣ не жаль меня заставлять безпокоиться,—сказала Софья Андреевна.

— Мнѣ надо, мама,—серьезно возразила Эва,—и чего вы безпокоитесь? Точно я иду въ пустыню! Вѣдь тамъ городовой стоитъ на каждомъ перекресткѣ,—подумайте, что можетъ со мной случиться, когда даже съ этими женщинами никогда ничего непредвидѣннаго не случается.

— И какъ вы можете, Эвочка, себя сравнивать съ этими,—воскликнула съ негодованіемъ Анна Семеновна,—вѣдь онѣ рады если къ нимъ пристанутъ, а васъ это можетъ испугать, обидѣть.

— О, милая, кто станетъ приставать къ такой, какъ я,—сказала Эва и засмѣялась.

— Ну, спи ужъ!—проворчала мать.

Дѣвушка перестала разговаривать, но не заснула. Она была рада темнотѣ и покою, она все думала о своемъ разговорѣ съ Наврозовымъ.

Зачѣмъ онъ говорилъ съ нею такъ откровенно! Она вовсе не была ему благодарна за такую откровенность... Напротивъ, эта прямота показалась ей неделикатной и ей больно было обвинять въ этомъ Антона Михайловича. Конечно, и ему было тяжело, но онъ такъ хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ гнета, что поспѣшилъ свалить его съ себя ей на плечи. Онъ мало думалъ о ней въ это время и потому не угадалъ! Вмѣсто того, чтобы облегчить ей горечь обиды, онъ усугубилъ ее.

Часовъ въ одиннадцать вечера Эва вышла изъ своей комнаты; ея лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, но движенія спокойны, какъ всегда.

Напившись чаю, она ушла, какъ выражались у нихъ, „на добычу".

Эвѣ очень хотѣлось увидать сегодня на Невскомъ одну молодую женщину, съ которой ее познакомили двѣ молодыя дѣвушки передъ своимъ отъѣздомъ въ колонію. Женщина эта только недавно начала дурную жизнь. Эва разъ говорила съ ней, дала ей свой адресъ, но женщина почему-то не приходила. Эва рѣшила розыскать ее на Невскомъ, гдѣ она бывала постоянно, противъ памятника Екатерины.

Стояла теплая туманная ночь.

Два ряда электрическихъ фонарей прорѣзывали молочную мглу своими острыми бѣлыми лучами. Двумя ровными линіями спускались фонари къ горизонту; постепенно краснѣя, уходили вдаль ихъ лучистыя звѣзды, пока, наконецъ, не соединяли огней своихъ въ одной далекой, едва примѣтной точкѣ. Иногда которая-нибудь изъ этихъ звѣздъ темнѣла, а другая неожиданно разгоралась... иная вдругъ летѣла стремглавъ внизъ по своему столбу и

останавливалась невысоко надъ землею, освѣщая фонарщика, который копошился, поправляя что-то.

А въ переспективѣ, по обѣимъ сторонамъ ясныхъ звѣздъ электричества, тускло свѣтилась еще цѣпь красныхъ огней, падавшихъ на панели изъ оконъ магазиновъ, но эта цѣпь, мало-помалу обрывалась, темнѣла: магазины начинали закрываться. Троттуары пустѣли, дома потемнѣвшіе точно уходили вдаль, сверкая золотыми буквами вывѣсокъ.

Спѣша домой, летѣли одна за другою конки со звономъ и трескомъ и бороздили косыми тѣнями трепещущіе круги огней электричества. За конками потянулась вереница экипажей съ публикой, возвращавшейся изъ театровъ. Скоро и этотъ шумъ затихъ. Огромные круги свѣта, опутанные, какъ паутиной, тоненькими нитями тѣней, теперь точно уснули на чистомъ торцѣ улицы.

Жизнь сосредоточилась на троттуарѣ, подъ окнами ресторановъ, которые еще оставались освѣщенными. Тамъ мелькали тѣни пестро одѣтыхъ женщинъ. Онѣ ходили въ одиночку и парами, иногда соединялись въ группы, чтобы о чемъ-то пошептаться; иногда послѣ такихъ переговоровъ,—онѣ вдругъ разсыпались въ разныя стороны и начинали переговариваться.

Эва медленно ходила здѣсь, стараясь разсмотрѣть то лицо, которое она искала. Многія, не разъ уже ее видавшія, встрѣчали ее насмѣшками; другія даже сердились, грозили; нѣкоторыя останавливали угрозы товарокъ, говоря:

— Брось, она изъ дурьей команды!

Эва не находила своей знакомой, но за то встрѣтила двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя посмотрѣли на нее смущенно и кротко. Она подошла къ нимъ и тихонько спросила:

— Милыя, не надо ли вамъ помочь?

— А чѣмъ ты мнѣ можешь помочь? — задумчиво спросила одна въ то время, какъ другая со смѣхомъ убѣжала. — Ну скажи?..

Но не успѣла еще Эва раскрыть ротъ, какъ дѣвушка остановила ее, говоря:

— Пойдемъ на ту сторону, а то меня потомъ засмѣютъ, какъ съ тобой увидятъ.

Онѣ перешли Невскій и тамъ остановились въ тѣни полураспустившихся деревьевъ Екатерининскаго сквера.

— Я могу васъ переселить въ деревню,—сказала Эва,—тамъ вы будете работать на молочной фермѣ.

— Эка невидаль!—губы дѣвушки насмѣшливо изогнулись,—да я сама недавно ушла изъ деревни... Какая тамъ радость!

— Тогда мы въ городѣ можемъ достать вамъ работу,—продолжала Эва, — въ переплетной, въ столовой или въ бѣлошвейной... Все же лучше!

— Ну, не скажу!—съ гримаской отвѣчала дѣвушка.

— Неужели же такъ жить веселѣе?

— Вотъ! Ей-Богу, веселѣе! Ужъ куда веселѣе, чѣмъ раньше было. Что за жизнь въ бѣлошвейной? Цѣлый день сиди, строчи, а плохо прострочила — распарывай! Вѣдь, вотъ ехидный идолъ была хозяйка! Никогда не отдастъ дѣвчонкѣ пороть, а всегда требуетъ, чтобы сама... Сидишь, порешь, а уши горятъ со стыда... Каторжная была жизнь, куда и сравнивать. Теперь прямо—лафа!

Эва не знала, что сказать на это, но дѣвушка сама отвѣтила:

— Только, вотъ, грѣхъ, — прибавила она задумчиво, — на томъ свѣтѣ, говорятъ, за этакую жизнь клещами тѣло рвать будутъ... Правда это?

Эва снова очутилась въ затрудненіи.

— Вотъ видите, милая, — сказала она, наконецъ,—вы сами знаете, что жизнь ваша — грѣхъ, такъ отчего же вамъ ее не бросить?

— Это для переплетной-то? Не стоитъ... Вотъ, кабы что хорошее...

— Но что же вы называете хорошимъ?

— Хорошее... Хорошая жизнь?—дѣвушка засмѣялась.—Вотъ, будто сама не знаешь, что такое хорошая жизнь? А въ мастерскихъ работать, пока молодая, да пригожая—все равно, одно на одно выйдетъ... Кто насъ убережетъ? Ну, мѣсяцъ поработаешь честно, а потомъ все равно ухажеръ объявится...

— Но отчего же? Васъ можетъ полюбить хорошій человѣкъ, можетъ жениться... у васъ будетъ свой домъ, дѣти... И старость ваша будетъ такая спокойная.

— Мужъ? Эхъ ты... Какой же богатый да хорошій на мнѣ женится? А за голоштанника я и сама не пойду, чтобы онъ съ меня деньги тянулъ? Охо-хо! Нѣтъ, милашка, въ бѣдности замужъ выходить — это на каторгу идти. Конечно, инымъ бываетъ счастье. Вотъ Лиза кучерявая себѣ содержателя богатаго подцѣпила и живетъ теперь, какъ барыня.

— Милая, вы все о настоящемъ, а подумали ли вы, что предстоитъ вамъ въ будущемъ? Какая будетъ ваша старость?

— Вотъ! Мнѣ девятнадцати лѣтъ нѣту, а она о старости! Да я, можетъ, скоро окочурюсь? А доживу,—ну тогда и приходи ко мнѣ, тогда и поговоримъ.

Дѣвушка, смѣясь, перебѣжала улицу и смѣшалась съ толпой

*

товарокъ, мелькавшихъ на противуположной панели своими разноцвѣтными платьями, точно рой ночныхъ бабочекъ.

„Тутъ надо трогать сердце, а не прельщать ничтожными матеріальными выгодами, — думала Эва съ огорченіемъ, — а я не умѣю говорить такъ, чтобы слова мои производили впечатлѣніе. Для этого надо быть умнѣе и сильнѣе любить"...

Эти мысли такъ обезкуражили Эву, что она, перейдя Невскій, хотѣла уже отправиться домой, но въ это время навстрѣчу ей попалась молоденькая дѣвушка, которая бѣжала отъ какого-то кавалера. Но вотъ она остановилась, подпустила къ себѣ близко кавалера и затѣмъ обѣими руками толкнула его такъ сильно, что онъ, отлетѣвъ отъ нея, ударился о стѣну дома. Дѣвушка захохотала и, отойдя немного, внезапно обняла за шею прохожаго, который торопился куда-то. Господинъ молча, не замедляя шага, оторвалъ отъ себя руки дѣвушки и повернулъ за уголъ.

— Экій неласковый,—бросила та ему вслѣдъ.

Эва остолбенѣла: она узнала этотъ голосъ.

— Саша,—сказала она съ тоскою,—и ты здѣсь, Саша!

Дѣвушка вздрогнула, вглядѣлась въ лицо говорившей и густой румянецъ пробился на ея щеки даже сквозь ихъ искуственную окраску.

— Саша, когда это ты успѣла? — торопливымъ шопотомъ говорила Эва,—вѣдь я тебя еще такъ недавно видѣла у матери...

— Такъ что-жъ!—гнѣвно отвѣчала дѣвочка,—развѣ я таюсь отъ матери? Или вы думали, что я васъ поджидать стану, чтобы сдѣлаться вашей прачкой?

— Саша, милая, не прачкой. Теперь у насъ другія занятія есть, гораздо веселѣе, право...

— Ахъ, отстаньте, ей-ей, отстаньте! Только срамите меня передъ всѣми, — крикнула Саша, поспѣшно отходя отъ Эвы, но послѣдняя, внѣ себя отъ огорченія, продолжала идти за нею слѣдомъ.

— Голубушка, дѣвочка моя,—говорила она чуть не плача,— вѣдь тебѣ и пятнадцати лѣтъ нѣту... ну, что это за варварство?

Саша быстро повернулась къ ней и стала лицомъ къ лицу. Глаза ея сверкали отъ бѣшенства.

— Вы что же, полицію хотите звать!—прошептала она, задыхаясь.—Какое вамъ дѣло, что мнѣ только пятнадцать лѣтъ, а? Убирайтесь! Я не вынесу такого стыда и побью васъ, ей-ей побью! Убирайтесь!

Погрозивъ кулакомъ, она быстро пошла прочь. Эва не послѣдовала за нею. Огорченная, разстроенная, она остановилась у подъѣзда роскошнаго ресторана, изъ оконъ котораго лились потоки электрическаго свѣта.

— Я заботилась о другихъ, уже погибшихъ,—шептала она,— а эту дѣвочку, невинную, молоденькую, забыла... забыла... моя вина! Моя вина!

Крупныя слезы показались на глазахъ Эвы.

Въ это время зеркальная дверь ресторана раскрылась и оттуда вышелъ весьма солидный господинъ съ цилиндромъ на затылкѣ и дама въ короткой барашковой кофточкѣ, которая ловко обрисовывала ея красивую талію. Зеленая бархатная шляпа съ бѣлыми перьями ухарски сидѣла на ея густыхъ волосахъ, а шелковыя юбки громко шелестѣли.

Дама смѣялась и говорила:

— Такъ, ферфлюхтеръ? Да? Ха! ха! ха!

— Есть еще и ferdammt, — прибавилъ господинъ очень серьезно.

— Фердамтъ? Геръ Гершъ, фердамтъ? Ха! ха!

Дама слегка покачнулась, но чрезвычайно мило и граціозно.

Лихачъ, стоявшій на углу, подкатилъ къ подъѣзду. Гершъ чрезвычайно вѣжливо усадилъ свою даму, потомъ сѣлъ съ ней рядомъ, бочкомъ, стараясь занимать какъ можно меньше мѣста и сказалъ:

— На острова!

Въ это время Эва, стоявшая неподвижно, точно пригвожденная къ мѣсту, кинулась къ пролеткѣ. Глаза двухъ женщинъ встрѣтились. Но рысакъ уже подхватилъ, пролетка повернулась и въ одну секунду видѣніе исчезло изъ глазъ Эвы въ серебристомъ сумракѣ электрическаго свѣта.

— Зоя... Зоя... прошептала Эва, безпомощно оглядываясь кругомъ.

Если бы открылось небо и оттуда спустилась лѣстница съ видѣніями Іакова, Эва была бы не такъ поражена, какъ этой встрѣчей. О Сашѣ она и думать забыла...

Эва смотрѣла вслѣдъ экипажу и не могла ничего сообразить. Кого же она сейчасъ видѣла? Неужели Зою? Но тогда зачѣмъ она выходила изъ ресторана, зачѣмъ съ нею незнакомецъ? Но можетъ ли это быть Зоя, та Зоя, которая отняла у нея любовь Наврозова, Зоя, которая должна скоро сдѣлаться его невѣстой? Тогда что же дѣлала она въ этомъ аристократическомъ кабакѣ? Зачѣмъ поѣхала она на острова съ незнакомымъ человѣкомъ, она, будущая жена Антона Михайловича? Нѣтъ, это не Зоя... Но развѣ чужія обмѣниваются такими взглядами? Развѣ она не знаетъ ея голоса? Да, это Зоя и Зоя была даже пьяна! Развѣ можетъ Наврозовъ жениться на такой дѣвушкѣ?

И вдругъ недоумѣніе Эвы, не разсѣянное вовсе, смѣнилось

бурной неожиданной радостью, отъ которой у нея захватило дыханье. Да, Зоя погибла и теперь любовь къ ней уничтожится въ сердцѣ Наврозова... Нѣтъ у нея теперь соперницы! Вотъ она, эта красивая дѣвушка, которая ко всѣмъ относилась недружелюбно, насмѣшливо, которая сознательно отняла у нея счастье,— вотъ какую жизнь она начала вести! Вотъ она куда попала!

— О, стыдно, стыдно!—сказала Эва, хватая себя за голову, но это восклицаніе относилось вовсе не къ Зоѣ, а къ ней самой.

Какъ, она, ходившая сюда для спасенія погибавшихъ женщинъ, радуется теперь, что порокъ поглотилъ лишнюю жертву? И какую жертву, дочь сестры ея матери и ея собственную подругу? О, какое униженіе.

На панели ходили парочки, толкались, перeругивались, что-то иногда говорили Эвѣ, но та ничего не слыхала.

Вотъ мимо нея, стуча въ тактъ каблуками сапогъ, прошла построенная въ ряды смѣна городовыхъ. За ними проскакали конные жандармы, окончившіе свое дежурство у подъѣздовъ увеселительныхъ заведеній. Ихъ длинныя тѣни, точно гигантскіе циркули, описали полукругъ на трепещущемъ свѣтѣ электричества и исчезли, оставивъ послѣ себя только звуки подковъ, постепенно замиравшихъ въ отдаленіи. Немного погодя пролетѣло нѣсколько троекъ со сквернословящей компаніей, крики которой разбудили дворниковъ, спавшихъ у воротъ на деревянныхъ обрубкахъ,—и все стихло.

На думской башнѣ пробило два часа и въ ту же минуту Невскій мгновенно погрузился въ тьму: огни электричества сразу погасли и свѣтъ газовыхъ фонарей, мутный и тусклый, потянулся возлѣ панелей красною цѣпью.

— Два часа, пора домой,—мелькнуло въ мозгу Эвы, и она повернула въ одну изъ боковыхъ улицъ. Здѣсь было совсѣмъ тихо. Только подвалы булочныхъ оставались освѣщенными и изъ раскрытыхъ оконъ оттуда доносился горячій запахъ свѣжеиспеченнаго хлѣба. Иногда попадалась мелочная лавочка, изъ окна которой виднѣлось пылающее жерло огромной печи, а возлѣ нея стоялъ темный силуэтъ человѣка, съ руками, обнаженными до плечъ, и съ лопатой, на которой лежало тѣсто для хлѣбовъ.

Эва поспѣшно шла домой и думала:

„Онъ выбралъ себѣ въ жены красавицу, пусть увидитъ теперь, что скрываетъ за собой иногда красивая наружность. Онъ будетъ страдать... Такъ что-жъ? Развѣ онъ жалѣлъ меня, когда рвалъ сердце ненужнымъ признаніемъ.

Эва не замѣтила даже, какъ она подошла къ дверямъ своего подъѣзда, до того была увлечена мстительными размышленіями.

Софья Андреевна уснула, не дождавшись дочери, чему послѣд-

няя очень обрадовалась. Она потихоньку легла на свою кровать, стоявшую рядомъ съ постелькой Снѣгурочки, но уснуть не могла. Ненависть, злорадство, были такъ чужды спокойной натурѣ Эвы, что начали уже тяготить ее. Она пыталась стряхнуть съ себя необычное настроеніе, но оно было сильнѣе ея воли и, несмотря на возроставшій стыдъ и негодованіе противъ самой себя, злобная радость продолжала бушевать въ ея душѣ.

И какъ это случилось съ Зоей?

Эва припоминала. Она уже давно не встрѣчалась съ кузиной, которая если и заходила къ нимъ, то не надолго, отговариваясь новой службой, вечерними занятіями. Зоя неохотно говорила о банкирской конторѣ „Гершъ и компанія", но бывала всегда весела, даже какъ-то назойливо, ненужно весела. Эва приписывала эту веселость гордому сознанію одержанной побѣды.

Эва заходила иногда провѣдать Романа Павловича, но рѣдко заставала тамъ Зою, такъ какъ послѣдняя жила въ отдѣльной комнатѣ, хотя и на одной лѣстницѣ съ квартирой отца... Признаться, Эва и не жаждала видѣть кузину, а если сказать правду, то и приходила нарочно въ такое время къ ея отцу, когда разсчитывала съ нею не встрѣтиться.

Очевидно, съ Зоей въ эту зиму случилось что-то ужасное. Но что же теперь дѣлать Эвѣ? Разсказать все Антону Михайловичу? Или должна она все скрыть отъ него, попытаться вернуть сестру къ порядочной жизни. Но какъ заговорить съ нею? Эва не боялась подходить одна къ продажнымъ женщинамъ на Невскомъ, но ее пугала мысль о разговорѣ съ Зоей, потому что она не ощущала къ ней въ своемъ сердцѣ ни любви, ни прощенія, а только одну холодную жалость.

XI.

Зоя страшно растерялась, когда увидала Эву на панели возлѣ ресторана. Пріятное возбужденіе послѣ шампанскаго у нея мгновенно пропало, а душа наполнилась смутнымъ чувствомъ ужаса. Всецѣло охваченная своимъ настроеніемъ, она не замѣчала, какъ взглядывалъ на нее Артуръ Гершъ и какъ нѣжно обнималъ ея станъ своей рукою.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ онъ, наконецъ.

— О вашемъ длинномъ ногтѣ,—сердито отвѣчала Зоя.

— Если это насмѣшка, — началъ положительно Гершъ, но Зоя его нетерпѣливо прервала.

— Ахъ, отстаньте! — воскликнула она. — Не допрашивайте меня... просто, выпила много и теперь мнѣ хочется подремать.

— Какъ вамъ угодно,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Гершъ и

Зоя была теперь свободна отдаться вполнѣ своимъ печальнымъ размышленіямъ.

„Эта юродивая теперь всѣмъ разскажетъ, — думала она, — просить ее, развѣ? Да стоитъ ли? Не все ли равно, теперь, черезъ мѣсяцъ, или черезъ полгода, все равно какъ-нибудь узнаютъ... Еще чудо, что никто такъ долго не угадалъ! Положимъ, и раньше не спрашивали у нея отчета въ поведеніи. Имѣя собственный ключъ отъ входныхъ дверей, она могла когда угодно являться домой, не подвергаясь контролю. Но тогда ей и скрывать было нечего, а теперь...

И какъ это опять случилось?

Тутъ виновата была только ея суетность. Гершъ въ своей конторѣ такое важное лицо! Къ нему приходили знатные господа, въ немъ заискивали такія великолѣпныя дамы. Одна, прехорошенькая, такъ нѣжно жала ему руки при всѣхъ. Говорили потомъ въ конторѣ, что онъ играетъ на биржѣ деньгами этой госпожи и въ нѣсколько мѣсяцевъ удвоилъ ея состояніе.

И со всѣми Артуръ Гершъ былъ высокомѣренъ, даже грубъ, а съ ней, съ Зоей, всегда обращался такъ вѣжливо и ничего отъ нея не требовалъ. Иногда только, когда они выходили вмѣстѣ, онъ бралъ лихача, стоявшаго на углу, съ лошадью покрытой ковромъ, и мигомъ доставлялъ ее домой. На это всегда бывало позднимъ вечеромъ и почти никто не видалъ ея совмѣстныхъ поѣздокъ.

Сердце Зои было тронуто нѣжнымъ вниманіемъ Герша и она начинала враждебно относиться къ Антону Михайловичу, который часто посѣщалъ ее и даже намекалъ на что-то. Но онъ становился все скучнѣе и скучнѣе, говорилъ о какой-то внутренней борьбѣ, которая скоро должна окончиться. Разъ даже онъ сказалъ, что любитъ ее, и точно испугался... и ушелъ, не сдѣлавши предложенія. Послѣ этого Зоя еще больше начала цѣнить Герша.

Насмѣшливая улыбка кривила ея губы при встрѣчахъ съ Наврозовымъ, которому стоило столько труда побѣдить свой страхъ передъ женитьбой. Она стала даже избѣгать его посѣщеній, въ надеждѣ этимъ маневромъ вызвать его на объясненіе, и онъ тогда, дѣйствительно, сталъ приходить чаще, но дѣло отъ этого не подвигалось впередъ быстрѣе. Онъ самъ точно радовался, когда не заставалъ ее дома... Зоя чувствовала что-то неладное и давала себѣ слово отказать Антону Михайловичу, отказать въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ! Вѣдь когда-то она почти молила его спасти ее... Не предупреждала ли она его: „Я погибаю! Погибаю!“ Неужели онъ не догадывался?

И она, въ концѣ концовъ, погибла...

Зоя вздрогнула.

— Вамъ холодно?—заботливо спросилъ Гершъ.

— Да, да,—точно отмахиваясь отъ назойливой мухи, отвѣчала дѣвушка, для которой Гершъ уже пересталъ быть важнымъ.

— Скоро пріѣдемъ,—проговорилъ онъ, вглядываясь въ даль, гдѣ уже мелькали огни „Аркадіи“.

— Я не хочу... Я не хочу туда ѣхать, я хочу домой!—воскликнула Зоя.

— Что вы, freilein! Насъ ждетъ тамъ цѣлое общество... будутъ пѣть цыгане.

— Я хочу домой... Я спать хочу,—повторяла Зоя.

— Вы нездоровы?—съ безпокойствомъ спрашивалъ Гершъ.

— Да, да... именно, я нездорова!

Лихачъ повернулъ обратно.

„И пусть теперь всѣ узнаютъ, мнѣ все равно!—думала Зоя съ озлобленіемъ.—Пусть эти добродѣтельныя личности стыдятся, что имѣютъ такую родственницу... Пускай при всѣхъ ужасаются... Но отецъ! Несчастный отецъ, который уже началъ хворать отъ непрерывныхъ запоевъ... Что съ нимъ будетъ, если онъ узнаетъ? А ему уже недолго жить и тогда я останусь одна, совсѣмъ, совсѣмъ одна!

Сердце Зои мучительно сжалось.

„Нѣтъ, надо охранить его отъ такого удара. Ради него надо пойти просить Эву. Надо еще притворяться, играть двойную игру. Надо сдѣлать хотя бы это... Больше она ничего не можетъ“.

— У васъ лихорадка? Вамъ холодно?—съ искренней заботливостью спрашивалъ Гершъ.

— Я спать хочу,—отвѣчала Зоя.

Фаэтонъ остановился у воротъ ея дома.

— Но вы завтра придете въ контору?—допытывался Гершъ, помогая ей сойти.

— Конечно,— со злостью отвѣчала дѣвушка, — вѣдь за что же нибудь я получаю свои деньги!

— Вы хотите оскорбить меня, — началъ банкиръ, который никогда не оставлялъ безъ возраженія обращенной къ нему фразы, но Зоя не дослушала его: она уже скрылась въ полукругломъ пролетѣ темныхъ воротъ.

Сорвавъ съ себя платье, Зоя бросилась на кровать и сейчасъ же уснула, но утромъ, къ девяти часамъ, она уже была на ногахъ и, съ необычайной нѣжностью поцѣловавъ больного отца, вышла изъ дому.

Зоя спѣшила къ Эвѣ. Она знала, что въ это время Анна Семеновна еще лежитъ въ постели, а Софья Андреевна уходитъ покупать провизію, значитъ, никто не помѣшаетъ имъ поговорить откровенно.

Послѣ безсонной ночи полной страданій, Эва была блѣдна какъ воскъ; Зоя же появилась вся покрытая красными пятнами. Она кивнула сестрѣ головой и сказала:

— Я тебя видѣла вчера у подъѣзда.

Эва испуганно молчала, точно пойманная на мѣстѣ преступленія.

— Ты стояла, какъ Ніобея или, проще, какъ казанская сирота,—усмѣхаясь, продолжала Зоя.

Улыбка эта потрясла Эву: она ожидала слезъ, а не смѣха.

— Не лицемѣріе ли это, Эвочка?—говорила Зоя лукаво.— Неужели ты такая возвышенная, что искренно мнѣ сострадаешь?

— Зачѣмъ мнѣ лицемѣрить?—возразила Эва, испытывая необычное для нея чувство униженія.

— Зачѣмъ? — Зоя зло усмѣхнулась. — Гм... затѣмъ, что ты рада удержать возлѣ себя молодца.

— Какъ ты выражаешься...

— Ты намекаешь, что я для тебя уже неприличная компанія?

— Зоя, скажи мнѣ, зачѣмъ ты пришла?—серьезно спросила Эва.—Если ты знаешь, что я тебя видѣла нѣсколько навеселѣ, въ обществѣ незнакомаго мнѣ господина, то...

— То?—вызывающе перебила ее Зоя.

— То, конечно, тебѣ было непріятно идти ко мнѣ. Значитъ, у тебя есть особенныя цѣли.

— Можетъ, я хочу послушать твоихъ проповѣдей, чтобы исправиться,—съ задорнымъ смѣхомъ сказала Зоя.

Эва молча взяла въ руки какую-то работу.

— Положимъ, это, дѣйствительно, нехорошо съ моей стороны,—созналась тогда Зоя,—съ какой стати я прихожу къ тебѣ и говорю ядовитости? Ну, не буду, и скажу тебѣ прямо: какъ ты намѣрена со мной поступать?

Эва съ недоумѣніемъ подняла голову.

— Хочешь ли ты шельмовать меня на всѣхъ перекресткахъ или же наградишь только молчаливымъ презрѣніемъ? Конечно, я предпочитаю послѣднее, но не знаю, какъ въ такихъ случаяхъ поступаютъ святоши?

— Зоя, брось этотъ тонъ,—сказала Эва,—вѣдь я понимаю, что ты говоришь такъ только потому, что тебѣ стыдно. Зачѣмъ же ты притворяешься передо мною?

— Передъ тобою!—гнѣвно воскликнула Зоя.—А передъ кѣмъ же мнѣ и притворяться, какъ не передъ тобою? Вѣдь, я знаю, ты рада моему несчастію, но, какъ святоша, дѣлаешь теперь постную физіономію.

Эва, вспыхнувшая до слезъ, не смѣла поднять глазъ на сестру, которая изъ обвиняемой сдѣлалась ея обвинительницей. О,

какъ жаждала она смѣло посмотрѣть ей въ глаза и сказать: „Это неправда!“ но она не могла сдѣлать этого...

— Ты торжествуешь, конечно, — продолжала Зоя, — ты поспѣшишь довести эту радостную вѣсть до слуха своего друга. Онъ, можетъ быть, тогда на тебѣ женится... съ отчаянія,—прибавила она, безпощадно смѣясь.

Эва принудила себя взглянуть на сестру и спокойно отвѣтить:

— Зачѣмъ тебѣ быть такой злой, Зоя? Развѣ тебѣ мало, что онъ любитъ тебя, а не меня?

— Я не знаю, кого онъ любитъ,—возразила Зоя,—если бы онъ любилъ меня, то не тянулъ бы цѣлыхъ полгода, не толкалъ бы меня въ пропасть. Теперь я его не переношу. О, я бы хотѣла, чтобы онъ все-таки сдѣлалъ мнѣ предложеніе, то-то я бы посмѣялась надъ нимъ, то-то ошельмовала бы я его трусость! А можетъ онъ чувствовалъ, что во мнѣ есть что-то неладное и боялся? Значитъ, у него чуткій ангелъ хранитель... Но тогда, какая же любовь его презрѣнная!

Вражда, которая горѣла въ сердцѣ Эвы со вчерашней ночи, послѣ этихъ словъ куда-то исчезла и она неожиданно испытала чувство блаженнаго успокоенія. Только теперь она увидала въ Зоѣ несчастную, которой надо стараться помочь, и обрадовалась этому.

— Зоя, милая,—сказала она совсѣмъ другимъ тономъ,—мы какъ-нибудь все это поправимъ, ты не теряй надежды.

— Поправимъ?—со слезами повторила Зоя.—Я не могу ужъ выйти за Наврозова, а больше никто на мнѣ не женится... Развѣ Гершъ овдовѣетъ.

Она зарыдала, закрывъ лицо руками. Эва подошла къ ней, обняла ее и, цѣлуя ея волосы, прошептала:

— И давно это съ тобой, бѣдняжка?

— О... съ сентября!

Въ это время изъ сосѣдней комнаты выглянуло старое лицо Финогеича, нянчившаго Снѣгурочку, но сестры были такъ заняты разговоромъ, что не обратили на него никакого вниманія.

— А теперь мнѣ никто не можетъ помочь, никто, потому что я привыкла жить весело! Я пропала!—съ отчаяніемъ жаловалась Зоя, которой внезапное теплое участіе Эвы вдругъ развязало языкъ,—не было у меня поддержки, никто не смотрѣлъ за мною. Я все время одна, мнѣ некого даже стыдиться! Отецъ, вѣрно сойдетъ съ ума, потому что чертей ловить начинаетъ, а тетка... она мнѣ чужая и я знаю до послѣдняго слова все, что она мнѣ можетъ сказать.

— Но отчего ты къ намъ не ходила чаще?

— Зачѣмъ? И потомъ, развѣ ты встрѣчала бы меня друже-

любно? То, что я сдѣлала съ тобой, не прощается... И вотъ, я все одна, да одна. А потомъ, когда это случилось... Впрочемъ, тогда я была виновата только въ легкомысліи... нѣмецъ обманулъ меня.

— Бѣдняжечка...

— Нѣтъ, не стану валить вину на другого! И тогда была виновата я сама. Какая порядочная дѣвушка поѣдетъ въ ресторанъ съ незнакомымъ мужчиной? И почему онъ станетъ щадить меня, когда я сама себя не щадила? Ну, а потомъ, я даже не могу оправдываться неопытностью: онъ позвалъ меня въ контору на службу и я пошла.

Эва горестно всплеснула руками.

— Пожалуйста, не изображай ужаса на своемъ лицѣ,—продолжала Зоя,—впрочемъ, и здѣсь я не имѣла никакихъ преступныхъ замысловъ. Поступая къ нему на службу, я просто хотѣла перемѣнить опротивѣвшую мнѣ работу на другую, получше, вотъ и все! А ужъ остальное за меня постарался случай. Извергова на свѣтѣ нѣтъ, моя милая, есть только люди, которые не умѣютъ бороться съ обстоятельствами.

— Ахъ Зоя, Зоя, отчего ты не открылась мамѣ! Она бы тебя наставила, удержала...

— Голубчикъ, я вовсе не хочу говорить тебѣ непріятности, но все-таки спрошу: чѣмъ бы вы могли мнѣ помочь? У васъ нѣтъ мѣста, на которомъ я могла бы получать семдесятъ пять рублей и быть въ безопасности отъ ловеласовъ... Конечно, взять мѣсто у нѣмца, было вовсе не корректно... Но я была тогда такъ обижена, такъ оскорблена... и не Гершемъ вовсе...

— Но кто же обижалъ тебя, Зоя?

— Ты, Эва!

— Я?

— Да, ты!

— Но, когда? Чѣмъ?

— Я хотѣла спасти себя... Я уцѣпилась за возможность выйти замужъ, и Наврозовъ сначала хотѣлъ, но потомъ вдругъ началъ колебаться... Вѣроятно, ты его отговаривала. Что мнѣ было дѣлать? Когда я поняла, что онъ для меня потерянъ, я на все махнула рукой.

— Но въ чемъ же моя вина?

— Ты его у меня все-таки оттягала.

— Зоя,—возразила Эва дрожащимъ голосомъ,—увѣряю тебя, что я ничему не мѣшала. И вообще это странное обвиненіе, которое я всецѣло могу обратить на тебя. Это ты у меня, говоря твоимъ языкомъ, оттягала Антона Михайловича.

— Ну, вѣдь, такія, какъ я, на то и созданы, — съ улыбкой

сквозь слезы возразила Зоя, — намъ уже и Богъ велѣлъ не зѣвать. Но только я надѣялась, что ты не станешь со мной бороться. И на что онъ тебѣ? Жизнь твоя и такъ полна, а меня онъ бы спасъ... И чѣмъ я виновата, что я не умѣю страдать? Мнѣ такъ хотѣлось выкарабкаться!

— И ты плохо разсчитала. Ты сама разсказала Антону Михайловичу о... Свирскомъ... И ему было тяжело во второй разъ нанести мнѣ ударъ. Вотъ почему онъ долго боролся.

— Значитъ, онъ все-таки тебя любитъ? — ревниво спросила Зоя.

— Не знаю...—упавшимъ голосомъ отвѣчала Эва,—все-таки онъ, наконецъ, рѣшился и сказалъ мнѣ, что хочетъ на тебѣ жениться.

Зоя вытянула впередъ шею и широко раскрытыми глазами смотрѣла на сестру.

— Когда онъ говорилъ это тебѣ?—спросила она.

— Надавно.

— Недавно?—съ отчаяніемъ всплескивая руками, крикнула Зоя.—О, я, несчастная! Отчего я не умѣла ждать!

— Мы обѣ несчастныя,—прошептала Эва.

— О, что мнѣ въ этомъ!—говорила Зоя, рыдая,—но неужели теперь я не могу выйти замужъ? Онъ такой добрый... И что такое нѣсколько мѣсяцевъ? Неужели нельзя забыть? Вѣдь женятся же на вдовахъ?

— Но надо все таки, чтобы Антонъ Михайловичъ все зналъ,— сказала серьезно Эва.

— А ты ужъ испугалась? Успокойся, какъ я могу выйти замужъ, когда меня ужъ знаютъ всѣ трактирные завсегдатаи...

Эва молчала. У нея снова изсякли слова утѣшенія. Зоя вытерла глаза, пригладила волосы.

— Ну, былого не воротишь,—сказала она,—только, надѣюсь, что ты все-таки ничего не станешь обо мнѣ разсказывать?

— Что ты, Богъ съ тобой...

— Мнѣ-то все равно,—задорно перебила Зоя,—но отецъ... Онъ теперь такъ болѣнъ и мнѣ его жаль. Ну, прощай.

Зоя вышла въ переднюю.

Съ необычайной сухостью подалъ ей Финогеичъ пальто и, затворяя парадныя двери, шамкалъ про себя беззубымъ ртомъ какія-то безконечныя разсужденія.

Дѣвушки, разговаривая, совсѣмъ забыли о присутствіи Финогеича, который слышалъ многое, а многое дополнилъ своей фантазіей. Онъ понялъ, что Зоя „согрѣшила", а теперь проситъ Эву скрыть это отъ Наврозова, чтобы онъ не раздумалъ на ней жениться.

— Ты хитра,—бормоталъ старикъ,—да и я не простъ! Такъ я тебѣ и отдалъ Антона Михайловича... Тебѣ будетъ наука: не отбивай чужихъ жениховъ... Ужъ я всѣ твои штуки разстрою, не женится онъ на тебѣ, порченной, а женится на Эвушкѣ... Будетъ по моему!

Онъ хотѣлъ сейчасъ же пойти къ Эвѣ, чтобы научить ее, какъ дѣйствовать, но барышня сидѣла запершись въ своей комнатѣ. Старикъ побоялся ее тревожить и рѣшилъ переговорить съ Софьей Андреевной.

Эва сидѣла на стулѣ противъ приготовленнаго „лаврскаго" платья и думала о томъ, хорошо ли она сдѣлала, обѣщая Зоѣ хранить ея тайну? Вѣдь Антонъ Михайловичъ можетъ сегодня же сдѣлать Зоѣ предложеніе, а Эва не была увѣрена, что она ему откажетъ. И вотъ, если Наврозовъ женится, а потомъ узнаетъ прегрѣшенія своей жены, онъ можетъ очень упрекнуть Эву за ея молчаніе. Оно даже можетъ показаться ему местью...

Но, съ другой стороны, какъ разсказать? Вѣдь выйдетъ такъ, будто она изъ ревности предала свою сестру. Быть можетъ, послѣ свадьбы Зоя забудетъ о своемъ позорномъ прошломъ и будетъ счастлива. Вѣдь она изъ тѣхъ натуръ, которыхъ счастье исправляетъ, которымъ оно нужно, какъ солнце растенію. Но можетъ быть и такъ, что, даже узнавъ все, Антонъ Михайловичъ не откажется отъ Зои... Тогда зачѣмъ и говорить.

— Эва, иди завтракать,—позвала Софья Андреевна.

Послѣ завтрака Эва ушла, переодѣвшись въ свой „лаврскій" костюмъ, а Финогеичъ, только и ожидавшій этого момента, сейчасъ же и разболталъ ея секретъ двумъ женщинамъ.

— Я всегда думала, что Зоя нехорошая дѣвушка,—сказала Анна Семеновна.

— У нея не было матери,—возразила Софья Андреевна.

— Что было, чего не было, этого мы, сударыня, съ вами не знаемъ,—ворчалъ старикъ Финогеичъ,—а только такъ нельзя. Приходить въ домъ, отбивать жениха, а потомъ еще и себя не соблюсти, да еще требовать, чтобы все было шито-крыто... Удалая!

— Эва и такъ бы никому не сказала,—гордо замѣтила Софья Андреевна.

— А почему это сударыня?—съ негодованіемъ воскликнулъ старикъ.—Эта самая егоза у нашей жениха отнимаетъ, а мы молчать станемъ? Нѣтъ, не согласенъ!

— Однако, Финогеичъ, мы станемъ, именно, молчать,—строго сказала Софья Андреевна.

Старикъ отступилъ на шагъ и пожалъ плечами въ отвѣтъ на сочувствующій взглядъ Анны Семеновны.

— Не хотите, сударыня, вы своему дитю счастія,—укоризненно проговорилъ Финогеичъ.

— Именно потому, что я хочу Эвѣ счастья, мы не должны вмѣшиваться,—возразила Софья Андреевна,—какъ вы не понимаете, Финогеичъ, что если Антонъ Михайловичъ любитъ Зою, то Эва все равно теперь за него не выйдетъ.

— Не теперь, такъ послѣ,—убѣжденно сказалъ Финогеичъ,—пустяки все это! Сперва поплачетъ немножко, а потомъ и выйдетъ, только бы Зойка не перебила... Кому охота сидѣть въ дѣвкахъ?

Безхитростныя слова стараго друга непріятно отозвались въ сердцѣ Софьи Андреевны, тѣмъ болѣе, что она молча соглашалась съ ихъ грубой справедливостью. Она сама не любила Зою и втайнѣ страдала, когда, благодаря ей, отношенія между Эвой и Антономъ Михайловичемъ такъ разстроились. Но все-таки теперь она бы не хотѣла этого замужества, хотя, конечно, ни слова бы противъ него не возразила.

Анна Семеновна, нянчившая Снѣгурочку во время всего разговора, слушала рѣчи Финогеича съ видимымъ удовольствіемъ, но сама ничего не говорила, понимая, что это будетъ непріятно Софьѣ Андреевнѣ.

— Прошу васъ Финогеичъ,—сказала послѣдняя,—ни съ кѣмъ объ этомъ не говорите. Нехорошо, что вы и намъ сказали: вѣдь если вы подслушали чужую тайну, то ее хоть разглашать не надо.

— Тайна,—бормоталъ старикъ, уходя на кухню,—развѣ она ее на ухо шептала? Голосила на всю улицу.

И онъ занялся своими дѣлами.

Въ тотъ же вечеръ Анна Семеновна сообщила сыну все, что узнала отъ Финогеича.

— Ты, Володенька, непремѣнно разскажи Антону Михайловичу про эту гадкую Зою,—закончила она,—надо же намъ защитить нашу Эвушку.

Но Владиміръ Алексѣевичъ далеко не съ удовольствіемъ взялся исполнить такое щекотливое порученіе.

— Неловко, мама,—отговаривался онъ,—право, даже не подберешь выраженій, которыя нужны для того, чтобы это разсказать.

— Но, Володенька, ты долженъ! Подумай, сколько добра мы видѣли отъ этихъ людей! Можетъ, послѣ этого Наврозовъ женится на Эвочкѣ, я знаю, она его очень любитъ.

— Все-таки это такое щекотливое дѣло... А потомъ, на вѣстника горя всегда падаетъ часть неудовольствія.

— Тогда напишемъ анонимное письмо.

— Фи, мама, какая гадость!

— Тогда я сама скажу, вотъ и все!

— Нѣтъ, пожалуйста, не мѣшайся, я ужъ что-нибудь придумаю. Мнѣ это удобнѣе, потому что онъ самъ со мной часто говоритъ о Зоѣ.

Дѣйствительно, Антонъ Михайловичъ началъ говорить со своимъ сожителемъ о дѣвушкѣ, на которой собирался жениться.

Онъ нѣсколько разъ уже не заставалъ Зои дома и потому потребность говорить о ней становилась у него все сильнѣе.

Звѣревъ, знавшій его прежнія отношенія къ Эвѣ, встрѣчалъ эти признанія такъ холодно, что послѣ каждой откровенной бесѣды, Антонъ Михайловичъ давалъ себѣ слово не говорить больше, но скоро не выдерживалъ характера.

За послѣднее время Владиміръ Алексѣевичъ еще менѣе прежняго былъ склоненъ выслушивать признанія своего сожителя. Наврозовъ замѣтилъ, что онъ просто даже избѣгаетъ говорить съ нимъ и почти не бываетъ дома. Онъ исчезалъ нѣсколько вечеровъ подъ рядъ, возвращаясь поздно ночью.

Такое необычайное поведеніе очень заинтриговало Антона Михайловича. Онъ подшучивалъ надъ своимъ молодымъ пріятелемъ, шутливо увѣщевалъ его открыть ему свою роковую тайну... Но послѣдній, смущенный, озабоченный, только неловко отмалчивался.

Звѣревъ имѣлъ свой планъ, который торопился привести въ исполненіе.

— Вчера опять былъ у Зои Романовны,—сказалъ однажды Антонъ Михайловичъ,—и снова не засталъ ее дома. Это мнѣ надоѣло! Сейчасъ напишу ей и попрошу свиданія.

— Погодите,—сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Зачѣмъ?—съ неудовольствіемъ спросилъ Наврозовъ.

— Вы собираетесь ей сдѣлать предложеніе?

— Конечно,—нѣсколько высокомѣрно отвѣчалъ Антонъ Михайловичъ.

— Надо, чтобы вы сдѣлали это сознательно,—печально сказалъ Звѣревъ.

— Почему вамъ кажется, что я дѣлаю это несознательно?—съ возростающимъ недружелюбіемъ спросилъ Наврозовъ.—Позвольте мнѣ самому лучше знать это... Конечно, я самъ виноватъ, посвящая васъ въ свои дѣла, но все же меня удивляетъ такая неделикатность.

— Не сердитесь на меня Антонъ Михайловичъ,—грустно возразилъ Звѣревъ,—сознаюсь, роль моя незавидная, но обстоятельства принуждаютъ меня теперь поступать неделикатно... Вотъ я, рискуя на себя навлечь вашъ гнѣвъ, взялся сдѣлать одно дѣло...

— Дурное дѣло!—воскликнулъ Наврозовъ и глаза его заго-

рѣлись гнѣвнымъ огнемъ,—дурное дѣло пускать какія-то темные намеки... Конечно, Зоя можетъ многимъ не нравиться, но это еще не резонъ...

— Конечно, это еще не резонъ и дѣло вовсе не въ томъ, что Зоя Романовна кому-то не нравится.

— А въ чемъ же?

Звѣревъ молчалъ, смущенно потупивъ глаза.

— Это переходитъ всякія границы!—крикнулъ Антонъ Михайловичъ.—Послѣ всѣхъ этихъ намековъ вы обязаны сейчасъ же сказать мнѣ все, что знаете!

— Не сейчасъ, не сейчасъ,—отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ,—позвольте мнѣ сейчасъ ничего не говорить вамъ... Мнѣ такъ тяжело! Я чувствую, что дѣлаю все такъ неловко, что я васъ безпокою своей неловкостью.

— Тутъ замѣшана Эва Борисовна?—съ испугомъ спросилъ Антонъ Михайловичъ, которому вдругъ представилось, что Эва хочетъ лишить себя жизни послѣ его свадьбы.

— Нѣтъ, нѣтъ... Простите, что я васъ мучаю, мнѣ самому тяжело. Прошу васъ очень, подождите.

— До какихъ же поръ прикажете мнѣ ждать?—саркастически спросилъ Антонъ Михайловичъ.

— До полуночи.

— Что такое?—съ возростающимъ недоумѣніемъ сказалъ Наврозовъ.—Почему мнѣ надо ждать до полуночи? И какое это отношеніе имѣетъ къ Зоѣ?

— Вы увидите,—отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ и ушелъ, точно опасаясь дальнѣйшихъ разспросовъ.

Наврозовъ, сердито пожимая плечами, взялъ въ руки какую-то книгу, но только держалъ ее раскрытой передъ собою, продолжая размышлять о загадочномъ разговорѣ.

Что должно случиться въ полночь? Ужь не хитрая ли махинація семейства Каргановыхъ? Этотъ юродивый миссіонеръ имъ такъ преданъ, что всячески готовъ имъ содѣйствовать... Но сейчасъ же Антонъ Михайловичъ отгонялъ отъ себя недостойныя мысли и, вспоминая благородную фигуру Софьи Андреевны, сердился на себя за нихъ, сердился за то, что назвалъ юродивымъ Звѣрева, котораго искренно уважалъ. И, однако, черезъ минуту снова начиналъ подозрѣвать, снова чувствовалъ желаніе обозвать своего сожителя еще хуже, чѣмъ юродивымъ.

Но ни разу Наврозову не пришло на мысль, что онъ можетъ очутиться въ такомъ положеніи, которое заставитъ его отказаться отъ намѣренія сдѣлать предложеніе Зоѣ.

— Вѣроятно, какое-нибудь мистическое чудачество,—пробор-

моталъ онъ, швыряя книгу, въ которой не прочелъ и двухъ строчекъ,—онъ склоненъ выкидывать всякіе фокусы.

Эта мысль немного успокоила Антона Михайловича. Онъ бросился на постель и заснулъ почти мгновенно.

Было около полуночи, когда Наврозовъ проснулся, разбуженный Владиміромъ Алексѣевичемъ.

— Намъ пора ѣхать,—говорилъ тотъ, теребя за плечо крѣпко спавшаго товарища. Наврозовъ, хмурый, сердитый полусонный, съ какимъ-то непонятнымъ безпокойствомъ въ душѣ, вышелъ на улицу.

— Охота вамъ, дорогой мой, заниматься чудачествами,—сказалъ онъ, зѣвая.

— Это не чудачество,—возразилъ Владиміръ Алексѣевичъ, точно виноватый,—это скорѣе мой недостатокъ въ энергіи, въ храбрости... Я не хочу много говорить, спорить, доказывать. Мнѣ хочется кончить сразу, въ одну минуту...

— Часъ отъ часу нелегче!—пробормоталъ Антонъ Михайловичъ и пересталъ разспрашивать.

— Звѣревъ позвалъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать на Крестовскій островъ.

Была тихая бѣлая ночь.

Дома, точно закутанные прозрачной кисеею, мягко уходили въ высоту блѣднаго неба, постепенно понижаясь и суживая улицу, а гдѣ-то далеко, вдали, они сливались съ бѣлою мглой тумана.

Пѣшеходовъ было мало, но по чистой торцевой мостовой, съ бѣлѣвшими кой-гдѣ латками новаго ремонта, катилась масса экипажей: это веселая, разряженная въ свѣтлое толпа возвращалась съ прогулокъ. За Невой стало прохладно.

Туманъ въ видѣ мелкой пыли осѣдалъ на кожѣ фартука, на камняхъ панели, на узенькихъ стальныхъ рельсахъ, уходившихъ въ даль суживающимися линіями. Блѣдная зелень полураспустившихся деревьевъ была пронизана острой влагой.

Этотъ сырой туманъ сѣвера, запахъ молодой листвы, блѣдное небо съ легкимъ свѣтомъ зари на востокѣ, пробудили въ душѣ Наврозова тоску по воздуху, по деревенскому простору. Вѣдь теперь уже настоящее лѣто на югѣ, теперь тамъ славно грѣетъ солнце, теперь уже цвѣтетъ сирень, а скоро начнетъ распускаться липа. Какъ хорошо отсюда поскорѣе уѣхать! Надо поторопиться со свадьбой, чтобы поскорѣе быть въ колоніи.

— Мы пріѣхали,—сказалъ Звѣревъ.

Экипажъ остановился у подъѣзда деревяннаго ресторана съ ажурной рѣзьбою въ русскомъ вкусѣ. Надъ воротами его еще

горѣлъ электрическій фонарь, но безсильные лучи его поглощались блѣднымъ свѣтомъ сѣверной весенней ночи.

Наврозовъ посмотрѣлъ на арку, разукрашенную флагами, на лакеевъ, которые уже выбѣжали имъ навстрѣчу и злобно расхохотался.

— Вы мнѣ фестиваль задать хотите, что ли?—сказалъ онъ, чувствуя положительную вражду къ своему спутнику.

— Ради Бога, будьте спокойны,—отвѣчалъ тотъ, умоляюще дотрогиваясь до его руки своими пальцами, холодными, какъ ледъ.

— Наврозовъ взглянулъ въ лицо Владиміра Алексѣевича. Оно было блѣдно, необычайно взволновано, губы его нервно дрожали.

Тогда безпокойство сообщилось вдругъ и Антону Михайловичу. Пока они проходили по корридору, устланному малиновымъ ковромъ, мысли, одна другой нелѣпѣе, мелькали въ его разгоряченномъ мозгу.

То ему представлялось, что Зоя убита и онъ скоро увидить ея окровавленное тѣло, то онъ ожидалъ встрѣтить на поворотѣ Эву, которая хочетъ при немъ застрѣлиться... То вдругъ Звѣревъ представлялся ему таинственнымъ незнакомцемъ, который съ умысломъ жилъ у него всю эту зиму, замышляя какія-то хитрыя козни, которыя только сейчасъ раскроются во всемъ ихъ безобразіи. Не идетъ ли здѣсь дѣло объ его деньгахъ, наконецъ?

Мимо нихъ мелькали лакеи съ истомленными отъ безсонницы лицами; фраки ихъ были въ пыли, крахмальныя рубахи измяты. Изъ-за закрытыхъ дверей нумеровъ вырывались вмѣстѣ со звономъ посуды, звуки разстроеннаго рояля, отрывокъ пьяной пѣсни. Гдѣ-то далеко заливался хоръ цыганъ.

— Какъ это все глупо, я уйду!—сказалъ Наврозовъ, поворачивая обратно

— Мы пришли,—сказалъ Звѣревъ такъ, какъ говорятъ только у постели трудно больного.

Голосъ этотъ больно отозвался въ сердцѣ Антона Михайловича. Всѣ страхи разстроеннаго воображенія исчезли, замѣнившись испугомъ передъ наступающей реальной опасностью. Но что же можетъ ему угрожать здѣсь, въ извѣстномъ ресторанѣ на Крестовскомъ?

Въ простѣнкѣ, образовавшемся отъ поворота корридора подъ прямымъ угломъ, стоялъ молодой безусый лакей съ салфеткой въ рукахъ. Владиміръ Алексѣевичъ посмотрѣлъ на него и тотъ едва замѣтно кивнулъ ему головой.

— Въ которомъ?—не замедляя шага, спросилъ Звѣревъ.

— Въ пятомъ, — отвѣчалъ потихоньку лакей, указывая на дверь, откуда слышался звонкій смѣхъ и разбитые звуки рояля.

Лицо Владиміра Алексѣевича стало донельзя возбужденнымъ. Торопливыми, спотыкающимися шагами подошелъ онъ къ двери, открылъ одну половинку и, отступивъ, знакомъ пригласилъ Наврозова заглянуть въ кабинетъ.

Послѣдній машинально повиновался.

Большая комната, освѣщенная яркимъ свѣтомъ электрическихъ лилій, казалась въ настоящую минуту совсѣмъ пустою. Столъ съ закусками, съ фруктами и шампанскимъ въ серебряныхъ вазахъ, былъ придвинутъ къ углу; стулья, нагроможденныя другъ на друга, стояли тамъ же, бархатныя кресла прижаты спинками къ стѣнѣ. Однако, въ комнатѣ находилось двое мужчинъ и двѣ женщины.

Одинъ изъ мужчинъ сидѣлъ у рояля, спиной къ двери, играя венгерку; другой—лежалъ на диванѣ, и, положивъ ноги въ желтыхъ туфляхъ съ прямыми носками, на одну изъ его ручекъ, отбивалъ тактъ длинными сухими листьями ананаса.

Сбоку на мѣстѣ, освобожденномъ отъ ковра, лежавшаго скатаннымъ у стѣнки, стояли двѣ женщины, обнявшись. Одна—въ черномъ лифѣ декольте, другая—одѣтая прилично, въ легкое сѣрое платье. Граціозно приподнявъ юбки свободной рукой, обѣ женщины выдѣлывали подъ тактъ музыки смѣлыя и изящныя па венгерки.

Вдругъ одна изъ нихъ увидала въ огромномъ зеркалѣ, стоявшемъ напротивъ двери, отраженіе двухъ фигуръ. Она вздрогнула, споткнулась и, оглянувшись, крикнула:

— Боже!

— Quesque c'est que ça?—спросила другая, кидаясь къ кружевной пелеринѣ и накидывая ее себѣ на голыя плечи.

Мужчина у рояля, бросивъ играть, оглянулся, а тотъ, который лежалъ на диванѣ, привсталъ, опустивъ руку съ ананасными листьями.

— Зоя! — воскликнулъ Антонъ Михайловичъ, хватаясь за сердце.

— Я,—надменно отвѣчала женщина въ сѣромъ,—а вамъ что нужно?

Мужчины, точно по командѣ, вскочили съ своихъ мѣстъ и оба направились къ дверямъ.

— Это не корректно врываться въ чужой номеръ и дѣлать скандалъ,—строго сказалъ Гершъ.

— Ахъ, погодите,—съ досадливой гримаской оборвала его Зоя.

Слегка оттолкнувъ Герша, Зоя остановилась передъ Наврозовымъ съ глазами, горѣвшими стыдомъ и злобой.

— Да, да, — сказала она, точно продолжая начатой разговоръ,—какое вамъ дѣло?

— Никакого, — отвѣчалъ Наврозовъ дрожащимъ голосомъ, — только все-таки въ другой разъ вы бы запирали двери.

— Зачѣмъ? — насмѣшливо спросила Зоя, — надѣюсь, въ другой разъ вы не придете.

— Я бы и теперь не пришелъ...

— А, васъ привели?

Зоя обратила на Звѣрева негодующій взоръ.

— Пойдемъ, — сказалъ тотъ Наврозову.

XII.

На востокѣ уже всходило солнце. Оно было закрыто багрянымъ облакомъ, которое бросило отъ себя пурпуровое покрывало на спокойную поверхность уснувшей Невы. Но вотъ оно выглянуло изъ-за облака, и его острые лучи точно ножемъ разрѣзали густой туманъ, лежавшій надъ водою. Клубясь и играя радугой, лѣниво поднимались къ небу его обрывки, а по рѣкѣ уже загулялъ вѣтеръ, образуя сверкающую рябь на ея гладкомъ зеркалѣ. Крыши, троттуары, тумбы, рельсы — все было мокро отъ тумана, который спѣшилъ укрыться въ узкія ущелья боковыхъ улицъ и висѣлъ тамъ, точно разорванное газовое покрывало.

Спутники молчали.

Звѣревъ чувствовалъ, какъ вдругъ сдѣлался далекъ отъ него этотъ человѣкъ, бывшій его другомъ, даже благодѣтелемъ.

— Вы простите мнѣ? — сказалъ онъ, наконецъ.

Антонъ Михайловичъ ничего не отвѣтилъ, но на лицѣ его появилась сардоническая усмѣшка.

— Вы вѣрите, по крайней мѣрѣ, что я сдѣлалъ это съ добрыми намѣреніями?

— Это именно одно изъ тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ, — хрипло проговорилъ Наврозовъ.

— Право, я не заслужилъ такого обращенія... Особенно, если вспомнить, что я такъ долго пользуюсь и вашей матеріальной помощью. Вы, хоть бы изъ великодушія, говорили со мной иначе.

— И вы можете просить великодушія, вы, который сдѣлали сейчасъ такое невеликодушное дѣло! — съ негодованіемъ возразилъ Антонъ Михайловичъ, но негодованіе это было все-таки менѣе непріятно Звѣреву, чѣмъ его молчаливый гнѣвъ.

— Я сдѣлалъ все строго обдуманно, — оправдывался онъ, — я придумалъ нѣсколько способовъ открыть вамъ истину и нашелъ, что такой...

— Самый худшій... Вѣроятно, потому вы его и выбрали? Если вы также удачно будете изыскивать способы внѣдренія истинъ во время вашей миссіонерской дѣятельности, то я не завидую вашей паствѣ.

— Я желалъ добра... — прошепталъ Звѣревъ, подавленный этимъ саркастическимъ замѣчаніемъ,—всѣми силами души своей я желалъ добра!

— Слѣпая же у васъ душа!

— Можетъ быть, но судите только мои побужденія. Я ставилъ себя на ваше мѣсто, я представлялъ себѣ, сколько ненужныхъ мелочей возникнетъ при разговорѣ, сколько будетъ пустяшныхъ страданій отъ недовѣрія, подозрительности, ревности... Сколько придется дѣлать вамъ разслѣдованій... а потомъ—ваше горе, когда вы, наконецъ, узнаете истину. И вотъ, я рѣшилъ что такъ, безъ лишнихъ словъ, сразу, будетъ куда лучше.

— Лучше!.. Впрочемъ, одно, что васъ извиняетъ, это ваша молодость, а вовсе не всѣ эти хитросплетенія... Молодость не цѣнитъ человѣческаго спокойствія... Но все-таки! Зачѣмъ было выбирать какой-то библейскій способъ? Или вы не могли иначе показать одному человѣку язвы другого? Это что-то непримиримо-прямолинейное, чуждое любви, сожалѣнія.

— О, если бы вы знали, сколько я жалѣлъ васъ, раньше чѣмъ рѣшился.

— Книжная жалость... Ну, впрочемъ, хорошо... А ту... вы жалѣли?

Владиміръ Алексѣевичъ посмотрѣлъ въ лицо Наврозова широко раскрытыми глазами, въ которыхъ впервые появилось выраженіе раскаянія: мысль о Зоѣ, о ея стыдѣ и страданіяхъ ни разу не приходила ему въ голову за это время.

— Признаюсь и каюсь, — отвѣчалъ онъ, — что я все время думалъ только о васъ.

— Вотъ то-то же! — съ презрительной усмѣшкой сказалъ Наврозовъ.—Не всегда слѣдуетъ приносить въ жертву Исаака съ такой готовностью, какъ то дѣлалъ Авраамъ... Иногда надо думать не о Богѣ, а объ Исаакѣ...

Нѣкоторое время спутники ѣхали молча. Антонъ Михайловичъ вспоминалъ сцену униженія, которую перенесла Зоя и очень жалѣлъ несчастную дѣвушку.

Звѣревъ, съ привычной ему манерой вникать въ собственные поступки, разбиралъ свое поведеніе въ этой печальной исторіи, но не находилъ себя виноватымъ.

— Какъ бы я ни поступилъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — все равно вы остались бы мной недовольны. Таково ужъ положеніе людей, которые имѣютъ мужество сообщать непріятное.

— Но все-таки вы могли бы повредить ей, не нанося такого безчеловѣчнаго удара, —возразилъ Антонъ Михайловичъ.

— Вы думаете, я имѣлъ въ виду повредить Зоѣ Романовнѣ!— воскликнулъ Владиміръ Алексѣевичъ.—Но клянусь вамъ, я дѣй-

ствовалъ изъ хорошихъ побужденій. Я не думалъ, да и теперь не думаю, отклонять васъ отъ намѣренія жениться.

Наврозовъ высокомѣрно улыбнулся.

— Это истинная правда, — горячо продолжалъ Звѣревъ, — я только находилъ, что вамъ надо все знать... Я думалъ, что все останется по прежнему. И скажите, неужели отъ этого любовь ваша прошла?

Вопросъ былъ крайне неделикатенъ. Антонъ Михайловичъ хотѣлъ замѣтить это своему товарищу, но вспомнивъ, что послѣдній во многомъ отъ него зависитъ, только сухо отвѣтилъ:

— А вы какъ полагаете?

— Я бы полагалъ, что любовь осталась, — сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ, — а въ такомъ случаѣ, отчего бы вамъ и не жениться.

— Вы бы, конечно, женились?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Я бы женился и благодарилъ бы того, кто далъ мнѣ возможность сдѣлать это сознательно.

— Я же не женюсь и не благодарю.

— Развѣ лучше не знать истины?

— А что есть истина? Какъ во всякомъ дѣлѣ, послѣдняя исторія есть только часть истины... остальная же часть можетъ быть полна глубокаго трагизма. И вотъ поэтому-то иногда лучше не знать истины.

— Но именно потому, что вы въ такую минуту способны видѣть не одну часть, а все цѣлое, я и думалъ, что вы можете жениться. А какое счастье спасти человѣка! И это только отъ васъ, отъ васъ одного зависитъ.

— Нѣтъ, я недостоинъ тѣхъ веригъ, которыя вы на меня собираетесь надѣть, — возразилъ Наврозовъ, — а затѣмъ... будемъ считать разговоръ этотъ уже исчерпаннымъ.

И они больше не разговаривали.

Черезъ день Антонъ Михайловичъ получилъ письмо отъ Зои. Она писала:

„Пожалуйста, не думайте, что я хочу передъ вами оправдываться, вовсе нѣтъ. Напротивъ, я хочу обвинить васъ. Ну, конечно, вы удивлены и съ видомъ добродѣтельнаго человѣка только пожимаете плечами. Но зачѣмъ же вы сперва ходили къ намъ и даже въ любви мнѣ объяснялись, а потомъ вдругъ перестали ходить, точно пренебрегли мною? Эва говоритъ, что это случилось послѣ того, какъ я сказала вамъ о ея первомъ женихѣ. Она говоритъ, что вы „боролись“... Смѣшно! Скажите пожалуйста... Я вовсе не считаю себя такой ничтожной, я прямо не допускаю мысли, чтобы человѣкъ, меня полюбившій, чуть ли не съ годъ

колебался мнѣ дѣлать предложеніе. Такіе люди просто тряпки и я сама за такого бы не вышла“.

Наврозовъ сердито бросилъ недочитанное письмо, но черезъ минуту уже опять его читалъ:

„А я такъ ждала васъ, такъ надѣялась, что вы спасете меня, я такъ хотѣла прилѣпиться къ вамъ! Иного спасенія я для себя не видѣла. Я все васъ ждала. И вотъ, однажды, въ препротивный гнилой и мокрый день, я встрѣтила васъ на извозчикѣ съ Эвой, вы съ ней такъ хорошо разговаривали, а меня только грязью обдали шины отъ колесъ вашего экипажа. И точно эта грязь попала мнѣ также въ душу... Ахъ, какъ мнѣ тогда стало гадко! Вотъ я и поѣхала опять въ театръ... Опять? Ну, да, опять! Я и раньше ѣздила и тамъ съ этимъ нѣмцемъ познакомилась, только вы ничего не знали...

— Боже, Боже,—прошепталъ Антонъ Михайловичъ, не отрывая глазъ отъ письма.

„Но я ужасалась такой жизни, я хотѣла выкарабкаться. Я кричала вамъ: „Погибаю! Погибаю!“ а вы въ это время взвѣшивали меня и Эву на вѣсахъ справедливости... Ну, и пусть! А потомъ чего мнѣ было жалѣть? Потерять выгодную партію въ видѣ оцѣнщика трепья въ ломбардѣ? Или телеграфиста? Это мнѣ не улыбается...“

— Она меня никогда не любила,—прошепталъ Наврозовъ.

„А что у меня было въ жизни такое, что нужно жалѣть или любить? Пьяница отецъ, его скоро повезутъ въ больницу, такъ какъ у него начинается бѣлая горячка. Ни я ему не нужна, ни онъ мнѣ не нуженъ... Тетушка Вѣра Петровна? Ну, эту никто никогда не любилъ, а я и подавно. Развѣ я видѣла отъ нея когда-нибудь ласку? Да и вообще, кто занимался мною, кто любилъ меня? О, тетушка, ласковая эгоистка! Пусть она вспомнитъ, сказала ли она мнѣ за десять лѣтъ хоть пару добрыхъ словъ? Итакъ, кого мнѣ жалѣть? Только самую себя... Я и жалѣю. Хотя, признаться, терзанія мои уже позади, угрызенія совѣсти тоже и теперь моя свободная жизнь мнѣ нравится больше, чѣмъ жалкое прозябаніе въ ломбардѣ, когда я была еще добродѣтельной дѣвицей и все намѣчала кавалера, который бы, наконецъ, рѣшился посадить меня себѣ на шею“.

Антонъ Михайловичъ на мгновеніе закрылъ глаза, какъ бы опасаясь читать дальше, но онъ пересилилъ себя и продолжалъ:

„Значитъ, я и себя теперь не жалѣю. Только вотъ противно и скучно вести двойную игру, скрывать свое поведеніе... право, противно! Хотѣлось бы полной свободы, открытой возможности прожигать жизнь по собственному вкусу. Но пока живъ отецъ, я обязана все скрывать, а потомъ...

„Ну, вотъ я вся у васъ, какъ на ладони... Нехороша, что дѣлать, но за то такая, какъ есть. Ваше бывшее участіе обязывало меня отплатить вамъ за доброту откровенностью. А что до моихъ словъ, будто вы въ чемъ-нибудь передо мной виноваты — не вѣрьте! И не думайте, что такихъ дѣвицъ, какъ я, въ Питерѣ мало. Ого! Я знаю одну генеральскую дочь, которая живетъ въ своей семьѣ, бываетъ въ хорошемъ обществѣ и тамъ считается самой скромной, самой образцовой дѣвицей, а у нея—кабинетъ на Владимірской. Тамъ она принимаетъ молодыхъ людей, но только съ разборомъ, только самыхъ скромныхъ, самыхъ приличныхъ молодыхъ людей. И безъ крѣпкихъ напитковъ. Она какъ-то говорила мнѣ, что у нея пять сестеръ, и папаша не можетъ ихъ всѣхъ содержать. Вотъ, она сама себя и содержитъ. Ну, прощайте, забудьте бывшую Зою, а о настоящей желаю вамъ и не вспоминать“.

XIII.

Какъ предсказывала Зоя, старика Романа Петровича пришлось отвезти въ больницу, гдѣ онъ къ осени и умеръ. Тетушка Вѣра Петровна, распродавъ имущество, уѣхала въ провинцію и Зоя осталась одна на широкомъ бѣломъ свѣтѣ.

Зоя скоро порвала съ Гершемъ, котораго начинала ненавидѣть за скучный видъ, но въ конторѣ его служить осталась и только перемѣнила вечерніе часы на утренніе, чтобы имѣть возможность по прежнему посѣщать театры. Теперь она не нуждалась въ редакціонномъ билетѣ рецензента: извѣстная капельдинерамъ и даже самому антрепренеру, она безпрепятственно занимала въ залѣ лучшія мѣста.

Прекрасно, хотя и скромно одѣтая, съ искусно причесанными волосами, въ которыхъ сверкалъ черепаховый гребень, отражая въ себѣ сотнями лучей огни электричества, Зоя медленно проходила между рядами и опускалась въ кресло съ величіемъ оперной королевы. Но изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ, она внимательно оглядывала всѣхъ мужчинъ: она мечтала встрѣтить такое лицо, которое бы ей понравилось, она жаждала влюбиться.

Конечно, за ней ухаживала масса кавалеровъ, ей даже нравились многіе, но это было вовсе не то, о чемъ она такъ пылко мечтала.

Наконецъ, Зоя встрѣтила однажды молодого гвардейскаго офицера съ чудесными загадочными глазами, но она скоро въ немъ разочаровалась, плѣненная изысканной свѣтскостью графа фонъ-Кнорре. Графъ оказался очень интереснымъ господиномъ и Зоя надѣялась найти въ немъ, наконецъ, сочувственную душу. Но иногда за ужиномъ въ ресторанѣ, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ

шампанскаго, она вдругъ заливалась слезами и жаловалась на свою жизнь, которая могла бы сложиться иначе.

О, если бы ей влюбиться, если бы испытать это великое чувство, растаять въ немъ, погибнуть за любимаго человѣка и этимъ искупить свое постыдное существованіе.

Глаза Зои сверкали слезами и похмѣльемъ, она роняла въ бокалъ свѣтлыя капли и требовала отъ графа участія... Но графъ фонъ-Кнорре могъ дать ей все, кромѣ этого. Не желая выносить такихъ скучныхъ сценъ отъ женщины, которая призвана развлекать, онъ скоро оставилъ Зою.

Эва продолжала жить съ матерью. Дни ея жизни походили одинъ на другой, разнообразясь только событіями изъ печальной жизни тѣхъ бѣдняковъ, которымъ она посвятила свое существованіе.

Послѣднее время Эва бывала въ лаврѣ почти ежедневно, потому что недавно ей пришлось похоронить маіора Папенкина, который, въ одинъ изъ припадковъ меланхоліи, выбросился изъ коррпдорнаго пролета, не защищеннаго перилами, внизъ, на камни лѣстницы.

Спустя немного времени слегла Саша. Дѣвушка, раньше такая здоровая и веселая, теперь походила на скелетъ. Саша умирала отъ чахотки, и вокругъ этой безславно угасающей жизни совершались чудеса самоотверженія. Ея мать, хозяйка угловъ, при помощи жильцовъ, скрывала ее за печкой отъ полиціи и санитарнаго надзора. Старуха отказывала себѣ во всемъ, распродавала платья, посуду, столы, скамейки, чтобы какимъ-нибудь немудрымъ баловствомъ усладить послѣднія минуты дочери.

Наконецъ, Саша умерла. Она лежала въ гробу, скорѣе похожая на старуху, чѣмъ на молодую двадцатидвухлѣтнюю женщину.

Эва, съ металлическимъ вѣнкомъ въ рукахъ, шла по лѣстницѣ, направляясь къ тому закоулку, гдѣ покоилось тѣло Саши, но на послѣдней площадкѣ она была остановлена небольшой группой лаврскихъ обитателей.

Человѣка четыре стояло спиною къ лѣстницѣ, обративъ свои головы къ одному центру, гдѣ мужчина наносилъ женщинѣ кулакомъ въ спину ударъ за ударомъ. Лицо женщины лежало на вытянутыхъ рукахъ, ея шляпка сбилась на бокъ, изъ кудрявыхъ черныхъ волосъ торчали во всѣ стороны шпильки. Широкій черепаховый гребень валялся около. Несчастная молчала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, и послѣ каждаго удара изъ груди ея, точно эхо, вырывались глухіе отзвуки.

Эва привыкла ко многому во время своихъ странствованій по трущобамъ, но эта сцена поразила ее необычайно. Люди были

не пьяны, и это самое представляло главную опасность для жертвы: лаврскій обыватель въ краткіе періоды трезвости является наиболѣе жестокимъ.

Наученная опытомъ, Эва знала, что нельзя вступиться во время драки, что проявить состраданіе опасно, такъ какъ отъ этого слабой сторонѣ будетъ еще хуже. Поэтому она сдержала свое негодованіе и спокойно сказала:

— Господа, вы бы разошлись, потому что сейчасъ придетъ сюда священникъ.

Необычныя слова оказали свое дѣйствіе.

Группа людей отвела глаза отъ зрѣлища, самъ истязатель оглянулся, опустивъ тяжелый кулакъ на спину женщины, которая одна продолжала оставаться неподвижной.

— Зачѣмъ сюда придетъ попъ, что врешь?—сказалъ онъ обращая къ Эвѣ лицо, которое поразило ее своей необычайной красотою. Это лицо съ тонкими чертами, съ горделиво изогнутымъ ртомъ и прелестными голубыми глазами можно было ожидать увидѣть скорѣе на какой-нибудь гравюрѣ, чѣмъ на лѣстницѣ грязнаго притона.

— Я позвала, вѣдь Саша Антонова умерла,—отвѣчала Эва, глядя на него съ удивленіемъ.

— Сашка Пестрая умерла!—воскликнулъ кто-то.

— А ну тебя...—смущенно пробормоталъ красавецъ и поднявшись, остановился надъ распростертой женщиной.

— Ну, довольно!—сказалъ онъ, трогая ее носкомъ истоптанной лѣтней туфли.

Женщина не шевелилась.

Мужчина хотѣлъ нагнуться, но только махнулъ рукою и сталъ подниматься вверхъ по лѣстницѣ. За нимъ послѣдовала вся группа.

— А когда же деньги отдашь?—сказалъ кто то.

Въ отвѣтъ красавецъ только шагъ ускорилъ.

Женщина продолжала лежать неподвижно на плитахъ. Она не была въ обморокѣ, потому что мрачные глаза ея были открыты и губы упорно сжаты надъ плотно стиснутыми зубами. Очевидно, она лежала подавленная отчаяніемъ, ненавистью, но не болью отъ недавно полученныхъ ударовъ.

— Встаньте милая, — сказала Эва, наклоняясь надъ этимъ мрачнымъ лицомъ, которое ей напомнило другой обликъ, цвѣтущій и дышавшій жизнерадостностью.

Женщина привстала, оглянулась и начала торопливо поправлять сдвинутую на бокъ прическу. Она взглянула на Эву сперва мелькомъ, затѣмъ пристальнѣе и вдругъ сразу вскочила на ноги.

— А, святоша!—сказала она иронически и нагнулась почистить юбку, на которой плиты площадки оставили слѣды грязныхъ узоровъ.

— Зоя!—тихо воскликнула Эва.—Ты здѣсь?

— И ты здѣсь, Эвочка.—насмѣшливо повторила Зоя,—значитъ онъ все-таки на тебѣ не женился? Значитъ это правда, что онъ за границей?

Мужчины, лѣниво расползавшіеся по корридору, заслышавъ голосъ Зои, вернулись обратно и силуэты ихъ вырисовывались наверху на желто-грязномъ фонѣ корридора.

— Идемъ, что ли,—крикнулъ сверху оборванный красавецъ. Зоя даже на него не взглянула.

— Гдѣ ты живешь?— спросила ее Эва.

— Здѣсь,—отвѣтила Зоя вызывающе.

Красавецъ началъ медленно спускаться съ лѣстницы.

— Пойдемъ!—сказалъ онъ Зоѣ, хватая ее за руку. Не глядя на него, она готова была повиноваться.

Тутъ Эва наконецъ очнулась отъ своего оцѣпѣненія.

— Зоя, милая!—воскликнула она, кидаясь къ сестрѣ.

— Что тебѣ?—холодно спросила та.

— Иди къ намъ! Сейчасъ иди со мною!

Глаза Зои загорѣлись.

— Оставь меня, святоша,—крикнула она, внезапно переходя отъ язвительной холодности къ яростному раздраженію. — Чего тебѣ здѣсь надо?

Группа, окружавшая женщинъ, смотрѣла не на Зою, а на Эву и вызывающе улыбалась.

— Зоя, молчи... молчи...—умоляла Эва, безпомощно глядя на сестру.

— А ты чего ко мнѣ пристала? Я тебя развѣ трогала? Чего ты къ намъ мѣшаешься?—продолжала Зоя.—Вѣдь ты къ своимъ знакомымъ такъ не пристаешь? Если бы тебѣ твоя княжна сказала: „отстань!“ ты бы отстала? Ты бы обидѣлась, не такъ ли? А отъ насъ все можно вынести и не обижаться! Стоитъ ли? Развѣ мы, паріи, можемъ обидѣть? Къ намъ всегда надо съ добромъ... Всѣ мы такія презрѣнныя, что съ нами говорятъ инымъ голосомъ, чѣмъ съ другими, смотрятъ иными глазами, надѣваютъ для насъ особое платье. И все-то съ добромъ! А можетъ насъ тошнитъ отъ этого добра, до этого имъ нѣтъ дѣла! Ахъ, убирайтесь, убирайтесь въ преисподнюю со своей любовью!

Зоя перевела духъ; гнѣвъ ея утихнулъ также неожиданно, какъ и разразился.

— Уходи ты совсѣмъ!—кончила она, намѣреваясь слѣдовать за своимъ красавцемъ.

— Я не пущу тебя,—сказала Эва, хватая ее за руку,—что скажетъ мама, если я тебя потеряю.

— Зачѣмъ я твоей матери?—насмѣшливо спросила Зоя; но голосъ ея дрогнулъ.

— Идешь ты?—нетерпѣливо спросилъ оборванецъ.

— Зоя, дорогая, идемъ со мною,—заговорила Эва по-французски,—я отвезу тебя къ намъ и вернусь на похороны Саши... Я поняла все, что ты здѣсь говорила, я понимаю, что тебя могутъ оскорбить наши отношенія, конечно, обидно, когда тебя не считаютъ за человѣка...

— А зачѣмъ ты не отвѣтила мнѣ, когда я спрашивала о Наврозовѣ? Это такая гордость... развѣ это не оскорбительно...

— Я не хотѣла тебя обидѣть... Да, Наврозовъ въ Англіи...

— Теперь ужъ мнѣ не надо...

— Видишь... ты сама очень гордая! Но почему ты требуешь отъ меня уваженія, когда ты его ничѣмъ не заслужила? Ну, вотъ, покажи, что ты его достойна, уйди отсюда! Ты упрекаешь насъ, что мы все даемъ, а ничего отъ васъ не требуемъ... Но вѣдь я теперь отъ тебя требую, чтобы ты пошла со мной! Ради меня, ради моей мамы... Вспомни, что ты дочь ея единственной сестры...

— Долго ли мнѣ ждать?—спрашивалъ оборванецъ, классически красивое лицо котораго становилось все мрачнѣе.

— Ахъ, дай же поговорить,—нетерпѣливо отвѣчала Зоя.

Онъ схватилъ ее за плечи и принудилъ идти впередъ.

— Пустите ее, вѣдь она не хочетъ идти съ вами,—сказала Эва, дѣлая шагъ къ оборванцу.

— А вамъ что здѣсь надо? — закричалъ тотъ.— Э, ну-ка, братцы!

Нѣсколько грязныхъ кулаковъ потянулось въ сторону Эвы, которая продолжала стоять возлѣ сестры, но въ это время на поворотѣ лѣстницы показался священникъ съ причетникомъ, держащимъ въ правой рукѣ крестъ, а подъ мышкой свернутую траурную рясу.

Эва воспользовалась наступившимъ временнымъ замѣшательствомъ толпы. Она передала причетнику вѣнокъ и сказала:

— Я сейчасъ вернусь, вы меня не ждите...

Затѣмъ, схвативъ за руку Зою, она быстро сбѣжала съ ней по лѣстницѣ.

— Эва, отпусти меня,—говорила Зоя, вся дрожа отъ нервнаго потрясенія,—я все равно къ нему вернусь: я его люблю!

Говоря такъ, она въ то же время повиновалась Эвѣ, которая поспѣшно усаживала ее на извозчика.

— Будь мужественна,—говорила Эва, также дрожа отъ возбужденія, — это сначало только трудно, а потомъ ты все забудешь...

— Невозможно, понимаешь? Я люблю его! Я знаю, это позоръ, это смерть, но что же дѣлать? Уже три года, какъ я про-

пала! Я все мечтала очиститься любовью, а вышло иное. Но ты не думай, раньше онъ былъ не такой. Я его увидала первый разъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ: онъ пѣлъ въ „Эльдорадо“. Онъ и теперь красавецъ, а можешь себѣ представить, каковъ онъ, когда хорошо одѣтъ? Въ него была влюблена купчиха, милліонерша, а онъ выбралъ меня! Какъ я была счастлива! О, онъ не такъ ужъ дуренъ... Но потомъ... Потомъ онъ простудился, потерялъ голосъ и тогда все пропало.

Зоя застонала.

— Эва, Эвочка,—шептала она съ отчаяніемъ, — что я вынесла потомъ! Онъ сталъ играть въ карты... плутовалъ... его били... Стой, извозчикъ... Я должна къ нему вернуться.

— Поѣзжай!—строго сказала Эва.

— О, пусти меня, я не могу къ вамъ ѣхать, — тоскливо вздрагивая, говорила Зоя,—его уже теперь бьютъ... Эва, Эвочка, дорогая, пусти меня!.. Я потомъ сама пріѣду... Вотъ увидишь, я буду съ вами жить и все такое! Но теперь я не могу... пусти меня...

Она собиралась на ходу выскочить изъ экипажа; противодѣйствіе Эвы начинало приводить ее въ бѣшенство.

— Пусти! Ты не имѣешь права меня держать... Ну, я стану кричать? Я сдѣлаю скандалъ... Да пусти же!

Эва, собирая всѣ силы, продолжала держать ее за руки.

— Пусти!!. Го-ро-до-вой!.. — вдругъ крикнула Зоя на всю улицу, привычнымъ къ скандаламъ, хриплымъ и протяжнымъ голосомъ.

Эва выпустила ея руки. Извозчикъ, подъѣхавъ къ панели, остановился.

— Иди, что дѣлать, — сказала она, — но можетъ потомъ я могу чѣмъ-нибудь тебѣ помочь?

— Сожги этотъ проклятый городъ, — вотъ все, что ты можешь для меня сдѣлать,—уже улыбаясь, отвѣчала Зоя.

Гнѣвъ ея прошелъ. Она легко соскочила съ извозчика и прибавила:

— Не приду я къ тебѣ никогда... Но я скоро умру! Это я тебѣ обѣщаю!

Кивнувъ головою, Зоя шмыгнула въ одинъ изъ дворовъ на Садовой и исчезла.

И это была послѣдняя встрѣча сестеръ, далеко ушедшихъ другъ отъ друга по разнымъ дорогамъ.

Юлія Безродная.

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Старую книгу читаю я въ долгія ночи
При одинокомъ и тихо дрожащемъ огнѣ:
„Все мимолетно,—и горе, и радость, и счастье...
Вѣченъ лишь Богъ. Онъ въ ночной, неземной тишинѣ“.

Ясное небо я вижу въ окно на разсвѣтѣ.
Солнце восходитъ и горы къ лазури зовутъ:
„Старую книгу оставь на столѣ до заката...
Птицы о радости вѣчнаго Бога поютъ!“

Ив. Бунинъ.

СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ СЕНЪ-СИМОНА.

По поводу книги Ив. Иванова «Сенъ-Симонъ и сенсимонизмъ».

Судьба и доктрина сенсимонизма представляютъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій культурной и соціальной исторіи XIX вѣка. Но изученіе такого сложнаго явленія, разумѣется, можетъ пойти отъ различныхъ точекъ зрѣнія и поставить разныя задачи.

Во-первыхъ, въ сенсимонизмѣ мы имѣемъ соціальное ученіе, одно изъ тѣхъ неясныхъ и широкихъ ученій, которыя были въ XIX в. вызваны глубокимъ измѣненіемъ общественныхъ отношеній и, главнымъ образомъ, ростомъ индустріальнаго развитія.

Но рядомъ, въ томъ же ученіи, еще не размежевавшись съ соціализмомъ, бѣжитъ сильная струя увлеченія капитализмомъ, слышится точно торжественный гимнъ изобрѣтенію и предпріятію. Эти двѣ черты идутъ параллельно за все почти вѣковое существованіе сенсимонистской школы. И вообще въ школѣ есть какое-то постоянство соціальнаго состава. Къ ней имѣютъ особенное тяготѣніе банкиры, инженеры, рабочіе высшихъ рязрядовъ, т.-е. все люди тонкой и сложной техники промышленнаго дѣла. Съ настойчивостью повторяются въ ея средѣ опредѣленные промышленно-техническіе мотивы: достаточно напомнить, что ея родоначальникъ Сенъ Симонъ носился съ идеей Панамскаго канала; Суэцомъ занятъ былъ Анфантенъ; а къ нему примыкаетъ Лессепсъ, прорывшій Суэцкій каналъ и подъ конецъ потерпѣвшій крушеніе на томъ же Панамскомъ.

Во-вторыхъ, сенсимонизмъ важенъ, какъ соціологическое ученіе, какъ философско-историческая теорія. Цѣлый рядъ идей, высказанныхъ сенсимонистской школой, отражается въ разсужденіяхъ и построеніяхъ историковъ XIX вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, этой школѣ принадлежитъ знаменитое дѣленіе историческихъ эпохъ на органическія и критическія. Она все время искала установленія исторической связи между промышленнымъ строемъ общества и его культурнымъ состояніемъ въ каждую данную эпоху. Наконецъ, сенсимонисты формулировали историческій процессъ, какъ борьбу классовъ. Изслѣдователь долженъ вскрыть сложную преемственную связь, въ которой стоитъ историче-

ская доктрина сенсимонизма съ настроеніями послѣреволюціоннаго періода, съ тенденціей научнаго движенія XVIII вѣка и съ соціальными разсужденіями реакціи. А съ другой стороны, онъ долженъ отмѣтить связь, въ которой стоитъ сенсимонистское ученіе, болѣе похожее на художественно-артистическую фантазію, чѣмъ на научную теорію, съ позднѣйшимъ позитивизмомъ; съ его желѣзной догматикой.

Наконецъ, сенсимонизмъ въ высокой мѣрѣ интересенъ въ качествѣ явленія соціально-психическаго. Вѣдь это—секта, настоящая религіозная секта въ интеллигентной средѣ, можно сказать, при яркомъ дневномъ свѣтѣ XIX вѣка. Въ этомъ смыслѣ сенсимонизмъ, конечно, вовсе не одинокое явленіе. Онъ—одинъ изъ моментовъ въ полосѣ какого-то лихорадочнаго исканія религіи; точно манія «возрожденія» вѣры тревожитъ европейское общество съ 90-хъ годовъ XVIII вѣка. Но среди этой возбужденной атмосферы сенсимонизмъ представляетъ, можетъ быть, одну изъ самыхъ настойчивыхъ и горячихъ попытокъ воскресить отлетѣвшій религіозный духъ. Недаромъ въ числѣ его каноническихъ сочиненій есть «Новое христіанство».

Налицо—весь аппаратъ религіознаго возбужденія: у сенсимонистовъ есть пророки, есть видѣнія, есть откровеніе, притомъ писанное и устное, есть верховный религіозный отецъ-толкователь живого закона на землѣ; есть даже легенда объ основателѣ религіи, легенда, которая создаетъ изъ него апокрифическую фигуру полубога и затемняетъ его реальныя черты. И опять любопытная комбинація: эти обрывки католицизма, эти типичные мотивы религіознаго экстаза соединяются съ головокружительнымъ увлеченіемъ новѣйшей индустріей, широкимъ обмѣномъ, развитіемъ кредита и т. д.

I.

Книга г. Иванова занята, главнымъ образомъ, второю изъ этихъ задачъ, т.-е. изученіемъ соціальной и исторической философіи сенсимонизма. Большое введеніе о «положительныхъ» началахъ міровоззрѣнія XVIII вѣка должно приготовить читателя именно къ этой темѣ. Менѣе занимала автора первая задача, о соціальномъ ученіи сенсимонизма и еще менѣе третья, о религіозно-сектантскомъ характерѣ сенсимонизма. Это направленіе интереса опредѣлило выборъ ближайшей цѣли изслѣдованія, постановку вопроса и его разграниченіе. Въ книгѣ отведено преимущественное вниманіе Сенъ Симону, какъ родоначальнику опредѣленной соціальной философіи, и лишь дополнительно затронутъ сенсимонизмъ.

Конечно, сама крупная, оригинальная и во многомъ странная фигура основателя движенія представляетъ для изслѣдователя цѣлый рядъ затрудненій.

Въ чемъ состояли основные взгляды Сенъ Симона въ разные пе-

ріоды его дѣятельности? Что принадлжитъ ему и что его сотрудникамъ? Вѣдь этотъ демократъ-пролетарій и «потомокъ Карла Великаго», писавшій, «какъ дворянинъ», въ увѣренности, что всѣ геніальные люди были дворяне, барски-нетерпѣливый, небрежный, беззаботный относительно своего и чужого, вѣчно обрѣзанный въ своихъ широкихъ проектахъ, работалъ самымъ невѣроятнымъ образомъ: весь почти фактическій матеріалъ у него былъ не изъ книгъ, а изъ бесѣдъ, но едва ли хотя одну бесѣду довелъ онъ до конца: онъ жадно схватывалъ первыя данныя, основныя очертанія мысли, высказанныя собесѣдникомъ; ему казалось, что освѣтились новыя широкія перспективы, и онъ спѣшилъ набросать озарившее его «окончательное» рѣшеніе крупнѣйшаго вопроса. При исполненіи не хватало матеріала, но уже собесѣдника не было налицо, и набросокъ выходилъ отрывочнымъ, мѣстами загадочнымъ. Цитатамъ Сенъ Симона опасно довѣрять; прямымъ источникомъ обыкновенно былъ послѣдній собесѣдникъ; на него, какъ на автора или изобрѣтателя, и ссылался безукоризненно честный въ своихъ сознательныхъ литературныхъ пріемахъ Сенъ Симонъ, но бѣда въ томъ, что собесѣдникъ часто былъ случайный человѣкъ, простой передаточный органъ.

Въ послѣдніе годы Сенъ Симонъ искалъ коллективныхъ формъ работы съ нѣсколькими лицами. Выходили редактированные имъ сборники, какъ бы книжки журналовъ, въ которыхъ трудно отдѣлить, если не фактическое, то умственное авторство каждаго изъ сотрудниковъ.

Къ довершенію затрудненій, надъ личностью и ученіемъ Сенъ Симона сложилась традиція, легенда, которая многое измѣнила, исказила въ свѣдѣніяхъ о Сенъ Симонѣ и даже въ изложеніи его мыслей, что отразилось, напримѣръ, на извѣстныхъ подчисткахъ, сдѣланныхъ учениками, на препараціи, такъ сказать, посмертныхъ изданій его сочиненій. Въ этомъ отношеніи авторъ разбираемой книги указалъ любопытные факты.

Если прибавить, что многія сочиненія Сенъ Симона стали почти недоступны, что нѣкоторые даже остались ненапечатанными (потому что Сенъ Симонъ, за неимѣніемъ средствъ, выпускалъ ихъ въ свѣтъ въ нѣсколькихъ писанныхъ копіяхъ), то понятно, что изслѣдователю надо было употребить не мало усилій, чтобы установить, что такое былъ подлинный Сенъ Симонъ, чтобы отдѣлить дѣятельность Сенъ Симона, его мысль отъ элементовъ, внесенныхъ его сотрудниками, собесѣдниками, чтобы очистить традицію о немъ отъ легенды. Въ этомъ отношеніи г. Ивановъ достигъ цѣли.

Въ книгѣ сдѣлана очень сложная, частью аналитическая, частью возстановительная работа, за которую автору будутъ очень благодарны всѣ, кто потомъ станетъ заниматься сенсимонизмомъ. Эту сторону изслѣдованія можно бы назвать историко-литературной обработкой вопроса. Это было необходимое дѣло установленія источниковъ.

Но въ работѣ поставлены, конечно, и собственно историческія цѣли, т.-е изслѣдуется вопросъ о происхожденіи взглядовъ Сенъ Симона, о связи ихъ съ дѣйствительностью, наконецъ, объ эволюціи его идей. Какъ проведена эта сторона изслѣдованія?

Сенсимонисты, какъ сказано, лишь дополнительно занимали автора. Цѣль этого дополненія состояла, повидимому, въ томъ, чтобы показать логическіе выводы и концы ученія Сенъ Симона, выяснить то, чего онъ самъ не успѣлъ договорить, но что заключалось въ его взглядахъ, какъ въ зернѣ. Все это г. Ивановъ относитъ, однако, только къ соціальной и исторической философіи Сенъ Симона. Онъ ставитъ себѣ задачей показать, что Сенъ Симонъ родоначальникъ позитивной соціально-научной доктрины.

Между тѣмъ, у сенсимонистовъ мы встрѣчаемся съ такими элементами, какъ религіозное увлеченіе, черты теократіи, настроеніе сектантства. Авторъ не хочетъ признавать сколько-нибудь повиннымъ въ этомъ отношеніи Сенъ Симона. Это ведетъ его къ рѣзкому разграниченію истиннаго и ложнаго сенсимонизма. Подъ истиннымъ сенсимонизмомъ онъ разумѣетъ логическое развитіе доктрины Сенъ Симона: оно завершилось въ лекціяхъ, составившихъ извѣстную книгу: «Exposition de la doctrine saint-simonienne». Параллельно съ этимъ правовѣрнымъ сенсимонизмомъ возникаетъ и развивается еретическій, который и складывается въ церковь — вотъ какъ можно кратко формулировать мнѣніе автора о всѣхъ остальныхъ непривлекательныхъ для него чертахъ сенсимонизма.

Но чтобы провести это положеніе, приходится своеобразно истолковывать, смягчать или даже обходить извѣстные моменты въ ученіи и положеніи самого Сенъ Симона, особенно относящіеся къ послѣднимъ его годамъ. Среди вольнодумныхъ формулъ въ духѣ раціоналистовъ XVIII вѣка у Сенъ Симона нерѣдко выступаетъ идея личнаго Бога. Спасая Сенъ Симона, какъ строгаго позитивиста, г. Ивановъ думаетъ, что, когда Сенъ Симонъ говоритъ о Богѣ и Его волѣ, то это только пріемъ популяризаціи, средство экзальтировать публику. Вмѣсто «велѣнія Божія» надо читать у Сенъ Симона «выводы позитивной философіи». А между тѣмъ очень стоитъ обратить вниманіе на постоянную ссылку Сенъ Симона, что въ обществѣ будущаго не должно быть разныхъ толковъ, не должно быть иновѣрцевъ, потому что будетъ одна доказанная истина. Съ этою его вѣрой стоитъ въ связи его сочувствіе къ органическимъ, положительнымъ эпохамъ, т.-е. эпохамъ сложившейся доктрины и религіи и несочувствіе къ критическимъ, подобнымъ XVIII вѣку и революціи.

У Сенъ Симона мы уже встрѣчаемъ всѣ данныя для того «католицизма безъ христіанства», какимъ является потомъ контизмъ. Сенъ Симонъ постоянно говоритъ о суммѣ высшихъ общеобязательныхъ истинъ, которыя будетъ проводить въ жизнь и на основаніи которыхъ

будетъ управлять новое духовенство—ученые; духовенство и ученые постоянно отожествляются. Къ современнымъ умственнымъ руководителямъ всегда прилагается названіе clergé; но и обратно духовенство ранняго христіанства Сенъ Симонъ превращаетъ въ «корпорацію профессоровъ».

Сенъ Симонъ далъ много словъ, много образовъ, далъ цѣлую тенденцію къ религіозному творчеству. Видимо, въ самой средѣ, окружавшей подъ конецъ восторженнаго старика, въ его характерѣ, поведеніи, рѣчахъ было нѣчто такое, что создавало около него не школу учениковъ, а кружокъ вѣрующихъ, маленькую церковь. Не даромъ къ нему примыкаетъ въ эту эпоху жизни настоящій апостолъ въ лицѣ Олендa Родрига.

Съ рѣзкимъ разграниченіемъ истиннаго и ложнаго сенсимонизма, проведеннымъ въ книгѣ г. Иванова, стоитъ въ тѣсной связи другая особенность этого изслѣдованія, можно сказать, его главная характерная черта. Вся дѣятельность Сенъ Симона представлена въ систематизированномъ видѣ. Его взгляды вдвинуты въ рамки нѣкоторой доктрины. Отрѣзывая его отъ ложныхъ послѣдователей, г. Ивановъ смыкаетъ всѣ различные моменты мысли, которые Сенъ Симонъ прошелъ въ разное время, въ одну логическую цѣпь. Получается приблизительно такое представленіе.

Основное ученіе Сенъ Симона сложилось очень рано. Просвѣщеніе XVIII вѣка, Америка, впечатлѣнія революціи—вотъ элементы, которые формировали Сенъ-Симона въ молодые годы. Къ концу революціоннаго періода, къ концу 90-хъ гг. XVIII вѣка его идеи опредѣлились. Эволюціонное ученіе—это главное содержаніе его доктрины—возникаетъ у него въ моментъ, поддающійся хронологическому опредѣленію, около 1797 года (459 стр.). Г. Ивановъ строитъ свое разсужденіе въ драматической формѣ, при чемъ Сенъ Симонъ выростаетъ до размѣровъ исполинской фигуры, готовящейся повернуть весь свѣтъ. Такъ какъ въ революціи былъ поставленъ соціальный вопросъ, и республиканскія правительства не рѣшили его, не организовали общества, а военная монархія только отодвинула тему, то Сенъ Симонъ приступилъ къ «нерѣшенной правительствомъ задачѣ»: она состояла въ томъ, чтобы закончить революцію; для этого надо было создать непоколебимую доктрину (444 стр.), и Сенъ Симонъ сталъ проводить ее съ величайшею послѣдовательностью (457 стр.). Основные пункты програмы были установлены въ его головѣ и никакихъ «внѣшнихъ толчковъ», т.-е. воздѣйствія литературы или событій, уже не требовалось (526 стр.). Г. Ивановъ осуждаетъ одного изъ изслѣдователей, Вейля, за исканіе такихъ воздѣйствій, за попытку установить періоды въ дѣятельности и въ развитіи мысли Сенъ Симона. Важная идея Сенъ Симона объ организаціи общества—согласно указанію духовной власти—столь оригинальна, что стоитъ «внѣ заимствованій и уроковъ» (548 стр.).

Всѣ важнѣйшіе элементы, которые мы встрѣчаемъ на протяженіи литературной дѣятельности Сенъ Симона, съ самаго начала уже заключены въ системѣ, съ самаго начала въ ней есть «принципіальная полнота и единое всеобъемлющее зерно» (529 стр.).

Поэтому самое изложеніе взглядовъ Сенъ Симона въ книгѣ г. Иванова какъ бы принимаетъ видъ послѣдовательнаго анализа и пересмотра главъ системы, развертывающихся передъ читателемъ лишь въ порядкѣ времени.

Примѣромъ можетъ служить разсужденіе автора о возникновеніи особыхъ взглядовъ Сенъ Симона на индустрію, какъ важнѣйшій соціальный факторъ. Г. Ивановъ признаетъ, что у Сенъ Симона въ въ раннихъ сочиненіяхъ отсутствуетъ этотъ взглядъ на индустрію, тѣмъ болѣе, что Сенъ Симонъ занятъ космологическими вопросами; онъ начинаетъ усиленно говорить объ индустріи лишь въ эпоху реставраціи, особенно въ коллективныхъ работахъ, составлявшихся съ нѣсколькими сотрудниками. Не было ли причиною этого обращенія къ индустріальному вопросу воздѣйствіе экономической литературы начала вѣка? спрашиваетъ г. Ивановъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, Сенъ Симонъ всегда думалъ объ индустріи одинаково, онъ всегда придавалъ ей огромное значеніе въ общественномъ строѣ. Но онъ молчалъ объ этомъ явленіи въ первую половину своей литературной дѣятельности потому, что въ развитіи своихъ идей онъ не успѣлъ дойти до экспозиціи этого пункта. Лучше всего привести собственныя слова г. Иванова, такъ какъ соотвѣтствующее мѣсто и звучитъ очень характерно.

«Политическая экономія развивалась параллельно съ философіей Сенъ Симона. Въ то время, когда она сосредоточивалась на анализѣ матеріальной стороны общественнаго строя, Сенъ Симонъ старался вывести изъ одного научно-философскаго принципа *) всю соціальную статику. Этотъ принципъ, по его представленію, непремѣнно самъ по себѣ долженъ былъ рѣшить экономическій вопросъ въ силу своей всеобъемлемости,—и поэтому «индустріализмъ» не занимаетъ виднаго мѣста въ разсужденіяхъ Сенъ Симона,—но онъ все время подразумѣвается, какъ одинъ изъ элементовъ искомой формулы. Когда философъ убѣждается въ недостижимости космо-антропологическаго синтеза и сосредоточивается на человѣкѣ исключительно, бывшій подразумѣваемый элементъ выступаетъ на первый планъ, какъ одна изъ сторонъ естественной эволюціи человѣчества. И мысль философа неизбѣжно встрѣтилась съ политико-экономическимъ теченіемъ» (536—7 стр.).

Выраженія эти очень опредѣленны: они означаютъ, что ученіе Сенъ Симона съ первыхъ шаговъ и до конца представляетъ одно развивающееся цѣлое; развитіе это образуетъ одну логическую линію; оно сводится къ постепенной экспозиціи выясняющагося болѣе и болѣе сюжета.

---

*) Т.-е. идеи всемірнаго тяготѣнія.

Вотъ этотъ систематическій пріемъ изученія отражается своеобразно на изображеніи въ книгѣ г. Иванова исторической обстановки, среди которой стоитъ ученіе Сенъ Симона. Очень много говорится въ книгѣ о соціальныхъ и религіозныхъ явленіяхъ во Франціи въ эпоху революціи, есть разсужденія о непослѣдовательности составителей декларації правъ, есть декламаціи о террорѣ, который авторъ, кстати сказать, называетъ «системой», о культѣ разума и верховнаго существа и т. п. Трудно сказать, какой цѣли служитъ эта длинная для книги о Сенъ Симонѣ и все-таки очень бѣглая сама по себѣ философія революціи. Вѣдь намъ почти неизвѣстно, что̀ думалъ и дѣлалъ Сенъ Симонъ въ это время, какъ относился къ этимъ событіямъ. Г. Ивановъ и принужденъ выражаться предположительно: Сенъ Симонъ долженъ былъ то и то думать, долженъ былъ сдѣлать тотъ или другой выводъ.

Напротивъ, въ книгѣ очень мало рѣчи объ исторической обстановкѣ послѣднихъ 25 лѣтъ жизни Сенъ Симона, о времени имперіи и реставраціи, т.-е. періода его усиленной работы. А намъ какъ разъ очень важно выдѣлить тѣ обстоятельства, на которыя отзывался чуткій Сенъ Симонъ въ своей литературной дѣятельности, или которыя давали толчокъ его работамъ. Намъ важно видѣть публициста Сенъ Симона среди публицистики, среди партій и направленій. Только тогда можно себѣ отдать отчетъ въ степени оригинальности его ученій, въ ихъ положеніи среди другихъ, наконецъ, въ томъ, кому должно быть отдано авторство или иниціаторство въ разныхъ частяхъ его коллективныхъ работъ.

Самый порядокъ изложенія книги характеренъ въ этомъ отношеніи. Авторъ сначала (въ I главѣ) размежевываетъ Сенъ Симона и его сотрудниковъ, собесѣдниковъ, вдохновителей и учениковъ, а потомъ (во II главѣ) даетъ эволюцію его идей. Благодаря этому, онъ вынужденъ рѣшать вопросы объ авторствѣ и иниціаторствѣ Сенъ Симона или другого лица, такъ или иначе связаннаго съ нимъ, на основаніи нѣкоторыхъ заранѣе принятыхъ, готовыхъ, сплошныхъ сужденій о каждомъ.

Невыгоды такого пріема обнаруживаются, напримѣръ, на анализѣ отношеній между Сенъ Симономъ и Огюстэномъ Тьерри. Г. Ивановъ исходитъ отъ мысли о полномъ ихъ несходствѣ, какъ двухъ различныхъ темпераментовъ, двухъ психологій: Тьерри — публицистъ, Сенъ Симонъ—научный умъ. Ихъ раздѣляетъ также полное несогласіе воззрѣній. Одинъ—бурный политикъ, это—Тьерри, спокойнымъ историкомъ по складу ума выходитъ Сенъ Симонъ. Сама характеристика эта очень условна и, что̀ касается въ частности Сенъ Симона, противорѣчитъ всему, что мы о немъ знаемъ. Но какъ получилась эта антитеза? Совершенно искусственно, именно путемъ систематизаціи. Мы имѣемъ, напримѣръ, фактъ увлеченія парламентаризмомъ и преклоненія передъ Англіей, въ книжкахъ, издававшихся Сенъ Симономъ за время

его сотрудничества съ Тьерри. Г. Ивановъ рѣшаетъ, что эти черты должны быть отнесены насчетъ Тьерри, потому что онѣ несвойственны Сенъ Симону: онѣ не являются «логическимъ звеномъ въ воззрѣніяхъ Сенъ Симона» (220 стр.). Мы бы ожидали внимательнаго изученія особенныхъ условій момента (1814—1817 гг.), которыя создавали во французскомъ обществѣ увлеченіе Англіей и ея формами и выяснили бы намъ поворотъ воззрѣній и симпатій Сенъ Симона, а между тѣмъ вопросъ уже рѣшенъ однимъ ударомъ: парламентаризмъ не идетъ къ системѣ Сенъ Симона.

Далѣе, сравнивая и размежевывая Сенъ Симона и Тьерри, г. Ивановъ опредѣляетъ Сенъ Симона, какъ послѣдовательнаго сторонника демократизма, а Тьерри (229 стр.), въ качествѣ типичнаго либерала реставраціи, признаетъ столь же послѣдовательнымъ сторонникомъ классоваго господства, основаннаго на цензѣ, на принципѣ владѣнія. Но какимъ образомъ получился этотъ выводъ? Взгляды молодого Тьерри опредѣлены отчасти условно, по формуламъ «либерализма вообще», а образцомъ для этой характеристики выбранъ Бенжаменъ Констанъ, т.-е. другой оттѣнокъ сравнительно съ Тьерри; не слѣдуетъ забывать, что Тьерри около 1820 г. былъ близокъ къ крайнимъ карбонарскимъ кружкамъ. Отчасти г. Ивановъ просто смѣшиваетъ эпохи. Чтобы доказать, что Тьерри уже въ пору сотрудничества съ Сенъ Симономъ относился отрицательно къ народнымъ слоямъ, онъ ссылается на взгляды и чувства, выраженныя Тьерри по поводу революціи 1848 года. Но, вѣдь, это было 35 лѣтъ спустя послѣ сотрудничества съ Сенъ Симономъ. Это было въ то время, когда Тьерри давно ослѣпъ, ушелъ отъ всякой политики, склонился даже къ клерикализму. Развѣ эти взгляды больного, разбитаго параличемъ старика говорятъ намъ что-нибудь о настроеніяхъ и идеяхъ Тьерри въ возрастѣ 21—22 года, въ пору его студенчества? А мы знаемъ хорошо его демократическія симпатіи изъ его историческихъ статей 1817—1820 гг. и тутъ достаточно напомнить трогательную картину страданій Жака Бонома, олицетвореніе народа, картину, набросанную молодымъ Тьерри въ 1820 г.

Систематизація, какъ мы видѣли, увлекаетъ г. Иванова на драматическія сопоставленія. Идея, направленіе, эпоха то и дѣло превращаются въ символы, въ маски и персонажи. Напримѣръ: «Революція безпомощно билась въ противорѣчіяхъ, созданныхъ идеями и дѣйствительностью, съ одной стороны, провозглашала свободу и права, съ другой—прибѣгала къ военной силѣ и узаконяла самыя суровыя ограниченія» (427 стр.). Или: «Революція—безпрестанно совѣщавшаяся съ учеными учрежденіями по поводу защиты отечества» и т. п. (479 стр.). Это не только способъ мысли, но и языкъ, отъ котораго мы нѣсколько отвыкли.

II.

Невыгоды систематическаго пріема изученія особенно ясно обнаружились на истолкованіи индустріальной системы Сенъ Симона. Г. Ивановъ стоитъ передъ фактомъ увлеченія Сенъ Симона индустріальнымъ прогрессомъ. Отстраняя какое-либо воздѣйствіе на Сенъ Симона экономической литературы, Смита, Сэя, Сисмонди и вообще кого бы то ни было, онъ думаетъ, что идеи Сенъ Симона объ индустріи сформировались исключительно подъ впечатлѣніемъ фактовъ дѣйствительности. Это было бы очень хорошо сказано. Но какой дѣйствительности? Вотъ тутъ мы и встрѣчаемся со взглядомъ, что основныя мысли Сенъ Симона сложились рано, что позднѣйшая обстановка въ этомъ отношеніи безразлична.

Увлеченіе индустріей, говоритъ г. Ивановъ, результатъ раннихъ американскихъ впечатлѣній Сенъ Симона. Но, вѣдь, Сенъ Симонъ былъ въ Америкѣ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка. Какія же черты индустріальнаго развитія могла дать ему тогдашняя Америка? Вѣдь мы знаемъ, что до войны и во время войны за независимость колоніи находились подъ давленіемъ драконовскаго запретительнаго законодательства Англіи. Рядъ законовъ, особенно 1774 и 1781 гг., строго воспрещалъ вывозить изъ метрополіи какія-либо машины или части ихъ, какіе-либо инструменты и приспособленія, употребляющіеся въ шерстяной, полотняной, бумажной и шелковой мануфактурахъ. Этимъ способомъ былъ закрытъ доступъ въ Америку тѣхъ усовершенствованныхъ средствъ индустріи, которыми такъ выдвинулась Англія послѣдней трети XVIII вѣка. Американцы должны были самостоятельно добираться до этихъ усовершенствованій. Послѣ войны замѣтно стремленіе отдѣльныхъ штатовъ создать законодательнымъ путемъ покровительство машинному дѣлу въ мануфактурѣ и вообще вызвать болѣе усиленное индустріальное производство. И вотъ теперь лишь появляются первыя значительныя конструкціи, возникаютъ первыя фабрики. Первый болѣе или менѣе крупный заводъ съ машинами выстроенъ былъ въ 1790 г. Сэмуэлемъ Слэтеромъ въ Родъ-Эйлендѣ съ примѣненіемъ англійскихъ образцовъ.

Спрашивается, какія же индустріальныя впечатлѣнія могъ вынести изъ Америки Сенъ Симонъ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка? Здѣсь въ изслѣдованіи г. Иванова, очевидно, какое-то недоразумѣніе. Да и самъ Сенъ Симонъ могъ бы остановить нашего автора. Хорошо было бы вспомнить одно изъ его позднѣйшихъ сужденій о Соединенныхъ Штатахъ. Сенъ Симонъ находилъ, что въ соціальномъ развитіи эта страна далеко отстала отъ Европы. Прогрессъ Америки медленнѣе, потому что лишенъ стимуловъ. Европа раньше, чѣмъ Америка, усвоитъ индустріальную систему (ср. «Катехизисъ индустріаловъ»).

Г. Ивановъ вспомнилъ про Америку, но забылъ о Франціи той

эпохи, когда Сенъ-Симонъ издавалъ сборникъ «Industrie», писалъ «Catéchisme des industriels» и пр. Надо же принять во вниманіе сильное развитіе индустріи во Франціи въ первыя 2 десятилѣтія XIX в. и притомъ особыя условія этого развитія.

Французская индустрія переживала въ началѣ XIX в. боевой періодъ. Главная война революціонной, а потомъ и наполеоновской Франціи—конечно, война съ Англіей, а эта война, прежде всего, коренилась въ промышленномъ и торговомъ соперничествѣ. Англійское господство на моряхъ, англійскій экспортъ, англійская машинная индустрія съ ея быстрымъ темпомъ дѣятельности—все это безпокоитъ французское правительство и передовые индустріальные круги, заставляетъ придумывать аггресивныя мѣры; и въ то же время Англія служитъ имъ постояннымъ образцомъ; во Франціи постоянно указываютъ на ея учрежденія, поскольку они благопріятствовали индустріи, на предпріимчивость, изобрѣтательность ея промышленниковъ.

При этомъ французская индустрія, въ полной противоположности къ англійской, выростала за высокими стѣнами протекціонизма. Во время имперіи французская индустрія пользовалась покровительствомъ капиталистической системы и косвенно извлекала выгоду изъ самой войны. Съ окончаніемъ большой европейской войны въ 1814 г. загородки рушились и французская крупная индустрія бросилась спасать свое производство посредствомъ высокихъ запретительныхъ тарифовъ. У правительства реставраціи, даже у самого графа д'Артуа была сначала болѣе либеральная тенденція, имѣлось въ виду сбавить пошлины, напримѣръ, на колоніальные товары, на иностранное желѣзо. Но крупные промышленники подняли походъ противъ сбавокъ. Правительство уступило. Мало того: одна группа промышленниковъ за другой приступала къ палатамъ съ петиціями, требуя возвышенія пошлинъ. Палаты были также уступчивы, вѣдь, при цензитарномъ режимѣ, онѣ являлись представительствомъ земельной и денежной, т.-е. индустріальной аристократіи.

Индустріальныя группы входили вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ либеральной партіи. Но либералы опирались также на среднюю буржуазію. Вслѣдствіе этого, между ними были сторонники свободной торговли. Съ этой точки зрѣнія вопросъ объ отношеніяхъ къ Англіи, главному сопернику и покупателю, былъ очень важенъ. Острый его характеръ обнаруживался въ дебатахъ, въ журналистикѣ, въ литературѣ.

Все это имѣетъ крайне существенное значеніе для пониманія Сенъ Симона, такъ какъ это—обстановка, среди которой онъ вырабатывалъ свою индустріальную систему и, еще болѣе, это—тѣ побудители, которые дѣйствовали на него и могли подсказать ему то или другое рѣшеніе. Г. Ивановъ, несомнѣнно, сдѣлалъ ошибку, не разсмотрѣвъ соціально-экономическихъ статей и сборниковъ, издававшихся Сенъ Симономъ въ ихъ политической, конкретной связи съ борьбой партій того

времени. Такимъ образомъ въ его изслѣдованіи не хватаетъ важнѣйшаго комментарія къ сочиненіямъ этого позднѣйшаго періода дѣятельности Сенъ Симона.

Возьмемъ его «Катехизисъ промышленниковъ». Онъ полонъ самыхъ конкретныхъ указаній, онъ рисуетъ намъ Сенъ Симона вовсе не идеологическимъ философомъ, а практическимъ политикомъ. Сенъ Симонъ политикъ, напримѣръ, опредѣленно высказывается противъ двухъ крайнихъ партій въ палатѣ за обѣ среднія, консервативныя партіи, за лѣвый и правый центры, потому что, въ его глазахъ, это—партіи порядка, а индустрія требуетъ мирнаго развитія. Сенъ Симонъ ставитъ здѣсь также очень волновавшій въ то время партіи и весьма конкретный политическій вопросъ о правѣ утвержденія бюджета. Что касается права вотума налоговъ, то оно было гарантировано за палатой въ самой конституціи, но конституція молчала относительно права палаты распредѣлять расходы, и на этой почвѣ шелъ споръ. Сторонники сильной монархіи настаивали на томъ, что палата не должна входить въ эту сферу. Сенъ Симонъ очень опредѣленно высказался за право короля устанавливать бюджетъ расходовъ; онъ хотѣлъ лишь присоединить къ министрамъ коммиссію индустріаловъ.

Но Сенъ Симонъ не сразу выбралъ опредѣленную политическую точку зрѣнія въ этихъ спорахъ; онъ колебался и въ пониманіи интересовъ индустріальнаго класса и даже въ самомъ опредѣленіи, въ отграниченіи группы индустріаловъ. И въ этомъ колебаніи выступаютъ конкретныя впечатлѣнія. Одно время Сенъ Симонъ горячо защищаетъ тѣсный союзъ съ Англіей и склоненъ поддерживать начало свободнаго обмѣна. Это время его сближенія съ либеральной партіей. Сенъ Симонъ объяснялъ по этому поводу, что стоитъ за англійскій парламентскій строй потому, что этотъ строй наиболѣе благопріятствуетъ торговлѣ, мореплаванію и индустріи. Но потомъ въ вопросѣ о поддержкѣ индустріальнаго развитія онъ, повидимому, склонился къ болѣе замкнутой націоналистической точкѣ зрѣнія. Стоитъ вниманія, что послѣ разрыва съ либералами онъ ихъ называетъ партіей «антинаціональной». Вмѣстѣ съ тѣмъ складывается его идея соціальной организаціи, онъ начинаетъ воображать во главѣ общества вождей индустріи, онъ опредѣляетъ новый типъ монархіи, монархію индустріальную.

Опять мы имѣемъ цѣлый рядъ конкретныхъ чертъ въ этой позднѣйшей эволюціи взглядовъ Сенъ Симона. Онъ начинаетъ вѣрить по преимуществу въ прогрессивную силу крупнаго предпріятія. Онъ хочетъ доставить крупной индустріи, обрабатывающей промышленности и торговлѣ, прежде всего, кредитъ. Отсюда его призывъ къ сближенію банкировъ съ промышленниками. Онъ проповѣдуетъ индустріаламъ союзъ съ партіями мира, съ монархіей, потому что боится, что ихъ интересы могутъ быть нарушены новой революціей.

Г. Ивановъ прибѣгаетъ къ очень отдаленному объясненію этой

мысли о союзѣ съ монархіей. Онъ говоритъ, что въ сочувствіи Сенъ Симона къ монархіи сказалось наслѣдіе идеологіи XVIII вѣка, ссылается на благожелательные къ монархіи депутатскіе наказы 1789 г. Зачѣмъ же было однако такъ далеко ходить? Объясненіе несравненно ближе, проще и конкретнѣе.

Но этого мало. Разъ Сенъ Симонъ обращался вообще къ защитѣ крупной индустріи, онъ входилъ поневолѣ въ защиту разныхъ болѣе детальныхъ ея требованій и интересовъ, онъ подчинялся если не ея программѣ, то ея аспираціямъ. Не надо забывать, что къ 1820 г. когда сложилась индустріальная система Сенъ Симона, протекціонизмъ достигъ апогея. Вотъ къ этой-то индустріи, зародившейся высокой тарифной стѣной отъ конкурренціи, и обращается Сенъ Симонъ.

Интересъ Сенъ Симона къ крупнымъ промышленникамъ особенно ясно сказывается въ вопросѣ о рабочихъ. Мирное развитіе индустріи требовало въ глазахъ Сенъ Симона гармоніи интересовъ рабочихъ и предпринимателей. Съ этой точки зрѣнія очень любопытны его выраженія о рабочихъ въ «Катехизисѣ индустріаловъ». Онъ боится неразумія, невѣжества рабочихъ, боится ихъ насилій, ихъ отрицательнаго отношенія къ новымъ орудіямъ производства, къ машинамъ. Съ опаской указываетъ онъ на Англію, гдѣ рабочіе разбивали машины, гдѣ радикалы, по его мнѣнію, во зло пользовались ихъ невѣжествомъ и поднимали ихъ на мятежи. Этого не должно быть во Франціи и не будетъ, потому что она болѣе рѣшительно вступитъ на путь индустріальнаго режима, чѣмъ Англія. Но опасеніе все-таки есть, и Сенъ Симонъ спѣшитъ прибавить, что крупные промышленники—естественные начальники невѣжественнаго класса. Отсюда ясно видно, съ какой стороны, какими глазами онъ смотритъ на рабочихъ.

Въ связи съ этимъ стоитъ одна очень характерная черта въ индустріальной системѣ Сенъ Симона, которую г. Ивановъ не выдвинулъ въ достаточной мѣрѣ. При болѣе широкомъ опредѣленіи группы индустріаловъ Сенъ Симонъ разумѣетъ въ ней соединеніе представителей труда и капитала: онъ не хочетъ видѣть между ними антагонизма интересовъ. Но этого мало: Сенъ Симонъ думаетъ, что гармонія внутри группы держится на іерархіи, на опекѣ предпринимателей надъ рабочими, на патронатѣ съ одной и кліентствѣ съ другой стороны.

Взгляды эти, важные для характеристики соціальной системы Сенъ Симона сближаютъ его съ цѣлымъ направленіямъ соціалъ-политиковъ, къ которому относятся, напримѣръ, въ Англіи, такъ называемые торисоціалисты или, нѣсколько позднѣе, Карлейль. Направленіе это можно назвать романтическимъ соціализмомъ. Представители его рѣзко нападаютъ на экономическій индивидуализмъ, на принципъ свободной игры силъ въ обществѣ; они осуждаютъ разнузданность конкуренціи, отъ которой терпятъ соціально слабые элементы. Они указываютъ, что въ обществѣ между отдѣльными членами его осталась лишь одна

связь, это зависимость денежная, это «рабство кассы». Что же должно быть? Гдѣ искать болѣе здоровыхъ основъ? Романтики соціалисты показываютъ назадъ: образцомъ современному обществу должно служить общество феодальное, гдѣ зависимость и служба слабыхъ вознаграждалась внимательной опекой со стороны сильнаго, гдѣ не было вслѣдствіе этого бѣдности, не было пролетарія. Новѣйшій предприниматель долженъ копировать феодальнаго сеньора: его рабочіе отряды поручены его попеченію, это его семья. Проповѣдь эта можетъ быть отчетливо опредѣлена, желанная форма въ организаціи индустріи—патріархализмъ. Вотъ эту наклонность къ индустріальному патріархализму или индустріальному феодализму г. Ивановъ не отмѣтилъ у Сенъ Симона.

Подобное умолчаніе тѣмъ болѣе удивительно, что нашъ авторъ самъ приводитъ важный документъ, въ которомъ особенно ясно выражена эта мысль Сенъ Симона. На страницѣ 627 помѣщенъ отсутствующій въ изданіяхъ сочиненій Сенъ Симона «Символъ вѣры основателей позитивной политики». Мы здѣсь читаемъ: «Я вѣрю, что владѣтели индустріальныхъ предпріятій по преимуществу передъ всѣми другими собственниками должны пользоваться правомъ вотировать налоги. Я вѣрю, что богатые промышленники, распоряжающіеся рабочими въ ихъ ежедневной работѣ, благодаря этому, являются главами народа (chefs du peuple), въ составъ котораго они по необходимости входятъ; изъ этого слѣдуетъ, что они—прямые и естественные начальники трудового народа. Я вѣрю, что предоставленіе владѣтелямъ промышленныхъ предпріятій преимущественнаго права вотировать налоги создастъ въ обществѣ наибольшее приближеніе къ равенству, на какое только общество способно».

Очень характерная рѣчь, но г. Ивановъ проходитъ мимо ея особенностей. Между тѣмъ это не деталь, а повторяющаяся важная черта у Сенъ Симона. Съ приведенными параграфами «Символа» надо сопоставить рѣчь, которую Сенъ Симонъ влагаетъ въ уста рабочимъ. Они должны сказать предпринимателямъ: «Вы богаты, а мы бѣдны; вы работаете головой, а мы руками; изъ этого основного различія слѣдуетъ, что мы должны вамъ подчиняться». Итакъ, новая, раціональная общественная іерархія—вотъ строй, который намѣчалъ Сенъ Симонъ для наступающаго періода «окончательной» организаціи человѣчества.

III.

Черта, которую можно бы назвать индустріальнымъ феодализмомъ или патріархализмомъ въ позднѣйшемъ ученіи Сенъ Симона, ведетъ насъ еще къ другимъ сближеніямъ. Сенсимонистская проповѣдь заботы о низшихъ рабочихъ классахъ такъ же, какъ вообще раннія соціалистическія теоріи, выступаетъ въ оппозиціи либерализму и въ значительной мѣрѣ примыкаетъ къ формамъ, разрисованнымъ реакціонной

школой. Новое вино подается въ старыхъ мѣхахъ. Это не значитъ, что во всѣхъ этихъ теоріяхъ надо слышать призывъ вернуться назадъ, къ содержанію старины, къ культурнымъ принципамъ среднихъ вѣковъ или еще болѣе ранней эпохи. Но есть симпатіи къ различнымъ идеализированнымъ формамъ старины; онѣ берутся за образецъ; соціальный реформаторъ или соціальный дѣлитель вспоминаетъ то сельскую общину, то цехи и корпораціи, то взаимную связь сеньора и вассала, то, наконецъ, онъ думаетъ о диктатурѣ души и успокаивающемъ общество авторитетѣ всемогущей духовной власти.

Никто изъ этихъ реформаторовъ и теоретиковъ не говоритъ о возстановленіи старыхъ формъ самихъ по себѣ, такъ всѣмъ видно, что цѣли у современнаго общества совершенно иныя. Но люди романтико-соціалистическаго склада завидуютъ тому соотвѣтствію между содержаніемъ и формой общественнаго строя, который имъ чудится въ среднихъ вѣкахъ или въ древности; они завидуютъ цѣлесообразности общественнаго уклада старины, твердой дисциплинѣ общества, завидуютъ сильному благожелательному руководительству, которое стояло надъ этимъ обществомъ. Отсюда они и приходятъ къ историческимъ идилліямъ, къ представленію объ идеальной первоначальной сельской общинѣ, къ представленію о коллективизмѣ въ старинномъ хозяйствѣ, напримѣръ, въ цеховомъ или общегородскомъ и т. п.

Въ основѣ своей это мысли старыя. Ими полна литература миссіонеровъ и путешественниковъ XVIII вѣка, всего ярче онѣ развиты у Руссо. Въ какомъ видѣ и какимъ образомъ переходятъ онѣ къ Сенъ Симону? Вотъ здѣсь и служитъ промежуточной средой реакціонная школа. Соціально-историческое ученіе Сенъ Симона развивалось параллельно съ разсужденіями и философіей реакціонной школы; то и другое во многомъ принадлежитъ къ одной полосѣ настроенія, но надо замѣтить, что реакціонеры высказались въ литературѣ гораздо раньше.

Г. Ивановъ вездѣ отстраняетъ близость мысли Сенъ Симона къ реакціонерамъ (напр., ср. стр. 542 и 650), а между тѣмъ существуетъ цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія. При изученіи этого сходства нужно, конечно, помнить разницу школъ въ отношеніи терминологіи и не поддаваться тѣмъ чисто словеснымъ различеніямъ, которыя дѣлали ихъ представители.

Реакціонеры протестуютъ противъ политической ломки и стройки. Они исполнены глубокой непріязни къ писаннымъ конституціямъ. Извѣстная формула, которую повторяетъ Сенъ Симонъ, что конституція не пишется, а существуетъ и подмѣчается, принадлежитъ, вѣдь, де-Местру и относится еще къ 90-мъ гг. XVIII вѣка. По аналогіи съ метафизикой реакціонеры придумываютъ ироническій терминъ «метаполитика», чтобы обозначить отвлеченные, по ихъ мнѣнію, фокусы и изобрѣтенія въ области политическихъ формъ.

Они указываютъ въ то же время на фактъ, который лежитъ глубже,

чѣмъ политическая игра красокъ на поверхности общественной жизни, на фактъ несдвигаемый, по ихъ мнѣнію. Таково именно общественное устройство, распредѣленіе силъ и интересовъ въ обществѣ. Для реакціонеровъ эти факты отмѣчены знакомъ Божіимъ, они «естественные», данные непогрѣшимой природой или Провидѣніемъ. Выраженія странныя и обидныя, если дѣло шло, напримѣръ, о крѣпостныхъ отношеніяхъ или о привиллегіяхъ классовъ. Но соціологическое разсужденіе дѣлало въ лицѣ реакціонеровъ шагъ впередъ. Реакціонеры указывали на фактъ, если не неподвижный, то во всякомъ случаѣ трудно сдвигаемый, медленно развивающійся. Строй общества, распредѣленіе собственности, отношенія общественныхъ классовъ, интересы большихъ общественныхъ группъ—все это дѣйствительно складывается медленно и стоитъ долго, все это не легко поддается воздѣйствію политики, но за то, обратно, эти элементы опредѣляютъ образованіе политическихъ партій, заставляютъ приспособляться къ себѣ политическія формы. Реакціонеры это въ сущности и говорили на разные лады, и въ этомъ смыслѣ соціальная наука, наука о строѣ общества, начинается въ ихъ сочиненіяхъ, хотя они затемнены ожесточеніемъ и полны слѣпой фантазіи.

Сенъ Симонъ къ нимъ и примыкаетъ, когда гремитъ противъ революціонной метафизики, противъ схоластиковъ и законниковъ, выдумывающихъ конституціи; онъ примыкаетъ къ нимъ также въ своей формулѣ, что основное явленіе всякой эпохи—это свойственный, присущій ей общественный строй.

Реакціонеры дали вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразную историческую картину на основаніи принципа, что типъ эпохи опредѣляется ея общественнымъ строемъ. Въ книгѣ, напримѣръ, Монлозье: «О французской монархіи» (1814 г.), разрисована противоположность военнаго общества первой половины среднихъ вѣковъ, создавшаго свободныя учрежденія, и общества меркантильнаго, которое сбрасываетъ въ революціи коммунъ правленіе господъ и вводитъ въ политическій строй начала разсчета и бюрократіи. Эти историческіе разрѣзы и характеристики, только съ перестановкой въ оцѣнкѣ эпохъ, переходятъ къ либеральной школѣ и къ Сенъ Симону.

Вотъ эта связь представленій въ книгѣ г. Иванова совсѣмъ не отмѣчена. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ, напротивъ, находишь въ ней изслѣдованіе вопроса о томъ, откуда Сенъ Симонъ могъ взять представленіе о движеніи коммунъ, какъ огромномъ общественномъ переворотѣ. Г. Ивановъ останавливается на двухъ возможныхъ источникахъ—или Тьерри, или хартія 1814 года; но склоняется къ тому, что Сенъ Симонъ самостоятельно пришелъ къ оцѣнкѣ факта. Однако, спрашивается, развѣ историческая оцѣнка коммунальнаго движенія—такая новость? Начинать новую исторію Европы съ арабской культуры, съ коммунъ и ересей XII вѣка, въ этихъ явленіяхъ видѣть вы-

раженіе новаго духа, это, вѣдь, обычная историческая формула еще въ концѣ XVIII вѣка; ее можно найти, напримѣръ, у Гердера. Что же касается до помѣщенія коммунальной революціи въ видѣ перелома между двумя соціальными періодами, то эта историческая комбинація и сдѣлана была именно реакціонной школой.

Если имѣть въ виду эту связь историческихъ представленій между реакціонной, либеральной и сенсимонистской школой, то нельзя согласиться и съ утвержденіемъ г. Иванова, будто Сенъ Симонъ и Тьерри разошлись другъ съ другомъ въ полномъ разногласіи направленій. Въ политикѣ—да, но не въ общей исторической, еще точнѣе соціально-исторической концепціи. Мысль разработать исторію Франціи и исторію Западной Европы въ видѣ борьбы большихъ соціальныхъ группъ, въ видѣ борьбы классовъ, эта мысль, выраженная много разъ Сенъ Симономъ, была и осталась руководящимъ принципомъ въ историческихъ работахъ Тьерри. Въ пониманіи соціальной исторіи, въ установленіи соціально-историческаго метода они совершенно сходятся. Ни одинъ историкъ XIX вѣка, по своимъ идеямъ, не можетъ въ такой мѣрѣ быть названъ сенсимонистомъ, какъ Тьерри.

При всемъ обиліи своего фактическаго матеріала, книга г. Иванова оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ именно въ смыслѣ недостатка конкретнаго изображенія. Личность и ученіе Сенъ Симона приподняты на отвлеченную высоту какой-то универсальной философіи, заключающей въ себѣ окончательную формулу объясненія историческаго процесса. Въ этой формулѣ авторъ находитъ частные недостатки, которые онъ считаетъ возможнымъ самъ дополнить и исправить. Онъ начинаетъ съ реабилитиціи малопонятаго, полузабытаго оригинальнаго мыслителя и кончаетъ превращеніемъ его въ главнаго философскаго наставника XIX вѣка. Это придаетъ всей характеристикѣ Сенъ Симона какую-то стремительную восторженность. Въ широкихъ преувеличенныхъ панегирическихъ формулахъ стирается не одна реальная черта. Мы уже не видимъ французскаго общества первой четверти XIX вѣка съ его запросами и настроеніемъ. Вмѣсто того насъ вводятъ въ академическое засѣданіе неопредѣленной эпохи, члены котораго, очень далекіе отъ сложно окружающей жизни, ставятъ грандіозныя, но также неопредѣленныя темы.

Р. Випперъ.

РАЗСКАЗЫ.

I.

РОЗОВЫЙ ГОРОДЪ.

Пьера Лотти. (Впечатлѣнія изъ Индіи. Городъ Джайпуръ). Пер. съ французскаго.

Мы проѣзжаемъ по пыльной, сожженной зноемъ мѣстности. На 1.000 миль кругомъ видны только слѣды разрушенія. Два года уже, какъ надъ этой мѣстностью не проносилась ни одна туча, два года, какъ земля не оросилась ни каплей дождя. Засуха! Поля стоятъ совершенно голыя: ни единой травки, ни единаго злака, ни единаго листика на деревьяхъ.

А вѣдь еще такъ недавно эта равнина была настоящей житницей! На нивахъ пахарь собиралъ обильные урожаи рису и ячменя. На лугахъ паслись многочисленныя стада. А теперь здѣсь голая пустыня, которая тянется почти до самаго города. Только вблизи города картина нѣсколько мѣняется. Здѣсь все еще говоритъ о жизни, о довольствѣ. Широкія аллеи съ обнаженными теперь деревьями ведутъ къ городу, обнесенному высокими зубчатыми стѣнами съ готическими воротами. Здѣсь безпрестанно проѣзжаютъ телѣги, проходятъ караваны навьюченныхъ верблюдовъ, скачутъ всадники въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, медленно проходятъ женщины, закутанныя въ цвѣтныя, яркія вуали.

Но свѣтлый фонъ этой картины омрачается темными грудами лохмотьевъ, валяющимися у самыхъ стѣнъ. Подъ этими лохмотьями обрисовываются человѣческія фигуры. Что это—пьяные, больные? Что это—высохшія существа, скелеты, муміи? Нѣтъ, это еще живыя существа, жизнь еще не вполнѣ угасла въ нихъ, ихъ вѣки временами еще подергиваются и глаза открываются.

Пройдя первыя ворота, мы очутились передъ другими внутренними воротами. Внутренняя стѣна вся, до верхушки зубцовъ, окрашена въ розовый цвѣтъ, а на розовомъ фонѣ ея разсѣяны бѣлые букеты цвѣтовъ. И на мягкомъ, розовомъ фонѣ этихъ стѣнъ еще ужаснѣе, еще рельефнѣе выдѣляются эти валяющіяся въ пыли груды человѣческихъ

тѣлъ, словно посыпанные пепломъ. Это настоящіе, совсѣмъ высохшіе скелеты, они валяются либо цѣлыми семьями, либо совсѣмъ покинутые, одинокіе. Одни изъ нихъ, скорчившись на землѣ, судорожно борются со смертью, другіе сидятъ, поджавши ноги, съ тупыми неподвижными лицами, лихорадочно блестящими глазами и сжатыми губами. Въ одномъ углу сидитъ съежившись старуха, изнуренная, одинокая, она глухо рыдаетъ, уткнувъ голову въ свои лохмотья.

Только пройдя вторыя ворота, попадаешь въ самый городъ, который поражаетъ своей сказочной красотой. Это большой, совсѣмъ розовый городъ, всюду тотъ же мягкій розовый фонъ съ бѣлыми букетами цвѣтовъ; всюду, на домахъ, стѣнахъ, дворцахъ, храмахъ. Что за прихотливая барская фантазія! Городъ этотъ со стѣнами, какъ бы обтянутыми старинной цвѣтной матеріей, напоминаетъ устарѣвшую картину прошлаго столѣтія. Все здѣсь своеобразно, необыденно, призрачно, какъ въ заколдованномъ царствѣ.

По обѣимъ сторонамъ прямыхъ, необыкновенно длинныхъ и широкихъ улицъ возвышаются высокіе дворцы, фасады которыхъ говорятъ о безконечномъ разнообразіи восточной фантазіи. Что за удивительное нагроможденіе колоннъ и украшенныхъ цвѣтами арокъ, башенъ и балконовъ! И все, до самаго маленькаго карниза и крошечныхъ арабесокъ,—все окрашено въ тотъ же розовый цвѣтъ съ бѣлыми цвѣтами по розовому фону. Толпа, движущаяся по улицамъ, ослѣпляетъ яркими цвѣтами и роскошью нарядовъ.

По обѣимъ сторонамъ тротуаровъ расположились торговцы со своими товарами. Они разложили на землѣ богатыя, яркія ткани, блестящую утварь и оружіе; между палатками купцовъ снуютъ женщины съ голыми руками, украшенными до самыхъ плечъ браслетами; онѣ закутаны въ длинныя, расшитыя фантастическими узорами вуали. По улицѣ проѣзжаютъ всадники на богато расшитыхъ сѣдлахъ, проносятъ носилки и качалки; проходятъ голые факиры, покрытые съ головы до ногъ пылью; тянутся караваны навьюченныхъ верблюдовъ; зебу съ разукрашенными рогами тащатъ тяжелыя повозки; проходятъ слоны въ богатыхъ золотыхъ одеждахъ съ разрисованными хоботами; медленно выступаютъ дромадеры съ вытянутыми, какъ у страусовъ, головами; сопровождаемыя слугами, ручныя пантеры короля осторожно ступаютъ по землѣ своими бархатными лапками. Востокъ со всѣми сказочными чудесами своими проходитъ предъ глазами въ волшебной рамкѣ этого розоваго города.

А среди всей этой праздничной богатой толпы еще рѣзче выступаютъ эти блѣдныя, наводящія ужасъ лица голодныхъ, этихъ возставшихъ изъ гроба мертвецовъ, которыхъ видишь уже цѣлыми массами у городскихъ стѣнъ. Эти несчастные голодные отважились про-

никнуть въ этотъ красивый цвѣтущій городъ, гдѣ кипитъ жизнь, гдѣ все на каждомъ шагу говоритъ о довольствѣ, излишествѣ, роскоши.

Ихъ гораздо больше, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда: всюду на мостовой, за продавцами, за красиво разложенными товарами, всюду видишь тѣ же шатающіяся фигуры, тѣ же дикіе блуждающіе взгляды, тѣже ужасныя кучи лохмотьевъ и скелетовъ, заставляющихъ прохожихъ сторониться, чтобы не наступить на нихъ ногами. Эти ужасные призраки—это крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Всѣ эти годы боролись они всѣми силами съ засухой, но тщетно; тяжелые годы неурожая были только предвѣстниками еще болѣе ужаснаго бѣдствія—голода. Весь скотъ подохъ изъ-за отсутствія корма; шкуры проданы по баснословно дешевымъ цѣнамъ, нивы обратились въ голую, выжженную степь, неспособную что-либо родить. Все, что было у нихъ все продано, даже послѣдняя одежда. Уже больше не на что купить хлѣба! А ужасное чудовище—голодъ все растетъ и растетъ, и запахъ мертвечины уже носится въ воздухѣ. Ѣсть! Ѣсть хотятъ эти люди. Голодъ гналъ ихъ сюда, въ этотъ цвѣтущій богатый городъ, гдѣ житницы ломятся отъ запасовъ ячменя и риса, привозимыхъ на случай, если бы голодъ, охватившій окрестности, проникъ и черезъ розовыя стѣны его. Тамъ, думали они, гдѣ всякій имѣетъ, что ѣсть, тамъ не дадутъ и имъ умереть съ голоду. Но эти запасы не для нихъ; изъ нихъ выдается даромъ только бѣднякамъ, живущимъ въ резиденціи короля, но не окрестнымъ крестьянамъ.

И разочарованные, лишенные послѣдней надежды, бредутъ они по улицамъ, площадямъ, гдѣ ѣдятъ, разсчитывая на какую-нибудь счастливую случайность. Такъ бродятъ они до тѣхъ поръ, пока ноги не отказываются больше носить ихъ, тогда ложатся они, гдѣ попало, прислонивъ голову къ камню мостовой, и ждутъ... смерти.

Вотъ верблюды притащили новые мѣшки съ зерномъ. Приходится сбросить ихъ на тротуарѣ, такъ какъ житницы уже переполнены. Какъ разъ на этомъ мѣстѣ лежатъ трое исхудалыхъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, они совершенно голыя; тѣсно прижались малютки другъ къ другу и лежатъ, не двигаясь. Имъ нужно теперь удалиться отсюда. «Это три брата, сироты круглые, родители ихъ умерли отъ голода, понятно», — поясняетъ сосѣдка. И эта, на видъ совсѣмъ не злая женщина, говоритъ объ этомъ такъ равнодушно, такъ спокойно, точно это вполнѣ нормальное явленіе!..

Боже правый, что это за народъ? И эти люди, которые ни за что въ мірѣ не убили бы птицы, такъ спокойно даютъ этимъ несчастнымъ малюткамъ умирать предъ своимъ порогомъ.

Младшій изъ дѣтей ближе всѣхъ къ смерти. Неподвижно лежитъ онъ, не въ силахъ поднять ручонки, чтобы отогнать назойливыхъ мухъ, усѣвшихся на его вѣкахъ.

Глазки малютки на мигъ открываются. Въ мученическомъ взглядѣ этихъ дѣтскихъ, невинныхъ глазъ читаешь и смертельную боязнь, и упрекъ, и удивленный вопросъ: за что онъ такъ несчастенъ, такъ покинутъ всѣми, за что обреченъ на такія муки. На мигъ только открывшіеся глазки вновь закрываются, и опять назойливыя мухи усаживаются спокойно на его вѣкахъ; бѣдная маленькая головка въ изнеможеніи опускается на плечо брата. Старшій мальчикъ, ребенокъ по лѣтамъ, съ чисто отеческой заботливостью уводитъ малютокъ. Неувѣренно ступая, безъ ропота и слезъ, поражая своимъ благоразуміемъ и дѣтскимъ достоинствомъ, шагаетъ онъ впередъ. Вотъ отошли они нѣсколько шаговъ. Заботливо озирается мальчикъ, отыскиваетъ болѣе отдаленный уголокъ, гдѣ бы никому нельзя было помѣшать, и осторожно укладываетъ несчастныхъ малютокъ на землю, головками на камень и самъ ложится возлѣ.

Своеобразная роскошь этого города особенно поражаетъ на главной площади. Розовыя до самыхъ верхушекъ своихъ пирамиды храма Брамы величественно возвышаются, обнесенныя большой розовой съ бѣлыми цвѣтами тесовой изгородью.

Темныя стаи птицъ носятся надъ пирамидами. Воздухъ насыщенъ бѣлой пылью. Дальше выступаетъ розовый съ бѣлыми букетами фасадъ королевскаго дворца, со своими многочисленными кіосками, колоннадами, куполами; высоко на верху развѣвается флагъ національныхъ цвѣтовъ. Всюду, куда ни глянетъ глазъ, все такіе же розовые дворцы, дома, теряющіеся въ пыльной дали. Еще ярче, еще ослѣпительнѣй здѣсь роскошь нарядовъ, еще шумнѣй, еще оживленнѣй здѣсь толпа.

Еще больше здѣсь и несчастныхъ страдальцевъ, еще больше голодныхъ малютокъ! Запахъ свѣжихъ, пекущихся на открытомъ воздухѣ, пряниковъ привлекъ ихъ сюда. Дрожа отъ голоду и слабости, еле держась на своихъ худыхъ ножкахъ, стоятъ они и пожираютъ глазами эти сладкіе вкусные пряники съ медомъ. Ихъ широко открытые, лихорадочно блестящіе глаза такъ просятъ о милостыни!

Число голодныхъ часъ-отъ-часу растетъ, неудержимымъ потокомъ стремятся они изъ деревень въ городъ, усѣивая этотъ длинный путь болѣе слабыми товарищами своими, которые остаются умирать здѣсь, не достигнувъ городскихъ стѣнъ.

Передъ купцомъ, торгующимъ браслетами, уплетающимъ съ аппетитомъ горячія пышки, остановилась женщина. Она еще совсѣмъ молода, ей не болѣе 16 лѣтъ, лицо ея носитъ слѣды еще недавней красоты; къ своей впалой изсохшей груди она прижимаетъ груднаго младенца. Ея глаза, полные мольбы, устремлены на купца, но онъ не двигается съ мѣста, избѣгаетъ даже смотрѣть въ ея сторону. Отчаяніе овладѣваетъ молодой женщиной при взглядѣ на своего умираю-

щаго отъ голоду, малютку. Стиснутые зубы ея раскрываются и раздирающій душу крикъ, крикъ раненой волчицы оглашаетъ воздухъ. Она поняла, что ей нечего ждать участія отъ этихъ холодныхъ, бездушныхъ, сытыхъ людей, такъ спокойно обрекающихъ ее и ребенка на гибель, и опять тотъ же ужасный крикъ оглашаетъ воздухъ... А мимо нея, между тѣмъ, проходятъ спокойными, глухими шагами громадные, хорошо откормленные слоны. Дорогой кормъ привозится для нихъ спеціально изъ далекихъ странъ. Вороны тысячами собрались на крышахъ домовъ, кружатся въ воздухѣ, заглушая своимъ карканьемъ стоны и крики голодныхъ. Это безпрестанное карканье, заглушающее въ Индіи всѣ другія проявленія жизни, носитъ характеръ радостнаго воя. Для нихъ, а также коршуновъ и мухъ времена голода, когда всюду чувствуется приближеніе смерти, — это времена довольства, излишествъ и радости.

Королевская площадь со своими безчисленными зданіями, конюшнями, жилищами слоновъ и т. д. представляетъ совершенно замкнутый отдѣльный міръ. Все здѣсь обнесено тѣми же высокими стѣнами, окрашенными въ тотъ же розовый съ бѣлыми цвѣтами фонъ. Въ одномъ изъ мраморныхъ залъ дворца собрались солдаты, богато-разодѣтые, вооруженные копьями или саблями, для полученія жалованья. Въ другомъ мраморномъ залѣ съ разрисованными арками надъ гигантскими пяльцами скопились 10 вышивальщиковъ; они вышиваютъ золотомъ по малиновому бархату новое платье для любимца-слона. Кругомъ дворца разбиты парки, сохранившіе свою свѣжесть, благодаря искусственному орошенію; среди выжженной голой страны они кажутся настоящими оазисами. Цѣлыя аллеи кипарисовъ, пальмъ, розъ, рощи померанцевыхъ деревьевъ,—все это цвѣтетъ, все благоухаетъ и наполняетъ воздухъ сладкимъ ароматомъ. А между благоухающими деревьями прячутся въ тѣни мраморныя скамейки, мраморные кіоски для танцевъ баядерокъ, мраморные бассейны для купанья. Гордые павлины расхаживаютъ по аллеямъ, по деревьямъ прыгаютъ обезьяны, въ померанцевыхъ рощахъ видны даже дикіе шакалы съ завязанными мордами.

Черезъ безконечное число готическихъ воротъ и дворовъ попадаешь къ большому пруду, сильно высохшему за это время засухи; здѣсь дремлютъ въ илѣ большіе столѣтніе крокодилы, точно неподвижныя скалы. Старецъ въ бѣломъ одѣяніи, въ сопровожденіи двухъ слугъ съ полными корзинами мяса, сходитъ по лѣстницѣ, ведущей къ пруду, чуть ли не къ самой водѣ. Сильно жестикулируя руками, онъ начинаетъ пѣть громкимъ голосомъ мусульманина, призывающаго къ молитвѣ. Тогда просыпаются крокодилы: сперва медленно и лѣниво, а потомъ все скорѣй и поспѣшнѣй приближаются они къ старцу. Съ ними вмѣстѣ плывутъ большія обжорливыя черепахи, которыя, по-

добно крокодиламъ, услыхали знакомый призывъ. Всѣ они собрались въ кругъ у ступеньки лѣстницы, на которой стоитъ старецъ; ихъ сѣро-желтыя, клейкія пасти открываются и куски сырого мяса, костей, внутренностей исчезаютъ въ нихъ.

А тамъ, за стѣнами королевской площади, никто не созываетъ голодныхъ людей, чтобъ накормить ихъ. По прежнему бродятъ они по улицамъ, съ надеждой и мольбой устремляя взоръ на прохожихъ, протягивая руку за милостыней. Но всѣ спѣшатъ мимо, не глядя даже на эти худыя, протянутыя руки. Вотъ на одной изъ площадей, возлѣ кучи голодныхъ лежащихъ на мостовой, остановилась телѣга. Съ повозки слѣзаетъ незнакомецъ, наклоняется надъ несчастными и силится зажать монеты въ ихъ безжизненныя руки. Точно токъ прошелъ по толпѣ, точно воскресла эта безжизненная масса, изъ подъ лохмотьевъ вырисовываются головы, глаза открываются и изможденныя фигуры подымаются. «Милостыня! Есть значитъ, на что купить хлѣба!» какъ молнія, проносится въ ихъ головѣ. Это пробужденіе отъ смерти быстро распространяется все дальше и дальше; оно охватило ужъ массы, лежащія въ отдаленіи, за палатками торговцевъ, за печами булочниковъ. Всюду подымаются эти мертвыя маски съ сжатыми грудями, ввалившимися глазами и разъѣденными вѣками и устремляются по направленію къ незнакомцу. Въ мигъ громадная толпа окружаетъ его, давитъ, цѣпляется въ него руками вырывая у него монеты, а грустные глаза такъ молятъ о прощеніи, говорятъ о безконечной благодарности и признательности...

Для многихъ помощь пришла слишкомъ поздно и многимъ уже не избѣжать смерти. Шатаясь, какъ привидѣнія, цѣпляются они другъ за друга и не въ силахъ сопротивляться: какъ сбитыя кегли, падаютъ они вмѣстѣ на землю, безмолвно, безропотно,—падаютъ, чтобъ ужъ больше не встать.

Въ это время раздаются вдали звуки музыки, и волненіе распространяется въ толпѣ: приближается религіозная процессія, возвѣщающая о завтрашнемъ празднествѣ въ храмахъ Брамы. Одинъ изъ мальчиковъ, прочищающихъ процессіи дорогу, подымаетъ съ мостовой старуху, переступившую при своемъ паденіи дозволенную границу и бросаетъ несчастную обратно на тротуаръ. Красивое шествіе проходитъ мимо. Впереди выступаетъ черный слонъ, съ хоботомъ, разрисованнымъ золотомъ, за нимъ церемоніальнымъ маршемъ проходятъ музыканты, исполняющіе на волынкахъ и духовыхъ инструментахъ мелодію, затѣмъ слѣдуютъ 4 слона, на которыхъ возсѣдаютъ, какъ боги, разодѣтые юноши-Ефебы, въ высокихъ украшенныхъ жемчугомъ, тіарахъ. Они обсыпаютъ толпу разноцвѣтнымъ душистымъ порошкомъ, который разсѣивается какъ легкое облачко, окрашивая все на своемъ пути. Смѣющіеся Ефебы сыпятъ полными горстями на слоновъ

своихъ, окрашивая ихъ въ розовый, фіолетовый, зеленый, желтый цвѣтъ, на толпу, окрашивая ей лица, тюрбаны, платья. Даже голоднымъ, лежащимъ неподвижно на мостовой, посылаютъ они цѣлое облако краснаго душистаго порошка, который засыпаетъ имъ лицо и глаза.

Вотъ наступаетъ уже вечеръ. Розовый городъ какъ бы сразу поблѣднѣлъ. Воздухъ насыщенъ сѣрой пылью, придающей всему, даже серебристому мѣсяцу, сѣро-желтый оттѣнокъ. Темныя стаи птицъ опускаются внизъ и располагаются на покой. Вороны и голуби длинными темными рядами усѣлись на карнизахъ розовыхъ дворцовъ. Только коршуны и орлы носятся и кружатся еще въ воздухѣ, да маленькіе странные силуэты обезьянъ вырисовываются то тамъ, то здѣсь на крышахъ домовъ. Внизу движеніе на улицахъ прекратилось. Только торговцы еще поспѣшно складываютъ свои товары и спѣшатъ домой. Наконецъ все смолкло; жизнь угасла вмѣстѣ съ послѣдними лучами заходящаго солнца. Все погружено въ глубокое молчаніе, прерываемое изрѣдка глухими, сдавленными звуками, доносящимися изъ храмовъ, да крикомъ страуса или рычаньемъ шакаловъ. Уснувшій розовый городъ со своими башнями и дворцами еще фантастичнѣе выступаетъ въ серебристомъ сіяніи луны. Серебристый свѣтъ луны падаетъ на деревья, на широкія улицы, которыя кажутся теперь еще шире, еще безконечнѣе; падаетъ наконецъ, на кучи лохмотьевъ, валяющіяся на тротуарахъ, которыя кажутся темными пятнами на сѣро-розовомъ фонѣ этого сказочнаго города. Отъ времени до времени раздается здѣсь кашель, стонъ или хрипѣніе; отъ времени до времени подымаются изсохшія руки и ноги, движутся въ воздухѣ, потрясая точно въ лихорадкѣ своими лохмотьями.

Какое дѣло этимъ несчастнымъ до солнечнаго дня, до волшебной красоты этой восточной ночи, до лучезарнаго утра!.. Неподвижно лежатъ они на твердыхъ камняхъ мостовой и ждутъ наступленія глубокаго, вѣчнаго покоя, который положитъ конецъ всему...

II.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Новелла Владислава-Ст. Реймонта. Перев. съ польскаго.

I.

— Который часъ?

— Десять ужъ пробило.

— Нѣтъ, вотъ бьетъ теперь... я ясно слышу.

— Это только послѣдніе отголоски отдаются въ корридорѣ.

— Четыре, пять...

— И стучатъ дождевыя капли.

— Семь... вотъ сейчасъ часъ умретъ... восемь... задержите, сестра, задержите... девять... боюсь я, какъ неумолимо проходитъ онъ... десять. Нѣтъ его уже... онъ канулъ въ вѣчность... ничѣмъ уже не вернуть его... ничѣмъ... Какъ мнѣ жалко его! Скажите, сестра, вамъ не жаль умершихъ часовъ?

— Все въ волѣ Божіей.

— Вамъ не жаль, сестра, тѣхъ людей, тѣхъ деревьевъ и звѣрей, что умерли?

— «Ты весь во мнѣ воскреснешь», сказалъ Господь.

— Сказалъ Господь...—какъ эхо, повторилъ онъ.

— Христіане должны въ это вѣрить.

— Вѣрю я... но... но все же мнѣ жаль...—съ тревогой прошепталъ онъ, и глаза его наполнились едва сдерживаемыми слезами.

— Мнѣ жаль тѣхъ лѣтъ, что умерли...—тихо повторилъ онъ, и глаза его утонули во мракѣ, наполнявшемъ больничную палату.

Бѣлый чепецъ сестры, словно крылья, качался въ темнотѣ... а подъ нимъ изъ мрака рѣзко выдѣлялись ея бѣлыя, длинныя руки... Четки, что медленно перебирали онѣ, падали съ какимъ-то однообразнымъ, страннымъ, за душу хватающимъ шумомъ.

— И тѣхъ, что умрутъ еще, до скончанія міра!

Онъ пошевелился и почувствовалъ ея взглядъ, зоркій взглядъ бодрствующихъ глазъ, что чернымъ, блестящимъ лучомъ пронизывалъ сумракъ и горячимъ поцѣлуемъ падалъ ему на лобъ.

Глубокая тишина вокругъ—тихо умираютъ часы за часами, тихо стоятъ эти липкія, притаившіяся у стѣнъ тѣни, среди которыхъ живутъ и горятъ лишь ея милосердые, кроткіе взоры.

Чрезъ открытую дверь видна больничная палата, бѣлый печальный погостъ, утонувшій въ жалкомъ свѣтѣ масляныхъ лампочекъ, разливающихъ неясныя, мерцающія полосы на головы больныхъ.

— Уснуть и не просыпаться больше, уснуть, уснуть...

Но сонъ не приходилъ, и онъ снова раскрывалъ глаза и скользилъ взглядомъ по стѣнамъ, по чепцу сестры, по ея сложеннымъ въ молитвѣ бѣлымъ рукамъ и утопалъ тамъ... блуждалъ среди спящихъ.

Онъ слышалъ ихъ дыханіе... слышалъ ихъ стоны сквозь сонъ, біеніе сердца, ихъ тревожные неровные вздохи, нѣмые крики угасающихъ очей, призывы гибнущихъ. Мучительными, ужасными отзвуками отдавались они въ его сердцѣ и терзали его несказанной болью.

А потомъ, потомъ почудилось ему, что онъ идетъ среди этихъ человѣческихъ отребьевъ, по этой кучѣ угасшихъ душъ, среди всяческихъ горестей и бѣдствій людскихъ... среди пустоты необъятной, въ которой жили лишь замирающіе отголоски жалобъ...

... И погибшая скорбь.

... И погибшія надежды.

... И вся мука человѣческая...

— Убѣжать, убѣжать!—кричало все его существо, объятое ужасомъ и трепетомъ, и мучительная боль передернула его и вырвала изъ пустоты и держала надъ бездной, впивалась въ него острымъ жаломъ, раскаленными когтями раздирала его внутренности.

— Сестра, сестра!

Нѣтъ, онъ не въ силахъ былъ позвать ее, не могъ вырвать изъ себя этого крика, не могъ пошевельнуться, и только глаза его, налитые кровью, и лицо, искаженное страхомъ и отчаяніемъ, молили о помощи... онъ умиралъ въ мукахъ... а она глубоко сосредоточенно перебирала четки и цѣловала глазами ликъ Христа, висѣвшаго на стѣнѣ.

Онъ чувствовалъ, что умираетъ, что еще минута... что онъ ужъ колышется на краю бездны... что вотъ онъ скользитъ... падаетъ.

Да, вотъ это она проходитъ по палатѣ, она... на ней длинный плащъ, сотканный словно изъ угасшихъ лучей... глаза у нея, какъ мертвыя воды океана... бездонныя пропасти... бездна... она идетъ... Наклоняется надъ постелями... идетъ дальше... съ сіяющей улыбкой... не видать у ней ни рта, ни лица, а эта ужасная улыбка свѣтится изъ нея, мелькаетъ надъ изголовьями больныхъ, заливаетъ всю палату, сверкаетъ во мракѣ, какъ молнія гибели... какъ блескъ ножа... пронизываетъ его сердце, разливается по немъ милліардами острыхъ, холодныхъ, рѣжущихъ стрѣлъ...

— Смерть! О, нѣтъ, нѣтъ!—какъ безумный вскрикнулъ онъ и вскочилъ съ постели.

Страшный призракъ исчезъ, онъ пришелъ въ себя; сестра уложила его обратно въ постель и, склонившись надъ нимъ, подавала ему лѣкарство.

Боли прошли, онъ лежалъ совершенно обезсиленный, словно въ полномъ забытьи, и только взглядомъ жадно скользилъ по стѣнамъ, цѣплялся за дѣйствительность, словно утопающій выплывалъ изъ бездны и съ отчаяннымъ усиліемъ хватался за соломинку надежды. Ему не вѣрилось еще, что онъ живъ, онъ не сознавалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, быть можетъ, онъ ужъ тамъ... обезумѣвшія отъ страха смерти мысли клубились въ мозгу его цѣлымъ хаосомъ видѣній, набивали его обрывками разныхъ образовъ, заливали волной, которая падала съ шумомъ и вновь подымалась, охватывая его все болѣе и болѣе мучительнымъ страхомъ.

— Живу ли я, живу ли?—подымался въ немъ вопросъ, и мало-по-малу образъ комнаты и сестры и мебели все отчетливѣй, все сильнѣй отпечатлѣвался на волнахъ неясныхъ видѣній, разметавшихся мыслей, давилъ хаосъ и рельефно вставалъ предъ глазами.

— Сестра!—робко кинулъ онъ, какъ будто въ пустоту, увѣренный, что отвѣтомъ будетъ молчаніе.

Она подошла къ нему.

Онъ глядѣлъ на нее, какъ на созданіе своей фантазіи, какъ на тѣнь своихъ желаній и мыслей.

— Какъ темно, темно...—прошепталъ онъ, тревожно озираясь вокругъ.

— Я сдѣлаю ярче огонь!

Онъ весь вздрогнулъ; онъ слышалъ ясно: да, это былъ голосъ извнѣ, да, да, навѣрно, это былъ голосъ живого существа... Онъ долго молчалъ, отдаваясь радости, что онъ живъ еще.

— Я спалъ?

— Да, и очень крѣпко.

Нѣтъ больше никакого сомнѣнія, это онъ ее слышалъ, и этотъ мягкій, ласкающій, мелодичный голосъ разливалъ по всему существу его пріятную теплоту бытія.

— Который часъ?

— Одиннадцать.

— Я значитъ, цѣлый часъ проспалъ. Да, теперь я знаю, что я живу еще, знаю, знаю...

Она сдѣлала огонь лампы свѣтлѣе, и ясный свѣтъ залилъ комнату, соскальзывалъ со стѣнъ, искрился въ мѣдныхъ украшеніяхъ кровати, дѣлалъ рельефнѣй всѣ контуры, дѣлалъ ярче краски букета, стоявшаго на столикѣ подлѣ кровати, и его подозрительно-пытливому взгляду подтверждалъ дѣйствительность!

Когда она подавала ему лѣкарство, онъ схватилъ ея руки и жадно цѣловалъ ихъ въ упоеніи счастья.

— Сестра, я не умеръ! Я живъ... живъ!

Она вырвала свои руки и отшатнулась въ дальній уголъ комнаты, чтобы скрыть странный, смѣшавшійся со слезами радости румянецъ.

Онъ почувствовалъ себя очень хорошо, страданіе въ немъ какъ бы истощилось и онѣмѣло подъ наплывомъ безграничнаго счастья бытія и притаилось гдѣ-то глубоко, въ тайникахъ памяти... Съ невыразимымъ наслажденіемъ пошевельнулъ онъ головой, вытянулъ ноги и даже провелъ рукой по волосамъ—онъ снова могъ свободно двигаться, безъ мученій; это наполнило его такой сильной, безсмысленной, дѣтской радостью, что онъ засвисталъ мотивъ какого-то вальса, а потомъ ему вдругъ страшно захотѣлось запѣть, заговорить, поспорить или даже подраться съ кѣмъ-нибудь.

— Отчего она молчитъ? Отчего она ничего не говоритъ мнѣ?—думалъ онъ и глядѣлъ на нее такимъ долгимъ, пронизывающимъ взглядомъ, что, хотя она и не глядѣла на него, румянецъ снова выползъ изъ-подъ ея чепца и разлился по щекамъ.

— Знаете, сестра, я такъ хорошо себя чувствую, что черезъ нѣсколько дней выпишусь отсюда.

На одно мгновеніе она подняла голову—онъ едва лишь успѣлъ схватить, украсть ея взглядъ, полный слезливой робости и глубокой скорби,—и опустила ее опять.

Его злость взяла.

Что-то бормочетъ тамъ, а говорить не говоритъ. Отчего она не говоритъ съ нимъ? Отчего она на него не смотритъ?

— Сестра, отчего вы не говорите со мной? отчего вы на меня не смотрите?

— Я молюсь.

— Мнѣ вы нужнѣе, чѣмъ Богу.

. . . .

— Вамъ лучше?

— О, теперь мнѣ совсѣмъ хорошо, совсѣмъ, но мнѣ было такъ страшно, такъ страшно, что я думалъ...

— Ничто не станется безъ воли Господа. Ему не угодно было еще призвать васъ къ себѣ, въ этомъ Его святая милость, что вы не умерли, не исповѣдавшись... Надо возблагодарить Его за это.

— Какимъ же образомъ?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Надо вамъ исповѣдаться. Вы увидите, что болѣзнь тогда пройдетъ скорѣе, милость Господня укрѣпитъ вашу душу и побѣдитъ болѣзнь.

— Нѣтъ, нѣтъ... къ чему это?.. Исповѣдаться и околѣть! Нѣтъ, я жить хочу. Не напоминайте мнѣ о Богѣ. Не мучьте меня... Мнѣ не надо ни прощенія, ни жалости, мнѣ надо жизни, а ея мнѣ не дастъ эта ваша ужасная выдумка, нѣтъ, ибо вашъ Богъ—богъ зла, тьмы, болѣзней, несчастій... онъ не Богъ живыхъ! Туда, гдѣ мука, гдѣ страданье—туда притащите Его, чтобъ онъ доканалъ свою жертву. Вы слышите, сестра? Слышите? Я ненавижу Его за всѣ страданія міра, за всѣ слезы, пролитыя людьми, я проклинаю Его! Да! пусть я сгину, околѣю навѣки, но я проклинаю Его!—кричалъ онъ въ такомъ раздраженіи, что — былъ почти безъ чувствъ, не отрывалъ глазъ отъ свѣтящихся, мѣдныхъ шариковъ кровати и все проклиналъ, и кричалъ все громче и громче.

— Господи! Тише! Тише!—шептала она, и въ отчаяніи зажимала ему ротъ рукою, чтобы онъ не богохульствовалъ, но онъ такъ сильно схватилъ зубами ея пальцы, что она съ крикомъ вырвала руки и упала на колѣни.

— О, Господи милосердый! Помилуй его! О, Боже любви, Боже добрый! Услышь мою мольбу! Услышь молящій голосъ души моей и прости его! Прости его, Господи, это страданія смутили душу его. О, святый! О, безсмертный, о, Господи мой, слезами сердца моего, моей любовью, моей мукой, смиреніемъ, молю тебя, прости! Помилуй его!

Такъ взывала она дрожащимъ, глубокимъ голосомъ, и слезы, какъ перлы, струею лились изъ ея чудныхъ очей, и все лицо ея горѣло въ экстазѣ мольбы, любви, отчаянія и ужаса. Она вся дрожала, объятая ужасомъ, и съ страстною, горячею вѣрой кидала чистую душу свою къ подножію Господа и кровью сердца своего молила пощады для него.

Онъ онѣмѣлъ!

Свернувшись въ клубокъ, онъ вперилъ въ нее пылающій взглядъ свой, ея голосъ, полный слезъ, зажигалъ его радостью и силой, слезы, что она за него проливала, ея отчаяніе, этотъ пламенный крикъ вѣрующей души обвѣвалъ его страннымъ жаромъ, сладострастнымъ огнемъ разливался по жиламъ, ускорялъ біеніе сердца. Онъ не слышалъ словъ, что она говорила, онъ ихъ не понималъ, онъ глядѣлъ на нее и разгорѣвшимся взглядомъ цѣловалъ ея чудное лицо.

— Не стоитъ за меня молиться!..—съ трудомъ, наконецъ, прошепталъ онъ, дыханіе хрипло вырывалось у него изъ груди: это слѣпая, отвратительная страсть сжала ему горло, сдавила голось, все существо его потрясла до такой степени, что онъ задыхался.

Сестра снова сѣла на свое мѣсто, и снова въ глубокой тишинѣ комнаты дрожалъ лишь монотонный, тихій шелестъ перебираемыхъ ею четокъ, и снова взглядъ ея глазъ, глазъ неусыпной тревоги и грусти, сверкавшихъ еще невысохшими слезами, падалъ на лицо его поцѣлуями... порою глаза ея тревожно вглядывались въ окно, какъ будто ища проблесковъ разсвѣта, но тамъ, за окномъ, еще стояла глухая ночь, да, дрожа отъ холода, утопали во мракѣ деревья, да зловѣще, таинственно что-то шептала густая тьма...

— Сестра, вѣдь вы чудная красавица!—прошепталъ онъ вдругъ снова и приподнялся на подушкахъ.—Да, поразительная красавица! Подъ этимъ ужаснымъ одѣяніемъ кроются чудеса, я ихъ предчувствую, я даже вижу...—онъ остановился: ему снова не хватило голоса.

Она вскочила со стула, опустила ниже огонь и сѣла какъ можно подальше отъ него.

— Три года тому назадъ, въ Парижѣ... мы устраивали попойку, ну, нѣчто вродѣ оргіи... были женщины... И, знаете, сестра, красавицы... а одна изъ нихъ, Маріетта, была удивительно на васъ похожа!.. точно сестра... а потомъ адъ, забвеніе... безуміе... эпилепсія наслажденія... океанъ разгула... бурный водоворотъ разбушевавшихся страстей!..

. . . .

Сестра вышла изъ комнаты, заперевъ за собою двери.

Онъ не видѣлъ этого, мозгъ его пылалъ, онъ лежалъ словно въ глубинѣ самого себя, вокругъ было страшно, пусто и темно, а разгулявшійся мозгъ автоматически, безъ воли его и сознанія, извергалъ картины одну другой ужаснѣе, образы одинъ другого отвратительнѣй, всю грязь жизни и фантазіи, всѣ гадости...

Вдругъ онъ смолкъ и повелъ глазами: чей-то горькій, спазматическій плачъ доносился отъ дверей.

— Это она плачетъ, но почему же это, почему?

И онъ чувствовалъ, что этотъ плачъ давитъ его тяжестью невыносимой, что каждая слеза ея, словно капля расплавленнаго олова, падаетъ на его грудь, проникаетъ ее насквозь и сердце его разъѣдаетъ жгучей отравой.

— Боже мой, Боже!..—и мучительная грусть острыми жалами впивалась въ его душу и сосала, сосала, сосала ее такъ ужасно, что онъ уже терялъ сознаніе и замиралъ въ полуснѣ, но тутъ передъ нимъ вновь проходили такія страшныя, такія безумно-мучительныя видѣнія, что онъ вновь вскакивалъ съ крикомъ смертельнаго ужаса, протягивалъ руки съ мольбою о помощи и вновь впадалъ въ мучительное забытье, въ скользкія, могильно-холодныя объятія страданій.

Онъ очнулся, почувствовавъ на своемъ облитомъ потомъ лицѣ нѣжное прикосновеніе ея руки.

— Это вы, сестра?..

Она наклонилась надъ нимъ, оправляя подушки, слезы блестящею струйкой катились по лицу ея, и губы дрожали, какъ лепестки розы.

— Который часъ?

— Двѣнадцать!

— Полночь! Конецъ мой ужъ близокъ!

— Все въ руцѣ Божіей!

. . . .

— Я умру на разсвѣтѣ!—воскликнулъ онъ вдругъ, такъ неожиданно, что она уронила изъ рукъ четки и поглядѣла на него.

— Хорошо, хорошо... на разсвѣтѣ... уйду я...—говорилъ онъ тихо, все тише и тише, словно отвѣчалъ какимъ-то призывамъ, идущимъ изъ глубины ночи... съ той стороны.

— Уйду...—прошепталъ онъ чуть слышно, и предъ душою его открылись безконечные горизонты, необъятныя равнины вѣчности... Вонъ туда, туда, гдѣ забрезжитъ этотъ ужасный разсвѣтъ, гдѣ безпощадно заалѣетъ его яркій пурпуръ, туда толпою несутся эти тѣни на гибель...

Вотъ знакомые и неизвѣстные... вотъ свои и чужіе... вотъ близкіе и далекіе, вотъ никогда невиданные, вотъ такіе, которыхъ и подозрѣвать нельзя было, вотъ такіе, что и въ мечтахъ даже никогда не являлись, вотъ омертвѣлые океаны, вотъ погибшія деревья, цвѣты, животныя—все это вмѣстѣ слилось въ потокъ рыданій и жалобъ, все это вмѣстѣ плыло отовсюду, всѣми путями вселенной, всѣми тропинками звѣздъ, всѣми извилинами мыслей...

Высохшіе отъ слезъ глаза подымались къ брезжущему свѣту и шли въ могильной тиши ожиданья, въ глубокомъ безмолвіи тайны...

И тихое вѣянье его жалости обвѣвало ихъ, словно жгучій вихрь...

... и плакали души умершихъ цвѣтовъ.

... и плакали души деревьевъ подрѣзанныхъ.

... и плакали души убитыхъ животныхъ.

... и плакали души высохшихъ водъ.

... и плакали души нерожденныхъ и умершихъ.

... и плакали души угасшихъ звѣздъ.

... и плакали души всѣхъ тварей погибшихъ.

... и плакала сама смерть и дико выла ужасную пѣснь—пѣснь проклятія, пѣснь возмущенія противъ Него.

И все плыли они неудержимо по неумолимому пути неизбѣжности, чрезъ ужасныя пропасти, чрезъ страшную глухую пустыню, сквозь вихри черныхъ угасшихъ звѣздъ, сквозь потоки потухающихъ свѣтилъ, ужасныхъ, зеленыхъ, распадающихся свѣтилъ, съ которыхъ огненнымъ дождемъ лились кроваво-красныя глыбы и, словно тяжелыя слезы умирающей вселенной, спадали въ глубокой темнотѣ въ бездонную, таинственную пропасть... туда, гдѣ брезжилъ разсвѣтъ... на самое сердце его...

. . . .

— Иду... иду... — лепеталъ онъ, и глаза его, полные одного лишь смиренія, шли за ними, неслись за этой нескончаемой волной, а самъ онъ пошевельнуться былъ не въ силахъ... Тѣни толпой шли чрезъ него, чрезъ мозгъ его тянулись ужасной вереницей, чрезъ сердце его катились, какъ воды океановъ, какъ отчаянный вопль погибающихъ, отдавались въ душѣ его, а онъ колыхался, то подымаясь, то опадая, боролся съ собою въ мучительной агоніи и, одолѣваемый тяжестью собственнаго трупа, который ужъ столько лѣтъ властвовалъ надъ нимъ, оставался, какъ остается крабъ по уходѣ волны, на поверхности жизни, еле держался на ней, но въ глубину не падалъ, онъ уже догоралъ, но не умеръ еще; не мертвецъ, не живой—это былъ призракъ скорѣй, не человѣкъ, блѣдный контуръ жизни, одно лишь слабое ея отраженіе.

Онъ зналъ, что умираетъ, зналъ, что лежитъ въ больницѣ, что онъ еще живъ, и это сознательное выдѣленіе предметовъ дѣйствительнаго міра: стѣнъ, комнаты, постелей, свѣта лампъ, фигуры сестры милосердія—тяжелой, болѣзненной тѣнью лежало на его замиравшемъ существѣ, тѣснило его, сжимало точно клещами, ограждало собою и не позволяло выйти и слиться съ видѣньемъ и исчезнуть съ нимъ вмѣстѣ.

Онъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе воли и проснулся, видѣнія унеслись въ сѣрую даль и разстаяли во мракѣ, а онъ тихимъ заунывнымъ голосомъ запѣлъ: «Въ руки твои, Господи, отдаю»...

Автоматически, совершенно безсознательно, изъ какихъ-то невѣдомыхъ тайниковъ мозга, вырвалась у него эта пѣснь, впитанная когда-то давно, въ годы дѣтства, но при звукахъ собственнаго голоса онъ вдругъ совершенно ожилъ и пришелъ въ себя.

II.

— Который часъ?

— Теперь часъ.

— Далеко еще до разсвѣта.

— Далеко.

— А на разсвѣтѣ я навѣрное умру. Я знаю, ничто ужъ не спасетъ меня, ничто! Отчего это деревья такъ глядятъ въ окно?

— Это вѣтеръ ихъ качаетъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Это они на меня глядятъ... Они знаютъ, что... Что это?..

Страшный, долгій, душу раздирающій крикъ прорѣзалъ тишину и долго бились его отголоски о нѣмыя стѣны больницы.

Сестра быстро вышла изъ комнаты, но чрезъ минуту вернулась.

Онъ рукой указалъ на потолокъ и сказалъ ей глазами:

— Я знаю, это умеръ тотъ наверху. Я это зналъ...

— Да нѣтъ же, нѣтъ...—робко возражала она, пряча лицо въ тѣни высокаго чепца.

Онъ грустно, ласково улыбнулся.

— И я умру на разсвѣтѣ...—пошевельнулъ онъ губами и прислушался къ тишинѣ, въ которой за окнами тихонько шелестѣли листочки деревьевъ, и жадно вслушивался въ шопотъ ночи и въ слабый, чуть-чуть слышный шорохъ чьихъ-то шаговъ...

— Кто-то ходитъ по двору!

— Нѣтъ, тамъ нѣтъ никого.

— И все-таки смерть не есть непробудный сонъ, нѣтъ, нѣтъ,— громко произнесъ онъ и сѣлъ на постели.—Нельзя признавать Начало и считать его безсмысленнымъ. Жернова могутъ быть только символомъ жизни... Правда, сестра?

— Да, да.

— Сестра, скажите, вы уже когда-либо жили?

Она съ жалостью поглядѣла на него.

— Мнѣ кажется, есть много душъ, что приходятъ на свѣтъ преждевременно, словно цвѣты, которыхъ сманило теплое солнышко марта... Молодыя, не развившіяся почки засыплются снѣгомъ... Можетъ, иныя и выдержатъ и зацвѣтутъ въ настоящую весну, въ новой жизни, но много ихъ, много мерзнетъ и гибнетъ навѣки, прежде даже, чѣмъ почувствуютъ онѣ, что живутъ... Правда, сестра?

— Да... да...

Какое-то сладкое чувство покоя и счастья охватило его. Тѣло его не болѣло, мысли не мучили, грусть и тоска не давили его—все тяжелое исчезло куда-то, онъ ощущалъ въ себѣ одно лишь томное безсиліе и спокойствіе: такъ спокойно горное озеро, такъ спокойны тихія воды, не волнуемыя ни малѣйшимъ вѣтеркомъ; объятыя глухою безмѣрною тишью, онѣ не спятъ, онѣ не замерли, онѣ просто тихи и безсильны по самой природѣ своей и незамѣтно, неслышно, безсознательно, но неустанно и медленно опадающихъ въ какую-то таинственную глубь...

Его самочувствіе, самосознаніе какъ-то незамѣтно съеживалось, умалялось до того, что уже всего только нѣсколько мыслей, нѣсколько образовъ мелькало въ его головѣ, словно отраженія тусклаго зеркала.

Только сердце его полно было сладостной истомы, сладостной истомы октябрьскаго солнца и обвѣянныхъ морозомъ левкоевъ, сладости тихихъ слезъ.

— Я хотѣлъ бы пройтись немного по комнатѣ... Хорошо? Можно?

Сестра помогла ему встать, накинула на него бѣлый, теплый халатъ, взяла его крѣпко подъ руку и медленно, съ трогательной заботливостью повела его по комнатѣ.

— Разъ... два... Ну, теперь лѣвой ногой... Смѣлѣе... Вотъ такъ... О, видите, отлично... У насъ есть силы...

— Нѣтъ, у меня уже нѣтъ силъ... Дайте-ка, я сяду въ кресло у окна.

Она усадила его, какъ можно поудобнѣе. Онъ долго сидѣлъ, безсмысленно вглядываясь въ ночную темноту, и, наконецъ, прошепталъ:

— Мнѣ ужъ торопиться нужно, сестра... Право, мнѣ нужно торопиться...

Онъ притянулъ къ себѣ ближе цвѣты и съ глубокимъ наслажденіемъ касался губами ихъ разноцвѣтныхъ лепестковъ, жадно вдыхая ихъ замирающій ароматъ.

— Это очи тайны. У дѣтей бываютъ такіе взгляды, а иногда и у мертвыхъ.

Онъ наклонился къ окну и долго, пытливо вглядывался въ ночь. Глухой, холодный шумъ вихря игралъ скорбный гимнъ на согнувшихся, разметавшихся вѣтвяхъ деревьевъ, а тамъ... въ темной пучинѣ словно тяжелые сны больныхъ, катились, едва выдѣляясь, густыя мрачныя тучи.

— До разсвѣта еще далеко.

— Далеко...

— Вы плачете, сестра?

— Нѣтъ, я не плачу, я молюсь.

— Молитесь? Молитва — это мучительно томящій душу вопросъ, брошенный въ безконечность: «Еси-ли Ты, Господи?»

— Нѣтъ, нѣтъ... это мольба сердца: «Услышь меня!»

Онъ ничего не отвѣтилъ: какое-то неясное, еще темное, еще не обрисовавшееся воспоминаніе поднялось изъ глубокихъ тайниковъ его души и всю ее залило тихой, меланхолической тоской, и когда онъ всталъ, слезы струей покатились по его исхудалому лицу.

— Вы плачете? Вамъ, можетъ быть, больно въ боку?...

— Нѣтъ, сестра, мнѣ больно отъ тоски, отъ старой тоски.

Онъ вынулъ кошелекъ и, высыпая оттуда всѣ деньги, нерѣшительно обратился къ ней:

— У меня къ вамъ просьба, сестра...

Она подняла на него глаза.

— Есть столько бѣдныхъ дѣтей... дѣтей нищихъ... страшно бѣдныхъ, заброшенныхъ дѣтей, о которыхъ никто не заботится... вы встрѣчали такихъ?

— О, такихъ несчастныхъ слишкомъ много на свѣтѣ.

— Вотъ тутъ деньги, мнѣ они ужъ совсѣмъ не нужны... Возьмите ихъ, сестра, и, пожалуйста, купите этимъ дѣтямъ игрушекъ... знаете, лошадокъ... сабли... куколъ... повозочки... мячики... у нихъ, навѣрное, никогда нѣтъ игрушекъ, имъ никто никогда не даетъ... я знаю... Всей душой я васъ прошу объ этомъ—хорошо?

— Хорошо,—сквозь слезы прошептала она.

— Я знаю это... потому... потому что у меня никогда не было игрушекъ... Мнѣ ужъ теперь ничего, ничего не жаль, только жаль мнѣ еще, что, когда я былъ ребенкомъ, мнѣ никто никогда не далъ ни одной игрушки... Знаете, сестра, я цѣлые годы мечталъ о жестяной сабелькѣ и о сѣрой лошадкѣ на колесахъ, цѣлые годы я объ нихъ тосковалъ и проливалъ горькія слезы... но никто мнѣ не далъ... И то, что слезы залили всю мою жизнь, такъ это, можетъ, именно потому, что у меня не было ясныхъ, лучезарныхъ воспоминаній дѣтства.

Онъ смолкъ: изъ темноты поплыли отдаленные, глухіе удары часовъ.

— Который часъ?

— Два.

— Ночь ужъ блѣднѣетъ... близокъ ужъ разсвѣтъ... правда?

— Нѣтъ, не видно еще, темно какъ и было,—быстро проговорила она.

Наступило молчаніе.

Она загляделась на блѣдный, искаженный страданіемъ ликъ Христа, а онъ впился глазами въ темноту и пытливо слѣдилъ за нею; изъ-за тяжелыхъ покрововъ ночи уже начинали медленно выплывать чудовищно безформенныя группы деревьевъ и чуть-чуть обрисовывавшіеся контуры домовъ, разсвѣтъ былъ еще далеко, но первые проблески его уже незамѣтно просасывались въ нависшія надъ землею тѣни, ползали средь темныхъ тучъ, безпорядочно наваленныхъ одна на другую, и разрѣжали ихъ тусклымъ сѣроватымъ свѣтомъ.

— ... И вы имъ улыбнитесь, сестра,—снова шепталъ онъ, переводя глаза на нее,—улыбнитесь такой доброй, ясной улыбкой. Дѣтей надо любить, ихъ надо брать на руки, ласкать, нѣжить, цѣловать... они любовью живутъ. Вы ихъ поцѣлуете, сестра?...

— Я все, все сдѣлаю.

— Меня никто не любилъ,—добавилъ онъ чуть слышно.

— Ахъ, этотъ свѣтъ мнѣ такъ рѣжетъ глаза—вдругъ простоналъ онъ, закрывая глаза.

Она такимъ нервнымъ движеніемъ закрутила фитиль, что лампа совершенно погасла.

Они потонули въ темнотѣ.

Сестра опустилась на колѣни и горячо молилась, а онъ погружался въ тихій сонъ.

Ежеминутно просыпаясь, онъ блуждающимъ взглядомъ глядѣлъ въ окно, порою дѣлалъ какое-нибудь безцѣльное движеніе, безмысленно

всматривался въ яснѣвшую ночь, то ему хотѣлось встать и пойти куда-то, то онъ силился о чемъ-то подумать, припомнить что-то, удержаться еще какъ-нибудь на этой поверхности жизни, съ которой скатывался неумолимо и... засыпалъ...

. . . .

. . . .

Свѣтлѣй... всѣ свѣтлѣй...

Разсвѣтъ!

Тише! тише!

Пусть отдохнутъ утомленные; пусть сонъ сомкнетъ усталыя вѣки тѣхъ, что бодрствуютъ ночью; пусть въ тихомъ снѣ забудутся всѣ страдающіе и томящіеся.

Голосъ смерти такъ сладко убаюкиваетъ ко сну.

Будите мертвыхъ, ибо вотъ ужъ неумолимо подходитъ ихъ страшный часъ.

А живые пусть спятъ, пусть будутъ сильны и блаженны тѣмъ, что не знаютъ.

Вотъ разсвѣтъ ужъ идетъ для тѣхъ, что бродили во тьмѣ и искали.

И съ нимъ—избавленіе отъ страданій.

. . . .

Разсвѣло.

Яркій блескъ залилъ все пространство, и лучезарныя стрѣлки падали на пробуждавшуюся землю, на сонно склонившіеся деревья, на прижавшіяся другъ къ дружкѣ былинки, на полузакрытые глазки цвѣтовъ, на дремлющія воды и... на безсильно свѣсившуюся голову больного.

Онъ вдругъ вскочилъ, глубоко вглядѣлся въ ясныя зори и прошептавъ: «Разсвѣтъ! разсвѣтъ!..» какъ подкошенный, упалъ на руки сестрѣ.

М. Троповская.

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

Полно! Уйду я въ синія горы
Въ чащи лѣсныя, въ страны за море,
Съ вѣтромъ обнявшись, съ тучкой ночною
Буду летѣть я чайкой морскою.

—

Не было сердцу свѣта и доли,
Не было счастья, не было воли,
Не было мира, кровли убогой,
Хижины, полной солнца и Бога.

—

Кровъ мой—сѣдая туча ненастья,
Пѣсня сиротки—все мое счастье.
Родина сердцу—царство лѣсное,
Родина пѣсни—эхо ночное.

—

Ропотъ нестройный будитъ вершины,
Ночь безмятежно сходитъ въ долины,
Сыплетъ росою, жемчугомъ сѣетъ
Тихо на травы холодомъ вѣетъ.

—

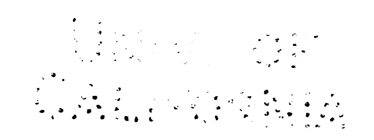
Надо-бъ взрости мнѣ было межъ рожью,
Ночь-бы согрѣла травку ту Божью.
Надо-бъ рости мнѣ бѣлымъ повоемъ
Ночь осѣнила-бъ сладкимъ покоемъ.

—

Кто мои братья? Вѣтеръ да тучи!
Гдѣ мнѣ отчизна? Лѣсъ ли могучій?
Путь мой—тропинка воییракѣ долины
Узкой межою вплоть до чужбины.

—

Нивы Господни дремлютъ качаясь,
Колосомъ зрѣлымъ низко склоняясь.
Надо бы встать мнѣ было съ зарею,
Кланяться вѣтру вмѣстѣ съ травою.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Идеалы общаго образованія» г. Карѣева.—Въ чемъ заключается центръ проблемы образованія.—Общее и спеціальное образованіе.—Ихъ гармоничное сочетаніе.—«Новое о Пушкинѣ» г. Щеглова.—Нѣкоторыя его открытія.—Прототипъ Сальери.—Неудачныя догадки г. Щеглова.

Въ числѣ многихъ задачъ, оставленныхъ XIX вѣкомъ въ наслѣдіе XX, едва ли не первое мѣсто занимаетъ проблема просвѣщенія. Казалось бы, именно въ этой области прошлый вѣкъ сдѣлалъ такъ много, и тѣмъ не менѣе, въ новомъ столѣтіи мы стоимъ предъ задачей просвѣщенія въ недоумѣніи и нерѣшительности, какъ быть съ нею, и вопросъ, что дѣлать, рѣдко когда имѣлъ такую остроту, какъ теперь. А между тѣмъ, стоитъ только вспомнить то, что было сто лѣтъ назадъ, и сравнить съ нашимъ временемъ,—и картина получается какъ будто дѣйствительно отрадная. Сто лѣтъ назадъ крѣпостное право было въ полномъ расцвѣтѣ и силѣ, о просвѣщеніи не только народныхъ массъ никто не думалъ, но даже для отдѣльныхъ счастливцевъ получить образованіе въ нашемъ современномъ смыслѣ было дѣломъ болѣе, чѣмъ труднымъ. Не было ни низшихъ, ни среднихъ школъ, которыя замѣнялись пансіонами для дворянскихъ дѣтей, содержимыми разными проходимцами, набѣгавшими въ Россію съ Запада, гдѣ бурное время революціи разрушило столько состояній, ниспровергло столько установившихся репутацій и вынудило многихъ изящныхъ представителей стараго режима искать хлѣба въ «холодныхъ степяхъ дикой Россіи». И это были еще лучшіе воспитатели русскаго юношества, вслѣдъ за которыми устремлялись уже совсѣмъ темные элементы, безъ всякихъ знаній, педагогическихъ пріемовъ и пониманія цѣлей воспитанія. Но и этихъ «воспитателей» въ сущности было очень немного, и всякій изъ нихъ съ радостью мѣнялъ званіе педагога на званіе камердинера или просто приживальщика при богатомъ и тароватомъ помѣщикѣ. Словомъ, не было образованія ни какъ цѣльной системы, ни даже какъ планомѣрныхъ попытокъ. Не лучше обстояло дѣло и на Западѣ, гдѣ масса коснѣла въ невѣжествѣ, а средній и высшій классъ довольствовался старинными гимназіями, очень мало имѣвшими общаго съ современной школой.

Начало прошлаго вѣка было и въ дѣлѣ образованія періодомъ «бури и натиска», когда взволнованные элементы еще бродили и кипѣли въ безпокойномъ исканіи путей и формъ, въ которыя они должны были современемъ от-

литься. Буржуазія, «третій» классъ, изъ ничего сразу ставшій всѣмъ, не могла такъ же легко овладѣть собой, какъ овладѣла государствомъ, и бурное кипѣніе ея вырвавшихся на волю силъ долго еще не позволяло ей придти къ нормальному будничному порядку. Лишь постепенно намѣчалась та программа образованія, которую въ видѣ стройной системы мы застаемъ во второй половинѣ вѣка. Низшая школа, ограниченная почти исключительно грамотностью и начатками религіи, для массы народа; классическая гимназія или реальное училище для средняго класса, съ продолженіемъ этого образованія для избранныхъ въ университетѣ,—такова въ самомъ общемъ и грубомъ видѣ схема образованія, выработанная буржуазной культурой примѣнительно къ требованіямъ и задачамъ своего быта и общественнаго строя. Неграмотный рабочій плохъ даже какъ часть машины, такъ какъ ломаетъ ее по невѣжеству и небрежности, и еще хуже необразованный приказчикъ, такъ какъ знаніе условій мірового рынка, хотя бы въ самомъ общемъ видѣ, вотъ что является для него дѣломъ первой необходимости. Наконецъ, для высшихъ запросовъ ума и души необходимы науки и искусства,—отсюда потребность и въ высшемъ просвѣщеніи, въ университетахъ, академіяхъ и школахъ искусства. Классическая и реальная средняя школа гармонично дополняли другъ друга, давая и полуобразованнаго приказчика, и техника, и столь же малообразованнаго служителя наукъ и искусствъ.

Но все это незамѣтно стало трещать по всѣмъ швамъ, стали выдѣляться углы и прорѣхи въ стройной системѣ, по мѣрѣ того, какъ снизу, изъ народной массы стали выдѣляться новые элементы, которые не укладывались ни въ одну изъ заранѣе заготовленныхъ ячеекъ. Чувствовалось, что чего то не хватаетъ, какіе-то винты въ общей машинѣ образованія расшатались, машина стала хрипѣть и хлопать, угрожая развалиться. Съ одной стороны духъ просвѣщенія, разбуженный въ широкихъ массахъ, далеко перешагнулъ за предѣлы школы грамотности, съ другой—ростъ высшей культуры, получившей совершенно своеобразный оттѣнокъ подъ могучимъ вліяніемъ необыкновеннаго развитія естествознанія, уже не укладывался въ рамки классицизма.

И вотъ мы снова стоимъ предъ проблемой просвѣщенія, какъ и сто лѣт назадъ, только еще болѣе сложной, чѣмъ тогда, такъ какъ жизнь теперь стал много сложнѣе и труднѣе и не желаетъ знать никакихъ строгихъ формул какъ бы ни казались онѣ упрощенно-стройны. Для насъ, русскихъ, этотъ во просъ не менѣе сложенъ, въ особенности благодаря наслѣдію, какое намъ оста вила толстовско-деляновская школа. Наслѣдіе это громадное и неуклюже съ которымъ надо считаться на каждомъ шагу, чуть не въ кажд мелочи, ибо мелочей этихъ, одна хуже другой, накопилось столько, что, истинѣ, требуются геркулесовскія усилія, чтобы очистить авгіевы конюшн нашей дореформенной школы. Даже отъ какого-нибудь учебника, въ родѣ учеб никовъ г. Иловайскаго, не такъ то легко отдѣлаться сразу. Что Иловайскі Самъ по себѣ—просто ничто, дунулъ—и нѣтъ его. Но дѣло много сложнѣ Иловайскій — это система, это органическое звено въ цѣлой цѣпи таких звеньевъ, опутавшихъ среднюю школу, и вырвать его нельзя, потому что о

вросло и крѣпко держится въ самомъ нутрѣ школы. Учебникъ г. Иловайскаго,—лучшую, прямо-таки уничтожающую критику котораго дало само министерство въ своемъ оффиціальномъ журналѣ,—можно, конечно, замѣнить чудесными учебниками, какихъ не мало теперь существуетъ на потребу любознательнаго юношества. Ихъ будетъ еще больше, будутъ сотни и тысячи, какъ явилось же плохихъ учебниковъ тоже тысячи, разъ явилась потребность именно въ скверныхъ «иловайскихъ» и въ не менѣе скверныхъ «ходобаяхъ», въ свое время затопившихъ учебную литературу. Но повторяемъ—не въ учебникѣ сила. Программа, учебникъ—это вещественный знакъ невещественныхъ отношеній, въ нихъ же вся суть вопроса.

«Школа,—говоритъ г. Карѣевъ въ недавно вышедшей книгѣ «Идеалы общаго образованія»,—будетъ такою, какою создастъ ее даже не самъ новый законъ, а какою создастъ ее сама практика жизни, и опять-таки не въ смыслѣ одного выполненія того, что̀ будетъ школѣ предначертано, но и въ смыслѣ вліянія на нее всей нашей житейской обстановки». Эту-ту послѣднюю и забываютъ всѣ хлопочущіе теперь около вопроса о школѣ. Каждый изъ нихъ выступаетъ съ готовой программой, въ которой, по пунктамъ, по цитатамъ, доказано и разъяснено все отъ азбуки и до докторскаго диплома. Стоитъ лишь примѣнить эту спасительную систему, и дѣло просвѣщенія Россіи упрочено навсегда. Такая простота дѣйствій, напоминающая суворовскую смѣтку и глазомѣръ, особенно пришлась по вкусу тому сорту публицистики, который никогда и ни надъ чѣмъ не задумывается. Выкинувъ за бортъ злополучный классицизмъ,—впрочемъ, позаботившись о преподавателяхъ онаго, для коихъ эти легкомысленные публицисты предлагаютъ оставить соотвѣтственное число мѣстъ по питейной монополіи,—наши публицисты съ юношескимъ увлеченіемъ схватились за идею о національной школѣ. При звукахъ бубновъ и кимваловъ, они устремились въ поиски за національнизмомъ, дабы привлечь таковой къ служенію отечеству, какъ раньше служилъ ему класссицизмъ, нынѣ милостиво отпускаемый на служеніе питейной монополіи. Правду сказать, изъ многихъ писаній объ этомъ пресловутомъ національнизмѣ мы узнали только одно, что прежде всего надо для процвѣтанія національнизма изгнать изъ средней школы жида, во-вторыхъ—жида и въ-третьихъ—все того же жида, ибо, по увѣренію нашихъ націоналистовъ, «Россія для русскихъ», стало быть изгнать жида и значитъ сдѣлать ее русской. Такой упрощенный способъ рѣшенія вопроса о реформѣ школы не двигаетъ насъ ни на шагъ въ рѣшеніи дальнѣйшихъ недоумѣній,—выгнали жида, а потомъ что? Пока дальше этого мы не двинулись.

Совершенно правильно, поэтому г. Карѣевъ предостерегаетъ—не увлекаться никакими готовыми программами и шаблонами и не забывать прежде всего, что школа сама по себѣ существуетъ, а не какъ мѣсто для болѣе или менѣе остроумныхъ опытовъ примѣненія разныхъ программъ. «Предстоящая Россіи учебная реформа дала поводъ не малому количеству публицистовъ высказаться очень опредѣленно въ смыслѣ превращенія школы изъ орудія духовнаго развитія учащихся въ орудіе для утвержденія тѣхъ или другихъ, симпатичныхъ этимъ публицистамъ идеологій програмнаго характера, безъ достаточнаго, однако,

*

анализа вопросовъ о томъ, чѣмъ должна быть школа по отношенію къ воспитывающемуся въ ней юношеству и какую роль должна въ ней играть наука. Личность ученика можетъ быть для школы или сама въ себѣ цѣлью, или только средствомъ для цѣлей, для этой личности постороннихъ, и соотвѣтственно съ этимъ наукѣ будетъ отводиться та или другая роль, т.-е. или исканія одной истины, или обоснованія предвзятыхъ мнѣній. Кто въ личности учащагося видитъ самостоятельное «я», въ себѣ самомъ носящее цѣль своего существованія, тотъ не позволитъ себѣ думать, будто школа должна дѣлать что-то другое, а не развивать это духовное «я» учащагося. Только при такомъ взглядѣ на дѣло образованія немыслимо и искушеніе заставить науку, имѣющую свою собственную цѣль въ познаваніи истины, служить чему-то иному, а не этому познаванію истины».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи почтенный авторъ и развиваетъ эту точку зрѣнія, оговариваясь, что все это азбучныя истины, которыя, къ сожалѣнію, далеко еще не вошли въ общее сознаніе.

Какая же цѣль общаго образованія, въ чемъ центръ проблемы его, спрашиваетъ авторъ. Могутъ быть двѣ точки зрѣнія на этотъ вопросъ: «На общее образованіе мы можемъ смотрѣть, какъ на нѣчто нужное прежде всего (и даже, пожалуй, исключительно) самому индивидууму, его получающему, или какъ на нѣчто нужное прежде всего тому обществу, въ которомъ этому индивидууму предназначено жить». Признавая обѣ точки зрѣнія законными, хотя и односторонними, такъ какъ личность и общество связаны неразрывно, авторъ самъ рѣшительно становится на индивидуалистическую точку, и мы вполнѣ въ данномъ случаѣ присоединяемся къ нему. Эта точка зрѣнія нигдѣ, быть можетъ, не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ именно въ дѣлѣ воспитанія и образованія. До сихъ поръ мы не знали и не знаемъ иной системы школы, кромѣ такой, въ которой личность всецѣло подавлялась во имя разныхъ цѣлей. Вся сущность толстовско-деляновской школы въ томъ и состояла, чтобы вытравлять въ воспитанникахъ все живое, индивидуальное, оригинальное, что такъ цѣнно въ человѣкѣ.

И правъ г. Карѣевъ, заявляя, что «худшее отношеніе, это-то, когда въ общественныхъ цѣляхъ, извѣстнымъ образомъ понятыхъ, искажаютъ самую сущность образованія, замѣняя его дрессировкой ради цѣлей, лежащихъ внѣ самой личности. Когда не просто хотятъ развить умъ человѣка, а навязать ему извѣстныя традиціи и сдѣлать его голову недоступной для идей, считаемыхъ «превратными», то въ основу всей системы общественнаго образованія кладутся догматизмъ, фанатизмъ и деспотизмъ, стремящіеся прежде всего убить въ воспитанникѣ всѣ проявленія его «я», сколько-нибудь не поддающіяся этой дрессировкѣ. Здѣсь—прямая, хотя бы и не всегда сознанная вражда къ личному развитію, къ личной иниціативѣ, ко всякому отклоненію отъ единоспасающей истины. Такова была школа іезуитовъ, подчинявшая воспитаніе юношества интересамъ католической церкви. Тѣмъ же духомъ отличался и россійскій классицизмъ послѣдней трети XIX в. Многое, къ сожалѣнію, указываетъ на то, что и въ будущемъ возможны разныя новыя формы подчине-

нія вопросовъ личнаго развитія—односторонне понятымъ интересамъ національности или государственности».

Не менѣе односторонни и ошибочны взгляды на школу, какъ на учрежденіе, подготовляющее *профессіональныхъ* работниковъ. Общее образованіе признается въ этомъ случаѣ лишь, какъ необходимая ступень для подготовки врачей, юристовъ, техниковъ и т. п.

Упуская изъ виду сущность образованія, забываютъ, что образованіе должно быть цѣлью само по себѣ, что лишь при этомъ условіи всѣ побочныя цѣли могутъ быть достигнуты въ полномъ объемѣ. Какъ націоналисты, такъ и профессіоналисты не хотятъ считаться съ природой человѣка, про которую давно уже сказано,—гони ее въ дверь, она войдетъ въ окно. Если навязывать людямъ насильно тѣ или иныя идеи, какъ бы онѣ ни казались спасительными и цѣлительными, можно достигнуть какъ разъ обратнаго результата. Эти идеи становятся тогда ненавистными и вмѣсто укрѣпленія ихъ въ душѣ воспитываемыхъ происходитъ ихъ вытравленіе. Какъ бы ни была обезличена личность воспитанника, въ ней всегда сохраняется инстинктивный протестъ противъ того, что ему насильно вколачиваютъ въ голову. Кажется, примѣръ у насъ на лицо, примѣръ яркій и самый свѣжій,—только что погребенный при всеобщемъ ликованіи классицизмъ. Проповѣдники націонализма и профессіонализма увѣрены, что этимъ жалкимъ результатамъ классицизмъ обязанъ самому себѣ, своимъ специфическимъ качествамъ. Это глубокое заблужденіе. Онъ сталъ всѣмъ ненавистенъ только съ того момента, когда сталъ орудіемъ забиванія личности, когда изъ средства образованія сталъ средствомъ подчиненія школы цѣлямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ образованіемъ. Мы рѣшительно не видимъ, почему профессіонализмъ или націонализмъ не могутъ стать тѣмъ же, если школа будетъ преобразована на такихъ же началахъ, какъ и раньше, только мѣсто классицизма займутъ соотвѣтственные предметы по рецепту націоналистовъ или профессіоналистовъ. «Дѣлать изъ образованія средство консолидаціи на вѣки вѣчные національныхъ идеаловъ и въ то же время думать о развитіи личности—двѣ вещи несовмѣстимыя,—говоритъ справедливо г. Карѣевъ. И Сократъ (можно добавить—и Христосъ тоже. *А. Б.*) былъ осужденъ во имя общественнаго интереса со ссылкой на то, что онъ отвергаетъ боговъ, установленныхъ государствомъ. Новѣйшій націонализмъ,—у насъ ли, на Западѣ ли,—есть тоже своего рода поклоненіе нѣкоторымъ богамъ, ревниво оберегающимъ юношество отъ развращенія его искаженіемъ истины».

Школа должна быть свободна отъ всѣхъ извнѣ навязываемыхъ ей цѣлей, такъ какъ цѣль образованія—знаніе, а оно преслѣдуетъ только истину. Именно такая только школа и даетъ въ конечномъ итогѣ не только людей образованныхъ, но прежде всего—гражданъ, т. е. людей, сознательно и добровольно подчиняющихъ личные интересы общественнымъ. Достигаетъ этой конечной цѣли такая свободная школа исключительно тѣмъ, что въ воспитанникѣ признаетъ прежде всего человѣка, а не орудіе, которое надо приспособить, обшлифовать и обдѣлать для невѣдомыхъ ему цѣлей. «Всѣ поколѣнія народа,—

говоритъ почтенный авторъ,—съ этической точки зрѣнія равноцѣнны, и ни одно не можетъ быть средствомъ для цѣлей другого. То же самое и въ индивидуальной жизни: въ каждый отдѣльный моментъ человѣкъ живетъ своимъ настоящимъ, а не для будущаго только, и жертвовать цѣликомъ однимъ возрастомъ человѣка для цѣлей, которыя могутъ быть имъ самимъ поставлены и вообще достигнуты лишь въ другомъ, значитъ на время лишить его элементарнаго человѣческаго права не быть всецѣло только средствомъ, не быть вещью... Ложна та педагогика, которая, стремясь сдѣлать изъ воспитанника человѣка въ будущемъ, не признаетъ въ немъ человѣка и въ настоящемъ». Въ этихъ словахъ—суть вопроса, тотъ камень, который одинъ лишь можетъ служить прочной, незыблемой основой школы. Всякая реформа, не желающая считаться съ этимъ кореннымъ свойствомъ человѣка—жить для себя, для своей жизни, быть самому цѣлью, а не объектомъ для какой-то цѣли,—осуждена безповоротно на крушеніе. Ибо для каждаго, десять ли ему лѣтъ, или семьдесятъ, жизнь равно дорога, и когда не желаютъ признавать этого инстинктивнаго стремленія жить и радоваться жизни,—ничто не примиритъ насъ съ этимъ.

Къ сожалѣнію, мы *всѣ* постоянно забываемъ объ этомъ. Будучи сильнѣе дѣтей, мы мучимъ ихъ вполнѣ добросовѣстно, продѣлывая всяческіе эксперименты и отравляя имъ жизнь, а потомъ печально удивляемся, отчего они такія вялыя, отчего въ нихъ такъ мало жизнерадостности, отчего, еще не начавъ жить,—какъ намъ кажется, — они уже готовы такъ часто отказаться отъ жизни, а часто и отказываются. Все тогда призывается къ отвѣту, забываемъ только одно, какъ мало мы уважаемъ дѣтей. Вотъ и теперь, когда мы такъ озабочены реформой школы, такъ хлопочемъ—кто о насажденіи истинно русскаго духа въ школѣ, кто о профессіональныхъ знаніяхъ, — мы меньше всего думаемъ о самихъ опекаемыхъ и воспитываемыхъ. Неизвѣстно почему, но мы свято вѣримъ, что, переставивъ одинъ предметъ на мѣсто другого, замѣнивъ одинъ учебникъ другимъ, поставивъ «отечествовѣдѣніе» на мѣсто Кюнера,—мы привьемъ дѣтямъ такую любовь къ школѣ, что отъ старой вражды и тѣни не останется. Наставники соединятся тогда съ воспитанниками въ братскомъ союзѣ, исчезнутъ блѣдныя, анемичныя, вялыя фигуры нашихъ гимназистиковъ, и процвѣтетъ школа во всей своей красѣ. О, если бы это было такъ, какъ легко совершались бы тогда реформы! Но въ томъ и дѣло, что реформа средней школы не лежитъ въ программахъ и учебникахъ, она — въ насъ самихъ, въ окружающей ее средѣ, изъ которой нельзя вынуть школу, какъ изъ ящика, и переставить ее въ другой. Школа, быть можетъ, больше, чѣмъ все остальное, связана съ окружающей жизнью, и чѣмъ тоньше, чѣмъ невидимѣе эти связующія нити, тѣмъ онѣ важнѣе, тѣмъ вліятельнѣе и значительнѣе. Взаимодѣйствіе общества и школы можно прослѣдить лишь въ грубыхъ отношеніяхъ. Общество въ правѣ предъявлять школѣ опредѣленныя требованія, чтобы она давала людей образованныхъ и развитыхъ, физически и умственно свѣжихъ, бодрыхъ и жизнерадостныхъ. Школа въ правѣ требовать у общества средствъ и свободы въ специфическомъ кругу подлежащихъ ея вѣдѣнію предме-

товъ и методовъ преподаванія. Но кромѣ этихъ обязательныхъ требованій, есть рядъ особыхъ неуловимыхъ отношеній. Не можетъ школа дать жизнерадостныхъ воспитанниковъ, если нѣтъ жизнерадостности вокругъ. Не можетъ школа найти и тѣхъ чистыхъ и мудрыхъ наставниковъ, которые должны быть ея свѣточами и руководителями, если ихъ нѣтъ въ жизни. Тонъ, окраска послѣдней есть также тонъ и окраска школы. Самое большее, что можетъ дѣлать правильно поставленная при такихъ условіяхъ школа, это — не прибавлять новыхъ уродствъ, не класть на умъ и душу воспитанника лишняго гнета и по возможности вооружить его знаніемъ для предстоящей жизни. А для этого—поменьше спеціальныхъ, партійныхъ тенденцій, побольше свободы для проявленія внутреннихъ, скрытыхъ влеченій учениковъ, подальше отъ всякой дрессировки. «Другими словами,—какъ говоритъ г. Карѣевъ,—идеалъ образованія не въ томъ, чтобы имъ удовлетворялась только та или другая потребность будущаго, въ настоящемъ еще не существующая и даже мало понятная, а въ томъ, чтобы оно шло на встрѣчу уже проявившимся или проявляющимся потребностямъ настоящаго, уже ихъ удовлетворяло и тѣмъ постоянно достигало основной цѣли развивать мыслительныя способности, обогащать умъ реальными знаніями и отвлеченными идеями, расширять духовный горизонтъ личности». Личность воспитанника и ея развитіе должны быть неизмѣнно на первомъ планѣ. Иными словами—школа для личности, а не наоборотъ, какъ оно было до сихъ поръ.

На-ряду съ задачами общеобразовательной школы авторъ отмѣчаетъ проявившееся какъ у насъ, такъ и на Западѣ стремленіе къ самообразованію, которое явилось извѣстной компенсаціей школы. Оно расширило кругъ школьнаго образованія, дополняя его тѣми сторонами знанія, которыхъ школа по тѣмъ или инымъ причинамъ не даетъ. Значеніе самообразованія, по мнѣнію автора, громадно, такъ какъ именно здѣсь юношество свободно отдается своимъ влеченіямъ, избирая лишь тѣ отрасли знанія, къ которымъ лежитъ его душа. Правда, и въ этой области можно замѣтить опредѣленныя преобладающія влеченія, что указываетъ на извѣстную зависимость. «Въ исторіи умственныхъ стремленій русской молодежи можно отмѣтить цѣлые періоды, характеризующіеся преобладаніемъ извѣстныхъ умственныхъ интересовъ, напр., періодъ, когда на первомъ планѣ стояли естественныя науки, и періодъ, когда ихъ мѣсто заступила политическая экономія (вѣрнѣе, соціологическія науки и уже въ ихъ числѣ политическая экономія. *А. Б.*). Странно было бы думать, будто одно поколѣніе рождалось съ предрасположеніемъ къ естествознанію, а другое—съ явной наклонностью къ политической экономіи, какъ одни люди родятся музыкантами, другіе—живописцами и т. п. Особый интересъ, проявляемый юношею къ извѣстному роду знаній, можетъ быть только результатомъ культурнаго внушенія, и въ этомъ смыслѣ общественное мнѣніе играетъ такую же нивеллирующую роль, какъ и школа». Съ тою лишь разницей, что каждый беретъ столько и того, что ему больше по силамъ и по вкусамъ. Здѣсь, именно въ области самообразованія проявляется съ наибольшей правильностью вліяніе общественнаго мнѣнія, общественныхъ стремленій, не стѣсняемыхъ рамками программъ, на развитіе учащихся. Общество (въ самомъ широкомъ смыслѣ,

какъ противоположность личности) руководитъ индивидуумомъ въ выборѣ предметовъ изученія, безсознательно, но неудержимо увлекая его въ сторону существенныхъ своихъ потребностей. Дѣлаетъ оно это не путемъ насилія или принужденія, а выдвигая на первый планъ то, что для даннаго времени дѣйствительно важнѣе. Можетъ быть, въ этомъ свободномъ воздѣйствіи общества на стремящуюся къ знанію личность заключается прообразъ истинныхъ отношеній общества и школы будущаго, когда эти отношенія будутъ регулироваться не программами, вырабатываемыми внѣ школы и общества, а вмѣстѣ, въ дружной работѣ, цѣль которой будетъ одна — дать каждому возможность получить столько и такихъ знаній, сколько и какихъ каждый по силамъ воспринять.

Такія идеальныя отношенія, конечно, дѣло далекаго будущаго, но и теперь ничто не мѣшаетъ приближаться къ этому идеалу путемъ самообразованія, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на необходимое дополненіе школы, и послѣдней отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть на самообразованіе враждебно. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, было какъ разъ наоборотъ, и чтеніе, въ особенности серьезное и програмное, чуть не преслѣдовалось. Оно, по взглядамъ педагоговъ классической школы, отвлекаетъ отъ исполненія прямыхъ задачъ ученика, внушаетъ ему критическое отношеніе къ предметамъ преподаванія и нарушаетъ порядокъ въ занятіяхъ. И до сихъ поръ еще не отмѣнено старое запрещеніе—пользоваться книгами изъ общественныхъ библіотекъ для учениковъ среднихъ школъ. Если это запрещеніе всегда нарушалось и нарушается, то въ этомъ видна только сила жизни, которая всегда возьметъ свое, сколько ни запрещай. Между тѣмъ, правильно поставленное самообразованіе нисколько не мѣшаетъ школѣ, напротивъ, сильно содѣйствуетъ ея прямой задачѣ—давать знанія, прежде всего только знанія. Всѣ педагоги, какъ бы злобно они ни относились къ «чтенію», должны признать въ душѣ, что именно ученики, которыхъ они такъ часто ловили и ловятъ за «постороннимъ чтеніемъ»,—лучшіе ученики по развитію и поведенію (понимая послѣднее не въ смыслѣ только исполненія журнальныхъ предписаній). Ничто не мѣшаетъ самимъ педагогамъ направлять этотъ интересъ къ чтенію, если они потрудятся поближе познать интересы своихъ учениковъ и съ полнымъ уваженіемъ отнесутся къ нимъ. Но въ томъ и бѣда, что много и много потребуется времени и усилій, пока въ школѣ получитъ мѣсто не циркулярная, а настоящая любовь и довѣріе другъ къ другу руководителей и руководимыхъ.

Только пройдя такую широкую и свободную общую школу, воспитанники могутъ проявить въ полномъ объемѣ свои умственныя силы и въ области спеціальныхъ, прикладныхъ знаній. Нельзя быть хорошимъ врачомъ, адвокатомъ или инженеромъ, ограничиваясь исключительно узкимъ кругомъ своей спеціальности. Поэтому-то такъ много дѣлается теперь на Западѣ для возможно широкаго распространенія знаній, дѣлая ихъ доступными для всѣхъ. Тамъ уже поняли эту неразрывную связь между всѣми отраслями знанія и не жалѣютъ усилій для ихъ демократизаціи, такъ какъ каждый шагъ въ этомъ направленіи, повышая общій уровень знаній, повышаетъ и успѣхи въ области профессіональной. Спеціализація раздѣляетъ людей, но должна быть общая почва,

на которой спеціалисты не должны чувствовать этого раздѣленія, и эту почву даетъ общее для всѣхъ образованіе. Вотъ почему профессіонализмъ въ средней школѣ, утилитарное къ ней отношеніе, можетъ только подорвать основы образованія, не говоря уже о прямомъ вредѣ, какой приноситъ развитію слишкомъ ранняя спеціализація.

Такимъ образомъ гармоническое сочетаніе общаго и спеціальнаго образованія—вотъ цѣль школы, понимаемой въ самомъ высокомъ значеніи слова. Средняя школа, свободная отъ націонализма и всякой спеціализаціи, поставленная внѣ партій и сословныхъ различій, даетъ возможность широко проявить свои склонности и силы каждому воспитаннику, содѣйствуя его стремленію къ знаніямъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Самообразовательное чтеніе, разумно направляемое и руководимое опытными и дружескими наставниками укрѣпляетъ свойственное юности жадное стремленіе все познать, ко всему прикоснуться и все видѣть самому. Выяснившееся личное стремленіе къ той или иной наукѣ или спеціальности рѣшаетъ въ заключеніе вопросъ о будущей дѣятельности въ качествѣ профессіональнаго работника. «Школа и самообразованіе не должны приводить всѣхъ къ одному знаменателю, первая во имя всѣхъ общихъ задачъ, второе—въ виду своего рода требованій общественнаго мнѣнія,—говоритъ г. К. въ заключеніе своего разбора вопросовъ объ идеалѣ общаго образованія,—но въ то же время и школа, и самообразованіе всячески должны заботиться о томъ, чтобы въ извѣстномъ объемѣ учащееся юношество усвоивало по возможности разнородныя знанія. Интересъ къ знанію можетъ получить слишкомъ односторонній характеръ, и безъ регулирующаго дѣйствія школы или вліянія общественной среды отдѣльная личность можетъ слишкомъ рано спеціализироваться и въ результатѣ даже достигнуть большой учености при полномъ невѣжествѣ относительно всего остального, что нужно знать образованному человѣку... Внутреннія влеченія и внѣшнія обстоятельства жизни, вліяющія на выборъ профессій, все болѣе и болѣе индивидуализируютъ отдѣльныхъ личностей, но въ самомъ началѣ ихъ жизненнаго поприща между ними въ дѣтскомъ возрастѣ больше сходства. Одна изъ задачъ школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самообразованія заключается въ томъ, чтобы, съ одной стороны, не мѣшать проявленію и развитію внутреннихъ склонностей и способностей каждаго, напротивъ того, обнаруживать и укрѣплять ихъ, а съ другой, чтобы въ каждомъ воспитывать сознаніе необходимости общаго развитія и давать нѣкоторый комплексъ фактическихъ и идейныхъ знаній, равно необходимыхъ всѣмъ... На извѣстной ступени школьное общее образованіе должно прекращаться и уступить мѣсто спеціальному, но это не значитъ, что, напр., съ окончаніемъ гимназическаго курса и поступленіемъ на медицинскій факультетъ должно прекратиться и всякое общее образованіе молодого человѣка. Наоборотъ, здѣсь-то и должно усилиться самообразованіе, прочныя основы котораго должны быть заложены каждымъ въ средней школѣ, хотя бы въ видѣ привычки читать серьезныя книги, не имѣющія прямого отношенія къ учебнымъ занятіямъ. Съ одной стороны, какъ разъ около времени окончанія курса въ средней школѣ молодой человѣкъ только и можетъ почувствовать серьезную потребность въ самообра-

зованію, а съ другой—именно въ это же самое время онъ и оставляетъ общеобразовательную школу, чтобы посвятить себя спеціальнымъ занятіямъ, которыя сдѣлаютъ изъ него, напр., врача или инженера, но не пополнятъ его скудныхъ гимназическихъ знаній по вопросамъ культурной и общественной жизни человѣка».

А этимъ-то вопросамъ въ современной жизни придается главное значеніе, и не понимая ихъ, не умѣя оріентироваться въ этихъ сложныхъ и все усложняющихся вопросахъ—современный человѣкъ не можетъ жить. Прежде онъ могъ довѣряться немногимъ строгимъ формуламъ, руководствоваться нѣкоторыми догмами, и какъ бы ни суживало это его личную жизнь, онъ все же могъ чувствовать себя съ ними не дурно. Но теперь нѣтъ такихъ спасительныхъ формулъ, и остается одно—положиться только на самого себя, а для этого надо выработать въ себѣ энергію, инициативу и критическія способности. Благодарнѣйшая задача современной школы и заключается въ выработкѣ такой самостоятельной личности. Въ то же время это и труднѣйшая задача, но чѣмъ она труднѣе, тѣмъ и выше заслуга тѣхъ, кто сумѣетъ въ этомъ направленіи реформировать нашу среднюю школу, заглохшую и опустившуюся подъ невыносимымъ гнетомъ классицизма, нынѣ при всеобщемъ ликованіи похороненнаго, повидимому, навсегда.

«Новое о Пушкинѣ»—какое заманчивое заглавіе, невольно привлекающее вниманіе всякаго. Пушкинскіе дни все же прошли не даромъ и несомнѣнно оживили и подняли интересъ къ великому поэту. И вотъ около его памяти закопошились особаго сорта «литераторы», типичнымъ представителемъ которыхъ можетъ служить авторъ настоящей книги, г. Иванъ Щегловъ. Онъ подвизался до сихъ поръ въ области разной смѣхотворной литературы, разсчитанной на невысокій вкусъ. То онъ осмѣивалъ терзанія «дачнаго мужа», то въ юмористическихъ яко бы очеркахъ пытался возсоздать «панельную» жизнь петербургской улицы, стряпалъ пьесы и пьески для «народнаго» театра, то скорбѣлъ объ «убыли души» современнаго писателя—словомъ жилъ около литературы, и, повидимому, недурно жилъ. По крайней мѣрѣ, наиздавалъ онъ не мало разныхъ «юмористическихъ» разсказовъ, «добродушныхъ» очерковъ, «новыхъ пьесъ» и т. п. Особой славы не добился, но и карьеры себѣ не испортилъ. Началъ онъ, правда, когда-то (ахъ, какъ давно это было! Навѣрное, и самъ г. Щегловъ основательно забылъ о томъ времени) «Военными очерками», въ которыхъ проблескивала искорка непосредственнаго таланта, звучала нотка искренняго дарованія, въ свое время очень тепло привѣтствованнаго критикой. Но какъ-то случилось такъ, что искорка не разгорѣлась въ пламя, нотка не превратилась въ звучный аккордъ, и г. Щегловъ очень быстро примкнулъ къ безконечному ряду фельетонистовъ, подвизающихся въ легкомъ стилѣ себѣ на пользу, но безъ выгоды для литературы.

Наступаютъ, къ примѣру, пушкинскіе дни, и господа Щегловы ретиво и ревностно устремляются въ разныя стороны—въ засѣданія литературныхъ обществъ, на всякіе обѣды и тризны, въ «пушкинскіе уголки», разсыпаются

по провинціямъ и столицамъ—и между двухъ блюдъ, прожевывая кусочекъ балыка, строчатъ и проливаютъ слезы...

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
А тамъ, во глубинѣ Россіи...

«Да, что-то тамъ «во глубинѣ»,—неотступно думалось мнѣ, когда холоднымъ, дождливымъ утромъ поѣздъ Шуйско-Ивановской желѣзной дороги подходилъ къ станціи «Кинешма»...—такъ начинаетъ г. Щегловъ свою россійскую «анкету», что чувствовала Россія въ оны дни. Наивный русскій читатель уже заранѣе умиляется, представляя себѣ задумчивую фигуру г. Щеглова, погруженнаго въ глубокія думы. А г. Щегловъ чѣмъ далѣе, тѣмъ больше впадаетъ въ азартъ, входитъ въ роль и начинаетъ лить слезы потоками. Весь сотрясаясь отъ рыданій, онъ кидается въ городъ, хватаетъ за шиворотъ перваго встрѣчнаго на улицѣ и вопіетъ: «будетъ панихида или нѣтъ?» Ошарашенный провинціалъ недоумѣло вращаетъ глазами и спѣшитъ отдѣлаться отъ страннаго незнакомца полусловами: «Вѣроятно... кто его знаетъ... архіерей запретилъ»... Авторъ торжествуетъ: вотъ она, «матушка Россія»; тутъ Пушкинъ, можно сказать звѣзда и проч., а они—«Вѣроятно», «надо полагать»... И строчитъ-строчитъ: «Не найдя никакихъ свѣдѣній по части пушкинскаго юбилея у интеллигентныхъ сыновъ, я естественнымъ образомъ сталъ ихъ искать у фонарныхъ столбовъ—этихъ двойныхъ и, до сихъ поръ, чуть ли не единственныхъ просвѣтителей большинства провинціальныхъ городовъ»... Какая ядовитая «гражданская» острота! Сраженный ею на повалъ, читатель уже благоговѣйно внемлетъ, какъ Кинешма мало сдѣлала для памяти поэта, какъ плохо она его цѣнитъ и мало понимаетъ, и проникается восторженнымъ умиленіемъ, когда, наконецъ, г. Щегловъ, перепорхнувъ съ легкостью мотылька изъ Кинешмы въ Святыя Горы, начинаетъ свое «новое о Пушкинѣ». Какъ счастливый ловецъ, тамъ онъ сейчасъ же находитъ «старуху, которая знала Пушкина!» Но... прежде еще «маленькое отступленіе»: нѣсколько дежурныхъ слезъ капаетъ съ его пера по поводу няни Пушкина. Какъ! няню, Арину Родіоновну забыли! Гдѣ ея могила? Подайте ему сейчасъ же могилу няни. «Подумаешь, сколько было писано и переписано объ этой замѣчательной старушкѣ, а гдѣ ея могила, поди, никто не знаетъ... Бѣдная няня, и т. д.» Ну, кто не повѣритъ, что г. Щегловъ весь преисполненъ мыслями о Пушкинѣ, если даже его няня вызываетъ въ немъ такіе тяжкіе вздохи?.. Старуха, знавшая Пушкина, оказалась старухой, какъ и слѣдовало ожидать, ничего о Пушкинѣ новаго не повѣдавшей, что не помѣшало г. Щеглову пуститься въ догадки, не она ли послужила прототипомъ для «барышни-крестьянки», такъ какъ, по ея словамъ, однажды она ходила съ Пушкинымъ по грибы. Отецъ ея, сельскій священникъ, по прозвищу Шкода, конечно, никто иной, какъ типъ, послужившій для образа попа въ сказкѣ про Балду, а можетъ быть, и для монаха Варлаама въ сценѣ въ корчмѣ изъ «Бориса Годунова». Таковы первыя новинки о Пушкинѣ, вкладъ въ литературу важности необычайной, что готовы признать всѣ «пушкиніанцы».

Но это еще цвѣтики, въ сравненіи съ прочими открытіями, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить изслѣдованіе о прототипахъ для «Моцарта и

Сальери». Оказывается, бывъ осѣненъ особымъ наитіемъ въ одну изъ минутъ вдохновенія, г. Щегловъ додумался, что Сальери это поэтъ Баратынскій, а Пушкинъ—самъ Моцартъ. Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что насколько Пушкинъ искренно восхищался стихами Баратынскаго, настолько же послѣдній былъ неискрененъ по отношенію къ Пушкину и завистливо слѣдилъ за его успѣхами. Ну, Пушкинъ не выдержалъ, взялъ да и сочинилъ «Моцарта и Сальери», чтобы дать надлежащій урокъ завистнику. Послѣ этого всякому понятно, что отъ такого толкованія смыслъ этой драмы только усугубляется, а личность Пушкина выигрываетъ въ нашихъ глазахъ неизмѣримо: вотъ какъ геній даетъ уроки «злодѣйству». Въ восторгѣ отъ своего остроумія г. Щегловъ затѣмъ пускается уже безстрашно въ плаваніе по морю догадокъ и открытій, тѣмъ болѣе легкихъ, что всѣ они совершаются post factum. Что разумѣлъ Пушкинъ, сочиняя «Каменнаго Гостя», эту поэму съ испанскаго? Никого другого, какъ самого себя. Онъ уже тогда предчувствовалъ свою печальную судьбу, и такъ какъ былъ влюбленъ до женитьбы «103» раза, то и сознавалъ, что теперь ему конецъ, что пришла его донна Анна, и все это изобразилъ, а г. Щегловъ намъ разъяснилъ.

Этихъ открытій намъ совершенно достаточно, и дальше за г. Щегловымъ мы не пойдемъ. Онъ, можетъ быть, еще такую же книгу о Пушкинѣ тиснетъ, разохотившись легкими лаврами и соотвѣтственнымъ гонораромъ. Насъ въ этой потѣшной, яко-бы ученой болтовнѣ интересуетъ другой вопросъ,—почему писатели этого сорта такъ облюбовали Пушкина? Казалось бы, что онъ имъ и что они ему? Не вырвался ли бы у него изъ глубины души вопль:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

Теперь близится новая, не менѣе знаменательная годовщина, пятидесятилѣтіе смерти Гоголя, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать ту вакханалію, какую устроятъ на его могилѣ. Одна «Переписка съ друзьями» доставитъ богатѣйшій матеріалъ, а сколько слезъ прольется при этомъ!.. Право, нѣкоторая сдержанность общества, за что столь горько упрекаетъ его г. Щегловъ, не этимъ ли и объясняется, что ужъ слишкомъ въ этихъ случаяхъ бьютъ тревогу и хлопочутъ гг. Щегловы?

П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

(Къ 50-ти-лѣтію литературной дѣятельности).

Едва ли есть въ Петербургѣ, въ числѣ современныхъ литераторовъ, лицо болѣе популярное, всѣмъ знакомое и въ обществѣ, и кружкахъ артистическихъ, и среди «пишущей братіи»,—почтеннаго Петра Исаевича Вейнберга, справляющаго нынѣ 50-ти-лѣтіе своей литературной и переводческой дѣятельности. Есть, конечно, имена болѣе славныя въ нашей литературѣ, репутаціи—болѣе громкія, но кому, изъ сколько-нибудь интересующихся литературой у насъ, не приходилось встрѣчать П. И. Вейнберга—неутомимаго и умѣлаго организатора литературныхъ вечеровъ, опытнаго лектора на публичныхъ чтеніяхъ и по преподаванію исторіи всеобщей литературы, дѣятельнаго члена литературныхъ кружковъ, вотъ уже 16 лѣтъ безсмѣнно засѣдающаго въ Театрально-литературномъ комитетѣ, бывшаго предсѣдателя Союза писателей и нынѣ предсѣдателя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературный фондъ)? Маститый старецъ, бодрый, энергичный, живой и неизмѣнно привѣтливый, у всѣхъ въ памяти, и какъ-то не вѣрится, чтобы какое-нибудь литературно-артистическое торжество могло обойтись безъ его участія. Отзывчивый на всѣ нужды литературы и литераторовъ, тонкій цѣнитель и судія произведеній изящной словесности, П. И. Вейнбергъ съ юныхъ лѣтъ создалъ себѣ культъ поэзіи и воспиталъ свой вкусъ на широкомъ знакомствѣ съ произведеніями западноевропейскихъ и античныхъ литературъ, къ которымъ присоединялось основательное знакомство съ произведеніями отечественной литературы. Современникъ Тургенева и Достоевскаго, другъ Григоровича, по литературнымъ сношеніямъ близкій Некрасову, Полонскому, Майкову и многимъ другимъ, П. И. Вейнбергъ пережилъ счастливый періодъ расцвѣта русской литературы и русской поэзіи, выступая поочередно и редакторомъ, и сотрудникомъ многихъ журналовъ и повременныхъ изданій. Онъ уже началъ дѣлиться со слушателями и издателями своими воспоминаніями, представляющими значительный интересъ, по многоразличнымъ отношеніямъ Петра Ис. къ нашей періодической печати, къ писателямъ и къ представителямъ театрально-артистическаге міра *),

*) См. «Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній» (М. С. Щепкинъ и П. С. Мочаловъ) въ «Ежегодникѣ Имп. Тетровъ», 1895; «Литературные Спектакли», тамъ же; «Изъ Дневника». Наблюденія, воспоминанія, мысли, въ «Новостяхъ» за 1895 годъ «Изъ Школьныхъ воспоминаній» въ «Русской Школѣ», «Безобразный поступокъ вѣка», въ «Историческ. Вѣстн.» 1900 г.

За библіографическія указанія къ настоящей замѣткѣ приносимъ благодарность С. А. Венгерову.

и можно только желать скорѣйшаго умноженія такихъ воспоминаній, въ которыхъ отражается интересная эпоха русской жизни.

Дѣятельность П. И. Вейнберга чрезвычайно разнообразна, хотя и вращается все у того же главнаго его интереса къ изящной литературѣ. Его поприщемъ служитъ журналистика, школа и театръ. Онъ началъ свою дѣятельность, какъ журналистъ, печаталъ переводы и оригинальныя стихотворенія (см. н.), рецензіи и обозрѣнія; съ 1868 г. онъ перешелъ на педагогическую дѣятельность *), не прерывая связей съ журнализмомъ, а по защитѣ магистерской **) диссертаціи въ Варшавѣ, въ 1872 году, преподавалъ русскую и иностранную литературу въ среднихъ и высшихъ школахъ, читалъ публичныя лекціи, издалъ, между прочимъ, сборникъ для школъ по «европейскому театру», заинтересовался самостоятельно театромъ, читалъ лекціи по сценическому искусству въ театральной школѣ, написалъ нѣсколько прологовъ для сцены («Прологъ» къ открытію театра Горевой въ Москвѣ, напечат. въ «Новостяхъ» за 1889 г.», «Милліонъ терзаній», прологъ въ I дѣйствіи, напеч. въ «Ежегодникѣ Имп. Театр». 1893—1894 гг.; и отдѣльно въ 1895 г.; «У Фонъ-Визина», прологъ въ I-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, въ «Ежегодн. Имп. Театровъ», 1891—1892 года, отдѣльно 1893 г.; стихотвореніе «Смѣхъ», къ 50-лѣтію «Ревизора». Спб. 1886 г.), приспособилъ къ сценѣ «Дворянское Гнѣздо» Тургенева; далъ для русской сцены рядъ переводовъ иностранныхъ драматурговъ (см. н.), наконецъ, служба въ театрально-литературномъ комитетѣ ставила его въ постоянное соприкосновеніе съ интересами русской сцены и держала въ курсѣ текущей драматической литературы.

Хотя, какъ выше упомянуто, П. И. Вейнбергъ пріобрѣлъ въ Варшавскомъ университетѣ научную степень магистра по исторіи всеобщей литературы, но, повидимому, къ спеціально-научной дѣятельности у него не было особаго призванія. Онъ скорѣе любилъ поэзію, какъ поэтъ, чѣмъ какъ изслѣдователь или историкъ; изучалъ ее не съ точки зрѣнія законовъ и процессовъ художественнаго творчества, исторической эволюціи и даже не по отношеніямъ ея къ другимъ функціямъ общественной жизни; онъ любилъ ее ради нея самой, какъ преданный ея почитатель, вѣрящій въ ея могущественное вліяніе на души людей. Въ своихъ вступительныхъ словахъ и лекціяхъ онъ старался по возможности оттѣнить это самостоятельное значеніе поэзіи, какъ живой силы, свѣточа міра, какъ «дара боговъ», дающаго возможность людямъ пережить самые высокіе моменты духовнаго подъема. Свои и чужіе писатели ему были равно близки и онъ безъ опаски пускался вглубь вѣковъ, всегда готовый привѣтствовать и ощутить истиннаго поэта, къ какой бы эпохѣ и народности онъ ни принадлежалъ, какъ бы ни отличалась обстановка жизни того времени отъ нашего, не придавая столь рѣшительнаго значенія «обстановкѣ»,—ни въ смыслѣ политики, ни даже исторіи, такъ какъ въ поэзіи, кромѣ историческихъ отношеній, есть и вѣчное содержаніе. Впрочемъ, П. И. Вейнбергъ все же болѣе

*) См. вступительную лекцію по исторіи русск. литерарат. напечат. въ циркулярѣ по управленію варшавск. учебн. округа, 1868, 6.

**) За диссертацію «Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ», 1872 г. Варшава.

специализировался по новѣйшимъ литературамъ и нѣсколько напечатанныхъ имъ журнальныхъ статей посвящены анализу литературной дѣятельности: Виктора Гюго (въ «Сѣверн. Вѣст.» за 1885 г.); нѣмецкихъ поэтовъ временъ «Бури и Натиска» въ (книжкахъ «Недѣли» 1892 г.); романовъ Жоржъ-Зандъ (въ «Сѣверн. Вѣстн.» 1894 г.) рядъ статей въ «Русскомъ Богатствѣ»—о Робертѣ Бернсѣ (1896 г.), о Леопарди (1898 г.), о Мицкевичѣ (1899 г.) и— «Новые матеріалы для исторіи Молодой Германіи» (съ сентября 1901 г). Статьи—преимущественно «описательнаго» характера, не возбуждающія новыхъ вопросовъ, но въ спокойномъ изложеніи человѣка со вкусомъ и начетчика предлагающія характеристики и оцѣнки признанныхъ достоинствъ того или другого писателя. У П. Ис. Вейнберга сильнѣе сказывалась жилка, такъ сказать, «пропагандиста» изящной литературы, стремящагося распространять свѣдѣнія и поддерживать память о достопамятныхъ дѣятеляхъ въ этой области, чѣмъ эрудита или критика, въ тѣсномъ смыслѣ слова; онъ особенно потрудился для средней школы, причемъ издалъ цѣлый рядъ полезныхъ пособій, которыя тѣмъ значительнѣе, что относились къ предмету, бывшему до сихъ поръ въ загонѣ въ нашихъ среднихъ школахъ. Выступая передъ аудиторіей «взрослыхъ» съ чтеніями по исторіи русской и всеобщей литературы или въ видѣ систематическихъ курсовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на педагогическихъ курсахъ и въ Университетѣ *) или серіями публичныхъ лекцій, въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ провинціи, П. И. Вейнбергъ неизмѣнно привлекалъ значительное число слушателей, которые не могли не оцѣнить качествъ изложенія маститаго лектора и его горячей преданности своему предмету.

Эта преданность выразилась съ особымъ рельефомъ и въ той отрасли его дѣятельности, которой онъ всего болѣе удѣлилъ труда—именно въ его переводахъ. Вначалѣ своей литературной карьеры П. И. Вейнбергъ, какъ было упомянуто, печаталъ оригинальныя стихотворенія, которыя вышли отдѣльными изданіями въ 1854 и въ 1863 гг. («Юмористическія стихотворенія Гейне изъ Тамбова»), но усвоенный авторомъ псевдонимъ свидѣтельствуетъ, по собственному признанію П. Ис., что юный тогда поэтъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ поэзіи Гейне и добросовѣстно «отдалъ честь» своему непосредственному вдохновителю, прибавивъ лишь слова—«изъ Тамбова», указывавшія на пріуроченіе вдохновенія къ мѣстнымъ русскимъ отношеніямъ. Разумѣется, «гейновскимъ» представляется лишь общій тонъ и нѣкоторыя отдѣльныя заимствованія мотивовъ сборника, въ которомъ съ другой стороны чувствуются вліянія русскихъ поэтовъ—Некрасова, Алекс. Толстого, даже Мятлева, а порою даются простыя пародіи, которыя не особенно вяжутся съ послѣдующимъ серьезнымъ отношеніемъ къ поэзіи П. И. Вейнберга. Многое въ раннихъ стихотвореніяхъ его имѣло лишь временный, такъ сказать «злободневный» интересъ, а современная дѣйствительность настолько перемѣнилась, что судить объ ихъ значеніи трудно, не возстановляя въ памяти тогдашнія отношенія. Но, по крайней мѣрѣ, одно изъ шутливыхъ произведеній Петра Ис., знаменитое, общеизвѣст-

*) П. Ис. Вейнбергъ былъ прив.-доцентомъ С.-Петербургскаго университета до 1899 г.

ное—«Онъ былъ титулярный совѣтникъ», сохранило по нынѣ свое неувядаемое грустно-комическое значеніе, ибо трудно выразить рельефнѣе въ восьми строкахъ весь тупой гнетъ соціально-бюрократическихъ предразсудковъ на индивидуальную жизнь. Въ этой пьесѣ мы уже имѣемъ тотъ «смѣхъ сквозь слезы», который, несмотря на избитость даннаго выраженія, придаетъ наибольшую цѣнность даже юмористическимъ произведеніямъ. Подъ весьма замѣтнымъ вліяніемъ Некрасова написаны и многія изъ серьезныхъ стихотвореній П. И. Вейнберга, но такъ какъ съ подражаній начинаютъ почти всѣ писатели и художники, то мы еще не можемъ судить по начальнымъ опытамъ нашего поэта, что изъ него могло стать со временемъ, въ какой мѣрѣ онъ бы развилъ и выработалъ свою духовную индивидуальность, если бы онъ не повернулъ на тотъ путь поэта-перевдочика, на которомъ требуется, прежде всего, какъ бы нѣкоторое самопожертвованіе. Правда, П. И. Вейнбергъ и впослѣдствіи продолжалъ писать оригинальныя стихотворенія, преимущественно на тотъ или другой случай. Нѣкоторыя изъ его самостоятельныхъ стихотвореній, какъ, напр., «Двѣ свадьбы», «У моря» (Развернулось предъ мною—Безконечной пеленою) и др., пользуются особой популярностью, какъ чрезвычайно благодарныя для декламаціи съ эстрады, но въ общемъ П. И. Вейнбергъ не столько выражалъ заботу о пріобрѣтеніи своей, индивидуальной физіономіи, какъ самостоятельнаго поэта, а именно какъ бы пожертвовалъ собой, чтобы стать наивозможно вѣрнымъ, добросовѣстнымъ переводчикомъ чужихъ произведеній, приноровивъ свой талантъ лишь къ тому, чтобы дать переводамъ подходящую художественную форму.

Дѣятельность переводчика, въ самомъ дѣлѣ, требуетъ самопожертвованія. Она есть трудное и неблагодарное дѣло, которое хотя отчасти и вознаграждается удовольствіемъ проникновеннаго изученія великихъ писателей, такого изученія, которое почти не бываетъ, если не ставить себѣ этой задачи—художественнаго перевода; но съ другой стороны, дѣло это и неблагодарное, ибо требуетъ постояннаго оттѣсненія своего «я», чтобы не увлечься образомъ, не придать ему субъективнаго значенія, не приписать автору собственнаго настроенія. И въ исторіи переводной литературы, у насъ и на западѣ, усматривается нѣсколько моментовъ. Въ началѣ почти всегда замѣчается стремленіе къ вольной передачѣ, при неумѣненіи или нежеланіи обособить свои личныя мысли, чувства и настроенія отъ иностраннаго текста, съ которымъ имѣешь дѣло. Напомнимъ, что въ XVII вѣкѣ во Франціи Пьеръ Д'Абланкуръ возводилъ въ принципъ неточность перевода: принимаясь за древняго автора, онъ слѣдилъ въ текстѣ за тѣмъ, что считалъ правильнымъ и разумнымъ, со своей точки зрѣнія, отнюдь не заботясь о передачѣ подлинника въ его настоящемъ видѣ. Это казалось ему дѣломъ несущественнымъ и даже ненужнымъ. Такое утилитарное отношеніе къ иностраннымъ авторамъ, изъ которыхъ выбирается только то, что нравится, такое наивное смѣшеніе себя съ другимъ лицомъ, на основаніи общности разума, который для всѣхъ долженъ быть одинъ, намъ кажется теперь страннымъ и невѣроятнымъ; однако, несмотря на заявленіе Леконта де-Лилля, что время неточныхъ переводовъ навсегда миновало, сколько пере-

водчиковъ и по нынѣ еще впадаютъ, болѣе или менѣе безсознательно, въ ту же ошибку, хотя бы они и не опирались, какъ Д'Абланкуръ, на теорію о единствѣ разума, по которой оправдывалось отступленіе отъ подлинника. И именно по отношенію къ произведеніямъ изящной литературы, переводчики,—въ большинствѣ случаевъ сами поэты, литераторы,—всего скорѣе увлекаются въ сторону «переложеній», или не проникаясь въ достаточной мѣрѣ содержаніемъ подлинника, или считая неизбѣжнымъ примѣнить его къ своему пониманію, приспособить ко вкусамъ и взглядамъ своихъ читателей. Чтобы вольный переводъ и переложеніе не обратились въ простое искаженіе подлинника, для этого надо не только вдумчивое отношеніе къ тексту, но и основательная подготовка; наконецъ, нужно и умѣніе владѣть въ значительномъ совершенствѣ роднымъ языкомъ. Переводчикъ подобенъ музыканту, который въ равной почти мѣрѣ долженъ научиться играть на двухъ или нѣсколькихъ инструментахъ: безъ живого чувства къ чужому языку, онъ никогда не уловитъ всѣхъ оттѣнковъ оригинала, и если онъ недостаточно владѣетъ тонкостями своего языка, онъ никогда не создастъ художественнаго перевода. Возможно ли совмѣстить такое знаніе, и не одного, а нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, съ полнымъ, всестороннимъ обладаніемъ родною рѣчью? Это камень преткновенья большинства переводчиковъ. Мало того, существуетъ мнѣніе, не лишенное основаній, что есть вещи непереводимыя и что вообще переводъ никогда не можетъ замѣнить чтеніе въ подлинникѣ. И въ этомъ отношеніи П. И. Вейнбергъ выказывалъ порою сдержанность, которая, отнюдь не умаляя его способностей виртуоза въ передачѣ чужихъ произведеній на родную рѣчь, служитъ показателемъ его вкуса: вмѣсто того, чтобы видоизмѣнить подлинникъ или нарушать художественность передачи, онъ предпочиталъ отмѣчать непереводимыя стихотворенія, цитируя ихъ въ подлинникѣ *). Однако, какія бы ограниченія ни приходилось вообще дѣлать значенію переводовъ, которые, преслѣдуя одновременно двѣ цѣли—точность передачи и самостоятельную художественность формы, почти всегда являются лишь приблизительной, примѣрной передачей оригинала, подчиненной къ тѣму же условіямъ времени (вслѣдствіе этого почти нѣтъ такихъ художественныхъ переводовъ, которые могли бы считаться окончательными),—они отвѣчаютъ широкому запросу усвоенія чужого, какъ «своего сокровища». Едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что національная литература достигаетъ полной степени зрѣлости только тогда, когда она обладаетъ достаточно гибкимъ языкомъ и разнообразіемъ художественныхъ формъ, чтобы сдѣлать своимъ достояніемъ произведенія иностранныхъ литературъ. П. И. Вейнбергъ выступалъ на литературномъ поприщѣ какъ разъ въ такой моментъ зрѣлости русской литературы. Имѣя великихъ предшественниковъ и въ дѣлѣ художественныхъ переводовъ, онъ шелъ рука объ руку съ тѣми поэтами, которые самостоятельно развивали и разрабатывали наслѣдіе Пушкина, и примѣнилъ выработанный и окрѣпшій русскій стихъ къ тому, чтобы пріобщить къ русской литературѣ «чужія сокровища».

Началъ П. И. свою дѣятельность въ этомъ направленіи съ переводовъ изъ

*) См. въ указ. статьѣ о В. Гюго.

французскихъ поэтовъ; однако, небольшія стихотворенія изъ Виктора Гюго («Молитва обо всѣхъ»), изъ Альфреда Мюссэ («Мадридъ» и друг.) и одинокій отголосокъ античной поэзіи (переводъ оды Горація къ Делію) стали чередоваться съ переводами изъ того поэта, къ которому П. И. Вейнбергъ чувствовалъ больше всего склонности, влеченія, даже болѣе того—сродства по духу и по темпераменту. Онъ началъ, какъ было указано, съ вольныхъ переложеній на мотивы изъ Гейне, но, чѣмъ дальше, старался все ближе и ближе воспроизвести «подлиннаго» Гейне, чтобы закончить полнымъ собраніемъ его произведеній, вышедшихъ въ переводахъ—или самостоятельныхъ, или проредактированныхъ Петромъ Исаевичемъ *). За долгую литературную карьеру Вейнберга мы видимъ, что онъ постоянно, по тому или другому случаю, возвращался къ своему любимому поэту: то разбирая чужіе переводы Гейне (напр., М. Л. Михайлова въ «Библ. для Чт.» за 1858 г.), то сообщая о новыхъ матеріалахъ для біографіи Гейне («Русск. Слово» 1863 г.), то разсматривая посмертныя сочиненія Гейне («Отечеств. Зап.» 1870 г.), повѣствуя о его дѣтствѣ и первой молодости («Пчела» 1876 г.), разсказавъ затѣмъ болѣе подробно его біографію (изд. Павленкова 1891 г.), наконецъ, помѣстивъ въ разныхъ журналахъ переводы стихотвореній Гейне, перечислять которые было бы излишне, такъ какъ они вошли въ упомянутое «Собраніе сочиненій Гейне». Такая преданность нѣмецкому поэту въ значительной мѣрѣ объясняется, какъ было замѣчено, внутреннимъ сродствомъ по духу и по темпераменту; подобно тому, какъ Бодлеръ «націонализовалъ» во Франціи Эдгара По, котораго выносилъ въ своемъ сердцѣ, такъ и П. И. Вейнбергъ далъ намъ цѣльнаго Гейне, хотя отдѣльныя его стихотворенія и были у насъ переведены не только Лермонтовымъ и Ал. Толстымъ, но почти всѣми выдающимися поэтами послѣпушкинской эпохи. П. И. дополнилъ эти переводы, многое перевелъ заново; съ Гейне сближало его и отъ Гейне онъ перенялъ умѣнье подъ шутливой формой скрыть глубокую сердечную привязанность, остроумные à propos, бойкій стихъ, порой не безъ ѣдкаго сарказма, и грустное раздумье, смѣняющееся неугасимой надеждой на свѣтлое будущее и вѣру въ человѣчество (ср., напримѣръ, стихотвореніе П. Ис. посвященное Н. К. Михайловскому, въ сборникѣ «На славномъ посту»). Однако хотя за П. Ис. Вейнбергомъ по преимуществу остается заслуга переводчика, издателя и комментатора Гейне, онъ значительно расширилъ область своей дѣятельности. Подъ его редакціей и при его непосредственномъ участіи, выходитъ цѣлая серія изданій европейскихъ классиковъ, то принаровленныхъ къ потребностямъ школы, «для учащихся» (Софоклъ, Дантъ, Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ, Шериданъ), то отдѣльными произведеніями («Уріель Акоста» Гуцкова, «Натанъ Мудрый» Лессинга, «Марія Стюартъ» Шиллера, «Ченчи» Шелли, многія драмы Шекспира: «Отелло», «Генрихъ VIII», «Тимонъ Аѳинскій», «Венеціанскій купецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно», «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ», «Виндзорскія кумушки», «Комедія ошибокъ», «Безплодныя усилія

*) Послѣдній томъ переводовъ Гейне только что появился въ печати. Обстоятельный разборъ всего изданія представленъ проф. О. А. Брайномъ для напечатанія въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» за текущій годъ.

любви» и напослѣдокъ сцены изъ «Ромео и Юліи»), то собраніями сочиненій (Людвигъ Берне, въ 2-хъ тт. 1869—1896 гг., Гете въ 8 томахъ, изд. Гербеля, подъ ред. П. В. 1892—1895 гг.; Франсуа Коппе, 1889 г.; «Избранныя стихотворенія Виктора Гюго», подъ ред. П. В. 1889 г.).

Работа редакціонная постоянно чередуется у П. И. съ дѣятельностью переводчика, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ и вполнѣ заслуженномъ довѣріи, которое основывается на общепризнанныхъ качествахъ переводовъ Петра Ис. Вейнберга: ихъ точности, добросовѣстности, какъ по отношенію къ оригиналамъ, такъ и въ отдѣлкѣ русской передачи, т.-е. строгомъ соблюденіи правильнаго, литературнаго языка. Больше всего П. Ис. Вейнбергъ переводилъ съ нѣмецкаго; кромѣ «старыхъ» классиковъ, т.-е. Лессинга, Шиллера и Гёте, кромѣ переводовъ изъ Уланда, Фрейлиграта, Ленау, Гаммерлинга, слѣдуетъ отмѣтить, что П. Ис. содѣйствовалъ ознакомленію у насъ съ произведеніями народной нѣмецкой поэзіи («Отеч. Зап. 1870 г. и «Дѣло»); и не только нѣмецкой народной поэзіи—онъ переводилъ и шотландскіе, и древнеанглійскіе памятники народнаго творчества («Отеч. Зап.» 1868 и 1875 гг.) представилъ даже образецъ литовской народной пѣсни (вѣроятно съ нѣмецкаго перевода, «Отеч. Зап.» 1875); это совмѣщеніе интереса къ искусственной и къ безыскусственной поэзіи, къ произведеніямъ корифеевъ иностранной литературы и къ памятникамъ народнаго творчества—весьма характерный симптомъ эпохи, пережитой маститымъ переводчикомъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ своимъ поколѣніемъ и умѣлъ откликаться на разносторонніе интересы своихъ современниковъ.

За нѣмецкой литературой онъ слѣдилъ до ея новѣйшихъ представителей и напослѣдокъ исполнилъ переводъ даже пьесы Зудермана («Фрицинька»), представивъ раньше съ нѣмецкаго перевода Ибсена русскій переводъ его «Норы». Вслѣдъ за переводомъ англійскихъ классическихъ поэтовъ (Шекспира, Байрона, Шелли), П. И. Вейнбергъ представилъ болѣе полный очеркъ англійской поэзіи въ изданіи Гербеля (1875) и затѣмъ обратился къ американскимъ поэтамъ («Отечеств. Зап.» 1877 г. № 4) и такъ же далъ образцы изъ Браунинга («Плачъ дѣтей»). Изъ французскихъ поэтовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ В. Гюго, Мюссе, Коппе, отмѣтимъ еще переводы изъ Л. Аккерманъ («Отеч. Зап.» 1876 г.) и Ришпена (1877 г.). Кстати, по вопросу о выборѣ авторовъ для перевода, нельзя не замѣтить, что если П. И. удѣлялъ почти равное вниманіе классическимъ писателямъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, популяризовалъ и древнихъ классиковъ,—онъ съ нѣкоторой сдержанностью относился къ французскимъ классикамъ XVII вѣка и только въ статьѣ о Расинѣ, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, какъ бы представилъ «реабилитацію» французскаго поэта, къ которому, также какъ и къ Корнелю, относился сперва съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, подчинившись обаянію Виктора Гюго, ставъ на сторону «романтиковъ» въ ихъ старой борьбѣ съ «классиками». Но вкусы П. И. Вейнберга въ выборѣ переводовъ носятъ, во всякомъ случаѣ, опредѣленный характеръ въ томъ отношеніи, что, всегда внимательный къ «образцовымъ» писателямъ старинныхъ эпохъ, онъ изъ новыхъ отдавалъ преимущество поборникамъ гуманитарнаго направленія, поэтамъ, по преимуществу друзьямъ человѣчества.

*

Въ своихъ многочисленныхъ рецензіяхъ *) П. И. Вейнбергъ неизмѣнно высказываетъ трезвость сужденій человѣка, воспитаннаго на довѣріи къ правиламъ «испытаннаго», образцоваго искусства, къ выработаннымъ долгимъ опытомъ сужденіямъ о лучшихъ образцахъ литературы, человѣка, не столь гонявшагося за новымъ словомъ въ искусствѣ, за новымъ критеріемъ оцѣнки въ угадываніи извилистыхъ путей индивидуальнаго творчества, какъ охраняющимъ то, что можетъ считаться общепризнаннымъ, несомнѣннымъ. Онъ—въ нѣкоторомъ смыслѣ «блюститель вкуса», считая вполнѣ правильно, что этотъ вкусъ воспитывается и вырабатывается только при широкой начитанности въ образцовыхъ произведеніяхъ лучшихъ эпохъ литературнаго расцвѣта.

Посвятивъ свою многолѣтнюю и дѣятельную карьеру педагога, переводчика, литератора-поэта, рецензента-критика и журналиста,—культу поэзіи, П. И. Вейнбергъ впиталъ въ себя лучшія стороны гуманитарной поэзіи, такой поэзіи, которая, возвышаясь надъ національной исключительностью, соединяетъ всѣ народы въ одну общую семью; онъ остался поборникомъ «всемірной литературы» по завѣту Гете, и ея посильнымъ проводникомъ въ русскомъ обществѣ, самоотверженнымъ и неутомимымъ служителемъ передъ лицомъ «широкой публики», неустанно напоминая о нашихъ обязательствахъ передъ прошлыми «дѣятелями пера», распространяя свѣдѣнія по исторіи литературы, наконецъ, жертвуя собой для того, чтобы сдѣлать мало доступные и совсѣмъ недоступные въ подлинникахъ памятники иностранной литературы съ міровымъ значеніемъ—именно общимъ достояніемъ. Хотя чтеніе оригинальныхъ текстовъ не можетъ быть упразднено переводами, но справедливо было замѣчено, что, при несовершенномъ знакомствѣ съ иностраннымъ языкомъ, лучше довѣриться надежному переводчику, чѣмъ самому рисковать ошибочнымъ усвоеніемъ иностраннаго текста. А переводы П. И. Вейнберга въ большинствѣ случаевъ представляются съ такими гарантіями добросовѣстной и талантливой передачи.

Несомнѣнной и преобладающей симпатичной чертой у П. И. Вейнберга является отсутствіе всякой замкнутости, непрестанное желаніе подѣлиться съ другими какъ пріобрѣтенными познаніями по исторіи литературы, такъ и впечатлѣніями и вѣрою въ значеніе «маяковъ человѣчества»—великихъ поэтовъ и художниковъ. Онъ представляется намъ какъ бы въ роли современнаго рапсода. Въ древности, въ эпоху Платона и Аристотеля, рапсоды поддерживали и прививали въ обществѣ знакомство съ произведеніями національнаго творчества умѣлой пропагандой образцовъ поэзіи, ихъ декламаціей, толкованіями и сложеніемъ похвальныхъ словъ поэтамъ. Такъ и П. И. Вейнбергъ отдалъ себя на служеніе обществу, стараясь распространять любовь и уваженіе къ тому, что для него самого было объектомъ особаго культа—къ поэзіи, въ ея общечеловѣческомъ значеніи. Такая дѣятельность—высоко почтенная, и человѣкъ, полвѣка отдававшій свои силы и свой талантъ на служеніе духовнымъ интересамъ общества, въ широкомъ смыслѣ слова, въ свою очередь, конечно, заслуживаетъ отъ этого общества самой сердечной признательности. Ѳ. Батюшковъ.

*) Кромѣ газетныхъ рецензій, появившихся въ «Новостяхъ», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и т. д., и т. д., П. И. Вейнбергъ былъ нѣсколько разъ приглашенъ академіей наукъ для отзыва о трудахъ, представленныхъ на соисканіе пушкинской преміи.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Музей содѣйствія труду въ Москвѣ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по иниціативѣ англичанина Твининга, была сдѣлана первая попытка устройства «экономическаго музея рабочихъ классовъ», который долженъ былъ содѣйствовать улучшенію жилищъ, мебели, одежды, пищи и вообще всей матеріальной и санитарной обстановки рабочихъ классовъ. Въ настоящее время по всей Европѣ разсѣяны болѣе или менѣе широко поставленные «музеи соціальные», «музеи для рабочихъ классовъ», «музеи соціальной экономіи», «промышленной гигіены», «средства защиты отъ несчастныхъ случаевъ» и т. п. Въ Россіи первое учрежденіе подобнаго типа открыто нынѣшней осенью въ Москвѣ,—это «музей содѣйствія труду», учрежденный московскимъ отдѣленіемъ русскаго техническаго общества на средства (50 тысячъ рублей), пожертвованныя съ этою цѣлью купцомъ X. С. Леденцовымъ.

Программа дѣятельности московскаго музея обнимаетъ, по словамъ «Самарской Газеты», слѣдующія сферы дѣятельности: содѣйствіе владѣльцамъ фабрично-заводскихъ, а равно и другихъ учрежденій, по облегченію разныхъ пріемовъ работъ, по улучшенію быта рабочихъ и по предоставленію послѣднимъ выгодъ, могущихъ предохранять ихъ отъ нищеты въ случаѣ болѣзни или потери силъ, въ предѣлахъ ст. 220 уст. промышл. (св. зак., ч. 2, изд. 1893 г.); содѣйствіе разнаго рода изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ, способствующимъ улучшенію условій жизни и работы; собираніе разнаго рода матеріаловъ, касающихся вспомогательныхъ учрежденій для рабочихъ (планы, чертежи, узаконенія, обязательныя постановленія, статистическія свѣдѣнія и пр.); сообщеніе узаконеній для составленія проектовъ зданій больницъ, школъ, ночлежныхъ домовъ, образовательно-воспитательныхъ учрежденій и т. п., устройство выставокъ и изданіе или поощреніе сочиненій, соотвѣтствующихъ цѣлямъ музея, для чего устраивается выдача премій; прiисканіе необходимыхъ средствъ для осуществленія изобрѣтеній, полученіе на нихъ привиллегій, публикаціи и т. п.

Такимъ образомъ, музей, постепенно развиваясь, будетъ заключать семь главныхъ отдѣловъ:

I. Бюро для выдачи справокъ и совѣтовъ для разрѣшенія вопросовъ, не требующихъ предварительной разработки, для передачи болѣе сложныхъ воп-

росовъ на разсмотрѣніе спеціалистовъ и для организаціи при музеѣ отдѣльныхъ секцій по разнымъ спеціальностямъ.

II. Выставка таблицъ, графическихъ изображеній по статистикѣ и динамикѣ промышленной жизни и дѣятельности общественныхъ учрежденій.

III. Выставка систематическихъ коллекцій и особыхъ приспособленій для огражденія жизни и здоровья при различныхъ производствахъ.

IV. Библіотека и читальня при ней для пользованія печатными и рукописными матеріалами.

V. Лабораторія для производства различныхъ испытаній и изслѣдованій.

VI. Чертежная для изготовленія и копированія чертежей и рисунковъ.

VII. Мастерская для изготовленія и ремонта моделей, предохранительныхъ приборовъ, изданій и другихъ коллекцій музея.

Предсѣдателемъ правленія избранъ X. С. Леденцовъ, а товарищами—А. В. Погожевъ и проф. И. X. Озеровъ.

Помимо 50 тыс. рублей, пожертвованныхъ г. Леденцовымъ, уже теперь поступаютъ заявленія отъ различныхъ лицъ и учрежденій о готовности поддержать добрый починъ учредительскими взносами (отъ 500 руб. и выше) или же въ качествѣ членовъ-соревнователей (10 руб. ежегодно, 100 руб. единовременно). Для обезпеченія прочнаго успѣха дѣла, впервые возникающаго въ Россіи по иностраннымъ образцамъ, въ неприкосновенный капиталъ отчислено 40 тыс. руб. На текущія же нужды могутъ расходоваться лишь проценты со всего капитала и временныя позаимствованія изъ запаснаго по смѣтамъ, которыя ежегодно утверждаются общимъ собраніемъ московскаго отдѣленія императорскаго русско-техническаго общества.

Въ основаніе коллекцій музея лягутъ поступившія въ распоряженіе московскаго техническаго общества коллекціи русскаго отдѣла соціальной экономіи на всемірной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. Ихъ рѣшено оставить до половины весны будущаго года въ Таврическомъ дворцѣ, въ Петербургѣ, при отдѣлѣ трудовой помощи для предстоящей всероссійской кустарно-промышленной выставки. Въ виду этого, признано возможнымъ значительно уменьшить расходъ на наемъ помѣщенія музея въ Москвѣ, сосредоточивъ главное вниманіе на развитіи издательской дѣятельности и справочнаго бюро, а также на пополненіи коллекцій.

По сообщенію московскихъ газетъ, «справочное бюро» для выдачи справокъ и совѣтовъ по разнымъ вопросамъ, касающимся различныхъ формъ содѣйствія труду и улучшенія условій жизни, помѣщающееся въ д. Макѣевой, на Никитскомъ бульварѣ, будетъ открыто въ опредѣленные часы для пріема запросовъ и просьбъ лично отъ просителей и по почтѣ. Всѣ эти запросы будутъ немедленно передаваться спеціалистамъ по указанію правленія и по разрѣшеніи ихъ сообщаться просителямъ. Уже организовано дѣло по слѣдующимъ спеціальностямъ: по вопросамъ юридическимъ, экономическимъ, техническимъ, народнаго образованія, потребительныхъ обществъ и другихъ. При справочномъ бюро организуется также критическая консультація для подачи совѣтовъ и указаній обращающимся въ бюро лицамъ. Выдача справокъ будетъ произво-

диться безплатно. При бюро рѣшено устроить библіотеку изъ необходимыхъ справочныхъ книгъ и пособій.

Кто не знаетъ, сколько изобрѣтеній пропадаетъ безплодно, какъ эксплуатируютъ изобрѣтателей и наживаются на плодахъ ихъ творческаго труда разные пройдохи. «Музей» обѣщаетъ помочь этимъ людямъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ нихъ, кто заслуживаетъ наибольшаго вниманія общества, потому что направляетъ свою дѣятельность непосредственно въ пользу общества и трудящихся классовъ.

Одно лицо, придавая большое общественное значеніе скорѣйшему осуществленію этихъ задачъ музея, предоставило въ личное распоряженіе г. Хр. Леденцова для начала сравнительно небольшой капиталъ въ видахъ поощренія такихъ изобрѣтеній и открытій, которыя, не требуя большихъ затратъ, содѣйствуютъ улучшенію условій труда и положенія трудящейся массы населенія. Содѣйствіе, по желанію жертвователя, не должно выражаться въ формѣ денежжной помощи гг. изобрѣтателямъ, а въ организаціи возможно лучшей эксплуатаціи изобрѣтенія на договорныхъ условіяхъ, причемъ часть прибыли поступаетъ въ особый фондъ музея, предназначенный исключительно для содѣйствія изобрѣтеніямъ и открытіямъ.

Предоставляя оцѣнку изобрѣтеній, составленіе плановъ и смѣтъ для осуществленія одобренныхъ изобрѣтеній всецѣло правленію музея, г. Леденцовъ проситъ изобрѣтателей обращаться письменно съ своими предложеніями, съ приложеніемъ краткаго описанія проектируемаго изобрѣтенія съ технической и финансовой стороны, въ справочное бюро музея.

Насколько широко понимаетъ свои задачи музей, видно изъ того, что имъ не оставлено безъ вниманія и праздничное времяпрепровожденіе рабочихъ. Избранная правленіемъ «музея содѣйствія труду», особая коммиссія, для организаціи обзоровъ группами рабочихъ столичныхъ картинныхъ галлерей и музеевъ, постановила обратиться съ ходатайствомъ во всѣ упомянутыя учрежденія о разрѣшеніи групповыхъ осмотровъ выставленныхъ въ нихъ предметовъ и картинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія проситъ, чтобы необходимыя объясненія рабочимъ давались при этомъ хранителями музеевъ и галлерей; въ случаѣ же невозможности этого, коммиссія проситъ разрѣшенія, чтобы дозволено было давать эти объясненія лицамъ, избраннымъ ею для настоящей цѣли. Коммиссія рѣшила, кромѣ того, просить педагогическое общество, коммиссію учебнаго отдѣла политехническаго музея по изготовленію тѣневыхъ картинъ и общество разумныхъ народныхъ развлеченій избрать своихъ представителей для совмѣстнаго съ коммиссіею музея содѣйствія труду обсужденія вопроса объ организаціи групповыхъ осмотровъ столичныхъ учрежденій.

Намѣчена, кромѣ того, какъ уже упомянуто, издательская дѣятельность. Разрабатывается программа собственнаго органа «Музея». Рѣшено издать отчеты о собраніяхъ московскихъ рабочихъ механическаго производства. Эти отчеты, появляясь въ изложеніи въ московскихъ газетахъ, останавливали на себѣ вниманіе всей печати. Предложеніе издать ихъ исходитъ отъ самихъ рабочихъ.

Почти ежедневно въ московскихъ газетахъ появляются сообщенія, что музей приступилъ къ тому или другому отдѣлу намѣченныхъ плановъ.

Словомъ, передъ первымъ русскимъ музеемъ содѣйствія труду открыто широкое поле дѣятельности и велика будетъ его заслуга, если ему удастся сыграть роль объединяющаго центра, въ которомъ люди, преданные интересамъ труда, встрѣтятъ и поддержку, и помощь.

Народная школа въ отзывахъ крестьянъ. Въ «Сборникѣ Пермскаго земства» печатается интересное изслѣдованіе г. Бобылева: «Народная школа и значеніе грамотности въ отзывахъ крестьянъ», въ основаніе которой положенъ обильный матеріалъ, добытый путемъ спеціальной анкеты въ Пермской губерніи. Въ послѣднемъ выпускѣ «Сборника» г. Бобылевъ дѣлаетъ сводку отзывовъ болѣе 900 корреспондентовъ, дающихъ весьма обстоятельный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ, мѣшающихъ крестьянскимъ дѣтямъ посѣщать школу. Цитируемъ эту часть статьи г. Бобылева по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ».

Изъ 905 корреспондентовъ, отвѣтившихъ на этотъ вопросъ, на отвлеченіе дѣтей домашними работами указало 44; на недовольство постановкой обученія—45; на религіозныя убѣжденія раскольниковъ—79; на тѣсноту школьныхъ зданій—116; на непониманіе родителями пользы ученія—139; на отдаленность школъ—162 и, наконецъ, на бѣдность родителей—320. Если оставить въ сторонѣ отвлеченіе дѣтей домашними работами, какъ не имѣющее самостоятельнаго значенія, а обусловленное, что выяснится далѣе, по преимуществу бѣдностью населенія, то окажется, что наименьшую роль въ качествѣ причины, тормозящей посѣщеніе школы, играетъ недовольство родителей постановкой обученія. Чѣмъ обусловливается и въ какую сторону, главнымъ образомъ, направлено это недовольство? Анкета имѣла цѣлью опредѣлить отношеніе населенія не только къ земской, но и къ церковно-приходской школѣ. Въ сторону послѣдней, повидимому, такимъ образомъ, и направлено недовольство: такъ, напр., изъ Поташинской волости, какъ на причину недовольства школой, указываютъ на то, что учителями назначаются лица, «которыхъ надо еще самихъ учить». Изъ Камышловскаго уѣзда жалуются на то, что часто учителя, «поступивъ учителемъ, выпрашивали у общества приговоръ на посвященіе во діакона, а получивъ духовное званіе, совсѣмъ мало занимались по училищу», а крестьяне Соликамскаго уѣзда относительно церковно-приходскихъ школъ отзываются, что «учить въ нихъ дѣтей пользы мало: что скоро ребята все забываютъ оттого, что плохо тутъ понимаютъ».

Однако, среди причинъ, тормозящихъ посылку крестьянскихъ дѣтей въ школу, какъ мы видѣли, гораздо выше недовольства постановкою обученія стоятъ религіозныя убѣжденія родителей. Это объясняется особенностью Пермской губерніи, въ которой имѣется довольно многочисленное раскольничье населеніе. Поскольку дѣло идетъ о земской школѣ, то причина недовѣрія къ ней объясняется, напр., тѣмъ, что раскольники «звуковой способъ обученія считаютъ отъ дьявола и потому обученіе ему грѣховнымъ. Учителей считаютъ служителями сатаны, а учащихся въ школѣ—погибшими, которые прямо попадутъ въ колѣно сатаны». Относительно земской школы встрѣчаются еще и такія указанія, что «раскольники боятся законоучителя», а если отдаютъ въ

земскую школу, то «съ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣтей не принуждали ходить въ церковь».

Очень видное по важности мѣсто среди причинъ непосѣщенія дѣтьми школы занимаетъ непониманіе родителями пользы ученія. Но, какъ выяснено въ «С.-Петерб. Вѣдом.», эта причина постепенно уничтожается самой же школой, такъ какъ съ умноженіемъ въ населеніи количества прошедшихъ школы увеличивается и количество сознающихъ пользу ученія. Изъ остальныхъ затѣмъ причинъ, мѣшающихъ посѣщенію школъ крестьянскими дѣтьми, въ тѣсной связи стоятъ отдаленность школъ и тѣснота школьныхъ помѣщеній, какъ вытекающія изъ одного и того же источника—недостатка школъ. Странно требовать отъ крестьянскихъ дѣтей посѣщенія школы, отстоящей отъ ихъ мѣстожительства за 10—20 и даже 30 верстъ. Еще менѣе возможно требовать отъ крестьянскихъ дѣтей посѣщенія школъ, въ которыя ихъ, за переполненіемъ, просто-на-просто не принимаютъ... Конечно, въ первомъ случаѣ можно бы усилить посѣщеніе школъ устройствомъ при нихъ общежитій для учениковъ изъ отдаленныхъ селеній; во второмъ—весьма дѣйствительнымъ оказалось бы улучшеніе и расширеніе школьныхъ помѣщеній; но для того и другого нужны средства, и тутъ мы встрѣчаемся съ первою главною и основною причиной, препятствующею посылкѣ дѣтей въ школу—съ крестьянскою бѣдностью.

Бѣдность — это «бичъ крестьянства», по выраженію одного изъ корреспондентовъ. «Бѣдность населенія.—пишетъ другой,—является первою причиной непосѣщенія дѣтьми школы». Есть волости, гдѣ вслѣдствіе бѣдности почти половина населенія лишена возможности посылать дѣтей въ школы. Вліяніе бѣдности главнымъ образомъ сказывается въ томъ, что родители не въ состояніи дѣлать своимъ дѣтямъ обуви и теплой одежды, безъ которыхъ въ осеннюю и зимнюю стужу невозможно посѣщеніе школы, особенно отстоящей за нѣсколько верстъ. Не менѣе сильно сказывается ея вліяніе въ эксплуатаціи дѣтскаго труда въ хозяйствѣ. «Мальчикъ 9—12 лѣтъ (пишутъ изъ Рябковской вол.) считается у крестьянъ работникомъ, почему, если человѣкъ бѣдный, то сынъ въ такомъ возрастѣ ему необходимъ». «Главная и единственная причина (непосѣщенія школъ),—пишутъ по тому же поводу изъ другой волости,—бѣдность, вслѣдствіе которой дѣти школьнаго возраста задерживаются обремененной дѣтьми мученицей-матерью домашними работами: нянчатся съ дѣтьми, таскаютъ дрова, бѣгаютъ въ лавку за мелочными покупками—иногда за 3—5 верстъ. Есть случаи, что дѣвочки *7—10 лѣтъ при больной матери пекутъ даже хлѣбъ*»!.. До школы ли тутъ? И это тѣмъ печальнѣе, что, повидимому, именно бѣднѣйшая часть населенія наиболѣе дорожитъ образованіемъ, какъ дающимъ не одинъ лишній шансъ въ тяжелой борьбѣ за существованіе. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ же пермскихъ матеріалахъ мы встрѣчаемся со свидѣтельствомъ, что бѣдняки, конечно, когда къ тому представляется возможность, «болѣе отдаютъ своихъ дѣтей въ школу и доучиваютъ ихъ, а состоятельные крестьяне поступаютъ наоборотъ» и что «состоятельные не такъ охотно отдаютъ дѣтей (въ школу), какъ средніе и бѣдные»...

Исповѣдь земскаго начальника. Бывшій земскій начальникъ г. Александръ Новиковъ (авторъ извѣстныхъ «Записокъ») помѣстилъ въ «Южномъ Курьерѣ» горячо написанную статью на тему о тѣлесныхъ наказаніяхъ крестьянъ.

«Въ томъ кругу, гдѣ я вращался,—пишетъ онъ,—введенія закона о земскихъ начальникахъ ждали съ нетерпѣніемъ. Мы негодовали, что дѣло идетъ медленно, что первоначальный проектъ подвергается урѣзкамъ. Наконецъ, законъ вышелъ. Я бросилъ Петербургъ, гдѣ мнѣ открывалась, быть можетъ, блестящая, въ обычномъ смыслѣ этого слова, карьера, и полетѣлъ въ деревню. Потрава, мелкая кража, крикъ пьянаго крестьянина—все приводило меня въ негодованіе. Это чортъ знаетъ, что такое! Какъ ихъ распустили! Пора, давно пора подобрать возжи! И я собрался быть хорошимъ кучеромъ и мужика подтянуть. Я шелъ съ сознаніемъ, что дѣлаю хорошее дѣло.

«Могучее средство было въ моихъ рукахъ—послушный—увы, слишкомъ послушный!—волостной судъ, пучокъ розогъ, двадцать ударовъ... Это ли не могучее средство? Я говорилъ на сходахъ соотвѣтствующія рѣчи, строго-настрого приказывалъ, чтобы мужики блажь свою бросили, а кто не броситъ, тому обѣщалъ примѣнять безъ сожалѣнія разрѣшенное закономъ средство. Одно меня безпокоило: цифра «20». Почему 20, а не 40, не 60? Законъ недуренъ, конечно, а все-таки могъ бы быть лучше. Такъ думалъ я и приступилъ къ дѣлу.

«Помню одно изъ первыхъ дѣлъ: трое мальчишекъ курили на улицѣ и нагрубили старостѣ. Волостной судъ. Розги. Отецъ одного, мать другого приходили ко мнѣ просить за нихъ, третій былъ сирота. Жалко мнѣ ихъ было въ душѣ, но я подавилъ въ себѣ эту жалость. Надо же дѣтей проучить. «Вамъ же лучше,—говорилъ я родителямъ,—послѣ спасибо скажете». Дѣтей выпороли. Теперь я себѣ не представляю, какъ они должны были себя чувствовать послѣ этого позора; я ихъ потерялъ изъ виду. Надѣюсь, что пятно это съ нихъ, насколько возможно, смыто, что дѣтскій позоръ не оставался таковымъ на всю жизнь! Это былъ мой первый административно-педагогическій подвигъ!

«Да не подумаетъ читатель, что я кровожаденъ, что я это дѣлалъ съ наслажденіемъ и удовольствіемъ. Нѣтъ, я въ жизни не могъ видѣть, какъ рѣжутъ курицу, я боюсь крови. Я это дѣлалъ, скрѣпя сердце. Я думалъ, что исполняю свой долгъ, что приношу пользу. Незнаніе жизни, непривычка читать въ чужомъ сердцѣ, слѣпое поклоненіе недостойнымъ авторитетамъ—изуродовали мой мозгъ, очерствили мое сердце.. Это было въ Тамбовской губерніи. Сколько человѣкъ подверглись истязаніямъ при моемъ участіи—я не знаю.

«Къ счастью моему и моего участка, это продолжалось недолго. Я жилъ въ деревнѣ, которой прежде не зналъ, постоянно соприкасался съ крестьянами, понялъ свои заблужденія. Помню женщину, цѣлый день, чуть не въ истерикѣ, умолявшую замѣнить розги, къ которымъ былъ приговоренъ ея мужъ, другимъ наказаніемъ. Я былъ тронутъ. Это была первая замѣна, мною подписанная. Больше въ моемъ участкѣ не пороли. Въ это время я прозрѣлъ. Черезъ годъ послѣ моего перваго знакомства съ деревней я былъ уже другой человѣкъ я отбросилъ свои мерзкія теоріи, я увидалъ и понялъ, что крестьянская душа такая же, какъ и моя, что позоръ для меня есть позоръ и для него.

«Съ болью въ сердцѣ пишу эти строки: можетъ быть, онѣ кого-нибудь убѣдятъ, а если не убѣдятъ, то заставятъ задуматься. Теперь зло, сдѣланное мною этой дюжинѣ людей, лежитъ у меня на сердцѣ тяжелымъ камнемъ, какъ давитъ меня участь трехъ крестьянъ, по моему предложенію сосланныхъ на поселеніе по приговору общества. Дальнѣйшая моя служебная дѣятельность была направлена къ борьбѣ съ этимъ ужаснымъ зломъ. Какъ судья какъ администраторъ, устно въ разговорахъ и собраніяхъ, письменно въ газетахъ и книгахъ, прямо и иносказательно, я боролся, борюсь и буду съ розгами бороться. Да послужитъ мнѣ это искупленіемъ моихъ прежнихъ прегрѣшеній!»

Г. Новиковъ рѣшительно протестуетъ противъ увѣреній, будто народъ самъ за розгу.

«Многіе предпочитаютъ розгу аресту! Неправда,—отвѣчаетъ бывшій земскій начальникъ.—Народъ противъ розги, и тысяча противъ одного предпочтетъ розгамъ арестъ. И если и есть еще изъ крестьянъ приверженцы розогъ—то уже отдѣльныя единицы, и имъ надо ежечасно повторять: Вы люди такіе же, какъ и мы. Что вы скажете, если меня, барина, выпорютъ. Вы скажете, что стыдно. Такъ это стыдно и для васъ». Но и повторять этого не нужно—они и сами это знаютъ.

«Крестьяне сами себя порютъ!» слышалъ я голосъ земскаго начальника въ дворянскомъ собраніи. Неправда! Ихъ порютъ земскіе начальники. Я это говорю и утверждаю. Пока я былъ за розгу, и волостные суды къ ней приговаривали крестьянъ; я сталъ противъ розги—слѣды розги исчезли не только на спинахъ, но и въ книгахъ судебныхъ приговоровъ! И это вездѣ! Каковъ попъ—таковъ и приходъ. Велика поэтому отвѣтственность земскихъ начальниковъ предъ народомъ. Велико зло, которое они часто дѣлаютъ. Иногда велика и приносимая ими польза. Но не лучше ли зло искоренить самимъ закономъ?»

Разумѣется, только законъ можетъ искоренить зло. Но ужасна сама по себѣ уже одна только возможность позорнаго наказанія, и въ этомъ именно смыслѣ и высказывались единодушно земства и города, дворянскія собранія и всевозможные съѣзды, юристы и доктора, «Церковный Вѣстникъ» и уличные листки.

Рѣдкій самозванецъ. Въ многотомную хронику россійской самозванщины рижскимъ окружнымъ судомъ занесена недавно новая незаурядная личность нѣкоего Осипа Коссацкаго, кучера по профессіи, добившагося высокихъ должностей по мѣстному управленію. Біографія этого самозванца представляетъ выдающійся интересъ. На судѣ, какъ сообщаетъ «Новое Время», было раскрыто, что уже въ юныхъ годахъ Коссацкій обнаружилъ многообѣщающіе задатки. Директоръ Гродненской гимназіи Болвановичъ взялъ Коссацкаго къ себѣ въ «лакейчики», и тотъ укралъ у своего покровителя золотые часы; его, конечно, прогнали. Слѣдующій этапъ въ карьерѣ Коссацкаго—служба кучеромъ у гродненскаго же землемѣра Яновича, съ легкой руки котораго онъ пошелъ по межевой части. Сфабриковавъ подложное свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса уѣзднаго училища, Коссацкій добился производства въ первый классный чинъ, затѣмъ, дослужившись до чина губернскаго секретаря, выходитъ въ от-

ставку и принимается за аферы. Первою изъ нихъ было пріобрѣтеніе обманнымъ путемъ отъ страдавшаго запоемъ родственника восьми домовъ въ м. Друцкеникахъ, дававшихъ дохода до трехъ тысячъ, и имѣнія Эйсымонты. Возникало уголовное дѣло, но было прекращено, за недоказанностью уголовно-наказуемаго обмана, хотя имѣніе отъ Коссацкаго все-таки отобрали. Дома остались за нимъ, но онъ повелъ такую безпутную жизнь, что ихъ скоро продали за его долги. Затѣмъ онъ бралъ деньги въ долгъ направо и налѣво, выдавалъ фальшивыя росписки, обвинялся въ растратѣ чужого имущества, «сочинилъ» законный бракъ съ одною гродненскою мѣщанкою, незаконныхъ своихъ дѣтей записывалъ въ церковныя книги, какъ законныхъ, самъ присвоилъ себѣ и носилъ знакъ отличія «24-го ноября 1866 г.» за мнимое участіе въ трудахъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ и, наконецъ, сталъ выдавать себя за инженера, въ каковомъ званіи и вступилъ въ законный бракъ.

Какъ остепенившійся семьянинъ, Коссацкій пожелалъ баллотироваться въ участковые мировые судьи Богородскаго уѣзда—подальше отъ арены прежнихъ подвиговъ, и представилъ подложное удостовѣреніе старшаго производителя инженерныхъ работъ о его званіи, возрастѣ, вѣроисповѣданіи, образованіи и семейномъ положеніи. Въ удостовѣреніи было сказано, между прочимъ, что Коссацкій окончилъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія со званіемъ гражданскаго инженера и состоитъ на службѣ по министерству государственныхъ имуществъ. Удостовѣреніе помогло, и Коссацкій въ концѣ 1881 г. оказывается уже мировымъ судьею 1-го участка Богородскаго уѣзда Московской губ. Но, годъ спустя, отъ него затребовали формуляръ прежней службы, и Коссацкій благоразумно подаетъ въ отставку.

Анекдотическая карьера самозванца однако не кончается на этомъ. По увольненіи отъ должности мирового судьи, Коссацкій, по рекомендаціи одной дамы, былъ опредѣленъ въ 1884 году правителемъ дѣлъ въ управленіи казенной Жабинско-Пинской жел. дор. При соединеніи этой дороги съ Вильно-Ровенской казенной желѣзной дорогой, Коссацкій былъ оставленъ въ той же должности, но 1-го іюня 1885 года былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія, какъ личность сомнительная. Затѣмъ «сомнительная личность» служитъ по акцизу, причемъ пускаетъ въ ходъ еще одно подложное свидѣтельство—о полученіи аттестата зрѣлости и окончаніи курса таксаторскихъ межевыхъ классовъ. Изъ курляндскаго акцизнаго управленія трижды подложный Коссацкій шагнулъ въ коммиссары по крестьянскимъ дѣламъ, затѣмъ въ начальники уѣзда, зарвался тутъ въ лихоимствѣ, взяткахъ, растратахъ и увѣнчалъ свою воровскую карьеру арестанскими ротами.

Эта карьера Коссацкаго, считая и вынужденные перерывы, длилась ровно 35 лѣтъ, съ 1865 г. по 1900 г. Не зарвись Коссацкій въ поборахъ въ сельскихъ волостей,—кто знаетъ,—быть можетъ, онъ и по сейчасъ оставался бы безконтрольнымъ владыкою цѣлаго острова съ шестидесятитысячнымъ населеніемъ, среди котораго онъ свирѣпствовалъ взятками, штрафами и кутузкой, какъ самый лихой дореформенный капитанъ-исправникъ.

Филантропъ-аскетъ. Если самозванецъ Косацкій является типичнымъ продуктомъ породившихъ его общественныхъ отношеній, то въ этихъ же отношеніяхъ можно найти элементы, благопріятствующіе появленію другой, не менѣе типичной для нашего времени фигуры,—фигуры аскета, до крайности сжимающаго свои потребности при наличности скопленнаго богатства, которому дается филантропическое назначеніе. Таковъ былъ извѣстный московскій богачъ Солодовниковъ, таковъ и скончавшійся 9-го сентября почетный гражданинъ г. Симбирска, коллежскій совѣтникъ М. В. Лебедевъ, краткое жизнеописаніе котораго мы находимъ въ «Самарской Газетѣ».

Въ 1893 г. покойный Лебедевъ подалъ въ городскую управу заявленіе, которое начато слѣдующими словами. «Со времени поступленія моего на службу въ 1840 г., я ревностно желалъ сдѣлать что-либо для пользы общества. Неусыпными трудами, строгой жизнью и ограниченіемъ себя во многомъ, наконецъ, съ помощью Божіей, достигъ задуманной мною цѣли». Достиженіе задуманной имъ цѣли выразилось въ накопленіи 66 слишкомъ тысячъ рублей, которыя онъ и передалъ цѣликомъ въ распоряженіе думы съ тѣмъ, чтобы на этотъ капиталъ было открыто ремесленное училище, чтобы въ него принимались исключительно дѣти-сироты, не моложе 13 лѣтъ.

И это была не фраза, что онъ накопилъ капиталъ «ограниченіемъ себя во многомъ». Она еще не исчерпываетъ полностью его дѣйствительной жизни. Онъ не только «ограничивалъ себя во многомъ» и тѣмъ накопилъ капиталъ на общественное дѣло; нѣтъ, онъ лишалъ себя всего самаго необходимаго, чтобы достигнуть цѣли, сдѣлать что-либо для общества. Питался онъ буквально какъ птицы небесныя. Разсказываютъ, что онъ бралъ съ собою ломоть черного хлѣба и ложку и отправлялся на мелочной рынокъ, гдѣ, подъ видомъ пробы, лакомился даромъ помаленьку сметаной и молокомъ. Можетъ быть это и преувеличено, но очень похоже на покойнаго. Далѣе разсказываютъ, что ради преувеличенной экономіи зимою въ его помѣщеніи печь топилась одинъ разъ въ три дня. Въ день топки онъ будто бы спалъ на полу, на второй день на печкѣ и на третій день залѣзалъ на ночь въ печку. И это все ради того, чтобы накопить капиталъ и передать его на общественную пользу. Достигнувъ намѣченной цѣли, которую онъ преслѣдовалъ съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости, онъ, однако, не успокоился на этомъ. Вотъ что говоритъ онъ еще въ своемъ заявленіи при передачѣ капитала: «По случаю одиночества моего и пожертвованія всего безъ остатка для себя капитала, равно недвижимости (прошу) назначить помѣщеніе для меня по смерть въ зданіи ремесленнаго училища и выдавать мнѣ по смерть на содержаніе ежегодно по 42 руб. въ мѣсяцъ».

Это его желаніе было удовлетворено; выдача на содержаніе была увеличена думою впослѣдстіи до 1.200 руб. въ годъ. Казалось бы съ передачею всего имущества онъ успокоится и будетъ жить какъ всѣ, на выговоренную пенсію. Но, однако, и эту пенсію онъ полностью отдавалъ на содержаніе училища Пользовался онъ исключительно углугами училищнаго сторожа, да въ особенныхъ услугахъ онъ, впрочемъ и не нуждался.

И померъ этотъ странный человѣкъ такъ же странно, какъ и жилъ. На-

наканунѣ смерти его видѣли на улицѣ и въ училищѣ его имени, а на утро сторожъ училища, пришедшій для услугъ, нашелъ страннаго человѣка мертвымъ на полу, притомъ совершенно голымъ.

Филантропъ-аскетъ былъ торжественно похороненъ на общественный счетъ.

За мѣсяцъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ страшная азіатская гостья—чума—угрожаетъ нашему континенту призракомъ общеевропейской эпидеміи. Однако, появляясь нерѣдко въ отдѣльныхъ пунктахъ, она ограничивается случайными вспышками, которыя быстро локализируются, а затѣмъ прекращаются совершенно. Въ срединѣ октября подобные же отдѣльные случаи подозрительныхъ заболѣваній взволновали всю южную Россію, и цѣлый рядъ городовъ началъ дѣятельно подчищаться въ ожиданіи незванной гостьи. Въ Батумѣ 14-го октября—при весьма подозрительныхъ симптомахъ умеръ мѣстный домовладѣлецъ Бенлисъ, а вслѣдъ затѣмъ, при такихъ же симптомахъ, заболѣлъ мальчикъ изъ мебельнаго магазина. Приняты были необходимыя мѣры для изоляціи больного и всѣхъ приходившихъ съ нимъ и съ покойнымъ Бенлисомъ въ соприкосновеніе; затѣмъ бактеріологомъ Бѣлоголовымъ произведено было тщательное изслѣдованіе, но характерныхъ для чумы бактерій не найдено. Въ Одессѣ было два смертныхъ случая—14-го и 27-го октября—оба съ признаками чумы, причемъ діагнозъ былъ подтвержденъ бактеріологическимъ изслѣдованіемъ. Въ Николаевѣ 7-го ноября умеръ прибывшій изъ Одессы арестантъ, возбудившій подозрѣнія, которыя однако не оправдались при бактеріологическомъ изслѣдованіи. Въ Батумѣ въ городской больницѣ вновь былъ обнаруженъ больной съ признаками чумы, при чемъ на этотъ разъ бактеріологическое изслѣдованіе подтвердило діагнозъ болѣзни. Больной находится на пути къ выздоровленію.

Разумѣется, въ каждомъ изъ перечисленныхъ случаевъ немедленно же принимались всѣ мѣры для локализаціи болѣзни, и, какъ видно по результатамъ, пока во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній опасаться, чтобы отдѣльныя заболѣванія могли разростись и принять размѣры повальнаго бѣдствія.

— Земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ опубликовано второе оффиціальное сообщеніе о ходѣ продовольственной компаніи. По сообщенію министерства, въ постигнутой неурожаемъ части имперіи повсемѣстно во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, изъ коихъ до 1-го ноября получены были заявленія о необходимости продовольственной помощи, имѣются нынѣ продовольственныя средства, достаточныя для обезпеченія, по крайней мѣрѣ на первое время, продовольственыхъ потребностей нуждающагося населенія. Всего по 1-е ноября продовольственнаго и сѣмяннаго хлѣба заготовлено распоряженіемъ министерства финансовъ свыше 16 милл. пудовъ, на что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предоставлено 10 милл. рублей. При этомъ, въ виду произведенныхъ изъ общаго продовольственнаго капитала отпусковъ на сумму 3.502.600 руб. для заготовки части продовольственнаго хлѣба въ губерніяхъ Тамбовской, Томской, Оренбургской, Саратовской и Уфимской и областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, — распоряженіемъ мѣстныхъ начальствъ, а сверхъ всего 710.658 рублей на гужевую пе-

ревозку и храненіе хлѣба до раздачи; весь произведенный уже изъ общаго продовольственнаго капитала расходъ на заготовленіе зерна для продовольствія и обсѣмененія яровыхъ полей по случаю неурожая нынѣшняго года составляетъ нынѣ 14.213.258 руб.

Средняя цѣна, по которой закупленъ хлѣбъ агентами министерства финансовъ, выяснилась пока лишь для ржи,—она не превышаетъ 63 коп. за пудъ, не считая расходовъ на перевозку по желѣзной дорогѣ или водою и на гужевую доставку.

Размѣры продовольственной помощи нуждающемуся населенію считаются выясненными окончательно; что же касается помощи на обсѣмененіе яровыхъ полей, то размѣры ея не выяснились лишь по слѣдующимъ губерніямъ: Енисейской, Саратовской, Тамбовской, части Тобольской, Харьковской и области Акмолинской. По провѣркѣ губернаторами первоначальныхъ заявленій о правительственной помощи, оказалось, что не потребуетъ ея вовсе,—изъ числа 17 губерній и 2 областей, пострадавшихъ отъ неурожая, губернія Орловская, предполагающая обойтись собственными продовольственными средствами, и должны считаться вполнѣ удовлетворенными уже произведенными по нынѣ отпусками какъ на продовольственныя, такъ и сѣменныя потребности губерніи Оренбургской и области Семипалатинской. На этотъ предметъ отпущено: 250,000 рублей въ распоряженіе оренбургскаго губернскаго присутствія и 77,000 рублей — степному генералъ-губернатору.

Изъ 27 уѣздовъ, о признаніи которыхъ неблагополучными въ продовольственномъ отношеніи ходатайствовали губернаторы, по 4-е ноября с. г. объявлены таковыми лишь слѣдующіе 22 уѣзда въ восьми губерніяхъ: Воронежской—Богучарскій и Острогожскій; Екатеринославской—Славяносербскій; Казанской—Лаишевскій, Мамадышскій, Свіяжскій, Спасскій, Чистопольскій и Тетюшскій; Самарской—Бугульминскій, Бугурусланскій, Николаевскій, Новоузенскій, Самарскій и Ставропольскій; Саратовской—Камышинскій и Хвалынскій; Симбирской—Симбирскій; Уфимской—Белебеевскій и Мензелинскій; Харьковской—Изюмскій и Старобѣльскій.

Изъ числа названныхъ уѣздовъ въ частной помощи нуждается, по сообщенію министерства, только одинъ Хвалынскій уѣздъ, какъ пострадавшій не только отъ неурожая, но и отъ пожаровъ.

— Министерство народнаго просвѣщенія испрашиваетъ на 1902 годъ новыхъ кредитовъ болѣе чѣмъ на 4 милліона рублей. Предположено добавить: на содержаніе народныхъ училищъ 1.700.000 р., уѣздныхъ и городскихъ училищъ—250.000 р., приходскихъ школъ—300.000 р., университетовъ—болѣе 500.000 р., реальныхъ и промышленныхъ училищъ—180.000 р., гимназій—100.000 р., учительскихъ институтовъ и семинарій—около 150.000 р., филологическихъ, ветеринарныхъ и технологическихъ институтовъ—болѣе 100.000 р. и на содержаніе ученыхъ учрежденій—около 100.000 р. Нормальный строительный кредитъ министерства народнаго просвѣщенія будетъ увеличенъ съ 2.500.000 р. до 3.500.000 р. Въ общемъ итогѣ расходы по вѣдомству народнаго просвѣщенія предположены въ 37.000.000 рублей.

Въ общемъ расходномъ бюджетѣ государства расходы министерства народнаго просвѣщенія занимаютъ чрезвычайно скромное мѣсто, колеблясь по своей относительной величинѣ въ предѣлахъ отъ 2 до 2,6%. Въ то время, какъ въ Англіи, гдѣ бюджетъ народнаго просвѣщенія равенъ 10% всего государственнаго бюджета, размѣры расходовъ по народному образованію на каждую душу наличнаго населенія составляютъ 2 руб. 84 коп., во Франціи—2 р. 11 к., въ Пруссіи—1 р. 89 к., у насъ въ Россіи, по смѣтѣ 1900 года, на каждую душу населенія расходы по образованію составляютъ менѣе 26 коп. Прибавка къ бюджету новыхъ 4.000.000 рублей увеличитъ этотъ душевой расходъ не болѣе чѣмъ на 3 коп., если даже не принимать въ разсчетъ естественнаго прироста населенія.

— Въ «Правительств. Вѣстникѣ» объявлены условія пріема въ военно-медицинскую академію окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ. Они будутъ допускаться къ пріему въ число студентовъ на 1-й курсъ, на равныхъ условіяхъ съ воспитанниками гимназій, получившими аттестатъ зрѣлости, по представленіи свидѣтельства объ окончаніи 7-лѣтняго курса въ реальныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, и по выдержаніи дополнительнаго испытанія изъ латинскаго языка въ объемѣ 4-хъ классовъ. Этому испытанію они должны будутъ подвергаться при поступленіи въ академію, причемъ для желающихъ оно будетъ отсрочено, но съ тѣмъ, что не выдержавшіе испытанія въ теченіе перваго года пребыванія должны будутъ подлежать увольненію изъ нея. Разрѣшеніе пріема реалистовъ въ академію будетъ примѣнено съ 1902 года.

Тамбовское просвѣтительное общество.

(Письмо изъ Тамбова).

Тамбовское просвѣтительное общество открылось въ 1890 г., благодаря мѣстному землевладѣльцу Е. Д. Нарышкину, обезпечившему матеріальное существованіе капиталомъ въ 200.000 руб., который впослѣдствіи увеличился до 245.500 руб. Общество дѣйствовало на протяженіи 10-ти лѣтъ, ни на іоту не выходя изъ рамокъ своего скромнаго устава. Каждый шагъ въ его дѣятельности былъ строго регламентированъ, за каждымъ дѣйствіемъ его слѣдило недреманное око спеціальнаго «наблюдателя»; свободной, ничѣмъ не стѣсняемой личной иниціативѣ почти не было мѣста; въ члены попадали только лица, благополучно проскочившія сквозь четверной фильтръ: правленіе «допускало» къ баллотировкѣ, общее собраніе «выбирало», а наблюдатель и администрація, по взаимному соглашенію, «утверждали». Казалось, при подобномъ порядкѣ, и рѣчи быть не можетъ о «потрясеніи основъ». И дѣйствительно, общество скромно работало въ предѣлахъ даннаго ему устава, работало при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, но результаты его дѣятельности во многомъ замѣчательны и заслуживаютъ всяческаго вниманія со стороны просвѣщенной части русскаго общества.

Въ первые годы членами общества состояли исключительно педагоги, но въ половинѣ девяностыхъ годовъ въ общество стали проникать представители мѣстной адвокатуры, медицины и земства, несмотря на то, что поступленіе въ члены было обставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ буквальномъ смыслѣ непреодолимыми затрудненіями *). Съ приливомъ свѣжихъ силъ изъ лучшей части мѣстной интеллигенціи дѣятельность общества быстро пошла въ гору и достигла весьма значительныхъ результатовъ.

Количество народныхъ чтеній, открытыхъ обществомъ въ разныхъ пунктахъ губерніи, росло въ слѣдующей прогрессіи:

Въ	зиму	1893—1894	г.	было	открыто	1	чтен.
»	»	1894—1895	»	»	»	7	»
»	»	1895—1896	»	»	»	31	»
»	»	1896—1897	»	»	»	70	»
»	»	1897—1898	»	»	»	109	»
»	»	1898—1899	»	»	»	142	»

Нижеслѣдующія цифры показываютъ развитіе библіотечнаго дѣла въ губерніи:

Годы.	Сельскія общества и частныя лица. руб.	к.	Уѣздныя земства. руб.	к.	Губернское земство. руб.	Общество народныхъ чтеній. руб.	к.	Итого. руб.	к.	Учреждено новыхъ библіотекъ.	Пополнено старыхъ.
1894—1895.....	2.268	—	1.700	—	1.200	1.992	—	7.160	—	137	—
1895—1896.....	1.594	69	2.230	—	2.400	1.815	31	8.040	—	120	37
1896—1897.....	1.671	79	2.329	68	2.400	2.079	53	8.481	—	125	66
1897—1898.....	2.059	40	3.986	—	2.400	1.298	81	9.744	21	112	82
1898—1899.....	2.627	83	2.295	—	2.400	1.100	91	8.423	74	99	94
Всего	10.221	71	12.540	68	10.800	8.286	56	41.848	95	592	279
Среднее за пять лѣтъ	2.044	34	2.508	13	2.160	1.657	31	8.369	79	118	56

Такимъ образомъ за пять лѣтъ общество, при пособіи земства, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, открыло 592 библіотеки-читальни на сумму 41.848 руб. 95 коп.

Роль общества въ открытіи народныхъ чтеній и библіотекъ-читаленъ слѣдуетъ признать весьма значительной. Довольно указать на то, что разрѣшеніе на открытіе всѣхъ указанныхъ выше чтеній и библіотекъ выхлопотано обществомъ. А вѣдь въ 90-хъ годахъ, какъ извѣстно, самымъ труднымъ, иногда непреодолимымъ препятствіемъ въ учрежденіи народныхъ чтеній и библіотекъ было—получить разрѣшеніе администраціи на открытіе ихъ.

*) Напр., при всемъ своемъ желаніи, не могли попасть въ члены общества такіе почтенные мѣстные общественные дѣятели, какъ завѣдующій санитарнымъ бюро губернскаго земства, д-ръ И. И. Моллесонъ, директоръ сиротскаго дома Я. И. Душечкинъ и т. п.

Въ тѣсной связи съ учрежденіемъ народныхъ чтеній и библіотекъ находилось и открытіе въ Тамбовѣ книжнаго склада и 20 отдѣленій его въ губерніи. Дѣла функціонировавшаго въ Тамбовѣ склада шли прекрасно; его обороты въ 1898—1899 г. достигли 37.580 руб. 42 коп. Не только для самого общества народныхъ чтеній, но и для обывателей Тамбова и его губерніи складъ съ своими отдѣленіями имѣлъ большое значеніе. Съ его открытіемъ цѣны на книги въ Тамбовѣ значительно понизились, а на канцелярскія принадлежности чуть ли не вдвое упали, чѣмъ складъ сохранилъ многія сотни рублей въ обывательскихъ карманахъ и сильно умѣрилъ аппетиты мѣстныхъ книгопродавцевъ.

На этихъ яркихъ и высоко-поучительныхъ примѣрахъ видно, какую громадную культурную работу повело общество.

Относительно тамбовскаго общества безъ преувеличенія можно сказать, что въ его дѣятельности были налицо проблески истинной культурной работы. Приведенные выше факты и цифры указываютъ, что въ Тамбовской губ., хотя и медленно, но неуклонно развивалось и вширь, и вглубь внѣшкольное образованіе народа. Отъ тамбовскаго общества можно было ожидать самой плодотворной просвѣтительной работы для губерніи; можно было ожидать, что просвѣтительная волна, при его содѣйствіи, поднимется настолько высоко, насколько позволяютъ данныя условія, и разольется по всей губерніи, не оставивъ ни одного уголка не орошеннымъ. Ожиданія эти не могли не сбыться, такъ какъ въ наличности были и большія средства, и интеллигентные люди, желавшіе всѣми силами работать для народнаго просвѣщенія. Но судьбѣ угодно было разбить надежды лучшихъ людей губерніи и охладить ихъ безкорыстный культуртрегерскій пылъ.

Въ самый разгаръ работы, по мало понятнымъ причинамъ, съ такимъ тщаніемъ и любовью возводимое зданіе было разрушено почти до основанія. Старый уставъ, болѣе скромный, чѣмъ уставы столичныхъ обществъ грамотности, былъ найденъ слишкомъ либеральнымъ. Обществу дали новый уставъ, который превратилъ Общество въ чисто бюрократическое учрежденіе. Отъ общества, какъ добровольнаго союза группы интеллигентныхъ людей, ничего не осталось. Члены общества и его правленія теперь, по новому уставу, просто должностныя лица, утвержденныя въ своемъ званіи подлежащими начальствами: предсѣдателя правленія утверждаетъ министръ народнаго просвѣщенія, его товарища и членовъ правленія—попечитель учебнаго округа, членовъ общества—губернаторъ и директоръ народныхъ училищъ, педагоги входятъ ex officio.

Характеръ дѣятельности реформированнаго общества хорошо рисуется въ его первомъ отчетѣ, вышедшемъ въ свѣтъ осенью, и въ докладѣ ревизіонной коммиссіи. Отчетъ охватываетъ время за полтора года: второе полугодіе 1899 г. и весь 1900 годъ. Составители отчета приложили всѣ старанія къ тому, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и показать, что въ жизни общества все обстоитъ благополучно. Увы! эти старанія рѣшительно ни къ чему не привели, какъ видно изъ того же отчета.

Реформированное общество начало свою «дѣятельность» съ того, что закрыло книжный складъ (о которомъ была выше рѣчь) и его 20 отдѣленій

въ губерніи. Закрытіе склада и его отдѣленій вызвано всецѣло новымъ уставомъ, по которому въ складѣ можно имѣть только «одобренныя» министерствомъ народн. просв. книги. При подобныхъ условіяхъ правленіе общества нашло невозможнымъ содержать складъ, такъ какъ его существованіе нельзя было обезпечить никакими, даже искусственными мѣрами, и онъ бы умеръ естественной смертью.

Наиболѣе значительная культурная работа (учрежденіе народныхъ библіотекъ), которою было занято общество до реформы, сразу сократилась. Отчетъ объ этомъ смутно упоминаетъ въ такихъ деликатныхъ выраженіяхъ: «На устройство народныхъ библіотекъ въ отчетный періодъ времени ($1^1/_2$ года) не могли не оказать неблагопріятнаго вліянія измѣненіе устава общества, послѣдовавшее затѣмъ закрытіе книжнаго склада и перемѣна въ составѣ членовъ правленія». Ключъ къ пониманію этихъ ровно ничего не объясняющихъ словъ мы находимъ въ отчетѣ казначея.

За послѣднія 5 лѣтъ жизни дореформеннаго общества и сельскія общества, и частныя лица, какъ это видно изъ приведенной выше таблицы субсидировали общество среднимъ ежегодно суммой въ 2.044 руб. 34 коп. Послѣ реформы, за $1^1/_2$ года эта же субсидія упала до 466 руб. 86 коп., т.-е. среднимъ за годъ—311 руб. 24 коп. Этотъ родъ субсидіи сократился такимъ образомъ почти въ семь разъ.

За то же пятилѣтіе уѣздныя земства оказывали обществу субсидію среднимъ ежегодно въ размѣрѣ 2.508 руб. 13 коп. Реформированному же обществу за $1^1/_2$ года была отпущена субсидія въ 789 руб. 75 коп., что среднимъ за годъ составляетъ 526 руб. 50 коп. Слѣдовательно, оказалось сокращеніе почти въ пять разъ. А субсидія на 1901 годъ упала ужъ до 570 руб.

Губернское земство сократило субсидію вдвое; вмѣсто 2.400 руб., оно теперь отпускаетъ обществу только 1.200 руб.

Само общество за послѣднія пять лѣтъ своей дореформенной жизни среднимъ производило ежегодно ассигновки на народныя библіотеки въ размѣрѣ 1.657 руб. 31 коп. За $1^1/_2$ года своей пореформенной жизни оно на этотъ же предметъ истратило только 807 руб. 12 коп., т.-е. среднимъ въ одинъ годъ 538 руб. 80 коп., что даетъ сокращеніе суммъ, отпускавшихся обществомъ на устройство народныхъ библіотекъ, болѣе чѣмъ въ три раза.

Смѣта «обновленнаго» общества за первые полтора года его жизни исчислена въ 18.150 руб. 71 коп. Изъ этой суммы правленіе нашло возможнымъ ассигновать на народныя библіотеки только 2.063 руб. 12 коп., считая въ этой суммѣ и спеціальныя пожертвованія. Любопытнѣе всего, что получился остатокъ въ 1.666 руб. 94 коп. отъ смѣты первыхъ полуторыхъ годовъ.

Чтобы не заподозрили насъ въ пристрастномъ отношеніи къ обществу, мы приведемъ выдержку изъ доклада ревизіонной коммиссіи «обновленнаго» общества, состоящей изъ трехъ членовъ: гг. Троицкаго, управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка, Брюхатова, члена губернской земской управы, и Сеславинскаго, секретаря городской управы.

Подводя итоги, ревизіонная коммиссія съ сожалѣніемъ должна была конста-

*

тировать *фактъ полнаго отсутствія дѣятельности общества какъ таковаго.* Коммиссія видѣла проявленіе дѣятельности правленія общества и наемныхъ лицъ, дающихъ для дѣла, что могутъ, но дѣятельности общества, его отдѣльныхъ членовъ или группъ, образующихся изъ этихъ членовъ, она не видала. Получается впечатлѣніе, говоритъ коммиссія, учрежденія, богато обставленнаго, имѣющаго всѣ средства для широкой и плодотворной просвѣтительной работы, но не одухотвореннаго внутренней энергіей, не согрѣтаго интересомъ и любовью къ дѣлу. А безъ этихъ активныхъ дѣятелей все учрежденіе превращается въ бездушный механизмъ, формально исполняющій заданную ему работу, автоматически реагирующій на внѣшнія раздраженія. Между тѣмъ цѣли, преслѣдуемыя уставомъ общества,—борьба съ народнымъ невѣжествомъ и темнотой, искорененіе предразсудковъ и отвлеченіе народа отъ празднаго и вреднаго времяпрепровожденія,—требуютъ энергичной, кипучей работы, учрежденія жизнедѣятельнаго и отзывчиваго. Нынѣшнее положеніе общества совсѣмъ не отвѣчаетъ стоящимъ предъ нимъ задачамъ. Работаетъ почти одно только правленіе, да и оно, состоя изъ лицъ и безъ того обремененныхъ своими служебными обязанностями, не можетъ удѣлять дѣлу столько времени, сколько было бы желательно. Въ результатѣ—всѣ перечисленные выше недостатки, восполнить которые платнымъ трудомъ при невысокой оплатѣ его, по мнѣнію коммиссіи, не представляется возможнымъ. Тутъ нужны добросовѣстные интеллигентные работники, работающіе не за страхъ, а за совѣсть. Въ чемъ бы только казалось и проявляться самодѣятельности общества, какъ не въ работахъ отдѣльныхъ коммиссій по различнымъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ задачами общества? Въ настоящее время при обществѣ нѣтъ ни одной такой правильно функціонирующей коммиссіи, а работы много *). Нужно дополнить нормальные каталоги новыми книгами, разрѣшенными для народныхъ библіотекъ, послѣ составленія ихъ бывшей редакціонной коммиссіей (дореформеннаго общества); нужна коммиссія для оцѣнки вновь выходящихъ произведеній по народной литературѣ, не попавшихъ въ министерскіе каталоги, для возбужденія ходатайствъ о включеніи туда таковыхъ; нужна коммиссія для подбора репертуара чтеній въ народной аудиторіи; для пополненія библіотекъ и читаленъ; для разработки данныхъ о существующихъ народныхъ библіотекахъ и чтеніяхъ,—словомъ, дѣла очень много такого, которое составляетъ прямую обязанность общества, его нравственный долгъ предъ народомъ. *Этой обязанности общество не выполняетъ.* Задаваясь вопросомъ, гдѣ искать причины этого печальнаго явленія, ревизіонная коммиссія приходитъ къ убѣжденію, что причина лежитъ въ новомъ уставѣ общества. Уставъ этотъ лишилъ общія собранія общества, а тѣмъ

---

*) Было бы несправедливо сказать, что въ настоящемъ обществѣ совсѣмъ нѣтъ коммиссій. Онѣ существуютъ, но ихъ слишкомъ трудно, почти невозможно разыскать. Такъ, напр., ревизіонная коммиссія пыталась узнать, какъ пополняется огромная коллекція картинъ для чтеній съ волшебнымъ фонаремъ. Членъ правленія, завѣдующій картинами, говорилъ про какую-то коммиссію, которая даетъ указанія при выпискѣ новыхъ картинъ, «но что за коммиссія и какъ она работаетъ, ревизіонная коммиссія установить не могла».

самымъ и самое общество многихъ существенныхъ правъ и передалъ ихъ правленію, половина котораго вполнѣ безотвѣтственна передъ общимъ собраніемъ. Не ограничившись этимъ, уставъ сдѣлалъ общія собранія закрытыми, изъявъ изъ дѣятельности общества публичность и гласность, что, вмѣстѣ съ способомъ пополненія состава членовъ общества, лишило его и тѣхъ симпатій, которыми оно могло бы пользоваться со стороны другихъ общественныхъ учрежденій и публики, прекратило приливъ новыхъ свѣжихъ силъ. Въ гласности и публичности общихъ собраній и въ расширеніи ихъ правъ лежитъ, по мнѣнію коммиссіи, залогъ дальнѣйшаго существованія общества, какъ просвѣтительнаго учрежденія. Оставаясь подъ дѣйствіемъ теперешняго устава, при томъ же составѣ членовъ, общество не можетъ развить своей дѣятельности, не можетъ въ полной мѣрѣ использовать своихъ средствъ, оно застынетъ въ своей инертности и станетъ надолго неоплатнымъ должникомъ передъ народомъ, на служеніе которому оно призвано. По мнѣнію ревизіонной коммиссіи, слѣдовало бы избрать спеціальную коммиссію для разработки проекта пересмотра устава и затѣмъ, разсмотрѣвъ этотъ проектъ въ общемъ собраніи, возбудить ходатайство, согласно § 33 настоящаго устава, о соотвѣтствующемъ его измѣненіи.

Докладъ ревизіонной коммиссіи произвелъ сильное впечатлѣніе на общее собраніе, принявшее послѣднее предложеніе относительно пересмотра теперешняго устава. Заправилы общества, однако, считаютъ настоящій уставъ чуть ли не идеальнымъ. По крайней мѣрѣ, на 170-й стр. отчета мы читаемъ: «Передъ величіемъ и трудностью такого громаднаго дѣла, какъ устройство библіотекъ во всѣхъ селахъ губерніи, должно смолкнуть недоброжелательство къ обществу народныхъ чтеній, вызванное у нѣкоторыхъ лицъ перемѣною устава»; отчетъ полагаетъ, что «недовѣріе къ обществу нѣкоторыхъ земствъ временное». Остается только пожалѣть о томъ, что составъ правленія обновленнаго общества не въ силахъ подняться до пониманія истинныхъ причинъ, въ силу которыхъ у «нѣкоторыхъ лицъ» и у «нѣкоторыхъ земствъ» существуетъ отрицательное отношеніе къ обществу.

Вотъ что сталось съ такимъ крупнымъ частнымъ почином, каковымъ является тамбовское просвѣтительное общество. Кир—къ.

Изъ русскихъ журналовъ.

«У казаковъ» В. Г. Короленко. Въ «Русскомъ Богатствѣ» за октябрь находимъ начало очерковъ В. Г. Короленки изъ поѣздки на Уралъ. Разсказъ открывается выразительной, полной настроенія, картиной степного края въ знойный лѣтній день. Медлительно ползущіе поѣзда (авторъ ѣхалъ изъ Саратова въ Уральскъ), безконечныя остановки, «въ окнахъ вагоновъ безнадежно скучающія лица пассажировъ», теплый вѣтеръ, дующій какъ-будто изъ печки, все это производитъ впечатлѣніе истомы, лѣни, разслабленія. «Спокойная нѣга, тихое раздумье, лѣнь... чувствуется, что вы оставили на томъ берегу Волги и торопливый бѣгъ поѣздовъ, и суету короткихъ остановокъ и вообще ускорен-

ный темпъ жизни. Тутъ на всѣхъ надвигается, охватываетъ, баюкаетъ васъ широкое степное раздолье, ровное, молчаливое, дремотное»...

За границей Самарской губерніи авторъ вступилъ въ полосу казачьей земли, съ ея своеобразнымъ порядкомъ владѣнія, не знающимъ ни частной собственности, ни русскихъ общинныхъ передѣловъ. «Всѣ ея обитатели—какъ бы одна семья, каждый членъ которой имѣетъ одинаковое право на любой клокъ этой земли, не дѣленной, не межеванной и никѣмъ не захваченной въ личное владѣніе»... Но эти старинныя обычныя формы землепользованія далеко не удовлетворительно разрѣшаютъ проблему богатства и бѣдности: острыя отношенія между богатствомъ, освобожденнымъ почти отъ всѣхъ обязанностей, и бѣдностью, несущей на себѣ всѣ тягости, нерѣдко приводили къ кровавымъ стычкамъ. Подъѣзжая къ Уральску, авторъ натолкнулся еще на одну своеобразную особенность вольнаго казацкаго хозяйства: недалеко отъ города стояла сторожевая будка, и приставленный къ ней казакъ обшаривалъ проѣзжіе возы, выискивая контрабанду—рыбу, такъ какъ казацкая община пользуется правомъ облагать пошлиной всю вывозимую за черту города рыбу и получаетъ иногда этимъ путемъ до 200 тысячъ рублей въ рыбный сезонъ. По правиламъ, если обнаружится у проѣзжаго даже минимальное количество рыбы, сторожъ обязанъ представить укрывателя въ городъ и составить протоколъ.

Вообще весь бытъ яицкаго казачьяго войска сложился подъ дѣйствіемъ центральнаго интереса рыбнаго промысла. Такъ первою достопримѣчательностью города Уральска считается такъ называемый уральскій учугъ. «Учрежденіе это—единственное въ своемъ родѣ. Идея его очень проста: если въ извѣстномъ мѣстѣ переградить поперекъ всю рѣку, то красная рыба, подымаясь съ моря, остановится у перегородки и дальше уже не пойдетъ. Для метанія икры она должна выбирать мѣста ниже этой преграды и такимъ образомъ будетъ скопляться здѣсь въ большихъ количествахъ». Первый такой заплотъ у устьевъ Яика былъ устроенъ еще въ давнія времена астраханскими «гостями»; въ 1645 г. купецъ Гурьевъ уже получилъ отъ московскаго правительства грамоты на свое нехитрое изобрѣтеніе. Само собою разумѣется, что яицкіе казаки увидѣли въ этой монополіи захватъ этихъ правъ и вступили въ ожесточенную борьбу съ купцами и черезъ сто лѣтъ слишкомъ добились того, что въ ихъ руки были переданы всѣ права на рыбную ловлю, вмѣстѣ съ таможенными и кабацкими сборами. Такъ съ теченіемъ времени образовалась здѣсь крѣпко сплоченная огромная полувоенная полурыбачья казацкая община. Отъ учуга до самыхъ низовьевъ Яика разставлены отъ войска особые караулы, которые слѣдятъ за движеніями крупной рыбы и доносятъ объ этомъ войсковому управленію. И прежде Яикъ былъ ареной постоянной борьбы съ киргизами, но теперь, со времени замиренія орды, онъ представляетъ изъ себя только «огромный живорыбный садокъ». Пикеты, разставленные по рѣкѣ, нѣкогда наблюдали за движеніями орды, теперь слѣдятъ за переходами рыбы. Спокойствіе рыбы оберегается съ такой тщательностью, что безъ особой надобности никого не подпускаютъ къ берегу; ни лодки, ни плота, ни парома, ни тѣмъ болѣе парохода не увидишь на всемъ протяженіи рѣки отъ учуга до устьевъ. За то эта тихая

рѣка совершенно преображается во время осенняго и весенняго лова: войско усѣиваетъ бударами всѣ берега и ждетъ сигнала, послѣ котораго кидается на рѣку на высмотрѣнные заранѣе мѣста рыбныхъ стоянокъ. Здѣсь исчезаютъ всѣ іерархическія различія, на промыслѣ работаютъ офицеръ, даже полковникъ, рядомъ съ простымъ казакомъ. Зимой во время багренья повторяется та же картина, только вмѣсто бударъ, казаки на саняхъ устремляются на ледъ. «Рѣка закипаетъ тогда своеобразной походной жизнью. За войскомъ тянутся торговцы рыбой, продавцы съѣстныхъ припасовъ, сапоговъ, рукавицъ, шапокъ, принадлежностей лова, наконецъ, виноторговцы... Войско въ эти періоды чувствуетъ себя въ сборѣ. На привалахъ обсуждаются общественныя дѣла, кипятъ религіозные споры, распространяются политическія новости и въ старину всякая смута зарождалась въ этихъ походахъ... Надо отдать справедливость войску: загородивъ свою рѣку, оно сумѣло дѣйствительно завести на ней образцовые рыболовные порядки, и здѣсь общинный духъ, повидимому, сказался гораздо полнѣе, чѣмъ въ примитивной земельной общинѣ».

Управляется же община совсѣмъ не демократически: во главѣ ея стоитъ чисто бюрократическое учрежденіе—войсковая канцелярія, надъ ней атаманъ, военный генералъ не изъ уральцевъ, иногда не имѣющій понятія объ этомъ своеобразномъ общинномъ хозяйствѣ. Случаи вторженія атамана въ освященные обычаемъ рыболовные пріемы подавали не разъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, на команду одного атамана—продолжать ловъ, «все войско, вмѣсто того, чтобы мгновенно ринуться на ледъ, осталось неподвижно на мѣстахъ. Совершенно понятно, что на кавалерійскаго генерала, привыкшаго командовать въ строю, это произвело такое же впечатлѣніе, какъ если бы эскадронъ остался на мѣстѣ послѣ команды «въ атаку». Онъ повторилъ приказъ, но «войско» по прежнему угрюмо стояло на берегу». Къ чести атамана нужно прибавить, что онъ скоро спохватился и отмѣнилъ неловкій приказъ.

Затѣмъ г. Короленко передаетъ полулегендарныя, полуисторическія преданія, связанныя съ мѣстностью. Такъ, въ Уральскѣ сохранились два дома, стоящіе рядомъ, относительно которыхъ мѣстное преданіе гласитъ, что одинъ изъ нихъ принадлежалъ казаку Петру Кузнецову, дочь котораго звали Устиною. Пугачевъ взялъ себѣ въ жены и сдѣлалъ ее на время «казачьей царицей»; въ другомъ домѣ будто бы жилъ самъ Пугачевъ. О знакомствѣ Пугачева съ будущей «царицей» извѣстный уральскій изслѣдователь Желѣзновъ записалъ слѣдующее преданіе: «Сидитъ, это, онъ, Петръ Ѳедоровичъ, подъ окномъ и смотритъ на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бѣжитъ черезъ улицу, въ одной фуфаечкѣ да въ кисейной рубашечкѣ, рукава засучены по локоть, а руки въ красной краскѣ (она занимается рукодѣльемъ: шерсть красила да кушаки ткала). Тутъ онъ въ нее и влюбился». «Судя по историческимъ даннымъ, Устинья шла за «набѣглаго царя» неохотно. Когда къ ней пріѣхали сваты, она спряталась въ подполье.

«— И что они дьяволы, псовы дѣти, ко мнѣ привязались?—говорила она.

«Во второй разъ къ ней пріѣхалъ уже самъ Пугачевъ, но и тутъ Устинья и ея отецъ неохотно шли навстрѣчу высокой чести»... Для новой «царицы»

Пугачевъ образовалъ цѣлый штатъ придворныхъ: фрейлинами стали ея недавнія подруги по куренямъ, пажами—казачата. «Пугачевъ, какъ извѣстно, относился къ ней все время съ уваженіемъ и довѣріемъ. По всѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, Устинья была скромная женщина, не вмѣшивавшаяся въ дѣла и никому не сдѣлавшая ни малѣйшаго вреда во время своего короткаго сказочнаго царствованія... По временамъ у нея самой являлись, повидимому, сомнѣнія, и не разъ ночью молодая казачка плакала и приставала къ загадочному человѣку, неожиданно ставшему ея мужемъ, съ разспросами: кто онъ такой, дѣйствительно ли царь, и по какому праву захватилъ ея молодую, только что расцвѣтшую жизнь въ водоворотъ своей туманной и бурной карьеры?» Бракъ этотъ не принесъ счастья казачкѣ и повредилъ Пугачеву, такъ какъ женитьба отъ живой жены предполагаемаго царя Петра III уронила его въ глазахъ казаковъ; обаяніе несчастнаго, гонимаго царя, стремившагося внести правду и освобожденіе, было подорвано этой явной неправдой; даже покорное духовенство отказалось упоминать Устинью на эктеньяхъ «до синодскаго указу». Дальнѣйшая судьба Устиньи очень печальна. Со всѣмъ своимъ штатомъ она попала изъ «называемаго дворца» въ тюрьму. Разсказываютъ, будто бы Екатерина пожелала видѣть свою фантастическую соперницу и нашла, что она далеко не такъ красива, какъ о ней говорили. Затѣмъ Устинья надолго исчезаетъ въ казематахъ Кексгольмской крѣпости. Болѣе четверти вѣка спустя Александръ I обходилъ эти казематы, встрѣтилъ тамъ, между прочимъ, и Устинью и тотчасъ приказалъ ее освободить.

Далѣе г. Короленко передаетъ нѣкоторыя характерныя черты казацкой психологіи. Въ началѣ прошлаго вѣка оренбургскій губернаторъ князь Волконскій попытался ввести въ уральскомъ войскѣ «чередовую» службу. Казаки противились, такъ какъ видѣли въ этомъ противную имъ регулярщину. Сопротивленіе казаковъ выразилось въ «своеобразной формѣ пассивнаго русскаго бунта»; казаки упорно стояли въ открытой степи на морозѣ, въ буквальномъ смыслѣ отстаивая «старые порядки». Этотъ нѣмой протестъ такъ раздражилъ кн. Волконскаго, что онъ распорядился выпустить на толпу отрядъ башкиръ съ нагайками и произошло безсмысленное побоище. Старый обычай «наемки», изъ-за котораго казаки потерпѣли въ этотъ разъ «усмиреніе», дожилъ и до настоящаго времени: по отбываніи извѣстнаго срока строевой службы, каждый казакъ можетъ избавиться отъ нея, внося «наемку»; кто не въ состояніи откупаться отъ службы, долженъ служить, и нерѣдко очень долгое время. Послѣдней вспышкой борьбы за старину противъ регуляризма и нововведеній были извѣстные безпорядки 1874 года. Передъ какой-то частичной реформой тогдашній оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій рѣшилъ потребовать у казаковъ общую подписку въ томъ, что «я, такой-то, обязуюсь повиноваться распоряженіямъ высшей власти». Эта мѣра всколыхнула все казачество. Казаки уперлись. Крыжановскій раздулъ исторію въ цѣлый бунтъ и ради усмиренія произведены были высылки казаковъ изъ родного края въ Сибирь, на Аму-Дарью и къ Аральскому морю.

Новый критикъ М. Горькаго. Г. Евг. Ляцкій («Вѣстн. Евр.», ноябрь)

пользуется выходомъ въ свѣтъ новаго изданія сочиненій М. Горькаго, чтобы представить общую характеристику писателя. Среди критиковъ Горькаго, довольно единодушно оцѣнившихъ этотъ крупный и своеобразный талантъ, г. Ляцкій занимаетъ особое положеніе: онъ очень увѣренно и безъ колебаній сортируетъ произведенія Горькаго на искреннія и фальшивыя, и въ разрядъ фальшивыхъ и ходульныхъ попадаетъ многое такое, что пріобрѣло высокую оцѣнку среди публики.

Какимъ же критеріемъ руководится въ этомъ случаѣ г. Ляцкій? Какъ видно, Горькій потревожилъ г. Ляцкаго въ его привычкахъ міровоззрѣнія, и статья г. Ляцкаго есть попытка разобраться, что въ Горькомъ соотвѣтствуетъ этому міровоззрѣнію—и можетъ быть, слѣдовательно, одобрено—и что не соотвѣтствуетъ—и, стало-быть, должно быть осуждено и отвергнуто. Масштабъ у критика готовый; немножко трудно оказывается приложить этотъ масштабъ къ Горькому,—но это не останавливаетъ г. Ляцкаго: онъ смѣло кроитъ и рѣжетъ и въ результатѣ—изъ одного Горькаго выкраиваетъ «трехъ», «изъ которыхъ только одинъ имѣетъ право на званіе русскаго писателя, сознающаго свою органическую связь съ общимъ развитіемъ «родной литературы». Одинъ Горькій—«художникъ», другой—«босякъ», третій—«публицистъ». Только «художникъ»—г. Ляцкій прибавляетъ «художникъ-*гуманистъ*»—заслуживаетъ нашего сочувствія; только элементъ гуманности роднитъ его съ Пушкинымъ, Тургеневымъ, Толстымъ и «позволяетъ разсматривать его, какъ писателя-гуманиста, какъ дѣятеля, слѣдовательно нужнаго и важнаго для развитія нашего самопросвѣтленія; въ противномъ случаѣ онъ представлялъ бы собой существо нѣкоторымъ образомъ метафизическое» (?). А Горькій—«босякъ», поэтъ «бывшихъ людей»? Г. Ляцкій хорошо знаетъ и мѣстами очень удачно характеризуетъ и этого «другого» Горькаго; онъ даже справедливо отмѣчаетъ, что *этотъ* именно Горькій, «внесшій съ собой слишкомъ особый міръ героевъ силы и смѣлости, вѣрнѣе—наглости, натуръ рѣшительныхъ и цѣльныхъ, не знающихъ противорѣчій теоріи и практики жизни»,—что именно этотъ Горькій создалъ себѣ громкое имя. Но есть что-то, что мѣшаетъ критику признать въ этомъ существенную черту таланта Горькаго. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію критика, «народъ, который производитъ Челкашей и который далъ намъ М. Горькаго, не тотъ народъ, что создалъ замѣчательную народную поэзію, эпосъ съ его идеалами свободной, но гуманной силы, сказки и пословицы, проникнутыя идеей торжества правды и добра на землѣ, что выслалъ Ломаносова изъ нѣдръ своихъ для просвѣщенія и славы и земли русской. Это—народъ особый, отверженный или, точнѣе, самъ себя отвергнувшій отъ своихъ собратьевъ, хищный, озлобленный безсмысленной злобой голоднаго волка, по-волчьи разсуждающій и думающій, и потому міросозерцаніе его стало волчьимъ по существу, и, какъ таковое, не можетъ быть сравниваемо безъ ущерба для здраваго смысла съ истинно-народнымъ, въ которомъ темною мыслью руководитъ глубоко-человѣчное чувство. Поскольку М. Горькій признаетъ себя солидарнымъ съ міросозерцаніемъ своихъ героевъ, постольку онъ, если можно такъ выразиться, *антинароденъ*, потому что оба міросозерцанія, о которыхъ идетъ рѣчь, настолько

противоположны, что взаимно отрицаютъ другъ друга. Къ тому же обстоятельства жизни М. Горькаго не дали ему возможности узнать деревню, и если не полюбить, то хоть понять ее,—оттого ему въ деревнѣ «невыносимо тошно и грустно»...

Мы нарочно привели эту длинную выдержку, такъ какъ она очень ярко характеризуетъ «идолы и идеалы» г. Ляцкаго и является исходной точкой всего отношенія его къ Горькому. Во имя этихъ взглядовъ онъ сортируетъ типы Горькаго, раздѣляя ихъ на овецъ и козлищъ, во имя тѣхъ же взглядовъ онъ смѣло отбрасываетъ, какъ напускное, выдуманное, фальшивое, все, что ему не нравится въ Горькомъ, все, что изображаетъ «народъ, да не тотъ». Сюда отходятъ, въ сущности, всѣ характерныя черты описанныхъ Горькимъ типовъ, со всей ихъ анти-соціальной философіей. Совершивъ такую смѣлую операцію надъ босячествомъ Горькаго, г. Ляцкій употребляетъ всѣ усилія, чтобы препарировать изъ Горькаго художника-гуманиста. «И по натурѣ,—говоритъ онъ,—М. Горькій не босякъ, а художникъ-гуманистъ. Его босяцкое настроеніе было временнымъ и наноснымъ... Самъ онъ—натура мягкая и любящая, отзывчивая на людское страданіе и горе». Когда голосъ босяка съ его «волчьей моралью» не сбиваетъ Горькаго съ его настоящаго пути,—Горькій является проповѣдникомъ «народной морали, христіанской по существу, и нужной и важной для жизни». Въ параллель этому изображенію Горькаго, мы находимъ не лишнимъ привести нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ его сочиненій. «Хотя волковъ убиваютъ, но ихъ боятся: у нихъ есть когти и зубы для замозащиты, а главное—сердца ихъ ничѣмъ не смягчены. Послѣднее очень важно, ибо для того, чтобы побѣждать въ борьбѣ за существованіе, человѣкъ долженъ имѣть или много ума, или сердце звѣря». Итакъ, для активнаго участія въ житейской борьбѣ смягченныя сердца не годятся. Само собою разумѣется, житейская борьба не понимается Горькимъ въ смыслѣ добыванія личнаго благополучія; такъ, отвѣчая на вопросъ, въ чемъ должна заключаться дѣятельность писателя, Горькій говоритъ: въ томъ, чтобы «возбуждать въ людяхъ искреннія чувства, которыми, какъ молотками, однѣ формы жизни должны быть разбиты и разрушены для того, чтобы создать другія, болѣе свободныя на мѣсто тѣсныхъ». Вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ и перечисленіе этихъ активныхъ чувствъ: «гнѣвъ, ненависть, мужество, стыдъ, отвращеніе и, наконецъ, злое отчаяніе—вотъ рычаги, которыми можно разрушить все на землѣ».

Характерную для міросозерцанія Горькаго «пѣснь о соколѣ» г. Ляцкій подвергаетъ мелочной, педантической критикѣ, съ замѣчаніями, вродѣ того, напр., что ужъ у Горькаго обладаетъ плохими познаніями въ естественной исторіи; по поводу идеи произведенія онъ развязно иронизируетъ: можетъ быть, соколъ бился «за обладаніе жирнымъ кускомъ или казеннымъ мѣстомъ съ квартирой?» Итакъ, критерій г. Ляцкаго сослужилъ ему плохую службу: благодаря этому критерію, критикъ пропустилъ мимо рукъ живое и оригинальное литературное явленіе и задержалъ черты общія, ничего не говорящія и совсѣмъ для Горькаго не характерныя. Въ рукахъ г. Ляцкаго Горькій сталъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ его знаютъ читатели,—а, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ «существомъ метафизическимъ».

Воспоминанія Д. Ахшарумова. Эти воспоминанія («Вѣстникъ Евр.», ноябрь) обнимаютъ собой пока время заключенія автора въ Петропавловской крѣпости съ 23-го апрѣля по начало сентября 1849 года; они были начаты въ 1870 г., потомъ прерваны и докончены лишь въ 1884 г. Арестъ и тюрьма оставили такое потрясающее, неизгладимое впечатлѣніе въ молодомъ Ахшарумовѣ, что черезъ 35 лѣтъ, онъ былъ въ состояніи воспроизвести всѣ тонкіе переходы своего настроенія, всѣ мельчайшія подробности обстановки; въ описаніе тюремной жизни имъ вложено столько горячности, столько живого неподдѣльнаго чувства, что воспоминанія ихъ далекаго прошлаго производятъ впечатлѣніе свѣжаго письма, только что полученнаго изъ крѣпости. Уже самый объемъ воспоминаній, охватывающихъ на трехъ печатныхъ листахъ только четыре съ половиной мѣсяца тюремнаго заключенія, показываетъ, какою интенсивною внутреннею жизнью жилъ авторъ за это время; четыре съ половиной мѣсяца вынужденнаго бездѣлья, мертвящаго однообразія на самомъ дѣлѣ были для автора временемъ самаго напряженнаго нервнаго состоянія, ничтожныя происшествія выростали до размѣровъ драматическихъ событій—такъ страстно воспринимались всѣ мелочи тревожнымъ чувствомъ заключеннаго. «Это было въ Петербургѣ,—разсказываетъ авторъ—въ 1849 году, въ концѣ апрѣля... поздно вечеромъ, стемнѣло, я ѣхалъ въ каретѣ, не зная, куда меня везли... Я былъ въ легкой одеждѣ теплаго весенняго дня, и мнѣ было свѣжо и жутко и тяжело на душѣ. Послѣ продолжительной ѣзды карета въѣхала въ крѣпость и и остановилась. Было совершенно темно... я введенъ былъ въ корридоръ, полуосвѣщенный; въ корридорѣ передо мною отворилась толстая дверь въ боковую темную комнату,—мнѣ предложили въ нее войти; темнота, спертый воздухъ, неизвѣстность, куда я вошелъ, произвели на меня самое тяжелое впечатлѣніе... Затѣмъ зажжена была на окнѣ какая-то свѣтильня, висящая съ края глинянаго блюдечка; дверь захлопнулась на ключъ, и я остался одинъ въ полумракѣ, въ изумленіи и въ страхѣ отъ того, что со мною случилось... Смутное чувство убійственной тоски, мрачныя зловѣщія предчувствія овладѣвали мною; мнѣ казалось, я стою на порогѣ конца моей жизни; нѣсколько минутъ я былъ безъ мысли, какъ бы ошеломленный ударомъ въ голову».

Тѣмъ неожиданнѣе былъ этотъ ударъ для автора, что онъ не могъ отдать себѣ отчета въ своей виновности; не смотря на свои двадцать пять лѣтъ, Ахшарумовъ былъ совершеннымъ юношей, пылкимъ, увлекающимся, горѣвшимъ самыми чистыми стремленіями къ общему благу, — никакихъ проступковъ, никакихъ угрызеній совѣсти онъ не чувствовалъ на душѣ. «Не зная, куда пріютиться и въ мысляхъ моихъ, и въ жилищѣ моемъ, я вдругъ заплакалъ и сталъ молиться; нѣсколько минутъ стоялъ я на колѣняхъ и горько рыдалъ, опустившись на полъ»... Первая ночь была проведена. «Измученный тяжелыми впечатлѣніями дня, я лежу, не двигаясь; меня страшно клонитъ ко сну, и я засыпаю,—но скоро просыпаюсь отъ большой чувствительности въ щекѣ и вискѣ, прижатыхъ жесткою, бугристою подушкою; переворачиваюсь на другой бокъ и та же самая боль на другой сторонѣ головы, по истеченіи короткаго времени, пробуждаетъ меня снова; я ложусь на спину, и опять оскоро просы-

паюсь отъ боли въ затылкѣ». Позднѣе онъ сталъ подкладывать руки подъ голову, такъ какъ голова покрылась болѣзненными опухолями отъ жесткой подушки; но, въ свою очередь, и на пальцахъ вскорѣ образовались нарывы. Потребовалось цѣлыхъ двѣ недѣли, чтобы приспособиться только къ внѣшнимъ неудобствамъ крѣпостной обстановки. Но всего мучительнѣе были «убійственно-мрачныя» мысли, которыя преслѣдовали автора и днемъ, и ночью; время отъ времени всплывали и тягостныя воспоминанія, связанныя съ арестомъ. «23-го апрѣля, часовъ около десяти утра, въ каретѣ я былъ привезенъ въ третье отдѣленіе; меня вели по многимъ комнатамъ, въ которыхъ я видѣлъ другихъ арестованныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ, и между ними стояли часовые ружьями. Въ особенности поразила меня большая зала своимъ многолюдствомъ: арестованные стояли кругомъ, а между ними часовые; слышенъ былъ говоръ и по временамъ стучанье прикладомъ объ полъ». Графъ Орловъ обходилъ арестованныхъ; одинъ изъ чиновниковъ несъ за нимъ списокъ, который начинался словами: «А (нтонелли)—агентъ наряженнаго дѣла». Извѣстно, что Антонелли былъ агентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который въ теченіе нѣсколькихъ недѣль посѣщалъ собранія Петрашевскаго. «Петрашевскій имѣлъ уже нѣкоторыя сомнѣнія въ личности А(нтонелли). Въ предпослѣднемъ собраніи, 15-го апрѣля, онъ отозвалъ меня въ сторону и спросилъ. «скажите, васъ звалъ къ себѣ А?» Я отвѣчалъ, что звалъ, но я не пойду, потому что вовсе его не знаю. «Я и хотѣлъ предупредить васъ,—сказалъ онъ мнѣ,—чтобы вы къ нему не ходили»... Впослѣдствіи, въ бытность мою уже на Кавказѣ, узналъ я, что Бѣлецкій (одинъ изъ петрашевцевъ, по суду оправданный), по выходѣ своемъ изъ Петропавловской крѣпости, встрѣтилъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ этого А. и, будучи имъ привѣтствованъ, какъ знакомый, по своему горячему характеру, вскипѣвъ гнѣвомъ, ударилъ его въ лицо и указалъ на него прохожимъ, какъ на доносчика, за что и былъ вновь арестованъ и сосланъ на жительство въ Вологду».

Опять и опять возвращался авторъ къ вопросу о томъ, за что онъ былъ неожиданно взятъ и засаженъ въ казематъ. «То, что въ 49-мъ году вмѣнялось въ вину и за что, послѣ восьмимѣсячнаго одиночнаго заключенія, я былъ приговоренъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, въ настоящее время (1884 г.) показалось бы маловажнымъ и не заслуживающимъ никакого преслѣдованія. У насъ не было, собственно, никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю бывали у Петрашевскаго собранія, на которыхъ вовсе не встрѣчались постоянно одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ начальства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи: Ястржембовскій читалъ о политической экономіи; Данилевскій о системѣ Фурье. Въ одномъ изъ собраній читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю

по случаю выхода его «Писемъ къ друзьямъ». Бѣлинскаго избавили только болѣзнь и преждевременная смерть отъ общей съ нами участи... На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры но, дѣйствительно, были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи... «Это былъ кружокъ соціалистовъ сорокъ девятаго года, въ смыслѣ тогдашняго идеальнаго направленія различныхъ соціальныхъ ученій во Франціи. Наше нѣсколько возбужденное, какъ бы протестующее состояніе было чисто отголоскомъ совершившихся въ Европѣ въ 1848 году событій». «Между нами было нѣсколько человѣкъ, называвшихся «фурьеристами», къ числу которыхъ принадлежалъ и я... Въ системѣ Фурье, въ осуществленіи его проекта организованнаго труда мы видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій».

Петрашевскаго авторъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Это былъ человѣкъ средняго роста, полный собою, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ; на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его часто были въ безпорядкѣ; небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы устремлялись вдаль. Лобъ у него былъ большого размѣра, нахмуренный; онъ говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ; разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взглядѣ болѣе всего выражалась глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка. Это былъ человѣкъ сильной, крѣпкой воли, много потрудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный... Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій, преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми ему мало знакомыми, которые казались ему порядочными... Вовсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду: въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ, съ единственною цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей... Несмотря на выдающіяся свои качества, горячую его дѣятельность, увлеченіе дѣломъ и уваженіе, которымъ онъ пользовался въ средѣ людей, его окружавшихъ, онъ, по своему холодному обращенію, не былъ никѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, любимъ, и никто не могъ бы назваться его искреннимъ другомъ».

Возвращаясь къ своей томительной жизни въ заперти, авторъ говоритъ: «Не одинъ я, однако же, былъ подавленъ до слезъ приступами жестокой тоски, по временамъ то съ одной, то съ другой отъ меня стороны слышенъ былъ плачъ въ кельяхъ другихъ заключенныхъ... Нерѣдко садился я и на полъ, и сидя на колѣняхъ, закрывая лицо обѣими руками, я громко сѣтовалъ и плакалъ; затѣмъ, поспѣшно вставая, вскакивалъ на окно, минутно упивался воздухомъ у фортки, сходилъ съ окна, шелъ къ двери, садился на кровать, на табуретку и опять лѣзъ на окно, — такъ метался я, запертый въ моемъ тѣсномъ жилищѣ». «Нервное утомленіе, или лучше сказать— переутомленіе, начало выражаться беспрестанной зѣвотой; часто слезы текли изъ глазъ, иногда пробѣгала какая-то дрожь по спинѣ. По временамъ появлялись приступы

боли сильной тоски и выражались какимъ-то, прежде сего никогда незнакомымъ мнѣ, неудержимымъ плачемъ, послѣ чего впадалъ я въ совершенную апатію и оставался безъ движенія, безъ мысли».

Авторъ указываетъ, между прочимъ, на одну психологическую особенность въ состояніи узника: онъ ждалъ чередъ каждыя двѣ недѣли освобожденія; недѣли и мѣсяцы проходили, но авторъ каждый разъ не могъ себѣ представить, что онъ просидитъ болѣе двухъ недѣль: эти короткіе сроки измѣренія безконечнаго времени,—этотъ самообманъ поддерживалъ въ немъ нѣкоторую бодрость. Страшная встряска, которую производили допросы, недовѣріе судей, угрозы смертной казнью, обѣщанія облегчить участь только подъ условіемъ откровеннаго признанія во всемъ,—все это привело Ахшарумова въ такое смятеніе, что онъ рѣшилъ дать откровенныя показанія. Будучи увѣренъ, что Петрашевскому повредить нельзя, такъ какъ всѣ улики противъ него должны быть въ рукахъ власти, Ахшарумовъ выставилъ его одного отвѣтственнымъ за все случившееся. «Окончивъ описаніе фактовъ, вмѣняемыхъ намъ въ общую вину, я перешелъ къ подробнѣйшему изложенію объ участіи моемъ въ этомъ дѣлѣ и, признавая себя виновнымъ письменно и мысленно, я написалъ, правду сказать, о себѣ много лишняго, чего бы вовсе не слѣдовало писать; но я очень упалъ духомъ и боялся смертной казни. Окончилъ я писаніе нѣсколькими строками, обращенными къ государю, въ которыхъ изъявлялъ искреннее мое во всемъ раскаяніе, признавалъ дѣйствія свои безразсудствомъ и безсмысліемъ и просилъ о прощеніи моей вины, но я не могу не прибавить теперь, что я лгалъ на себя, такъ какъ по совѣсти не чувствовалъ за собой никакой вины!»

Приговоренный вмѣстѣ съ другими 20-ю человѣками къ смертной казни, Ахшарумовъ былъ помилованъ и опредѣленъ въ арестанты инженернаго вѣдомства на 4 года, потомъ въ рядовые на Кавказъ. Съ новымъ царствованіемъ, въ 1857 г., кара была съ него снята.

Молодая Германія и прусская цензура. Подъ такимъ заглавіемъ въ прошломъ году вышла въ Германіи книга Гейгера, основавшаго свое изложеніе на новыхъ архивныхъ источникахъ: эту книгу реферируетъ въ «Рус. Богатствѣ» (сен. и окт.) П. И. Вейнбергъ. Новые матеріалы, сообщенные Гейгеромъ характеризуютъ отношеніе прусскаго правительства, въ лицѣ полиціи и цензуры, къ дѣятелямъ молодой Германіи. Какъ извѣстно, подъ именемъ Молодой Германіи разумѣется чисто литературное движеніе отъ 1830 по 1848 годъ,—имѣвшее, однако, важное значеніе въ политической исторіи нѣмецкой націи. Кружокъ писателей, за которымъ утвердилось это названіе, состоялъ всего изъ пяти лицъ: Гуцкова, Лаубе, Винберга, Кюне и Мундта. Они были по выраженію Гейне, «одновременно художниками, трибунами и апостолами, ибо ихъ одушевляла новая вѣра съ такой страстностью, о какой писатели прежняго періода не имѣли никакого понятія». Своими главными вождями Молодая Германія избрала Гейне и Берне. Основнымъ принципомъ, провозглашеннымъ Молодою Германіею, было приближеніе искусства къ жизни и во имя этого изгнаніе изъ литературы мечтательнаго міра фантазіи и увлеченія средними вѣками.

Реалистическія тенденціи Молодой Германіи, подъ вліяніемъ занесенныхъ изъ Франціи ученій, выражались въ требованіи преобразованія всего государственнаго строя, во враждебномъ отношеніи къ узкому догматическому католицизму, наконецъ, въ провозглашеніи «эманципаціи плоти». Преслѣдованіе Молодой Германіи началось съ романа Гуцкова «Валли» (1855 г.), романа невиннаго, но затронувшаго щекотливую тему о религіозномъ скептицизмѣ. Извѣстный критикъ Менцель сдѣлалъ доносъ по поводу этого романа на всю Молодую Германію. Нѣмецкія правительства охотно пошли на репрессивныя мѣры, сочиненія дѣятелей Молодой Германіи были запрещены и лично противъ нихъ были приняты строгія мѣры. Больше всѣхъ пострадалъ при этомъ Лаубе, о которомъ Гейне отзывается какъ «о великомъ, пламенномъ сердцѣ, ярче всѣхъ прочихъ сверкающемъ изъ Молодой Германіи». Полиція относилась подозрительно къ Лаубе еще со времени его студенчества, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ «буршеншафта», студенческаго союза, преслѣдовавшаго политическія цѣли. Началомъ мытарствъ, обрушившихся на Лаубе, были цензурныя стѣсненія: одно за другимъ сочиненія его были запрещены. Вслѣдъ за этимъ полиція привлекла его къ допросу по поводу знакомства съ нѣкоторыми «подозрительными» людьми; въ случаѣ запирательства рѣшено было подвергнуть его тюремному заключенію. Отвѣты Лаубе показались неудовлетворительными, и его засадили въ тюрьму. Во всѣмъ этомъ дѣлѣ не малую роль сыграли шпіоны-доносчики. Одинъ изъ нихъ, бывшій другъ Лаубе, прикидывавшійся отчаяннымъ либераломъ, а потомъ ставшій образцовымъ сыщикомъ,—обвинилъ его въ участіи въ одномъ изъ буршеншафтовъ; другой смѣнившій Лаубе въ качествѣ домашняго учителя въ одномъ аристократическомъ семействѣ, донесъ, что его предшественникъ внушалъ своему ученику опасныя идеи о равенствѣ всѣхъ сословій, такъ что мальчикъ выразился однажды, что если бы онъ былъ взрослый человѣкъ, то кинулъ бы къ ногамъ короля свою дворянскую грамоту. Въ тюрьмѣ настроеніе Лаубе рѣшительно мѣняется вмѣсто вызывающей смѣлости и самоувѣренности онъ впадаетъ въ малодушное смиреніе и начинаетъ отрекаться отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Объ инкриминируемой книгѣ своей «Письма Гофрата» онъ пишетъ въ своемъ показаніи: «Обращаю вниманіе кого слѣдуетъ на то обстоятельство, что послѣ появленія писемъ Гофрата я, можетъ быть, ни разу больше не заглянулъ въ эту книгу и въ настоящее время не помню въ точности ея содержанія. Не могу скрыть, что мнѣ непріятны допросы насчетъ этого содержанія потому, что отъ высказанныхъ тамъ политическихъ мнѣній я давно отказался и уже въ 1833 году пришелъ къ совершенно инымъ взглядамъ». На устныхъ допросахъ Лаубе дошелъ даже до совершенно постыднаго показанія: отрицая «безнравственность» своихъ сочиненій, въ которой его обвиняли, онъ заявилъ, что въ сочиненіяхъ Гейне или письмахъ Рахили Варнгагенъ найдутся вещи гораздо похуже! Несмотря на всѣ эти понятные шаги, однако срогости противъ Лаубе были усилены: онъ былъ переведенъ въ болѣе строгое заключеніе, и слѣдствіе надъ нимъ было возложено на свирѣпаго Дамбаха, который привлекъ къ допросу вышеупомянутаго ученика Лаубе — 10-ти-лѣтняго мальчика и его родителей.

Отецъ заявилъ, что онъ прервалъ съ Лаубе всякія сношенія, ибо этотъ учитель считался «революціонной головой и въ городѣ говорили, что онъ и моего сына воспитаетъ революціонеромъ». Мать же показала, что въ урокахъ Лаубе ея сыну она не замѣчала ничего предосудительнаго. Изъ отвѣтовъ мальчика никакъ нельзя было вывести ничего неблагопріятнаго относительно вліянія Лаубе. Тогда слѣдователь пожелалъ узнать, какъ относится десятилѣтній ребенокъ самъ къ дворянству; тотъ послѣ нѣкотораго колебанія отвѣчалъ: «Я думаю, что нужно уничтожить существующее теперь дворянство и затѣмъ создать новое, по личнымъ заслугамъ. Ибо такъ какъ всѣ другія сословія могутъ пріобрѣтать себѣ такія же заслуги, то я не вижу основанія, почему дворянамъ должно быть оказываемо преимущество». Выпущенный послѣ шестимѣсячнаго сидѣнія Лаубе унизилъ себя недостойнымъ троекратнымъ отреченіемъ въ печати отъ всякой солидарности съ Молодой Германіей. Вопреки всѣмъ уступкамъ, по окончаніи процесса онъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на полтора года. Отсидѣвъ это время въ крѣпости, Лаубе поѣхалъ въ Парижъ. «Пріемъ, который оказалъ ему Гейне, служитъ довольно убѣдительнымъ доказателвствомъ, что люди близко знавшіе и понимавшіе Лаубе, не считали его отреченій дѣйствительнымъ отступничествомъ и принимали его только за вынужденный компромиссъ съ неумолимыми обстоятельствами».

Позднѣе Лаубе даже далъ подписку въ томъ, что будетъ въ своихъ сочиненіяхъ «избѣгать всего, что оскорбляетъ религію, государственное устройство и нравственный законъ», и обѣщалъ, что будетъ стремиться къ «направленію своихъ сочиненій въ нравственномъ и религіозномъ духѣ». Къ чести его впрочемъ, надо сказать, что «онъ не написалъ ни одной строки, которая бросила бы неблаговидную тѣнь собственно на его литературную дѣятельность». Судьба Гуцкова, наиболѣе выдающагося изъ дѣятелей Молодой Германіи, во многомъ однородна съ судьбой Лаубе, разница только заключается въ характерѣ и настроеніи Гуцкова и въ отношеніи къ постигшимъ его невзгодамъ. Такъ, попавъ въ тюрьму, Гуцковъ чувствовалъ себя благодушно. «Одиночество, — пишетъ онъ—пролилось на мою душу, какъ проливается освѣжающій бальзамъ на раны. Какъ счастливъ я былъ тѣмъ, что видѣлъ себя оторваннымъ отъ свѣта! Такъ могло бы быть на душѣ у Лютера въ его вартбургскомъ и потомъ кобургскомъ заточеніи, не будь у него вѣры въ чорта — вѣры, которая заставляла его даже завываніе вѣтра въ трубѣ принимать за проявленія присутствія этого адскаго чудовища». Однако, несмотря на бодрость духа и философское отношеніе къ бѣдствіямъ, и Гуцковъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ компромиссовъ, впрочемъ далеко не столь рѣзкихъ, какъ Лаубе. Обязательство, которое подписалъ Лаубе, Гуцковъ рѣшительно отказался дать. Наиболѣе малодушно велъ себя третій изъ представителей Молодой Германіи—Мундтъ. Онъ не только подписалъ извѣстное уже намъ обязательство, но и печатно заявилъ о своемъ отступничествѣ. Такъ, онъ писалъ, между прочимъ: «Молодая Германія была слишкомъ смѣшное и ничтожное явленіе, и я буду очень радъ, когда съ меня снимутъ обвиненіе въ глупости, которую нужно было имѣть для того, чтобы надъ такимъ названіемъ и съ такими средствами основать такую мерзкую

компанію». Угодливость свою онъ довелъ до того, что своему заклятому врагу министру Рохову онъ послалъ одно изъ своихъ сочиненій при письмѣ, въ которомъ выражаетъ министру благодарность (Роховъ приписалъ на поляхъ: «за что этому господину благодарить меня?») за то, что писатели, къ которымъ принадлежитъ и онъ, благодаря высокоразумнымъ распоряженіямъ министра, теперь будутъ идти по пути, болѣе благотворному, чѣмъ тотъ, которому они слѣдовали до сихъ поръ... Въ это же время президентъ полиціи отзывался о Мундтѣ очень благопріятно, утверждая, что онъ не принадлежитъ больше оппозиціонной партіи,—напротивъ, склоняется на сторону правительства, «что особенно обнаружилось замѣтнымъ протестомъ студентовъ при началѣ его чтеній въ университетѣ». Впрочемъ этотъ переходъ Мундта вправо былъ неискрененъ: какъ только опасность миновала, онъ сбросилъ съ себя казенный мундиръ, вступилъ въ демократическій союзъ и на одномъ изъ собраній произнесъ рѣзкую рѣчь противъ правительства.

Несмотря на систематическое подавленіе, сѣмена общественныхъ и политическихъ идей заложенныхъ Молодой Германіей, продолжали развиваться а движеніе стало пріобрѣтать болѣе философскій и научный характеръ. Подъ вліяніемъ новаго, болѣе серьезнаго и дѣлового направленія, выражавшагося въ журналистикѣ и политической поэзіи, движеніе, созданное Молодой Германіей, стало казаться «черезчуръ беллетристическимъ и черезчуръ эпикурейскимъ».

За границей.

Общественная жизнь въ Германіи. Нѣмцы чрезвычайно крѣпко держатся за свое право подавать петиціи въ рейхстагъ. Ежегодно въ германскій парламентъ вносятся массы петицій всякаго рода, и хотя большинство изъ нихъ никогда не поступаютъ на обсужденіе парламента, такъ какъ для этого не хватаетъ времени, все же граждане Германіи не хотятъ отказываться отъ своего традиціоннаго права протестовать противъ рѣшенія или намѣреній большинства. Парламентское большинство и правительство, конечно, не расположены въ пользу петицій, такъ какъ появленіе ихъ большею частью бываетъ симптомомъ неудовольствія или протеста общества противъ какого-нибудь правительственнаго мѣропріятія, государственной политики или правительственныхъ законопроектовъ. Вслѣдствіе этого, въ парламентѣ уже выработана система объявлять о поступленіи петиціи, направленной противъ какого-нибудь законопроекта, только послѣ третьяго чтенія, когда все уже почти кончено. Тогда вотируется какая-нибудь формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, и вопросъ считается исчерпаннымъ.

Однако теперь германскому парламентскому большинству, вѣроятно, не такъ-то легко будетъ игнорировать петицію, которая готовится противъ новаго таможеннаго тарифа и, въ особенности, противъ возвышенія пошлинъ на хлѣбъ и другіе жизненные припасы. Эта петиція, организованная социалъ-демократическою партіей и названная петиціей «противъ вздорожанія хлѣба» уже по-

крыта 1.600.000 подписей, хотя пока еще опубликованы только результаты сбора подписей въ 93 избирательныхъ округахъ. Берлинъ, напримѣръ, еще не включенъ сюда, а по заключенію нѣкоторыхъ газетъ въ Берлинѣ должно быть собрано не менѣе полмилліона подписей; слѣдовательно смѣло можно разсчитывать, что нѣсколько милліоновъ взрослыхъ гражданъ германской имперіи заявятъ, такимъ образомъ, свой протестъ противъ повышенія пошлинъ на жизненные припасы и поддержитъ, такимъ образомъ, многочисленныя протестующія заявленія различныхъ ассоціацій и заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ карпорацій. Во всякомъ случаѣ аграріи теперь не въ правѣ будутъ отрицать народное движеніе противъ новаго таможеннаго тарифа, такъ какъ, что же иное представляетъ изъ себя такая петиція, покрытая милліонными подписями, какъ не выраженіе протеста потребителей противъ мѣропріятій, наносящихъ имъ прямой ущербъ.

Борьба разгорается не на шутку. Органы аграріевъ поговариваютъ о распущеніи парламента и слухи эти подтверждаются нѣкоторыми намеками, сдѣланными императоромъ Вильгельмомъ въ разговорахъ и рѣчахъ. Газеты открыто говорятъ о распущеніи и высказываютъ предположенія относительно состава будущаго рейхстага. «Frankfurter Zeitung» и нѣкоторые другіе органы печати выражаютъ сомнѣніе, чтобы новые выборы могли послать въ рейхстагъ большинство, сочувствующее новымъ таможеннымъ мѣропріятіямъ. Въ этомъ отношеніи настроеніе будущаго рейхстага врядъ ли можетъ быть другимъ, и парламентская лѣвая до такой степени убѣждена въ этомъ, что даже высказывается въ пользу новыхъ выборовъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ по всей Германіи устраивались митинги негодованія и протесты противъ Чэмберлена, осмѣлившагося сравнить поведеніе англійскихъ солдатъ въ Южной Африкѣ съ поведеніемъ германскихъ солдатъ во Франціи, во время войны 1870 года. Студенты германскихъ университетовъ, профессора, различныя ассоціаціи и т. п. — все заполошилось. Въ газетахъ поднялась ожесточенная полемика и даже нѣкоторые пылкіе патріоты требовали, чтобы Чэмберленъ, «оскорбившій германскую націю» своимъ заявленіемъ, далъ ей соотвѣтствующее удовлетвореніе. Чэмберленъ даже попробовалъ оправдаться, говоря, что онъ сдѣлалъ свое сравненіе вовсе не съ цѣлью осужденія дѣйствій германскихъ солдатъ, а для доказательства того, что партизанская война вынуждаетъ всегда къ жестокимъ репрессивнымъ мѣрамъ; и волей-неволей даже цивилизованнымъ націямъ приходится прибѣгать къ нимъ. Негодованіе германскихъ патріотовъ, задѣтыхъ рѣчью Чэмберлена, не могло, конечно, успокоится такъ скоро, хотя нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ и заявили, что нѣмецкіе профессора, ректоры и др. германскіе ученые слишкомъ много чести дѣлаютъ Чэмберлену, такъ много занимаясь тѣмъ, что онъ «сболтнулъ». Тѣмъ не менѣе «анти-чэмберленовская» агитація въ Германіи продолжается и на митингахъ, устраиваемыхъ съ цѣлью протеста, бываетъ иногда болѣе 2.000 человѣкъ.

Въ Лейпцигѣ состоялся очень многолюдный женскій митингъ, тоже съ цѣлью протеста, хотя иного рода—противъ англійскихъ способовъ веденія войны въ

Южной Африкѣ. Въ митингѣ участвовало около 2.000 женщинъ, преимущественно изъ средняго класса и рабочихъ. Это былъ первый митингъ такого рода, устроенный въ Германіи и поэтому онъ произвелъ впечатлѣніе и вызвалъ много толковъ печати. Рѣчи, которыя произносились на этомъ митингѣ, и принятыя резолюціи были проникнуты негодованіемъ противъ поведенія англичанъ въ Южной Африкѣ. Вообще въ Германіи замѣчается въ послѣднее время сильное раздраженіе противъ англичанъ, германская печать позволяетъ себѣ весьма рѣзкія выходки и это идетъ совершенно въ разрѣзъ съ политикою Вильгельма, который круто перемѣнилъ свое прежнее отношеніе къ трансваальскому вопросу и, отказавшись принять въ аудіенціи президента Крюгера, осыпалъ любезностями и почестями лорда Робертса. И на этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, общественное мнѣніе Германіи, не раздѣляющее взглядовъ императора Вильгельма, нисколько не стѣсняется высказывать это и выражать въ разнаго рода, болѣе или менѣе, шумныхъ демонстраціяхъ свое несочувствіе господствующему направленію государственной политики.

Много толковъ возбудилъ также процессъ издателей штутгардской газеты «Beobachter», гг. Фрейнда и Шмидта, обвинявшихся въ томъ, что они оклеветали германскія войска въ Китаѣ. Генералъ-лейтенантъ фонъ-Лессель, командовавшій германскими отрядами въ Чжили и призванный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, заявилъ, что хотя намѣренно никто не убивалъ беззащитныхъ китайцевъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, но нечаянно это могло случиться, такъ какъ женщинъ, благодаря ихъ костюму, легко можно было принять за мужчинъ. Затѣмъ онъ призналъ также, что былъ изданъ приказъ, разрѣшающій стрѣлять въ кули, если они окажутся возлѣ своихъ помѣщеній послѣ девяти часовъ вечера. Но разумѣется генералъ фонъ Лессель самымъ категорическимъ образомъ отрицалъ всякое обвиненіе германскихъ солдатъ въ грабежахъ и убійствахъ и отказался, подъ предлогомъ «esprit de corps» отвѣчать на вопросъ суда о томъ, были ли виновны солдаты другихъ націй въ подобныхъ поступкахъ. Онъ не отрицалъ, что въ двѣнадцати случаяхъ нѣмецкіе солдаты дѣйствительно произвели насилія, но за это они уже понесли заслуженное наказаніе и въ настоящее время находятся въ крѣпостной тюрьмѣ, въ Кёльнѣ.

Интересныя показанія были сдѣланы однимъ изъ свидѣтелей по поводу похищенія древнихъ астрономическихъ инструментовъ, украшавшихъ стѣны Пекина. Эти инструменты были конфискованы «какъ военная добыча», вслѣдствіе своей высокой цѣнности потому, что былъ отданъ приказъ брать всѣ цѣнные общественные предметы какъ контрибуцію, для покрытія военныхъ расходовъ.

Не лишенъ нѣкоторой пикантности отвѣтъ генерала фонъ-Лесселя на вопросъ суда относительно жестокихъ поступковъ офицеровъ со своими подчиненными. «Офицеры,—сказалъ Лессель,—весьма часто и въ мирное время ведутъ себя нѣсколько надменно и высокомѣрно со своими подчиненными, то почему же во время войны они станутъ мѣнять свое поведеніе и держать себя иначе?.. Однако въ дѣйствительности случаевъ жестокаго обращенія было немного и не

болѣе шести такихъ фактовъ доведено до свѣдѣнія высшаго начальства». Что же касается наказаній провинившихся солдатъ, то избѣжать ихъ было невозможно. Пресловутыя «Письма гунновъ» генералъ фонъ-Лессель объявилъ вымышленнымъ. Несмотря на всѣ старанія защиты, такъ и не удалось выяснить на судѣ вопросъ о томъ, насколько было правды въ этихъ «Письмахъ гунновъ», и нѣкоторыя изъ газетъ справедливо замѣчаютъ что объявленіе приговора оставило все таки нѣкоторое чувство неудовлетворенности и сомнѣній въ душѣ. Нельзя сказать, чтобы обвиненіе было совершенно снято съ войскъ, сражавшихся за цивилизацію и прогрессъ въ Китаѣ, хотя одинъ изъ издателей, авторъ рѣзкой статьи въ «Beobachter», клеймившей поведеніе нѣмцевъ въ Китаѣ, и былъ приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію на четыре недѣли. Судъ смягчилъ ему наказаніе, принимая во вниманіе, что издатель дѣйствовалъ вполнѣ искренно, будучи увѣреннымъ, что сообщенные ему факты относительно поведенія германскихъ войскъ въ Китаѣ, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Юбилей одного ферейна. Въ концѣ этого мѣсяца, въ Вѣнѣ скромно отпраздновалъ свой шестидесятилѣтній юбилей первый изъ современныхъ политическихъ ферейновъ. Вѣнскій «Juridischpolitische Leseverein», утвержденный въ 1841 году, какъ литературный союзъ, въ сущности всегда былъ политическою ассоціацiей, такъ какъ очень искусно и цѣлесообразно боролся съ системою Метерниха, доказавъ на своемъ примѣрѣ, что пробужденіе мысли является лучшимъ средствомъ борьбы съ реакціей, для которой питательною почвой служитъ невѣжество народныхъ массъ. Свое первое учредительное собраніе ферейнъ устроилъ 21-го ноября 1841 г. въ присутствіи 68 членовъ. Оффиціальною цѣлью ферейна было «ознакомленіе своихъ членовъ съ наиболѣе интересными газетами и журналами, отечественными и заграничными, которыя посвящаютъ статьи юридическимъ и государственнымъ наукамъ, а также занимаются вопросами, находящимися въ связи съ этими науками и относящимися къ области положительныхъ и раціональныхъ знаній». Это было напечатано въ оффиціальной программѣ ферейна, причемъ упоминалось также, что членамъ его будетъ предоставлена возможность познакомиться съ успѣхами всемірной литературы во всѣхъ другихъ направленіяхъ.

Итакъ, оффиціально это былъ литературный ферейнъ, преслѣдовавшій весьма невинныя цѣли самообразованія и саморазвитія, но Метернихъ, конечно, сообразилъ, въ чемъ дѣло, и всячески старался ограничить дѣятельность ферейна, который, такъ сказать, образовался за его спиной. Не было конца притѣсненіямъ, которымъ подвергался этотъ ферейнъ. Прежде всего ему было поставлено на видъ, что онъ вовсе не имѣетъ права выписывать безъ предварительнаго разрѣшенія иностранныя газеты и журналы, и число дозволенныхъ журналовъ было сокращено до минимума. Въ числѣ запрещенныхъ оказались, между прочимъ, «Revue des deux Mondes», «Revue de Paris» и даже «Musik zeitung» Шумана и т. д. Доклады, которые читались въ ферейнѣ, тоже должны были быть представлены сперва на утвержденіе властей. Но это не мѣшало ферейну

процвѣтать и развиваться. Съ 1844 года начались новыя преслѣдованія ферейна и онъ постоянно получалъ выговоры, предостереженія и замѣчанія. Такъ, напримѣръ, въ архивѣ ферейна хранятся два постановленія, воспрещающія докладъ по исторіи австрійскаго уголовнаго права и по френологіи. Эти доклады запрещены были начальствомъ на томъ основаніи, что они выходятъ за предѣлы програмы ферейна. Въ августѣ 1844 г. ферейнъ получилъ замѣчаніе по случаю открытія какой-то подписки. Печатное приглашеніе къ этой подпискѣ было запрещено, такъ какъ подобныя дѣйствія ферейна являлись тоже нарушеніемъ тѣхъ рамокъ, въ которыя былъ поставленъ ферейнъ. Въ другой разъ гоненіе обратилось на библіотеку ферейна, изъ которой были удалены всѣ книги, казавшіяся начальству предосудительными, но больше всего доставалось газетамъ. То и дѣло ферейнъ получалъ замѣчанія и запрещеніе выписывать ту или другую газету. Членамъ ферейна приходилось изворачиваться и придумывать всевозможныя лазейки, чтобы дать возможность ферейну продолжать свою дѣятельность. И, конечно, всѣ эти предостереженія, запрещенія и преслѣдованія служатъ наилучшимъ доказательствомъ, что реакціонная партія видѣла въ этомъ ферейнѣ опаснаго врага. Онъ и показалъ себя такимъ въ 1848 году, но было бы невѣрно считать этотъ именно годъ исходною точкой его дѣятельности. Его дѣятельность преимущественно состояла въ подготовкѣ движенія. Въ 1847 г. ферейнъ насчитывалъ уже гораздо болѣе 600 членовъ и болѣе 300 гостей, въ числѣ которыхъ были представители рѣшительно всѣхъ странъ. Членами ферейна были исключительно представители интеллигентныхъ классовъ, а вождями его—профессора и либеральные чиновники. Ферейнъ стремился къ свободѣ духа и возставалъ противъ полицейскаго и иного произвола и всей системы, воплотившейся въ лицѣ Метерниха. Но онъ тщательно избѣгалъ открытаго столкновенія съ начальствомъ и до 1848 года дѣйствовалъ очень осторожно и окольными путями; тѣмъ не менѣе сѣмя, посѣянное ими, давало ростки, и вѣнское движеніе 1848 года обязано ему многимъ. Но и въ 1848 году этотъ ферейнъ остался вѣренъ своему умѣренному направленію въ политикѣ, такъ что даже навлекъ на себя неудовольствіе наиболѣе передовыхъ элементовъ. Когда была объявлена конституція и образовалось первое конституціонное министерство, то предсѣдатель ферейна вступилъ въ него и съ этого момента ферейнъ сталъ оплотомъ министерства. Онъ не проявлялъ себя больше ничѣмъ ни въ періодъ реакціи, ни въ періодъ либерализма. Періодъ кипучей дѣятельности давно уже миновалъ, и ферейнъ мирно доживалъ свои послѣдніе дни въ тиши и забвеніи. Но теперь, къ шестидесятилѣтнему юбилею, какъ будто новый духъ повѣялъ въ ферейнѣ. Въ залахъ его стали появляться новые молодые члены, слышались рѣчи о предстоящихъ соціальныхъ реформахъ и «старецъ союзъ» встрепенулся, какъ будто въ жилахъ его снова начала обращаться молодая горячая кровь.

Выборы въ Нью-Іоркѣ. Американскіе милліонеры. Много, много лѣтъ тому назадъ, въ области между Гудзономъ и Делаваромъ обитало могущественное индѣйское племя, во главѣ котораго находился очень умный вождь, прославившійся

своими высокими качествами и уважаемый всѣми. Краснокожіе боготворили его, а бѣлые относились къ нему съ почтеніемъ, такъ какъ онъ поддерживалъ съ ними дружескія сношенія и никогда не допустилъ ни одной несправедливости или насилія. О немъ сложились въ народѣ цѣлыя легенды. Его имя было «Таммани» и память о немъ, какъ о замѣчательномъ человѣкѣ, продолжаетъ и теперь жить въ народѣ.

Въ память этого индѣйскаго вождя, и было названо основанное въ Нью-Іоркѣ, въ 1789 году, общество, которое развилось необыкновенно быстро и также необыкновенно быстро пріобрѣло громадное вліяніе. Оно поставило себѣ задачей защищать правыхъ и преслѣдовать виновныхъ и въ теченіе многихъ десятилѣтій общество Таммани было убѣжищемъ всѣхъ нью-іоркскихъ гражданъ, ищущихъ правды и справедливости. Если гдѣ-нибудь обнаруживался произволъ должностныхъ лицъ, подкупъ, насилія, то граждане тотчасъ уже обращались къ Таммани, излагали свои жалобы и заранѣе могли быть увѣрены, что Таммани рѣшитъ дѣло вполнѣ безпристрастно и справедливо. Всѣ, терпѣвшіе какія-либо притѣсненія, обиженные и оскорбленные прибѣгали къ Таммани за защитой и всегда находили ее.

Но это демократическое общество Таммани, заботившееся о водвореніи правды и справедливости въ республикѣ, о поддержаніи демократическихъ принциповъ и добивавшееся неподкупной честности должностныхъ лицъ, давно уже отошло въ область преданій. Въ общество проникли честолюбивые элементы, стремившіеся сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей; старики, высоко ставившіе свои идеалы, большею частью перемерли, оставшіеся, видя, какая метаморфоза происходитъ съ Таммани и будучи не въ силахъ бороться съ нею, удалились. Таммани, бывшее нѣкогда убѣжищемъ справедливости и защитою угнетенныхъ, превратилось постепенно въ орудіе полнаго порабощенія нью-іоркскаго населенія. Ставшій во главѣ этого общества Ричардъ Крукеръ, по происхожденію ирландецъ, признавалъ, какъ онъ самъ выражался, только «политику собственнаго кармана». Никогда онъ не занималъ никакой общественной должности и въ Америку прибылъ безъ гроша въ карманѣ, но очень скоро сталъ богатъ. Несмотря на то, что онъ не получилъ никакого образованія, онъ держитъ себя важнымъ бариномъ, живетъ большую часть года въ Англіи, гдѣ у него есть имѣнія и прекрасныя скаковыя лошади и его завѣтная мечта—получить въ Англіи какой-нибудь титулъ. Въ Нью-Іоркѣ все плясало по дудкѣ Крукера; бургомистръ находился совершенно въ его рукахъ, также какъ и вся администрація. Крукеръ раздавалъ мѣста и ему за это платили; онъ даже установилъ тарифъ на должности, но за то онъ же помогалъ должностнымъ лицамъ вознаграждать себя взятками и всякаго рода поборами. Онъ никого не боялся и считалъ свое положеніе въ Нью-Іоркѣ настолько прочнымъ, что прямо говорилъ: «Ну что они могутъ сдѣлать со мною?» Онъ сдѣлалъ альбомъ изъ всѣхъ каррикатуръ, которыя осмѣивали его и его систему въ Нью-Іоркѣ, и препроводилъ его своимъ противникамъ, вмѣстѣ съ любезнымъ посвященіемъ.

Такое наглое поведеніе, конечно, доказывало, что Крукеръ считалъ могущество Таммани непоколебимымъ. Но противъ Таммани давно уже сплотились

лучшіе элементы Нью-Іорка, и когда наступили городскіе выборы, то они рѣшили, что настало время нанести могуществу Таммани рѣшительный ударъ и освободить Нью-Іоркъ изъ-подъ его ига. Въ ноябрѣ этого года 600.000 избирателей должны были выбрать членовъ муниципалитета и бургомистра, срокомъ на три года. Такіе выборы всегда представляютъ важное событіе въ каждомъ штатѣ, но теперь въ Нью-Іоркѣ они имѣли особенное значеніе. Таммани, конечно, выставило свое войско избирателей, которое должно было поддержать кандидата, назначеннаго Крукеромъ. Своихъ приверженцевъ Таммани набираетъ среди самыхъ разнообразныхъ элементовъ, преимущественно европейскихъ эмигрантовъ, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія, и среди всевозможныхъ подонковъ общества, бродягъ и т. п. До политическихъ воззрѣній Таммани нѣтъ никакого дѣла; нуженъ только голосъ, а голосъ избирателя можно купить за извѣстную цѣну.

Избирательная борьба, происходившая въ Нью-Іоркѣ, на этотъ разъ носила грандіозный характеръ. Таммани, чувствуя, что дѣло идетъ о его существованіи, не жалѣло ни денегъ, ни усилій. Золото лилось рукой всюду, гдѣ только можно было купить голосъ. Жизнь въ Нью-Іоркѣ во время этихъ выборовъ сдѣлалась похожа на жизнь въ лагерѣ золотоискателей; нападенія и убійства сдѣлались обычнымъ явленіемъ, и общественная безопасность почти совершенно перестала существовать. И несмотря ни на что, на потоки золота, на всевозможныя насилія, побѣдили на выборахъ «антитамманисты». Американскія газеты сравнивали процессію избирателей, направлявшихся въ этотъ разъ къ избирательнымъ урнамъ, со штурмомъ Бастиліи. Дѣйствительно «нью-іоркская Бастилія» была взята штурмомъ въ этотъ день, и могущество Таммани было погребено подъ развалинами этой крѣпости. Побѣдителемъ оказался Сетъ-Лоу, президентъ университета Колумбіи, выбранный меромъ Нью-Іорка, тотъ самый, который уже разъ выступалъ кандидатомъ противъ Таммани въ 1897 году, но былъ побѣжденъ, благодаря тому, что республиканцы выставили третьяго кандидата и голоса раздѣлились. Сетъ-Лоу очень уважаемый человѣкъ, пользующійся безупречною репутаціей и стоящій внѣ всякой партійной политики. Онъ—сынъ богатаго купца и въ юношествѣ занимался дѣлами, но затѣмъ бросилъ эти занятія и вступилъ въ университетъ Колумбія, въ званіи президента. Онъ устроилъ на свой счетъ великолѣпную университетскую библіотеку, которая обошлась ему въ милліонъ долларовъ. Вся печать была на сторонѣ Сетъ-Лоу и привѣтствовала его избраніе, какъ великій переворотъ въ Нью-Іоркѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Сетъ-Лоу избраны всѣ остальные кандидаты партій реформъ; не прошелъ ни одинъ кандидатъ Таммани, и царство этого общества кончилось.

Американскіе милліонеры часто заставляютъ говорить о себѣ. Нѣкоторые поражаютъ своими странностями, другіе—своею щедростью. Впрочемъ, это послѣднее качество вообще присуще американскимъ милліонерамъ, въ особенности гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы увѣковѣчить свое имя какимъ-нибудь общественнымъ учрежденіемъ. Назвать какое-нибудь учрежденіе своимъ именемъ—это составляетъ мечту почти каждаго американскаго милліонера. Эндрью Карнеджи, раздающій теперь свои богатства въ пользу библіотекъ и университе-

Отецъ заявилъ, что онъ прервалъ съ Лаубе всякія сношенія, ибо этотъ учитель считался «революціонной головой и въ городѣ говорили, что онъ и моего сына воспитаетъ революціонеромъ». Мать же показала, что въ урокахъ Лаубе ея сыну она не замѣчала ничего предосудительнаго. Изъ отвѣтовъ мальчика никакъ нельзя было вывести ничего неблагопріятнаго относительно вліянія Лаубе. Тогда слѣдователь пожелалъ узнать, какъ относится десятилѣтній ребенокъ самъ къ дворянству; тотъ послѣ нѣкотораго колебанія отвѣчалъ: «Я думаю, что нужно уничтожить существующее теперь дворянство и затѣмъ создать новое, по личнымъ заслугамъ. Ибо такъ какъ всѣ другія сословія могутъ пріобрѣтать себѣ такія же заслуги, то я не вижу основанія, почему дворянамъ должно быть оказываемо преимущество». Выпущенный послѣ шестимѣсячнаго сидѣнія Лаубе унизилъ себя недостойнымъ троекратнымъ отреченіемъ въ печати отъ всякой солидарности съ Молодой Германіей. Вопреки всѣмъ уступкамъ, по окончаніи процесса онъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на полтора года. Отсидѣвъ это время въ крѣпости, Лаубе поѣхалъ въ Парижъ. «Пріемъ, который оказалъ ему Гейне, служитъ довольно убѣдительнымъ доказательствомъ, что люди близко знавшіе и понимавшіе Лаубе, не считали его отреченій дѣйствительнымъ отступничествомъ и принимали его только за вынужденный компромиссъ съ неумолимыми обстоятельствами».

Позднѣе Лаубе даже далъ подписку въ томъ, что будетъ въ своихъ сочиненіяхъ «избѣгать всего, что оскорбляетъ религію, государственное устройство и нравственный законъ», и обѣщалъ, что будетъ стремиться къ «направленію своихъ сочиненій въ нравственномъ и религіозномъ духѣ». Къ чести его впрочемъ, надо сказать, что «онъ не написалъ ни одной строки, которая бросила бы неблаговидную тѣнь собственно на его литературную дѣятельность». Судьба Гуцкова, наиболѣе выдающагося изъ дѣятелей Молодой Германіи, во многомъ однородна съ судьбой Лаубе, разница только заключается въ характерѣ и настроеніи Гуцкова и въ отношеніи къ постигшимъ его невзгодамъ. Такъ, попавъ въ тюрьму, Гуцковъ чувствовалъ себя благодушно. «Одиночество, — пишетъ онъ — пролилось на мою душу, какъ проливается освѣжающій бальзамъ на раны. Какъ счастливъ я былъ тѣмъ, что видѣлъ себя оторваннымъ отъ свѣта! Такъ могло бы быть на душѣ у Лютера въ его вартбургскомъ и потомъ кобургскомъ заточеніи, не будь у него вѣры въ чорта — вѣры, которая заставляла его даже завываніе вѣтра въ трубѣ принимать за проявленія присутствія этого адскаго чудовища». Однако, несмотря на бодрость духа и философское отношеніе къ бѣдствіямъ, и Гуцковъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ компромиссовъ, впрочемъ далеко не столь рѣзкихъ, какъ Лаубе. Обязательство, которое подписалъ Лаубе, Гуцковъ рѣшительно отказался дать. Наиболѣе малодушно велъ себя третій изъ представителей Молодой Германіи — Мундтъ. Онъ не только подписалъ извѣстное уже намъ обязательство, но и печатно заявилъ о своемъ отступничествѣ. Такъ, онъ писалъ, между прочимъ: «Молодая Германія была слишкомъ смѣшное и ничтожное явленіе, и я буду очень радъ, когда съ меня снимутъ обвиненіе въ глупости, которую нужно было имѣть для того, чтобы надъ такимъ названіемъ и съ такими средствами основать такую мерзкую

жпанію». Угодливость свою онъ довелъ до того, что своему заклятому врагу нистру Рохову онъ послалъ одно изъ своихъ сочиненій при письмѣ, въ коюмъ выражаетъ министру благодарность (Роховъ приписалъ на поляхъ: «за › этому господину благодарить меня?») за то, что писатели, къ которымъ инадлежитъ и онъ, благодаря высокоразумнымъ распоряженіямъ министра, іерь будутъ идти по пути, болѣе благотворному, чѣмъ тотъ, которому они ѣдовали до сихъ поръ... Въ это же время президентъ полиціи отзывался о ндтѣ очень благопріятно, утверждая, что онъ не принадлежитъ больше оппоціонной партіи,—напротивъ, склоняется на сторону правительства, «что особно обнаружилось замѣтнымъ протестомъ студентовъ при началѣ его чтеній университетѣ». Впрочемъ этотъ переходъ Мундта вправо былъ неискрененъ: къ только опасность миновала, онъ сбросилъ съ себя казенный мундиръ, гупилъ въ демократическій союзъ и на одномъ изъ собраній произнесъ рѣзю рѣчь противъ правительства.

Несмотря на систематическое подавленіе, сѣмена общественныхъ и полическихъ идей заложенныхъ Молодой Германіей, продолжали развиваться а иженіе стало пріобрѣтать болѣе философскій и научный характеръ. Подъ вліямъ новаго, болѣе серьезнаго и дѣлового направленія, выражавшагося въ журлистикѣ и политической поэзіи, движеніе, созданное Молодой Германіей, сталозаться «черезчуръ беллетристическимъ и черезчуръ эпикурейскимъ».

За границей.

Общественная жизнь въ Германіи. Нѣмцы чрезвычайно крѣпко держатся свое право подавать петиціи въ рейхстагъ. Ежегодно въ германскій парлантъ вносятся массы петицій всякаго рода, и хотя большинство изъ нихъ нигда не поступаютъ на обсужденіе парламента, такъ какъ для этого не хваетъ времени, все же граждане Германіи не хотятъ отказываться отъ своего адиціоннаго права протестовать противъ рѣшенія или намѣреній большинва. Парламентское большинство и правительство, конечно, не расположены › пользу петицій, такъ какъ появленіе ихъ большею частью бываетъ симпмомъ неудовольствія или протеста общества противъ какого-нибудь правильственнаго мѣропріятія, государственной политики или правительственныхъ конопроектовъ. Вслѣдствіе этого, въ парламентѣ уже выработана система ъявлять о поступленіи петиціи, направленной противъ какого-нибудь законоюекта, только послѣ третьяго чтенія, когда все уже почти кончено. Тогда тируется какая-нибудь формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, и вопросъ итается исчерпаннымъ.

Однако теперь германскому парламентскому большинству, вѣроятно, не такъ легко будетъ игнорировать петицію, которая готовится противъ новаго таженнаго тарифа и, въ особенности, противъ возвышенія пошлинъ на хлѣбъ другіе жизненные припасы. Эта петиція, организованная соціалъ-демократиской партіей и названная петиціей «противъ вздорожанія хлѣба» уже по-

крыта 1.600.000 подписей, хотя пока еще опубликованы только результаты сбора подписей въ 93 избирательныхъ округахъ. Берлинъ, напримѣръ, еще не включенъ сюда, а по заключенію нѣкоторыхъ газетъ въ Берлинѣ должно быть собрано не менѣе полмилліона подписей; слѣдовательно смѣло можно разсчитывать, что нѣсколько милліоновъ взрослыхъ гражданъ германской имперіи заявятъ, такимъ образомъ, свой протестъ противъ повышенія пошлинъ на жизненные припасы и поддержитъ, такимъ образомъ, многочисленныя протестующія заявленія различныхъ ассоціацій и заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ карпорацій. Во всякомъ случаѣ аграріи теперь не въ правѣ будутъ отрицать народное движеніе противъ новаго таможеннаго тарифа, такъ какъ, что же иное представляетъ изъ себя такая петиція, покрытая милліонными подписями, какъ не выраженіе протеста потребителей противъ мѣропріятій, наносящихъ имъ прямой ущербъ.

Борьба разгорается не на шутку. Органы аграріевъ поговариваютъ о распущеніи парламента и слухи эти подтверждаются нѣкоторыми намеками, сдѣланными императоромъ Вильгельмомъ въ разговорахъ и рѣчахъ. Газеты открыто говорятъ о распущеніи и высказываютъ предположенія относительно состава будущаго рейхстага. «Frankfurter Zeitung» и нѣкоторые другіе органы печати выражаютъ сомнѣніе, чтобы новые выборы могли послать въ рейхстагъ большинство, сочувствующее новымъ таможеннымъ мѣропріятіямъ. Въ этомъ отношеніи настроеніе будущаго рейхстага врядъ ли можетъ быть другимъ, и парламентская лѣвая до такой степени убѣждена въ этомъ, что даже высказывается въ пользу новыхъ выборовъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ по всей Германіи устраивались митинги негодованія и протесты противъ Чэмберлена, осмѣлившагося сравнить поведеніе англійскихъ солдатъ въ Южной Африкѣ съ поведеніемъ германскихъ солдатъ во Франціи, во время войны 1870 года. Студенты германскихъ университетовъ, профессора, различныя ассоціаціи и т. п. — все заполошилось. Въ газетахъ поднялась ожесточенная полемика и даже нѣкоторые пылкіе патріоты требовали, чтобы Чэмберленъ, «оскорбившій германскую націю» своимъ заявленіемъ, далъ ей соотвѣтствующее удовлетвореніе. Чэмберленъ даже попробовалъ оправдаться, говоря, что онъ сдѣлалъ свое сравненіе вовсе не съ цѣлью осужденія дѣйствій германскихъ солдатъ, а для доказательства того, что партизанская война вынуждаетъ всегда къ жестокимъ репрессивнымъ мѣрамъ, и волей-неволей даже цивилизованнымъ націямъ приходится прибѣгать къ нимъ. Негодованіе германскихъ патріотовъ, задѣтыхъ рѣчью Чэмберлена, не могло, конечно, успокоится такъ скоро, хотя нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ и заявили, что нѣмецкіе профессора, ректоры и др. германскіе ученые слишкомъ много чести дѣлаютъ Чэмберлену, такъ много занимаясь тѣмъ, что онъ «сболтнулъ». Тѣмъ не менѣе «анти-чэмберленовская» агитація въ Германіи продолжается и на митингахъ, устраиваемыхъ съ цѣлью протеста, бываетъ иногда болѣе 2.000 человѣкъ.

Въ Лейпцигѣ состоялся очень многолюдный женскій митингъ, тоже съ цѣлью протеста, хотя иного рода—противъ англійскихъ способовъ веденія войны въ

Южной Африкѣ. Въ митингѣ участвовало около 2.000 женщинъ, преимущественно изъ средняго класса и рабочихъ. Это былъ первый митингъ такого рода, устроенный въ Германіи и поэтому онъ произвелъ впечатлѣніе и вызвалъ много толковъ печати. Рѣчи, которыя произносились на этомъ митингѣ, и принятыя резолюціи были проникнуты негодованіемъ противъ поведенія англичанъ въ Южной Африкѣ. Вообще въ Германіи замѣчается въ послѣднее время сильное раздраженіе противъ англичанъ, германская печать позволяетъ себѣ весьма рѣзкія выходки и это идетъ совершенно въ разрѣзъ съ политикою Вильгельма, который круто перемѣнилъ свое прежнее отношеніе къ трансваальскому вопросу, отказавшись принять въ аудіенціи президента Крюгера, осыпалъ любезностями и почестями лорда Робертса. И на этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, общественное мнѣніе Германіи, не раздѣляющее взглядовъ императора Вильгельма, нисколько не стѣсняется высказывать это и выражать въ разнаго рода, болѣе или менѣе, шумныхъ демонстраціяхъ свое несочувствіе господствующему направленію государственной политики.

Много толковъ возбудилъ также процессъ издателей штутгардской газеты «Beobachter», гг. Фрейнда и Шмидта, обвинявшихся въ томъ, что они оклеветали германскія войска въ Китаѣ. Генералъ-лейтенантъ фонъ-Лессель, командовавшій германскими отрядами въ Чжили и призванный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, заявилъ, что хотя намѣренно никто не убивалъ беззащитныхъ китайцевъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, но нечаянно это могло случиться, такъ какъ женщинъ, благодаря ихъ костюму, легко можно было принять за мужчинъ. Затѣмъ онъ призналъ также, что былъ изданъ приказъ, разрѣшающій стрѣлять въ кули, если они окажутся возлѣ своихъ помѣщеній послѣ девяти часовъ вечера. Но разумѣется генералъ фонъ Лессель самымъ категорическимъ образомъ отрицалъ всякое обвиненіе германскихъ солдатъ въ грабежахъ и убійствахъ и отказался, подъ предлогомъ «esprit de corps» отвѣчать на вопросъ суда о томъ, были ли виновны солдаты другихъ націй въ подобныхъ поступкахъ. Онъ не отрицалъ, что въ двѣнадцати случаяхъ нѣмецкіе солдаты дѣйствительно произвели насилія, но за это они уже понесли заслуженное наказаніе и въ настоящее время находятся въ крѣпостной тюрьмѣ, въ Кёльнѣ.

Интересныя показанія были сдѣланы однимъ изъ свидѣтелей по поводу похищенія древнихъ астрономическихъ инструментовъ, украшавшихъ стѣны Пекина. Эти инструменты были конфискованы «какъ военная добыча», вслѣдствіе своей высокой цѣнности потому, что былъ отданъ приказъ брать всѣ цѣнные общественные предметы какъ контрибуцію, для покрытія военныхъ расходовъ.

Не лишенъ нѣкоторой пикантности отвѣтъ генерала фонъ-Лесселя на вопросъ суда относительно жестокихъ поступковъ офицеровъ со своими подчиненными. «Офицеры,—сказалъ Лессель,—весьма часто и въ мирное время ведутъ себя нѣсколько надменно и высокомѣрно со своими подчиненными, то почему же во время войны они станутъ мѣнять свое поведеніе и держать себя иначе?.. Однако въ дѣйствительности случаевъ жестокаго обращенія было немного и не

*

болѣе шести такихъ фактовъ доведено до свѣдѣнія высшаго начальства». Что же касается наказаній провинившихся солдатъ, то избѣжать ихъ было невозможно. Пресловутыя «Письма гунновъ» генералъ фонъ-Лессель объявилъ вымышленнымъ. Несмотря на всѣ старанія защиты, такъ и не удалось выяснить на судѣ вопросъ о томъ, насколько было правды въ этихъ «Письмахъ гунновъ», и нѣкоторыя изъ газетъ справедливо замѣчаютъ что объявленіе приговора оставило все таки нѣкоторое чувство неудовлетворенности и сомнѣній въ душѣ. Нельзя сказать, чтобы обвиненіе было совершенно снято съ войскъ, сражавшихся за цивилизацію и прогрессъ въ Китаѣ, хотя одинъ изъ издателей, авторъ рѣзкой статьи въ «Beobachter», клеймившей поведеніе нѣмцевъ въ Китаѣ, и былъ приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію на четыре недѣли. Судъ смягчилъ ему наказаніе, принимая во вниманіе, что издатель дѣйствовалъ вполнѣ искренно, будучи увѣреннымъ, что сообщенные ему факты относительно поведенія германскихъ войскъ въ Китаѣ, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Юбилей одного ферейна. Въ концѣ этого мѣсяца, въ Вѣнѣ скромно отпраздновалъ свой шестидесятилѣтній юбилей первый изъ современныхъ политическихъ ферейновъ. Вѣнскій «Juridischpolitische Leseverein», утвержденный въ 1841 году, какъ литературный союзъ, въ сущности всегда былъ политическою ассоціаціей, такъ какъ очень искусно и цѣлесообразно боролся съ системою Метерниха, доказавъ на своемъ примѣрѣ, что пробужденіе мысли является лучшимъ средствомъ борьбы съ реакціей, для которой питательною почвой служитъ невѣжество народныхъ массъ. Свое первое учредительное собраніе ферейнъ устроилъ 21-го ноября 1841 г. въ присутствіи 68 членовъ. Оффиціальною цѣлью ферейна было «ознакомленіе своихъ членовъ съ наиболѣе интересными газетами и журналами, отечественными и заграничными, которыя посвящаютъ статьи юридическимъ и государственнымъ наукамъ, а также занимаются вопросами, находящимися въ связи съ этими науками и относящимися къ области положительныхъ и раціональныхъ знаній». Это было напечатано въ оффиціальной программѣ ферейна, причемъ упоминалось также, что членамъ его будетъ предоставлена возможность познакомиться съ успѣхами всемірной литературы во всѣхъ другихъ направленіяхъ.

Итакъ, оффиціально это былъ литературный ферейнъ, преслѣдовавшій весьма невинныя цѣли самообразованія и саморазвитія, но Метернихъ, конечно, сообразилъ, въ чемъ дѣло, и всячески старался ограничить дѣятельность ферейна, который, такъ сказать, образовался за его спиной. Не было конца притѣсненіямъ, которымъ подвергался этотъ ферейнъ. Прежде всего ему было поставлено на видъ, что онъ вовсе не имѣетъ права выписывать безъ предварительнаго разрѣшенія иностранныя газеты и журналы, и число дозволенныхъ журналовъ было сокращено до минимума. Въ числѣ запрещенныхъ оказались, между прочимъ, «Revue des deux Mondes», «Revue de Paris» и даже «Musikzeitung» Шумана и т. д. Доклады, которые читались въ ферейнѣ, тоже должны были быть представлены сперва на утвержденіе властей. Но это не мѣшало ферейну

процвѣтать и развиваться. Съ 1844 года начались новыя преслѣдованія ферейна и онъ постоянно получалъ выговоры, предостереженія и замѣчанія. Такъ, напримѣръ, въ архивѣ ферейна хранятся два постановленія, воспрещающія докладъ по исторіи австрійскаго уголовнаго права и по френологіи. Эти доклады запрещены были начальствомъ на томъ основаніи, что они выходятъ за предѣлы программы ферейна. Въ августѣ 1844 г. ферейнъ получилъ замѣчаніе по случаю открытія какой-то подписки. Печатное приглашеніе къ этой подпискѣ было запрещено, такъ какъ подобныя дѣйствія ферейна являлись тоже нарушеніемъ тѣхъ рамокъ, въ которыя былъ поставленъ ферейнъ. Въ другой разъ гоненіе обратилось на библіотеку ферейна, изъ которой были удалены всѣ книги, казавшіяся начальству предосудительными, но больше всего доставалось газетамъ. То и дѣло ферейнъ получалъ замѣчанія и запрещеніе выписывать ту или другую газету. Членамъ ферейна приходилось изворачиваться и придумывать всевозможныя лазейки, чтобы дать возможность ферейну продолжать свою дѣятельность. И, конечно, всѣ эти предостереженія, запрещенія и преслѣдованія служатъ наилучшимъ доказательствомъ, что реакціонная партія видѣла въ этомъ ферейнѣ опаснаго врага. Онъ и показалъ себя такимъ въ 1848 году, но было бы невѣрно считать этотъ именно годъ исходною точкой его дѣятельности. Его дѣятельность преимущественно состояла въ подготовкѣ движенія. Въ 1847 г. ферейнъ насчитывалъ уже гораздо болѣе 600 членовъ и болѣе 300 гостей, въ числѣ которыхъ были представители рѣшительно всѣхъ странъ. Членами ферейна были исключительно представители интеллигентныхъ классовъ, а вождями его—профессора и либеральные чиновники. Ферейнъ стремился къ свободѣ духа и возставалъ противъ полицейскаго и иного произвола и всей системы, воплотившейся въ лицѣ Метерниха. Но онъ тщательно избѣгалъ открытаго столкновенія съ начальствомъ и до 1848 года дѣйствовалъ очень осторожно и окольными путями; тѣмъ не менѣе сѣмя, посѣянное ими, давало ростки, и вѣнское движеніе 1848 года обязано ему многимъ. Но и въ 1848 году этотъ ферейнъ остался вѣренъ своему умѣренному направленію въ политикѣ, такъ что даже навлекъ на себя неудовольствіе наиболѣе передовыхъ элементовъ. Когда была объявлена конституція и образовалось первое конституціонное министерство, то предсѣдатель ферейна вступилъ въ него и съ этого момента ферейнъ сталъ оплотомъ министерства. Онъ не проявлялъ себя больше ничѣмъ ни въ періодъ реакціи, ни въ періодъ либерализма. Періодъ кипучей дѣятельности давно уже миновалъ, и ферейнъ мирно доживалъ свои послѣдніе дни въ тиши и забвеніи. Но теперь, къ шестидесятилѣтнему юбилею, какъ будто новый духъ повѣялъ въ ферейнѣ. Въ залахъ его стали появляться новые молодые члены, слышались рѣчи о предстоящихъ соціальныхъ реформахъ и «старецъ союзъ» встрепенулся, какъ будто въ жилахъ его снова начала обращаться молодая горячая кровь.

Выборы въ Нью-Іоркѣ. Американскіе милліонеры. Много, много лѣтъ тому назадъ, въ области между Гудзономъ и Делаваромъ обитало могущественное индѣйское племя, во главѣ котораго находился очень умный вождь, прославившійся

своими высокими качествами и уважаемый всѣми. Красножіе боготвори. его, а бѣлые относились къ нему съ почтеніемъ, такъ какъ онъ поддержива съ ними дружескія сношенія и никогда не допустилъ ни одной несправедливос или насилія. О немъ сложились въ народѣ цѣлыя легенды. Его имя бы «Таммани» и память о немъ, какъ о замѣчательномъ человѣкѣ, продолжае и теперь жить въ народѣ.

Въ память этого индѣйскаго вождя, и было названо основанное въ Нь Іоркѣ, въ 1789 году, общество, которое развилось необыкновенно быст и также необыкновенно быстро пріобрѣло громадное вліяніе. Оно пос вило себѣ задачей защищать правыхъ и преслѣдовать виновныхъ и въ тече многихъ десятилѣтій общество Таммани было убѣжищемъ всѣхъ нью-іоркски гражданъ, ищущихъ правды и справедливости. Если гдѣ-нибудь обнаружива произволъ должностныхъ лицъ, подкупъ, насилія, то граждане тотчасъ у обращались къ Таммани, излагали свои жалобы и заранѣе могли быть увѣрен что Таммани рѣшитъ дѣло вполнѣ безпристрастно и справедливо. Всѣ, терпѣ шіе какія-либо притѣсненія, обиженные и оскорбленные прибѣгали къ Тамма за защитой и всегда находили ее.

Но это демократическое общество Таммани, заботившееся о водвореніи прав и справедливости въ республикѣ, о поддержаніи демократическихъ принципо и добивавшееся неподкупной честности должностныхъ лицъ, давно уже отош въ область преданій. Въ общество проникли честолюбивые элементы, стреми шіеся сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей; старики, высоко ставившіе св идеалы, большею частью перемерли, оставшіеся, видя, какая метаморфоза про ходитъ съ Таммани и будучи не въ силахъ бороться съ нею, удалились. Тамман бывшее нѣкогда убѣжищемъ справедливости и защитою угнетенныхъ, превр тилось постепенно въ орудіе полнаго порабощенія нью-іоркскаго населені Ставшій во главѣ этого общества Ричардъ Крукеръ, по происхожденію ирла децъ, признавалъ, какъ онъ самъ выражался, только «политику собственна кармана». Никогда онъ не занималъ никакой общественной должности и Америку прибылъ безъ гроша въ карманѣ, но очень скоро сталъ богатъ. Н смотря на то, что онъ не получилъ никакого образованія, онъ держитъ се важнымъ бариномъ, живетъ большую часть года въ Англіи, гдѣ у него ес имѣнія и прекрасныя скаковыя лошади и его завѣтная мечта—получить Англіи какой-нибудь титулъ. Въ Нью-Іоркѣ все плясало по дудкѣ Крукер бургомистръ находился совершенно въ его рукахъ, также какъ и вся адм нистрація. Крукеръ раздавалъ мѣста и ему за это платили; онъ даже устан вилъ тарифъ на должности, но за то онъ же помогалъ должностнымъ лица вознаграждать себя взятками и всякаго рода поборами. Онъ никого не боял и считалъ свое положеніе въ Нью-Іоркѣ настолько прочнымъ, что прямо гов рилъ: «Ну что они могутъ сдѣлать со мною?» Онъ сдѣлалъ альбомъ изъ всѣ каррикатуръ, которыя осмѣивали его и его систему въ Нью-Іоркѣ, и препр водилъ его своимъ противникамъ, вмѣстѣ съ любезнымъ посвященіемъ.

Такое наглое поведеніе, конечно, доказывало, что Крукеръ считалъ могущ ство Таммани непоколебимымъ. Но противъ Таммани давно уже сплотилис

лучшіе элементы Нью-Іорка, и когда наступили городскіе выборы, то они рѣшили, что настало время нанести могуществу Таммани рѣшительный ударъ и освободить Нью-Іоркъ изъ-подъ его ига. Въ ноябрѣ этого года 600.000 избирателей должны были выбрать членовъ муниципалитета и бургомистра, срокомъ на три года. Такіе выборы всегда представляютъ важное событіе въ каждомъ штатѣ, но теперь въ Нью-Іоркѣ они имѣли особенное значеніе. Таммани, конечно, выставило свое войско избирателей, которое должно было поддержать кандидата, назначеннаго Крукеромъ. Своихъ приверженцевъ Таммани набираетъ среди самыхъ разнообразныхъ элементовъ, преимущественно европейскихъ эмигрантовъ, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія, и среди всевозможныхъ подонковъ общества, бродягъ и т. п. До политическихъ воззрѣній Таммани нѣтъ никакого дѣла; нуженъ только голосъ, а голосъ избирателя можно купить за извѣстную цѣну.

Избирательная борьба, происходившая въ Нью-Іоркѣ, на этотъ разъ носила грандіозный характеръ. Таммани, чувствуя, что дѣло идетъ о его существованіи, не жалѣло ни денегъ, ни усилій. Золото лилось рукой всюду, гдѣ только можно было купить голосъ. Жизнь въ Нью-Іоркѣ во время этихъ выборовъ сдѣлалась похожа на жизнь въ лагерѣ золотоискателей; нападенія и убійства сдѣлались обычнымъ явленіемъ, и общественная безопасность почти совершенно перестала существовать. И несмотря ни на что, на потоки золота, на всевозможныя насилія, побѣдили на выборахъ «антитаммнисты». Американскія газеты сравнивали процессію избирателей, направлявшихся въ этотъ разъ къ избирательнымъ урнамъ, со штурмомъ Бастиліи. Дѣйствительно «нью-іоркская Бастилія» была взята штурмомъ въ этотъ день, и могущество Таммани было погребено подъ развалинами этой крѣпости. Побѣдителемъ оказался Сетъ-Лоу, президентъ университета Колумбіи, выбранный меромъ Нью-Іорка, тотъ самый, который уже разъ выступалъ кандидатомъ противъ Таммани въ 1897 году, но былъ побѣжденъ, благодаря тому, что республиканцы выставили третьяго кандидата и голоса раздѣлились. Сетъ-Лоу очень уважаемый человѣкъ, пользующійся безупречною репутаціей и стоящій внѣ всякой партійной политики. Онъ— сынъ богатаго купца и въ юношествѣ занимался дѣлами, но затѣмъ бросилъ эти занятія и вступилъ въ университетъ Колумбія, въ званіи президента. Онъ устроилъ на свой счетъ великолѣпную университетскую библіотеку, которая обошлась ему въ милліонъ долларовъ. Вся печать была на сторонѣ Сетъ-Лоу и привѣтствовала его избраніе, какъ великій переворотъ въ Нью-Іоркѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Сетъ-Лоу избраны всѣ остальные кандидаты партій реформъ; не прошелъ ни одинъ кандидатъ Таммани, и царство этого общества кончилось.

Американскіе милліонеры часто заставляютъ говорить о себѣ. Нѣкоторые поражаютъ своими странностями, другіе—своею щедростью. Впрочемъ, это послѣднее качество вообще присуще американскимъ милліонерамъ, въ особенности гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы увѣковѣчить свое имя какимъ-нибудь общественнымъ учрежденіемъ. Назвать какое-нибудь учрежденіе своимъ именемъ— это составляетъ мечту почти каждаго американскаго милліонера. Эндрью Карнеджи, раздающій теперь свои богатства въ пользу библіотекъ и университе-

товъ, служитъ наилучшимъ образцомъ такого милліонера. Другой американскій милліонеръ Поттеръ, желающій, очевидно, идти по стопамъ Карнеджи, напечаталъ въ одной изъ газетъ статью, въ которой бросаетъ «вызовъ капиталистическому обществу», обвиняя его во всевозможныхъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ неимущихъ. Поттеръ обличаетъ всю современную систему, въ которой оказывается покровительство только богатымъ, а бѣдные попираются ногами, и объявляетъ, что онъ сложилъ съ себя званіе президента одной промышленной компаніи потому лишь, что она вошла въ составъ стального «Trust'а», а всѣ тресты, по его мнѣнію, вредятъ интересамъ рабочихъ классовъ. Въ другихъ статьяхъ этотъ милліонеръ также выступаетъ въ защиту интересовъ рабочихъ и говоритъ о необходимосли болѣе справедливаго распредѣленія богатствъ. Его дочери, Гертруда и Гармонъ, проповѣдуютъ такіе же точно взгляды въ разныхъ брошюрахъ и книжкахъ, которыя онѣ издаютъ, но до сихъ поръ не слышно, какъ думаетъ самъ Поттеръ распорядиться своимъ богатствомъ. Американская печать замѣчаетъ по этому поводу, что онъ такъ много говоритъ о соціальной справедливости, что долженъ былъ бы уже сдѣлать что-нибудь въ пользу ея осуществленія. Но онъ до сихъ поръ, вѣроятно, не придумалъ еще наилучшаго способа употребленія своихъ богатствъ.

Совсѣмъ иной типъ представляетъ другой американскій милліонеръ Морганъ, организовавшій знаменитую «лигу королей золота». Этотъ финансовый тройственный союзъ опирается на коалицію всѣхъ металлическихъ трестовъ и держитъ въ своихъ рукахъ три главныхъ фактора матеріальной жизни націй, добываніе минераловъ, металлургическую промышленность во всѣхъ ея формахъ и доставку металловъ во всѣ пункты земного шара. Морганъ стремится сосредоточить въ рукахъ этой лиги всѣ металлы и минералы, какіе только доставлены почвой и фабричнымъ производствомъ. Морганъ не думаетъ пока о раздачѣ своихъ колоссальныхъ богатствъ; онъ занятъ съ утра до вечера, всегда молчитъ и въ умѣ своемъ создаетъ грандіозные планы промышленныхъ предпріятій. Онъ никого не посвящаетъ въ свои планы до тѣхъ поръ, пока они не созрѣютъ у него окончательно, и многочисленный штатъ его служащихъ играетъ лишь роль колесъ механизма, который онъ приводитъ въ движеніе. Морганъ не раздѣляетъ ни взглядовъ Поттера, ни взглядовъ Карнеджи и стремится къ наживѣ и умноженію своего колоссальнаго богатства, словно движимый какою-то стихійною силой, не размышляя и даже не пользуясь никакими благами жизни, которыя доставляетъ богатство, такъ какъ у него не остается времени для этого.

Женскій образовательный союзъ во Франкфуртѣ. Франкфуртъ принадлежитъ къ числу городовъ Германіи, прославившихся своею дѣятельностью въ области просвѣщенія и своими учрежденіями въ области соціальной культуры. По мѣрѣ того, какъ измѣнялись политическія и патріархальныя условія стараго Франкфурта, въ этомъ городѣ возникали новыя учрежденія, отвѣчающія запросамъ дня, устраивались ассоціаціи, преслѣдующія соціальныя и просвѣтительныя цѣли, но до половины прошлаго столѣтія франкфуртскія женщины

стояли въ сторонѣ отъ этого движенія и только въ 1876 году, когда въ Франкфуртѣ состоялось восьмое общее собраніе всеобщаго германскаго женскаго союза (Allgemeine deutsche Frauenverein), нѣсколько образованныхъ и предпріимчивыхъ франкфуртскихъ женщинъ рѣшили основать женскій образовательный союзъ (Frauenbildungs Verein), съ цѣлью содѣйствовать распространенію практическихъ знаній и образованія среди женской молодежи.

Условія благопріятствовали молодому обществу, которое встрѣтило весьма дѣятельную и сочувственную поддержку въ франкфуртскомъ политехническомъ обществѣ, помогавшемъ женскому союзу своими совѣтами и своими дѣйствіями. Опубликованная женскимъ союзомъ программа сразу возбудила къ нему интересъ во всѣхъ слояхъ франкфуртскаго общества, сознававшаго, что образованіе этого союза вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ времени. Съ самаго начала въ союзъ вошли 50 членовъ и предсѣдательницей была выбрана г-жа Зауерлендеръ, имѣющая ученую степень доктора. Изъ прежняго комитета остались теперь только трое.

Образовательная программа перваго года существованія включала въ себѣ слѣдующіе предметы: веденіе торговыхъ книгъ, бухгалтерію, нѣмецкій, французскій и англійскій языки, стенографію, шитье и кройку, шитье на машинѣ и всевозможныя ручныя работы. Впослѣдствіи основанъ былъ дѣтскій садъ и поварская школа. Въ виду того, что школа союза быстро разросталась, пришлось въ 1878 г. перебраться въ новое, болѣе обширное помѣщеніе. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ былъ открытъ пансіонъ при союзѣ и затѣмъ множество другихъ учрежденій, курсы для учительницъ, профессіональные и промышленные классы и т. д.

Съ теченіемъ времени союзъ расширилъ свою дѣятельность. Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, практическія цѣли, союзъ прежде всего заботился о томъ, чтобы дать возможность женщинамъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и такимъ образомъ подготовить ихъ къ борьбѣ за существованіе. Поэтому-то программа курсовъ союза носила прежде всего вполнѣ утилитарный характеръ, но постепенно расширяя свою дѣятельность, союзъ началъ заботиться и объ общемъ развитіи женской молодежи, не упуская изъ виду практическихъ цѣлей. Въ этомъ году, въ ноябрѣ союзъ отпраздновалъ 25-ти-лѣтній юбилей своего существованія.

Изъ мемуаровъ Жюля Симона. Сыновья покойнаго французскаго государственнаго дѣятеля и публициста Жюля Симона издали оставшіяся послѣ него записки подъ меланхолическимъ заглавіемъ «Le soir de ma journée». Жюль Симонъ былъ участникомъ главнѣйшихъ политическихъ событій, характеризующихъ современную исторію Франціи и поэтому мемуары его представляютъ большой интересъ. Они начинаются государственнымъ переворотомъ Наполеона III и доведены почти до послѣднихъ дней жизни Жюля Симона. Характеристика нѣкоторыхъ личностей и событій, которую дѣлаетъ Жюль Симонъ, въ высшей тепени любопытна. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ эпизодовъ, характеризующихъ личность Наполеона III.

«Вскорѣ послѣ государственнаго переворота, разсказываетъ Жюль Симонъ—принцъ регентъ (Наполеонъ III) доставилъ себѣ удовольствіе смотрѣть, какъ разрушаютъ залы, гдѣ засѣдали прежде «Constituante» и «Législative». Мраморныя колонны и позолоченныя рѣшетки трибуны ораторовъ лежали кругомъ, сваленныя въ безпорядочныя кучи. Принцъ регентъ влѣзъ на эти обломки и ногами топталъ ихъ, вспоминая при этомъ, вѣроятно, всѣ тѣ оскорбленія, которыя ему приходилась выслушивать нѣкогда изъ этихъ самыхъ мѣстъ. Спустя нѣсколько недѣль «Corps législatif» былъ снова возстановленъ, но ораторская трибуна была уничтожена, вмѣсто нея соорудили родъ платформы, на которой должны были выступать пять или шесть ораторовъ, служащихъ представителями правительства. Вообще палата напоминала классъ, въ которомъ занимались ученики подъ наблюденіемъ пяти учителей и одного главнаго наставника, возсѣдающаго наверху надъ правительственными комиссарами. Это былъ герцогъ Морни. Важный вопросъ былъ поднятъ изъ-за того, слѣдуетъ или нѣтъ давать стаканъ воды депутату, которому приходится говорить длинную рѣчь. Принцъ Наполеонъ былъ противъ этого, такъ какъ боялся, что, промочивъ горло, депутатъ будетъ говорить безъ конца. Морни же возражалъ ему, что нельзя отказывать старику въ стаканѣ воды, и, въ концѣ концовъ, принцъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы предварительно испрашивалось для этого разрѣшеніе. Морни никогда не отказывалъ въ этомъ разрѣшеніи, но всегда прибавлялъ, улыбаясь: «Пожалуйста, только не говорите слишкомъ длинной рѣчи».

«Ко мнѣ Морни всегда выказывалъ большое расположеніе, говорить далѣе Жюль Симонъ.—Когда я вступилъ въ «Corps législatif», то онъ сказалъ мнѣ: «Занимайтесь вопросами просвѣщенія, взаимопомощи и поддержки, вообще всѣмъ тѣмъ, что соприкасается съ соціализмомъ. Тутъ открывается для васъ выдающееся мѣсто». Я былъ очень благодаренъ ему за его дружелюбное отношеніе. Онъ узналъ какъ-то, что Тьеръ, прекрасныхъ рѣчей котораго всѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, имѣлъ привычку запасаться бутылкой констанскаго вина изъ своего дома. Въ первый же разъ послѣ того, какъ Морни увидѣлъ это, и когда Тьеръ снова поднялся со своего мѣста, чтобы произнести рѣчь, служитель вошелъ съ подносомъ и поставилъ передъ нимъ бутылку констанскаго вина изъ погреба Морни...

«Спустя нѣсколько лѣтъ депутатамъ, къ ихъ величайшему удовольствію, была возвращена ораторская трибуна. Послѣ засѣданій въ «Corps législatif» Тьеръ отправился на трибуну, чтобы посмотрѣть не была ли рѣшетка слишкомъ высока для него. Дѣйствительно она доходила ему почти до подбородка, а Луи-Бланъ долженъ былъ становиться на скамейку; но онъ былъ слишкомъ малъ ростомъ, такъ что его нельзя было принимать въ разсчетъ при постройкѣ трибуны. Морни приказалъ архитектору сообразоваться со всѣми желаніями Тьера. Мы испытали большую радость, увидѣвъ Тьера снова сидящимъ на своемъ треножникѣ и имѣющимъ подъ рукою всѣ свои бумаги, разложенныя въ большомъ порядкѣ и бутылку констанскаго вина, принесенную на этотъ разъ изъ его дома. Онъ могъ наконецъ обращаться къ господину Руже, какъ и надлежало, сверху внизъ».

Гамбетту Жюль Симонъ изображаетъ въ роли оракула въ сѣняхъ законодательнаго собранія. Будущій трибунъ подражалъ всѣмъ выдающимся ораторамъ и заранѣе почти буквально предсказывалъ, о чемъ будутъ говорить въ залѣ засѣданій.

«Около 1864 г. въ палатѣ появился молодой человѣкъ,—пишетъ Жюль Симонъ,—который не пропускалъ ни одного засѣданія. Онъ былъ также пунктуаленъ, какъ и оппозиція, которая всегда приходила первая и уходила послѣдняя. У него никто не спрашивалъ билета, такъ какъ всѣ депутаты знали его въ лицо и онъ самъ зналъ всѣхъ служителей по имени. Когда у дверей возникала давка, то служителя помогали ему проложить себѣ дорогу черезъ толпу. Несмотря на свою молодость, онъ не отличался все-таки большою расторопностью; онъ всегда усаживался на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ уголку залы, у послѣдняго окна и если раньше его прихода кто нибудь занималъ его мѣсто, то служителя ухитрялись спровадить какъ нибудь этого узурпатора. Но вообще не надо было даже видѣть его, чтобы знать, что онъ находится тутъ. Лишь только онъ переступалъ порогъ, какъ уже голосъ его покрывалъ всѣ разговоры. Онъ смѣялся во все горло и всѣ смѣялись вмѣстѣ съ нимъ, всѣ ему пожимали руку и отводили его на его скамью. Какъ всякій хорошій разскащикъ, онъ былъ отличнымъ мимикомъ. Достаточно было только закрыть глаза и можно было подумать, что это говоритъ Жюль Фавръ или Эмиль Оливье, — до того онъ умѣлъ подражать ихъ голосу и манерѣ говорить. Однажды онъ импровизировалъ рѣчь, которую долженъ былъ произнести Жюль Фавръ, и эта рѣчь носила столь же торжественный характеръ и была столь же краснорѣчива, какъ и та, которую дѣйствительно произнесъ въ это время Жюль Фавръ за дверью, въ залѣ засѣданія. Этотъ молодой человѣкъ часто обращался къ своимъ слушателямъ, которые порывались было идти въ залу: «Не безпокойтесь, господа, я вамъ скажу все, что онъ говоритъ!» Невѣжественные люди утверждали, что никто не обладаетъ такими знаніями, какъ онъ, и они были правы. Онъ никогда не учился, но онъ все угадывалъ. Онъ обладалъ удивительною памятью и способностью все усваивать, какую я никогда не встрѣчалъ ни у кого... Иногда онъ говорилъ такъ громко, что мы слышали его голосъ въ залѣ засѣданія. У всѣхъ у насъ явилась одна и та же мысль: «Какой изъ него вышелъ бы депутатъ». Не сходя съ мѣста, онъ оставался на своемъ посту въ теченіе пяти часовъ и затѣмъ, какъ разсказывали, стрѣлою мчался въ «Cafe de Madrid», чтобы передать тамъ весь ходъ засѣданія. Журналисты дѣлали замѣтки на основаніи его словъ. Онъ сообщалъ имъ факты, выводы и идеи — все вмѣстѣ; правда, въ довольно безсвязной формѣ, но все, что онъ говорилъ, дышало силой и краснорѣчіемъ. Онъ почти всегда говорилъ одинъ; его жизнь представляла какой-то монологъ, но онъ такъ говорилъ, что никто не подумалъ бы ставить ему въ упрекъ его многорѣчивость, такъ какъ онъ всюду распространялъ веселье своимъ заразительнымъ смѣхомъ и всѣмъ доставлялъ удовольствіе. Но онъ вовсе не былъ наивенъ; онъ велъ твердую игру и зналъ, что дѣлалъ. Онъ никогда не подавалъ вида, что у него есть какія-нибудь опасенія, такъ какъ всегда хотѣлъ ка-

заться сильнымъ и отлично понималъ, что «казаться сильнымъ—значитъ наполовину быть имъ». Когда онъ хотѣлъ, то отлично умѣлъ льстить; онъ былъ настоящій царедворецъ и въ то же время умѣлъ наносить удары своимъ противникамъ со всѣхъ сторонъ. Его друзья отзывались о немъ всегда восторженно, а враги его признавали, что съ нимъ надо считаться. Это былъ Гамбетта».

Дѣлая такую характеристику Гамбетты, Жюль Симонъ выказалъ большое безпристрастіе, такъ какъ ему-таки, въ свое время, сильно доставалось отъ Гамбетты. Одинъ нѣмецкій журналистъ разсказываетъ, что онъ однажды посѣтилъ Жюля Симона послѣ его столкновенія съ Гамбеттой. Жюль Симонъ былъ внѣ себя. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ маленькой квартирѣ на площади Маделенъ, и, задыхаясь отъ гнѣва, говорилъ: «Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, этотъ самый человѣкъ сидѣлъ буквально у моихъ ногъ и иначе не обращался ко мнѣ, какъ со словами: «Mon cher maître».

Жюль Симонъ 50 лѣтъ прожилъ на одной и той же квартирѣ, въ пятомъ этажѣ, хотя его библіотека, которая все увеличивалась, буквально заполняла все пространство. Но онъ не хотѣлъ выѣзжать изъ этой квартиры, потому что съ нею у него было связано множество воспоминаній. Со своего балкона онъ наблюдалъ перемѣну разныхъ правительствъ—воцареніе Луи-Филиппа, Наполеона и, наконецъ, республики.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Происхожденіе первобытной промышленности.—Афганскій эмиръ и его дворъ.—Приговоръ Лабори относительно дѣла Дрейфуса и его мірового значенія.—Президентъ Рузевельтъ въ качествѣ журналиста.

«Revue internationale de Sociologie» печатаетъ нѣсколько главъ изъ новой книги Летурно «La Psychologie ethnique», которая должна выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Въ этихъ главахъ французскій ученый говоритъ о генезисѣ первобытной промышленности и различныхъ фазахъ ея развитія.

«Ничего не можетъ быть скромнѣе началъ человѣческой промышленности,—говоритъ Летурно.—Наши первобытные предки только усовершенствовали пріемы, присущіе шимпанзе и даже болѣе низшимъ обезьянамъ, умѣющимъ разбивать твердые плоды при помощи камней или защищаться, бросая разные предметы, служащіе для нихъ естественными снарядами. Отсюда до пользованія острымъ кремнемъ, когда нужно срѣзать вѣтку—одинъ только шагъ. Другимъ шагомъ уже болѣе сложнымъ и труднымъ, является заостриваніе кремня, оказавшагося недостаточно острымъ отъ природы. Первобытный дикарь, стоящій на очень низкой ступени умственнаго развитія, но сумѣвшій сдѣлать это, былъ въ то же время промышленнымъ иниціаторомъ человѣческаго рода. Послѣдующія поколѣнія только подражали этимъ первымъ ремесленникамъ и усовершенствовали ихъ работу, вводя постепенно различныя улучшенія. Мало-по-малу и не спѣша, наши доисторическіе предки измѣнили свою первобытную обстановку, улучшили

ее и подчинили себѣ ту среду, въ которой они родились совершенно безпомощными и лишенными естественныхъ средствъ защиты. Ихъ жалкій умъ мало-по малу развивался въ этомъ занятіи, въ особенности же съ того времени, какъ они стали группироваться въ небольшія общества, члены, которыхъ были между собою солидарны, такъ какъ, составляя одно цѣлое, они, несмотря на свою индивидуальную слабость, превращались въ коллективную силу, сравнительно большую. Благодаря только подобному союзу и вынужденной необходимости совмѣстной работы, первобытные дикари развивались, хотя и очень медленно. Навѣрное имъ понадобились тысячелѣтія, чтобы создать членораздѣльный языкъ, состоящій едва изъ нѣсколькихъ сотенъ словъ, усовершенствоваться въ охотѣ и рыбной ловлѣ, научиться устраивать себѣ жилища и одежду, обращаться съ огнемъ, варить себѣ пищу и сдѣлаться горшечниками, земледѣльцами, дрессировщиками домашнихъ животныхъ и, наконецъ, искусными рабочими и даже художниками.

«Одна вещь въ особенности поражаетъ въ первобытной промышленности, это—сходство всѣхъ первобытныхъ домашнихъ орудій и оружія, изображенныхъ самыми различными расами и на всемъ земномъ шарѣ. Вездѣ однообразіе матеріаловъ, потребностей и органовъ привело къ одинаковымъ результатамъ. Вездѣ эволюція въ этомъ отношеніи была очень медленная и измѣненія совершались очень послѣдовательно. Вездѣ, наконецъ, мы наблюдаемъ эволюцію, а не переворотъ, такъ что, напримѣръ, ремесленники доисторической эпохи, вступивъ въ вѣкъ металловъ, не скоро поняли, что природа металлическихъ матеріаловъ, ихъ твердость, дозволяла придавать имъ менѣе массивныя формы и они ограничивались рабскимъ подражаніемъ прежнимъ каменнымъ «celtae», которыя они выдѣлывали теперь изъ бронзы. Даже старинныя египетскія орудія сдѣланы всѣ по образцу каменныхъ орудій, которыя имъ предшествовали.

«Съ годами прогрессъ все болѣе опредѣлялся. Коловращательныя движенія, посредствомъ которыхъ добывался огонь, внушили идею устройства различныхъ инструментовъ: бурава, коловорота и т. д. и, наконецъ, колеса; за этимъ послѣдовало изобрѣтеніе различныхъ, болѣе или менѣе остроумно придуманныхъ машинъ, которыя сначала приводились въ движеніе женщинами и рабами, затѣмъ водою и вѣтромъ. Это былъ уже великій прогрессъ реализированный греколатинскою древностью, правда довольно поздно, когда, наконецъ, человѣческій трудъ былъ замѣненъ силами природы. Только въ наше время, это великое плодотворное нововведеніе, достигло наивысшаго развитія, такъ какъ даже въ нѣдрахъ цивилизованныхъ расъ прогрессъ не совершается внезапно. Но несомнѣнно все-таки, что теперь прогрессъ идетъ гораздо болѣе быстрыми шагами, чѣмъ прежде, полезныя изобрѣтенія порождаютъ одно другое съ необычайною быстротой и всевозрастающею легкостью. Въ данный моментъ мы считаемъ себя очень искусными во всѣхъ отрасляхъ, но весьма возможно, что будущія поколѣнія найдутъ, что мы были не болѣе, какъ рутинёры».

Рудіардъ Киплингъ описываетъ одну сцену при афганскомъ дворѣ и обрисовываетъ личность недавно умершаго афганскаго эмира Абдуррахмана въ одномъ изъ

своихъ очерковъ, цитированныхъ «Review of Reviéws» изъ одного англійскаго еженедѣльнаго журнала. «Однажды,—разсказываетъ Киплингъ,—эмиръ рѣшилъ перенести свои дневныя знятія въ сады Баберъ, находящіеся въ окрестностяхъ Кобула. Противъ него поставленъ былъ маленькій столикъ, около котораго группировались, смотря по рангу, генералы и финансовые чиновники. Дворъ и длинный хвостъ вассаловъ образовалъ нѣсколько поодаль неправильный полукругъ. Въ теченіи цѣлаго дня прибѣгали въ садъ обливающіеся потомъ курьеры съ донесеніями различныхъ округовъ и привозили извѣстія о бунтовщикахъ, заговорахъ, голодѣ, недоимкахъ, открытіи кладовъ и т. д. Цѣлый день эмиръ читалъ эти донесенія и нѣкоторыя изъ нихъ передавалъ соотвѣтствующимъ чиновникамъ или вызывалъ для объясненій по этому поводу котораго-нибудь изъ дожидающихся вождей. Съ владыкой Афганистана надо разговаривать очень ясно и безъ всякихъ оговорокъ. Если призванный для объясненій вождь удовлетворялъ эмира, то онъ слегка наклонялъ свою голову въ барашковой шапкѣ, украшенной брилліантовою звѣздой, и спрошенный отправлялся на свое мѣсто. Какъ разъ въ этотъ день къ эмиру явилась женщина, просившая о разводѣ съ мужемъ, по той причинѣ, что онъ лысъ. Эмиръ, выслушавшій обѣ стороны, серьезно приказалъ недовольной женѣ вылить кислое молоко на лысину своего супруга и слизать его языкомъ, такъ какъ послѣ этого волосы снова выростутъ, и она будетъ довольна. Дворъ расхохотался, а женщина удалилась, проклиная тайкомъ повелителя афганцевъ. Когда стало смеркаться и порядокъ двора нѣсколько былъ нарушенъ, стража привела дрожащаго, исхудалаго, но крѣпкаго тѣлосложенія нищаго, избитаго и, повидимому, выбившагося изъ силъ. Этотъ нищій укралъ три рупіи, и такъ какъ эмиръ самъ рѣшаетъ всѣ дѣла въ государствѣ, то даже о такихъ пустякахъ доводится до его свѣдѣнія и онъ чинитъ судъ и расправу.

«— Зачѣмъ ты укралъ?—спросилъ эмиръ, а когда онъ спрашивалъ, то надо было отвѣчать немедленно.

«— Я былъ бѣденъ и никто мнѣ ничего не далъ,—отвѣчалъ нищій.—Я былъ голоденъ, а ѣсть было нечего.

«— Отчего ты не работаешь?—былъ слѣдующій вопросъ.

«— Я не могъ найти работы, покровитель бѣдныхъ, и я умиралъ съ голоду.

«— Ты лжешь! Ты укралъ отъ жадности, пьянства и лѣности, а никакъ не вслѣдствіе голода, такъ какъ если человѣкъ захочетъ, то онъ всегда найдетъ работу и кусокъ хлѣба.

«Несчастный плѣнникъ склонилъ голову; онъ бывалъ уже при дворѣ и зналъ, что означаютъ такія рѣчи эмира; онѣ звучатъ смертью.

«— Каждый человѣкъ можетъ получить работу,—продолжалъ эмиръ.—Кому это лучше знать, чѣмъ мнѣ? Потому что и я голодалъ, но не такъ какъ ты, негодяй, а какъ это можетъ случиться съ каждымъ честнымъ человѣкомъ, вслѣдствіе превратностей судьбы и воли Всевышняго.

«Эмиръ разгорячился и обратившись къ своей придворной знати, оттолкнулъ локтемъ ножны своего меча.

«— Вы слышали этого сына лжи?—воскликнулъ онъ.—Я разскажу вамъ одну истинную исторію. Я также голодалъ однажды и долженъ былъ туже затянуть свой поясъ. Я былъ не одинъ; со мною былъ другой, не оставлявшій меня во дни моего несчастья, когда я подвергался гоненіямъ, прежде чѣмъ вступилъ на этотъ престолъ. Пока я бродилъ, какъ бездомная кандагарская собака, деньги мои таяли и, наконецъ, осталось вотъ что (эмиръ протянулъ своимъ слушателямъ пустую ладонь) и изо-дня-въ-день, слабый и больной, я возвращался къ тому, кто меня ждалъ, и Богъ вѣсть, какъ мы жили это время, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, я взялъ все наше имущество, прекрасное шелковое покрывало для двоихъ, тонкой кранской работы, какая теперь не встрѣчается, теплое и легкое, и все, что мы имѣли, и отнесъ это къ закладчику, въ одной изъ боковыхъ улицъ, прося его дать мнѣ три рупіи. Онъ сказалъ мнѣ, теперь вашему повелителю: «Ты воръ. Вѣдь это стоитъ триста рупій!»—«Я не воръ,—отвѣчалъ я—я принцъ по рожденію, но я голоденъ».—«Принцъ? Бродяга нищій!—воскликнулъ закладчикъ.—У меня нѣтъ при себѣ денегъ, но ступай съ моимъ слугою въ домъ и онъ дастъ тебѣ двѣ рупіи и восемь анна, такъ какъ больше я не хочу давать тебѣ въ долгъ». Я пошелъ за слугой въ домъ, дорогой мы разговорились и онъ далъ мнѣ денегъ. Мы жили на эти деньги, пока они не были истрачены, но жили плохо. Тогда этотъ слуга, имѣвшій доброе сердце, сказалъ: «Навѣрное закладчикъ дастъ больше за это покрывало» и предложилъ мнѣ взять у него двѣ рупіи, но я отказался: «Нѣтъ,—возразилъ я,—лучше найди мнѣ какую-нибудь работу». И вотъ онъ нашелъ мнѣ работу и я, даже я, Абдуррахманъ, эмиръ Афганистана, работалъ каждый день, какъ носильщикъ, носилъ тяжести, работалъ своими руками и въ награду за свой трудъ въ потѣ лица и за боль въ спинѣ, получалъ четыре анна поденно. А этотъ, ничтожное созданіе, говоритъ что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ воровству! Я проработалъ цѣлый годъ и четыре мѣсяца и никто не можетъ сказать, что я лгу, такъ какъ у меня есть свидѣтель,—слуга закладчика, который теперь состоитъ моимъ другомъ». Тогда изъ среды придворной знати вышелъ одѣтый въ шелкъ человѣкъ и, поднявъ руки къ небу, сказалъ: «Это правда, передъ истиннымъ Богомъ! Я, ставшій теперь милостью Божьею и милостью эмира, знатнымъ человѣкомъ, былъ нѣкогда слугою закладчика».

«Послѣдовала пауза и затѣмъ эмиръ хриплымъ голосомъ позвалъ плѣннаго и крикнулъ страшныя слова: «Dar Arid!» означавшія приговоръ правосудія. Вора увели и больше его никто не видѣлъ. Нѣсколько минутъ царило молчаніе и, наконецъ, придворные проговорили шопотомъ: «Аллахъ великъ и Магометъ его пророкъ! Вотъ это человѣкъ!»

Знаменитый защитникъ Дрейфуса, адвокатъ Лабори, помѣстилъ въ редактируемомъ имъ журналѣ «La Grande Revue» статью, въ которой снова говоритъ о дѣлѣ Дрейфуса и объясняетъ, почему онъ считаетъ это дѣло окончательно погребеннымъ. Дѣло Дрейфуса не только погребено, по мнѣнію Лабори, но даже смѣшно говорить теперь о его возобновленіи. Дрейфусъ былъ симво-

ломъ борьбы двухъ великихъ идей: идеи произвола и идеи свободы, столкновеніе которыхъ помогаетъ созиданію человѣческаго идеала путемъ борьбы и страданій. То, что волновало весь міръ и возбуждало интересъ къ этому дѣлу—была именно это великая проблема. Но Дрейфусъ предпочелъ свою личную свободу роли жертвеннаго агнца человѣчества въ этой великой борьбѣ. Съ той минуты, какъ онъ подписалъ свою просьбу о помилованіи, его дѣло потеряло общечеловѣческій и всемірный интересъ. Оно превратилось въ частное юридическое дѣло, которое во всякое время можетъ быть снова поднято кассаціоннымъ судомъ, но даже полная реабилитація Дрейфуса теперь уже не можетъ взволновать міръ. «Я не берусь судить Дрейфуса за это,—говоритъ Лабори.—Это его личное дѣло, дѣло его совѣсти предпочесть свою свободу борьбѣ за справедливость, соціальный прогрессъ и законное возстановленіе чести. Онъ дѣйствовалъ какъ отдѣльная личность, не какъ членъ человѣческой общины, объединяемой чувствомъ солидарности. Вотъ почему его дѣло въ общечеловѣческомъ смыслѣ покончено и «войска разошлись передъ спущеннымъ флагомъ».

Эти заключенія Лабори являются эпилогомъ знаменитаго дѣла. Но по его мнѣнію нравственный кризисъ еще далеко не прошелъ и еще долженъ обостриться. Всѣ старыя республиканскія партіи распались и всѣ усилія ихъ реорганизоваться вновь остаются тщетными. Это служитъ доказательствомъ потребности созданія новаго политическаго міровоззрѣнія, въ основѣ котораго, по мнѣнію Лабори, должно быть заложено полное отреченіе народовъ и отдѣльныхъ личностей отъ своихъ индивидуальныхъ интересовъ ради общаго соціальнаго благополучія.

Нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ Рузевельтъ, прежде чѣмъ стать главою сѣверо-американскаго союза, выступалъ, какъ оказывается, не одинъ разъ, въ качествѣ публициста, на поприщѣ журналистики. «Fortnightly Review» перепечатываетъ изъ одного американскаго журнала его послѣднюю статью, появившуюся незадолго до смерти Макъ-Кинлея. Статья эта называется: «Reform through Social work» (Реформа посредствомъ соціальной работы) и въ ней Рузевельтъ описываетъ попытки, сдѣланныя въ Нью-Іоркѣ съ цѣлью улучшенія соціальныхъ условій. Онъ съ большою похвалой отзывается о «Civic Club» въ Нью-Іоркѣ, который былъ основанъ съ цѣлью борьбы съ темными силами Таммани. «Civic Club» воспользовался соціальными методами этой знаменитой ассоціаціи, но только употребилъ ихъ для благихъ цѣлей. Основатель этого клуба Годдардъ, по мнѣнію Рузевельта, сдѣлалъ много для нравственнаго оздоровленія Нью-Іорка и могущество Таммани будетъ подорвано, если въ Нью-Іоркѣ найдется еще нѣсколько такихъ дѣятелей. Затѣмъ Рузевельтъ придаетъ большое значеніе университетскимъ поселеніямъ, устроеннымъ въ Нью-Іоркѣ. Работа этихъ поселеній играетъ большую роль въ соціальной жизни и помогаетъ распространенію идеи долга, правды и справедливости въ политикѣ. Благодаря этимъ поселеніямъ, число преступленій уменьшается, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ условій жизни бѣднѣйшихъ классовъ и суммы матеріальныхъ удовольствій, находящихся въ ихъ распоряженіи. Такую же цѣль

преслѣдують и разныя учрежденія и организаціи, устроенныя въ приходѣ церкви св. Георгія докторомъ Ренсфордомъ, который основалъ клубъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія своего прихода, открылъ при немъ гимнастическій залъ и библіотеку, кулинарные классы и танцовальныя собранія, а изъ уличныхъ мальчиковъ организовалъ батальоны для совмѣстныхъ игръ и занятій.

Въ числѣ соціальныхъ дѣятелей, о которыхъ Рузевельтъ говоритъ въ своей статьѣ, онъ называетъ Якова Ріиса, журналиста. Ріисъ—датчанинъ, пріѣхавшій въ Нью-Іоркъ безъ гроша въ карманѣ. Конечно ему пришлось вытерпѣть тяжелую борьбу за существованіе и, какъ всѣ бродяги, зачастую ночевать подъ заборомъ и голодать по нѣсколько дней. Когда, наконецъ, онъ сдѣлался репортеромъ газеты «New-York-Sun», то припомнивъ все то, что пришлось ему испытать во время его скитанія по трущобамъ Нью-Іорка, онъ поставилъ своею цѣлью познакомить болѣе счастливыхъ людей съ тѣмъ, какъ живутъ обездоленные или, какъ онъ выражается: «Now the other Half lives» (какъ живетъ другая половина). Его статьи производили впечатлѣніе и многихъ подвинули на поприще соціальной дѣятельности.

Нашествіе американцевъ, ихъ пріемы и успѣхи.

Ф. А. Меккензи *).

Въ настоящее время американцы продаютъ свои хлопчато-бумажныя издѣлія въ Манчестерѣ, чугунъ—въ Ланкаширѣ и сталь—въ Шеффильдѣ. Они посылаютъ овсяную муку въ Шотландію, картофель—въ Ирландію и «англійское» мясо—въ Англію. Имъ остается теперь лишь доставлять уголь въ Ньюкестль.

Какъ кажется, приближается время, когда, по остроумному выраженію одного американца, главная статья англійскаго вывоза за Атлантическій океанъ будетъ заключаться въ отпрыскахъ аристократіи, производство которой недоступно для Америки вслѣдствіе ограниченій, налагаемыхъ ея конституціей. Но даже и здѣсь торговый балансъ будетъ въ пользу Америки, посылающей Англіи своихъ прекрасныхъ дочерей для украшенія герцогскихъ домовъ.

Десять лѣтъ тому назадъ Англія безъ усилій занимала первое въ мірѣ мѣсто въ желѣзодѣлательной промышленности, въ хлопчато-бумажной, въ каменноугольной и въ кораблестроеніи. Англія получала изъ Америки въ значительныхъ количествахъ сырые пищевые продукты, а Америка была крупнѣйшимъ покупателемъ издѣлій англійской промышленности. Теперь это положеніе измѣнилось. Америка уже далеко обогнала Англію въ производствѣ стали и желѣза, дѣлаетъ крупныя бреши въ англійскомъ кораблестроительномъ производствѣ, серьезно соперничаетъ съ Англіей въ хлопчато-бумажной промышленности и задумываетъ отбить у нея вывозную торговлю каменнымъ углемъ.

Въ чемъ Америка не такъ давно была крупнѣйшимъ покупателемъ

---

*) Настоящая статья—извлеченіе изъ названнаго труда.

Англіи, въ томъ теперь Англія является самымъ крупнымъ и выгоднымъ покупателемъ Америки.

Отчеты правительства Соединенныхъ Штатовъ показываютъ, что Англія беретъ 79% продуктовъ, отправляемыхъ Соединенными Штатами въ Европу, и 60% всего количества продуктовъ, отсылаемыхъ американскими фермерами въ чужіе края.

Это нашествіе американцевъ идетъ непрерывно во множествѣ различныхъ отраслей промышленности одновременно.

Не такъ давно, напримѣръ, англійскіе производители обуви начали чувствовать уколы американской конкуренціи.

Тогда они занялись улучшеніемъ производства, причемъ многіе изъ нихъ выписали изъ Америки машины для изготовленія обуви, которыя, по общему признанію, выше всѣхъ, употреблявшихся въ Англіи раньше.

Однако старанія англійскихъ производителей задержать подъемъ американскаго прилива оказались пока безуспѣшны. Въ 1898 г. Америка прислала въ Англію сапогъ на 72.714 фунт. стерл.; въ 1899 г.—на 147.944 фунт. стерл.; въ 1900 г.—на 228.057 фунт. стерл. Въ 1901 г. ввозъ возрастаетъ еще болѣе; въ теченіе апрѣля, послѣдняго мѣсяца, относительно котораго опубликованы свѣдѣнія, увеличеніе ввоза достигло почти 100%,—стоимость американскихъ сапогъ и башмаковъ, ввезенныхъ въ этомъ мѣсяцѣ въ Англію, достигла 45.000 фунт. стерл. противъ 23.000 фунт. стерл. за тотъ же мѣсяцъ предыдущаго года.

Но это пока лишь начало. Въ настоящее время стоитъ только пройтись по какой-нибудь торговой улицѣ въ Лондонѣ, чтобы увидать, что объявленія объ американскихъ сапогахъ занимаютъ самое видное мѣсто въ окнахъ магазиновъ.

О пріемахъ американскихъ производителей можно судить по слѣдующему недавнему случаю.

Спичечное производство Брайанта и Мея давно уже считалось однимъ изъ выдающихся англійскихъ предпріятій, столь же обезпеченныхъ въ своемъ положеніи, какъ англійскій банкъ. Это производство уничтожило въ Англіи всякую серьезную конкуренцію, приносило дивидендъ въ 20% и пользовалось извѣстностью по всему міру.

Въ то время, когда эта фирма покоилась на лаврахъ, одинъ американскій производитель спичекъ обстоятельно изучалъ спичечное производство. Онъ дѣлалъ опыты, нанималъ способныхъ людей для усовершенствованія спичечныхъ машинъ, тратя на это тысячи долларовъ въ годъ, и разослалъ агентовъ по всему міру для пріобрѣтенія всевозможныхъ привилегій на усовершенствованія въ этихъ машинахъ.

Пять лѣтъ тому назадъ этотъ американецъ, Барберъ, явился въ Ливерпуль и открылъ здѣсь свой заводъ. Онъ оказался въ состояніи изготовлять спички настолько лучше и дешевле англійскихъ, что Брайантъ и Мей, увидавъ въ немъ серьезнаго конкурента, разомъ очнулись отъ спячки. Теперь и они, въ свою очередь, отправили людей по всему міру для покупки патентовъ

на новыя машины, но открыли при этомъ, что ихъ вездѣ опередили. Ихъ дивидендъ съ 20°/o спустился до 14°/o и они увидали, что если дѣло пойдетъ тѣмъ же порядкомъ, то дивидендъ и совсѣмъ исчезнетъ.

Тутъ выступилъ на сцену названный американецъ и сказалъ имъ, что онъ могъ бы совсѣмъ подорвать ихъ (въ чемъ они и не сомнѣвались теперь), но что если они согласятся сдать свои заводы и совершенно откажутся отъ всякаго новаго участія въ спичечномъ производствѣ, то онъ готовъ взять ихъ паи и гарантировать имъ доходъ въ 14°/o. Брайанту и Мею не оставалось ничего другого, какъ подчиниться, и ихъ заводы переходятъ теперь въ руки этого американца.

Барберъ, президентъ американской и ливерпульской спичечныхъ компаній, откровенно изложилъ акціонерамъ Брайанта и Мея, какимъ образомъ былъ достигнутъ этотъ успѣхъ.

«Машины, находящіяся на заводахъ Брайанта и Мея,—сказалъ онъ,—представляютъ собою изобрѣтенія людей, служившихъ въ американской компаніи съ самаго ея основанія; но въ Америкѣ эти машины были оставлены лѣтъ пятнадцать или шестнадцать тому назадъ, такъ какъ мы постепенно усовершенствовали ихъ. Я не думаю, чтобы былъ хоть одинъ такой годъ, когда наша американская компанія не тратила бы, по крайней мѣрѣ, 50.000 долларовъ на опыты по усовершенствованію своихъ машинъ. У насъ на службѣ находятся талантливые изобрѣтатели и значительное число лицъ, которыя постоянно работаютъ съ единственною цѣлью совершенствовать механизмъ нашего дѣла. Затѣмъ, наши представители постоянно путешествуютъ по разнымъ странамъ міра въ видахъ пріобрѣтенія всякаго новаго изобрѣтенія, которое могло бы быть полезнымъ для нашего производства. Въ теченіе послѣдняго года мы затратили на покупку разныхъ патентовъ свыше 250.000 долларовъ, а въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ—милліонъ. Въ пять лѣтъ мы сумѣли создать въ Соединенномъ Королевствѣ производство, равное по качеству производству Брайанта и Мея, и въ то же время мы были въ состояніи платить проценты на каждый долларъ капитала, внесеннаго въ дѣло».

Въ результатѣ—все спичечное производство Англіи перешло въ руки американцевъ.

Какими глазами американскіе дѣльцы смотрятъ на Англію, объ этомъ можно судить по слѣдующему отзыву одного изъ нихъ по возвращеніи изъ Лондона:

«Въ Лондонѣ цѣлыя груды золота ждутъ того, чтобы ихъ собрали,—сказалъ этотъ дѣлецъ репортеру въ Чикаго.—Наши отцы для составленія себѣ состоянія отправлялись на западъ, а ихъ сыновья съ тою же цѣлью протаптываютъ дорожки на востокъ».

Наиболѣе серьезныя стороны промышленнаго нашествія американцевъ заключаются въ томъ, что они захватили въ своимъ руки завѣдываніе почти всѣми новыми производствами, созданными въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Въ производствѣ телефоновъ, складныхъ камеръ, фонографовъ, машинныхъ инструментовъ, пишущихъ машинъ, лифтовъ, автомобилей и электрическихъ

*

трамваевъ, — во всемъ этомъ, за исключеніемъ лишъ керосиновыхъ автомобилей, американцы стоятъ на первомъ мѣстѣ, а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ производствъ являются даже монополистами.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти новыя производства необычайно прибыльны и хорошо оплачиваютъ трудъ занятыхъ въ нихъ работниковъ.

Возьмемъ, напримѣръ, пишущія машины. Въ Англію еженедѣльно доставляется этихъ машинъ изъ Нью-Йорки и Бостона значительно болѣе, чѣмъ на 40.000 фунт. стерлинговъ. Стоимость сырого матеріала, идущаго на изготовленіе машины, сравнительно ничтожна, и бóльшая часть указанной выручки идетъ на высокую оплату труда работниковъ, изготовляющихъ эти машины.

Время отъ времени англійскія фирмы пытались овладѣть этимъ производствомъ, но тщетно, и въ настоящее время единственнымъ серьезнымъ конкурентомъ американскихъ пишущихъ машинъ является канадская машина «Empire».

Дѣло здѣсь не въ патентахъ, такъ какъ главныя части пишущей машины не ограждены уже патентами и первоначальные патенты Ремингтона, напримѣръ, давно уже сдѣлались общимъ достояніемъ. Неуспѣхъ англичанъ объясняется въ однихъ случаяхъ недостаткомъ умѣлости, а въ другихъ случахъ недостаткомъ затрачиваемыхъ средствъ для надлежащаго оборудованія производства.

Нью-Іоркскій союзъ по производству пишущихъ машинъ — центральная организація, завѣдующая производствомъ большинства изъ нихъ, имѣетъ капиталъ въ 6.000.000 фунтовъ стерлинговъ.

Но особенно велики успѣхи американцевъ въ производствѣ принадлежностей для электрической тяги.

Когда сооруженіе желѣзныхъ дорогъ открывало новую эру въ промышленности, все это дѣло находилось въ рукахъ Англіи, инженеры и капиталисты которой строили эти дороги въ разныхъ странахъ.

Въ настоящее время паръ доживаетъ свой вѣкъ и его мѣстомъ быстро завладѣваетъ электричество въ качествѣ двигательной силы ближайшаго будущаго.

Въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ протяженіе электрическихъ дорогъ въ Америкѣ увеличилось съ 150 миль до 20.000 миль, потребовавшихъ на свое сооруженіе около милліарда долларовъ.

Въ Англіи это дѣло только что начинается; но въ теченіе одной послѣдней сессіи въ парламентъ были представлены билли, испрашивающіе разрѣшеніе на постройку электрическихъ дорогъ стоимостью въ 24.000.000 фунтовъ стерлинговъ.

До сихъ поръ какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ это дѣло ограничивалось преимущественно сооруженіемъ электрическихъ трамваевъ, но теперь наступаетъ время и болѣе крупныхъ работъ. На нью-іоркской желѣзной дорогѣ паръ замѣненъ электричествомъ; въ Лондонѣ не только всѣ новыя подземныя желѣзныя дороги работаютъ электричествомъ, но и старыя линіи рѣшено передѣлать на электрическія. Инженеры уже рѣшаютъ теперь задачу о примѣненіи электрической тяги къ тяжелымъ поѣздамъ, ходящимъ на боль-

нія разстоянія. Электрическая однорельсовая подвѣсная дорога съ ея поѣздами, ходящими со скоростью свыше ста миль въ часъ (что уже было достигнуто въ Парижѣ), въ непродолжительномъ времени, несомнѣнно, сдѣлается обычнымъ явленіемъ.

Словомъ—одна изъ величайшихъ промышленностей двадцатаго вѣка нарождается въ жизнь на нашихъ глазахъ. И кто же заполучилъ это дѣло? Даже въ самой Англіи оно большею частью попало въ руки американцевъ.

Въ изготовленіи электрическихъ машинъ для цѣлей тяги американцы въ настоящее время, безспорно, занимаютъ первое мѣсто въ мірѣ.

Но настоящимъ Ватерлоо коммерціи является конкуренція изъ-за преобладанія въ желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности.

Десять лѣтъ тому назадъ Англія была далеко впереди всѣхъ другихъ странъ міра въ отношеніи этихъ производствъ. Если бы въ то время кто-нибудь отважился намекнуть, что въ недалекомъ будущемъ этимъ производствамъ придется считаться съ конкуренціей даже въ самой Англіи, то надъ нимъ посмѣялись бы, какъ надъ сумасшедшимъ. Америка съ каждымъ годомъ брала изъ Англіи все большія количества желѣза и стали; англійскія стальныя издѣлія расходились по всему міру и вездѣ ставились на первое мѣсто, совершенно не встрѣчая конкуренціи.

Въ 1884 г. Англія произвела почти вдвое больше чугуна, чѣмъ Соединенные Штаты. Къ 1890 г. Америка догнала Англію, а въ 1900 г. производство Соединенныхъ Штатовъ превысило производство Англіи въ полтора раза. Въ теченіе указанныхъ лѣтъ англійское производство увеличилось приблизительно на 23%, тогда какъ производство Америки возрасло почти на 300%.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Англія посылала въ Америку большія количества чугуна въ болванкахъ; но въ 1899 г. послала туда менѣе 20.000 тоннъ, тогда какъ Америка доставила въ Англію свыше 80.000 тоннъ. Въ теченіе 1900 г. ввозъ изъ Америки возросъ въ цѣнности на 60%—съ 219.000 до 350.000 фунт. стерлинговъ, и за четыре первые мѣсяца 1901 г. цѣнность этого ввоза достигла 80.000 фунт. стерл. противъ 47.000 фунт. стерл. за соотвѣтствующій періодъ 1900 г.

Возьмемъ другой и болѣе важный предметъ—необработанную сталь.

Въ теченіе двухъ лѣтъ стоимость американскаго ввоза въ Англію увеличилась болѣе, чѣмъ на 600%; приростъ же ввоза за четыре мѣсяца 1901 г сравнительно съ тѣмъ же періодомъ 1900 г. былъ просто невѣроятенъ. Съ января по апрѣль 1900 г. Америка доставила въ Англію необработанной стали нѣсколько менѣе 4.000 тоннъ стоимостью на 33 000 фунт. стерлинговъ, а въ теченіе тѣхъ же мѣсяцевъ 1901 г. ввозъ превысилъ 44.000 тоннъ и стоилъ 250.000 фунт. стерлинговъ. Итакъ, на протяженіи одного года ввозъ увеличился болѣе, чѣмъ на 1.000%.

Стоимость необработанной стали, однако, совершенно ничтожна въ сравненіи съ тою, какую пріобрѣтаетъ сталь при превращеніи ея въ издѣлія; но въ производствѣ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій Англія еще болѣе отстала отъ Америки, чѣмъ въ производствѣ сырого матеріала. Несмотря на то, что Англія

начала это дѣло на шестьдесятъ лѣтъ раньше Америки, послѣдняя въ настоящее время завладѣваетъ не только иностранными и колоніальными рынками‘ но даже и внутреннимъ рынкомъ Англіи.

Изъ только что изданнаго вашингтонскимъ статистическимъ бюро отчета о количествѣ американскихъ желѣзныхъ издѣлій, ввезенныхъ въ 1900 г. въ Англію, явствуетъ, что среди статей ввоза были таковы: локомотивовъ—84; другихъ паровыхъ машинъ—128; проволоки—13.847 тоннъ; вагонныхъ колесъ—5.735; электрическихъ машинъ—на 313.000 фунт. стерл.; котловъ и других частей машинъ—на 20.000 фунт. стерл.; трубъ и приспособленій для нихъ—на 178.000 фунт. стерл.; помпъ и помповыхъ машинъ—на 159.000 фунт. стерл. и проч.

Слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ эти американскія издѣлія появились на англійскомъ рынкѣ лишь въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ.

Возьмемъ еще жестяное производство, нѣкогда процвѣтавшее въ южной части Уэльса. Въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ эта промышленность изъ гигантской спустилась на положеніе падающей и почти замирающей. Еще десять лѣтъ тому назадъ американскіе рынки цѣликомъ принадлежали ей и, повидимому, были прочно обезпечены, вслѣдствіе отсутствія мѣстнаго производства. Въ 1890 г. Англія вывезла въ Америку жести 330.000 тоннъ. Но вотъ американцы взялись за эту промышленность. Тарифъ Макъ-Кинлея доставилъ имъ благопріятный случай, которымъ они и не замедлили воспользоваться. Были сооружены громадные заводы, снабженные всѣми новѣйшими приспособленіями и много денегъ и ума было вложено въ это дѣло. Въ 1892 г. Америка выработала уже 18.000 тоннъ жести. Съ каждымъ годомъ американскіе заводы увеличивали свое производство, достигшее въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ въ среднемъ 331.000 тоннъ въ годъ. Тѣмъ временемъ англійскій вывозъ жести въ Америку спустился до 60.000 тоннъ. Въ настоящее время не только англійская вывозная торговля жестью въ сущности превратилась, но въ одинъ мѣсяцъ 1901 г. въ Кардифѣ, въ этой главной квартирѣ англійской жестяной промышленности, было выгружено 20.000 американской жести.

Еще болѣе характерна конкуренція американцевъ въ сооруженіи мостовъ. Десять лѣтъ тому назадъ Англія была впереди всѣхъ въ этомъ производствѣ; теперь же она на второмъ мѣстѣ, причемъ сильно отстала отъ Америки. У американцевъ такъ разработано, упрощено и налажено это дѣло, что сборка частей самаго большого моста подобна сборкѣ частей часового механизма. Вслѣдствіе этого, американскіе мосты въ настоящее время дешевле, проще, лучше составлены и могутъ быть сооружены гораздо скорѣе, чѣмъ любые мосты, изготовляемые въ Англіи.

Въ первый разъ это обнаружилось, когда шли переговоры о постройкѣ моста въ Атбарѣ вѣсомъ въ 622 тонны. Англійскіе производители просили 15 гиней съ тонны и 26 недѣль сроку; американцы же брались выполнить работу въ 14 недѣль и за 10 фунт. стерл. 13 шил. 6 пенсовъ съ тонны.

По отношенію Гокшейскаго моста въ Бирмѣ разница оказалась еще болѣе значительной. Это сооруженіе было гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ преды-

дущее, а именно—въ 4.332 тонны. Американцы просили 15 фунт. стерлинговъ съ тонны и одинъ годъ сроку; англичане же желали получить 26 фунт. стерл. 10 шил. съ тонны и три года сроку. Мостовыя сооруженія въ Угандѣ въ 7.000 тоннъ американцы брались соорудить въ 42 недѣли по 18 фунт. стерл. съ тонны, а англичане просили 130 недѣль и 21 ф. ст. 12 шил. 6 пенсовъ съ тонны.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ работа была передана американцамъ.

Если бы американское промышленное нашествіе ограничивалось одной только Англіей, то это еще не имѣло бы такого серьезнаго значенія для англійскихъ производителей; но американцы втискиваютъ свои товары всюду, гдѣ продаются англійскіе товары, и особенно въ англійскія колоніи.

Весьма интересна слѣдующая выдержка изъ отчета консульскаго агента Соединенныхъ Штатовъ въ Эйбенстокѣ за 1900 г.:

«Для американскаго производителя желѣза и стали британская имперія представляетъ большой интересъ въ качествѣ рынка. Его вывозъ въ Англію можетъ быть сравнительно малъ, но вывозъ въ ея колоніи возрастаетъ скачками. Въ будущемъ на эти колонія можно возлагать большія надежды, чѣмъ на какія-нибудь другія страны. Наши строители мостовъ имѣютъ много дѣла въ Индіи и Египтѣ. Наши стальные рельсы, машины и гальванизированная проволока хорошо идутъ въ Южной Африкѣ. Британская устойчивость и предпріятія въ этихъ странахъ подразумѣваютъ увеличеніе благопріятныхъ случаевъ и рынковъ для нашихъ производителей. Сердечныя отношенія съ Великобританіей сослужатъ намъ большую службу. У насъ имѣются тысячи простыхъ и искусныхъ работниковъ, существованіе которыхъ зависитъ отъ сбыта нашего перепроизводства. Англія является лучшимъ покупателемъ нашихъ пищевыхъ продуктовъ, а ея колоніи представляютъ собою величайшій рынокъ для издѣлій нашей промышленности».

Южная Африка можетъ служить типичнымъ примѣромъ американскихъ пріемовъ завоеванія рынка.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ, озабоченное незначительностью американской торговли въ южно-африканскихъ колоніяхъ, рѣшило недавно заняться этимъ дѣломъ. Туда были отправлены способные консульскіе агенты, которые разузнали имена солидныхъ комиссіонеровъ, надежныхъ торговыхъ фирмъ и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ занялись систематическимъ изученіемъ спроса Южной Африки. Всѣ эти свѣдѣнія были широко распространены по Соединеннымъ Штатамъ правительствомъ, которое, не ограничиваясь этимъ, вызывало къ дѣятельности частныя предпріятія и путемъ прямого поощренія.

Трансваальская война задержала проявленіе полнаго результата этой работы, но лишь на время. Когда наступитъ миръ, янки будутъ на мѣстѣ, всесторонне вооруженные и готовые выполнять свое дѣло. Даже теперь американскіе капиталисты, не спѣша, скупаютъ черезъ своихъ агентовъ разные товары для южно-африканскаго рынка, желая быть наготовѣ.

Но самый яркій примѣръ непреодолимости американскаго нашествія представляетъ Канада.

Правительство Канады, воодушевляемое патріотическими чувствами, желало развить торговлю съ Англіей вмѣсто Соединенныхъ Штатовъ. Съ этой цѣлью былъ изобрѣтенъ особый тарифъ, предоставляющій ввозимымъ изъ Англіи товарамъ скидку въ 23% сравнительно съ товарами, ввозимыми изъ Соединенныхъ Штатовъ. Когда этого оказалось недостаточно, скидка была увеличена. Такимъ образомъ англійскому производителю была предоставлена премія за ввозимые имъ въ Канаду товары.

Несмотря, однако, на такую льготу, англичане оказались не въ состояніи отстоять свое мѣсто въ Канадѣ и американскій ввозъ въ эту страну растетъ съ каждымъ годомъ, причемъ ежегодное увеличеніе его приблизительно въ три раза превышаетъ приростъ англійскаго ввоза.

Въ отношеніи къ ея населенію Канада является въ настоящее время самымъ лучшимъ потребителемъ произведеній промышленности Соединенныхъ Штатовъ. Въ теченіе 1900 г., напримѣръ, Канада купила на 12.600.000 фунтовъ стерлинговъ издѣлій американской промышленности, а англійскихъ произведеній лишь на 7.800.000 фунт. стерлинговъ.

Итакъ, англійскіе производители даже при пользованіи такимъ крупнымъ преимуществомъ, какъ уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ на цѣлую треть, оказались не въ состояніи конкурировать съ американцами.

Перейдемъ къ Австраліи и Новой Зеландіи.

Нѣкогда эти страны обращались за земледѣльческими машинами въ Англію, но это прекратилось уже много лѣтъ тому назадъ. Эти колоніи нашли, что американскія земледѣльческія машины болѣе производительны, чѣмъ англійскія, и что въ Америкѣ дѣлаютъ такія усовершенствованія въ жнеяхъ-сноповязалкахъ, о которыхъ въ Англіи никогда и не мечтали. Такимъ образомъ англійскія земледѣльческія машины совершенно вышли здѣсь изъ употребленія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ новозеландскій старожилъ, министръ колоніи, пріѣхавъ въ Англію, не могъ скрыть своего изумленія относительно положенія въ ней земледѣлія. Онъ покинулъ Шотландію, будучи еще мальчикомъ, и съ тѣхъ поръ видѣлъ передъ собой въ Новой Зеландіи весь ходъ усовершенствованій въ земледѣліи.

«Во время этого посѣщенія Англіи,—сказалъ онъ,—я изъѣздилъ страну отъ сѣвера Шотландіи вплоть до Кента и нашелъ, что фермеры, повидимому, не двинулись впередъ ни на одинъ шагъ съ того времени, когда я выѣхалъ изъ Шотландіи еще мальчикомъ. Они совсѣмъ и не знаютъ, что такое земледѣльческія машины, такъ какъ вы не дѣлаете ихъ здѣсь. Вы стоите на одномъ мѣстѣ и еще жалуетесь, что земледѣліе не окупается».

Въ результатѣ мы находимъ, что въ то время, какъ ввозъ въ Новую Зеландію изъ Соединеннаго Королевства поднялся въ теченіе четырехъ лѣтъ лишь на 18%, ввозъ изъ Америки увеличился за тотъ же періодъ болѣе, чѣмъ на 60%.

Англія все еще далеко впереди здѣсь, но при такой разницѣ въ возрастаніи ввоза англичанамъ скоро придется позаботиться о сохраненіи своего положенія.

Здѣшніе рынки вполнѣ естественно желаютъ получать за свои деньги наи-

лучшія издѣлія, и вотъ недавно крупные заказы на рельсы и локомотивы были посланы отсюда въ Америку.

За 1898—1899 годъ, послѣдній финансовый годъ, относительно котораго опубликованы свѣдѣнія, ввозъ изъ Англіи въ Викторію понизился на 3%; ввозъ же изъ Соединенныхъ Штатовъ возросъ почти на 55%.

Въ другихъ частяхъ Австраліи дѣла еще не такъ плохи. Англія все еще удерживаетъ за собой большую часть торговли, и существующія здѣсь довольно сильныя имперіалистскія чувства побуждаютъ покупателей отдавать предпочтеніе англійскимъ товарамъ. Однако и здѣсь цѣнность ввоза изъ Америки растетъ внѣ всякаго сравненія съ цѣнностью ввоза изъ Англіи.

Что касается причинъ успѣха американцевъ, то, по мнѣнію автора излагаемаго труда, главныя изъ нихъ таковы.

Прежде всего, англійскій капиталъ сдѣлался слишкомъ неподвиженъ и британскій капиталистъ предпочитаетъ помѣщать свои деньги въ установившіяся предпріятія, ведомыя на старыхъ основаніяхъ. Если человѣкъ выступаетъ съ чѣмъ-нибудь совершенно новымъ или съ чѣмъ-нибудь такимъ, что не имѣетъ за собой обширнаго опыта, то англійскія финансовыя фирмы и англійскіе банки обыкновенно отказываются поддержать это предпріятіе.

Тотъ же консерватизмъ, вопреки всѣмъ недавнимъ предостереженіямъ, наблюдается и въ пріемахъ производства англійскихъ предпринимателей. Даже крупныя фирмы, пользующіяся славой наиболѣе передовыхъ, зачастую отказываются даже разсматривать новыя улучшенія.

Американцы полагаютъ, что если вещь новая, то весьма возможно, что она лучше старой, а англійскіе предприниматели, наоборотъ, къ каждой новой вещи относятся съ крайнимъ недовѣріемъ. Въ Америкѣ работника поощряютъ дѣлать замѣчанія относительно возможныхъ улучшеній производства; въ Англіи же работнику, который бы сдѣлалъ замѣчаніе, въ девяти случаяхъ изъ десяти отвѣтили бы грубостью.

Американскій дѣловой человѣкъ работаетъ въ среднемъ гораздо больше и напряженнѣе, чѣмъ его англійскій конкурентъ. Въ Англіи, когда человѣкъ составитъ себѣ приличное состояніе, онъ обыкновенно успокаивается и отдыхаетъ; въ Америкѣ же, наоборотъ, чѣмъ выше человѣкъ поднимается, тѣмъ больше онъ работаетъ. Глава англійскаго предпріятія считаетъ, что онъ дѣлаетъ хорошо, если является въ контору къ десяти часамъ утра, а американецъ уже въ восемь часовъ утра сидитъ за своей конторкой.

Какъ иногда американцы работаютъ—объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ американскій дѣловой человѣкъ, имѣющій свое дѣло и въ Лондонѣ, пріѣхалъ въ Англію. Прибывъ въ Соутгемптонъ утромъ, онъ тотчасъ же отправился на поѣздѣ въ Лондонъ, гдѣ весь этотъ день усердно проработалъ въ своей конторѣ, а вечеромъ поѣхалъ въ Ливерпуль, гдѣ захватилъ пароходъ, отходившій въ Нью-Іоркъ, и отправился обратно въ Америку.

Въ успѣхѣ американской конкуренціи большую роль играетъ также стоимость провоза товаровъ.

Въ Америкѣ плата за провозъ товаровъ по желѣзной дорогѣ составляетъ лишь часть того, что взимается на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Затѣмъ, несмотря на то, что коммерческій флотъ находится, главнымъ образомъ, въ англійскихъ рукахъ, фрахты изъ Англіи и между ея портами чрезвычайно высоки. Провозъ товаровъ изъ Америки въ Англію обходится не дороже, чѣмъ провозъ отъ Кардифа въ Лондонъ водою или поперекъ Англіи — по желѣзной дорогѣ. Одинъ американскій импортеръ сообщилъ автору, что провозъ товаровъ отъ Бостона къ устью Темзы стоитъ ему менѣе, чѣмъ отъ устья Темзы до Лондона.

Американцы заводятъ новые торговые флоты большой быстроты, покупаютъ нѣкоторыя изъ старинныхъ англійскихъ линій торговаго судоходства и въ настоящее время ихъ вывозная торговля, производившаяся прежде черезъ Англію, куда направлялись всѣ ихъ товары и откуда они развозились по другимъ странамъ, все болѣе и болѣе производится непосредственно, минуя Англію.

Еще бо̀льшую роль въ успѣхѣ американцевъ играетъ образованіе, которое поставлено у нихъ несравненно лучше, чѣмъ въ Англіи. Въ общемъ американскій работникъ гораздо лучше образованъ, чѣмъ его англійскій конкурентъ. Въ Англіи задача начальнаго образованія, повидимому, заключается въ прохожденіи возможно бо̀льшаго количества предметовъ, и начальныя школы обыкновенно цѣнятся въ зависимости отъ числа предметовъ, обозначенныхъ въ ихъ росписаніи уроковъ: въ Америкѣ же начальное образованіе стремится скорѣе къ развитію умственныхъ способностей ученика, чѣмъ къ поверхностному прохожденію множества предметовъ. Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ также вліяетъ не только въ нравственномъ отношеніи, но и на умственное развитіе народа. Затѣмъ, всѣ промышленные округа сѣвера, востока и запада покрыты великолѣпными техническими школами; въ Англіи же не имѣютъ даже и понятія о томъ, что̀ такое то техническое образованіе, которое такъ широко ведется въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ конкуренціи Америки съ Англіей имѣетъ громадное значеніе еще то обстоятельство, что въ Америкѣ машины работаютъ до высшаго предѣла ихъ производительности; въ Англіи же, въ случаѣ введенія новой машины, рабочій союзъ обыкновенно устанавливаетъ наибольшее количество работы, которое эта машина можетъ производить. Если это не дѣлается открыто, то дѣлается тайно.

Президентъ американскаго стальнаго трѣста, Швабъ, считаетъ это ограниченіе производительности въ Англіи основной причиной пониженія промышленнаго преуспѣянія. Давая нѣсколько недѣль тому назадъ показаніе передъ промышленной коммиссіей Соединенныхъ Штатовъ, онъ сказалъ:

«Во время недавняго визита въ Англію я сказалъ томошнимъ производителямъ стали и желѣза, что они никогда не будутъ въ состояніи конкурировать съ Соединенными Штатами вслѣдствіе неразумныхъ правилъ, установленныхъ ихъ рабочими союзами. Въ Англіи нѣкоторымъ машинамъ позволяютъ производить лишь треть того, сколько онѣ производятъ въ Соединенныхъ Штатахъ, вслѣдствіе чего издержки производства значительно увеличиваются»

До стачки инженеровъ на англійскихъ фабрикахъ и заводахъ господствовало правило, что на каждаго человѣка должна приходится лишь одна машина. При современныхъ автоматическихъ машинахъ это означало просто то, что работникъ ничего не дѣлалъ въ теченіе большей части дня. Возьмите, напримѣръ, автоматическія винторѣзныя машины. Здѣсь трудъ человѣка состоитъ лишь въ вставленіи стальныхъ болтовъ для нарѣзки, въ выниманіи нарѣзанныхъ винтовъ, въ сметаніи стружекъ и въ общемъ присмотрѣ за машиной. Въ Америкѣ работникъ завѣдуетъ шестью или восемью такими машинами; въ Англіи же до недавняго времени работнику разрѣшалось наблюдать лишь за одной машиной. И хотя англійскій работникъ получаетъ лишь половину того, сколько получаетъ американскій, однако, въ виду указанной разницы въ работѣ, трудъ въ Англіи все-таки обходился въ три или четыре раза дороже, чѣмъ въ Америкѣ.

Со времени стачки инженеровъ упомянутое правило о завѣдываніи работникомъ лишь одной машиной было упразднено, но стремленіе работниковъ тормозить производительность труда сохранилось. И вотъ человѣкъ съ тѣми же самыми инструментами производитъ въ Англіи меньше, чѣмъ въ Америкѣ. Въ Америкѣ, напримѣръ, изготовленіе локомотива требуетъ годичнаго труда шести или семи человѣкъ, а въ Англіи на это требуется годичный трудъ пятнадцати человѣкъ.

Не трудно понять причину, побуждающую англійскаго работника желать низкой производительности труда. Онъ знаетъ, что введеніе сберегающихъ трудъ машинъ подразумѣваетъ увольненіе части работниковъ. Въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ существуетъ большой спросъ на трудъ и гдѣ человѣкъ можетъ взяться почти за любое занятіе, указанное обстоятельство не имѣетъ для работника особаго значенія, но не то въ Англіи, гдѣ оставшемуся безъ работы, положимъ, наборщику не позволятъ приняться за ремесло каменьщика или маляра.

«Мы должны сдѣлать трудъ эластичнымъ, если хотимъ, чтобы работники привѣтствовали введеніе сберегающихъ трудъ машинъ», говоритъ авторъ, намекая на устанавливаемыя рабочими союзами ограниченія и совершенно просматривая связь между отмѣчаемыми имъ ненормальными явленіями и лендлордизмомъ, закрывающимъ труду доступъ къ землѣ.

Д. Мрт—ъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Чума, ея причины и лѣченіе.

П. Л. Симонда, доктора при институтѣ Пастера.

(Переводъ съ французскаго. Н. Л.).

Чума была извѣстна еще въ древности, о ней упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ. Въ нѣкоторыхъ главахъ книгъ Самуила и Царствъ есть описаніе эпидемій, свирѣпствовавшихъ около 1.100 лѣтъ до христіанской эры у воевавшихъ между собою въ это время филистимлянъ и израильтянъ. Упоминаніе объ опухоляхъ на тѣлѣ и большой смертности не допускаютъ никакого сомнѣнія о свойствѣ болѣзни; тѣмъ болѣе, что въ этихъ книгахъ существуетъ намекъ на крысъ, которыя почти всегда являются первыми жертвами чумной эпидеміи. Если бы уже тогда не было извѣстно, что крысы играютъ роль въ распространеніи чумы, нельзя было бы объяснить, почему въ библейскомъ разсказѣ священники предлагали божеству для умилостивленія золотыя изображенія крысъ и таковыя же изображенія характерныхъ опухолей болѣзни.

Въ VI в. до Р. Х. чумная эпидемія, занесенная изъ Египта, опустошила Аѳины. Ѳукидидъ, указывающій на нее, не говоритъ о чумныхъ желвакахъ, но извѣстно, что эта болѣзнь не всегда и сопровождается этимъ симптомомъ. Наоборотъ Діоскоридъ и Посидоній упоминаютъ о желвакахъ, какъ симптомахъ эпидемій, наблюдавшихся ими въ Египтѣ, Ливіи и Сиріи въ III и II вѣкѣ до Р. Х. Руфъ Эфесскій, писавшій объ этихъ эпидеміяхъ за 100 лѣтъ до Р. Х. и цитирующій этихъ авторовъ, даетъ описаніе болѣзни, которое не допускаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это чума.

Мы знаемъ, что въ Галліи чума появилась въ первый разъ въ 166 г. въ царствованіе Марка Аврелія. Очень вѣроятно, но не абсолютно достовѣрно, что болѣзнь, о которой идетъ рѣчь, какъ и аѳинская эпидемія, была дѣйствительно чумнаго свойства. Въ VI вѣкѣ чума производитъ снова жестокія опустошенія, подробныя описанія которыхъ оставлены намъ многими историками. Такъ, извѣстно, что чума пришла къ намъ съ востока черезъ Турцію и Италію въ 545 г., потомъ въ 583 г. Турскій епископъ Григорій оставилъ ужасающую картину этихъ опустошеній въ центрѣ Франціи.

Съ этой эпохи не проходитъ ни одного столѣтія, которое бы не ознамено-

валось чумными эпидеміями въ различныхъ пунктахъ Европы. Мы укажемъ только на самыя большія, не имѣя возможности описать ихъ всѣ.

Въ XIV вѣкѣ была самая ужасная эпидемія, извѣстная подъ именемъ «черной чумы». Получила она начало въ Китаѣ, откуда перешла въ Индію, Персію и Крымъ. Въ 1347 г. татары завоевали Крымъ и осадили портъ Каффа, куда укрылись торговавшіе на полуостровѣ и бѣжавшіе отъ завоевателя всѣ христіанскіе негоціанты, главнымъ образомъ итальянцы. Во время осады чума, среди татаръ приняла такіе размѣры, что жертвы насчитывались тысячами. Отчаяніе удвоило ненависть къ осажденнымъ и татары рѣшили привить послѣднимъ болѣзнь, которая бы ихъ уничтожила. Для этого они съ помощью военныхъ снарядовъ перебрасывали черезъ валы трупы чумныхъ. Сознавая опасность, осажденные бросали поспѣшно трупы въ море,—предосторожность погубившая ихъ, такъ какъ они вынуждены были прикасаться къ тѣламъ въ то время, какъ относили ихъ къ берегу. Черезъ нѣкоторое время болѣзнь распространилась и среди нихъ.

Застигнутые двойной опасностью христіанскіе купцы избрали единственный путь къ спасенію—бѣгство. Осажденные со стороны земли, они имѣли свободное море и корабли въ портѣ; они сѣли на суда и поѣхали въ свои страны. Къ несчастью, съ собой они занесли чуму и распространили ее во всѣхъ гаваняхъ, въ которыхъ останавливались: въ Константинополѣ, Мессинѣ, Генуѣ, Венеціи. Три зачумленныхъ корабля занесли чуму въ Геную въ январѣ 1348 г. Генуэзцы, когда узнали, какого рода занесенная къ нимъ эпидемія, прогнали несчастные корабли изъ своихъ портовъ. Мѣра—совершенно безполезная, такъ какъ зло было уже сдѣлано, и только ускорившая распространеніе чумы. Одинъ изъ трехъ кораблей укрылся въ Марселѣ и занесъ туда заразу; въ одинъ мѣсяцъ тамъ погибло 57.000 жителей. Послѣ Марселя Авиньонъ, потомъ вся Франція и одновременно почти всѣ европейскія страны были опустошены чумой. Можно сказать, что тогда погибла четверть населенія Европы, такъ какъ 25.000.000 погибшихъ жителей приходилось на 105.000.000 всего населенія. Папа Климентъ VII считалъ число жертвъ черной чумы до 40.000.000 во всѣхъ извѣстныхъ ему сгранахъ Азіи, Афики и Европы.

Мы встрѣчаемся съ чумой во Франціи вѣкъ спустя, въ 1457 г., потомъ въ 1553 г., затѣмъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, когда она свирѣпствовала въ особенности сильно въ бассейнѣ Роны, въ Ліонѣ и т. д.

Въ 1720 г. чума, свирѣпствовавшая въ Египтѣ, была занесена изъ Портъ-Саида въ Марсель судномъ «Св. Антоній». Благодаря ложному показанію, это судно, на которомъ во время слѣдованія было два доказанныхъ случая чумы, стояло на якорѣ въ Марсельскомъ портѣ 23 мая 1720 г. На другой день на немъ погибъ матросъ отъ болѣзни, признанной чумою, и тотчасъ же санитарныя власти отправили его въ карантинъ на одинъ изъ островов рейда. Эта мѣра оказалась недостаточной: рабочій, работавшій при разгрузкѣ, затѣмъ врачъ, позванный его лѣчить, умерли одинъ за другимъ и черезъ нѣсколько недѣль чума обнаружилась въ городѣ. Она свирѣпствовала два года и имѣла 80.000 жертвъ.

Эта чума, распространившаяся изъ Марселя во многихъ другихъ городахъ, была послѣднею большою эпидеміей, наблюдавшейся во Франціи. Въ XVIII вѣкѣ идея о заразительности сдѣлала нѣкоторый прогрессъ и начала разрушать религіозныя суевѣрія, до тѣхъ поръ приписывавшія чуму гнѣву небесному или дьявольскому. Начали примѣнять предохранительныя мѣры и былъ установленъ серьезный надзоръ въ портахъ. Съ 1726 г. чума покидаетъ Европу, продолжая свои опустошенія въ другихъ краяхъ—въ Азіи и на берегу Африки.

Въ теченіе XIX вѣка наблюдались рѣдкія мѣстныя эпидеміи, но чума ужасно свирѣпствовала въ Марроко, Алжирѣ, Тунисѣ, Триполи, Египтѣ. Въ Азіи она опустошила Аравію, Персію, Афганистанъ, Туркестанъ, въ особенности же Индостанъ и Китай. Но эти эпидеміи совсѣмъ не доходили до Западной Европы; такимъ образомъ, поколѣнія, жившія во Франціи впродолженіи полутора вѣка, начали смотрѣть на чуму, какъ на бичъ, исчезнувшій съ земного шара, почти какъ на баснословную легенду. Въ 1894 г. съ изумленіемъ узнали о существованіи на одномъ изъ острововъ Китая, преобразовыванномъ англичанами въ чудесный портъ, чумной эпидеміи, насчитывавшей ежедневно тысячи жертвъ.

Въ 1881 г. одинъ изъ французскихъ консуловъ въ Китаѣ открылъ дѣятельный разсадникъ чумы въ Юннамѣ, провинціи пограничной съ французской колоніей Тонкинъ. Изъ этого главнаго центра болѣзнь распространялась въ эпохи, которыя трудно съ точностью опредѣлить, въ различныхъ направленіяхъ; въ особенности свирѣпствовала она въ округѣ Long-Tchéon, гдѣ мы ее наблюдали во время эпидеміи 1893 г. Изъ города Quang-Si перешла она, слѣдуя по торговому пути, въ Пакой и Кантонъ. Изъ Кантона, опустошеннаго ею въ началѣ 1894 г., быстро достигла Гонконга и приняла размѣры серьезной эпидеміи.

Со времени появленія ея въ Гонконгѣ, въ мѣстѣ стоянки всѣхъ судовъ, заходящихъ въ порты Японіи, Китая, Филиппинъ, чума начала угрожать всему міру и эта угроза не была напрасной.

Перешедши съ китайскаго берега къ сѣверу и достигнувъ Формозы, чума въ 1896 г. появилась въ Бомбеѣ. Извѣстно, какіе размѣры приняла она въ этомъ городѣ и въ Индіи, многочисленные порты которой, въ свою очередь, сдѣлались разсадниками новыхъ заболѣваній. Съ 1896 г. по 1900 г. чума появлялась почти во всѣхъ странахъ, имѣвшихъ прямое сношеніе съ Индіей и Китаемъ, на Филиппинахъ, въ Японіи, на Мадагаскарѣ, островѣ Маврикія, въ Австраліи, Новой Каледоніи, Аравіи, на восточномъ и сѣверномъ берегахъ Африки. Въ Новомъ свѣтѣ въ первый разъ появилась она въ Буэносъ—Айресѣ и Ріи-де Жанейро. Наконецъ, особенно возбудила она опасенія въ Европѣ своимъ появленіемъ въ Опорто въ 1899 г., въ Глазго въ 1900 г. и въ Капштадтѣ къ открытію XX вѣка. Теперь можно успокоиться относительно Опорто и Глазго. Мы не знаемъ, какой сюрпризъ готовитъ намъ развивающаяся серьезно эпидемія въ Капштадтѣ, опасность распространенія которой возросла съ несчастной войной, удесятерившей въ это самое время сообщеніе между Европой и конечной точкой Африки.

Вотъ изложенная вкратцѣ исторія чумы. Передъ тѣмъ какъ говорить о ея причинахъ, мы попробуемъ нарисовать картину болѣзни въ ея двухъ видахъ, именно въ формѣ бубонной и пнеймонической.

Человѣкъ, заболѣвшій бубонной чумой, чувствуетъ прежде всего сильную боль въ области одной или даже нѣсколькихъ лимфатическихъ шишекъ, появляющихся, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ кожей, въ паху, подъ мышками, чаще всего на шеѣ. Зараженная шишка увеличивается и въ нѣсколько часовъ обращается въ бубонъ, образующій подъ разгоряченной и больной кожей выпуклость величиною отъ орѣха до яйца. Это—*бубонная чума*. Почти въ то же самое время начинается лихорадка иногда вдругъ, иногда усиливаясь постепенно и быстро достигая высокой степени; она сопровождается сначала слабостью, заставляющею больного лечь въ постель, тоской, возбужденіемъ; черезъ нѣсколько часовъ больной дѣлается тупымъ, перестаетъ говорить, морщитъ брови, отвѣчаетъ съ скучающимъ видомъ неувѣренною и невнятною рѣчью, какъ пьяный человѣкъ. Иногда наступаетъ полное оцѣпенѣніе, переходящее въ глубокую спячку, иногда вмѣсто оцѣпенѣнія бредъ. Теченіе болѣзни продолжается съ кратковременными пониженіями температуры, впродолженіи которыхъ больной обыкновенно пріобрѣтаетъ ясность мысли и рѣчи, чтобы снова впасть въ новый періодъ изнеможенія. Больной бубонной чумой производитъ впечатлѣніе больного очень сильной тифозной горячкой только съ однимъ характернымъ отличіемъ: бубономъ. Смерть наступаетъ, смотря по степени болѣзни, рѣдко ранѣе, чѣмъ на второй, и позже, чѣмъ на седьмой день, обыкновенно же на четвертый день. Въ нѣкоторыхъ случахъ бубонная чума излѣчивается. Во время продолжительнаго лѣченія бубонъ гноится и, если за нимъ не ухаживать, образуетъ глубокую язву. Въ періодъ выздоровленія могутъ также показаться чумные нарывы, имѣющіе свойство гноиться. Къ этимъ симптомамъ, мы должны прибавить скороспѣлый водянистый пузырекъ и карбункулъ. Водянистый пузырекъ, это—маленькая ранка, которая, когда она существуетъ, предшествуетъ бубону и является начальнымъ симптомомъ чумы. Пузырекъ этотъ образуется изъ болѣзненной точки, немного воспаленной, похожей на укусъ блохи или клопа. Кожица въ этомъ мѣстѣ приподнимается, образуется водянистый пузырекъ, очень скоро сопровождаемый бубономъ, всегда появляющимся въ соотвѣтственной лимфатической области. Въ началѣ чечевицо-образный пузырекъ увеличивается иногда до объема орѣха. Иногда вокругъ него дѣлается воспаленіе, быстро переходящее въ гангренозное и такимъ образомъ образуется карбункулъ. Существуетъ мнѣніе, что вслѣдствіе частаго повторенія карбункула эпидемія XIV столѣтія получила названіе черной чумы.

Чума не всегда обнаруживается въ только что описанной формѣ; она можетъ не сопровождаться самымъ типичнымъ симптомомъ: бубономъ. Въ этомъ случаѣ она обыкновенно характеризуется сильнымъ легочнымъ воспаленіемъ, пнеймоніей или бронхо-пнеймоніей, видимые признаки которыхъ—затрудненное дыханіе и отхаркиваніе кровью. Въ этой *легочной* формѣ лихорадка начинается сильнымъ ознобомъ, достигаетъ высокой степени и не получаетъ никакого облегченія до смерти, наступающей обыкновенно на третій день. Выздоровленіе въ этой формѣ—исключеніе.

Изъ этого описанія, относящагося къ сильнымъ случаямъ, видно, что видъ

зачумленнаго не ужаснѣе вида больныхъ оспой, тифомъ или воспаленіемъ легкихъ. Почему же чума всегда считалась самой ужасной изъ болѣзней? Почему же еще теперь поражаетъ она воображеніе и вызываетъ отчаяніе, какъ ни одно другое общественное бѣдствіе?

Наблюденіе надъ недавними эпидеміями въ Индіи позволяетъ намъ отвѣтить на эти вопросы. Ни одна изъ эпидемій не появляется такъ неожиданно, какъ чума, и не распространяется такъ своевольно, порождая сознаніе, что никакія предосторожности не помогутъ. Болѣзнь перелетная, появляющаяся черезъ большіе промежутки времени, она поражаетъ поколѣнія, которыя, если и знакомы съ ней, то только по легендарнымъ разсказамъ. Послѣ инкубаціоннаго періода, продолжающагося нѣсколько недѣль, она вдругъ появляется въ различныхъ кварталахъ города. Слово «чума» произнесено, ужасъ и страхъ овладѣваютъ умами, распространяется паника, и обезумѣвшіе жители разбѣгаются. Вовсе не видъ больныхъ порождаетъ страхъ къ эпидеміи, даже не большая смертность, но исключительно безпорядокъ среди населенія, нищета, происходящая отъ застоя общественной жизни и отъ бѣгства жителей, безпомощное состояніе покинутыхъ больныхъ и иногда оставленные трупы.

Если же, наоборотъ, мѣры приняты съ самаго начала и чума сталкивается съ достаточно солидной административной организаціей, то тогда не наблюдается уже такихъ картинъ ужаса, нищеты и отчаянія, которыя изображаютъ намъ историки чумныхъ эпидемій въ средніе вѣка.

Причина чумы была неизвѣстна до 1894 г. *Пастеръ* въ 1879 г., въ засѣданіи медицинской академіи высказалъ мысль, что болѣзнь эта происходитъ отъ микроба; онъ даже точно указалъ, какъ должны производиться изслѣдованія, чтобы обнаружить этого микроба, но это указаніе было выполнено только спустя 15 лѣтъ однимъ изъ его учениковъ, врачомъ колоній *Іерсеномъ*.

Докторъ Іерсенъ въ іюлѣ 1894 г. отправился въ Гонконгъ для изученія чумы; онъ встрѣтился тамъ съ японской миссіей *Китазато*, прибывшей туда съ тою же цѣлью. Эти два ученые, работавшіе отдѣльно, открыли, независимо другъ отъ друга, бациллу въ мокротѣ и гноѣ больныхъ; но только одному Іерсену удалось выдѣлить бациллу и доказать, что дѣйствительно она — причина болѣзни. Съ тѣхъ поръ вездѣ было подтверждено его открытіе; данное имъ описаніе чумнаго микроба такъ полно и точно, что послѣдующія изслѣдованія не могли ничего къ нему ни прибавить, ни убавить.

Китазато выдѣлилъ также микробъ, но совершенно другой, чѣмъ микробъ Іерсена и, какъ теперь доказано, не имѣющій ничего общаго съ чумой.

Микробъ Іерсена относится къ классу короткихъ бациллъ съ закругленными концами, которыя бактеріологи называютъ кокко-бациллами, потому что они составляютъ переходъ между coccus или микробами въ видѣ шара и бациллами или микробами въ видѣ палочекъ. Форма этого микроба яйцеобразна, но нѣсколько удлиненная, измѣряющаяся обыкновенно двумятысячными миллиметра; микробъ чумы легко окрашивается анилиновыми красками—необходимое условіе, чтобы сдѣлать видимыми нѣкоторыя изъ его свойствъ. Самый типичный признакъ, въ особенности замѣтный, когда микробъ добытъ изъ гноя, а не изъ

культуры, это тотъ, что оконечности овоида сильно окрашены, между тѣмъ какъ центръ остается чистымъ и безцвѣтнымъ. Если помѣстить на обыкновенномъ желатинѣ бактеріологовъ каплю крови, взятую изъ свѣжаго чумного бубона, то черезъ 12—24 часа появятся маленькія кругленькія пластинки, опаловидныя, радужныя, обыкновенно очень многочисленныя и сжатыя, принадлежащія также къ роду чумныхъ. Если обсѣмененіе сдѣлано въ бульонѣ, то на стѣнкахъ и днѣ трубки образуются маленькіе свертки, бульонъ же остается чистымъ. Подъ микроскопомъ видно, что бациллы, полученные на желатинѣ, остаются изолированными, между тѣмъ какъ разведенныя въ бульонѣ соединяются на концахъ въ маленькія группы, образующія каждая цѣпочку или вѣрнѣе чётки. Полученный такимъ образомъ микробъ сохраняется долго въ трубкахъ, если существуютъ подходящія условія (темнота, сырость и соотвѣтственная температура), но если его подвергнуть солнечному свѣту при температурѣ 60° и просушиванію, онъ быстро умираетъ.

Если взять на кончикъ иглы одну частицу изъ этой культуры въ бульонѣ или на желатинѣ и этой иглой уколоть кожу животнаго предрасположеннаго къ чумѣ, напр., обезьяну, то черезъ нѣсколько времени у животнаго обнаружатся всѣ симптомы чумы: бубонъ у основанія уколотаго члена, лихорадка, упадокъ силъ; въ большинствѣ случаевъ смерть наступаетъ черезъ нѣсколько дней. Въ бубонѣ и органахъ этого животнаго найдется тотъ же микробъ, который Іерсенъ выдѣлилилъ изъ чумныхъ бубоновъ людей, и этотъ микробъ обнаружитъ такую же ядовитость, если его привить къ другимъ животнымъ.

Послѣ прививки болѣзнь развивается слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько микробовъ, занесенныхъ подъ кожу иголкой, встрѣчаются тамъ съ маленькими лимфатическими сосудами, содержаніе которыхъ—лимфа составляетъ среду особенно благопріятную къ ихъ размноженію. Микробы начинаютъ размножаться на мѣстѣ укола, потомъ просачиваются въ лимфатическіе капилляры, наполняютъ ихъ и мало-по-малу достигаютъ до ихъ конца: лимфатическаго узелка. Тамъ размноженіе продолжается съ такой силой, что вздутіе шишки, быстро превращающейся въ болѣзненный бубонъ, происходитъ исключительно отъ изобилія микробовъ. Какъ и другіе патогенные микробы, чумный микробъ отдѣляетъ очень сильный ядъ; этотъ ядъ или токсинъ, выработанный въ бубонѣ, распространяется въ общемъ кровообращеніи, переносится въ различные органы и вызываетъ не только сильную лихорадку, но и всѣ нервныя явленія, характеризующія болѣзнь. Такимъ образомъ чума—это—отравленіе чумнымъ токсиномъ, бубонъ же—мѣсто, гдѣ токсинъ вырабатывается. Въ случаяхъ же, когда чума захватываетъ легкія, не производя бубоновъ, этотъ органъ служитъ лабораторіей для фабрикаціи того же яда. Воспроизведеніе чумы посредствомъ микробовъ, выработанныхъ внѣ организма, служитъ абсолютнымъ доказательствомъ, что причина ея—этотъ микробъ.

Когда чумная бацилла была найдена, то, вдохновившись работами *Беринга* и *Ру*, открывшими антидефтеритную сыворотку, стали думать о томъ, чтобы воспользоваться этимъ же пріемомъ для борьбы съ чумою. *Іерсенъ*, *Кальметтъ* и *Боррель* въ институтѣ Пастера начали подъ руководствомъ Ру производить опыты

надъ лошадьми и, сообщая сывороткѣ этихъ животныхъ античумныя свойства, дѣлали ихъ невоспріимчивыми къ чумѣ. Эти работы, продолжавшіяся въ лабораторіи Ру нѣсколько лѣтъ, закончились системой, позволяющей иммунизировать лошадь настолько, что она переноситъ прививку живого чумного микроба. Система эта состоитъ въ приготовленіи обильныхъ культуръ чумы въ бульонѣ, затѣмъ въ убиваніи ихъ при дѣйствіи температуры около 60° Ц. Полученная жидкость содержитъ трупы микробовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣленный ими ядъ. Если вспрыснуть подъ кожу животнаго сильную дозу этой жидкости, можно навѣрное его убить; но, если вспрыснуть сначала очень слабую дозу, причиняющую небольшое нездоровье, затѣмъ дозы постепенно усиливать, оставляя послѣ каждаго вспрыскиванія достаточные промежутки времени, то животное переноситъ впрыскиванія громаднаго количества этой жидкости. Тогда можно безъ опасности привить ему живой микробъ чумы. Въ этотъ моментъ кровь лошади, вѣрнѣе жидкая часть крови или сыворотка, пріобрѣтаетъ свойства въ высшей степени интересныя. Если вспрыснуть такому животному, какъ обезьяна, незначительное количество этой сыворотки и послѣ привить ей чуму, болѣзнь не разовьется, обезьяна предохранена отъ нея прививкой. Если вмѣсто того, чтобы вспрыснуть сыворотку передъ прививкой чумы, вспрыснуть ее послѣ того, какъ болѣзнь начала равиваться, симптомы начнутъ исчезать и въ большинствѣ случаевъ животное выздоравливаетъ.

Съ 1896 г. античумная сыворотка начала употребляться при лѣченіи больныхъ сначала въ Китаѣ—Іерсеномъ, потомъ въ Индіи—нами и также Іерсеномъ, въ Опорто Кальметтомъ и Салимбени и, наконецъ, большимъ числомъ докторовъ почти во всѣхъ странахъ, гдѣ появлялась чума. Однако пришлось сознаться, что вылѣчить этой сывороткой людей гораздо труднѣе, чѣмъ животныхъ. Въ то время, какъ въ лабораторіи 95% обезьянъ выздоравливало на второй день болѣзни, у азіатовъ, представляющихъ обыкновенно во время чумной эпидеміи смертность въ 80%, достигли только того, что уменьшили ее только на треть. Здѣсь надо считаться съ малымъ сопротивленіемъ туземцевъ въ борьбѣ съ болѣзнью; европейцы выказываютъ гораздо большее сопротивленіе, и если оно еще подкрѣплено дѣйствіемъ сыворотки, то результаты получаются удовлетворительные. Такимъ образомъ, въ Опорто Кальметтъ и Салимбени понизили смертность при лѣченіи до 15%. Такой успѣхъ служитъ крайне хорошимъ предзнаменованіемъ для нашей расы. Съ каждымъ годомъ въ институтѣ Пастера опыты дѣйствія сыворотки подвигаются впередъ и можно надѣяться, что труды эти увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

Подобныя прививки безболѣзненны, а улучшеніе получается тотчасъ же, но продолжается не болѣе двухъ недѣль. Такимъ образомъ нужно возобновлять вспрыскиваніе около двухъ разъ въ мѣсяцъ у лицъ, живущихъ въ подозрительной средѣ.

Хавкинъ примѣнялъ при привикѣ чумы людямъ способъ, аналогичный съ тѣмъ, который былъ изобрѣтенъ Іерсеномъ, Кальметтомъ и Боррелемъ для иммунизаціи животныхъ. Онъ вспрыскивалъ подъ кожу руки незначительное количество чумной культуры въ бульонѣ, умерщвленной посредствомъ высокой

температуры. Впрыскиваніе вызываетъ довольно сильную реакцію и лихорадка продолжается около 48 часовъ. Нужно повторить ее два или три раза черезъ промежутки въ нѣсколько дней, чтобы получить предохраненіе, продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ.

Теперь мы уже можемъ считать себя могущественно вооруженными противъ чумы.

Хотя благодаря сывороткѣ можно съ успѣхомъ бороться съ чумой, но все-таки безспорно лучше помѣшать водворенію у насъ страшной гостьи, чѣмъ быть вынужденными къ непосредственной борьбѣ съ нею. На этомъ пути предупрежденія болѣзни открытіе Іерсена и послѣдующія работы имѣли громадный успѣхъ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ, извѣстныхъ теперь, тотъ, что чума имѣетъ среди животныхъ могущественнаго помощника для того, чтобы развиться, быть занесенной изъ дома въ домъ и даже, чтобы преодолѣть огромныя пространства; мы говоримъ о домашней крысѣ. Смертность среди крысъ передъ или во время эпидемій чумы была уже давно наблюдаема. Іерсенъ въ 1894 г. показалъ, что смертность среди крысъ въ Гонконгѣ происходила отъ того же микроба, какъ чума у людей. Онъ вмѣстѣ съ Ру высказалъ мнѣніе, что должна существовать связь между развитіемъ чумныхъ эпидемій среди людей и крысъ. Мы, какъ и другіе наблюдатели, провѣрили во время эпидемій въ Индіи справедливость этого мнѣнія. Наши изысканія показали, что если чума и имѣетъ средства для передвиженія безъ помощи крысъ, то все-таки это животное—самый дѣятельный агентъ распространенія, и вѣроятно, неизбѣжный факторъ при большихъ эпидеміяхъ, какъ, напр., въ Гонконгѣ, Бомбеѣ и т. д. Наблюденія въ Глазго подтверждаютъ этотъ взглядъ. Въ этомъ городѣ съ 700.000 жителей, чума обнаружилась въ августѣ 1900 г. въ населенныхъ кварталахъ, гдѣ дома страшно скучены. Несмотря на благопріятныя условія, она исчезла черезъ два мѣсяца и имѣла не болѣе 34 случаевъ. Крысы, насколько было возможно констатировать, не были здѣсь поражены чумою, и есть основаніе думать, что, благодаря этому обстоятельству, Гласго такъ легко отдѣлался отъ этой страшной болѣзни.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ убѣдились, что зачумленныя крысы являются чаще всего причиной зараженія домовъ и передачи чумы жителямъ. Часто достаточно взять въ руки трупъ крысы, чтобы осудить себя на смерть.

Это было извѣстно еще въ древности туземцамъ нѣкоторыхъ странъ. Въ Юнамѣ жители деревень разбѣгались, какъ только замѣчали въ домахъ смертность среди крысъ и возвращались не раньше, какъ убѣждались, что болѣзнь прекратилась среди грызуновъ. Одно изъ китайскихъ названій для обозначенія чумы буквально значитъ: «болѣзнь крысъ».

Мы произвели надъ маленькимъ видомъ крысъ въ Индіи опыты съ цѣлью узнать, какъ происходитъ передача чумы у этихъ животныхъ, и констатировали, что обыкновенно недостаточно привести здоровыхъ въ соприкосновеніе съ больными или кормить ихъ зачумленными веществами. Наблюденіе передачи чумы больными крысами, отдѣленными другъ отъ друга рѣшетками, здоровымъ, навели на мысль, что въ этой передачѣ играли роль блохи. Но не

ради однихъ крысъ обвинили мы паразитныхъ насѣкомыхъ. Наблюденіе надъ цѣлымъ рядомъ фактовъ привело насъ къ мысли, что блоха и клопъ содѣйствуютъ распространенію чумы среди людей. Самыя важныя изъ этихъ наблюденій слѣдующія.

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чума начинается ранкой, похожей на укусъ паразита и появляющейся на мѣстахъ, гдѣ кожа свободна отъ ссадинъ. Мы назвали эту характерную ранку скороспѣлымъ водянистымъ пузырькомъ, и дѣйствительно въ видѣ пузырька наблюдается она всего чаще, такъ какъ начальное красноватое пятнышко быстро замѣняется пузырькомъ, содержащимъ въ себѣ культуру чумного микроба.

2) Въ большинствѣ случаевъ, когда мы приписывали передачу чумы соприкосновенію съ больными, это соприкосновеніе происходило или съ трупами чумныхъ, или съ больными въ агоніи, въ періодъ, когда кровь содержитъ обильное количество микробовъ и паразиты, укусивъ тѣло, не могутъ избѣгнуть зараженія. Другой интересный фактъ тотъ, что ночное пребываніе около умирающаго или трупа представляетъ болѣе всего опасности для зараженія.

3) Въ жилищахъ, изобилующихъ паразитами, чума свирѣпствуетъ съ особенной жестокостью и зараза кажется вкоренившеюся. Таковы излюбленныя чумой индусскія жилища съ поломъ, сдѣланнымъ изъ смѣси глины съ коровьимъ пометомъ, темныя и плохо провѣтриваемыя, весьма благопріятныя для размноженія блохъ, нападающихъ на человѣка и животныхъ.

Если спеціально крысьи блохи не нападаютъ на другіе виды животныхъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые авторы, тѣмъ не менѣе извѣстно, что на крысахъ встрѣчаются блохи, способныя укусить человѣка. Нужно избѣгать во время эпидеміи прикасаться къ трупамъ зачумленныхъ крысъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы обратили вниманіе на этотъ пунктъ, случаи передачи чумы блохами и клопами были наблюдаемы въ Опорто и Новой Каледоніи. Другой способъ передачи чумы—черезъ носовую слизь, былъ открытъ г.г. Ру и Батцаровымъ. Достаточно чумной культурѣ въ самомъ незначительномъ количествѣ попасть въ ноздри крысы, чтобы послѣдняя заболѣла легочной чумой. Это даетъ основаніе думать, что пнеймоническая форма чумы у человѣка происходитъ обыкновенно отъ того, что въ носъ попадаютъ чумные микробы, которые могутъ быть туда занесены рукой, запачканной въ мокротѣ больного легочной чумой.

Наконецъ большинствомъ наблюдателей, изучившихъ чумныя эпидеміи, замѣчено, что ссадины на кожѣ, происходящія или отъ чесанія, или отъ хожденія босыми ногами, могутъ также служить для микроба входными отверстіями.

До сихъ поръ невозможно опредѣлить, какое участіе въ распространеніи чумы принимаетъ каждое изъ этихъ условій. Самая элементарная осторожность рекомендуетъ считаться съ каждымъ изъ нихъ, когда находишься въ зачумленной мѣстности. Избѣгать соприкосновенія съ зачумленными людьми или животными, избѣгать пребыванія въ зараженныхъ кварталахъ, поддерживать чистоту въ своемъ домѣ, прекратить къ нему доступъ крысъ, таковы предосторожности, которыя необходимо исполнять, когда приходится жить въ городѣ, охваченномъ чумной эпидеміей.

Между библейской чумой и открытіемъ Іерсена прошло тридцать вѣковъ, впродолженіи которыхъ предупрежденіе и лѣченіе чумы составляло монополію шарлатанства и суевѣрія. Мѣры, принимавшіяся противъ эпидемій впродолженіи этого долгаго періода, не только не ослабляли, но усиливали чуму и способствовали ей распространенія. Примѣненіе методовъ Пастера при изученіи чумы позволило въ шесть лѣтъ сдѣлаться ея господиномъ. Вся оборона противъ чумы основана теперь на этихъ методахъ; она носитъ характеръ исключительно научный и дѣйствительность ея теперь достаточно испытана для того, чтобы можно было безбоязненно встрѣтить вступленіе чумы въ наши порты.

Не разрѣшены еще два интересные пункта: откуда приходитъ чума и какъ сохраняется она впродолженіи вѣковъ?

Описанная нами исторія болѣзни показываетъ намъ чуму въ состояніи движенія. Если мы разсматриваемъ какую-нибудь страну Европы, часто посѣщаемую ею, напр. Францію, мы видимъ, что чума всегда приходитъ съ востока, остается нѣкоторое время, потомъ исчезаетъ, пока снова не будетъ занесена опять съ какимъ нибудь ввозомъ товаровъ. То же самое происходитъ и въ другихъ странахъ, на берегу Африки, въ Аравіи, въ Индіи. Все же въ чумѣ замѣчена склонность останавливаться на болѣе продолжительное время въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые съ тѣхъ поръ считаются гнѣздами болѣзни. Странное дѣло, эти мѣста совсѣмъ не заселены ея любимыми жертвами—людьми и крысами, мѣста почти пустынныя, гористыя и мало доступныя, какъ наприм. нѣкоторыя Гималайскія вершины и возвышенныя плоскогорія Ассиріи. Но есть страна на земномъ шарѣ, избранная чумою для своего постояннаго мѣстопребыванія и гдѣ она владѣетъ не однимъ, а нѣсколькими очагами, это Тибетъ.

Мало извѣстенъ маршрутъ, котораго держались большія чумныя эпидеміи въ древности, но все же документы, относящіеся къ этому вопросу, позволяютъ утверждать, что чумныя эпидеміи шли также, какъ и теперь, съ востока на западъ. Такъ черная чума свирѣпствовала въ Китаѣ передъ тѣмъ, какъ была занесена въ Крымъ татарами. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что Тибетъ былъ всегдашнимъ разсадникомъ для эпидемій азіатскихъ, африканскихъ и европейскихъ. Это мнѣніе подтверждается свѣдѣніями, полученными нами въ Китаѣ отъ мѣстныхъ миссіонеровъ и докторовъ.

Несомнѣнно, что всѣ чумныя эпидеміи, наблюдаемыя въ Европѣ, Африкѣ и восточныхъ странахъ, кромѣ Китая, какъ новыя, такъ и древнія, были всегда заносимы вмѣстѣ съ ввозомъ товаровъ. Чума способна продержаться въ данной мѣстности, попеременно то утихая, то разгораясь, но когда она прекратитъ здѣсь свои опустошенія среди людей и крысъ, то это уже окончательно. Она не можетъ возродиться изъ своего праха, и если появляется позже, то приходитъ снова извнѣ.

Этотъ фактъ несовмѣстимъ съ теоріей, по которой микробъ, лишенный своей ядовитости, сохраняется въ почвѣ, пока эта ядовитость опять не возродится отъ неизвѣстныхъ намъ причинъ. Что микробъ чумы существовалъ или существуетъ еще въ почвѣ нѣкоторыхъ странъ, сохраняя большую или меньшую живучесть—это несомнѣнно; но, что этотъ микробъ проникаетъ изъ

почвы въ тѣло животныхъ и человѣка, можно признать фактомъ исключительнымъ, ограниченнымъ извѣстными мѣстностями; фактъ этотъ перёсталъ проявляться и вовсе не участвуетъ въ образованіи временныхъ очаговъ, служившихъ почти въ каждомъ столѣтіи мѣстопребываніемъ чумы въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Извѣстные намъ способы распространенія чумы дѣлаютъ болѣе правдоподобнымъ сохраненіе микробовъ чумы въ состояніи большей или меньшей жизнеспособности въ живыхъ животныхъ. Къ послѣднимъ, конечно, не принадлежитъ ни человѣкъ, ни домашняя крыса, потому что давно замѣчено, что у нихъ чума сама собою прекращается послѣ болѣе или менѣе длиннаго періода. Но человѣкъ и крыса — не единственныя млекопитающіяся, которымъ столь страшна чума. Хавкинъ указывалъ на дикихъ обезьянъ города Рардвара, болѣвшихъ чумой вмѣстѣ съ жителями въ 1897 г. Мы съ своей стороны открыли въ маѣ 1898 въ Коррэчи существованіе самостоятельной чумы у бѣлокъ или у пальмовыхъ крысъ Индіи (*Sciurus palmarum*). Во всякомъ случаѣ наши изслѣдованія убѣдили насъ, что эти эпизоотіи ограничиваются обезьянами и бѣлками, живущими въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жилищами, гдѣ свирѣпствовала чума, и что послѣдняя была занесена имъ человѣкомъ или крысой. Поэтому невозможно приписывать этимъ животнымъ, также какъ человѣку и крысѣ, роль агентовъ, сохраняющихъ чумный микробъ. Иначе обстоитъ дѣло съ видомъ грызуновъ изъ породы сурковъ *Arctomys bobac* или байбакъ. Бѣлявскій и Рѣщниковъ первые указали на связь между чумой жителей Сибири съ болѣзнью байбаковъ. Позднѣе, въ 1898 г. докторъ Заболотный наблюдалъ подобные же факты въ Монголіи и доказалъ, что байбаки болѣютъ самостоятельной формой чумы.

Опираясь на эти факты, мы высказываемъ гипотезу, что среди этого рода грызуновъ и, вѣроятно, среди другихъ, можетъ быть, также и среди породы крысъ, обитающихъ въ лѣсахъ и горахъ, впродолженія вѣковъ существуетъ чума въ состояніи экзоотіи и обнаруживается въ болѣе или менѣе сильныхъ приступахъ.

Случайныя сношенія между этими животными и людьми или крысами служатъ началомъ ужаснаго мора—чумы.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Живая матерія.—Всѣ ли яйца пчелъ оплодотворены?—О поглощеніи углекислаго газа хлорофиломъ, извлеченнымъ изъ растеній. † А. О Ковалевскій. (Некрологъ).

Живая матерія. Такъ озаглавлена интересная рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ физіологической секціи британской ассоціаціи *Дж. Мекендрикомъ* (Mackendrick) на съѣздѣ въ Глазго въ сентябрѣ сего года. Очертивъ въ краткихъ словахъ успѣхи физіологіи за послѣднія 25 лѣтъ, авторъ останавливается на вопросѣ о примѣненіи молекулярной физики къ физіологіи. *Дюбуа-Реймонъ* былъ первымъ изъ біологовъ, который сдѣлалъ подобнаго рода попытку. Онъ стремился объяснить нѣкоторыя электрическія явленія, происходящія въ мускулахъ и нервахъ, тѣмъ, что мускулы сложены изъ молекулъ, имѣющихъ опредѣленныя электрическія свойства. Въ геммулахъ *Дарвина* и біофорахъ *Вейсмана* авторъ видитъ также аналогичныя попытки. Но вообще такого рода попытки, по весьма понятнымъ причинамъ, дѣлались рѣдко. Крайне интересными въ этомъ отношеніи являются слѣдующія соображенія знаменитаго физика и математика *Клерка Максвеля*. Вычисленія *Вильяма Томсона* (лордъ *Кельвинъ*), *Стони* и *Лошмидта* показали, что въ линейномъ милиметрѣ должно укладываться 2.000.000 діаметровъ молекулы водорода и что 200.000.000.000.000.000.000 такихъ молекулъ вѣситъ милиграммъ. Максвель говоритъ, что эти числа, конечно, только грубо приблизительны и что прогрессъ науки исправитъ и сдѣлаетъ ихъ болѣе точными, но важно уже то что «опредѣленіе массы молекулы можетъ считаться теперь законнымъ объектомъ научнаго изслѣдованія и что эта масса не неизмѣримо мала».

Ноберъ еще во времена Максвеля (въ семидесятыхъ годахъ) приготовлялъ пластинки, на которыхъ милиметръ былъ раздѣленъ линіями на 4.000 частей. Разстояніе между такими линіями—$^1/_{4.000}$ милиметра и тогда уже было различимо подъ микроскопомъ. Если мы вообразимъ себѣ кубъ съ ребрами въ $^1/_{4.000}$ милиметра то, по вычисленію Лошмидта, въ такомъ кубѣ вмѣщается отъ 60 до 100 милліоновъ молекулъ кислорода или азота,—молекулъ же органическаго вещества, въ виду ихъ сложности, вмѣстится въ такомъ кубѣ гораздо меньше—приблизительно 2.000.000. Но, по крайней мѣрѣ, $^1/_2$ каждаго живого организма состоитъ изъ воды, поэтому, по мнѣнію Максвеля, число молекулъ органическаго вещества въ такомъ кубѣ—будетъ не *болѣе одного милліона.* Это число слишкомъ незначительно для того, чтобы однимъ молекулярнымъ строеніемъ

можно было объяснить безконечное различіе въ свойствахъ и отправленіяхъ даже самыхъ простыхъ микроскопическихъ организмовъ. Такимъ образомъ, передъ Максвелемъ вставала слѣдующая диллема. Возьмемъ микроскопическій зародышъ—въ немъ не болѣе милліона органическихъ молекулъ. Нельзя поэтому допустить, что всѣ свойства его, которыя проявятся въ взросломъ организмѣ и въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ поколѣній, и которыя проявлялись также въ цѣломъ рядѣ предковъ этого зародыша, зависятъ только отъ молекулъ—отъ ихъ расположенія и движенія; для этого слишкомъ мала величина зародыша, слишкомъ незначительно въ немъ число молекулъ. Но съ другой стороны—«объяснить различіе въ отправленіяхъ и развитіи зародышей, не допуская различій въ структурѣ, равносильно допущенію, что свойства зародыша не есть свойства матеріальной системы».

Въ настоящее время, по мнѣнію Мекендрика, дѣло обстоитъ иначе. При помощи болѣе усовершенствованныхъ микроскоповъ, чѣмъ въ семидесятые годы, мы можемъ видѣть уже частичку вещества, имѣющую $^1/_{20.000}$ миллим. въ діаметрѣ. И мы знаемъ споры нѣкоторыхъ микроорганизмовъ, величина которыхъ приблизительно такая; возможно, что есть между ними еще меньшія, невидимыя даже нашимъ микроскопамъ.

И такъ представимъ себѣ, что величина средней молекулы равна одной милліонной миллиметра, а величина наименьшей видимой частички $= \frac{1}{20.00}$ mm. и что послѣдняя имѣетъ форму куба. На ребрѣ такого куба помѣстится 50 молекулъ или во всемъ кубѣ $50 \times 50 \times 50 = 125.000$ молекулъ. Но молекула организованнаго вещества содержитъ приблизительно 50 атомовъ, такъ что 125.000 молекулъ, расположенныхъ въ группы по 50 въ каждой, дадутъ $125.000 : 50 =$ 2.500 органическихъ частицъ; по предположенію Максвеля въ нихъ наполовину будетъ воды и такимъ образомъ останется всего 1.250 частицъ. Слѣдовательно, наименьшая видимая въ микроскопѣ частица содержитъ 1.250 молекулъ вещества, назыв. протеиномъ. По Вейсману «жизнедѣятельная единица», которую онъ назвалъ «*біофорою*», содержитъ 1.000 молекулъ; онъ принимаетъ діаметръ каждой молекулы $= \frac{1}{2.000.000}$ mm., причемъ біофора является кубомъ, въ которомъ въ рядъ помѣщается 10 молекулъ. Такимъ образомъ, діаметръ біофоры $= \frac{1}{2.000.000} \times 10 = \frac{1}{20.000}$ миллиметра. Сумма діаметровъ двухсотъ біофоръ будетъ равна $\frac{1}{1.000}$ миллиметра, т.-е. 1μ (микронъ), а кубъ, ребро котораго равняется 1μ, будетъ заключать $200 \times 200 \times 200 = 8$ милліонамъ біофоръ. Красное кровяное тѣльце человѣка равняется приблизительно 7,7μ; предположивъ для простоты, что оно имѣетъ форму куба, получаемъ, что въ этомъ тѣльцѣ имѣется не менѣе 3.600.000.000 біофоръ.

Далѣе, если наименьшая изъ различныхъ намъ подъ микроскопомъ частицъ вещества, заключаетъ 1.250 молекулъ, то сколько же послѣднихъ въ біофорѣ, которую можно представить въ видѣ куба, ребро котораго равняется

$\frac{1}{200.000}$ миллиметра. Ихъ будетъ $5 \times 5 \times 5 = 125$, но такъ какъ половину нужно отнести на воду, то это число нужно уменьшить до 60. Примѣнимъ эти числа къ тѣмъ частицамъ вещества, которыя служатъ для передачи наслѣдственныхъ свойствъ. Діаметръ зародышеваго пузырька яйца равняется $^1/_{20}$ миллиметра. Предположимъ, что этотъ пузырекъ имѣетъ форму куба, что діаметръ атома равняется одной милліонной миллиметра и что такихъ атомовъ приблизительно 50 въ каждой органической молекулѣ. Тогда зародышевый пузырекъ будетъ заключать, по крайней мѣрѣ, 25.000.000.000.000 органическихъ молекулъ. Голова сперматозоида имѣетъ въ діаметрѣ приблизительно $^1/_{200}$ милиметра, слѣдовательно она заключаетъне менѣе 25.000.000.000.000 органическихъ молекулъ. По этому, когда происходитъ оплодотвореніе и сливаются приблизительно двѣ такія частицы, то съ увѣренностью можно предположить, что яйцо начинаетъ свою жизнь не менѣе, чѣмъ съ 25.000.000.000.000 органическихъ молекулъ. Отнеся половину на воду, мы видимъ, что оплодотворенное яйцо содержитъ не менѣе 12.000.000.000.000 органическихъ молекулъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы должны признать, что оплодотворенное яйцо содержитъ въ себѣ число органическихъ молекулъ, достаточное для развитія сложнаго организма и для оправданія всѣхъ требованій современной теоріи наслѣдственности.

Такимъ образомъ, зародышъ долженъ имѣть сложное строеніе, и всѣ свойства организма, могущаго развиться изъ этого зародыша, могутъ быть разсматриваемы, какъ слѣдствіе опредѣленной матеріальной системы.

Физика принимаетъ, что молекулы находятся въ состояніи опредѣленнаго движенія, и многіе предлагаютъ даже кинетическія теоріи строенія твердаго тѣла. Существуютъ два рода движенія: одно—атомное, другое молекулярное. «Подъ молекулярнымъ движеніемъ подразумѣвается поступательное движеніе центра атомной группы, составляющей данную молекулу; атомными же движеніями зовутся движенія, которыя могутъ совершать атомы безъ нарушенія цѣлости молекулъ. Такимъ образомъ, послѣднія движенія заключаютъ въ себѣ не только колебанія, происходящія въ молекулѣ, но и вращенія атомовъ вокругъ центра данной молекулы» *).

Слѣдовательно жизненныя явленія можно ставить въ зависимость отъ природы движеній, происходящихъ въ молекулахъ того вещества, которое мы зовемъ *живымъ*. Эти движенія могутъ быть отличны отъ тѣхъ, которыя извѣстны физикамъ и—жизнь можно разсматривать, какъ передачу мертвому веществу, уже владѣющему опредѣленнымъ движеніемъ, новаго своеобразнаго движенія.

Всѣ ли яйца пчелъ оплодотворены? Ученые давно уже утверждали, что у пчелъ работницы и царицы выходятъ изъ оплодотворенныхъ яицъ, трутни же изъ неоплодотворенныхъ. Эти наблюденія, сдѣланныя *Дзіерзономъ* (Dsierzon) и подтвержденныя *Зибольтомъ* и *Лейартомъ*, оспаривались пчеловодами. Къ послѣднимъ примкнулъ и *Дикель*, по мнѣнію котораго всѣ яйца пчелъ оплодотворены. Доказывалъ онъ это тѣмъ, что изъ яицъ, взятыхъ изъ ячеекъ, предна-

*) Мейеръ «Кинетическая теорія газовъ».

значенныхъ для трутней, выходятъ работницы, если ихъ переложить въ ячейки, предназначенныя для работницъ. Кромѣ того, Дикель утверждалъ, что Зибольтъ и Лейкартъ не въ состояніи доказать, оплодотворено ли яйцо, такъ какъ разсматриваютъ его черезъ много часовъ послѣ отложенія, а извѣстно, что сперматозоидъ теряетъ свой нитевидный видъ черезъ 15, 20 минутъ. Двое изъ учениковъ извѣстнаго біолога *Вейсмана*, по его порученію, занялись разрѣшеніемъ этого вопроса. Они показали, что для того, чтобы узнать оплодотворено ли яйцо, лучше разсматривать его въ періодъ образованія 2-го веретена, когда звѣзда у ядра сперматозоида уже прекрасно образована и просмотрѣть её невозможно. Такъ, изъ 29 яицъ, взятыхъ изъ ячеекъ, предназначенныхъ для яицъ работницъ и разсмотрѣнныхъ въ періодъ образованія *перваго* веретена, у 23 изъ нихъ (79°/o) было констатировано ядро сперматозоида съ лучами. Изъ 94 яицъ трутней, разсмотрѣнныхъ въ тотъ же періодъ, ни у одного изъ нихъ такой «звѣзды» не оказалось. Болѣе какъ мы уже упоминали выше, точный выводъ даютъ яйца, наблюдаемыя въ періодъ образованія *второго* веретена, такъ какъ въ этотъ періодъ случай не можетъ играть никакой роли. И дѣйствительно, у всѣхъ 62 яицъ работницъ, находившихся въ этомъ періодѣ, «звѣзда» присутствовала, изъ 272 яицъ трутней такая звѣзда наблюдалась только у одного. Но, какъ Вейсманъ справедливо полагаетъ, въ этомъ случаѣ, вѣроятно, царица положила оплодотворенное яйцо въ ячейку трутня; такія ошибки, по свидѣтельству пчеловодовъ, иногда происходятъ. Такимъ образомъ работы эти подтвердили справедливость взглядовъ Лейкарта и Зибольта—и полъ пчелъ зависитъ исключительно отъ того, оплодотворено ли данное яйцо или нѣтъ. Оплодотворенное же яйцо даетъ или царицу, или же вполнѣ развитую самку, или работницу, т.-е. самку съ атрофированнымъ половымъ аппаратомъ, въ зависимости отъ качества и количества пищи, получаемой личинками.

О поглощеніи углекислаго газа хлорофиломъ, извлеченнымъ изъ растеній. Не разъ уже физіологи принимались за рѣшеніе вопроса, способенъ ли хлорофилъ, *извлеченный* изъ растенія, ассимилировать, т.-е. поглощать углекислый газъ. *Фридель* съ этою цѣлью поставилъ слѣдующіе опыты: 1) Изъ листьевъ шпината приготовляется водно-глицериновая вытяжка при помощи пресса; эта вытяжка профильтровывается. Полученная такимъ образомъ жидкость прозрачна, желтоватаго цвѣта, въ ней содержатся растворимыя вещества листа, между прочимъ, и діастазы, и въ ней явственно наблюдается процессъ ассимиляціи. 2) Листья шпината же высушиваются при температурѣ выше 100°. Полученный такимъ образомъ зеленый порошокъ представляетъ собой неразложенный хлорофиллъ вмѣстѣ съ діастазами. Порошокъ этотъ, опущенный въ глицеринъ, ассимилируетъ и при свѣтѣ, и въ темнотѣ. Если соединить вмѣстѣ экстрактъ изъ листьевъ и порошокъ и выставить на свѣтъ, то и смѣсь эта также ассимилируетъ.

Если въ глицериновую вытяжку прилить алкоголю, то образуется осадокъ; этотъ осадокъ, смѣшанный съ водой и хлорофильнымъ порошкомъ, также ассимилируетъ, но ассимиляція прекращается, если жидкость прокипятить.

Изъ своихъ опытовъ *Фридель* дѣлаетъ заключеніе, что ассимилирующая

дѣятельность хлорофилла можетъ проявляться и внѣ растенія, при помощи діастаза, который и использываетъ энергію солнечныхъ лучей.

В. Аг.

А. О. Ковалевскій.

(Некрологъ).

Русская біологическая наука понесла тяжелую утрату: 9-го ноября скончался отъ удара одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ ученыхъ—ординарный академикъ Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій, имя котораго извѣстно каждому, знакомому съ зоологіей.

Александръ Онуфріевичъ родился 7-го ноября 1840 г. въ Динабургскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, въ имѣніи Ворково, гдѣ получилъ и первоначальное домашнее образованіе. 16-ти лѣтъ онъ поступилъ въ 3-й классъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, откуда изъ пятаго класса въ 1859 г. перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ на разрядъ естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета; тамъ онъ слушалъ лекціи Ценковскаго, Куторги и Воскресенскаго. Со второго курса онъ отправился осенью 1860 г. за границу, гдѣ былъ одно время ученикомъ Бунзена, Каруса и Бронна, а съ 1861 г. слушалъ въ Тюбингенѣ Лейдига, Моля, Лушки и Квенштедта. Въ 1862 г. онъ вернулся въ Петербургъ, выдержалъ экзаменъ и получилъ степень кандидата естественныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ году молодой и уже тогда много обѣщавшій ученый снова уѣхалъ за границу, но занимался тамъ уже самостоятельными научными работами, именно собиралъ и обрабатывалъ матеріалъ для своего перваго крупнаго вклада въ науку—работы во исторіи развитія ланцетника. Эта работа, напечатанная въ 1865 г., послужила ему магистерской диссертаціей и обратила на себя вниманіе всего ученаго міра.

Съ 1866 г. начинается преподавательская университетская дѣятельность Александра Онуфріевича—онъ выступилъ приватъ-доцентомъ и читалъ въ теченіе 1866—1867 учебнаго года курсъ сравнительной анатоміи. Въ 1867 г. онъ защитилъ диссертацію «О развитіи *Phoronis*» и получилъ степень доктора зоологіи. Около того же времени имъ былъ опубликованъ въ «Мемуарахъ Имп. Академіи Наукъ» цѣлый рядъ крупныхъ работъ, посвященныхъ исторіи развитія различныхъ группъ безпозвоночныхъ — «Entivickelungsgeschichte der Rippenquallen», «Entw.-gesch. der einfachen Ascidien», «Beiträge zur Entw.-gesch. der Holothurien», «Entw.-gesch. der Störe».

Эти работы, а въ особенности большое изслѣдованіе—«Embryologische Studien an Würmern und Arthropoden», которое было увѣнчано академіей наукъ Бэровской преміей, дали не только огромный, чрезвычайно цѣнный и въ высокой степени надежно провѣренный фактическій матеріалъ изъ области, въ то время еще почти не затронутой, но имѣли и высокій теоретическій интересъ— въ нихъ впервые было показано, что теорія зародышевыхъ лист-

ковъ можетъ быть распространена и на безпозвоночныхъ. Осторожный Клаусъ въ своемъ классическомъ «Учебникѣ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній», называетъ Ковалевскаго «основателемъ ученія о зародышевыхъ листкахъ». Кромѣ того, работы А. О. надъ развитіемъ ланцетника и асцидій дали впервые нѣкоторое освѣщеніе темному вопросу о происхожденіи позвоночныхъ,— именно, имъ была выяснена связь между низшимъ изъ позвоночныхъ — ланцетникомъ и оболочниками (*Tunicata*), которые съ тѣхъ поръ почти всѣми зоологами разсматриваются, какъ дегенерировавшіе отпрыски предковъ позвоночныхъ.

Въ 1868 г. А. О. получилъ каѳедру зоологіи въ Казанскомъ университетѣ, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ Кіевскій. Въ 1870 онъ снова отправляется за границу для научныхъ изслѣдованій и посѣщаетъ, между прочимъ, Красное море, гдѣ собираетъ цѣнный матеріалъ по развитію пирозомы (*Pyrosoma*). Въ 1873 г. неутомимый изслѣдователь работаетъ въ Алжирѣ и съ большими трудностями добываетъ тамъ матеріалъ по развитію плеченогихъ (*Brachiopoda*).

Въ 1873 г. А. О. перешелъ въ Новороссійскій университетъ, гдѣ оставался профессоромъ до 1890 г., читая зоологію и сравнительную анатомію. Къ этому періоду относятся его дальнѣйшія работы по эмбріологіи безпозвоночныхъ: «Наблюденія надъ развитіемъ *Brachiopoda*», «Ueber die Entwickelung der *Pyrosoma*», «Weitere Studien über die Entwickelung der *Amphioxus*», «Embryogenie du Chiton Polii» и др.

Послѣднее время А. О. направилъ свои изслѣдованія въ другую сторону—обратился къ изученію фагоцитарныхъ и выдѣлительныхъ органовъ безпозвоночныхъ животныхъ. Онъ примѣнилъ при этомъ съ большимъ успѣхомъ методъ впрыскиванія кармина и другихъ красящихъ веществъ, и результаты его изслѣдованій оказались чрезвычайно важными и плодотворными въ этой незатронутой области сравнительной физіологіи.

Въ 1890 г. А. О. былъ выбранъ ординарнымъ академикомъ Петербургской академіи наукъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ въ 1891 г. читалъ курсъ гистологіи въ университетѣ. Въ то же время онъ исполнялъ должность директора новой, имъ же устроенной зоологической лабораторіи академіи наукъ и былъ директоромъ севастопольской біологической станціи, развитію и процвѣтанію которой онъ также много способствовалъ. Въ Петербургѣ онъ продолжалъ свои изслѣдованія надъ процессомъ выдѣленія у безпозвоночныхъ, постоянно расширяя ихъ и распространяя на все новые и новые объекты. До самаго послѣдняго времени онъ не оставлялъ и научныхъ экскурсій—то онъ работалъ въ Севастополѣ, то проводилъ лѣто на Онежскомъ озерѣ, собирая матеріалъ по изученію піявокъ, то работалъ въ Мраморномъ морѣ. Неожиданная смерть застала его въ приготовленіи къ новому путешествію—онъ собирался отправиться на Яву.

Неутомимый и до щепетильности добросовѣстный въ своихъ изслѣдованіяхъ А. О. былъ образцомъ ученаго, всею душею преданнаго дѣлу науки, и умѣлъ примѣромъ своимъ передать и другимъ—своимъ ученикамъ—любовь къ исканію научной истины и строгое отношеніе къ своей научной работѣ. Обая-

ельная въ частной жизни личность его особенно высока необычайной скромостью—въ нашъ вѣкъ шумливой рекламы черта эта рѣдко встрѣчается у редставителей ученаго міра. Занимая по своимъ заслугамъ наиболѣе выающееся мѣсто не только среди русскихъ зоологовъ, но и среди современыхъ ученыхъ Запада, онъ не искалъ популярности и славы и всячески уклоялся отъ какихъ бы то ни было чествованій и фигурированія передъ публиой. Вотъ почему онъ и былъ очень мало извѣстенъ русскому обществу, за сключеніемъ спеціалистовъ, зато въ ученомъ мірѣ имя Ковалевскаго знаетъ аждый біологъ любой національности,—на Западѣ оно не менѣе популярно, ѣмъ имя другого нашего изслѣдователя—Мечникова.

П. Ю. Ш.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Декабрь 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Критика. Исторія литературы и искусствъ.— Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Естествознаніе.—Народное просвѣщеніе.— Справочныя изданія.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1901 г.— Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Л. Мельшинъ. «Пасынки жизни».—*О. Шапиръ.* «Законныя жены». — *А. Бѣломоръ.* «Изъ записной книжки моряка».—*И. Ѳ. Горбуновъ.* «Собраніе сочиненій».—*Гр. П. Шереметевъ.* «Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова».

Л. Мельшинъ. Пасынки жизни. Разсказы. Изд. ред. жур. «Рус. Богат». Спб. 1901 г. Ц. 1 р. Имя г. Мельшина пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ автора правдивыхъ очерковъ «Въ мірѣ отверженныхъ». Въ нихъ онъ далъ живую и яркую картину изъ быта русской каторги, впервые послѣ «Мертваго дома» Достоевскаго раскрывшійся предъ читателемъ во всей своей неприглядной наготѣ. Въ этихъ очеркахъ читатель захватываетъ не столько художникъ, сколько правдивый и искренній повѣствователь, не столько форма, сколько содержаніе, слишкомъ новое и интересное, чтобы вниманіе могло отвлекаться тѣми или иными недочетами изложенія. Къ этому захватывающему содержанію присоединяется и жгучая нота пережитаго личнаго страданія, которая въ самомъ очерствѣломъ сердцѣ способна вызвать сочувственный откликъ. Эти два основныя качества книги «Въ мірѣ отверженныхъ» даютъ очеркамъ г. Мельшина ту значительность, которая сдѣлала его книгу однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы и поставила имя автора въ ряду почтеннѣйшихъ изслѣдователей русской жизни.

«Пасынки жизни»—рядъ новыхъ разсказовъ того же автора, но, къ сожалѣнію, они ничего не прибавляютъ къ заслуженнымъ лаврамъ автора «Въ мірѣ отверженныхъ». Намъ даже кажется, что эта новая книга умалитъ значеніе г. Мельшина, какъ писателя - художника, и для имени его было бы лучше, если бы эти разсказы остались погребенными на страницахъ того журнала, гдѣ они появились. Впрочемъ, самый большой и самый неудачный изъ этихъ разсказовъ «Юность» для насъ вполнѣ новинка, и мы не знаемъ, былъ ли онъ напечатанъ раньше. Нѣтъ ничего болѣе непріятнаго, какъ видѣть на сценѣ неудачныя потуги актера изобразить живое лицо, или писателя, во что бы то ни стало силящагося дать то, чего у него нѣтъ. Юность— съ этимъ понятіемъ у каждаго связано представленіе о жизнерадостномъ свѣжемъ настроеніи, когда и самая смерть теряетъ свое жало. Нѣтъ болѣе яркихъ впечатлѣній, болѣе лучистыхъ, сіяющихъ образовъ, какъ изъ дней юности,—и вотъ на пространствѣ восьми печатныхъ листовъ авторъ ничего не даетъ, кромѣ вялаго, безжизненнаго разсказа о гимназической жизни нѣсколькихъ дѣвочекъ, можетъ быть, и интересныхъ для автора по связаннымъ съ ними воспоминаніями. Но авторъ своего интереса не сумѣлъ сообщить намъ, потому что не смогъ облечь свои

воспоминанія въ художественные образы, и всѣ его «Ниси, Тани, Ванды, Нины, Стаси», ихъ обожатели и «предметы» перепутываются въ головѣ читателя въ одинъ безсвязный клубокъ, въ которомъ не находишь ни конца, ни начала. Чувствуетъ, повидимому, и самъ авторъ, что его «Юность» мало кого освѣжитъ, оживитъ и заразитъ духомъ юныхъ мечтаній и радости жизни. По крайней мѣрѣ, онъ дѣлаетъ какъ-бы робкую попытку примирить читателя съ неудачнымъ плодомъ своего творчества въ заключительныхъ словахъ повѣствованія: «Примите же и мой привѣтъ всѣ, кто сохранилъ хоть тѣнь теплаго чувства къ свѣтлому прошлому, всѣ, въ комъ охлажденное годами сердце еще способно сладко забиться при звукахъ словъ, когда-то насъ окрылявшихъ и призывавшихъ къ дружной работѣ!» Всегда плохо, когда художникъ обращается къ сердцу читателя отъ собственнаго имени,—за него должны дѣлать это его созданія, и если они художественны, то они и дѣлаютъ это лучше всякихъ личныхъ «привѣтовъ», находя дорогу именно къ сердцу, какъ бы оно ни было «охлаждено годами».

Во второмъ разсказѣ, заглавіе котораго послужило названіемъ и для всей книги,—предъ нами «Пасынки жизни»... почтовые чиновники. Не споримъ, тяжела и безотрадна жизнь почтово-телеграфныхъ дѣятелей, въ газетахъ даже принято передъ праздниками отмѣчать всю непосильную тяжесть, которую приходится выносить на себѣ этимъ безотвѣтнымъ труженикамъ. Добрыя намѣренія автора посодѣйствовать облегченію участи всѣхъ чиновниковъ заслуживаютъ полнаго сочувствія, но его разсказъ о злоключеніяхъ помощника Максименко и его скоропостижной смерти, тѣмъ не менѣе, такъ плохъ, что едва ли спасаютъ его, какъ художественное произведеніе, и самыя добрыя намѣренія.

Изъ остальныхъ разсказовъ отмѣтимъ два—«Любимцы каторги» и «Искорка», которые относятся къ той же серіи, что и очерки «Въ мірѣ отверженныхъ». Но выхваченные изъ общей связи, эти два очерка уже не производятъ такого впечатлѣнія, какъ прежніе. Читаешь ихъ скорѣе какъ любопытные анекдоты, и только,—ничего новаго они вносятъ въ наше знаніе того міра, который такъ полно описанъ г. Мельшинымъ. Остальное содержаніе книги не представляетъ даже и этого интереса. Скучная фабула, скучно разсказанная, убѣдительно говоритъ, что авторъ—не художникъ. Пока онъ просто описывалъ то, что самъ видѣлъ, пережилъ, перечувствовалъ, его произведенія были интересны и значительны. Но какъ только г. Мельшинъ сталъ сочинять, всѣ недостатки его, какъ художника, обнаружились съ полной очевидностью. Блѣдность формы, вялый языкъ, лишенный огня вдохновенія, бѣдная фантазія—дѣлаютъ разсказы г. Мельшина тяжелыми и мало интересными, и въ отдѣльномъ изданіи всѣ эти художественные недостатки особенно ярки и выразительны.

А. Б.

Ольга Шапиръ. Законныя жены. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. Разсказы г-жи Шапиръ заслуживаютъ вниманія по темѣ, которая въ послѣднее время опять стала живо интересовать общество. Положеніе жены и матери въ семьѣ—вотъ содержаніе двухъ очерковъ о законныхъ женахъ. Предъ нами два типа жены. Одна—«Bébé», женщина-куколка, лелѣемая и любимая, но вполнѣ невинная во всемъ, что касается жизни какъ грубо-матеріальной, такъ и духовной. Мужъ, дѣлецъ и крупный аферистъ, цѣликомъ устранилъ ее отъ всего, что такъ или иначе соприкасается съ его дѣловой и внутренней жизнью. Для него она—центръ его семейной, домашней жизни, для нея—онъ весь міръ, внѣ котораго она ничего не знаетъ и не понимаетъ. Между ними нѣтъ настоящаго, полнаго духовнаго единенія, и въ минуту кризиса, когда мужъ переживаетъ ужаснѣйшія муки, при видѣ крушенія всѣхъ своихъ предпріятій, онъ не сознаетъ общности своей и ея жизни, не посвящаетъ ее въ тѣ затрудненія, отъ которыхъ зависитъ все настоящее и будущее ихъ семьи. И когда наступилъ

крахъ, бѣдная куколка очутилась въ самомъ невозможномъ положеніи. Вся изнанка жизни, до сихъ поръ скрытая отъ нея любящимъ, но неразумнымъ мужемъ, обрушивается на нее всей своей тяжестью, и злополучная «Bébé», растерянная и подавленная чуть не погибаетъ. Спасаетъ ее энергія любящей женщины,—энергія, которую она и не сознавала въ себѣ, но по мѣрѣ того, какъ въ ней просыпается человѣкъ, ей все яснѣе становится унизительная роль, которую она до сихъ норъ играла въ семьѣ. Она попрежнему любитъ мужа, но требуетъ, чтобы и онъ понялъ, что она должна быть равной ему во всемъ, а не только женой-куколкой, которую нѣжатъ, оберегаютъ и лелѣютъ, не признавая за ней правъ быть товарищемъ и другомъ, помощникомъ въ борьбѣ и совѣтникомъ во всемъ, что равно касается обоихъ. На этомъ очеркъ обрывается. Другой типъ—забитая и приниженная до послѣдней степени жена-экономка, даровая нянька и любовница, не имѣющая никакихъ правъ въ семьѣ, гдѣ одна только воля, одинъ законъ—голосъ мужа. «Вспышка»—такъ называется очеркъ—на одинъ моментъ будитъ въ душѣ этой забитой женщины гнѣвъ и желаніе выбиться изъ желѣзныхъ тисковъ, созданныхъ эгоизмомъ и черствостью мужчины, но вспышка такъ и остается только вспышкой, и раба не въ силахъ уже стать человѣкомъ.

Какъ видимъ, оба разсказа содержательны, но, къ сожалѣнію, темы ихъ разработаны нехудожественно и потому мало убѣдительны. Взяты крайности, что всегда лишаетъ подобныя произведенія жизненности, ибо въ дѣйствительности все гораздо проще и гораздо сложнѣе. Можетъ быть авторъ и встрѣчалъ такихъ «бебе» и рабынь, но онъ не сумѣлъ ихъ намъ представить такъ, чтобы и мы повѣрили въ ихъ существованіе. Его «бебе» оказывается въ конечномъ итогѣ очень энергичной, умной и проницательной женщиной. Но какъ же, проживъ съ мужемъ чуть не десять лѣтъ, она раньше не проявила этихъ цѣнныхъ качествъ? Весьма вѣроятно, что тогда и мужу не пришлось бы ничего таить отъ нея, и онъ былъ бы весьма радъ имѣть такого дѣльнаго товарища, а не только милую и нѣжную любовницу. Точно также неудачна и рабыня, которая не допустила бы себя до такого униженія, разъ она способна на «вспышки», и весьма энергичныя. Въ обоихъ случаяхъ психологія героинь г-жи Шапиръ оставляетъ многое неяснымъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что оба разсказа скорѣе эскизы, набросанные умѣлой рукой, только намѣтившей въ рѣзкихъ чертахъ самые общіе контуры, почему и нельзя къ этимъ очеркамъ примѣнять слишкомъ строгую художественную мѣрку.

Еще болѣе эскизно и бѣгло написанъ очеркъ «Двѣ помолвки», гдѣ намѣчены два типа современныхъ дѣвушекъ. Одна—съ общественной жилкой, другая—прожигательница жизни, любительница всякихъ спортовъ и всего, что дѣлаетъ жизнь веселой и легкой. Написаны очерки свойственнымъ г-жѣ Шапиръ вполнѣ литературнымъ языкомъ и читаются съ интересомъ.

А. Б.

А. Бѣломоръ. Изъ записной книжки моряка. Разсказы и очерки. Спб. Изд. А. Суворина. Ц. 1 р. 25 к. Прелестные разсказы изъ морской жизни г. Станюковича не могли, конечно, не вызвать подражанія. Такъ, мы помнимъ, стали одно время появляться морскіе разсказы г. Чермнаго, недурно написанные, но нѣсколько фантастическіе, что отчасти ихъ портило. Взялся тогда за дѣло г. Бѣломоръ, который твердо стоитъ на томъ, что для него правда прежде всего. Онъ вооружается противъ тѣхъ «сочинителей», которые пользуются незнаніемъ читателя по части условій морской жизни. «Наша родина,—поучаетъ насъ страшно «сурьезный» г. Бѣломоръ,—великая континентальная страна; море чуждо ей или слишкомъ мало знакомо ея обитателямъ, и понятно, какія бы басни ни разсказывались въ разныхъ книжкахъ и даже въ серьезныхъ журналахъ объ ужасныхъ буряхъ и ураганахъ, преслѣдовавшихъ родные корабли

въ дальнихъ моряхъ, о командирахъ, блѣднѣвшихъ при видѣ океанскихъ волнъ, и объ экипажахъ, переодѣвавшихся въ чистое бѣлье, чтобы въ немъ предстать на судъ Всевышняго,—читатели такихъ книжонокъ наивно вѣрятъ всему написанному и, быть можетъ, благословляютъ судьбу, избавившую ихъ отъ путешествій по морямъ и океанамъ». Съ вѣрою въ правду г. Бѣломора начинаемъ читать его разсказы и на первомъ же шагу натыкаемся на... чертовщину, предсказавшую заблаговременно смерть его товарищу, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше оказывается этой чертовщины въ жизни его моряковъ (см., напр., разсказы «Смерть моряка», «Вѣщее сердце», «Ясновѣдѣніе» и пр.). Далѣе слышемъ про всевозможныя части судового снаряженія, которыми г. Бѣломоръ щеголяетъ, желая убѣдить насъ, что онъ морякъ съ головы до пятъ. Читаемъ о безконечныхъ передвиженіяхъ судовъ, утомительно и длинно, нравоучительно и чинно излагаемыхъ чуть ли не по журналамъ, какіе ведутся на судахъ. Еще узнаемъ о интригахъ, о товарищескихъ измѣнахъ, и т. п. Охотно готовы признать правдой и чертовщину, осаждающую моряковъ на каждомъ шагу, и шканечные журналы, и прочій обиходъ морской жизни, но... есть одно огромное «но» во всѣхъ этихъ яко бы разсказахъ: въ нихъ нѣтъ ни тѣни художественной правды. Масса именъ, терминовъ—и ни одного живого лица, ни одной картины; ни одинъ фактъ не одухотворенъ тѣмъ, что составляетъ сущность художественной литературы—психологіей дѣйствующихъ лицъ, ихъ характеромъ, ихъ внутренней жизнью, которая такъ и остается тайной для автора. Въ концѣ концовъ, онъ—просто бездарный и скучный говорунъ, и его «правду» мы охотно промѣняемъ на художественные вымыслы, въ которыхъ есть жизнь, есть живые люди, есть море, написанное ярко и блещущее всѣми красками.

А. Б.

Иванъ Өедоровичъ Горбуновъ. Сочиненія, подъ редакціею и съ предисловіемъ А. Ө. Кони. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901 г., два тома. Цѣна 4 руб.—Графъ Павелъ Шереметевъ. Отзвуки разсказовъ И. Ө. Горбунова. 1883—1895 гг. Спб. 1901 г. Цѣна 1 руб. Имя И. Ө. Горбунова, своими сценами и разсказами изъ народнаго быта пріобрѣвшаго широкую популярность даже въ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, собственно въ литературѣ не пользовалось крупной извѣстностью: являясь на сценѣ, на эстрадѣ, въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ и частныхъ бесѣдахъ неистощимымъ разсказчикомъ и нерѣдко импровизаторомъ, умѣвшимъ во-время сказать мѣткое, характерное словцо, покойный артистъ не любилъ записывать свои разсказы и придавать имъ литературную форму; за всю свою жизнь онъ составилъ только небольшой сборничекъ этихъ разсказовъ, выдержавшій два изданія, куда включилъ только самыя общеизвѣстныя свои произведенія; и сказать правду, въ печати впечатлѣніе получилось гораздо слабѣе того, какое оставалось у людей, слышавшихъ эти вещи въ устной передачѣ самого автора, всегда умѣвшаго ихъ варіировать и придавать старому разсказу новую окраску введеніемъ въ него какой-нибудь мало замѣтной, но характерной подробности. Время отъ времени, уступая просьбамъ друзей, Горбуновъ печаталъ крошечныя сценки въ разныхъ журналахъ и газетахъ, а въ послѣдніе годы своей жизни началъ серьезный и широко задуманный трудъ,—исторію русскаго театра въ біографіяхъ выдающихся дѣятелей сцены. Но, при всей его любви къ историческимъ изслѣдованіямъ, при всемъ интересѣ, какой онъ питалъ къ прошлому нашего театра, у него не было ни достаточной подготовки, ни необходимой выдержки для этого рода работъ,—и трудъ остался далеко не законченнымъ. Еще менѣе удачными оказались его попытки въ другой области. Горбуновъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Петербургѣ и Москвѣ; въ продолженіи своей артистической дѣятельности онъ вращался во всевозможныхъ сферахъ,—отъ дворца до деревенской хаты, встрѣчался съ людьми все-

возможныхъ общественныхъ положеній и профессій и, при своей мѣткой и живой наблюдательности, запоминалъ очень много интереснѣйшихъ подробностей изъ общественной, литературной и частной жизни лицъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ; его разсказы о нихъ были, такъ сказать, мемуарами въ дѣйствіи; но положить эти мемуары на бумагу у него не хватало ни терпѣнія, ни умѣнія,—и отъ нихъ остались только незначительные наброски...

Въ вышедшемъ теперь двухтомномъ изданіи г. Маркса старательно собрано все, что напечатано самимъ Горбуновымъ какъ отдѣльно, такъ и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, прибавлены еще не бывшіе въ печати отрывки изъ воспоминаній и нѣсколько подражаній старинной русской письменности, показывающихъ, что Горбуновъ въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ языкомъ XVII и XVIII столѣтій. Введеніемъ къ изданію служатъ: обширная статья г. Кони, о которой мы уже говорили въ свое время, когда она появилась въ «Вѣстникѣ Европы» *), и небольшой некрологъ, напечатанный Т. И. Филипповымъ въ «Новомъ Времени» 1895 г. Самыя сочиненія разбиты на группы,—какъ ихъ дѣлилъ самъ авторъ: въ первомъ томѣ помѣщены сцены изъ народнаго и купеческаго быта, изъ городской жизни и «монологи», въ числѣ которыхъ находится извѣстный тостъ «генерала Дитятина» на тургеневскомъ обѣдѣ. «Генералъ Дитятинъ» былъ очень словоохотливъ, но по непривычкѣ владѣть перомъ, которою онъ отличался въ еще большей степени, чѣмъ создавшій его Горбуновъ, могъ явиться передъ читателями только съ этою единственною рѣчью...

Во второмъ томѣ собраны разсказы преимущественно изъ жизни московскихъ купеческихъ угловъ, переносящіе насъ въ знакомый міръ героевъ Островскаго. Въ сравненіи съ тѣми яркими, рельефными образами, какіе даны знаменитымъ драматургомъ, очерки Горбунова представляются очень блѣдными и мало характерными; къ тому же, это—большею частью только наброски, не отдѣланные и часто даже недоконченные; по всему видно, что форма связнаго разсказа на вполнѣ опредѣленную тему была для Горбунова непривычною, и справляться съ такой задачей было ему не подъ силу. Кое-гдѣ, въ случайно проскользнувшемъ мѣткомъ словечкѣ, въ томъ или другомъ колоритномъ мазкѣ, чувствуется талантливый авторъ бытовыхъ сценъ, но въ общемъ эти разсказы производятъ впечатлѣніе довольно слабое. Лучше другихъ «Дневникъ дворецкаго», въ которомъ, отъ лица стараго крѣпостного слуги, передается въ лаконическихъ записяхъ исторія безпутнаго житья богатаго молодого князя.

Здѣсь же находятся и подражанія старинной письменности, очень забавныя и до такой степени вѣрно передающія тонъ давно отзвучавшей русской рѣчи, что, говорятъ, одинъ почтенный археологъ серьезно принялъ горбуновское описаніе рулетки въ Эмсѣ за выписку изъ подлиннаго статейнаго списка русскаго посла XVII столѣтія. Тоже подражаніе, и очень удачное, представляетъ коротенькая, но очень выразительная переписка «о нѣкоторомъ зайцѣ» извѣстнаго архимандрита Фотія съ княземъ Голицынымъ и относящіяся къ ней донесенія мѣстныхъ властей,—губернатора и капитанъ-исправника..

«Очерки изъ исторіи театра» заключаютъ въ себѣ довольно обстоятельныя, основанныя на изученіи источниковъ, біографическія замѣтки о первыхъ дѣятеляхъ русской школы—о Волковѣ, Дмитревскомъ, Плавильщиковѣ, Шумскомъ, Троепольской, Шушеринѣ, Яковлевѣ, Сандуновѣ и сухой, краткій перечень фактовъ изъ исторіи московскаго театра въ XVIII вѣкѣ. При отсутствіи въ нашей литературѣ сколько-нибудь связной исторіи русскаго театра за это время, очерки Горбунова имѣютъ цѣну, тѣмъ болѣе, что авторъ старался, насколько могъ, вымести соръ разныхъ анекдотовъ, ни на чемъ не основанныхъ дога-

*) См. «Критическія замѣтки», 1899 г., январь.

довъ и тому подобнаго сознательнаго и безсознательнаго историческаго лганья, котораго такъ много накопилось—увы!—именно въ этой области...

Наконецъ, «Отрывки изъ воспоминаній» о знакомствѣ съ Островскимъ и о «молодой редакціи» Погодинскаго «Москвитянина», о московскомъ театрѣ 50-хъ годовъ, о первыхъ шагахъ автора въ Петербургѣ и проч. показываютъ, какъ много интереснаго могъ бы сообщить Горбуновъ изъ богатаго запаса своей памяти, если бы у него хватило на это доброй воли и терпѣнія. Рядомъ съ очерками изъ исторіи театра, эти «Отрывки» составляютъ едва ли не самую цѣнную часть всего, что Горбуновымъ написано.

Но, какъ мы уже и замѣтили выше, написанное Горбуновымъ, по яркости и характерности, далеко уступаетъ тому, что было имъ «сказано»; а это «сказанное» въ печати является только блѣднымъ отзвукомъ того, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи небольшая книжка графа Шереметева можетъ служить очень важнымъ дополненіемъ къ собранію сочиненій Горбунова: составитель постарался сгруппировать и воспроизвести, по возможности точно, все то, что было имъ слышано или отъ самого Горбунова, или отъ другихъ лицъ, и передать то впечатлѣніе, которое вызывалъ разсказчикъ своими сценами и мѣткими словечками. Здѣсь мы наглядно, сравнивая передачу графа Шереметева съ печатнымъ текстомъ «Сочиненій», можемъ убѣдиться, насколько Горбуновъ *изустный* былъ живѣе, ярче, содержательнѣе, талантливѣе Горбунова *печатнаго*. Передъ нами проходятъ, напр., тѣ же, уже извѣстные, разсказы изъ купеческаго быта,—но ихъ колоритъ уже совсѣмъ не тотъ, что въ печатномъ изданіи: всѣ краски такъ свѣжи, такъ жизненны, своеобразный юморъ такъ и брызжетъ въ каждомъ словѣ. Кромѣ варіантовъ къ напечатанному, графъ Шереметевъ передаетъ, цѣликомъ или частью, многіе разсказы, которыхъ Горбуновъ не печаталъ и которые въ свое время пользовались, да и теперь еще пользуются очень широкой популярностью. Темы этихъ разсказовъ—самыя разнообразныя: тутъ и засѣданіе окружного суда по дѣлу о брюкахъ, украденныхъ съ плеча торговца, и пріемъ у доктора, и разговоры на большой дорогѣ, и посѣщеніе генераломъ кіевскихъ пещеръ, и повѣствованіе монаха о томъ, какъ монастырь «обновился», благодаря «чудесному» пояску, и уроки гимназическихъ педагоговъ прежняго времени, и проч. Тутъ же находятся и отдѣльныя фразы и «словечки» Горбунова, всегда живописныя и характерныя, и воспоминанія о рѣчахъ «генерала Дитятина», отъ имени котораго покойный артистъ такъ часто отзывался на разные случаи жизни. Можно смѣло сказать, что для оцѣнки «настоящаго» Горбунова книжка графа Шереметева даетъ несравненно больше матеріаловъ, чѣмъ два тома «Сочиненій».

На обложкѣ книжки графа Шереметева находимъ заявленіе о томъ, что при Императорскомъ обществѣ любителей древней письменности образована особая коммиссія для изданія сочиненій Горбунова, что подготовительныя работы этой коммиссіи близятся къ концу, и первый томъ предположеннаго изданія выйдетъ въ будущемъ 1902 году. Все это изданіе будетъ заключаться въ двухъ томахъ большого формата, куда войдутъ разсказы, повѣсти, драматическія сцены, историческія импровизаціи и письма къ разнымъ лицамъ, имѣющія общій интересъ. Все это будетъ украшено многочисленными иллюстраціями извѣстныхъ художниковъ и портретами и будетъ стоить, по подпискѣ, 15 руб. Очевидно, изданіе будетъ «любительское», хотя далеко не очевидно, почему собственно сочиненія Горбунова причислены къ памятникамъ *древней* письменности, печатаніемъ которыхъ до сихъ поръ исключительно занималось почтенное общество.

Такое расширеніе понятія «древней письменности» включеніемъ къ нее горбуновскихъ произведеній наводитъ на мысль, отчего бы обществу не включить въ этотъ разрядъ нѣкоторыхъ произведеній если не древней, то до-

статочно старой нашей литературы, до сихъ поръ еще находящихся подъ спудомъ? XVIII вѣкъ могъ бы дать не мало цѣнныхъ матеріаловъ для изданій такого рода, и общество оказало бы ими несомнѣнную услугу русскому обществу...

П. М.

КРИТИКА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ». *М. Чайковскій.* «Жизнь П. И. Чайковскаго». *Эмиль Фагэ.* Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды».

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1898—1899 г. Изданіе Дирекціи императорскихъ театровъ. Редакторъ С. П. Дягилевъ. То же, сезонъ 1899—1900 г. и Приложеніе I-е. Спб. 1901 г. «Ежегодникъ Импеторторскихъ театровъ»—первый въ своемъ родѣ опытъ иллюстрированнаго отчета о дѣятельности этихъ театровъ въ теченіе минувшаго сезона—началъ выходить десять лѣтъ тому назадъ. Цѣлью этого изданія было дать въ помѣщаемыхъ въ немъ свѣдѣніяхъ и рисункахъ матеріалъ для возстановленія, хотя отчасти, общей картины сезона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить будущему историку театра достаточное количество фактическимъ данныхъ, достовѣрность и точность которыхъ обезпечена заимствованіемъ ихъ изъ оффиціальнаго источника. Съ этою цѣлью въ «Ежегодникѣ» помѣщались, прежде всего, списки пьесъ, исполненныхъ въ теченіе сезона на сценахъ театровъ обѣихъ столицъ, затѣмъ списки артистовъ и личнаго состава театральнаго управленія, отчеты о дѣятельности театральныхъ училищъ, некрологи и т. п.; дополненіемъ къ этой, такъ сказать, оффиціальной части служило «Обозрѣніе дѣятельности Императорскихъ сценъ», гдѣ въ хронологическомъ порядкѣ отмѣчались всѣ новинки или замѣчательныя пьесы сезона и сжато переданное ихъ содержаніе иллюстрировалось рисунками декорацій и портретами главныхъ исполнителей.

Начиная съ сезона 1891—1892 г., изданіе это стало редактироваться А. Е. Молчановымъ, который, видимо, старался сдѣлать его полнѣе и интереснѣе. Число рисунковъ было значительно увеличено; кромѣ «Обозрѣній», составлявшихся всегда живо и занимательно, вполнѣ объективно,—какъ и подобаетъ оффиціальному изданію, въ «Ежегодникѣ» стали появляться статьи и замѣтки по исторіи театра, театральной библіографіи, характеристики выдающихся театральныхъ дѣятелей, драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ стараго времени и т. п. Начиная съ четвертаго года изданія «Ежегодника», количество этихъ дополнительныхъ статей настолько увеличилось, что редакція выдѣлила ихъ въ особыя «Приложенія», которыхъ издавалось въ теченіе года обыкновенно три. Эти «Приложенія», также иллюстрированныя, заключаютъ въ себѣ массу очень цѣннаго матеріала для исторіи нашей драматической литературы и театра и, помимо общаго интереса, явятся незамѣнимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей.

Такъ дѣло шло до 1899 года, когда появился 8-й томъ «Ежегодника», за 1897—1898 г., послѣдній подъ редакціей г. Молчанова. Затѣмъ наступилъ продолжительный перерывъ,—и только весною нынѣшняго года вновь появился «Ежегодникъ», уже подъ новой редакціей С. П. Дягилева, редактора журнала «Міръ Искусства».

Результатъ этого перерыва сказался, прежде всего, тѣмъ, что для «Ежегодника» пропалъ цѣлый сезонъ 1898—1899 г.: жиденькая книжечка, посвященная новой редакціей этому злополучному сезону, заключаетъ въ себѣ только одни статистическія свѣдѣнія о репертуарѣ и перечень личнаго состава труппъ и театральнаго управленія. Ни рисунковъ, ни «Обозрѣнія», ни какихъ-

либо статей нѣтъ и въ поминѣ. За то сезону 1899—1900 г. посвященъ большой томъ in 4-to, съ превосходно исполненными гравюрами и рисунками. Видно, что новая редакція особенно позаботилась о художественной сторонѣ изданія: портреты императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины II (съ рѣдкихъ оригиналовъ), Сумарокова, Волкова, Вагнера и мн. др. не оставляютъ желать ничего лучшаго; разные рисунки, заставки, снимки съ изящныхъ программъ Эрмитажнаго театра и пр. исполнены совершенно образцово. Изданіе напечатано на великолѣпной бумагѣ, оригинальнымъ и красивымъ шрифтомъ. Словомъ по внѣшности это рѣдкая вещь въ нашей литературѣ, не избалованной художественными изданіями. Но... во всякомъ дѣлѣ есть свое «но», и здѣсь оно тѣмъ досаднѣе, что редакція имѣла полную возможность его устранить: для этого достаточно было придержаться прежней программы «Ежегодника» и вообще обратить немножко побольше вниманія на его литературную часть. Это нашли излишнимъ, и новый «Ежегодникъ» въ литературномъ отношеніи оказался далеко ниже стараго...

Прежде всего отразилось на «Обозрѣніи дѣятельности театровъ»: изъ него совсѣмъ исключены пересказы содержанія новыхъ пьесъ, составлявшіеся прежде очень умѣло, и осталось одно только «поминаніе»: такого-то числа была поставлена такая-то пьеса, и распредѣленіе ролей было слѣдующее. Затѣмъ, въ старомъ «Ежегодникѣ» всѣ новыя или возобновленныя пьесы обязательно иллюстрировались рисунками сценъ и портретами исполнителей; въ новомъ этой чести удостоился только «Биронъ» г. Борисова, но за то свыше мѣры: два портрета Бирона, три портрета г. Ге въ роли Бирона, портретъ г. Ге «въ собственной роли», три портрета г. Писарева въ роли Остермана, по два портрета гг. Озаровскаго, Корвинъ-Круковскаго, Шевченка и т. д., и т. д. «Накипь» Боборыкина иллюстрирована портретомъ автора и г-жи Коммисаржевской. Этимъ и ограничиваются иллюстраціи къ новымъ русскимъ пьесамъ сезона; а такихъ пьесъ было *девять* въ Петербургѣ и *шесть* въ Москвѣ. Изъ переводныхъ пьесъ слегда иллюстрированъ поставленный на московской сценѣ «Эгмонтъ» Гете; а «Геншель» Гауптмана, «Кинъ» Дюма, «Донна Діана» Морето оставлены безъ иллюстрацій. Изъ пьесъ французскаго репертуара иллюстрирована только одна «Сирано де-Бержеракъ» Ростана, причемъ нѣтъ портрета артиста, игравшаго въ этой пьесѣ главную роль. Точно такъ же, рядомъ съ двумя портретами г-жи Коммисаржевской въ роли Дездемоны нѣтъ портрета Сальвини въ роли Отелло. Иллюстраціи къ новымъ операмъ также поражаютъ случайностью и даже какой-то странностью выбора: такъ, напримѣръ, мы находимъ цѣлыхъ семь портретовъ, снятыхъ, повидимому, съ одного и того же статиста, но въ разныхъ костюмахъ и съ подписями: «свита», «лучникъ», «поселянинъ» и пр., а изображенія главныхъ персонажей отсутствуютъ: «Тристанъ» есть, а «Изольды» нѣтъ; и т. д. Такимъ образомъ, эта часть «Ежегодника» далеко не отвѣчаетъ той цѣли, ради которой она должна бы составлятся.

Что касается собственно литературныхъ статей, то онѣ посвящены преимущественно юбилеямъ. Книга открывается статьей П. О. Морозова «Юбилей русскаго театра», въ которой данъ очеркъ біографіи Ѳ. Г. Волкова; затѣмъ слѣдуетъ статья г. Rectus'а о юбилеѣ г-жи Савиной, иллюстрированая портретомъ, за который почтенная артистка едва ли поблагодаритъ художника, и по своему крайне панегирическому тону едва ли умѣстная въ оффиціальномъ изданіи; далѣе находимъ статью о юбилеѣ Московскаго Большого театра. Кромѣ этого, въ книгѣ есть небольшая замѣтка о бывшемъ директорѣ театровъ И. А. Всеволожскомъ, гдѣ воспроизведены интересные его рисунки, описаніе Александринскаго театра и статья о почти забытомъ въ настоящее время декораторѣ Гонзаго.

Въ «Приложеніи» наибольшій интересъ представляетъ обстоятельная и съ полнымъ знаніемъ дѣла написанная статья П. П. Гнѣдича о постановкѣ «Горя отъ ума». Три музыкальныя статейки гг. Кашкина, Коптяева и Лароша ровно ничего не дадутъ будущему историку русскаго театра, потому что фактовъ въ нихъ нѣтъ никакихъ, а есть только собственныя соображенія и критическія изліянія авторовъ. «Мелочи театральной старины» бар. Дризена, наоборотъ, очень интересны, но, къ сожалѣнію не лишены курьезовъ: *gymnasiarque* переведено: «гимназіаткве», а Cibèle—«Сивилла»; извѣстная книга проф. Цвѣтаева: «Протестанство и протестанты въ Россіи»... цитируется, какъ сочиненіе *Цвѣткова* «Протестантство и *протесты* въ Россіи»... Впрочемъ, и въ статьѣ г. Гнѣдича «хронологическая» канва біографіи Грибоѣдова превратилась въ «хроническую». *Театралъ.*

Модестъ Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Въ трехъ томахъ. Т. I (вып. I-ый—VII-ой). Кажется, еще никто изъ русскихъ дѣятелей искусства не былъ такъ скоро послѣ смерти увѣковѣченъ въ такомъ превосходномъ памятникѣ, какъ композиторъ П. И. Чайковскій. Я говорю не о прекрасной мраморной статуѣ его работы Беклемишева, которая украшаетъ главный входъ въ залѣ С.-Петербургской консерваторіи. Я говорю о томъ капитальномъ изданіи, названіе котораго выписано выше.

И нужно сказать правду, покойный композиторъ самъ даетъ превосходный матеріалъ для своего памятника. Изъ перваго тома этого изданія вырисовывается такая чарующая человѣческая личность Петра Ильича, что для литературнаго созданія ея отъ издателя требовался только тщательный подборъ документовъ (главнымъ образомъ писемъ композитора, сохранившихся съ самаго ранняго дѣтства, а также воспоминаній близкихъ лицъ). Покойный композиторъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ талантомъ, который можно бы назвать «талантомъ человѣчности». Совершенно безсознательно съ дѣтскихъ лѣтъ онъ заставлялъ всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ близкое прикосновеніе, любить его, и тѣмъ вносилъ струю счастья въ тотъ кружокъ, членомъ котораго онъ становился: вѣдь любить кого-нибудь безкорыстно, просто за то, что онъ «такой»—это счастье, которое достается не всѣмъ.

Къ характеристикѣ Чайковскаго, какъ человѣка, и къ замѣчательной параллели между его человѣческою личностью и композиторской индивидуальностью я еще вернусь, давая отчетъ обо всемъ изданіи по выходѣ его въ свѣтъ. Теперь же укажу на наиболѣе интересное, имѣющееся въ книгѣ.

Прежде всего нужно отмѣтить замѣчательное безпристрастіе и объективность изложенія издателя, черты тѣмъ болѣе достойныя уваженія, что онъ былъ связанъ съ покойнымъ братомъ узами тѣснѣйшей дружбы и любви, переходившей со стороны младшихъ братьевъ-близнецовъ, Анатолія и Модеста, въ родъ обожанія: Петръ Ильичъ по смерти матери, горячо ими всѣми любимой, заступилъ въ сердахъ младшихъ братьевъ ея мѣсто вслѣдствіе чрезвычайно любовнаго о нихъ попеченіи. Издатель ведетъ біографію Чайковскаго годъ за годомъ на основаніи документовъ, составляющихъ архивъ имени покойнаго композитора, хранящійся въ Клину, дополняя ихъ только необходимыми комментаріями въ самомъ объективномъ тонѣ. Единственный только разъ спокойствіе нѣсколько измѣняетъ издателю, именно, когда онъ говоритъ объ отношеніяхъ композитора и критика Кюи къ сочиненіямъ Чайковскаго. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, суровость отзывовъ Кюи о Чайковскомъ, даже когда послѣдній уже имѣлъ прочное композиторское имя, невольно поражаетъ читателя.

Изъ біографическихъ чертъ Чайковскаго отмѣчу здѣсь чрезвычайно позднее развитіе въ немъ музыкальнаго призванія: теоріей музыки онъ началъ заниматься только въ 1868 году (родился въ 40-мъ); до этого же времени онъ учился на рояли, въ чемъ достигъ хорошихъ успѣховъ, и пѣлъ въ хорѣ учи-

лища правовѣдѣнія, гдѣ одно время даже былъ регентомъ, впрочемъ неудачно—его не слушались пѣвцы-товарищи. Учителя Чайковскаго — Ломакинъ, Кюндингеръ—не подозрѣвали нисколько, что изъ ихъ ученика выйдетъ знаменитый музыкантъ. Къ началу серьезныхъ занятій музыкой въ 61-мъ году музыкальное развитіе Чайковскаго было поразительно скудно: онъ не зналъ, сколько было симфоній у Бетховена, совершенно не зналъ Шумана. Это малое знакомство съ музыкой объясняется почти полнымъ отсутствіемъ исполненія музыки въ Россіи въ то время и дороговизною нотъ. Новая эра въ музыкальномъ развитіи Россіи начинается съ основанія С.-Петербургской консерваторіи въ 1862 году. Не нужно думать, впрочемъ, что въ Чайковскомъ сознаніе своего призванія не просыпалось раньше: втайнѣ оно было въ немъ гораздо раньше, но скрывалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія родныхъ и общаго презрительнаго тогда отношенія къ музыкальной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ разговоръ съ отцомъ композитора, наиболѣе сочувственно изъ всей семьи относившагося къ желанію П. И. сдѣлаться композиторомъ (отецъ П. И. былъ человѣкъ образованный, — онъ былъ горнымъ инженеромъ, занималъ одно время постъ директора технологическаго института). Отецъ П. И. присутствовалъ на первомъ представленіи оперы «Опричникъ», имѣвшей шумный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе на вопросъ Модеста: «Что лучше, по его мнѣнію, для Пети — переживать этотъ успѣхъ или, будучи чиновникомъ, получить орденъ Анны первой степени?» отвѣчалъ: «Все-таки Анненская звѣзда лучше».

Окончательный поворотъ къ музыкѣ былъ рѣшенъ только въ началѣ 63 года, когда П. И. рѣшилъ бросить карьеру чиновника и поступить въ консерваторію. Забавно отмѣтить, что на такое рѣшеніе несомнѣнно имѣла вліяніе обида, которую нанесло начальство Чайковскому, по его мнѣнію, тѣмъ, что обошло его мѣстомъ столоначальника (онъ былъ только помощникомъ — на службу по министерству юстиціи поступилъ по окончаніи училища правовѣдѣнія въ 1859 году). Эта обида на начальство (чиновникомъ П. И. былъ самымъ посредственнымъ) чрезвычайно характерна для П. И.—совершенно дѣтская черта, какихъ много сохранилось въ немъ до конца жизни.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ привести другихъ эпизодовъ изъ жизни П. И. Отмѣчу еще, что музыкальный успѣхъ давался ему чрезвычайно туго: «Опричникъ» имѣлъ въ общемъ средній успѣхъ (всего 14 представленій съ 74 по 81 годъ!); слѣдующая опера «Вакула» имѣла успѣхъ еще меньшій. Настоящая извѣстность Чайковскаго въ большой публикѣ начинается съ «Онѣгина», но объ этомъ рѣчь идетъ во II-мъ томѣ. Въ средѣ артистовъ имя Чайковскаго получило прочную извѣстность уже со 2-ой симфоніи, съ увертюры «Ромео и Джульетта», съ 1-го квартета и нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій, т.-е. съ 70 года.

Со стороны критики и такихъ извѣстныхъ музыкантовъ, какъ напр., А. и Н. Рубинштейны, первые композиторскіе шаги Чайковскаго встрѣтили очень холодный пріемъ. Это относится къ кантатѣ, составлявшей экзаменаціонную работу Чайковскаго при окончаніи имъ консерваторіи. Одинъ Ларошъ, тогда еще ученикъ консерваторіи и другъ Чайковскаго, впослѣдствіи извѣстный музыкальный критикъ, такъ писалъ Чайковскому по поводу этой кантаты: «Я вижу въ васъ самую великую надежду нашей музыкальной будущности... Ваши творенія начнутся, можетъ быть, только черезъ пять лѣтъ (пророческое предсказаніе—писано въ 66-мъ году) но эти, зрѣлыя, классическія, превзойдутъ все, что мы имѣли послѣ Глинки».

Кромѣ личной біографіи Чайковскаго первый томъ содержитъ очень интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ выдающихся музыкальныхъ дѣятеляхъ и лите-

раторохъ. Приведу здѣсь отрывки изъ чрезвычайно характернаго письма къ Чайковскому Апухтина, близкаго друга его съ Правовѣдской скамьи.

Въ 66 году Чайковскій уѣхалъ въ Москву на должность профессора консерваторіи, и оттуда писалъ Апухтину, убѣждая послѣдняго серьезно отдаться литературѣ, какъ онъ самъ посвятилъ себя музыкѣ. Въ отвѣтъ на это Апухтинъ пишетъ: «Ты какъ наивная институтка продолжаешь вѣрить въ «трудъ», въ «борьбу»! Странно, какъ ты еще не упомянулъ о «прогрессѣ»?! Для чего трудиться? съ кѣмъ бороться? Пепиньерка милая, убѣдись разъ навсегда, что «трудъ» есть иногда горькая необходимость и всегда величайшее наказаніе, посланное на долю человѣка—что занятіе, выбранное по вкусу и склонности, не есть трудъ»... «Не дуренъ также совѣтъ заняться литературной: въ тѣ времена, когда «en Russie, quelques gentilehommes s'occupaient de litterature», я еще могъ бы быть писателемъ, но теперь никакія силы не заставятъ меня выйти на арену, загроможденною подлостями, доносами и... семинаристами! Для меня въ современной русской литературѣ есть только одно священное имя: Левъ Толстой. Остальное все отъ Каткова до Писарева стоитъ въ моемъ мнѣніи наравнѣ съ Волынскимъ и Австрійскимъ полками» (полки эти принадлежали къ составу такъ называемой «молодой» гвардіи).

Чрезвычайно интересны сношенія Чайковскаго съ Львомъ Толстымъ. Еще правовѣдомъ П. И. полюбилъ этого писателя больше всѣхъ остальныхъ, и онъ представлялся П. И. не человѣкомъ, а «полубогомъ» (собственныя слова П. И.). И вотъ этотъ «полубогъ» пріѣхалъ въ Москву, былъ нѣсколько разъ у Чайковскаго, и на вечерѣ въ консерваторіи, устроенномъ Н. Рубинштейномъ въ честь Толстого (въ декабрѣ 76 года), слушая Andante изъ квартета Чайковскаго, Левъ Николаевичъ разрыдался при всѣхъ. Это чрезвычайно тронуло Чайковскаго.

Вскорѣ послѣ этого Толстой уже изъ Ясной Поляны прислалъ Чайковскому записанныя имъ народныя пѣсни и писалъ ему: «Вещи ваши (музыку) не смотрѣлъ, но когда примусь, буду—нужно вамъ или не нужно—писать свои сужденія и смѣло, потому что я полюбилъ вашъ талантъ».

Отвѣтомъ Чайковскаго на это письмо закончились сношенія этихъ двухъ людей—они больше никогда не видались, и это произошло согласно желанію самого Чайковскаго. Для него писатель Толстой былъ «полубогомъ» и онъ боялся увидѣть въ немъ человѣка, который имѣетъ человѣческія слабости и недостатки.

Въ дневникѣ 1886 года, вспоминая встрѣчи съ Толстымъ, Чайковскій пишетъ: «Меня охватилъ страхъ и чувство неловкости передъ нимъ. Мнѣ казалось, что этотъ величайшій сердцевѣдъ однимъ взглядомъ проникнетъ во всѣ тайники моей души»... «Глубочайшій сердцевѣдъ въ писаніи, оказался въ своемъ обращеніи съ людьми простой, цѣльной, искренной натурой, весьма мало обнаруживающей то всевѣдѣніе, котораго я боялся»... «Между прочимъ, онъ любилъ отрицать Бетховена и прямо выражалъ сомнѣніе въ его геніальности. Это уже черта совсѣмъ несвойственная великимъ людямъ. Низводить до своего непониманія всѣми признаннаго генія—свойство ограниченныхъ людей». Вотъ именно, боясь увидѣть въ своемъ идеалѣ черты человѣческихъ слабостей, Чайковскій уклонился отъ дальнѣйшаго личнаго знакомства съ Толстымъ.

Мы увидимъ во II-мъ томѣ, что самъ Чайковскій оказался въ такомъ же положеніи по отношеніи къ г-жѣ фонъ-Меккъ, которая играла огромную роль въ его жизни, и съ которой онъ, живя въ одномъ городѣ много лѣтъ, ни разу не сказалъ лично ни одного слова, согласно ея желанію, хотя они много переписывались: она также боялась утратить тотъ идеальный образъ, въ которомъ ей являлся Чайковскій-композиторъ. Эта переписка даетъ необыкновенно интересный біографическій и психологическій матеріалъ. Но объ этомъ по выходѣ въ свѣтъ II-го тома.

Первый томъ кончается 1877 годомъ—роковымъ для Петра Ильича: въ этомъ году, 6-го іюля, онъ вступилъ въ бракъ съ Антониной Ивановной Милюковой, бракъ, чуть было не приведшій его къ окончательной гибели (вскорѣ послѣ женитьбы П. И. оказался въ состояніи очень близкомъ къ помѣшательству); въ этомъ же году П. И. сочинилъ двѣ трети «Евгенія Онѣгина».

Викторъ Вальтеръ.

Эмиль Фагэ. Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды. Переводъ съ девятнадцатаго французскаго изданія подъ редакціей П. Кончаловскаго. Москва. 1901. Цѣна два рубля. Въ настоящемъ томѣ Эмиль Фагэ разсматриваетъ жизнь, творчество и основныя тенденціи десяти писателей: Шатобріана, Ламартина, Альфреда де-Виньи, Виктора Гюго, А. де-Мюссе, Теофиля Готье, П. Мериме, Мишле, Жоржъ-Зандъ и Бальзака. Фагэ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдко встрѣчающимся литературнымъ счастливцамъ, которые были не только оцѣнены, но и переоцѣнены современниками. У Фагэ нѣтъ ни самобытности Тэна, ни тонкости вкуса и литературнаго блеска Сентъ-Бева, ни дара мѣткой и запечатлѣвающейся характеристики, какъ у Брандеса. Читая, напримѣръ, эти бѣглые по содержанію и вылощенные по изложенію этюды ни разу не остановишься ни на глубокой мысли, ни на оригинальномъ сравненіи, ни на поучительномъ экскурсѣ въ область другихъ литературъ. Вообще, у Фагэ чрезвычайно выпукло выступаетъ черта, свойственная весьма многимъ французскимъ литературнымъ историкамъ и критикамъ: для него какъ будто не существуетъ ни англійской, ни нѣмецкой, ни южно-романскихъ литературъ (о русской мы не смѣемъ и заикаться). Отсутствіе надлежащей широты перспективы является непремѣннымъ и вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ подобнаго умышленнаго или неумышленнаго съуженія поля зрѣнія. Но допустимъ, что это еще полбѣды. Вся бѣда въ томъ, что очерки Фагэ (не всѣ, но именно собранные въ разсматриваемой книжкѣ) даютъ чрезвычайно блѣдное представленіе о большинствѣ лицъ, о которыхъ они трактуютъ. Возьмемъ, напримѣръ, статью о В. Гюго. Статья распадается на слѣдующія рубрики: «Его жизнь. Его умъ. Его чувствительность. Его общія идеи. Его литературныя идеи. Гюго художникъ. Какъ онъ творитъ. Экспрессія у Гюго» и только. Уже самыя рубрики кажутся случайными и довольно хаотичными, а содержаніе ихъ едва ли удовлетворитъ даже и не особенно требовательнаго читателя. Вотъ какъ, напримѣръ, Фагэ резюмируетъ содержаніе главы VII-ой («Гюго художникъ. Какъ онъ творитъ», стр. 227): «Прибавимъ къ этому (т.-е. къ весьма туманно характеризованному художественному дару Гюго) то, что собственно есть только видоизмѣненіе и даже продолженіе эпопеи, киммерійское или сибиллическое вызываніе невѣдомыхъ міровъ, фантастическихъ странъ, семи небесъ или семи поворотовъ рѣки Стикса, путешествій въ область сверхъестественнаго и непостижимаго, куда, благодаря тому же движенію его воображенія, онъ любитъ погружаться, проявляя при этомъ слишкомъ много романтичности и искусственности, но въ то же время и много смѣлости и прихотливой фантазіи, подобно какому-нибудь гомеровскому Сирано. Въ заключеніе всего Гюго—великолѣпный устроитель сцены для общихъ мѣстъ, живописный драматургъ, романистъ-описатель, могучій, но иногда холодный лирикъ, высокій и удивительный эпическій поэтъ». Изъ такихъ туманныхъ пятенъ, къ сожалѣнію, состоятъ почти сплошь всѣ характеристики разсматриваемой книжки. Фагэ очень хорошо разсказываетъ содержаніе, иногда даетъ разборъ отдѣльныхъ произведеній того или иного автора, но цѣльной картины, общей обрисовки литературной физіономіи у него какъ-то не получается. Жоржъ-Зандъ посвящено 29 страницъ, не дающихъ и приблизительнаго понятія объ основныхъ тенденціяхъ и характерѣ ея творчества. Что говорятъ уму и сердцу такія, напримѣръ, фразы на послѣднихъ страницахъ очерка, резюмирующихъ его содержаніе: «Она (Жоржъ,

Зандъ) можетъ служить отдохновеніемъ послѣ Мишле и Фенелонъ любилъ бы ее. Это двѣ великія похвалы, къ которымъ примѣшаны двѣ легкія критики». Вообще, реторики у Фагэ болѣе, нежели достаточно: «Чувство, возбуждаемое ею, (Жоржъ Зандъ) есть особенный родъ симпатіи. Ея стиль дѣлается другомъ. Но легче отказаться отъ восторговъ, чѣмъ отъ дружбы». Послѣ книги Каренина, да и послѣ ряда вполнѣ добросовѣстныхъ компиляцій о Жоржъ-Зандъ, всѣ эти словесные пустячки на двадцати девяти страницахъ ровно ничего любопытнаго для читателя не представятъ. Лучше и обстоятельнѣе другихъ—очеркъ о Ламартинѣ, быть можетъ вслѣдствіе большей легкости сюжета, но и здѣсь авторъ слишкомъ свободно раздаетъ самые многозначительные аттестаты: «Таковъ этотъ удивительно привлекательный человѣкъ (Ламартинъ), этотъ великій поэтъ, любившій прекрасное и насъ научившій его любить». Все это уже потому невѣрно, что до крайности произвольно и, такъ сказать, капризно установлено авторомъ.

Не мало вредитъ очеркамъ еще и то обстоятелество, что Фагэ, бѣгло изложивъ на нѣсколькихъ страничкахъ біографію литературнаго дѣятеля,—въ дальнѣйшемъ разсказѣ совсѣмъ почти не связываетъ его произведеній съ почвою, на которой они выросли, съ окружавшею писателя дѣйствительностью. Вообще пересказъ занимаетъ настолько первенствующее мѣсто, что для обстоятельнаго историко-литературнаго анализа остается слишкомъ мало страницъ. Уже отмѣченное нежеланіе хоть сколько-нибудь широко прибѣгать къ литературнымъ аналогіямъ особенно сказалось въ статьѣ о Мериме. Вѣдь Мериме занимался русской литературою, зналъ Пушкина, Гоголя, вліяніе на него русской литературы прослѣдить возможно, а между тѣмъ Фагэ въ очеркѣ о немъ бросаетъ нѣсколько бѣглыхъ словъ о Пушкинѣ, о юморѣ Гоголя (стр. 338—339) и снова обращается къ пересказамъ и вычурнымъ, неконкретнымъ характеристикамъ. Устарѣлый даже у французовъ, напыщенный тонъ изложенія съ своей стороны портитъ не мало впечатлѣніе, остающееся отъ книги; такимъ тономъ у насъ блистали часто ученыя книги въ 40—50-хъ гг., и крайне рѣдко—блещутъ теперь, такъ что русскому читателю со всѣми этими восклицательными знаками, метафорами, излiяніями, обращеніями и т. д. справиться довольно трудно. Переводъ, съ своей стороны, довершаетъ дѣло и превращаетъ книгу въ нѣчто не вполнѣ удобочитаемое. Приведемъ наудачу нѣсколько образцовъ. Стр. 60: «Обратите вниманіе въ «Запискахъ» на анекдотъ Бассомпьера или на ночь въ Вестмистерѣ, полусерьезную, полушутливую, съ ея красивымъ грѣхопаденіемъ и заключительною чертой характера дочери звонаря». Стр. 105: «Только въ такомъ неполномъ свѣтѣ, когда фактъ стушевывается и обнаруживается одно чувство, еще берегущее свою скромность и стыдливость, но глубокое и истинное, и можно открыть міру признанія своего сердца». Стр. 138: «Не было писателя болѣе неравномѣрнаго, чѣмъ Ламартинъ, его синтаксисъ также далеко не безупреченъ». Стр. 158: «Ибо всякая совершенная и вполнѣ постигаемая могучимъ умомъ философская доктрина въ своихъ выводахъ заключаетъ противоположное своимъ первымъ посылкамъ и приходитъ къ нему (къ кому? *Е. Т.*) послѣ обширнаго обзора всѣхъ частей цѣлаго» etc. Такихъ образцовъ можно было бы привести довольно много. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводчикъ виноватъ гораздо менѣе, нежели авторъ, зачастую слишкомъ ужъ запутанно излагающій свою мысль.

Если, въ общемъ, эта книга гораздо слабѣе другихъ произведеній Фагэ, то есть и въ ней нѣкоторыя стороны, отчасти поднимающія ея цѣну. Укажемъ (кромѣ упомянутой уже статьи о Ламартинѣ) на очеркъ, посвященный Теофилю Готье: авторъ сильно развѣнчиваетъ Готье и дѣлаетъ это весьма доказательно. Вообще, особой влюбленности во второстепенныхъ дѣятелей литера-

туры у Фагэ не замѣчается, зато къ звѣздамъ первой величины онъ относится съ явнымъ пристрастіемъ, гораздо большимъ, нежели это желательно видѣть въ исторіи литературы. Въ сущности, мы не совсѣмъ понимаетъ, зачѣмъ понадобилось переводить эту книжку на русскій языкъ? Яснаго и точнаго представленія о французской литературѣ въ XIX столѣтіи она все равно не дастъ, вслѣдствіе крайней своей неполноты и довольно случайнаго выбора отдѣльныхъ темъ, а также вслѣдствіе отсутствія общей мысли; для детальнаго же изученія характеризуемыхъ ею писателей, работа Фагэ также непригодна вслѣдствіе краткости и бѣглости большинства очерковъ. Вѣроятно, сказанныя какъ лекціи въ аудиторіи, статьи эти сильно выигрывали въ интересѣ; но живости рѣчи не удалось перенести на страницы книги, и, повторяемъ, изложеніе особымъ вкусомъ не блещетъ. *Е. Т.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Карѣевъ. «Учебная книга новой исторіи». — *А. Т. Болотовъ.* «Петербургъ при Петрѣ III».—*Фред. Горрисонъ.* «Оливеръ Кромвелль».

Н. Карѣевъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изданіе 2-е. Цѣна 1 руб. 30 коп. Спб. 1901 г. Какъ извѣстно, «учебникъ» г. Иловайскаго, въ которомъ критика и оффиціальныхъ, и неоффиціальныхъ изданій не оставила камня на камнѣ, доселѣ не изгнанъ изъ средней школы, къ величайшему сожалѣнію всей Россіи, за вычетомъ гг. Иловайскаго, Грингмута и равноцѣнныхъ имъ мыслителей. Но для всѣхъ несомнѣнно, что пора окончательно и безповоротно искоренить его и замѣнить настоящими учебниками, а не сборниками тенденціозныхъ фальсификацій и полемическихъ инсинуацій. Судя по хвалебному отзыву «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» о первомъ изданіи «учебной книги» г. Карѣева,—эта работа имѣетъ шансы быть допущенною и одобренною для преподаванія въ средней школѣ. Вотъ почему второе ея изданіе, только что появившееся, заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Вѣдь впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ живы и сильны; вѣдь цѣлыя поколѣнія русскихъ людей воспитались г. Иловайскимъ въ тѣхъ воззрѣніяхъ, что у матери Кира изъ живота выросъ дубъ, что Петръ III уступилъ престолъ Екатеринѣ и что еврей Нотовичъ издаетъ въ С.-Петербургѣ противоправительственную газету «Новости». Слѣдовательно, весьма важно знать, будутъ ли, наконецъ. хоть теперь дѣтскія головы избавлены отъ мусора, и что, вмѣсто стараго мусора, онѣ получатъ.

О «мусорѣ» въ данномъ случаѣ, конечно, говорить не приходится. За составленіе учебника взялся одинъ изъ выдающихся спеціалистовъ исторической науки, и вопросъ не въ правдивости излагаемыхъ имъ фактовъ, но въ методологическихъ достоинствахъ книги, какъ учебника, въ ея приспособленности для преподаванія. Начинается учебникъ девятью страницами, посвященными эпохѣ географическихъ открытій. Изложеніе этой главы краткое, сжатое, ясное могло бы обойтись развѣ только безъ § 5, гдѣ авторъ излагаетъ дѣленіе цивилизаціи на три періода: рѣчной, морской и океаническій: едва ли этотъ пунктъ слишкомъ краткій по изложенію и слишкомъ важный по содержанію, будетъ понятъ и усвоенъ неподготовленнымъ умомъ. Превосходно проведена внутренняя связь между содержаніемъ трехъ слѣдующихъ главъ (о гуманизмѣ, реформаціи и католической реакціи). Проф. Карѣевъ сильно облегчаетъ пониманіе внутреннихъ причинъ реформаціи, дѣля ихъ на двѣ главныя группы—мірскихъ и религіозныхъ; культурныя отличія кальвинизма отъ лютеранства выяснены также чрезвычайно отчетливо. Что особенно характеризуетъ живость

и содержательность учебника—это отсутствіе сухости даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ излагается чисто внѣшняя, дипломатико-военная исторія европейскихъ государствъ, исторія международныхъ сношеній (см., напр., описаніе тридцатилѣтней войны, войнъ Людовика XIV и т. п.). Въ V главѣ объ абсолютной монархіи намъ показались лишними, быть можетъ, нѣсколько трудныя для подростковъ фразы о превращеніи сословной монархіи въ абсолютную (стр. 94 и 95). Просвѣщеніе XVIII столѣтія разсказано всюду вполнѣ ясно; намъ кажется только, что гимназисты могутъ не понять разницы между традиціонной религіей и деизмомъ (стр. 140). Въ главѣ о просвѣщенномъ абсолютизмѣ авторъ, перечисляя дѣятелей просвѣщенія, всюду въ скобкахъ прибавляетъ дату рожденія и смерти. Но читая слова: «Въ Даніи — Струензе, министръ Христіана VII (1766 — 1806 г.)», учащійся можетъ подумать, по аналогіи, что эти даты относятся къ Струензе, тогда какъ онѣ касаются Христіана VIII.— Раздѣлы Польши излагаются такъ, что первый раздѣлъ отдѣляется отъ послѣднихъ исторіей Англіи въ VIII вѣкѣ, войною сѣверо-американскихъ колоній за независимость, французской революціей. Всѣ соображенія хронологической перспективы, конечно, за подобное распредѣленіе матеріала; учащійся сможетъ правильно представить себѣ содержаніе политической карты между 1772 и 1793 — 1795 гг. Но, съ другой стороны, запомнить подробности раздѣловъ было бы легче, если бы они были изложены подрядъ, а превосходныя карты приложенныя къ учебной книгѣ, все равно не позволили бы утратить представленіе о границахъ тогдашнихъ государствъ въ 1772 году и въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ. Кромѣ того, о первомъ раздѣлѣ разсказано обстоятельно, а другіе два только лишь упоминаются (стр. 213). Полно и вмѣстѣ съ тѣмъ сжато разсказана французская революція; конечно, учителю все равно весьма много работы будетъ съ этимъ отдѣломъ, но учебная книга г. Карѣева даетъ съ своей стороны все, что только возможно; укажемъ напримѣръ, на выясненіе роли Мирабо, реформъ учредительнаго собранія и т. д.

Исторія XIX столѣтія, занимающая около трети всей книги даетъ конспективную картину развитія политической мысли и международныхъ отношеній за истекшій вѣкъ. Главы о либерализмѣ, борьбѣ его съ реакціей, о соціальныхъ ученіяхъ Оуэна, Сенъ Симона и Фурье изложены совершенно объективно, строго-научно и вполнѣ удобопонятно. Можно только замѣтить, что $1^1/_2$ страницы отведенныхъ описанію первыхъ проявленій національныхъ броженій, слишкомъ мало. Іюльская и февральская революціи описаны такъ, какъ это и должно дѣлать, если желательно объяснить ихъ характеръ: указаны именно ихъ отличительныя черты, ихъ различіе. Вообще, здѣсь впервые эти событія получаютъ плоть и кровь, а у г. Иловайскаго въ обѣихъ этихъ революціяхъ (также впрочемъ, какъ и въ великой) виновною оказывалась нѣкая миѳическая «чернь», неизвѣстно откуда бравшаяся и куда исчезавшая. На стр. 280, можетъ быть, слѣдовало бы пояснить, почему именно (и въ какихъ случаяхъ) только крайнія партіи (во Франціи 1830 — 1848 гг.) требовали войны съ Европою.

Хронологическія даты изобилуютъ въ книгѣ, но авторъ отмѣчаетъ лишь немногія изъ нихъ жирнымъ шрифтомъ; остальныя къ заучиванію не рекомендуются, но авторъ приводитъ ихъ, приписывая хронологіи въ исторіи такое же оріентирующее значеніе, какимъ обладаетъ географическая сѣтка въ картографіи. Это обстоятельство сильно повышаетъ значеніе учебника, какъ справочной книги, далеко не бесполезной и для взрослыхъ. Въ приложеніяхъ, занимающихъ мѣсто отъ 315 до 346 страницы книги авторъ даетъ повторительную сводку хронологическихъ датъ, общій очеркъ исторіи международныхъ отношеній новаго времени, общій очеркъ культурнаго и политическаго развитія Европы въ новое время, краткіе очерки исторіи отдѣльныхъ странъ, очеркъ

распространенія владычества европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта, хронологію писателей, ученыхъ, мыслителей, художниковъ и т. п. объяснительный текстъ къ картамъ и, наконецъ, двадцать картъ на семи таблицахъ, содержащихъ полную графическую исторію Европы съ начала XVI вѣка до настоящаго времени. Приложены эти таблицы такъ, что раскрытая книга закрываетъ лишь пустую страницу, а таблица можетъ всегда находиться передъ глазами читателя. Отчетливость таблицъ, напечатанныхъ нѣсколькими красками, весьма велика; есть, напр., карта владѣній кавалеровъ и круглоголовыхъ въ эпоху англійскихъ междоусобныхъ войнъ XVII вѣка и т. п. Эти конспективныя приложенія чрезвычайно полезны при повтореніи пройденнаго и законченнаго курса, такъ какъ содержатъ въ себѣ все главное и существенное, что имѣется въ книгѣ.

Никакихъ мало-мальски существенныхъ недостатковъ въ учебной книгѣ г. Карѣева намъ замѣтить не удалось; не бѣда, если въ нѣсколькихъ мѣстахъ изложеніе ведется при помощи пріемовъ научной терминологіи. Преподавателю предоставляется благодарный случай особенно остановиться на такихъ мѣстахъ и посодѣйствовать усвоенію учениками тѣхъ терминовъ, безъ знанія которыхъ все равно, нежелательно выпускать учащихся изъ средней школы.

Цѣна показалась намъ для учебника не особенно низкой. Правда книга издана типографіей М. М. Стасюлевича превосходно, крупнымъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ, да и многочисленныя карты не могли не удорожить изданія. Въ заключеніе, повторимъ пожеланіе поскорѣе встрѣтить «учебную книгу» тамъ, гдѣ теперь, послѣ сентябрьскаго циркуляра министерства народн. просвѣщенія, вновь грозитъ надолго воцариться учебникъ г. Иловайскаго...

Е. Т.

А. Т. Болотовъ. Петербургъ при Петрѣ III (Дешевая библіотека). Спб. 1901 г. Отрывокъ изъ «Записокъ» Болтова, изданный «Дешевой библіотекой» заключаетъ безхитростное изложеніе пережитаго и перечувствованнаго молодымъ дворяниномъ за время нахожденія на службѣ въ царствованіе Петра III. Вообще, «Записки» Болотова, чрезвычайно цѣнятся историками русскаго быта въ XVIII столѣтія, и очень жаль, что издатель ни единымъ звукомъ не упоминаетъ объ ихъ авторѣ. Крѣпостная Россія въ усадьбѣ, служащая Россія—въ столицѣ, причуды двора—все это въ простыхъ правдивыхъ, безхитростныхъ «Запискахъ» характеризуется чрезвычайно живо и выпукло. Вѣяніе настоящей, наблюденной, а не вычитанной и не придуманной жизни проникаетъ все изложеніе. Къ сожалѣнію, громоздкія, рѣдкія и довольно дорогія изданія записокъ недоступны или малодоступны читателю-не специалисту, такъ что «Дешевая библіотека» весьма кстати издала одинъ изъ интереснѣйшихъ отрывковъ болотовскаго произведенія. Императоръ Петръ III странно прожилъ свою короткую жизнь и трагически сошелъ со сцены, и почти всѣ безъ исключенія историческія характеристики, посвященныя ему, сходятся на томъ, что это былъ человѣкъ, попавшій волею судьбы вовсе не на свое мѣсто, человѣкъ недалекій, недальновидный, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ минутныхъ импульсовъ, не имѣвшій яснаго представленія ни о положеніи своемъ, ни объ истинномъ характерѣ окружавшихъ его обстоятельствъ. Современники не любили его, и Болотовъ вотъ какъ объясняетъ причины этой нелюбви: «По особливому несчастію случилось такъ, что помянутый принцъ, будучи отъ природы не слишкомъ хорошаго харктера, былъ воспитанъ еще въ Голштиніи не слишкомъ хорошо, а по привезеніи къ намъ въ дальнѣйшемъ воспитаніи и обученіи его сдѣлано было приставами къ нему великое упущеніе; и потому съ самаго малолѣтства заразился уже онъ многими дурными свойствами и привычками и возросъ съ нарочито уже испорченнымъ нравомъ. Между сими дурными его свойствами было по несчастію его наиглавнѣйшимъ то, что онъ какъ-то не любилъ россіянъ и

пріѣхалъ уже къ нимъ власно, какъ соврожденною къ нимъ ненавистью и презрѣніемъ; и какъ былъ онъ такъ неостороженъ, что не могъ того и сокрыть отъ окружающихъ его, то самое сіе и сдѣлало его съ пріѣзда уже непріятнымъ для всѣхъ нашихъ знатнѣйшихъ вельможъ, и онъ вперилъ въ нихъ къ себѣ не столько любви, сколько страха и боязни».

Болотовъ былъ адъютантомъ при генералъ-полиціймейстерѣ, и во время высочайшихъ докладовъ, стоялъ обыкновенно въ передней, причемъ многочасовое стояніе развлекалось только подслушиваніемъ словъ и разговоровъ императора. «Но и сіе удовольствіе было для насъ удовольствіемъ только сначала, а впослѣдствіи времени дошло скоро до того, что мы желали уже, чтобы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставать государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ аглинскаго пива, до котораго былъ онъ превеликій охотникъ, уже опорожнившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсомнѣнно смѣющимися внутри». Вообще, то, что Болотовъ неодобрительно называетъ «дружбою съ Бахусомъ», играло весьма значительную роль въ жизни и смерти несчастнаго императора. Когда недовольство и ропотъ усилились, на половинѣ императрицы стали происходить подъ предлогомъ картъ—совѣщанія о готовящемся переворотѣ, и Болотовъ по поведенію своего начальника догадывался, что затѣвается нѣчто неладное, но ни малѣйшаго чувства сожалѣнія къ будущей жертвѣ никто не ощущалъ: до такой степени безтактность Петра III, его психопатическое преклоненіе предъ Фридрихомъ II и рядъ самыхъ немотивированныхъ поступковъ оттолкнули отъ него всѣхъ, кромѣ нѣсколькихъ собутыльниковъ, думавшихъ лишь о текущемъ днѣ (Минихъ, возвращенный изъ ссылки, былъ одинокимъ исключеніемъ).—Болотовъ рвался въ отставку и получилъ ее передъ самымъ переворотомъ, передававшимъ власть въ руки Екатерины. Получивъ отставку, онъ «поскакалъ неоглядкою изъ сего столичнаго города, оставивъ его и все въ немъ въ наисмутнѣйшемъ состояніи и будучи невѣдомо какъ радъ, что уплелся изъ него цѣлымъ и невредимымъ». Слѣдуетъ замѣтить, что Болотовъ, при всемъ своемъ добродушіи и безхитростности, былъ человѣкомъ не только умнымъ и наблюдательнымъ, но, по времени своему, обладалъ довольно сильными и самостоятельными сужденіями. Генералъ Корфъ получилъ орденъ; Болотовъ пишетъ по этому поводу (стр. 103): «и я какъ теперь помню: однажды въ отсутствіе генерала, забравшись одинъ въ спальню сію, посдѣвалъ еще сей орденъ самъ на себя и, ставъ передъ зеркаломъ, началъ было любоваться онымъ; но, тотчасъ опомнившись, захохоталъ тогдашней своей глупости, и, снявъ скорѣе опять его съ себя, повѣсилъ на прежнее мѣсто и нѣсколько минутъ занимался философическими размышленіями о суетностяхъ сего рода украшеній и о томъ, какія страшныя и великія дѣйствія производятъ бездѣлушки сіи въ умахъ и дѣяніяхъ смертныхъ, и сколь выгодно изобрѣтеніе сіе для государей, могущихъ такими бездѣлушками и такою дешевою монетою награждать подданныхъ своихъ за величайшія ихъ заслуги и доводить ими многихъ людей даже до безумія и до того, что они для полученія ихъ жертвуютъ иногда всѣмъ и всѣмъ, и даже самою жизнью своею на свѣтѣ». Подобнымъ «философическимъ размышленіямъ» соотвѣтствовалъ и образъ дѣйствій Болотова, проклинавшаго безпокойную, хотя и блестящую служебную карьеру, и, какъ мы видѣли, ликовавшаго, «унося ноги свои» изъ «сего столичнаго города» на деревенскій покой. *Е. Т.*

Фред. Гаррисонъ. Оливеръ Кромвелль. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. А. Голоцева. Цѣна 80 коп. Изданіе магазина «Книжное дѣло». 1901 г. Гаррисонъ называетъ Кромвелля величайшимъ правителемъ Англіи. Многіе,

быть можетъ, найдутъ такое заявленіе черезчуръ смѣлымъ и категорическимъ, но никто не станетъ спорить, что у Англіи не много было такихъ политиковъ, какъ Кромвелль. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о «великихъ людяхъ» въ исторіи, не входя даже въ оцѣнку политическаго генія Оливера, имѣя въ виду одни только результаты его дѣятельности, можемъ смѣло утверждать, что такъ понимать свою собственную эпоху, какъ понималъ ее Кромвиль, были способны немногіе. Революція возникла до его появленія на исторической аренѣ. Онъ вмѣшался въ событія прежде всего, какъ военачальникъ, но затѣмъ его геній все больше и больше выдвигалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не занялъ перваго мѣста въ государствѣ. А разъ забравъ въ свои руки кормило власти, Кромвелль сумѣлъ повести Англію по тому пути, по которому она должна была идти согласно могучему велѣнію историческаго момента. Въ этомъ онъ не допускалъ накакихъ уклоненій въ сторону. Если вообще возможно выдѣлить въ результатахъ революціи роль самого Кромвелля, то на ея долю придется отнести главнымъ образомъ необыкновенную прочность этихъ результатовъ. Кромвелль никогда не останавливался на полъ-дорогѣ, если онъ находилъ что-либо необходимымъ. Онъ главный виновникъ казни Карла I, онъ считалъ этотъ актъ политическимъ орудіемъ и не считалъ возможнымъ избѣгнуть его. Фанатизмъ, воспитанный въ религіозныхъ вопросахъ, у него всегда проникалъ въ политическую сферу и сообщалъ его дѣйствіямъ печать страшной послѣдовательности. Считать его оппортюнистомъ, какъ это дѣлаетъ Гаррисонъ (стр. 104), по меньшей мѣрѣ рискованно. Правда, у него не было опредѣленной политической доктрины, но онъ не былъ и профессіональнымъ политикомъ. Наконецъ, время, когда онъ дѣйствовалъ, было такое, что мудрено было выдерживать одну какую-нибудь политическую доктрину. Въ столкновеніи стольскихъ партій, стольскихъ ученій, стольскихъ интересовъ не могла устоять доктрина. Но, если можно утверждать съ извѣстнымъ основаніемъ, что не было у Кромвелля опредѣленной доктрины, то ужъ совершенно неправильно отнимать у него сознаніе цѣли, къ которой онъ стремился. Цѣль эта, вопреки Гаррисону, была. Она заключалась въ устраненіи монархіи со всѣми ея политическими и соціальными послѣдствіями. Это цѣль ясно стала передъ нимъ, какъ только онъ взялъ въ свои руки управленіе Англіей, и ужъ онъ до самой смерти не выпускалъ ея изъ виду. Какъ геніальный политикъ, онъ могъ создавать различныя комбинаціи группъ, могъ мѣнять тактику, могъ мѣнять отношеніе къ друзьямъ и врагамъ, но все это служило одной цѣли. Другой вопросъ, далеко не предрѣшимый всѣмъ вышесказаннымъ, заключается въ томъ, насколько интересы государства осложнялись у Кромвелля личными интересами. Тутъ Гаррисонъ совершенно правъ, не придавая большого значенія обвиненіямъ Кромвелля въ честолюбіи. Честолюбивые замыслы у него, конечно, были; они сопровождаютъ великаго человѣка всегда и вездѣ, но едва ли можно найти много фактовъ, когда они шли въ разрѣзъ съ сознанной имъ государственной потребностью. Революція вернула исторію Англіи въ ея первоначальное русло, отъ котораго ее отклонилъ абсолютизмъ Тюдоровъ и двухъ первыхъ Стюартовъ. И если реставрація не могла ничего дѣлать съ установившимися положеніемъ дѣлъ, если она принуждена была сама расширять конституціонныя гарантіи и въ заключеніе сложила оружіе, то въ этомъ не малая заслуга принадлежитъ суровому протектору Англіи.

Книжка Фредерика Гаррисона, виднаго мыслителя позитивной школы, вышла въ подлинникѣ довольно давно, въ 1888 году. Она принадлежитъ къ извѣстной коллекціи «Twelve english statesmen» (Двѣнадцать англійскихъ политическихъ дѣятелей), и въ большой степени ея особенности обусловлены програмой коллекціи. Входящія въ послѣднюю книжки не задаются цѣлью дать исчерпывающее освѣщеніе политической дѣятельности того или другого лица; ихъ цѣль

болѣе скромная—познакомить большую публику съ жизнью и дѣлами людей, оказавшихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на ростъ англійскихъ учрежденій и на ходъ англійской политики. Въ данномъ случаѣ размѣръ и характеръ книжки нѣсколько мѣшаютъ всестороннему освѣщенію личности Кромвелля. Она можетъ быть понята только при томъ условіи, если всюду будетъ поставлена въ обстановку событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе. А это, въ свою очередь, значитъ, что выдѣлять біографію Кромвелля изъ исторіи революціи крайне трудно. Слѣдовательно, полная біографія Кромвелля должна быть въ то же время исторіей революціи. Нужно отдать справедливость Гаррисону: онъ сумѣлъ съ честью выйти изъ всѣхъ затрудненій, которыя возникали при его работѣ. Читатель, даже незнакомый съ исторіей революціи, вынесетъ цѣльное и довольно полное впечатлѣніе. Не будучи въ состояніи останавливаться на деталяхъ, авторъ умѣло выдвигаетъ главнѣйшіе факты и вплетаетъ въ этотъ основной фонъ всѣ существенныя событія личной жизни великаго политическаго дѣятеля.

Въ оригиналѣ книжка вышла въ 1888 г.; переводъ сдѣланъ съ шестого изданія, появившагося въ 1894 г. У насъ не было подъ рукой перваго изданія; поэтому мы не знаемъ, измѣнилось ли изложеніе. Послѣ 1888 г. напечатаны три послѣднихъ труда о Кромвеллѣ: Чёрча, Броша и Джона Морлея (послѣдняя недавно переведена на русскій языкъ). Кромѣ того, появились послѣдніе томы капитальнѣйшаго изслѣдованія Гардинера, уяснившаго многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые представляются темными и неразработанными Гаррисону.

Но несмотря на нѣкоторые неизбѣжные при характерѣ книги пробѣлы, книга Гаррисона, написанная съ полнымъ пониманіемъ дѣла, обнаруживающая трезвый взглядъ на событія и отличающаяся необыкновенной ясностью, окажется очень полезной русскому читателю, потому что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего болѣе подходящаго: книга Морлея, переведенная при журналѣ, не получила большого распространенія, а монографіи по исторіи англійской революціи Гизо, Штерна, Гардинера, естественно не даютъ большого біографическаго матеріала. Переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно и читается легко.

А. Дживелеговъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Тардъ. «Соціальная логика».

Тардъ. Соціальная логика. Перев. съ франц. М, Цейтлинъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп. Извѣстность и заслуги Тарда основаны на его трудѣ «Законъ подражанія», переводъ котораго уже нѣсколько лѣтъ, какъ существуетъ и на русскомъ языкѣ (изд. Ф. Павленкова). «Соціальная логика», по мысли автора, должна явиться продолженіемъ и дополненіемъ этого перваго труда. Но врядъ ли она можетъ выдержать съ нимъ сравненіе, какъ по цѣнности выводовъ, такъ и по ясности изложенія. Всѣ недостатки его первой работы, односторонность, склонность къ рискованнымъ парадоксамъ перенесены на эту вторую работу, но безъ достоинствъ первой; это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что авторъ еще болѣе удалился съ почвы твердо обоснованныхъ фактовъ и все время оперируетъ аналогіями и разсужденіями, произвольность и гипотетичность которыхъ порою и самъ признаетъ. Кромѣ того, въ его книгѣ, распадающейся на двѣ части: общую «Принципы» и частную—«Примѣненіе принциповъ»—отнюдь не замѣчается той послѣдовательной связи, которую должно было бы ожидать и которая является результатомъ глубокой продуманности обширнаго матеріала фактовъ подъ руководствомъ одной общей идеи.

Въ виду сказаннаго становится понятной трудность изложить въ краткихъ словахъ мысли автора. Тардъ желаетъ быть реформаторомъ не только общей соціологіи, но и частныхъ отраслей общественныхъ наукъ, въ родѣ политической экономіи. На дѣлѣ пріемы, которые онъ предлагаетъ, или безплодны, будучи ничѣмъ инымъ, какъ злоупотребленіемъ, пустыми аналогіями, или только затемняютъ вопросъ, подставляя на мѣсто точныхъ и простыхъ понятій сложныя и неопредѣленныя. Къ чему можно придти въ политической экономіи, принявъ за исходный пунктъ подобное опредѣленіе богатства: «богатство представляетъ собою воплощеніе нѣкоторой комбинаціи желанія и вѣрованія (гдѣ желаніе играетъ главную роль)» (стр. 367). Въ оправданіе подобнаго опредѣленія можно много разсуждать, но для изслѣдованія и дѣйствительнаго пониманія экономическихъ явленій подобное опредѣленіе совершенно непригодно. Дѣло нисколько не выигрываетъ отъ того, что авторъ черезъ нѣсколько страницъ добавляетъ, что «первичной причиной богатства бываетъ изобрѣтеніе» (стр. 375). Но, вѣдь, изобрѣтеніе является первичною причиною не одного матеріальнаго богатства, оно лежитъ, по мысли того же Тарда, въ основѣ всего соціальнаго, искусства, религіи, языка. Въ такомъ случаѣ, что же даетъ намъ положеніе, что «первичною причиною богатства является изобрѣтеніе?»

Основная мысль автора заключается въ томъ, что «общество походитъ и по мѣрѣ того, какъ оно цивилизуется, стремится все болѣе походить, не на организмъ, а скорѣе на тотъ своеобразный органъ, который называется мозгомъ; вотъ почему соціальная наука, какъ и психологія, является только прикладной логикой» (стр. 145, также 5). Какъ индивидуальный умъ постоянно колеблется между утвержденіемъ или отрицаніемъ того или иного вѣрованія, того или иного желанія (къ вѣрованіямъ и желаніямъ, по мнѣнію автора, сводятся всѣ душевныя явленія), такъ и собирательный соціальный умъ постоянно разрѣшаетъ разныя противорѣчія, возникающія между тѣми или иными вѣрованіями или желаніями, пользуясь тѣми же пріемами логическихъ сужденій, какъ и индивидуальный умъ. Всякое событіе военное или какое-либо другое, представляетъ не что иное, какъ соціальное умозаключеніе. «И до посылокъ, извлеченныхъ изъ ея основной цѣли, сообразно съ ея средствами или познаніями, нація или партія дѣлаетъ заключеніе: «Я хочу этого», или «Это вѣрно». Другая нація изъ другихъ посылокъ выводитъ заключеніе: «Я этого не хочу» или «Это не вѣрно». При всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ, та армія, которая одушевлена болѣе сильнымъ убѣжденіемъ или болѣе сильною страстью, одерживаетъ въ концѣ концовъ верхъ и уничтожаетъ или подчиняетъ себѣ болѣе слабое убѣжденіе или страсть» (стр. 220). «Въ исторіи существенно всегда уравновѣшеніе и увеличеніе количествъ вѣры или силъ желанія». И вотъ авторъ, въ главѣ «Историческая послѣдовательность логическихъ состояній», иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи и жизни различныя формы этого согласія или несогласія сужденій или намѣреній. А и В (два какихъ-нибудь сужденія или намѣренія) не подтверждаютъ и не отрицаютъ другъ друга, не помогаютъ и не мѣшаютъ другъ другу; А отрицаетъ такое В, которое его не отрицаетъ; А и В взаимно отрицаютъ и взаимно вредятъ другъ другу, и т. д. Мы не приводимъ примѣровъ этихъ иллюстрацій: всякій читатель и самъ можетъ себѣ ихъ представить, но спрашивается, подвигаетъ ли насъ хоть на шагъ къ дѣйствительному, болѣе глубокому пониманію соціальной жизни подведеніе ея явленій подъ подобныя формулы? Въ сущности, это даетъ намъ не больше, чѣмъ мольеровскому простаку знаніе того, что онъ говоритъ прозою. И развѣ авторъ не уничтожаетъ самъ себя попутнымъ замѣчаніемъ: «Существуетъ логика жизненная (представляющаяся намъ чаще всего съ своей телеологической стороны) совершенно такъ же, какъ есть логика умственная и соціальная» (стр. 185). «Подъ многими кажущимися соціальными нелогичностями скрывается

реальная и глубокая логика», мы готовы добавить «логика интересовъ и силъ» и на этомъ условіи принять заключеніе фразы: «и тотъ, кто хочетъ объяснить соціальные факты безъ помощи этой логики, можетъ сколько угодно собирать и нагромождать другъ на друга всевозможныя исторіи дикихъ и варварскихъ народовъ, онъ никогда не будетъ много смыслить въ соціологіи» (стр. 175). Авторъ самъ предвидитъ указаніе на присутствіе постоянныхъ противорѣчій въ жизни обществъ и даетъ на это отвѣтъ, едва ли добросовѣстный: «Противорѣчія? Но, вѣдь, логика живетъ ими, такъ какъ она только и дѣлаетъ, что разрѣшаетъ ихъ» (стр. 173).

Къ чему приводитъ примѣненіе указаннаго метода, при изученіи отдѣльныхъ отраслей общественной науки, показываетъ примѣръ политической экономіи. «Свести въ итогѣ всѣ экономическія проблемы, каковы бы онѣ ни были, къ относительному и силлогистическому измѣренію желаній и вѣрованій—таковъ нашъ методъ» (стр. 394), говоритъ Тардъ. И вотъ мы видимъ, что открытіе его вызываетъ какъ разъ недоумѣніе того мольеровскаго простака, о которомъ мы упоминаемъ выше. Авторъ самъ приводитъ отзывъ Поля Леруа Болье: «Все это сказано очень остроумно, но этотъ методъ сталъ за послѣднія 10 лѣтъ вполнѣ обычнымъ въ новѣйшей политической экономіи». Тардъ не вполнѣ съ этимъ согласенъ, но скромно допускаетъ, что это можетъ быть результатомъ двухъ его статей, напечатанныхъ еще въ 1881 г. Каково самообольщеніе?! Къ сожалѣнію приходится признать, что экономисты послѣдняго десятилѣтія въ Германіи, Англіи и Австріи обнаруживаютъ столь же мало знакомства съ политико-экономическими идеями Тарда, какъ и онъ съ ихъ трудами. Да и врядъ ли ихъ наука обогатилась бы отъ разсужденій, подобныхъ слѣдующему, которое мы находимъ у Тарда въ концѣ главы: «Политическая экономія». «Византійскій міръ кончилъ поглощеніемъ телеологіи соціальной логикой, полезности — соціальной истиной въ ея религіозной формѣ, но хотя онъ стоитъ гораздо выше своей славы и даже своей судьбы, онъ все таки далеко не выполнилъ историческаго завѣта, и это потому, что и индивидуальная, и соціальная логика или телеологія, разумъ или цѣлесообразность подчинены чему-то такому, съ чѣмъ они, повидимому, борются, но чему на самомъ дѣлѣ помогаютъ,—чему-то, что не представляетъ собою ни вѣрованія, ни желанія, но что предполагаетъ всякое вѣрованіе и всякое желаніе, что всякое проявленіе сужденія и воли совершенствуетъ, развиваетъ, разнообразитъ: чисто чувственному элементу, единому и неуловимому оттѣнку, называемому внутреннимъ впечатлѣніемъ или историческимъ характеромъ, который, подобно безполезному цвѣтку, выростаетъ въ средѣ полезностей, трудолюбиво оплодотворяющихъ другъ друга, и который тѣмъ не менѣе является ихъ конечнымъ объясненіемъ» (419 стр.). Смѣемъ завѣрить читателя, что онъ пойметъ не болѣе во всей этой тирадѣ и послѣ того, какъ прочтетъ то, что ей предшествуетъ, и то, что за нею слѣдуетъ. И надо сказать, что подобное словесное упражненіе не представляетъ исключенія въ объемистой и мало связной книгѣ Тарда «Соціальная логика». *М. П—въ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ.

«Популярно-научная библіотека» *А. Ю. Маноцковой.* «Россія». Т. III.

Популярно научная библіотека А. Ю. Маноцковой. № I—«Чехія и Чехи». Очеркъ В. И. М.; № 2 — «Основы біологіи» проф. І. Нусбаума; № 4 — «Наука о здоровьи«. Д-ра С. Штерлинга; № 5—«Общая ботаника». Л. Жерардена. Дополненная О. Томэ; № 6—«Наука о погодѣ или основы метео-

рологіи Ф. Піотровскаго. «Издавая свою «популярно-научную библіотеку», — говоритъ въ предисловіи г-жа Маноцкова, — я надѣюсь, главнымъ образомъ, дать серьезный и вполнѣ научный матеріалъ въ легкой и доступной формѣ для юношества и взрослыхъ людей, не получившихъ среднеобразовательной подготовки, слѣдовательно, имѣю въ виду или совсѣмъ неподготовленнаго читателя, или получившаго самыя элементарныя свѣдѣнія, даваемыя первыми 3—4 классами реальныхъ училищъ, гимназій и городскими училищами». Для нѣкоторыхъ же своихъ изданій г-жа Маноцкова надѣется еще на болѣе широкій кругъ читателей и думаетъ, что книжки эти «съ пользой и полнымъ пониманіемъ прочтутся и крестьяниномъ, и рабочимъ, нигдѣ, кромѣ начальной школы, не учившимся».

Внѣшность изданія весьма удовлетворительная, цѣна книжекъ относительно недорогая (отъ 40 к. до 1 р.) и неопытные люди дѣйствительно могутъ подумать, что въ библіотекѣ г-жи Маноцковой заключенъ кладезь самой настоящей и въ то же время легкой премудрости. Кругъ читателей очерченъ г-жей издательницей нельзя сказать, чтобъ ужъ очень скромнымъ радіусомъ—чуть ли не всѣ сословія и возрасты, — и можетъ случиться, что неопытныхъ людей, которые пойдутъ утолять свою духовную жажду изъ кладезя г-жи Маноцковой, найдется довольно много. Жаль этихъ людей, жаль ихъ рѣдкихъ свободныхъ часовъ, ихъ трудовыхъ денегъ. Но еще болѣе жаль, если разочарованіе въ наукѣ, которую имъ преподносятъ популиризаціи, подобныя библіотекѣ г-жи Маноцковой, перейдетъ въ отчаяніе или апатію и они навсегда потеряютъ надежду и охоту пріобрѣсти какія либо научныя знанія.

Только нравственная обязанность предостеречь этого читателя и заставила насъ взять на себя неблагодарный трудъ рецензировать «популярно-научную библіотеку» А. О. Маноцковой.

Начать съ того, что ни одна изъ перечисленныхъ выше книжекъ этой библіотеки не подходитъ къ той широкой публикѣ, которую имѣетъ въ виду издательница. Всѣ эти книжки сухи, конспективны, опредѣленія, даваемыя въ нихъ не ясны, сбивчивы и часто совершенно невѣрны, масса научныхъ терминовъ совсѣмъ не объяснена, другіе объяснены такъ, что вносятъ еще большую неясность и путаницу, наконецъ, встрѣчаются «объясненія», поразительныя по своему невѣжеству. Эти недостатки еще усиливаются, благодаря тому, что вся «библіотека» написана ужаснѣйшимъ языкомъ.

Чтобы не быть голословными остановимся отдѣльно на каждой книжкѣ.

«Наука о здоровьѣ». Авторъ въ своемъ предисловіи говоритъ: «За образецъ при составленіи этой книжки я взялъ книжку, изданную въ Германіи, въ виду ея полезности и научности, на счетъ государства» (sic!). Раздѣляется она на нѣсколько отдѣловъ (главъ). Первый отдѣлъ: «О строеніи и назначеніи различныхъ частей человѣческаго тѣла» представляетъ простой перечень внутреннихъ и внѣшнихъ органовъ, изъ котораго нельзя вынести никакого представленія ни о строеніи, ни о назначеніи этихъ органовъ. Здѣсь мы узнаемъ, напримѣръ, что есть «кости плоскія, напр. кости черепа, другія же кости бываютъ губчатыя, напр. позвонки». Что такое губчатая кость, такъ и не выяснено, — а жаль: вѣдь губчатое вещество содержится и въ костяхъ черепа. Тутъ же сухожиліе смѣшивается со связкой и находится слѣдующее опредѣленіе железы: «Нѣкоторыя изъ мягкихъ частей обладаютъ способностью выдѣлять изъ себя жидкости. Такія части тѣла мы назыв. железами» (стр. 10). На стр. 23 читатель узнаетъ, что «бѣлковыя вещества перевариваются подъ дѣйствіемъ кислотъ желудочнаго сока». О дѣятельности же подъжелудочной железы и тонкихъ кишекъ ни слова. На стр. 34 читаемъ: «Какъ въ каждомъ живомъ существѣ, такъ и въ тѣлѣ человѣка, развиваются зародыши, служащіе для созданія новыхъ подобныхъ ему существъ». Черезъ три строчки далѣе: «Органы,

*

служащіе для этой цѣли, выдѣляютъ вещества, имѣющія способность постоянно развиваться въ новыхъ людей». Должно быть, издательница въ перечнѣ лицъ, для коихъ она предназначаетъ свою научно-популярную библіотеку, забыла упомянуть объ институткахъ; вѣдь только для послѣднихъ, можетъ быть, подходилъ бы такой деликатный стиль при описаніи процессовъ оплодотворенія.

Во 2-омъ отдѣлѣ разбираемой книги «Жизненныя потребности человѣка» встрѣчаемъ такое опредѣленіе: «Указанія къ тому, какъ лучше всего удовлетворить свои потребности, даетъ человѣку наука, называемая *гигіеной*».

И здѣсь страницы такъ и пестрятъ словами: бѣлокъ, углеводы, микробы, соли и пр. и т. пр., но, конечно, ни одно изъ нихъ путемъ не объясняется. О фальсификаціи продуктовъ, о томъ, какой родъ занятій вреденъ, почему нужно соблюдать чистоту, объ освѣщеніи, объ одеждѣ или совсѣмъ не говорится, или говорится вскользь. Всѣ остальные отдѣлы на столько же поучительны и даютъ столько же полезныхъ знаній и написаны такимъ же удивительнымъ языкомъ, какъ и предыдущіе.

Въ этой книгѣ находятся два приложенія такого же достоинства: 1) Что такое гигіена и 2) Заразныя болѣзни. Первое приложеніе составлено, по словамъ издателя, по энциклопедическому словарю Эфрона. У насъ нѣтъ подъ рукой словаря, но врядъ ли оттуда можно было почерпнуть, напр., такую фразу: «Нужно прибавить, что гигіена имѣетъ дѣло не съ отвлеченнымъ, такъ сказать, біологическимъ человѣкомъ, а какъ съ членомъ общества ему подобныхъ» (стр. 191).

«Общая ботаника Жирардена». Эта книжка даже хуже предыдущей. По-крайней мѣрѣ научнаго невѣжества въ ней больше.

Такъ авторъ (или переводчикъ?) увѣряетъ, что растенія раздѣляются на 4 группы: *плѣсени* (?), *мхи*, *папортники* и *явнобрачныя*. Къ плѣсенямъ, составляющимъ собственно одну изъ группъ грибовъ, отнесены водоросли, грибы и лишаи. О мхахъ же говорится, что «структура (?!) ихъ исключительно ограничивается клѣточками» (стр. 8), Къ явнобрачнымъ отнесены и хвойныя деревья (?!). Великолѣпно охарактеризованы также на стр. 42 грибы: «Среди лишаевъ, поучаетъ авторъ, грибы составляютъ группу, лишенную хлорофила; они не развиваются иначе, какъ на организованныхъ тѣлахъ живыхъ или мертвыхъ». Въ этой книжкѣ, предназначенной и для лицъ, окончившихъ только народную школу, упоминается постоянно о теоріи происхожденія видовъ, естественномъ подборѣ, приспособленіи, различныхъ реактивахъ, о пептонахъ, о пласмодіи, объ органическихъ, неорганическихъ веществахъ и т. д., и т. д., причемъ, конечно, не объясняется ни одно изъ этихъ понятій. Какъ видно и для самого переводчика (не думаемъ, чтобы это была вина автора) не ясно, что такое органическія и неорганическія вещества. Такъ, на стр. 24 и 25 читаемъ: «она (протоплазма) вырабатываетъ такое вещество, какъ бѣлокъ, альбуминъ (?), протеинъ, клѣтчатку, жиры; изъ питательныхъ жидкостей, содержащія лишь алкоголь или уксусную кислоту, углекислый аммоній, фосфорно-кислый калій, магній и воду, т.-е. вещества неорганическія». Такъ что алкоголь и уксусная кислота, по мнѣнію переводчика, вещества неорганическія. По мнѣнію переводчика, въ жидкости Ролэна находятся слѣдующія вещества: азотистый аммоній, фосфористый аммоній, углеродистый калій, углеродистый магній, сѣрнистые — аммоній, цинкъ и желѣзо. Къ сожалѣнію, ни одного изъ этихъ многихъ и совсѣмъ не существуетъ. Но честь слѣдующихъ открытій принадлежитъ уже, вѣроятно, автору и переводчику вмѣстѣ.

«Мы не имѣемъ до сихъ поръ доказательствъ, напечатано на стр. 30, что клѣтки могутъ происходить сами изъ себя (самозарожденіе)». Или на стр. 43: «Принадлежащія къ этой группѣ Plasmodiophora развиваются на корняхъ капусты, вызывая у людей, употребляющихъ такую капусту, вредные наросты(?),

извѣстные подъ названіемъ зоба (?), или килы (?)». Право, невѣроятно, что это напечатано въ «серьезной» книжкѣ, а не выписано изъ юмористическаго журнала!

Такое невѣжество становится менѣе опаснымъ, благодаря великолѣпному языку перевода. Боже, что это за языкъ! Вотъ, напримѣръ, на выдержку слѣдующее мѣсто: «Пища, состоящая непосредственно или косвенно изъ зеленыхъ растеній, выдѣляетъ въ нашихъ органахъ заимствованную изъ солнечныхъ лучей энергію, которую въ ней накопилъ хлорофилъ; слѣдовательно зеленая ткань растенія служитъ посредникомъ, дающимъ живымъ существамъ возможность потреблять живую силу солнца, накопленную въ ея продуктахъ, на построеніе и приведеніе въ дѣйствіе своихъ органовъ» (стр. 27). Будь авторъ и переводчикъ еще въ 100 разъ невѣжественнѣе это не опасно: ну кто можетъ понять объ чемъ здѣсь говорится?!

«Основы біологіи» проф. Нусбаума и «Наука о погодѣ» Ф. Піотровскаго составлены гораздо лучше предыдущихъ книгъ, но они страдаютъ какой-то безнадежной сухостью.

Какъ видно изъ предисловія издателя къ «Наукѣ о погодѣ», эта сухость и схематичность являются, такъ сказать, принципіальными и издатель серьезно радуется, что «руководство, потерявъ частицу своей живости и увлекательности, этимъ самымъ пріобрѣтетъ болѣе научной цѣнности». Смѣемъ увѣрить г-жу Маноцкову, что о «научной цѣнности» популярныхъ книжекъ вообще, а предлагаемыхъ ея «библіотекой» въ особенности говорить не приходится, живость же и увлекательность всегда были и будутъ необходимымъ условіемъ всякой популяризаціи. Переведены эти двѣ книжки тоже гораздо лучше предыдущихъ, но все же достаточно неудовлетворительно: видно, что переводчикъ и самъ не вполнѣ владѣетъ русскимъ языкомъ и его сбиваетъ близкій языкъ оригинала (польскій). Иностранныхъ словъ и терминовъ тоже меньше, переведены они въ большинствѣ случаевъ вѣрно, хотя встрѣчаются и курьезы— вродѣ «палеозоической» и «ценозоической» эпохъ.

«Словарь непонятныхъ словъ», приложенный къ книжкѣ «Основы біологіи» также неудовлетворителенъ, какъ и такой же словарь при общей ботаникѣ: неизвѣстное часто объясняется еще болѣе неизвѣстнымъ, много неточностей, достаточно и элементарнаго невѣжества. Составитель этого словаря увѣряетъ, напримѣръ, что «кислотой въ химіи называютъ соединеніе окиси съ водой» (стр. 141), что «аналитическая химія является не наукой, а скорѣе искусствомъ» (стр. 151), что «соль *есть* соединеніе окиси съ кислотой (стр. 152), что споры у животныхъ называются зооспорами, что углекислота— «это—кислота, но безъ воды и при томъ въ газообразномъ видѣ» (стр. 154) и т. д. и т. д.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Растетъ кругъ читателей, «окончившихъ только народную школу» и вмѣстѣ съ этимъ все усиливается количество quasi — «популярныхъ», никуда негодныхъ книжекъ. Пора бы и интеллигенціи и издателямъ подумать о томъ, какъ бы дѣйствительно удовлетворить жажду знанія этого читателя и вытѣснить изъ обращенія подобные суррогаты популяризаціи.

«Чехія и чехи»—безцвѣтный, сѣрый очеркъ. На 74 маленькихъ страничкахъ составитель пытается познакомить читателя и съ исторіей, и съ географіей Чехіи, и съ современной экономической и общественной жизнью чеховъ. Въ результатѣ—изъ исторіи Чехіи вы узнаете имена королей и ихъ супругъ, а о І. Гуссѣ и Янѣ Жишкѣ сказано только: «Ненависть къ нѣмцамъ, которые были въ то время еще католиками, привела даже къ возникновенію въ Чехіи секты гусситовъ, во главѣ которыхъ стояли Янъ Гуссъ, потомъ талантливый полководецъ Янъ Жижка». Такова же географія и все остальное.

Видно и составитель почувствовалъ, что врядъ ли читатель получилъ какое-нибудь представленіе о «Чехіи и чехахъ», и потому обѣщаетъ, «когда-нибудь еще побесѣдовать съ читателемъ о трудолюбивомъ, просвѣщенномъ и умномъ чехѣ».

Лучше ужъ не бесѣдовать больше. *В. Агафоновъ.*

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Томъ III: Озерная область. Съ 119 политипажами, 37 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой и 8 малыми картами. Составили: Б. Г. Карповъ, Н И. Ильинъ, Я. Ф. Ставровскій, В. В. Морачевскій, А. М. Рыкачевъ, Н. А. Соколовъ, А. Н. Успенская. Спб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900, стр. 456 въ 8⁰ долю. Цѣна 1 р. 90 к.

Третій томъ «Россіи», вышедшій раньше второго и посвященный губерніямъ: С.-Петербургской, Псковской, Новгородской и Олонецкой, какъ по богатству матеріала, такъ и по формѣ изложенія заслуживаетъ нашего вниманія даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ первый томъ этого изданія (о которомъ мы своевременно сообщали). Какъ въ первомъ томѣ, мы и здѣсь находимъ на первомъ мѣстѣ отдѣлъ «Природа». Въ сжатыхъ, но весьма содержательныхъ очеркахъ, общедоступнымъ, мѣстами даже художественнымъ языкомъ обрисованы основныя черты природы описываемаго края. Формы поверхности и характерныя особенности природы края (озера, водопады, пороги, болота, дюны, подземныя рѣки) объясняются, какъ результаты геологической эволюціи данной области. Попутно вездѣ указывается на распространеніе и значеніе полезныхъ ископаемыхъ. Во второй главѣ характеризуются основные элементы климата, въ третьей—растительный и животный міръ. И здѣсь развитіе различныхъ формъ растительнаго покрова, чередованіе и взаимная смѣна однѣхъ растительныхъ формацій другими, обрисована очень наглядно и съ знаніемъ дѣла.

Во второмъ отдѣлѣ на сцену появляется человѣкъ. Изъ четвертой главы мы узнаемъ, какъ постепенно разросталась и усложнялась культурная жизнь населенія этой болотистой полосы Россіи, какъ эта полоса постепенно пріобрѣтала все большее значеніе для промышленнаго и культурнаго развитія всей Россіи. Слѣдующія главы посвящены современному состоянію: распредѣленію населенія по области, этнографическому составу его, особенностямъ быта, культурному уровню (глава V); промысламъ и занятіямъ населенія (сельское хозяйство и сельскохозяйственные промыслы, кустарная промышленность, фабрично-заводская пром. отхожіе промыслы); и, наконецъ, путямъ сообщенія (гл. VII). Всѣ эти главы снабжены многочисленными и превосходными иллюстраціями (ландшафты, карты, діаграммы и картограммы), которыя и по выбору и по исполненію значительно лучше, чѣмъ въ I томѣ.

III-й отдѣлъ, озаглавленный «Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности», поражаетъ читателя добросовѣстной обработкой и множествомъ сообщаемыхъ фактовъ. Читатель находитъ въ этой части не только чисто практическія указанія о характерѣ горныхъ породъ и полезныхъ ископаемыхъ, обнажающихся въ рѣчныхъ долинахъ, о количествѣ и производительности тѣхъ или иныхъ фабрикъ и заводовъ, разбросанныхъ въ этой области. Описывая ту или иную мѣстность, авторы вездѣ пользуются случаемъ развернуть передъ читателемъ картинки прошлаго, которыя показываютъ, чѣмъ была та или иная мѣстность въ исторіи даннаго края и всей Россіи, и попутно воскрешаютъ передъ нами цѣлыя эпохи въ историческомъ развитіи нашей родины.

Что касается внѣшней стороны изданія, то она не оставляетъ желать ничего лучшаго: печать, бумага и большая часть иллюстрацій превосходны, указатели литературы, именной и предметный, составлены толково. Не мѣшало бы

болѣе тщательно просматривать корректуры, такъ какъ ссылки на соотвѣтствующія поля справочной карты, долженствующія облегчить читателю отысканіе данной мѣстности по большей частью невѣрны, итоги въ таблицахъ также часто страдаютъ неточностями (напр., таблицы осадковъ въ I и II томахъ). Эти и подобные мелкіе недочеты, разумѣется, совершенно исчезаютъ передъ высокими достоинствами книги, вполнѣ заслуживающей своего названія «настольной и дорожной книги для русскихъ людей». Именно въ настоящій моментъ, когда наша реформируемая школа начинаетъ дѣлать первые шаги на пути къ осуществленію «благихъ пожеланій», можно только отъ всей души пожелать широкаго распространенія уже вышедшимъ томамъ этой серіи (и скорѣйшаго выхода послѣдующихъ!), способнымъ оказать серьезныя услуги учителямъ при преподаваніи отечествовѣдѣнія и естественной исторіи.

С. Чулокъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ И САМООБРАЗОВАНІЕ.

Л. А. Золотаревъ. «Первые шаги самообразованія».

Первые шаги самообразованія. Практическіе совѣты и указанія по самообразованію для лицъ, не получившихъ средняго образованія. Составилъ Л. А. Золотаревъ. 72 стр. въ 1/16 Москва. Ц. 30 коп. 1901 г. Авторъ прежде всего старается выяснить необходимость самообразованія и вліяніе его на различные стороны жизни человѣка. Эта часть задачи особенно не удалась г. Золотареву, не удалась отчасти потому, что онъ прибѣгнулъ къ пріему, совершенно неудачному для такой маленькой брошюры: теоретическая часть въ ней—почти сплошныя выписки изъ различныхъ писателей. Тутъ и философы—Шопенгауеръ и Спенсеръ рядомъ съ Каптеревымъ и Гильти, тутъ и Пушкинъ, и Толстой, и профессора Петербургскаго университета—Бекетовъ и г. Шимкевичъ. Особенно много вниманія удѣлено прописному Смайльсу. Понятно, столь различные люди говорили по данному вопросу весьма различныя вещи, различныя какъ по содержанію, такъ и по цѣнности. Лучше было совсѣмъ не дѣлать этихъ выписокъ, но разъ онѣ сдѣланы, необходимо помочь читателю, «не получившему средняго образованія», разобраться въ противорѣчіяхъ. Къ сожалѣнію, г. Золотаревъ не пожелалъ или не сумѣлъ этого сдѣлать, и Шопенгауеръ мирно уживается съ Смайльсомъ и Гильти. Иногда, впрочемъ, когда противорѣчія между различными авторами становятся совершенно прозрачными, г. Золотаревъ рѣшается замѣтить одному изъ великихъ мужей, что можно и такъ, но можно и иначе. Имѣются иногда у автора и собственныя мысли. Такъ, напр., на стр. 8 онъ увѣряетъ, что «благодаря книгамъ и школамъ знанія пріобрѣтаются гораздо быстрѣе, чѣмъ при ихъ устной передачѣ». Оригинально, но нельзя сказать, чтобы вразумительно. На стр. 50-й авторъ утверждаетъ, что «рѣшеніе задачъ (математическихъ) заставляетъ умъ упражняться въ анализѣ явленій (?!) и постепенно втягиваетъ его въ работу, которая со временемъ дѣлается привычкой», а на стр. 70 не менѣе категорично заявляетъ своимъ читателямъ, что «точно также вредны всѣ литературныя произведенія, изображающія жизнь въ ложномъ свѣтѣ». Слѣдомъ за этимъ глубокимъ афоризмомъ г. Золотаревъ съ обычной для него логикой приводитъ громадную выписку изъ Шопенгауера, въ которой великій пессимистъ нападаетъ вообще на романы; затѣмъ идетъ неизмѣнное расшаркиваніе передъ «особой» и столь же неизмѣнное маленькое отступленіе. «Справедливое замѣчаніе Шопенгауера, разумѣется (?!), не относится къ литературнымъ произведеніямъ такихъ великихъ писателей, какъ гр. Л. Н. Толстой, Тургеневъ, Салтыковъ

(Щедринъ), Достоевскій, Успенскій, Златовратскій и др.». Счастливый г. Златовратскій и «другіе», попавшіе въ сонмъ великихъ и въ то же время невредныхъ беллетристовъ. Такъ составлена вся брошюрка. Поучительнаго мало и мы не взяли бы на себя трудѣ рецензировать произведеніе г. Золотарева, если не думали бы, что для того круга лицъ, которыхъ имѣлъ въ виду авторъ, его указанія книжекъ элементарнаго самообразованія могутъ иногда принести нѣкоторую пользу. Вѣдь условія нашей общественности таковы, что лицамъ «не получившимъ средняго образованія», часто не къ кому и обратиться за подобнымъ совѣтомъ!

Но и въ этой, практической—части книжечки авторъ не совсѣмъ на высотѣ своей задачи. Укажемъ только нѣкоторые недосмотры. Такъ—напр., по астрономіи приведена, между прочимъ, самая устарѣвшая «Астрономія» Локьера (1876 г.) и совершенно не упоминается такая классическая, популярная и новая книга, какъ «Астрономическіе вечера» Клейна (переведена въ «Мірѣ Божьемъ», прилож. 1894 г. и два раза издана товар. «Знаніе»). По минералогіи рекомендована (хотя и со словъ петербургской программы) также сильно устарѣвшая книга А. Герда «Первые уроки минералогіи» (1869 г.), которую все же лучше было бы замѣнить «Учебникомъ минералогіи, Кричагина. По ботаникѣ, между прочимъ, рекомендованъ «Учебникъ ботаники» проф. А. Н. Бекетова,—книга, совершенно не подходящая для элементарнаго самообразованія; то же нужно сказать относительно «Сборника статей въ помощь самообразованію», изданнаго въ Москвѣ кружкомъ преподавателей; статьи эти даже и для лицъ, получившихъ среднее образованіе, трудны. Но положительное недоумѣніе, чтобы не сказать больше, вызываетъ рекомендація авторомъ своихъ брошюръ «Правильному исполненію семейныхъ обязанностей,—поучаетъ г. Золотаревъ,—часто мѣшаетъ невѣрное пониманіе взаимныхъ отношеній мужчины и женщины въ бракѣ». Для уразумѣнія этихъ обязанностей авторъ и совѣтуетъ читателямъ обратиться къ его брошюрамъ. Положимъ, г. Золотаревъ, видимо, спеціалистъ въ вопросахъ подобнаго рода. Онъ посвятилъ имъ (что пропечатано и на обложкѣ разбираемой брошюры) цѣлыхъ 12 брошюръ. Между ними есть, вѣроятно, преинтересныя, по крайней мѣрѣ судя по названію *). Но все же, какъ будто и не мѣсто такой «спеціализаціи» въ маленькой брошюркѣ по самообразованію. *В. Агафоновъ.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Спб. 1901 г. Изданіе товарищества «Общественная Польза» Томъ I, вып. 1—2 Цѣна за все изданіе по подпискѣ 15 рублей. Въ то время, какъ на Западѣ существуетъ уже давно цѣлый рядъ энциклопедическихъ словарей, какъ общихъ, такъ и по отдѣльнымъ отраслямъ знанія, у насъ въ Россіи этотъ родъ справочныхъ изданій только теперь начинаетъ завоевывать себѣ права гражданства. Съ легкой руки Брокгауза у насъ выходитъ теперь сразу нѣсколько подобныхъ словарей и въ томъ числѣ словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ, подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Врядъ ли нужно доказывать своевременность появленія подобнаго изданія.

---

*) Наприм., «Гигіена брака», «Устой семьи», «Мимолетныя связи и бракъ», «Какъ облегчить страданія женщины во время родовъ» и др. Каждая изъ этихъ 12 брошюръ стоитъ всего 30 коп. Авторъ, видимо, и здѣсь разсчитываетъ на широкую публику, «не получившую средняго образованія».

Усиливающійся съ каждымъ днемъ въ нашемъ обществѣ интересъ къ вопросамъ соціальнымъ и экономическимъ служитъ достаточной гарантіей, что этотъ словарь найдетъ для себя достаточный кругъ читателей и не только среди спеціалистовъ. По мысли гг. редакторовъ, содержаніе настоящаго изданія должно обнять всѣ юридическія дисциплины, а также и всю совокупность экономическихъ наукъ, входящихъ, какъ части одного цѣлаго, въ составъ политической экономіи. Въ области спеціальныхъ юридическихъ наукъ редакторы задались цѣлью дать. кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній изъ области дѣйствующаго права, также по возможности и необходимыя данныя исторіи, теоріи и политики подлежащихъ институтовъ и областей права.

Редактированіе спеціальныхъ отдѣловъ приняли на себя: профессора Л. I. Петражицкій, В. И. Сергѣевичъ, А. Х. Гольмстенъ, В. А. Лебедевъ, П. П. Соколовъ и приватъ-доценты: В. М. Гессенъ, А. А. Жижиленко и В. Э. Грабарь. Кромѣ того, въ словарѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ наиболѣе извѣстныхъ юристовъ и экономистовъ, какъ, напр., проф. И. Я. Фойницкій, проф. Ю. С. Гамбаровъ, П. Б. Струве, проф. Н. Л. Дювернуа и мн. др. Два вышедшіе уже выпуска содержатъ въ себѣ слова отъ А до Б (Биржевой натаріусъ). По этимъ двумъ первымъ выпускамъ, конечно, трудно еще судить, насколько гг. редакторы изданія справились со своей задачей, тѣмъ болѣе, что первый выпускъ почти весь переполненъ однимъ римскимъ правомъ. Во всякомъ случаѣ уже теперь можно отмѣтить рядъ весьма обстоятельныхъ статей какъ въ первомъ, такъ и во второмъ выпускѣ. Укажемъ, напр., статью «Аукціонъ» гг. Дювернуа и Гольмстена, «Банки» Ю. Д. Филиппова; «Безвѣстное отсутствіе» Ю. С. Гамбарова, его же ст. «Береговое право»; «Безработица» Ф. Волкенштейна и его же статью «Алкоголизмъ»; «Австро-Венгрія» В. М. Гессена, «Биржа»— А. Ф. Волкова и мн. др. Всѣ статьи сопровождаются указаніемъ источниковъ по каждому вопросу, что, конечно, придаетъ имъ большую цѣнность. Все изданіе займетъ три тома и будетъ выходить выпусками. Отъ души желаемъ полнаго успѣха этому предпріятію. *К. Д—нъ.*

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1901 годъ.

I. *БЕЛЛЕТРИСТИКА.*

Мельшинъ, Л. «Пасынки жизни». *А. Б.* Декабрь.
Минскій, Н. М. «Новыя пѣсни». *А. Б.* Мартъ.
Поэ, Эдгаръ. «Собраніе сочиненій». Поэмы и сказки. *А. Б.* Августъ.
Руссо, Ж. Ж. «Исповѣдь». Перев. съ франц. С. С. Трубачева. *Е. Дегенъ.* **Май.**
«Русская Лира». Сборникъ произведеній русской художественной лирики. Составилъ М. Л. Б.—*А. Б.* Февраль.
Сальниковъ, А. Н. «Русскіе поэты за сто лѣтъ». *С. Ашевскій.* Іюнь.
Свифтъ, Джонатанъ. «Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта». *Е. Дегенъ.* Августъ.
Соколовъ, А. А. «Деревня въ родной поэзіи». Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ деревнѣ. *С. Ашевскій.* Ноябрь.
Станюковичъ, К. М. «Изъ жизни моряковъ». Разсказы. *А. Б.* Май.
«Сѣверные цвѣты». Изд. «Скорпіона». *А. Б.* Іюнь.
Торквато Тассо. «Освобожденный Іерусалимъ». Переводъ Дм. Минъ. *Е. Дегенъ.* Февраль.
Французъ, К. Э. «Борьба за право». Романъ. *А. Б.* Іюль.
«Французскіе поэты». Изд. подъ редакціей Н. Новича. *Е. Дегенъ.* Февраль.
Хвостовъ, Н. Б. (Н. Борисовичъ). «Собраніе стихотвореній». Въ двухъ книгахъ. *А. Б.* Февраль.
Чириковъ, Ев. «Очерки и разсказы». *А. Б.* Іюнь.
Шапиръ, О. «Законныя жены». *А. Б.* Декабрь.
Шереметевъ, П. «Отзвуки разсказовъ Горбунова». *П. М.* Декабрь.
Щепкина-Куперникъ, Т. «Мои стихи». *А. Б.* Ноябрь.

II. *КРИТИКА. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.*

Брандесъ, Георгъ. «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». *Е. Дегенъ.* Августъ.
Ватсонъ, М. «Джузеппе Джусти». *Е. Дегенъ.* Апрѣль.
Венгеровъ, С. А. Источники словаря русскихъ писателей. *С. Ашевскій.* Май.
Веселовскій, Юрій. «Литературные очерки». *Е. Дегенъ.* Январь.
«Галлерея русскихъ писателей». *С. Ашевскій.* Іюль.
Труды Я. К. Грота. Очерки изъ исторіи русской литературы. *С. Ашевскій.* Іюль.
Дѣдловъ, В. Л. «Кіевскій Владимірскій соборъ и его художественные творцы». *Вас. Сторожевъ.* Ноябрь.
Коровяковъ, Д. «Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній». *В. Острогорскій* Февраль.
— «Искусство выразительнаго чтенія». *В. Острогорскій.* Февраль.
Кубасовъ, И. А. «Александръ Ефимовичъ Измайловъ». *С. Ашевскій.* Октябрь.
Кузьминскій, К., подъ ред. проф. Кирпичникова, «Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность». *С. Ашевскій.* Октябрь.
Кранихфельдъ, Вл. П. «Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украйны и Запорожья». *А. Б.* Май.
Марковъ. А. «Бѣломорскія былины». *С. Ашевскій.* Ноябрь.
Озаровскій, Ю. Э. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Пособіе для режиссеровъ, театральныхъ дирекцій, драматическихъ артистовъ, драматическихъ школъ, любителей драматическаго искусства. *П. М—въ.* Августъ.
Петерсонъ, О. М. «Сервантесъ и его произведенія». *Е. Дегенъ.* Апрѣль.
Полевой, П. Н. «Исторія русской словесности». *С. Ашевскій.* Апрѣль.
Рескинъ, Джонъ. «Сочиненія». Лекціи объ искусствѣ. *Е. Дегенъ.* Сентябрь.
— «Современные художники». *Е. Дегенъ.* Сентябрь.

— «Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 году *Е. Дегенъ*. Февраль.

Ровинскій, Д. А. «Русскія народныя картинки». *П. Морозовъ*. Январь.

«Русскій біографическій словарь» *С. Ашевскій*. Май.

Рѣпинъ, И. Е. «Воспоминанія, статьи и письма изъ за-границы». *Е. Дегенъ*. Сентябрь.

Садовниковъ, Д. «Загадки русскаго народа». *С. Ашевскій*. Январь.

Хомякова. А. С. «Полное собраніе соч.». *С. Ашевскій*. Февраль.

Хрущовъ, И. П. «Бесѣды о древней русской литературѣ». *С. Ашевскій*. Февраль.

Фагэ, Эмиль. «Девятнадцатый вѣкъ». Литературные этюды. *Е. Т.* Декабрь.

Фрикенъ-Фонъ, А. «Итальянское искусство въ эпоху возрожденія». *Е. Дегенъ*. Ноябрь.

Чайковскій, М. «Жизнь П. И. Чайковскаго». *В. Вальтеръ*. Декабрь.

III. *ПУБЛИЦИСТИКА.*

Амфитеатровъ, А. (Old Gentelemen). «Недавніе люди». *А. Б.* Сентябрь.

Волкова женщина-врачъ и Влад. Вольфсонъ канд. естеств. наукъ. «Бесѣды о здоровьи». *А. Б.* Мартъ.

Горовцевъ, А. «Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ». *М. П-въ*. Октябрь.

«Деревенскіе ясли-пріюты въ Воронежской губ. лѣтомъ 1900 г.». *В. К.* Октябрь.

«Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ». *В. К.* Сентябрь.

Іоаниссіани, Р. А. «Дома трудолюбія». *Б. А.* Январь.

Карышевъ, Николай. «Земскія ходатайства (1865—1884)». *М. П-въ*. Май.

Лукинъ, А. П. «Отголоски жизни» *А. Б.* Мартъ.

«Отчетъ о дѣятельности несчастныхъ женщинъ въ Казани». *А. Б.* Іюнь.

Ризонъ, У. «Университетскія и соціальныя поселенія». *Е. Т.* Сентябрь.

Генне, амъ-Ринъ, Отто, д-ръ. «Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественной нравственностью». *А. Б.* Іюнь.

Розановъ, В. В. «Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго». *А. Б.* Сентябрь.

Семеновъ, Дм. Дм. «Городское самоуправленіе». Очерки и статьи. *М. П-въ*. Май.

Тумановъ, Г. М., князь. «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ». *В. К.* Октябрь.

IV. *ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ*

Ардашевъ, Павелъ. «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1789)». *О. Н. У.* Май.

Барсуковъ, Н. П. «Жизнь и труды М. П. Погодина». *Василій Сторожевъ*. Апрѣль.

Бергеръ, Арнольдъ. «Культурныя задачи реформацій». Введеніе въ біографію Лютера. *А. Дживелеговъ*. Май.

Бецольдъ, фонъ-Фридрихъ. «Исторія реформаціи въ Германіи». *А. Дживелеговъ*. Февраль.

Болотовъ, А. «Петербургъ при Петрѣ III». *Е. Т.* Декабрь.

«Записки Сергія Григорьевича Волконскаго». *В. Богучарскій*. Ноябрь.

Гаррисонъ, Ф. «Оливеръ Кромвель». *А. Дживелеговъ*. Декабрь.

Мельшинъ, Л. «Пасынки жизни». *А. Б.* Декабрь.
Минскій, Н. М. «Новыя пѣсни». *А. Б.* Мартъ.
Поэ, Эдгаръ. «Собраніе сочиненій». Поэмы и сказки. *А. Б.* Августъ.
Руссо, Ж. Ж. «Исповѣдь». Перев. съ франц. С. С. Трубачева. *Е. Дегенъ.* **Май.**
«Русская Лира». Сборникъ произведеній русской художественной лирики. Составилъ М. Л. Б.—*А. Б.* Февраль.
Сальниковъ, А. Н. «Русскіе поэты за сто лѣтъ». *С. Ашевскій.* Іюнь.
Свифтъ, Джонатанъ. «Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта». *Е. Дегенъ.* Августъ.
Соколовъ, А. А. «Деревня въ родной поэзіи». Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ деревнѣ. *С. Ашевскій.* Ноябрь.
Станюковичъ, К. М. «Изъ жизни моряковъ». Разсказы. *А. Б.* Май.
«Сѣверные цвѣты». Изд. «Скорпіона». *А. Б.* Іюнь.
Торквато Тассо. «Освобожденный Іерусалимъ». Переводъ Дм. Минъ. *Е. Дегенъ.* Февраль.
Французъ, К. Э. «Борьба за право». Романъ. *А. Б.* Іюль.
«Французскіе поэты». Изд. подъ редакціей Н. Новича. *Е. Дегенъ.* Февраль.
Хвостовъ, Н. Б. (Н. Борисовичъ). «Собраніе стихотвореній». Въ двухъ книгахъ. *А. Б.* Февраль.
Чириковъ, Ев. «Очерки и разсказы». *А. Б.* Іюнь.
Шапиръ, О. «Законныя жены». *А. Б.* Декабрь.
Шереметевъ, П. «Отзвуки разсказовъ Горбунова». *П. М.* Декабрь.
Щепкина-Куперникъ, Т. «Мои стихи». *А. Б.* Ноябрь.

II. *КРИТИКА. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.*

Брандесъ, Георгъ. «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». *Е. Дегенъ.* Августъ.
Ватсонъ, М. «Джузеппе Джусти». *Е. Дегенъ.* Апрѣль.
Венгеровъ, С. А. Источники словаря русскихъ писателей. *С. Ашевскій.* Май.
Веселовскій, Юрій. «Литературные очерки». *Е. Дегенъ.* Январь.
«Галлерея русскихъ писателей». *С. Ашевскій.* Іюль.
Труды Я. К. Грота. Очерки изъ исторіи русской литературы. *С. Ашевскій.* Іюль.
Дѣдловъ, В. Л. «Кіевскій Владимірскій соборъ и его художественные творцы». *Вас. Сторожевъ.* Ноябрь.
Коровяковъ, Д. «Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній». *В. Острогорскій.* Февраль.
— «Искусство выразительнаго чтенія». *В. Острогорскій.* Февраль.
Кубасовъ, И. А. «Александръ Ефимовичъ Измайловъ». *С. Ашевскій.* Октябрь.
Кузьминскій, К., подъ ред. проф. Кирпичникова, «Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность». *С. Ашевскій.* Октябрь.
Кранихфельдъ, Вл. П. «Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украйны и Запорожья». *А. Б.* Май.
Марковъ. А. «Бѣломорскія былины». *С. Ашевскій.* Ноябрь.
Озаровскій, Ю. Э. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Пособіе для режиссеровъ, театральныхъ дирекцій, драматическихъ артистовъ, драматическихъ школъ, любителей драматическаго искусства. *П. М—въ.* Августъ.
Петерсонъ, О. М. «Сервантесъ и его произведенія». *Е. Дегенъ.* Апрѣль.
Полевой, П. Н. «Исторія русской словесности». *С. Ашевскій.* Апрѣль.
Рескинъ, Джонъ. «Сочиненія». Лекціи объ искусствѣ. *Е. Дегенъ.* Сентябрь.
— «Современные художники». *Е. Дегенъ.* Сентябрь.

— «Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 году *Е. Дегенъ*. Февраль.
Ровинскій, Д. А. «Русскія народныя картинки». *П. Морозовъ*. Январь.
«Русскій біографическій словарь» *С. Ашевскій*. Май.
Рѣпинъ, И. Е. «Воспоминанія, статьи и письма изъ за-границы». *Е. Дегенъ*. Сентябрь.
Садовниковъ, Д. «Загадки русскаго народа». *С. Ашевскій*. Январь.
Хомякова. А. С. «Полное собраніе соч.». *С. Ашевскій*. Февраль.
Хрущовъ, И. П. «Бесѣды о древней русской литературѣ». *С. Ашевскій*. Февраль.
Фагэ, Эмиль. «Девятнадцатый вѣкъ». Литературные этюды. *Е. Т.* Декабрь.
Фрикенъ-Фонъ, А. «Итальянское искусство въ эпоху возрожденія». *Е. Дегенъ*. Ноябрь.
Чайковскій, М. «Жизнь П. И. Чайковскаго». *В. Вальтеръ*. Декабрь.

III. *ПУБЛИЦИСТИКА.*

Амфитеатровъ, А. (Old Gentelemen). «Недавніе люди». *А. Б.* Сентябрь.
Волкова женщина-врачъ и Влад. Вольфсонъ канд. естеств. наукъ. «Бесѣды о здоровьи». *А. Б.* Мартъ.
Горовцевъ, А. «Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ». *М. П-въ*. Октябрь.
«Деревенскіе ясли-пріюты въ Воронежской губ. лѣтомъ 1900 г.». *В. К.* Октябрь.
«Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ». *В. К.* Сентябрь.
Іоанниссіани, Р. А. «Дома трудолюбія». *Б. А.* Январь.
Карышевъ, Николай. «Земскія ходатайства (1865—1884)». *М. П-въ*. Май.
Лукинъ, А. П. «Отголоски жизни» *А. Б.* Мартъ.
«Отчетъ о дѣятельности несчастныхъ женщинъ въ Казани». *А. Б.* Іюнь.
Ризонъ, У. «Университетскія и соціальныя поселенія». *Е. Т.* Сентябрь.
Генне, амъ-Ринъ, Отто, д-ръ. «Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественной нравственностью». *А. Б.* Іюнь.
Розановъ, В. В. «Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго». *А. Б.* Сентябрь.
Семеновъ, Дм. Дм. «Городское самоуправленіе». Очерки и статьи. *М. П-въ*. Май.
Тумановъ, Г. М., князь. «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ». *В. К.* Октябрь.

IV. *ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ*

Ардашевъ, Павелъ. «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1789)». *О. Н. У.* Май.
Барсуковъ, Н. П. «Жизнь и труды М. П. Погодина». *Василій Сторожевъ*. Апрѣль.
Бергеръ, Арнольдъ. «Культурныя задачи реформацій». Введеніе въ біографію Лютера. *А. Дживелеговъ*. Май.
Бецольдъ, фонъ-Фридрихъ. «Исторія реформаціи въ Германіи». *А. Дживелеговъ*. Февраль.
Болотовъ, А. «Петербургъ при Петрѣ III». *Е. Т.* Декабрь.
«Записки Сергія Григорьевича Волконскаго». *В. Богучарскій*. Ноябрь.
Гаррисонъ, Ф. «Оливеръ Кромвель». *А. Дживелеговъ*. Декабрь.

Гиббинсъ, У. Б. «Англійскій народъ въ XIX вѣкѣ». *А. Дживелеговъ.* Февраль.
Гринъ, Дж.-Рич. «Краткая исторія англійскаго народа». *А. Дживелеговъ* Февраль.
Дживелеговъ, А. К. «Городская община въ средніе вѣка». *Е. Т.* Ноябрь.
Карѣевъ, Н. «Исторія западной Европы въ новое время. *Е. Т.* Ноябрь.
— «Учебная книга новой исторіи». *Е. Т.* Декабрь.
Кингъ, Больтонъ «Исторія объединенія Италіи». *А. Дживелеговъ.* Августъ.
Ключевскій, проф. «Краткое пособіе по русской исторіи». *Василій Сторожевъ.* Августъ.
Карелинъ, М. С. «Паденіе античнаго міросозерцанія». *М. П-въ.* Іюль.
Левшинъ, Д. М. «Т. Н. Грановскій». *А. М.* Мартъ.
Мижуевъ, П. Г. «Великій расколъ англосаксонской расы. Американская революція». *М. П-въ.* Сентябрь.
Рожковъ, Н. А. «Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. *Вас. Сторожевъ.* Іюнь.
Сатуринъ, Д. «Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа». *А. Дживелеговъ.* Февраль.
Суровцевъ, А. Г. «Ив. Вл. Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность». *С. Ашевскій.* Январь.
Тьерри, О. «Исторія возникновенія и развитія третьяго сословія». *П.* Іюль.
Успенскій, Ѳ. И. «Исторія крестовыхъ походовъ». *М. П—въ.* Іюль.
Шильдеръ, Н. К. «Императоръ Павелъ I-ый». *В. Сторожевъ.* Ноябрь.
Энгельманъ, И. «Исторія крѣпостного права въ Россіи». *В. Сторожевъ.* Май.

V. *ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.*

Ветненъ, Ев. «Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ». *Д. Кудрявскій.* Февраль.
Гюнтеръ, Р. «Исторія культуры». *Д. Кудрявскій.* Апрѣль.
Лангъ, Э. «Миѳологія». *Д. Кудрявскій.* Ноябрь.
Ратцель, Фридрихъ. «Народовѣдѣніе». *Д. Кудрявскій.* Апрѣль.

VI. *ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.*

Дружининъ, Н. П. «Общепонятное законовѣдѣніе».—«Волостное правленіе и волостной старшина». *В. К.* Сентябрь.
Монтескьё. «О духѣ законовъ». *Б. К—скій.* Іюнь.

VII. *СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.*

Бернштейнъ, Э. «Историческій матеріализмъ», перев. Л. Канцель. *I. Давыдовъ.* Январь.
Брандтъ, Б. Ф. «Иностранные капиталы. Ихъ развитіе на экономическое развитіе страны. Мануфактурная промышленвость въ Царствѣ Польскомъ». *I. Давыдовъ.* Октябрь.
Вандервельде, Э. «Притягательная сила городовъ». *Б. В—ръ.* Мартъ.
Гербертсонъ, А. и Ф. «Человѣкъ и его трудъ». *Б. В—ръ.* Апрѣль.
Гродецкій, М. Д. «Бельгія на порогѣ XX-го вѣка». *Б. В—ръ.* Апрѣль.

«Законодательная охрана труда», перев. подъ ред. **М.** Туганъ-Барановскаго. *Б. В—ръ.* Мартъ.
Зомбартъ, Вернеръ. «Организацiя труда и трудящихся». *М. Туганъ-Барановскiй.* Май.
Ковалевскiй. Максимъ. «Происхожденiе современной демократiи». *А. Дживелеговъ.* Сентябрь.
Лабрiола, Антонiо. «Историческiй матерiализмъ и философiя». *С. Ш—бергъ.* Апрѣль.
Мануиловъ, А. «Понятiе цѣнности по ученiю экономистовъ классической школы». *С. Франкъ.* Iюль.
Обломiевская, О. «Черезъ нѣсколько вѣковъ. Замѣтки въ защиту индивидуума». *С. Ш—ръ.* Апрѣль.
Пеппинъ. Т. С. «Страна рабочихъ клубовъ». *Б. В.* Iюль.
Скворцовъ, А. «Основы экономики земледѣлiя». *Б. В—ръ.* Мартъ.
Тардъ. «Соцiальная логика». *М. П—овъ.* Декабрь.
Трубниковъ, К. В. «Богатства Россiи. Изслѣдованiя, наблюденiя и характеристики». *Б. В.* Май.
Франкъ, С. Л. «Теорiя цѣнности Маркса и ея значенiе». *Петръ Струве.* Августъ.
Штейнъ, Л., д-ръ. «Къ аграрному вопросу. Исторiя землевладѣнiя и поземельнаго права до половины XIX в.». *I. Давыдовъ.* Октябрь.
Уордъ, Л. «Очерки соцiологiи». *Д. Кудрявскiй.* Сентябрь.

VIII. *ФИЛОСОФIЯ.*

Богдановъ, А. «Познанiе съ исторической точки зрѣнiя». *Г. Ч.* Октябрь.
Дюбуа Реймонъ, Э. «О границахъ познанiя природы». *Б. К—скiй.* Апрѣль.
Геффдингъ, Г. «Исторiя новѣйшей философiи». *Б. К—скiй.* Февраль.
Декартъ. «Метафизическiя размышленiя». *Г. Ч.* Октябрь.
Iодль. «Давидъ Юмъ, его жизнь и философiя». *Г. Ч.* Октябрь.
Кюльпе. «Введенiе въ философiю», перев. съ нѣм., подъ ред. Сруве. *Г. Челпановъ.* Январь.
Лясковскiй, Валерiй. «Братья Кирѣевскiе. Жизнь и труды ихъ». *П. И.* Ноябрь.
Минто. «Дедуктивная и индуктивная логика». *Г. Ч.* Октябрь.
Паульсенъ, Ф. «Образованiе». *Б. К—скiй.* Январь.
Рибо, Т. «Творческое воображенiе». *М. П—въ.* Ноябрь.
Фонсегривъ. «Элементы психологiи», перев. съ франц., подъ ред. П. Соколова. *Г. Челпановъ.* Январь.

IX. *ЕСТЕСТВОЗНАНIЕ.*

Америка. «Иллюстрированный географическiй сборникъ». *В. Агафоновъ.* Августъ.
Арчибальдъ, Д. «Атмосфера», перев. съ англ., подъ ред. В. Герда. *В. Агафоновъ.* Январь.
Барингеръ, В., д-ръ. «Что нужно знать по электротехникѣ?». *А. Г.* Iюнь.
Богдановичъ, К. И. «Очерки Номе». *А. Б.* Май.
Вармингъ, Е. «Ойкологическая географiя растенiй». *Б. Федченко.* Апрѣль.
Визнеръ, Юл., д-ръ. «Физiологiя растенiй». *Б. Федченко.* Апрѣль.

Вильсонъ, Эдмундъ. «Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности». Проф. *Догель.* Мартъ.

Вислиценусъ, В. Ф. «Свойства небесныхъ тѣлъ». *А. Г.* Іюнь.

Гаттерманъ, проф. «Руководство для практическаго изученія химіи». *Г. Баршъ.* Февраль.

Гарнеръ. Р. Л. «Языкъ обезьянъ». *Ч.* Августъ.

Гессе-Вартега, фонъ, Эрнестъ. «Китай и китайцы». *Е. Г. Грумъ-Гржимайло.* Май.

Дьячковъ-Тарасовъ, А. Н. «Въ горахъ Большого и Малаго Карачая». *Б. Федченко.* Августъ.

Кайгородовъ, Дм. «Начальная ботаника для городскихъ училищъ», со многими рисунками. *Б. Федченко.* Февраль.

Конъ, Ф. «Растеніе». *И. Барановскій* Мартъ.

Короваевъ, В. А. «Поѣздка на островъ Яву». *Б. Федченко.* Іюль.

Котляръ, Д. «Крыша міра». Описаніе Центральной Азіи. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.* Январь.

Лоджъ, Оливеръ, проф. «Піонеры науки». Лекціи по исторіи астрономіи. *В. Агафоновъ.* Ноябрь.

Майкапаръ, С. М. «Музыкальный слухъ, его значеніе, природа и особенности и методъ правильнаго развитія». *В. Вальтеръ.* Февраль.

Мокржецкій, С. А. «Энтомологическій календарь для садоводовъ». *Б. Федченко.* Іюль.

Никольскій, А. М. «Лѣтнія поѣздки натуралиста». *В. Гердъ.* Февраль.

Маноцковой, А. Ю. «Популярно-научная библіотека». В. I, II, 4, 5. *В. Агафоновъ.* Декабрь.

«Почвовѣдѣніе». *Б. Федченко.* Іюль.

Ремсенъ. «Введеніе въ изученіе химіи». *Г. Баршъ.* Февраль.

Семеновъ, Н. П. «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества». *С. Чулокъ.* Декабрь.

Ростовцевъ, С. «Какъ составлять гербаріи?» Краткое руководство по собиранію тайнобрачныхъ и явнобрачныхъ растеній *И. Барановскій.* Мартъ.

«Русскій астрономическій календарь на 1901 г.». *А. Г.* Іюнь.

Семеновъ, Вл. «На Дальнемъ Востокѣ». Очерки и разсказы. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.* Августъ.

«Н. М. Сибирцевъ его жизнь и дѣятельность». *В. Агафоновъ.* Ноябрь.

Столѣтовъ, А. Г. «Введеніе въ акустику и оптику». *А. Г.* Іюнь.

Тихвинскій, М. «Методъ и система современной химіи». *В. Агафоновъ.* Январь.

«Труды прѣсноводной біологической станціи Императорскаго С.-Петерб. Об—ва Естествоиспытателей». *Б. Федченко.* Іюль.

Щетинскій, А. «Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій». *В. Агафоновъ.* Августъ.

Уманецъ, Левъ. «Жизнь и труды Эдиссона». *А. Г.* Іюнь.

X. *МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.*

Амстердамскій, А. В. «Санитарное описаніе школъ Петергофскаго уѣзда». Д-ръ *З. Френкель.* Январь.

Ахшарумовъ, Д. Д. «Чума послѣднихъ годовъ XIX столѣтія». Врачъ *В. Б—къ.* Январь.

Бертенсонъ, Левъ. «Лѣчебныя воды, грязи и морскія купанія въ Россіи и за границей». Врачъ *В. Б—ъ.* Іюль.

Бокъ, К. Э., пр. «Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ». *В. Б—ъ.* Январь.
Булатовъ. П. Н. «Уходъ за зубами и полостью рта». Врачъ *В. Б—ъ.* Іюль.
Кацъ, Р. А., д-ръ медиц. «Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей». Д-ръ *П. Л.* Сентябрь.
Кимминсъ, К. «Химія жизни и здоровья». Врачъ *В. Б—ъ.* Апрѣль.
Краинскій, Н. В., д-ръ мед. «Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни». *В. Б—ъ.* Январь.
Ментинъ, Н. Ф., проф. Варшавскаго универ. «Курсъ фармакогнозіи». *В. Б—ъ.* Іюль.
«Отчеты санитарныхъ врачей С.-Петербургскаго губернскаго земства за 1899 годъ». Врачъ *В. Б—ъ.* Мартъ.
Плюшкинъ, земскій санитарн. врачъ. «Бесѣды по школьной гигіенѣ». Врачъ *В. Б—ъ.* Апрѣль.
Покровская, М. И., ж.-в. «Воспитаніе здоровыхъ привычекъ». *В. Б—ъ.* Январь.
Праздниковъ, А. «Дурная болѣзнь». *В. Б—къ.* Январь.
Соболевъ, В. Г. «О заразныхъ болѣзняхъ». О скарлатинѣ. *В. Б—къ.* Январь.
Тезяковъ, Н., земск. вр. «Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи къ народной школѣ». *В. Б—къ.* Январь.
Тезяковъ, Н. «Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ». Др-ъ *П. Л.* Сентябрь.
«Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ». Врачъ *В. Б—ъ.* Мартъ.
Филипповъ, А. П., прив.-доц. дѣтскихъ болѣзней. «Гигіена дѣтей». Врачъ *В. Б—ъ.* Мартъ.
Фишеръ, д-ръ. «Дешевая научно-популярная библіотека для всѣхъ». Врачъ *В. Б—ъ.* Апрѣль.
Фишеръ, С. «Дешевая научно-популярная библіотека для всѣхъ». Д-ръ *П. Л.* Сентябрь.
Шабанова, А. Н., д-ръ «О первой помощи въ неcчастныхъ случаяхъ до прибытія врача» Врачъ *В. Б—ъ.* Апрѣль.
Шепердъ, Е. «Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей». Бесѣды о половой жизни человѣка. *В. Б—къ.* Январь.
Штеръ, Филлиппъ, д-ръ. «Учебникъ гистологіи и микроскопической анатоміи человѣка съ включеніимъ микроскопической техники». *В. Б—нъ.* Іюль.
Угетти, д-ръ. «Врачъ и паціенты». Врачъ *В. Б—ъ.* Апрѣль.

XI. *НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.*

А. Ш. «Рабство въ древнемъ Римѣ». *М. Б.* Іюль.
Григорьевъ, С. «Очерки по народному образованію во Франціи». *К. Д.* Октябрь.
Золотаревъ, Л. «Первые шаги самообразованія». *В. Агафоновъ.* Декабрь.
Кизеветтеръ, А. А. «Петръ Великій за границей». *М. Б.* Іюль.
Князьковъ, С. «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право». *М. Б.* Іюль.
Кобринская, Н. «Якимъ Мачукъ». *М. Б.* Мартъ.
«Литературная хрестоматія для всѣхъ». Іюнь.
Мижуевъ, П. Г. «Вліяніе народнаго образованія на народныя богатства здоровье и нравственность и другія стороны общественной жизни». *Конст. Диксонъ.* Іюнь.
«Начальное народное образованіе въ Россіи. Изданіе Императорскаго Вольно-Экономическаго Об-ва». *Конст. Диксонъ.* Іюнь.

Петровъ, В. В. «Вопросы народнаго образованія въ Московской губ.». *Конст. Диксонъ.* Ноябрь.

«Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ». *М. Б.* Мартъ.

«Русское чтеніе». Общедоступная газета съ рисунками и картинками. *Конст. Диксонъ.* Іюнь.

Селивановъ, А. Θ. «П. П. Максимовичъ, основатель Тверской учительской школы. *Д. Д. Семеновъ.* Іюнь.

Фромъ, **Вѣра**. Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ. *М. Б.* Іюль.

Щепкинъ, **М. П.** «Общественное хозяйство города Москвы. Народное образованіе въ 1863—1898 годахъ». *К. Диксонъ.* Ноябрь.

Яблоновсій, А. Удружилъ. Старый панъ. Осѣдлость. *М. Б.* Мартъ.

Янжулъ, **Екатерина.** «Американская школа». Очерки методовъ американской педагогіи. Октябрь.

XII. *СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ. — СБОРНИКИ.*

Аріанъ, **П. Н.** «Первый женскій календарь на 1901 г.». *В. О—скій.* Мартъ.

«Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія». *М. П—въ.* Январь.

«Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ». *А. К — къ.* Сентябрь.

Литературно-художествен. сборникъ «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая». *А. Б.* Августъ.

«На славномъ посту». Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому». *В. Б—скій.* Іюль.

«Настольный энциклопедической словарь». Т-ва Гранатъ, т. III. *Г. Я.* Январь.

«Словарь юридическихъ знаній». *К. Д—сонъ.* Декабрь.

«Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ». *В. Б — къ.* Январь.

Якобсонъ, Л. Я. «Другъ матери.» Календарь на 1901 г. Врачъ *В. Б—ъ.* Мартъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го октября по 15-ое ноября 1901 г.).

Л. Мельшинъ. Пасынки жизни. Изд. журн. «Русское Богатство». Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Германъ Вейнгартенъ. Народная реформація въ Англіи XVII вѣка. Перев. съ нѣм. Покровскаго и Шамонина. Изд. Баландина. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ольга Шапиръ. Законныя жены. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Вольтеръ. Философскіе романы. Т. I и II. Перев. А. Л. Соколовскаго. Изд. А. Суворина. Ц. 40 к.

Р. де-ла Грассери. Психологія религій. Перев. съ франц. Писаревой. Изд. Павленкова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Л. П. Шелгунова. Изъ далекаго прошлаго. Переписка Шелгунова съ женой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. Джемсъ. О человѣческомъ безсмертіи. Перев. О. А. С. М. 1901 г. Ц. 30 к.

К. Ф. Петерсъ. Популярная минералогія. Изд. Манацковой. М. 1901 г. Ц. 80 к.

Подъ ред. Погоржельскаго. Дневникъ отдѣла ихтологіи Императ. Русск. Об-ва акклиматизаціи животныхъ и растеній. Вып. 1—5. М. 1900 г. Ц. кажд. вып. 20 к.

На трудовомъ пути. Сборникъ къ 35-ти-лѣт. литерат.-педагог. дѣятельн. Д. И. Тихомирова. М. 1901 г. Ц. 2 р.

Ив. Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Герра. Вольный переводъ въ стихахъ. Строфы Нарузама. М. 1901 г.

Ал. Герм. Постъ. Зачатки государствен. и правовыхъ отношеній. Перев. Теплова съ предисл. проф. Ковалевскаго. М. 1901 г.

А. Е. Заринъ. Лѣто. Повѣсть. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Н. Н. Сергіевскій. Антонъ Калюжный. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

С. Рафаловичъ. Весенніе ключи. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Эдуардъ Дауденъ. Исторія франц. литературы. Перев. съ англ. Спб. Изд. Пантелѣева. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джонъ Рескинъ. Прогулки по Флоренціи. Перев. А. Герцыкъ. Спб. 1902 г. Изд. Пантелѣева. Ц. 60 к.

Васильки. Литерат.-худож. сборникъ. Спб. Изд. «Маркса». Ц. 3 р.

Н. Харузинъ. Этнографія. Вып. I-й. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Его же. Боснія-Герцоговина. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

А. Герценъ. Физіологическія бесѣды. Спб. 1901 г. Изд. Павленкова.

Г. Тардъ. Соціальные этюды. Перев. Гольденберга. Спб. 1901 г. Изд. то же. Ц. 1 р. 50 к.

К. М. Станюковичъ. На «Чайкѣ» и другіе морскіе разсказы. М. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

И. Тонеромо. Модная пагуба. Драма. Кіевъ. 1901 г. Ц. 35 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II. Вып. XI. Изд. Юргенсона. Ц. кажд. вып. 40 к.

Ѳ. Нелидовъ. А. Н. Островскій и его дореформенные типы. М. 1901 г. Ц. 20 к.

А. Маликовъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. М. 1902 г. Ц. 80 к.

Отчетъ о педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ земскихъ школъ Тамб. губ. лѣтомъ 1901 г. Тамбовъ.

А. Курсинскій. Стихи. М. 1902 г. Ц. 50 к.

Краткій обзоръ дѣятельн. Темрюкскаго город. общ. управленія 1897 — 1901 г. Темрюкъ.

Отчетъ о дѣятельн. Муромскаго волостн. отдѣленія Бѣлгородскаго сельскохоз. Об-ва 1900—1901 г. Курскъ. 1901 г.

Проф. Бучинскій. Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета при Новороссійск. Об-вѣ естествоиспытателей 1895—1901 г. Одесса. 1901 г.

П. П. Викторовъ. Фаустъ и Мефистофель. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Текущая сельскохозяйствен. статистика Олонецкой губ. за 1901 г. Вып. II и III. Петрозаводскъ. 1901 г.

Народныя чтенія въ г. Васильковѣ. 1899—1901 г. Васильковъ. 1901 г.

М. Я. Алавердянцъ. Кончина Грибоѣдова. Спб. 1901 г.

Евг. Филипповичъ. Основанія политической экономіи. Спб. 1901 г. Изд. Пантелѣева. Ц. 3 р.

Евг. Тарле. Исторія Италіи въ новое время. Изд. Об-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Врачъ Вигдорчикъ. Чахотка, отъ чего она происх. и какъ съ нею бороться. М. 1901 г. Ц. 20 к.

Е. Вале-де Дюкъ. Объ украшеніи зданій. Перев. Спиридонова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

А. С. Гольденвейзеръ. Преступленіе, какъ наказаніе, и наказаніе, какъ преступленіе. Спб. 1901 г.

Статистика по казенной продажѣ питей за 1897—1898 гг.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, и гербовыхъ знаковъ за 1899 г.

Евг. Марковъ. Учебные годы стараго барчука. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. В. Ремезовъ. Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Владивостокъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Историч. очеркъ дѣятельн. Кадниковскаго земства. Изд. губ. зем. упр. Вологда. 1900 г. Ц. 1 р. 80 к.

В. Н. Крачковскій. Жизнь и смерть. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

К. И. Фоломѣевъ. Злая яма. Комедія. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

В. И. Фомиліантъ, съ предисл. проф. Н. А. Вельяминова. Приморскія санаторіи, ихъ роль при лѣченіи золотухи, «мѣстнаго» туберкулеза и рахита. Спб. 1901 г.

Женщина-врачъ **М. И. Покровская**. Вопросы воспитанія. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Дубницкій. Волшебный фонарь, его устройство и уходъ за нимъ. М. 1901 г. Ц 30 к.

Вальтеръ Бизантъ. Два пути. Перев. съ англ. Анненской. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

А. Кизеветтеръ. Первый общедоступный театръ въ Россіи. М. 1901 г. Изд. Т-ва Сытина. Ц. 20 к.

Н. Романовъ. Донателло. М. 1901 г. Изд. то же. Ц. 20 к.

А. Алферовъ. Особенности творчества Гоголя. М. 1901 г. Изд. то же. Ц. 20 к.

Иллюстрированный каталогъ фруктовымъ деревьямъ и кустарникамъ А. П. Андріенко. Екатеринодаръ. 1901 г.

А. А. Навроцкій. Сказанія минувшаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Генри Вудъ. Семейство Ченнинговъ. Романъ въ передѣлкѣ для дѣтей А. Анненской. Спб. 1901 г. Изд. ред. журн. «Всходы». Ц. 60 к.

Лори. Дядя изъ Чикаго. Очерки школьной жизни въ Америкѣ. Спб. 1901 г. Изд. то же. Ц. 30 к.

Д. Пахомовъ. На развалинахъ стараго царства. Спб. 1901 г. Изд. то же.

Де-Кусанъ. Замокъ чудесъ. Перев. съ франц. Левашевъ. Спб. 1961 г. Изд. то же. Ц. 50 к.

В. Ѳ. Тотоміанцъ. Потребительныя об-ва на западѣ. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

Подъ ред. А. І. Степовича. Ежегодникъ коллегій Павла Галагана. Кіевъ. 1901 г.

П. П. Викторовъ. Живые вопросы текущей современности. М. 1901 г. Ц. 60 к.

Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о животныхъ. М. 1901 г. Ц. 15 к.

Его же. Разсказы о воздухѣ. М. 1901 г. Ц. 15 к.

Его же. Разсказы о водѣ. М. 1901 г. Изд. Посредника. Ц. 15 к.

Н. Телешовъ. «Съ Богомъ». Разсказъ. М. 1901 г. Изд. то же. Ц. 1½ к.

Горбуновъ-Посадовъ. Рохъ и его собака. М. 1901 г. Изд. то же. Ц. 1½ к.

С. П. Семеновъ. Дѣдъ Аверьянъ. М. 1901 г. Изд. то же. Ц. 1½ к.

Эрнестъ Георги. Сорванецъ. Разсказъ. М 1901 г. Ц. 60 к.

Алексѣй Плетневъ. На чужбинѣ и дома. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д. А. Линевъ. Среди отверженныхъ. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Петръ Кованько. Главнѣйшія реформы, произведен. Н. Х. Бунге въ финансовой системѣ Россіи. Кіевъ. 1901 г.

В. У. Дмитріевой. Червонный хуторъ. Романъ. Изд. Раппъ и Потапова. Харьковъ. 1901 г. Ц. 1 р.

А. Черняевъ. Родныя картинки. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Т. М. Осадчій. Общественный бытъ. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Б. Дубровская. Изъ жизни сѣренькихъ людей. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Петръ Кара. Любовь отъ бездѣятельности. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

И. Тонеромо. Изнанка эмансипаціи. Комедія. Кіевъ. 1901 г. Ц. 25 к.

Джоржъ Элліотъ. Золото и любовь. Романъ. Перев. съ англ. Е. Б. М. 1901 г. Ц. 15 к.

Великій свѣточъ древняго міра. Изд. Посредника. М 1901 г. Ц. 3 к.

Л. Мельшинъ. Кобылка въ пути. Изд. то же. Ц. 3 к.

Горбуновъ-Посадовъ. Христіаночка. Изд. то же.

Мирянинъ. Нищіе духомъ. Спб. 1902 г. Ц 10 к.

Тогдентеръ. Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной физики. Перев. съ англ. Инж. Алексѣева. Кіевъ. 1901 г.

Евг. Чириковъ. Танино счастье. Изд. Раппъ и Потапова. Харьковъ. 1901 г. Ц. 10 к.

Дмитріевой. Димка Изд. то же. Ц. 15 к.

И. Данилинъ. Искра любви. М. 1901 г. Изд. Посредника.

Н. Николаевичъ. Отслужимъ. М. 1901 г. Изд. то же.

Матильда Серао. Любовь убійцы. Перев. съ итал. Изд. то же.

Фридр. Шиллеръ. Разбойники. Драма. Перев. Порѣцкаго. М. 1901 г. Ц. 3 к.

Живко Конева и Егоровой. Сила любви. Драма. М. 1901 г. Ц. 35 к.

Энциклопедическій словарь. Вып. XII-й. Изд. Сойкина. Подъ ред. Ф. С. Груздева.

П. Добротворскій. Въ глуши башкиріи. Изд. Пѣвина. Екатеринбургъ.

Евг. Чириковъ. Разсказы. Т. I и II-й. Изд. Т-ва Знаніе. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

О. Н. Попова. Естественно-историч. хрестоматія. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

А. В. Кругловъ. Господа крестьяне. М. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго городского работнаго дома въ 1900 году. М. 1901 г.

О. С. Больше свѣта! Вильно. 1901 г. Ц. 35 к.

Ф. Фальковскій. Разсказы въ 3-хъ томахъ. Цѣна 3-хъ том. 3 р.

Дм. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. Часть II-ая. М. 1901 г.

Дм. Мережковскій. Воскресшіе Боги. Леонардо да Винчи. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

Его же. Смерть Боговъ. Юліанъ Отступникъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Н. В. Яблоковъ. Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Спб. 1901 г.

Мастерскія для обученія калѣкъ при ортопедическомъ отдѣленіи Максимиліановской больницы. Спб. 1901 г.

Уставъ Об-ва вспомоществованія калѣкамъ, обучающимся мастерству и ремесламъ. Спб. 1901 г.

Докторъ И. И. Пантюховъ. Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи. Тифлисъ. 1901 г.

Его же. Современные лезгинцы. Тифлисъ. 1901 г.

Д. Д. Ахтарумовъ. Оспопрививаніе, какъ санитарная мѣра. Вольскъ. 1901 г.

Теодоръ Липпсъ. Психологія, наука и жизнь. М. 1902 г. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». Ц. 25 к.

П. Лесгафтъ. Руководство по физическому образованію дѣтей. Ч. II-я. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Книга II-ая. Изд. Дароватовскаго и Чарушникова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. то же. Ц. 40 к.

Б. П. Вейнбергъ и И. Я. Точидловскій. Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. Одесса. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Great Deserts and Forests of North America*» *by Paul Fountain* (*Longmans Green*). (*Великія пустыни и лѣса Сѣверной Америки*). Прекрасно написанная книга, способная заинтересовать каждаго читателя, любящаго природу. Авторъ описываетъ въ ней тѣ области Сѣверной Америки, куда еще цивилизація не вполнѣ проникла и гдѣ природа сохранила еще свою первобытную дикость.

(Daily News).

«*Social England*» *by various writers. Illustrated Edition* (*Cassell and C°*). (*Соціальная Англія*). Рядъ статей, написанныхъ различными авторами и собранныхъ въ одинъ томъ, прекрасно иллюстрированный, который даетъ понятіе о прогрессѣ англійскаго народа и изображаетъ постепенную эволюцію законовъ, религіи, образованія, искусства, промышленности, торговли, литературы и обычаевъ Англіи съ древнѣйшихъ временъ до современной эпохи.

(Athaeneum).

«*The Mental Functions of the Brain*» *by D-r Bernard Hollander* (*Graut Richards*). (*Умственныя функціи мозга*). Авторъ предпринимаетъ изслѣдованіе локализаціи и проявленій умственныхъ функцій мозга въ здоровомъ и больномъ состояніи. Онъ производитъ обзоръ современнаго состоянія науки объ умѣ человѣка и затѣмъ переходитъ къ изученію ненормальныхъ душевныхъ состояній и связи, существующей между ними, и локализаціей болѣзненныхъ процессовъ въ мозгу. Очень интересна глава, посвященная локализаціи спеціальной памяти, какъ, напримѣръ, памяти словъ, музыки, чиселъ и т. д. Затѣмъ авторъ изслѣдуетъ отношенія мозга къ черепу и высказывается въ пользу изученія френологіи, прибавляя впрочемъ, что френологія можетъ быть признана научной лишь тогда, когда различные методы изслѣдованія докажутъ справедливость ея выводовъ. Въ заключеніе авторъ совѣтуетъ всѣмъ, интересующимся этою областью, образовать общество для систематическаго изученія умственной организаціи человѣка.

(Review of Reviews).

«*The Hearts of Men*» *by H. Fielding* (*Hurst and Blackett*). (*Сердца людей*). Авторъ говоритъ, что онъ хотѣлъ сначала назвать свою книгу: «What is the Meaning of Religion?» (Въ чемъ заключается смыслъ религіи). Дѣйствительно онъ изслѣдуетъ религіозный принципъ вообще, а не какую-нибудь отдѣльную религію или секту. Авторъ приходитъ къ заключенію, что каждая религія заключаетъ въ себѣ истину, такъ какъ всѣ религіи являются лишь многообразнымъ толкованіемъ божественнаго откровенія и религія представляетъ изъ себя не что иное, какъ «музыку человѣческаго сердца».

(Bookseller).

«*The Lives of the Hunted*» *by Ernest Seton Thompson. Illustrated* (*David Niett*). (*Жизнь тѣхъ, за кѣмъ охотятся*). Рядъ зоологическихъ очерковъ, очень живо и интересно написанныхъ и иллюстрированныхъ авторомъ, знатокомъ и любителемъ животныхъ.

(Bookseller).

«*The Psychology of Religion*» *by prof. Starbuck, Atith Preface by prof. William James* (*Walter Scott*). (*Психологія религіи*). Въ книгѣ собраны и подвергнуты всестороннему обсужденію субъективные факты религіозной жизни, которые должны быть поставлены въ основу новой отрасли знанія—психологіи религіи.

(Manchester Guardian).

«*La Morale, basée sur la démographie*» *par Arsène Dumont. Paris* (*Schleicher frères*). (*Нравственность, основанная на демографіи*). Авторъ, извѣстный демографъ, раздѣлилъ свою книгу на пять главъ: 1) Кризисъ нравственности; 2) Кризисъ науки о нравственности; 3) Демографическій критерій; 4) Любовь къ истинѣ; 5) Алкоголь. По словамъ автора, въ томъ, что касается нравовъ, мы переживаемъ кризисъ, являющійся результатомъ интеллектуальной эволюціи, стремящейся замѣнить прежнюю цивилизацію, опиравшуюся на теологическія или метафизическія основы, научною цивилизаціей. Но авторъ

полагаетъ, что такой нравственный кризисъ не можетъ продолжаться долго, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы роковымъ для демократіи, и выражаетъ увѣренность, что начало эры научной нравственности не такъ отдаленно, какъ это думаютъ. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ любовь къ истинѣ, которая должна быть главною добродѣтелью демократіи, безусловно необходимой для развитія интеллектуальной инціативы и которую надо поощрять какъ можно больше. Въ вопросѣ объ алькоголизмѣ авторъ высказываетъ совершенно новый взглядъ. Онъ разоблачаетъ лицемѣріе государствъ, принимающихъ будто бы драконовскія мѣропріятія противъ алкоголизма и въ то же время старательно собирающихъ доходы, которые имъ приноситъ алкоголь, такъ какъ безъ этого они бы разорились. Авторъ находитъ, что вредное соціальное вліяніе алкоголя сильно преувеличено и что не слѣдуетъ считать алкоголь источникомъ всѣхъ золъ. Въ заключеніи, составляющемъ отдѣльную главу, авторъ доказываетъ недостаточность индивидуальной точки зрѣнія на морализацію общества и утверждаетъ, что соціологія, основанная на демографіи, укажетъ народамъ ихъ цѣли, а правительствамъ способы ихъ достиженія.

(Revue internationale).

«*La Morale*» *par G. Duprat. Paris* (*Doin*). (*Нравственность*). Это новый выпускъ «Bibliothèque internationale de psychologie espérimentale, normale et pathologique», находящійся въ связи съ предшествовавшими изслѣдованіями автора о соціальныхъ причинахъ сумасшествія. Авторъ говоритъ о необходимости бороться съ причинами, вызывающими нарушеніе духовнаго равновѣсія и зависящими отъ извѣстныхъ соціальныхъ дѣйствій. Нужно стараться уничтожить факторы, благопріятствующіе преступленію и всячески содѣйствовать укрѣпленію экономической справедливости и опредѣленію и развитію въ законныхъ размѣрахъ всѣхъ атрибутовъ государства. Только при такихъ условіяхъ и посредствомъ соотвѣтствующаго воспитанія народа, содѣйствующаго пробужденію сознанія, можно ожидать наступленія царства высшей нравственности.

(Revue internationale).

«*La question sociale au point de vue philosophique*» *par Z. Stein* (*Felix Alcan*). (*Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія*). Философія болѣе, чѣмъ всякая другая наука, имѣетъ право сказать свое слово въ соціальномъ вопросѣ. Первыя попытки формулировать соціальную проблему были сдѣланы философами, такъ что соціальный вопросъ только выиграетъ отъ того, если къ изученію его будетъ приступлено съ философской точки зрѣнія. Авторъ указываетъ, что въ соціальномъ вопросѣ, кромѣ экономической стороны, на которую всѣ изслѣдователи обращали до сихъ поръ главное вниманіе, есть еще столь же важная этическая и философская сторона, которая требуетъ столь же всесторонняго разсмотрѣнія. Книга автора входитъ въ серію изданій «Bibliothèque de Philosophie contemporaine».

(La Grande Revue).

«*A History of political parties in the United States*» *by Tames Hopkins* (*Putnam's Sons*). (*Исторія политическихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ*). Въ этой книгѣ читатель знакомится съ двумя великими политическими партіями Соединенныхъ Штатовъ, составляющими центръ тяжести американской политики. Но партійная борьба въ Соединенныхъ Штатахъ носитъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ Европѣ. Въ самомъ началѣ возникновенія этихъ двухъ партій ихъ раздѣляли принципіальные вопросы; основатели республиканской партіи придерживались принципа сильнаго центральнаго правительства, а ихъ противники, демократы, защищали индивидуальныя права Штатовъ. Теперь и та, и другая партія взаимно признаютъ другъ друга и дѣйствуютъ каждая съ своей стороны. Ихъ раздѣляютъ въ настоящее время только тарифный вопросъ и вопросъ о серебряной валютѣ. Борьба обостряется лишь во время президентскихъ выборовъ, рѣшающихъ направленіе политики государства по отношенію къ этимъ двумъ вопросамъ.

(Bookseller).

«*The Nineteenth Century*» (*Putnam's Sons*). (*Девятнадцатый вѣкъ*). Сборникъ статей различныхъ авторовъ, изображающихъ прогрессъ послѣдняго столѣтія въ различныхъ отрасляхъ чистой науки, прикладныхъ знаній и въ области литературы, законодательства, государственнаго устройства и военной науки.

(Bookseller).

«*Dreams and their Meanings*» *by Horoce Hutchinson* (*Сновидѣнія и ихъ значеніе*). Авторъ говоритъ о причинахъ, которыя обыкновенно вызываютъ сны и кошмары, приводитъ много примѣровъ и цитируетъ нѣсколько научныхъ авторитетовъ. Книга написана очень популярно, съ разсчетомъ на большой кругъ читателей и заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія, особенно для читателей, мало знакомыхъ съ теоріями сна и сновидѣній.

(Bookseller).

«*History of Intellectual Development on the linès of modèrn evolution*» *by I. Beattie Crozrèr* (*Longmans, Green and C°*). *London* (*Исторія интеллектуальнаго развитія въ предѣлахъ современной эволюціи*). Первая часть этого труда заключаетъ въ себѣ двѣ

замѣчательныя главы объ «Иллюзіяхъ исторіи» и «Соціализмѣ». Во второй части авторъ переходитъ отъ обобщеній къ изученію частныхъ случаевъ и изучаетъ со спеціальной точки зрѣнія Англію, Францію и Америку. Онъ изслѣдуетъ главныя факторы цивилизаціи въ этихъ трехъ странахъ и старается предугадать, на основаніи ихъ эволюціи, какія великія проблемы придется имъ разрѣшить въ теченіе этого вѣка и какъ они должны поступать ради собственной выгоды.

(Manchester Guardian).

«*Les Maladies du sentiment religieux*» *par E. Murisier. Paris* (*Félix Alcan*). (*Болѣзни религіознаго чувства*). Это прекрасное и строгонаучное изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ главъ: первая посвящена изученію религіознаго чувства въ его индивидуальной формѣ; вторая—религіозному чувству въ формѣ соціальной. Въ своихъ выводахъ авторъ выказываетъ большую осторожность. Между прочимъ онъ приходитъ къ заключенію, что никакого непримиримаго антрагонизма не можетъ существовать между современною психологіей и метафизикой или даже теологіей. Авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе Рибо, основателю психофизіологіи.

(Journal des Débats).

«*With the Tibetans in Tent and Temple*» *by Susie Carson Ryuhart* (*Hiphaut*). (*Съ тибетцами въ палаткѣ и храмѣ*). Авторъ этой книги, г-жа Ріингартъ, провела со своимъ мужемъ около четырехъ лѣтъ у восточной границы Тибета и часто путешествовала вмѣстѣ съ нимъ по Тибету. Въ одно изъ такихъ путешествій мужъ ея таинственно исчезъ,—вѣроятно онъ былъ убитъ—и она осталась совершенно одна, такъ какъ слуги ея увезли лошадей и сбѣжали. Два мѣсяца пробиралась она въ Тахіенлу, подвергаясь тысячамъ опасностей и терпя страшныя лишенія, такъ какъ ей часто приходилось ночевать въ снѣгу, на открытомъ воздухѣ. Она описываетъ въ названной книгѣ всѣ свои приключенія и разсказываетъ о тибетцахъ, съ которыми ей приходилось много сталкиваться. Китайцы, по ея словамъ, гораздо лучше и у нихъ она нашла покровительство и защиту. Въ ея книгѣ заключается много интересныхъ свѣдѣній о жизни кочевыхъ племенъ восточнаго Тибета.

(Daily News).

«*Antarctis*» *von D-r Karl Fricker* (*Alfred Schall*). *Berlin*. (*Антарктическая область*). Въ этой книгѣ разсказана исторія открытія въ области южнаго полюса на основаніи научныхъ источниковъ и документовъ. Къ книгѣ приложена прекрасная карта южно-полярной области и множество иллюстрацій.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Die Frauenfrage*» *von Lily Braun* (*Hirzel*). *Berlin*. (*Женскій вопросъ*). Книга изобилуетъ матеріаломъ по исторіи женскаго вопроса. Статистическая часть этого изслѣдованія, относящаяся къ работѣ женщинъ, заключаетъ въ себѣ такую массу цѣнныхъ свѣдѣній, что ее можно считать вполнѣ исчерпывающей этотъ вопросъ. Очень интересна историческая часть, въ которой авторъ указываетъ, какъ медленно развивалась идея эмансипаціи женщины. Путь, пройденный этою идеей, былъ усыпанъ терніями. Авторъ описываетъ борьбу, которую приходилось выдерживать женщинамъ, расплачивающимся дорогою цѣной за каждый свой шагъ впередъ. Не даромъ достались женщинамъ тѣ права, которыми онѣ пользуются теперь, и описаніе борьбы за эти права, за свободу, можно смѣло назвать «книгою страданій женщины».

(Neue Freie Presse).

«*The War of the Civilisations*» *by George Lynch. London* (*Longmans and C°*). (*Война цивилизацій*). Авторъ совершилъ походъ вмѣстѣ съ войскомъ, освободившимъ посольства въ Пекинѣ. Онъ объясняетъ, что именно въ Китаѣ онъ научился смотрѣть на все своими глазами и выслушивать «другую сторону». Странствуя по разнымъ китайскимъ городамъ, онъ видѣлъ многое и сталкивался съ разными лицами. Между прочимъ онъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ китайскимъ реформаторомъ Суно Ятсеномъ и свои разговоры съ нимъ. Онъ познакомился также съ однимъ «образованнымъ» боксеромъ, который разсказалъ ему объ осадѣ посольства. При ближайшемъ знакомствѣ съ китайцами и миссіонерскою дѣятельностью, авторъ пришелъ къ заключенію, что евангелизація Китая могла бы совершиться гораздо легче и безъ особенныхъ затрудненій, если бы миссіонеры дѣйствовали по способу первыхъ христіанъ, не примѣшивая политики къ своей проповѣднической дѣятельности. Китайская война, которой онъ былъ очевидцемъ и ближайшее знакомство съ дѣятельностью европейцевъ, заставили автора, какъ онъ самъ сознается, нѣсколько измѣнить свои первоначальные взгляды на китайскій вопросъ.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЗА ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1892—1901 гг.

ОТДѢЛЪ I. БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А) Оригинальная.

*

реніе» и «Художникъ», стих. 98. апр., 232; «Стихотворенія», 97. янв., 31; февр., 11; апр., 51; іюнь, 237; «Памяти Лермонтову». стих. сент., 92. «Изъ южныхъ мотивовъ», сент., 241; «Пѣсня мертвыхъ», нояб., 85. «На закатѣ», ст., нояб., 231; «Голоса» стих., дек., 153; стихотв. 99. янв., 27; мар., 143; 1900. іюнь, 264; авг., 117; дек., 116; 1901. февр., 46; Стихотворенія изъ Ричарда Гарнетта: 1) «Пѣсни Сіона»; 2) «Жизнь и смерть»; 3) «Пѣвцамъ вѣка»; 1901. мар., 24; «Въ лѣсу» стих. 1901. апр., 263; «Три струны»; 1901. май, 252; Стих. 1901. авг. 270; «In memoriam», стихотв. авг., 144; сент.

Шрейдеръ, Д. «Йаматойо и его семья», 95. апр, 59; май, 26.

Юшкевичъ, С. «Кабатчикъ Гейманъ», раз. 1900. апр., 19.

— «Записки студента Павлова», 1901. іюль 1.

Я., П. Стихотворенія: «Поѣздка вокругъ Байкала; 97. мар., 239; «Гимнъ любви»; 97. іюнь, 19; Стих. 97. сент. 20; «Изъ признаній»; 98. февр., 189; «Думы и отклики», мар., 19. «Пловцы», іюнь 268; «Сказочный городъ»; іюль, 231; «Сонъ колодника», авг. 146; «Учитель»; сент., 152, «Въ странѣ Сопокъ», сент., 268; «Сонъ колодника», нояб., 28; Стих. дек., 24; 99. сент., 22; окт., 19.

Яблоновскій, А. «Конокрадъ», раз. 96. мар., 23.

— «На изыскаціяхъ», очеркъ и наблюд., 98. сент. 33.

— «Деревенскія картины», раз. 1900. дек., 32.

— «Изъ гимназической жизни». Очерки недавняго прошлаго. 1901. іюнь 28; іюль, авг., сент.

Ядринцевъ. «Стихотвореніе», 95. мар.. 49.

Яхонтовъ, С. «Осенній день», стих. 98. сент., 60; «Затерянныя стихотворенія Лермонтова», окт., 324; «Сонетъ», дек., 42; «Стихотвореніе»; 99. янв., 117.

Я—ичъ, П. «Стихотворенія» 96. апр., 34; іюль, 42; авг., 36.

В) Переводная.

Агаронянъ, А. «Новорожденный», раз., пер. съ армянскаго Н. Кара-Мурзы 99 мар., 145.

Альгренъ, Э. «Маріанна», ром., пер. съ шведскаго, 94 г. янв., 116; февр., 51; мар., 52; апр., 63; май, 90; іюнь, 52; іюль, 113.

Анненскій, И. «Финикіянки», трагедія Эврипида; стихотв. переводъ 98 апр., 1.

Амичисъ, Эд. «Товарищи», очеркъ, перев. съ итальянскаго И. Г—й, 93 г. янв., 60.

— «Въ двадцать лѣтъ», очеркъ, пер. В. Сусалиной, 93 окт., 143.

— «Идеальный учитель» и «Новыя лица, старые друзья», пер. съ итал. М. Ватсонъ, 94 окт., 136.

— «Экипажъ для всѣхъ», пер., съ итал. Е. Колтоновской. 99 г., отд. III, іюль—декабрь.

Ахо, Юхани. «Отверженный», раз., пер. съ финскаго, 96 г. іюнь, 78; іюль, 119.

Бальзакъ, О. «Первые шаги на жизненномъ пути», пов., пер съ франц., 93, іюль, 53.

Бекетова, М. «Ормуздъ и Ариманъ», стих. 94; окт., 20.

Безантъ, Вальтеръ. «Другъ царя Давида», раз., пер. съ анг., 92 г. май, 27.

— «Тайна богатой наслѣдницы», ром., пер. съ англійск. С. Май-

Рейтеръ, Габріэль. «Перемудрилъ», пов., пер. съ нѣм. М. Чепинской, 98 іюнь, 61.

Ренанъ, Э. «Моя сестра Генріэтта», пер. съ франц., 95 сент. 24.

Рензджи, П. «Именины», раз., пер. съ франц., Л. Давыдовой 99 г. май, 191.

Рони, Ж. «Вамирехъ», ром. древне-каменнаго вѣка, пер. съ франц., 92 апр., 93; май, 66; іюнь, 77.

Сенкевичъ, Генрихъ. «Поѣздка въ Аѳины», 92 іюль, 24. «Lux in tenebris lucet» (Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ), раз., пер. съ польск., 94 нояб., 38.

Серао, Матильда. «Разсказы», пер. съ итал., 98 мар., 82.

Сперани, Бруно. «Три женскихъ характера», ром., перев. съ итальян. В. Москалевой, 1901 г. сент., окт., ноябрь.

Стуартъ, Анна. «Парусъ», раз., перев. съ голландскаго Ек. Половцевой, 98 февр., 190.

Сутнеръ, бар. «Воспоминанія о войнѣ», раз., пер. М. Давыдовой, 94 г. окт., 94.

Твенъ, Маркъ. «Романъ эскимоской дѣвушки», раз., пер. съ англійскаго, 94 авг., 152.

Трэверсъ, Грэхэмъ. «Студентка», ром., пер. съ анг. Журавской, 99 г. янв., 164; февр., 136; мар., 160; апр., 123; май, 159; іюнь, 155; авг., 218.

Тельманъ, К. «Непосильное бремя», ром. (не закончень), 1900 г. Отд. III, янв. февр.

Уайтъ, Алленъ. «Разсказы», пер. съ англ. Л. Давыдовой, 99 февр., 171; апр., 161.

Уэлльсъ, Г. «Борьба міровъ», ром., пер. съ англ. З. Журавской 98. Отд. III, окт.—дек.

Уйда. «Неблагодарный», разск. пер. съ англ., 95, нояб., 48, дек., 41.

Уордъ, Гэмфри. «Сэръ Джорджъ Трэсседи», ром. съ англ. А. Анненской, 96. (Въ теченіе всего года).

— «Элеонора», ром., пер. съ англ. Отд. III. 1900 г. мар.—дек.

Фаррарь. «Тьма и разсвѣтъ», ист. ром. изъ врем. Нерона., пер. съ англ. С. М. Майковой, 92, іюль—дек. Прилож.

Франко, И. «Къ свѣту», разск., пер. съ русинскаго, 95, февр., 140.

Франсъ, Анатоль. «Черные хлѣбы», пер. съ франц. А. Кохановскаго, 99, мар., 150.

Фурньеръ, Ев. «У нашихъ правнуковъ», фантастич. разск. въ изложеніи Л. Давыдовой, 1901 г. февр., 188.

Хирьяковъ, А. «Законъ Бальдера», норв. легенда, 93, авг., 123.

Шахъ-Азиса, С. «Сонъ», стих. съ армянск. Ю. Веселовскаго, 92 іюнь, 76.

Шериданъ, Р. Б., «Соперники», ком. въ 5 акт., пер. съ англ. Зинаиды Венгеровой, 93, авг., 48.

Шиманскій, Адамъ. «Тоска по родинѣ», пер. съ польск. В. Т., 93 мар., 151.

Шницлеръ, Ар. «Прощаніе», 98 окт., 169.

— «Мертвые молчатъ, 98 дек., 89.

— «Фрау Берта Гарланъ», ром., пер. съ нѣм. Л. Гуревичъ, 1901 г. май, 169.

— «Поручикъ Густль», разск пер. съ нѣм. Е. Раковской 1901 г., авг., 215.

ОТДѢЛЪ II. НАУЧНЫЯ СТАТЬИ И СОЧИНЕНІЯ.

Естествознаніе. Географія и путешествія. Медицина и гигіена.

(Астрономія, ботаника, геологія, зоологія, физика, физіологія, химія, этнографія, и пр.).

Критика. Исторія литературы и искусствъ.

«Некрологъ А. Г. Рубинштейна», 94, дек.

Острогорскій, Викторъ. «Памяти Гончарова», 92, янв., III, 1.

— «Художникъ русской пѣсни» (По поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со смерти А. Кольцова), 92, окт., III, 1.

— «Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ», 93, нояб., 92.

— «Морлей о литературѣ», 94, авг., 143.

— «Полувѣковая годовщина смерти Ивана Андреевича Крылова», 94, нояб., 145.

— «Прадѣдъ современнаго романа», 95, авг., 57.

— «В. Д. Сиповскій», некрологъ, 95, сент., 236.

— «Кого мы лишились 25 лѣтъ назадъ», 95, дек., 152.

— «Скромный подвижникъ» (М. Л. Песковскій, «Въ глуши»), 93, ноябрь, 162.

— «Пушкинскій уголокъ земли», 98, сент., 201.

— «Наканунѣ столѣтія», 99, май, 1.

— «Поэтъ сермяжныхъ героевъ» (Памяти Д. Григоровича), 1900, февр., отд. II, 12.

— «Лѣтописецъ дореформенной Руси», 1901 г., сент. отд. II.

Ожешко, Эл. «Отрывки изъ автобіографіи», 92, дек.

Пименова, Э. «Генрихъ Гейне въ семейной жизни», 93, февр., 108.

Познетъ, Маколей. «Сравнительная литература», пер. съ анг. Э. Пименовой, 98, отд. II, янв.—апр.

/ **Скабичевскій, А.** «Начало и развитіе русской критики», 93, окт., 19; 94, февр., 32; май, 72; сент., 69; окт., 21.

Слѣпцовъ, А. «Характеристики» Теофрастъ и Ла-Брюеръ, 94, нояб., 16.

С, В. «Бьерстерне-Бьернсонъ», 92, сент., 33.

Струве, Петръ. «Владиміръ Соловьевъ», 1900, сент., отд. II, 13.

Стороженко, Н. «Модная литературная ересь», 95, нояб., 1.

— «Шекспиръ и Бѣлинскій», 97, мар., 126.

Тернеръ, проф. «Робертъ Бёрнсъ», 96, іюль, 102.

Тихоновъ. «Къ біографіи Добролюбова», 97, нояб., отд. II.

Фирсовъ, В. «Новѣйшіе финскіе писатели» (Крит. этюдъ), 97, февр., 85.

Фритче, В. «Поэтесса изъ народа», 99, окт., 168.

— «Философія лѣни или поэзія праздности», 98, іюль, 134.

Цебрикова, М. «Н. Д. Хвощинская-Заёнчковская», 97, дек., 1.

Штейнгель, А. «Происхожденіе языка», статья, переводъ съ нѣмецкаго, 92, іюнь, II, 29.

Шенъ, Н. «Эрнестъ Ренанъ», пер. съ нѣм., 1900, апр., 48.

Шультгейсъ. «Аленъ Ренэ Лесажъ», истор.-лит. очеркъ, 92, іюль, III, 1.

Ѳоминъ, А. «Артисты, публика и театръ у А. Островскаго» (Литерат. матеріалы для исторіи русскаго обществ. развитія), 1900, 70, февр. 65.

Южаковъ, С. «Дѣтство и молодость Жанъ-Жака Руссо», 94, янв., 76.

Соціологія. Политическая экономія.

Брентано, Луи. «Разногласіе мнѣній въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ», пер. съ нѣм. Л. Давыдовой, 96, окт., 39.

Боггартъ, Э. «Народная партія въ Соедин. Штатахъ», пер. съ нѣм. Л. Давыдовой, 97, февр.

Булгаковъ, С., проф. «Ралахайнскій экспериментъ». (Эпизодъ изъ исторіи Ирландіи 1830 г.), 1900 г., февр.

В—зонъ, Б. «Техническій переворотъ конца XIX в.», 99, дек., 104.

Исторія русская и всеобщая. Исторія культуры.

Философія, психологія, этика, искусство.

Публицистика. Народное образованіе.

Рафаиловъ, М. «Голодъ въ Индіи», 97, іюнь 126.

— «Карлъ Каутскій объ англо-бурской войнѣ», 1900 г. май, отд. II.

Сперанскій, Н. «Система классическаго образованія въ Германіи», 97, окт., 88; нояб., 115; 98, янв., 174; мар., 50; апр., 114.

Струве, П. «Любопытный обывательскій протестъ противъ школьнаго классицизма XVIII вѣка», 1901 г. іюль 186.

Тверской, П. Новый типъ американскаго университета», 97, янв., 82.

— «Бостонская городская публичная библіотека», 97, апр., 1.

Фирсовъ, В. «Народная школа въ Финляндіи», 97, авг., 61.

— «Причины культурнаго роста Финляндіи», 98, дек., 1.

Э. «Лѣтніе курсы въ Америкѣ», 93, мар., 183.

Ѳ. П. «Къ вопросу о реформѣ средней школы». Голосъ изъ провинціи, 1901 г. апр., 1.

Научный обзоръ.

1898.

Январь. «Обзоръ успѣховъ физіологіи», академика *И. Тарханова.*

Февраль. «Успѣхи физики», проф. *О Хвольсона.* — «Отвѣтъ академику А. С. Фаминцыну» (письмо въ ред.). *К. Тимирязева.*

Мартъ. «О жизни и смерти» (нѣкоторые взгляды и гипотезы послѣднихъ лѣтъ). *В. Г.*

Апрѣль. «Музыка и вліяніе ея на человѣка» (психо-физіологическій очеркъ), врача *С. Бродскаго.*

Май. «Работа мысли въ новѣйшей зоологіи», проф. *Н. Холодовскаго.*

Іюнь. «Интересная находка д-ра Дюбуа» (антропологическій очеркъ). *Н. Могилянскаго.*

Іюль. «Новости ботаники за 1897 г.». *И. Б.*

Августъ. «Чахотка и народныя санаторіи», врача *В. Г. Батъ.*

Сентябрь. «Путешествіе Свенъ-Хедина» (географическій оеркъ). Z.

Октябрь. «Инстинкты и нравы насѣкомыхъ». *Я—аго.*

Ноябрь. «Фальсификація пищи», женщины-врача *М. И. Покровской.*

Декабрь. «Габріэль Мортилье и доисторическая археологія». *Н. Могилянскаго.*

1901.

Январь. «Раскопки древнихъ позвоночныхъ животныхъ на сѣверѣ Россіи», проф. *В. Амалицкаго.*

Февраль. «Современное состояніе вопроса объ иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ», проф. *Мечникова.*

Мартъ. «О физическомъ строеніи планетъ». *К. Покровскаго.*

Апрѣль. «О цвѣтной фотографіи». *А. Гершуна.*

Май. «Максъ фонъ-Петтенкоферъ (3-го декабря 1818 г. — 9-го февраля 1901 г.)», д-ра *А. Кар.*—«Физіологическія основы раціональной раскладки пищевого довольствія», привать-доцента *Л. Попельскаго.*

Іюнь. «Геоэстезія и органы этого чувства растеній». *Дм. Нелюбова.*

Іюль. Вулканическія явленія при свѣтѣ теоріи Штюбеля», проф. д-ра *А. Данненберга* (Ахенъ).

Августъ. «Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразы», женщины-врача *М. Покровской.*

Сентябрь. «О броженіи и ферментахъ». *Б. Клейна.*

Октябрь. «Борьба съ туберкулёзомъ». Рѣчь Р. Коха на Лондонскомъ конгрессѣ, возраженія, сдѣланныя ему другими учеными, и постановленія конгресса.
Ноябрь. «Электрическія колебанія и телеграфъ безъ проволоки», д-ра *Дессау*.
Декабрь. «Чума, ея причина и лѣченіе».

Изъ западной культуры. (Статьи *И. Иванова*).

1897.

Мартъ. «Заразительная книга».
Апрѣль. «Вѣчно новый вопросъ».
Май. «Одинъ изъ пророковъ нашего времени».
Іюнь. «Судьбы англійской критики».
Іюль. «Сумерки девятнадцатаго вѣка».
Августъ. «Drang nach Norden».
Сентябрь. «Кто онъ?» (По поводу переписки Ренана и Бертело).
Октябрь. «Ученый фарсъ».
Ноябрь. «По поводу журнала «La France d'après les cahiers de 1789 г.».

1898.

Январь. «Ренанъ».
Февраль. «Культурные плоды Германскаго единства».
Мартъ. «Великобританскій лордъ и естественный человѣкъ».
Май. «Политическій гамлетизмъ XIX в.».
Іюнь. «Современный сфинксъ».
Іюль. «Эволюція вѣрующаго духа».
Августъ. «Incorrigée et incorrigibles».
Сентябрь. «Современная Италія».
Октябрь. «Литературная любовь».
Ноябрь. «Горькая участь одной молодой науки».
Декабрь. «Безумецъ или мученикъ».

1899.

Январь. «Гдѣ настоящая Франція?»
Февраль. «Культурныя задачи грядущаго вѣка».
Мартъ. «Европейская политика въ борьбѣ за справедливость и гуманность».
Апрѣль. «Schicksalmensch». По поводу воспоминаній князя Бисмарка.
Іюнь. «О театрѣ и идеяхъ».
Августъ. «Культурные и соціальные вопросы нашего времени при свѣтѣ германской исторіи».
Сентябрь. «О политикѣ и соціологіи въ современной Франціи».

На разныя темы.

1901.

Январь. О культурной буржуазности.—Новая драма Гауптмана.—Изъ новѣйшей литературы о Ницше. *Петра Струве.*

Мартъ. Русскій демократъ г. Сурковъ и прусскій монархистъ Лассаль (къ характеристикѣ Лассаля).—Въ чемъ смыслъ моего «призыва». *П. Струве.*

Іюнь. Нетерпимость ортодоксальнаго марксизма.—Теоретически несостоятельное и практически предосудительное «чтеніе въ мысляхъ», практикуемое ортодоксами подъ видомъ психологическихъ экскурсій.—Субъективный методъ г. Михайловскаго упраздненъ имъ самимъ въ февралѣ 1901 года.—Когда появились неортодоксальные марксисты и начался критическій поворотъ въ русскомъ марксизмѣ? Нѣсколько словъ о моемъ литературномъ развитіи.—Мнимое пораженіе и исчезновеніе марксизма.—Опасеніе г. Подарскаго и отставка, данная мнѣ г. Адамовичемъ. — Десятилѣтіе смерти Н. В. Шелгунова. — Идейная связь между его писаніями 1886—1891 гг. и умственнымъ движеніемъ 90-хъ гг. —Нѣсколько мыслей объ интеллигенціи и очередныхъ задачахъ нашего времени. *Петра Струве.*

Корреспонденціи (русскія).

1898.

Январь. «Женская субботняя еврейская школа въ Одессѣ» (письмо изъ Одессы). А. М.

Февраль. «Женскіе кустарные промыслы въ Тверской губерніи». *И. Краснонерова.*

Мартъ. «Моя думская практика» (очеркъ изъ быта рабочаго населенія въ Петербургѣ), женщины-врача *М. И. Покровской.*

Іюль. «Дни Бѣлинскаго въ Пензѣ» (26 и 27-го мая 1898 г.), письмо изъ Пензы *В. Острогорскаго.*

1899.

Февраль. «Домъ трудолюбія въ Самарѣ». *Ш. Н.*

Мартъ. «Письмо въ редакцію изъ Самары». *Чумаковъ.*

Іюнь. «VII-й Пироговскій съѣздъ русскихъ врачей въ Казани», врача *В. И. Бинштока.*

Іюль. «На голодѣ» (письмо въ редакцію). *Ек. Нелидовой.*

Октябрь. «Общественныя запашки въ Самарской г.». *И. Краснонерова.*

Декабрь. Письмо въ редакцію», д-ра *Шенъ.*—«Симпатичное общество» (письмо изъ Курска). *С. К—а.*

1900.

Мартъ. «Къ исторіи устройства общеобразовательныхъ курсовъ въ Россіи». *Н. К.*

Іюнь. «Картина кустарнаго производства въ с. Черкизовѣ». *П. Бѣлова.*

Іюль. «Общества взаимопомощи для рабочаго населенія г. Риги».

1901.

Мартъ. «Вопросъ объ организаціи общественнаго призрѣнія въ черниговскомъ губернскомъ земствѣ» (письмо изъ Чернигова). *У. Д—ва.*—«Борьба вятскаго земства съ лубочными изданіями» (письмо изъ Вятки). *Вятича.*

Апрѣль. «Народная школа въ Сѣверо-Западномъ краѣ» (письмо изъ Вильны). *М.*

Май. Хлѣбные ломбарды» (письмо изъ Вятки). *Вятича.*

Іюнь. «Санитарный вопросъ въ Кіевѣ», врача *Г. И. Гордона.*

Іюль. «Московское общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій». *Я.*

Августъ. «Кіевскія больницы», врача *Г. И. Гордона.*

Ноябрь. «Сельско-хозяйственное училище въ Вяткѣ». *Вятича.*

Декабрь. «Тамбовское просвѣтительное общество». *К--а.*

Корреспонденціи (иностранныя).

1898.

Январь. «Университетское движеніе въ Бельгіи» (письма изъ Брюсселя). *М. Гр.*

Февраль. «Домъ народа въ Брюсселѣ». *Анны Ф—ръ.*

Мартъ. «Школьный праздникъ въ Швейцаріи». *В. Францовой.*

Апрѣль. «Низкій процентъ рождаемости въ связи съ общественнымъ движеніемъ во Франціи» (письмо изъ Парижа). *П. Б.*

Августъ. «Изъ жизни современной Италіи» (письмо изъ Рима). *А. З—ю.*

Сентябрь. «Новый факторъ въ жизни современной Франціи» (изъ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій). *В. Битнера.*

Октябрь. «Нѣсколько словъ по поводу послѣднихъ событій во Франціи» (письмо изъ Парижа). *П. Б.*

Ноябрь. «Берлинскія студентки» (письмо изъ Берлина). *В. Вишневскаго.*

1899.

Январь. «Парижскіе народные университеты». *Ю. Надеждина.*

Апрѣль. «Домашній бытъ американскихъ рабочихъ».

Май. «Аграрный вопросъ въ Голландіи». *М. Рафаилова.*

Августъ. «На женскомъ международномъ конгрессѣ» (письмо изъ Лондона). *Л. Давыдовой.*

Сентябрь. «Даровой обѣдъ для бѣдныхъ дѣтей въ Боро» (Лондонъ).

Октябрь. «Новый школьный законъ въ Цюрихѣ» (письмо изъ Цюриха). *Н. Б—къ.*

Ноябрь. «Буры и ихъ страна».

Декабрь. «Новый профессіональный союзъ въ Англіи». *М. Рафаилова.* — «Южно-Африканская драма».—*Инъ.*

1900.

Январь. «Публичныя библіотеки-читальни въ Англіи» (письмо изъ Англіи). *Е. Б—вой.*

Іюнь. «Національный вопросъ въ Швейцаріи». *Р. Касперовича.*

Іюль. «Съ Парижской выставки». Общій обзоръ. *Хр. Георгіевича.*

Августъ. «Съ Парижской выставки. Конгрессъ лиги просвѣщенія и народное просвѣщеніе». *Хр. Георгіевича.*

Сентябрь. «Съ Парижской выставки. Техническій прогрессъ въ промышленности». *Хр. Георгіевича.*

Ноябрь. «Съ Парижской выставки. Французская живопись на выставкѣ». *Инсарова.*

Декабрь. «Изъ Германіи» (письма изъ Берлина). *М. Базарова.*

1901.

Январь. «Бирсекское производительно-потребительное товарищество». *В. Тотоміанца.*

Май. «Нищета въ Парижѣ» (письмо изъ Парижа). *Х. Г. Инс.*

Іюль. «Возрожденіе католицизма во Франціи» (письмо изъ Парижа). *Х. Г. Инс.*

Августъ. «Скрантонская школа» (письмо изъ Калифорніи). *І. Маевскаго.*

Сентябрь. «Народный домъ въ Берлинѣ» (письмо изъ Берлина). *Θ. Б.*

Октябрь. «Мистическая Франція» (письмо изъ Парижа). *Х. Г. Инс.*

Декабрь. «Нашествіе американцевъ». *Д. М—ва.*

Содержаніе постоянныхъ отдѣловъ за 1901 г.

Критическія замѣтки.

Январь. Прошлый годъ въ литературѣ.—Воспоминанія и юбилеи.—Скудные итоги художественнаго творчества.—Ростъ читателя.—Читатель и печать.—Полное собраніе сочиненій Гюи-де-Мопассана.—Пессимизмъ Мопассана.—Гдѣ причина безнадежнаго міросозерцанія этого автора.—Мопассанъ—жертва разлагающейся французской буржуазіи.—К. В. Назарьева.

Февраль. Новая повѣсть г. Боборыкина «Однокурсники».—Намѣчаемые имъ типы. Уравновѣшенные и идеалисты.—За кѣмъ побѣда въ окончательномъ итогѣ.—Памяти Лидіи Карловны Туганъ-Барановской.

Мартъ. «Сибирскіе разсказы г. Короленки».—Повѣсть о замерзшей совѣсти.—«Искорки» г. Рубакина.—Могутъ ли найденныя имъ «искорки» разгорѣться въ большое пламя.—Сороколѣтіе смерти Тараса Шевченки. Памяти В. А. Манасеина.

Апрѣль. Московскій художественный театръ.—Что такъ привлекаетъ къ нему публику?—Художественная постановка пьесъ и ихъ прекрасный подборъ.—Пьесы Чехова «Дядя Ваня» и «Три сестры».—«Докторъ Штокманъ», «Геншель» и «Одинокіе»

Іюнь. «Шагъ за шагомъ» (изъ записокъ учителя). И. Котлова.—Надежды и дѣйствительность современнаго педагога.—Почему надежды такъ скоро улетучиваются.—Бѣгство, какъ единственный выходъ изъ педагогической трясины.—Изъ текущей беллетристики: «Софья Пушкарева», повѣсть г. Гегидзе.—Воззваніе г. Мережковскаго «дѣтямъ» противъ «отцовъ».

Іюль. Изъ текущей беллетристики «Семья Зaравиныхъ» ром. В. Свѣтлова.—Удачно задуманные типы и ихъ крайне неудачное выполненіе.—Характерныя черты нашего времени въ этомъ романѣ.—Поэтъ-лауреатъ и поэтъ просто.—По поводу полныхъ собраній сочиненій Майкова и Фета.—Реторика Майкова и искренность Фета.—Странное мнѣніе о «философскомъ» значеніи Фета.—Фетъ меньше всего философъ.—Ограниченность поэзіи Майкова.—Поэты изъ «Міра Искусства».

Августъ. «Жестокіе», романъ г. Боборыкина.—Удачныя характеристики различныхъ настроеній.—Вѣрно подмѣченная общая черта—черствость и эгоизмъ.—«За десять лѣтъ практики». Ѳ. Павлова.—Интересныя наблюденія автора изъ фабричной жизни.—Отсутствіе тенденціозности и искренность автора.

Сентябрь. Въ мірѣ мерзости и запустѣнія. «Гимназическіе очерки» Б. Никонова. Гибель живой души въ мірѣ запустѣнія.—Исторія «перваго ученика».—Что могло спасти живую душу отъ гимназическаго мрака.—Почему старая гимназія такъ пагубно дѣйствовала на живыхъ людей.—«На распутьи», г. С. Кривенки.—Его запоздалый призывъ въ деревню.—Страничка изъ исторіи реакціонной прессы.—Г. Филипповъ, предающій гласности редакціонныя тайны «Рус. Обозрѣнія».

Ноябрь. Пророчества г. Мережковскаго.—Его противопоставленіе Россіи и Запада.—Его характеристика Толстого и Достоевскаго.—Недоброжелательство и придирчивая мелочность его къ Толстому.—Памяти Добролюбова.—Сороколѣтіе его смерти.

Декабрь. «Идеалы общаго образованія» г. Карѣева.—Въ чемъ заключается центръ проблемы образованія.—Общее и спеціальное образованіе.—Ихъ гармоничное сочетаніе.—«Новое о Пушкинѣ» г. Щеглова.—Нѣкоторыя его открытія.—Прототипъ Сальери.—Неудачныя догадки г. Щеглова.

На родинѣ.

Январь. Народные дома и театры.—Попытка перехода отъ участковаго землепользованія къ общему.—Расхищеніе башкирскихъ лѣсовъ.—Русскіе поселенцы въ Канадѣ.—Сектанты въ Кіевской губ.—Переселенцы въ Степной области.—Превышеніе власти.—Чествованіе Генриха Сенкевича.

Февраль. О нижегородской «неблагонадежности».—Нарушеніе границы скопомъ.—Наши тюрьмы.—Причины экономическаго упадка крестьянства по земскимъ отзывамъ.—Несчастный край.—Положеніе горнорабочихъ на югѣ Россіи.—Новая община сестеръ милосердія.—За мѣсяцъ.

Мартъ. Финляндская манифестація въ Гельсингфорсѣ.—Полицейская расправа.—Бакинское пожарище. Деревня безъ земства.—За мѣсяцъ.

Апрѣль. Народный университетъ въ Одессѣ.—Отношеніе крестьянъ къ грамотности.—Рѣчь костромского епископа Виссаріона о школѣ, печати и театрѣ.—Баптизмъ и штунда.—На Сахалинѣ.—Изъ жизни въ Манчжуріи.—Агрономическій съѣздъ.—Съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія.—За мѣсяцъ.

Май. Крестьянскіе начальники въ Тобольской губерніи.—Исторія одного переселенія.—Земецъ новѣйшей формаціи.—Лекція А. Ѳ. Кони о задачахъ Россійскаго общества защиты женщинъ въ борьбѣ съ проституціей. О поврежденіи современныхъ нравовъ.—Наша бѣдность.—Въ защиту поруганныхъ и развращенныхъ.—Елецкіе мужики въ Берлинѣ.—И. И. Свѣдѣнцовъ-Ивановичъ (некрологъ).—За мѣсяцъ.

Іюнь. Обнищаніе деревни.—Дударковская эпопея.—Къ вопросу о дворянскомъ землевладѣніи.—Эпизоды изъ области провинціальной печати.—Изъ семинарской жизни.—Къ характеристикѣ еврейскаго читателя.—За мѣсяцъ.

Іюль. Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.—Общество взаимопомощи рабочихъ въ Москвѣ.—Перерожденіе артели.—Къ характеристикѣ «Губернскихъ Вѣдомостей».—Среди голодающихъ.—Адскія машины.—За мѣсяцъ.

Августъ. Л. Н. Толстой и московскіе трезвенники.—Злоключеніе корреспондента.—Къ характеристикѣ почтово-телеграфной службы.—Фальсификація пищевыхъ продуктовъ.—Въ погонѣ за званіемъ.—Австрійцы въ крѣпостной зависимости у русскаго помѣщика.—За мѣсяцъ.

Сентябрь. Еще о гр. Л. Н. Толстомъ.—Сибирскій купецъ—ученикъ декабристовъ.—Жестокій промыселъ.—Духоборы въ Канадѣ.—Третій элементъ въ земствѣ.—Мѣстные обычаи въ волостныхъ судахъ.—За мѣсяцъ.

Октябрь. Петербургскій университетъ объ университетской реформѣ.—Опытъ насажденія дворянскаго землевладѣнія.—Въ московскомъ обществѣ взаимопомощи рабочихъ.—Труженики моря.—Эксплуатація темноты.—За мѣсяцъ.

Ноябрь. Земскіе бюджеты.—Въ поселкѣ г. Пороховщикова.—Харьковскій самозванецъ.—Воспоминаніе о Чернышевскомъ.—Первая пьеса М. Горькаго.—За мѣсяцъ.—Некрологи.

Декабрь. Музей содѣйствія труду. — Народная школа въ отзывахъ крестьянъ. — Исповѣдь земскаго начальника. — Рѣдкій самозванецъ. — Филантропъ-аскетъ.—За мѣсяцъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Январь. Академія художествъ въ 50-ые годы.—Женскія общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ въ Лондонѣ—Письмо Чаадаева.—Аскетизмъ и исторія русской общественности въ изображеніи г. Скабичевскаго.—О воспитаніи общественныхъ привычекъ въ нашей школѣ.—Особенности избиратель-

ной борьбы въ Англіи.—Свидѣтельство очевидца объ Аракчеевѣ.—«Вѣстникъ Всемірной Исторіи» за 1900 г.

Февраль. Устройство подвижныхъ школьныхъ музеевъ.—Влад. Соловьевъ.—Смѣна общественныхъ настроеній въ XIX в.—Новая женщина въ современной западной литературѣ.—Новыя вѣянія въ сценическомъ искусствѣ.—«Русскій Манчестеръ».—Возрожденіе ирландской національной борьбы.

Мартъ. Педагогическіе идеалы буржуазіи.—Заброшенныя учебныя заведенія.—Новѣйшая польская литература.—Самая передовая страна въ мірѣ.—Положеніе русской кустарной промышленности.—Итоги Парижской выставки 1900 года.

Апрѣль. Королева Викторія.—Итоги буржуазной культуры.—Сорокалѣтіе крестьянской реформы.—Къ біографіи Шевченки.—Наши книжные склады.—«Литературный Вѣстникъ», №№ 1, 2.

Май. Культъ Ницше.—Герценъ и Тургеневъ.—Высочайшій рескриптъ 25-го марта.—Попытки поддержать кустарное производство.—Принялъ ли императоръ Александръ I католичество передъ смертью.—Проектъ конституціи александровскаго времени (1818 г.).—Студенческій союзъ въ Даніи.—Французскій критикъ о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого.

Іюнь. Японская журналистика.—Юбилей государственнаго совѣта.—Король Штуммъ.—Община хищниковъ-золотоискателей.—Декабристъ Ник. Ив. Тургеневъ.—Американскіе университеты.

Іюль. Избирательная борьба въ Америкѣ.—Къ реформѣ учебнаго дѣла.—О патріотизмѣ и національзмѣ.—За Пиренеями.—Къ характеристикѣ Клейнмихеля.—Борьба императора Николая I съ канцелярской рутиной.

Августъ. Организація народнаго образованія во Франціи.—Учебная реформа.—Крестьянская реформа въ Юго-Западномъ краѣ.—Борьба со старостью.—Ѳ. М. Рѣшетниковъ.

Сентябрь. Теорія и практика земской статистики.—Картина хозяйственнаго быта деревни при свѣтѣ статистическихъ изслѣдованій.—Значеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ на мусульманскомъ востокѣ.—Отношеніе къ ницшеанству современныхъ общественныхъ партій.

Октябрь. Вл. В. Лесевичъ объ Оливѣ Шрейнеръ.—Наши церковныя школы.—Лондонское самоуправленіе.—Современное положеніе земства.—Бѣлинскій и Грановскій.

Ноябрь. Убійство А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ.—Къ вопросу объ университетской реформѣ.—Декабристъ кн. А. И. Одоевскій.—Воспоминанія г-жи Цебриковой.—Американская культура.

Декабрь. «У казаковъ». В. Г. Короленко.—Новый критикъ М. Горькаго.—Воспоминанія Д. Ахшарумова.—Молодая Германія и прусская цензура.

За границей.

Январь. Англійская общественная жизнь.—Два конгресса въ Южной Африкѣ.—Школьная реформа въ Германіи и другія дѣла.—Эпизодъ изъ жизни китайскаго императора.—Изъ хроники женскаго движенія.—Ростъ американскихъ городовъ.

Февраль. Королева Викторія.—Университетскіе дебаты въ Англіи.—Австралійская федерація.—Новая школа во Франціи и общество соціальнаго воспитанія. Арнольдъ Бёклинъ.

Мартъ. Перемѣна царствованія въ Англіи.—Максъ фонъ-Петтенкоферъ.—Вопросы общественной жизни и воспитанія во Франціи.—Въ Швеціи.—Изъ

жизни въ Америкѣ.—Испанскій кризисъ.—Китайскій посланникъ въ роли публичнаго лектора.—Изъ области женскаго движенія.

Апрѣль. Общественная жизнь въ Германіи.—Ирландцы въ англійскомъ парламентѣ; недостатокъ жилищъ и другіе вопросы англійской современной жизни.—Новое учрежденіе въ Брюсселѣ.—Школа буровъ.—Въ скандинавскихъ странахъ.—Колонія плѣнныхъ буровъ на Цейлонѣ.—Новая книга о дѣлѣ Дрейфуса.

Май. Антиклерикальное движеніе въ Испаніи.—Японія въ соціальномъ и политическомъ отношеніи.—Общественная дѣятельность въ Германіи.—Парижскія событія: международный конгрессъ академій; мемуары Жюля Симона и др.—Изъ американской жизни: международный театръ; отели для рабочихъ.—Женщина въ Бирмѣ.—Федеративное поселеніе въ Новой Зеландіи.

Іюнь. Безпорядки въ Барселонѣ и каталонское движеніе.—Нескончаемая война.—Англійскія политическія и общественныя дѣла.—Дневникъ Альфреда Дрейфуса.

Іюль. Французскіе конгрессы. — Двѣ смерти. — Итальянскіе крестьянскіе союзы.—Народныя собранія въ Швейцаріи.—Монастырскій вопросъ въ Испаніи.—Артуръ Шницлеръ передъ судомъ чести и др. дѣла въ Австріи.

Августъ. Годовщина націи. — Сенсаціонный докладъ. — Изъ французской жизни.—Въ Германіи.—Турецкая медицина.

Сентябрь. Имперіализмъ и его вліяніе на политическіе нравы Англіи.—Статистика войны.—Общественные вопросы въ Германіи.—Американскія жилища для рабочихъ и школы.—Полярныя экспедиціи.—Антиклерикальное движеніе въ Италіи; муниципальные музеи.—Корейское правосудіе.—«Журналы для всѣхъ».

Октябрь. Стоимость побѣды; эмиграція ирландцевъ и др. англійскія затрудненія.—Ростъ человѣчества за сто лѣтъ.—Олива Шрейнеръ.—Испанскія волненія; священникъ въ роли драматурга и т. д.—Женское волненіе въ Болгаріи.

Ноябрь. Англія въ трудномъ положеніи. — Въ Германіи. — Полярныя экспедиціи.—Институтъ Нобеля.—Погребенные города.

Декабрь. Общественная жизнь въ Германіи. — Юбилей одного ферейна. — Выборы въ Нью-Іоркѣ.—Американскіе милліонеры.—Женскій образовательный союзъ во Франкфуртѣ.—Изъ мемуаровъ Жюля Симона.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Январь. О роли женщины въ обществѣ.—Плѣнные буры на о-вѣ св. Елены.—Книга китайскаго императора о реформахъ Китая.—Лѣтнія школы для городскихъ дѣтей въ Америкѣ.

Февраль. Антимилитаризмъ въ Германіи.—Университетскіе дебаты въ Англіи.—Австралійская федерація.—Новая школа во Франціи и общество соціальнаго воспитанія.—Арнольдъ Бёклинъ.

Мартъ. Гаремъ султана.—Союзъ матерей.—Бурскія характеристики.—Воспоминанія объ Андре.—Цивилизованные европейцы и нецивилизованный Китай.

Апрѣль. Во что обходится имперская война.—Космополитизмъ и націонализмъ.—Интервью съ Крюгеромъ и воспоминаніе о немъ.—Газетный синдикатъ.

Май. Пережитое въ Антарктическомъ морѣ.—Безмолвный городъ.—Армянскій патріотъ Тигранъ Іергамъ.—Успѣхи женскаго движенія во Франціи.—Великая энциклопедія.

Іюнь. Организація помощи заключеннымъ во Франціи. — Клубъ женщинъ клерковъ въ Сити.—Американскій «блицардъ» и его послѣдствія.—Психологія китайскаго народа.—Темныя и свѣтлыя стороны французскиго воспитанія.

Іюль. Enquete относительно образа мыслей французской молодежи.—Первые шаги Эмиля Зола на литературномъ поприщѣ. — Умственное переутомленіе школьниковъ.—Защита врачей.—Лиссабонскіе колдуньи.

Августъ. Нѣмецкое происхожденіе марсельезы.—Мнѣніе японскаго писателя о разныхъ европейскихъ націяхъ. — Крестовый походъ противъ пьянства. — Нужны ли литературные псевдонимы.

Сентябрь. Мнѣнія французскихъ писателей о разводѣ. — Международный языкъ.—Сербія.—Крестьянское государство и рай женъ. — Значеніе смертной казни.—Торговля людьми въ Африкѣ.

Октябрь. Буддійское воззваніе.—Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей въ Соединенныхъ Штатахъ. — Покинутые города. — Борьба съ чумой въ царствованіе Людовика XIX.—Островъ смерти.—Буддизмъ въ Америкѣ.—Неизданныя письма Гейне.—Телефонная газета.

Ноябрь. Разница въ уголовной отвѣтственности мужчинъ и женщинъ.—Послѣдняя статья Вольтера Безанта.—Идеальная школа по мысли одного американскаго профессора.—Фотографированіе дикихъ животныхъ.

Декабрь. Происхожденіе первобытной промышленности.—Афганскій эмиръ и его дворъ.—Приговоръ Лабори относительно дѣла Дрейфуса и его мірового значенія.—Президентъ Рузевельтъ въ качествѣ журналиста.

Научная хроника.

Январь. Объ измѣненіи химическихъ свойствъ нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ при прибавленіи къ нимъ крайне незначительнаго количества постороннихъ веществъ. — Внезапное появленіе новаго вида. — Заразныя болѣзни и носовой платокъ. *В. Агафонова.*—С. И. Коржинскій (некрологъ). *И. Барановскаго.*

Февраль. Газы аргонъ-геліевой группы и періодическая система элементовъ. — Золото въ растеніяхъ. *В. Агафонова.* — Потэнъ (некрологъ), д-ра *Левашова.*

Мартъ. Внезапное появленіе новой блестящей звѣзды «Nova Persei». — Силы давленія лучистой энергіи. — О слезахъ и смѣхѣ животныхъ. — О симбіозѣ муравьевъ и гусеницъ.—Химія въ археологіи. *В. Агафонова.*

Апрѣль. Этнографія: истерія и боксеры въ Китаѣ.—Геологія: химическая и геологическая исторія атмосферы. — Біологія: новыя изслѣдованія надъ сезоннымъ диморфизмомъ. *Н. М.*

Май. Послѣднія данныя о «Nova Persei». — Новое опредѣленіе скорости свѣта. — Диффузія золота въ свинецъ въ твердомъ состояніи и при обыкновенной температурѣ. *В. Агафонова.*

Іюнь. Астрономія и метеорологія.—Техника. *В. Агафонова.*

Іюль. Физическая географія.—Метеорологія.—Физика *В. Агафонова.*

Августъ. Астрономія. *В. Агафонова.*

Сентябрь. Астрономія.—Физическая географія *В. Агафонова.*

Октябрь. Гигіена. *В. Агафонова.*

Ноябрь. 80-лѣтняя годовщина Рудольфа Вирхова.—† Адольфъ-Эрикъ Норденшильдъ.—Къ вопросу о происхожденіи видовъ. *В. Агафонова.*

Декабрь. Живая матерія.—Всѣ ли яйца пчелъ оплодотворены.—О поглощеніи углекислаго газа хлорофиломъ, извлеченнымъ изъ растеній *В. Агафонова.*—А. О. Ковалевскій. *П. Ю. Ш—то.*

КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

Въ 1901 году экземпляры «Міра Божія» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

		экз.				экз.
1.	С.-Петербургская губ.	183	1252	20.	Орловская губ.	123	171
	Петербургъ	1069			Орелъ	48	
2.	Московская губ.	185	1007	21.	Нижегородская губ.	91	167
	Москва	822			Н.-Новгородъ	76	
3.	Кіевская губ.	200	490	22.	Тверская губ.	120	163
	Кіевъ	290			Тверь	43	
4.	Херсонская губ.	230	487	23.	Курская губ.	106	161
	Херсонъ	267			Курскъ	55	
5.	Харьковская губ.	166	344	24.	Смоленская губ.	106	157
	Харьковъ	178			Смоленскъ	51	
6.	Пермская губ.	248	321	25.	Кубанская обл.	101	150
	Пермь	73			Екатеринодаръ	49	
7.	Екатеринославская губ.	233	316	26.	Волынская губ.	122	150
	Екатеринославъ	83			Житоміръ	28	
8.	Саратовская губ.	206	307	27.	Воронежская губ.	100	147
	Саратовъ	101			Воронежъ	47	
9.	Таврическая губ.	236	284	28.	Лифляндская губ.	70	147
	Симферополь	48			Рига	77	
10.	Полтавская губ.	205	262	29.	Бессарабская губ.	105	146
	Полтава	57			Кишиневъ	41	
11.	О. В. Д.	163	245	30.	Владимірская губ.	125	146
	Ростовъ на Дону	82			Владиміръ	21	
12.	Черниговская губ.	174	209	31.	Иркутская губ.	60	136
	Черниговъ	35			Иркутскъ	76	
13.	Казанская губ.	77	203	32.	Бакинская губ.	37	132
	Казань	126			Баку	95	
14.	Самарская губ.	106	197	33.	Пензенская губ.	87	130
	Самара	91			Пенза	43	
15.	Тифлисская губ.	42	192	34.	Минская губ.	80	130
	Тифлисъ	150			Минскъ	50	
16.	Тамбовская губ.	142	192	35.	Костромская губ.	83	124
	Тамбовъ	50			Кострома	41	
17.	Подольская губ.	169	186	36.	Рязанская губ.	85	123
	Каменецъ-Подольскъ	17			Рязань	38	
18.	Вятская губ.	137	176	37.	Уфимская губ.	80	118
	Вятка	39			Уфа	38	
19.	Томская губ.	88	175	38.	Варшавская губ.	33	119
	Томскъ	87			Варшава	86	

№		экз.	
39.	Ярославская губ.	69	118
	Ярославль	49	
40.	Забайкальская губ.	86	111
	Чита	25	
41.	Новгородская губ.	85	108
	Новгородъ	23	
42.	Приморская губ.	82	112
	Владивостокъ	30	
43.	Тобольская губ.	86	107
	Тобольскъ	21	
44.	Тульская губ.	54	102
	Тула	48	
45.	Енисейская губ.	56	101
	Красноярскъ	45	
46.	Витебская губ.	78	100
	Витебскъ	22	
47.	Симбирская губ.	64	99
	Симбирскъ	35	
48.	Терская обл.	58	90
	Владикавказъ	32	
49.	Кутаисская губ.	62	85
	Кутаисъ	23	
50.	Гродненская губ	66	84
	Гродно	18	
51.	Могилевская губ.	66	84
	Могилевъ	22	
52.	Астраханская губ.	20	81
	Астрахань	61	
53.	Калужская губ.	39	77
	Калуга	38	
54.	Курляндская губ.	52	70
	Либава	18	
55.	Виленская губ.	21	70
	Вильна	49	
56.	Ковенская губ.	41	63
	Ковно	22	
57.	Оренбургская губ.	43	61
	Оренбургъ	18	
58.	Псковская губ.	47	71
	Псковъ	24	
59.	Вологодская губ	38	64
	Вологда	26	
60.	Ставропольская губ.	27	60
	Ставрополь	33	
61.	Закаспійская обл.	35	58
	Асхабадъ	23	
62.	Акмолинская губ.	14	55
	Омскъ	41	

№		экз.	
63.	Сыръ-Дарьинская обл.	8	47
	Ташкентъ	39	
64.	Петроковская губ.	19	45
	Лодзь	26	
65.	Люблинская губ.	34	43
	Люблинъ	9	
66.	Архангельская губ.	16	41
	Архангельскъ	25	
67.	Амурская обл.	19	40
	Благовѣщенскъ	21	
68.	Уральская обл.	16	35
	Уральскъ	19	
69.	Эриванская обл.	23	34
	Эривань	11	
70.	Семирѣченская обл.	16	30
	Вѣрный	14	
71.	Олонецкая губ.	23	29
	Петрозаводскъ	6	
72.	Елисаветпольская губ.	19	28
	Елисаветполь	9	
73.	Якутская обл.	9	28
	Якутскъ	19	
74.	Семипалатинская обл.	14	28
	Семипалатинскъ	14	
75.	Сѣдлецкая губ.	20	28
	Сѣдлецъ	8	
76.	Сувалкская губ.	20	27
	Сувалки	7	
77.	Самаркандская обл.	5	20
	Самаркандъ	15	
78.	Черноморскій окр.	4	19
	Новороссійскъ	15	
79.	Финляндія		14
80.	Карская обл.		14
81.	Ломжинская губ.		12
82.	Ферганская обл.		13
83.	Дагестанская обл.		13
84.	Эстляндская губ.		10
85.	Тургайская обл.		8
86.	Калишская губ.		7
87.	Плоцкая губ.		7
88.	Радомская губ.		6
89.	Кѣлецкая губ.		5
90.	Закатальскій окр.		2
	Манчжурія		7
	За границу		129
	Итого		12362

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.